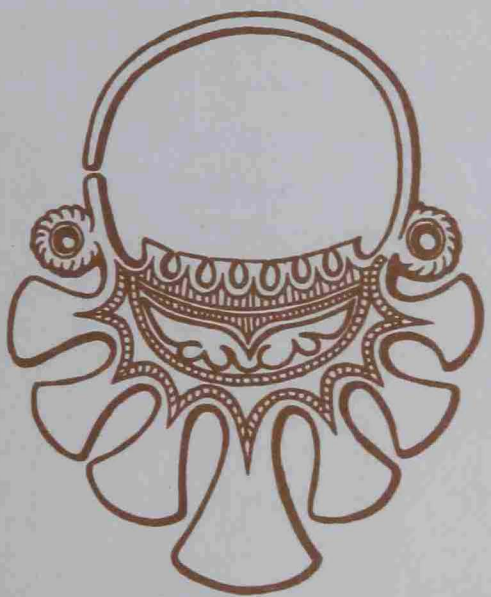
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1996 2

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р.М. Мунчаев (председатель),

Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, Н.Я. Мерперт,
М.Г. Мошкова, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.И. Гуляев (главный редактор),

Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев (зам. главного редактора),
А.Н. Гей, И.С. Каменецкий, Г.А. Кошеленко,
Н.А. Макаров, В.С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е.Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1996 2

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Розуа Ж.-Ж. Копьеметалка и лук доисторических охотников. Техника и сравнительная демография . 5
Беседин В.И., Сафонов И.Е. Числа в орнаментации керамики срубной культуры 22
Фролова Н.А. Монетное дело Боспора середины VI–V в. до н.э. 34
Марченко К.К. Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи 70
Винокуров Н.И. Монолитные винодельческие сооружения Боспора 81
Алексеев Л.В. Домонгольская архитектура Полоцкой земли в историческом осмыслении 96
Чернов С.З. Сельские монастыри XIV–XV вв. на северо-востоке Московского княжества по археологическим данным 111

Публикации

Телегин Д.Я. Посульская группа палеолитических стоянок на Нижнем Днепре 131
Сергин В.Я. Палеолитические жилища поселения Мальта (раскопки 1928–1932 гг.) 143
Мордвинцева В.И. О вторичном использовании ахеменидских блюд из Прохоровского кургана 155
Сапрыкин С.Ю., Чевелев О.Д. Фрагмент греческой надписи из Пантикапея: к вопросу об организации боспорских религиозных союзов 161
Маслов В.Е., Яблонский Л.Т. Могильник Гяур-IV в Северной Туркмении 168
Плетнева С.А. Металлургический и кузнечный комплексы Саркела 182
Недошивина Н.Г. Ритуальные литые фигурки со святилищ острова Вайгач 198
Захаров С.Д. Железные наконечники стрел из Белоозера 207
Панова Т.Д., Колызин А.М. Клад Смутного времени из Московского Кремля 219

© Российская академия наук.
Институт археологии, 1996 г.

Критика и библиография

Кореневский С.Н. Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994 221
Косарев М.Ф. *Членова Н.Л.* Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994 229
Сердитых З.В., Кошеленко Г.А. *Mathiesen H.E.* Sculpture in the Parthian Empire. A Study in Chronology. V.I–II. Aarhus, 1992 231

Хроника

Маркин С.В. Итоги деятельности Института археологии и этнографии СО РАН в 1988–1994 гг. по изучению каменного века Азии 239
Бунятов Т.А., Мунчаев Р.М., Нариманов И.Г. Памяти Джаббара Асадулла оглы Халилова (1928–1994) 248
Смирнов К.А. Памяти Екатерины Ивановны Горюновой (1902–1995) 250
Бродянский Д.Л., Медведев В.Е., Хорев В.А. Памяти Виталия Дмитриевича Ленькова (1938–1995) . 252
Памяти Юрия Михайловича Десятчикова (1940–1995) 254

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1996 2

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V.I. Gulyaev

CONTENTS

Rozoy J.G. Spearthrower and Bow of the Pre-historical Hunters. Techniques and Comparative Demography 5
Besedin V.I., Safonov I.E. Numbers in the Timber-Grave Culture Ceramics Ornamentation 22
Frolova N.A. The Mintage of Bosporus in the 6th-5th Centuries B.C. 34
Martchenko K.K. The Third Stabilization in the Northern Pontic Area in the Antiquity 70
Vinokurov N.I. The Monolithic Wine-making Buildings of Bosporus 81
Alexeev L.V. The Pre-Mongol Architecture in the Land of Polotsk (from the historical point of view) 96
Tchernov S.Z. Rural Monasteries of the 14th-15th Centuries in the North-East of Moscow Principality According to the Archaeological Data 111

Publications

Telegin D.J. The Group of Palaeolithic Sites in the Sula River Basin 131
Sergin V.J. The Dwellings Discovered during the First Excavations of Malta Settlement 143
Mordvintseva V.I. Concerning the Use of Prokhorovsky Dishes 155
Saprykin S.J., Tchevelev O.D. Fragments of a New Greek Inscription from Panticapaeyn: Concerning the Organization of Bosporus Religious Unions 161
Maslov V.E., Jablonsky L.T. Giaour-IV Burial-ground in the Northern Turkmenia 168
Pletnjeva S.A. The Metallurgical and Blacksmith' Complexes of Sarkel 182
Nedoshivina N.G. The Ritual Casted Figurines from the Sanctuaries of Vaigatch Island 198
Zakharov S.D. The Iron Arrow-heads from Beloozero 207
Panova T.D., Kolyzin A.M. The Hoard of the Time of Troubles from Moscow Kremlin 219

Critique and Bibliography

Korenevsky S.N. Arkheologija. Epokha Bronzy Kavkaza i Srednei Azii. Rannjaja i Srednjaja Bronza Kavkaza. M., 1994 221
Kosarev M.F. *Tchlenova N.L.* Pamjatniki kontsa epokhy Bronzy v Zapadnoi Sibiri. M., 1994 229
Serditykh Z.V., Koshelenko G.A. *Mathiesen H.E.* Sculpture in the Parthian Empire. A Study in Chronology. Vol. I–II. Aarhus, 1992 231

Chronicle

Markin S.V. The Results of the Work Made by the Institute of Archaeology and Ethnography (the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences) Concerning the Studies of the Asia Stone Age in 1988–1994 239

Bunjatov T.A., Munchaev R.M., Narimanov I.G. In Memory of Djabbar Asadulla ogly Khalilov (1928–1994) 248

Smirnov K.A. In Memory of Ekateirna Ivanovna Gorjunova (1902–1995) 250

Brodjansky D.L., Medvedev V.E., Khorev V.A. In Memory of Vitaly Dmitrievitch Lenkov (1938–1995) 252

In Memory of Jury Mikhailovitch Desjatchikov (1940–1995) 254

ЖАН-ЖОРЖ РОЗУА

КОПЬЕМЕТАЛКА И ЛУК ДОИСТОРИЧЕСКИХ ОХОТНИКОВ. ТЕХНИКА И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Доистория призвана реконструировать непосредственно жизнь наших предков. Разногласий по этому поводу почти нет. Способы охоты, а также численность и структура населения, бесспорно, не отражают всех сторон жизни, но для изучения культуры охотников они, несомненно, важны. В настоящее время этим проблемам уделяется слишком мало внимания, возможно, по причине разногласий о средствах для их изучения и в определении той меры, в какой эта цель может быть достигнута. Но образ жизни в мадлене и эпипалеолите достаточно близок, что позволяет делать некоторые сравнения (Rozoy J.C., 1985, p. 245–252).

Копьеметалка и дротик. Собственно копьеметалка представляет собой простую палку с крючком. Экземпляры, относящиеся к мадлену, имеют небольшие размеры (от 10 до 30 см), на всех целых экземплярах обнаружены приспособления для крепления на рукояти, вероятно деревянной (Stodiek U., 1992. P. 317–331). На всех крючках выявлены следы, аналогичные получаемым в результате экспериментов (Cattelain P., 1986, p. 193–205; 1988–89, p. 7–16; 1989, p. 213–216; 1991, p. 74–81). Современные копьеметалки – длиной 50–90 см и диаметром 2–4 см очень разнообразны по форме, некоторые из них представляют собой дощечки шириной до 10 см (Cattelain P., 1988; Cattelain P., Stodiek U., 1992). Техника броска простая (рис. 1) и использует мускульную силу охотника. Плечо рычага, образованного орудием, значительно увеличивает начальную скорость, но без предварительного накопления энергии. Используемые при этом дротики достигали в длину 3 м и более. Поскольку сила прилагается к концу древка, а не к его середине, диаметр древка должен составлять не менее 13–15 мм, что позволяет избежать повреждения при броске или при поражении цели. Точность попадания увеличивается, если древко удлинить (240 или еще лучше 270 см). Таким образом бросают дротики, весящие от 150 до 250 г, оснащенные наконечником из кости, рога северного оленя или из кремня весом 10–50 г, который обеспечивает одновременно равновесие снаряда (спереди требуется чуть больший вес) и хорошее проникание в тело животного. Размеры и вес наконечников дротиков, найденных в культурном слое, подтверждают, что наши эксперименты соответствуют палеолитической реальности. Оснащение производится с помощью сложной мастики (наилучшей является смесь сосновой смолы и пчелиного воска) и сопровождается обмоткой из кишок или сухожилий (Stodiek U., 1990, p. 10, 11). Мы не располагаем следами от оперения, но экспериментальные исследования и данные этнографии убеждают нас в его пользе. Оно также приклеивалось с помощью смолы и привязывалось.

Копьеметалка представляет собой значительный прогресс по сравнению с бросанием дротика рукой. Дальнобойность и проникание значительно увеличились. На расстоянии свыше 20–30 м, как показывают эксперименты, эти показатели заметно ухудшаются (Stodiek, 1990). Однако это уже большое преимущество – послать дротик на расстояние 20–30 м вместо 5–10 – как с точки зрения трудности приближения к дичи, так и в смысле опасности.

Способы охоты с применением копьеметалки – это скрадывание и засада, а также загон, на что указывают некоторые крупные мадленские стоянки, расположенные

© Жан-Жорж Розуа, 1996 г.
© Перевод с французского О.В. Лозовской, 1996 г.

Рис. 1. Загонная охота на северного оленя с помощью копьеметалки и дротиков (© CEDARK, 1990)

в узких проходах (Петерсфельс, Швайцерсбильд, Кесслерлох (Weniger C.D., 1982), Ля Гарен (Allain J., 1989, p. 169)). Для загонной охоты первичные охотничьи группы должны быть многочисленными: не менее 40–50 человек. Это вполне соответствует размерам многих мадленских стоянок (Albrecht G. et al., 1983, p. 125–127), хотя известны также и маленькие, которые можно рассматривать либо как саттелиты предыдущих, либо как стоянки иного назначения, возможно, сезонного характера.

Копьеметалка появилась в мадлене, где известны находки из рога северного оленя, датирующиеся средним мадленом. Они также могли существовать и раньше, но изготовленные из дерева. К раннему солютре относится один фрагмент (крючок), который можно рассматривать как часть копьеметалки (Cattelain P., 1989, p. 213–216). Копьеметалки исчезают в конце мадлена, после этого периода не было найдено ни 1 экз. Размеры и в особенности вес элементов вооружения начиная с азиля на большинстве стоянок абсолютно несовместимы с их использованием (Rozoy J.G., 1978, p. 1010; 1989b, p. 13–28).

Лук и стрела. Лук – это механизм, накапливающий энергию, которая выпускается с одного выстрела. За исключением болы, доказательство существования которой недостаточно достоверно, это первая машина, придуманная человеком. Техническая культура здесь довольно высока. Нужно выбрать хорошее дерево (в Холмегарде за неимением тиса простые изогнутые луки изготовлялись из вяза и имели 150–160 см в длину) (Mathiassen Th., 1948), обработать палку скоблением с учетом направления и соотношения волокон луба и сердцевины дерева, умело изготовить рукоять и выемки для тетивы, смазать, сплести тетиву... На изготовление хорошего охотничьего лука требуется не менее 3 дней (Pope S.T., 1962; Rozoy J.C., 1978, p. 1008–1020).

Стрелы имеют в длину от 50 до 90 см при диаметре 6–10 см, вес их колеблется от 10 до 30 г. Стрелы из Лосхульта были изготовлены из ствола или толстых веток сосны (в их распоряжении были только сосна и ива). Они были оснащены на конце вкладышами весом от 0,5 до 2 г и часто дополнялись одним или двумя боковыми лезвиями (рис. 2). Функция боковых лезвий состояла в том, чтобы расширить открытую рану

косым лезвием наконечника и облегчить путь стреле в тело зверя. Это объясняет прекрасную проникательную способность: в зубре из Прехлеруп было обнаружено 15 вкладышей (Fischer A., 1989, p. 29–39; Rozoy J.G., 1992a, p. 29–38). Были также найдены вкладыши в торфе, закрепленные на древках; другие – застрявшие в кости, причем иногда с внутренней ее поверхности (зубры из Виг); третьи – со следами мастики от закрепления (Rozoy J.G., 1978, p. 949–958; 1992a, p. 29–38).

Массовые находки микролитических вкладышей весом менее 10 г доказывают использование лука и стрел. Все трасологические исследования следов износа на эпипалеолитических вкладышах выявили признаки только продольных ударов. Оперение, зафиксированное по следам обвязки, предполагает использование больших перьев.

Стрела летит со скоростью 100 км/ч и пробивает насквозь медведя или лося с расстояния 50 м (Pope S.T., 1962). Лук намного более точен, чем копьеметалка, это его главное преимущество. Он позволяет убивать с большего расстояния, поэтому намного легче становится приближение к дичи, что значительно увеличивает безопасность, эффективность и продуктивность охоты. Лук также вызвал важные социальные изменения: отпала необходимость загонной охоты, появилась возможность жить маленькими группами. Это доказывают тысячи маленьких стоянок эпипалеолитических (мезолитических) лучников, жилая площадь и численность орудий которых значительно меньше, чем на палеолитических поселениях. Загонная охота используется теперь лишь во время ежегодных собраний больших групп охотников, изображения которых фигурируют на скальных панно именно в силу своей исключительности.

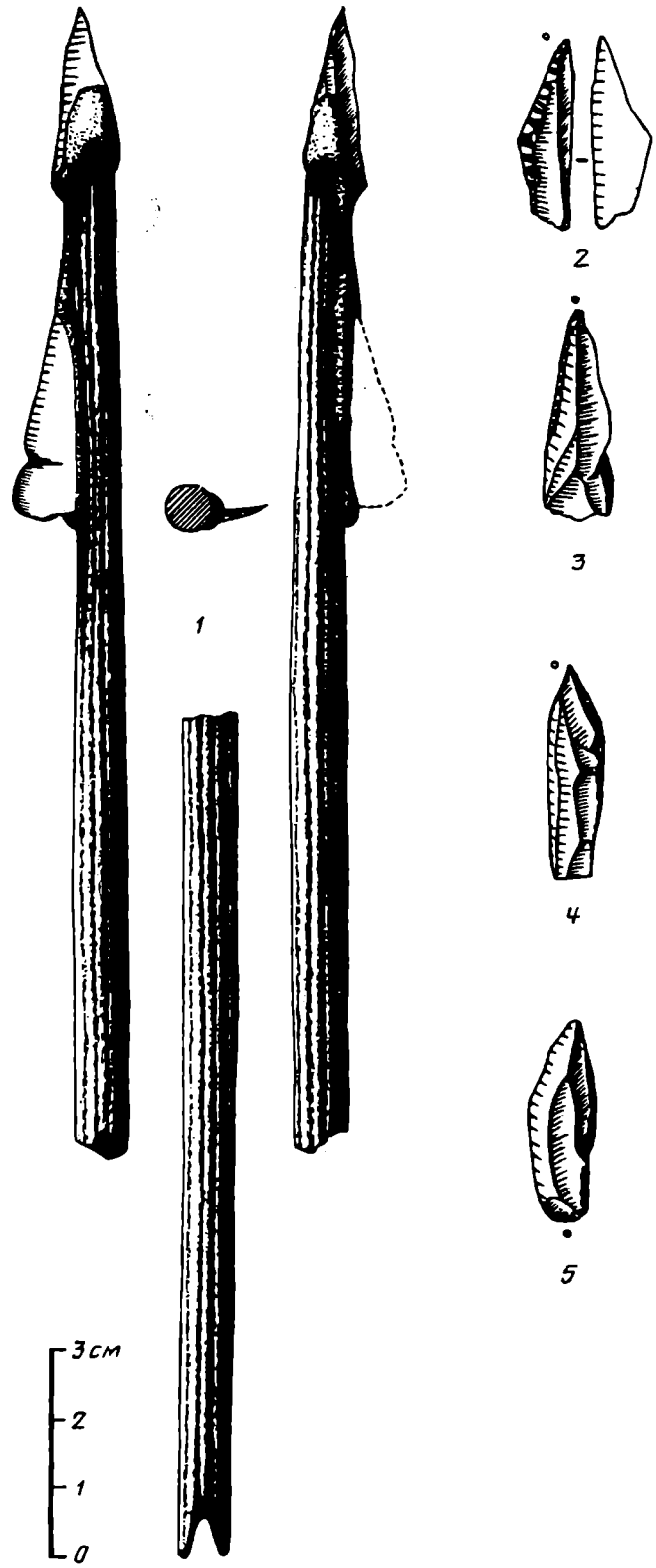


Рис. 2. Стрела из Лосхульта (по Petersson, 1951; Malmer, 1968)

Распространение лука с достаточной уверенностью можно отнести (по находкам луков и стрел) к началу Дриаса III в Аренсбургской культуре. Это можно утверждать также косвенно на основе веса и ширины вкладышей (Rozoy J.G., 1978, p. 1010; 1989b)

для комплекса самой ранней стадии (азиль и азильские культуры Аллереда) и с конца Дриаса II в Валоргьене и некоторых стоянках финального Мадлена (Гар де Куз) (Bordes F., 1979, p. 379). Вероятно, лук изобретался неоднократно и в разных местах, в том числе в Солютре Парпайо. С конца Дриаса II непрерывность и всеобщность этого явления не вызывает сомнения. В настоящее время не известно ни одной древней стоянки, где бы присутствие лука (прямое или косвенное) сочеталось с использованием копьеметалки.

Демография эпипалеолитических лучников

Представленная здесь демография мадленского времени основана на демографии лучников.

Долгое время считали, что численность древнего населения регулировалась голодом (Mortillet G., 1883). Эпипалеолит (мезолит) является той эпохой, в связи с которой это утверждение жило наиболее долго вместе с идеей, что человек был "выброшен на берег" (Evans J.C., 1969, p. 479–484) в результате "наступления девственного леса" (Varagnac A., 1960) и поэтому был вынужден "глотать моллюски на протяжении поколений" (Clark J.G.D., 1970). Эта идея "отверженных бродяг" явно несостоятельна.

Эпипалеолитические лучники были жителями лесов – гостеприимной, богатой дичью природной среды, благоприятной для обитания. Этнографические исследования последних десятилетий показали, что современные "примитивные" охотники с трех-четырехчасовым рабочим днем съедают больше, чем предполагает суточный рацион, рассчитанный современными диетологами, а их плотность населения значительно ниже возможностей пищевого потенциала занимаемой территории (Rozoy J.G., 1978, p. 1063, 1064).

Эпипалеолитические лучники жили равномерно по всей территории Европы. Здесь же они и охотились, но нам известно чрезвычайно мало раковинных куч, о которых столько говорилось: Тевьек, Хоэдик, Бег ан Дорхен и Ля Пуэнт Сан Жилда являются почти единственными во Франции, кроме того, они находились в эту эпоху не на берегу, который нынче затоплен, а на возвышенных местах в нескольких километрах от берега. И. Бонн (Boone Y., 1976, p. 703–707) добавляет еще стоянку Ля Бом Лонг де Понто (Монтадьен), в которой раковины составляют значительную часть культурных отложений, но не единственную, и другие стоянки, которые содержали "раковины" (Пюи Секонд, ля Маркулин, Шатонеф-ле-Мартиг). В слоях с улитками раковины обычно составляют лишь часть (иногда совсем незначительную) заполнения, в котором, как и на стоянке Тевьек, всегда содержатся кости крупных млекопитающих. Итак, гроты и убежища на равнинах, в долинах и горах, открытые стоянки – всего 49 памятников (в том числе 10 пиренейского Азиля) в глубине материка против 4 (или 8) на побережье. Дискуссия на симпозиуме в Шамбери в сентябре 1992 г. показала, что скопления раковин улиток стоянки Труба (Barbaza M., 1988, p. 7–36) дали от 10 до 20 кг мяса моллюсков каждое, чем могла питаться семья всего 2–3 дня. Нужно добавить к этому сотни стоянок без раковин, данные о которых опубликованы за последние 100 лет.

Расселение в эпипалеолите, очевидно, было довольно равномерным по всей территории, во Франции нет ни одной области, где бы не было найдено микролитов, свидетельствующих об охоте лучников. Даже горы по крайней мере посещались ими. Систематические разведки показывают также равномерность заселения, а сравнительное изучение размещения стоянок на местности (Kvamme K.L., Jochim M.A., 1989, p. 1–12) указывает на незначительное предпочтение возвышенных участков, удаленных от воды (рис. 3).

Максимальный пищевой потенциал территории является лучшей основой для оценки исчезнувшего населения. Но на деле оказывается невозможным рассчитать биомассу для ранних стадий лучников, поскольку большинство животных (зубры, дикая лошадь, гигантский олень) исчезли и плотность их расселения неизвестна. Более

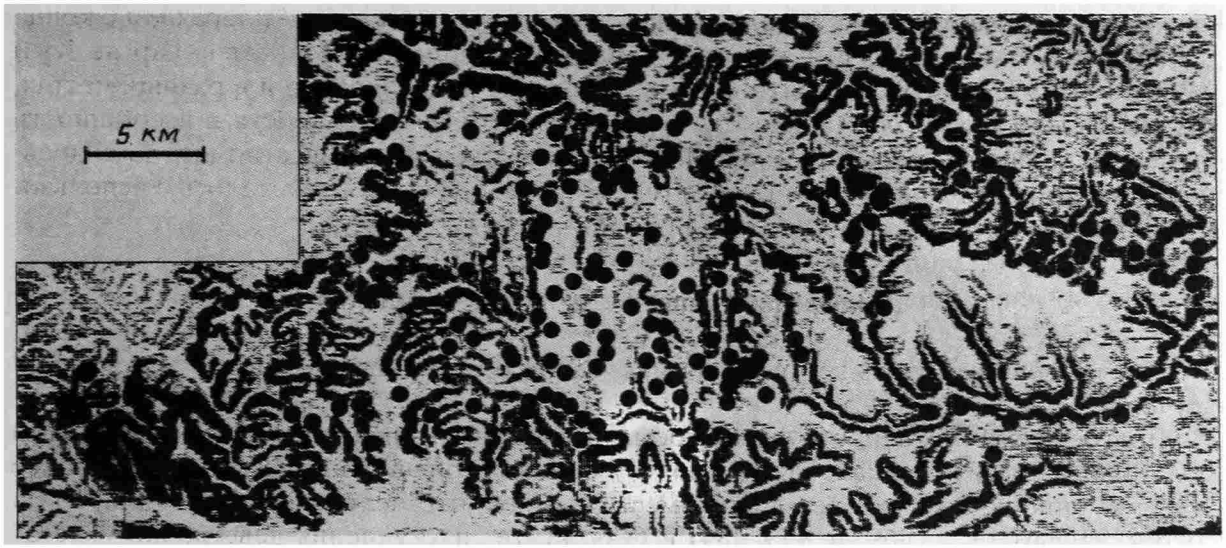


Рис. 3. Эпипалеолитические (мезолитические) стоянки Швабии по Квамму и Джохиму (1989)

того, лесотундру самой ранней стадии нельзя уподоблять ныне существующей на других широтах, так же, как и плотность северных оленей той эпохи – современным мигрирующим северным оленям. Ситуация изменяется только в Бореале и особенно в Атлантикуме, характеризующимся климатом, близким современному, и животными, существующими до сих пор, численность которых известна. Детальные вычисления применительно к Атлантикуму уже опубликованы ранее (Rozoy J.G., 1978, p. 1064–1066), и вот их краткий итог: считая по 4 оленя и 2 кабана на 1 км^2 (и 10 косуль, но теперь они в пищу практически не употребляются), дающих 60% мяса, при убое 1 животного из 6, при средней потребности в 2500 кал. на человека, и учитывая рыбную ловлю и перерасход, можно заключить, что максимально возможное количество человек, проживающих во Франции, могло составлять 150 тыс.

Реальная численность населения была, конечно, намного ниже теоретически максимальной по причине значительных ее естественных колебаний. Как показывают современные этнографические наблюдения, между населением и биомассой существует постоянный баланс, но с большим допуском (Birdsell J.B., 1968, p. 229–240). Вследствие плохой зимы численность оленей может наполовину сократиться, тогда максимально возможное их потребление приблизится к 20% и нехватка мяса будет пополнена за счет косули. Треть теоретического максимума кажется наиболее правдоподобной оценкой: в Атлантикуме во Франции проживало 50 тыс. жителей, или точнее между 30 и 70 тыс. В этот период лес стал более светлым, открытым, где дичь стала доступнее: в нем могло найти себе место вдвое больше людей.

Эта оценка совпадает с расчетами, предложенными Броттвеллом для всего населения планеты: от 5 до 20 млн человек. С учетом появившихся площадей их число составляет 12 млн (18 млн, если допустить 75 тыс. во Франции в Бореале). Оценка Ж.Н. Бирабана того же порядка: по поводу численности населения во Франции в конце верхнего палеолита "от 15 до 20 тыс. человек" Ж.Н. Бирабан пишет: "Население этой территории, вероятно, сократилось с конца IX тыс. до 12 или 13 тыс. жителей. Его численность вновь начала возрастать лишь к концу VIII тыс., когда она, наконец, достигла своего прежнего уровня" (т.е. 15–20 тыс. в Бореале). Ж.Н. Бирабан продолжает: "Этот медленный рост, вероятно, продолжался на протяжении VII тыс., в течение которого население, возможно, удвоилось" (Biraben J.N., 1988, p. 35). Для Атлантикума оценка в 30–40 тыс. человек близка результатам расчетов, представленным выше (50 тыс.). Очевидно, что Ж.М. Бувье (Bouvier J.M., 1979; p. 436–441) почти не имел оснований оспаривать эту оценку, тем более, что оценка Ж.Н. Бирабана никоим образом не основывается, как утверждает Ж.М. Бувье, на "грубых математических вычислениях, составляющих факторы естественного плодородия, долго-

летия, патологии и состояния здоровья и т.д." по тому лишь поводу, что мы не располагаем необходимыми данными (Constands-Westermann T., Newell R.R., 1984) и, в частности, интервалами между рождениями. Ж.М. Бувье отождествляет IX тыс. с "мезолитом в целом", тем самым оставляя без внимания климатическое разнообразие постгляциального периода и культурное разнообразие перехода от метателей дротиков к лучникам.

Ж.Н. Бирабан обращает особое внимание на X, IX и VIII тыс. Общеизвестно, что вплоть до сегодняшнего дня мы располагаем для X тыс. (Аллеред, азиль и азильские культуры) меньшим количеством стоянок, чем с одной стороны, для Мадлена VI и для Бореала или Атлантикума. В IX (Дриас III и Пребореал) и VIII (продолжение Пребореала) тыс. количество стоянок уменьшается, доходя до полного их отсутствия на Севере Франции в Дриасе III; первые памятники появляются здесь (и за пределами этой территории) лишь в конце VIII тыс. Учитывая расхождения между авторами относительно дат – границ палинологических зон, расчеты Ж.Н. Бирабана согласуются с тем, что нам известно сейчас о числе стоянок этих периодов.

Но проблема, на наш взгляд, заключается скорее в наших возможностях найти такие стоянки и датировать их. По разным причинам поиск велся очень неравномерно по регионам и периодам. Исследователи палеолита сосредоточили свои усилия на юго-западе Франции, привлеченные фигуративным искусством мадлена. С другой стороны, легкость обнаружения тарденуазских вкладышей, особенно в Парижском бассейне, облегчает поиск и идентификацию стоянок. Ранние стадии эпипалеолита, по крайней мере в северной части Франции, где почти нет гротов, сильно пострадали от этой "нелюбви" исследователей, а также из-за приоритета, отдаваемого стратиграфии. Эта ситуация контрастирует с изобилием стоянок типа "Федермессер" в Северной Германии (Schwabedissen H., 1954). Расчеты, основывающиеся на распределении памятников, являются, таким образом, сильно заниженными для слабо изученных периодов. Последние работы (Fagnart J.P., 1991, p. 228–230), только начинают заполнять этот хиатус.

Таким образом, можно попытаться использовать распределение стоянок только для тех периодов и регионов, исследование которых является по крайней мере достаточным. На наш взгляд, это случай мадлена для всей Франции и среднего и позднего эпипалеолита (мезолита) в некоторых регионах. Для средней и поздней стадий эпипалеолитических лучников можно проводить обобщения для всей территории, потому что их распределение было равномерным. Для самой ранней стадии (азильские культуры) следует быть очень осторожным. Необитаемые в мадлене районы, очевидно, были теперь заселены (Варенн-ле-Макон, Ле Бланше, Буа дю Брюль и т.д.); постоянно появляются новые исследования на эту тему (Rozoy J.G., 1986; Thevenin A., 1989, p. 51–66; Fagnart J.P., 1991, p. 228–230). Даже для Перигора существуют индексы более крупных народов (Duchadeau-Kervazo Ch., 1986, p. 57). Эти обычно большие стоянки, напоминающие скорее поселения крупных палеолитических групп, нежели наследовавшие им маленькие лагеря лучников: техническое изменение предшествовало изменению образа жизни. Однако нельзя создавать обобщающие представления на основе этих наблюдений.

Идентификация региональных человеческих групп основывается на характере продуктов их деятельности и на географической группировке последних. Речь идет не только о типологии, но и о стилях работы: стиль расщепления, стиль использования орудий, стиль украшения предметов и т.д. Различные виды деятельности могут привести к изменению орудийного набора, но не стиля: стиль – это человек. Р.Р. Ньюелл (Newell R.R. et al., 1990) определяет его следующим образом, по Саккет: "любая вариация или украшение предмета-артефакта, помимо всего того, что присуще используемому материалу или определяется его первичной функцией". Многие детальные элементы типологии являются собственно стилистическими, например изготовление тарденуазских наконечников с прямым или вогнутым основанием, скобление шкуры кремневыми скребками или ретушированными отщепами, или, как тарде-

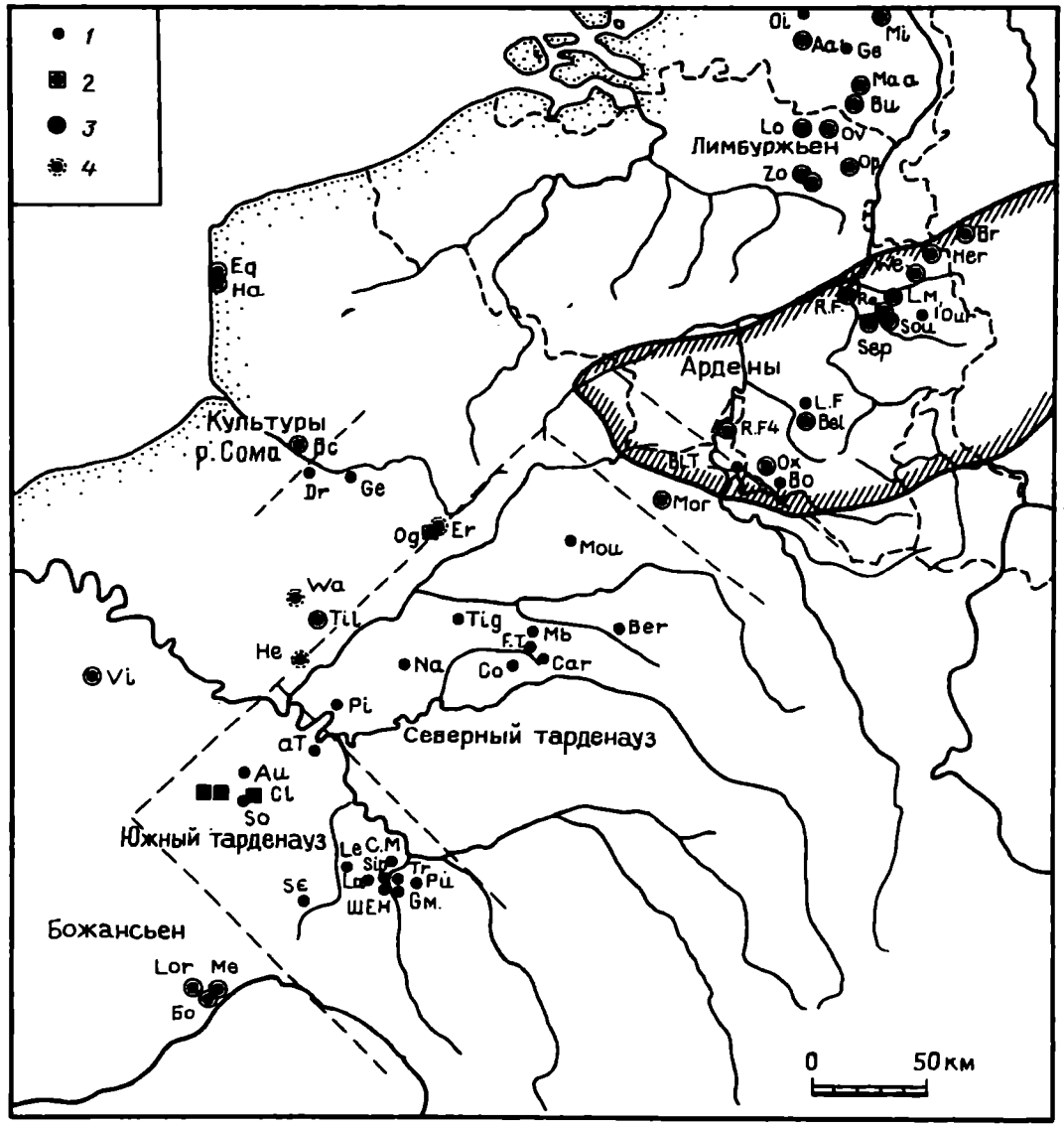


Рис. 4. Границы Северного Тарденуаза: *1* – тарденуаз; *2* – претарденуаз; *3* – другие культуры; *4* – старые раскопки

нуазцы, орудиями (из дерева?), не оставившими следов, и т.д. Разумеется, другие характеристики также рассматриваются: базовые стоянки, их тип, используемые в пищу животные. На базе всех этих признаков можно добиться разграничения региональных человеческих групп (Rozoy J.G., 1978, p. 88; 1991, p. 65–85; 1992b, c, d, e).

Эпипалеолитические культуры занимали во Франции территорию от 10.000 до 30.000 км^2 (рис. 4), каждая насчитывала от 1 до 3 тыс. человек, включая детей. В них можно видеть территории племен в той мере, в какой это имеет смысл для охотников (Service, 1968). На основе различных данных Р.Р. Ньюелл и его коллеги выявили в Европе 11 базовых групп, занимающих от 10 до 50 тыс. км^2 (в том числе 7 – от 10 до 30 тыс. км^2). Это первое подтверждение по внешним критериям, каждый из которых имеет большое теоретическое значение. Но Р.Р. Ньюелл настаивает (Newell R.R. et al., 1990) на открытой структуре брачных связей, производное население широко выходит за рамки диалектальных племен.

Другие совпадения независимых элементов являются новыми подтверждающими признаками: ареалы распространения культур связаны с определенной территорией, на основе типологии и стиля (или украшений по Ньюеллу), подсчет населения вытекает из удельного веса дичи. Итак, сочетание этих двух источников приводит к оценке

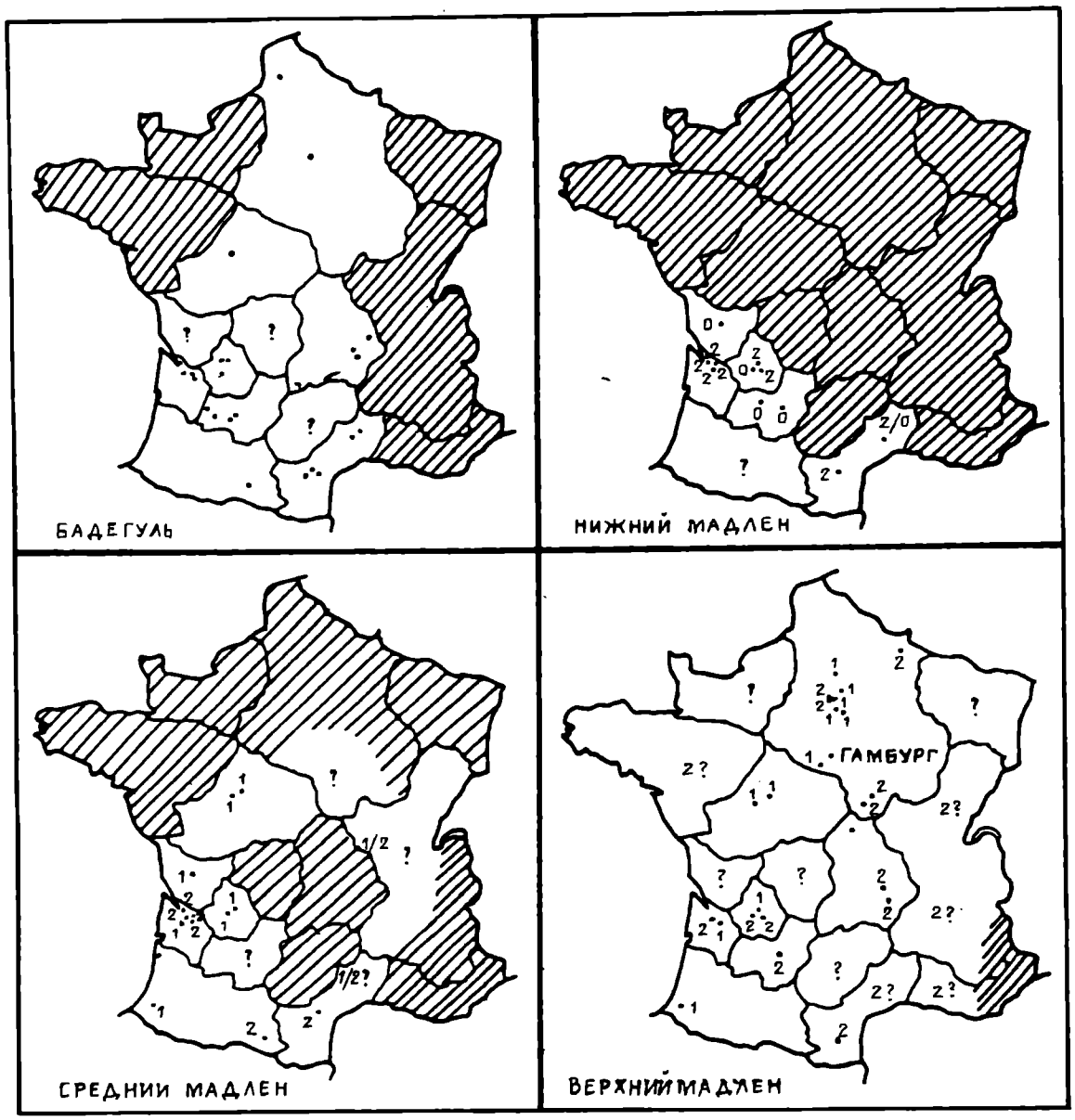


Рис. 5. Мадленские стоянки в различные периоды существования этой культуры (по Bosselin et Djindjian, 1988)

численности и занимаемым площадям, хорошо сравнимым с соответствующими показателями диалектальных племен охотников Северной Америки в сходных климатических условиях (Newell R.R., Constandse-Westermann Tr., 1986b).

Демография верхнего мадлена: региональные группы. Только поздние стадии мадлена широко распространены в Европе (Bosselin B., Djindjian F., 1988, p. 304–331; Otte M., 1992). Перед концом Дриаса I холод загнал бадегульцев и мадленцев на юго-запад Франции (рис. 5). На средней стадии редкие стоянки "мадлена а наветт" в настоящее время не позволяют провести демографический анализ. Стоянки типа Ле Керси не очень отличаются от стоянок Перигора (Lorblanchet M., 1989, p. 239–252), и их можно рассматривать только как одну группу. В дальнейшем будет рассматриваться лишь демография верхнего мадлена, начиная с Беллинга.

Распространение мадленских стоянок очень неравномерно. Они сосредоточены примерно в 15 небольших регионах (рис. 6), в которых памятники расположены скученно, в нескольких километрах друг от друга. Эти населенные районы в совокуп-

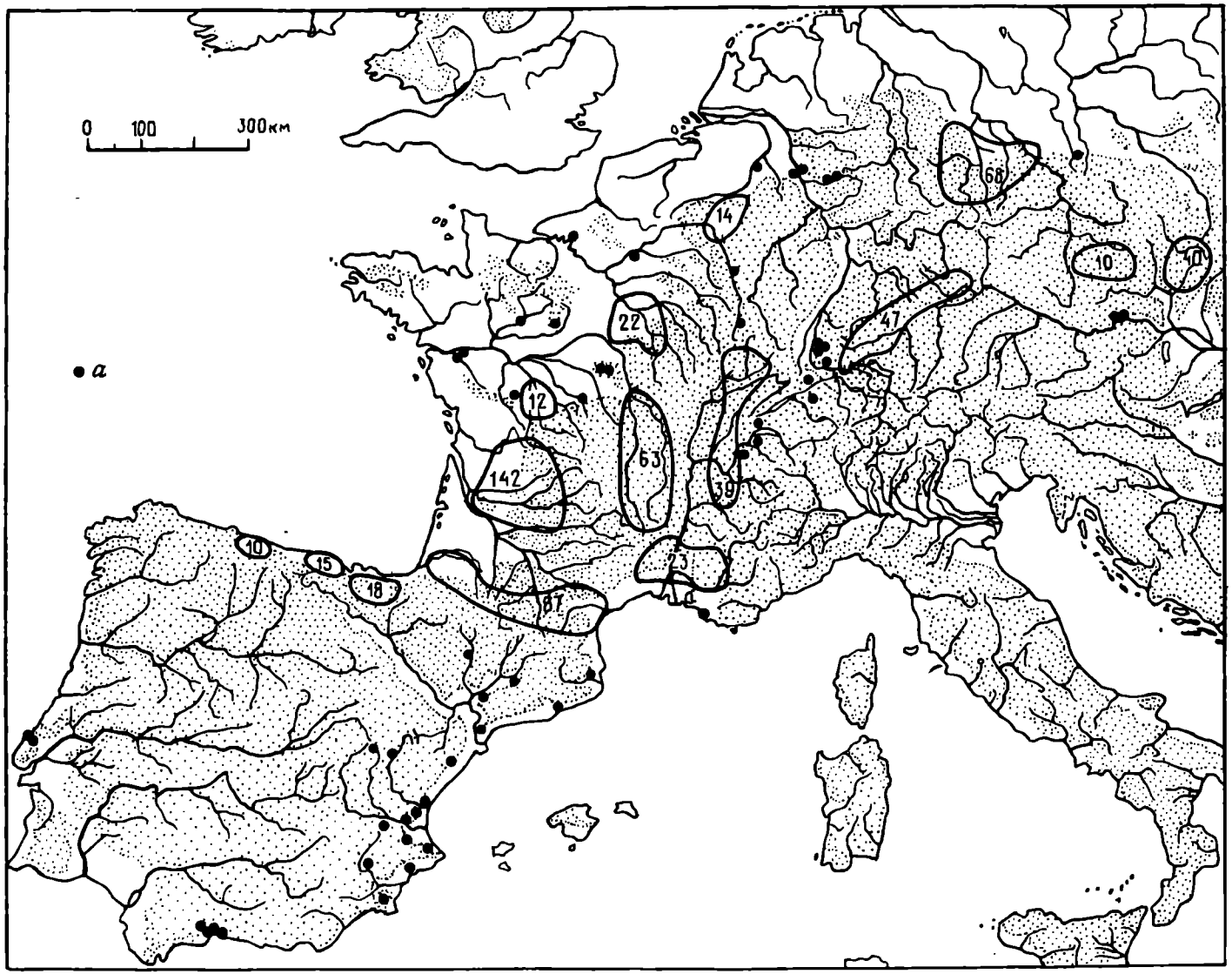


Рис. 6. Поздний мадлен в Европе. Для заселенных зон указано число известных памятников периодов Беллинг и Дриас II; *а* – верхний мадлен

ности едва занимают четверть имевшейся в распоряжении территории. За пределами этих районов находятся разрозненные стоянки, расстояние между которыми достигает 50–100 км. Это зоны посещения. За последние 20 лет новые исследования лишь немного изменили эту картину. Следует отметить три самых заметных дополнения. Одно – на востоке Франции (David S., Richard H., 1989, p. 101–158; David S., 1992, p. 87–96), где добавление девяти стоянок к четырем уже опубликованным позволяет выделить региональную группу или продолжить группу Роны – Альп. Другое – на территории Швейцарии: в диссертации Ж. Седлмейера (Sedlmeier J., 1989) представлено 23 стоянки в 2 подгруппах, расположенных в 20 км вокруг Брюгли и Мусбюхль. Наконец, в Средиземноморской Испании изыскания в полном разгаре, но еще неизвестно, одна, две или больше географических групп обитало на этой территории. Необходимо также скорректировать оценки, указанные ранее (Rozoy J.G., 1988b, p. 276–280, 1989a, p. 81–100) для Северной Испании, принимая в расчет еще около 20 пещер с живописью, относимых к "нижнему кантабрийскому мадлену", который одновременен среднему или даже верхнему мадлену. Продолжение исследований, несомненно, приведет к другим изменениям, однако основные характеристики первого итога (немногочисленность, неравномерное распределение), вероятно, останутся.

Всего в настоящее время известно 712 достоверных памятников верхнего мадлена: 8 групп стоянок во Франции и Бельгии с 402 памятниками, 9 скоплений вне франкоязычной зоны (включая Средиземноморскую Испанию) с 273 пунктами. Имеется 37 разрозненных пунктов: 16 во Франции и 21 вне ее, в том числе 4 изолированные стоянки в Польше (Kozlowski J., 1989, p. 31–52) и 2 в Португалии, которые, согласно Ж. Рошу (Roche J., 1979, p. 753–758), являются единственными свидетельствами существования значительной группы населения, остатки жизнедеятельности которого уничтожены эрозией. Внутри каждого из этих районов наблюдается та же неравномерность размещения: группы стоянок и белые пятна, большая часть которых вряд ли может быть вызвана естественными причинами (рис. 7). Верхний мадлен, впрочем, далеко не единственный пример такого рода; другие культуры верхнего палеолита обнаруживают ту же закономерность (рис. 8): используется не вся пригодная территория. Зоны, заселенные различными культурами, частично все же совпадают, однако мы не можем уловить причину этого явления.

В какой мере географические группы стоянок соответствуют родственным или иным группам? Группа Арденна и группа Пенсевана, к юго-востоку от Парижа, были оставлены одними и теми же людьми, передвигающимися из одной зоны в другую; они приносили с собой ископаемые ракушки из Парижского бассейна в Арденны (Dupont E., 1872). Кроме того, это подтверждается типологией количественно и качественно (Rozoy J.G., 1988b, p. 157–170), и можно говорить о том, что они бывали в Арденнах только летом (Rozoy J.G., 1989c; Patou M., 1992, p. 309–316; Dewez M., 1992, p. 205–210). Напротив, стоянки на севере Арденн, а также вокруг Геннерсдорфа (Bosinski G., 1978, p. 114), были оставлены другой группой древнего населения (Rozoy J.G., 1989a, p. 81–100).

Автономия региональных групп должна изучаться в зависимости от обстоятельств. Нужно использовать все признаки, имеющиеся в нашем распоряжении. Один или два руководящих ископаемых недостаточны для того, чтобы обосновать существование отдельной человеческой группы. Редкие стоянки "мадлена а наветт" (Allain J. et al., 1985, p. 37–124), несмотря на совпадение многих элементов, слишком отличаются по другим техническим характеристикам, чтобы говорить, что они оставлены одной социальной группой.

Во Франции можно выделить не менее шести различных групп: Пиренеи, Перигор – Керси (вероятно, двойная или тройная), Центральный массив, Прованс – Лангедок, Северные Альпы и группа в Парижском бассейне, которая летом посещала Арденны (табл. 1). Различия в инвентаре показывают, что эти стоянки принадлежали разным группам населения; так, резец типа "клюв попугая" известен лишь в Перигоре. Этот тип является отражением "стиля", поскольку ту же работу можно было выполнять

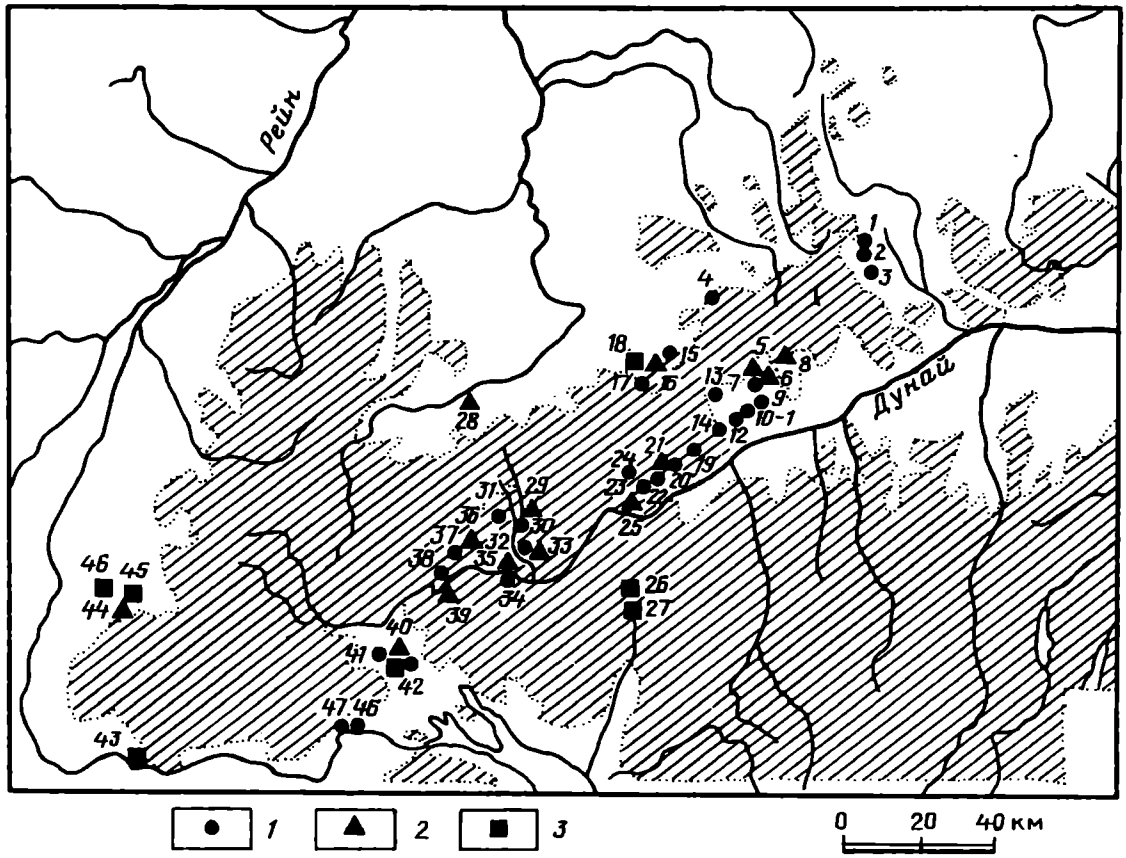


Рис. 7. Неравномерное распределение стоянок внутри регионов: Южная Германия (по Hahn, 1979)

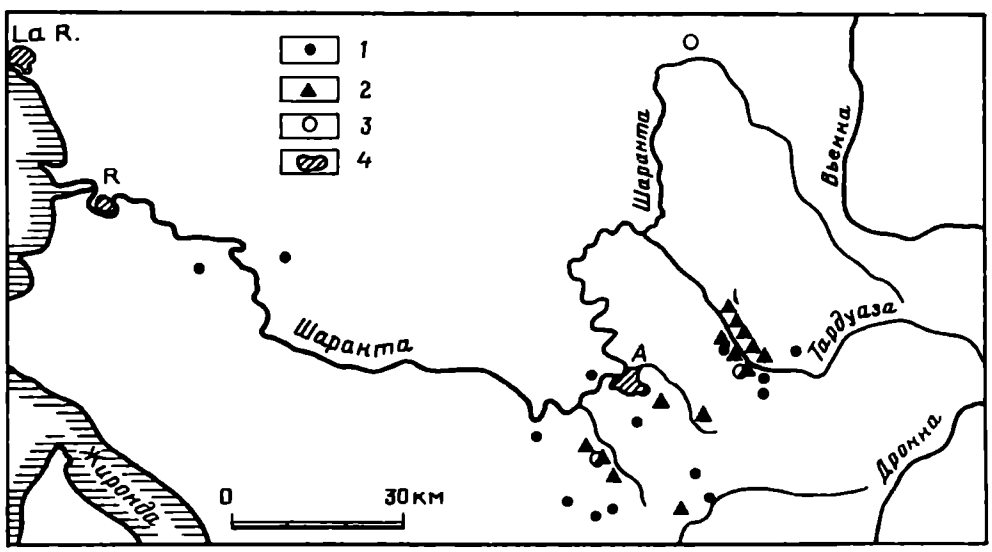


Рис. 8. Неравномерное распределение стоянок внутри регионов: Шарант (по Debenath, 1976). *1* – ориньяк: *2* – солютре; *3* – верхний мадлен; *4* – современные поселения

резцами других типов. Стоянки Центрального массива содержат очень высокий процент пластинок с притупленным краем (более 70%) (Delporte H., 1966, p. 181–207), в Перигоре они очень разнообразны. Характерные черты стоянок Прованс – Лангедока (Bazile F., 1987, p. 165–201) близки Перигору и существенно отличаются от памятников в Альпах – Саон, оставленных более однородной группой; люди из Парижского бассейна изготовляют большое количество проколок и т.д. Если охотники из Пенсе-

Таблица 1

Зоны, заселенные во Франции в верхнем Мадлене

Зоны	Площадь, км^2	Количество стоянок
Пиренеи	35	87
Перигор – Керси – Вьенн	35	154
Центральный массив	25	63
Прованс – Лангедок	15	23
Саон – Альпы	20	39
Пенсеван – Арденны	15	36
Всего во Франции и Бельгии	145	402

вана отступили на юго-запад во время очень сильных холодов Дриаса II, туда они могли бы принести свою традицию изготовления проколок, чего на самом деле нет. Ж. Клотт (Clottes J., 1989, p. 325) пишет: "Искусство в значительной мере способствовало индивидуализации мадлена Пиреней", он упорствует в своем выводе о "значительном единстве" Пиренейского мадлена. Можно было бы легко найти другие элементы различий, и это были бы не только "женские изображения типа Геннерсдорф (...), которые имеют во Франции распространение исключительно перигордьенское и керсинуазское" (Lorblanchet M., 1989, p. 239–252). Эти факты противоречат идее массовых перемещений людей, обусловленных миграциями северных оленей. Однако это не были изолированные группы, напротив, они составляли единую репродуктивную популяцию в Европе. Тр. Констандс-Вестерманн и Р.Р. Ньюелл (Constandse-Westermann Tr., Newell R.R., 1989, p. 106–115) объясняют это тем, что плотность населения была существенно ниже той, которая возможна при совпадении диалектального племени и репродуктивной популяции.

На этой территории наблюдается базовая общность площадью 15–20 тыс. км^2, включающая 35 известных стоянок. Большинство заселенных зон характеризуется разнообразием доступных экологических ниш вследствие контрастного рельефа (Straus L.J.G., 1986, p. 330–368; Rozoy J.G., 1988b, p. 157–170).

Эта очень грубая схема должна быть уточнена исходя из последовательных периодов: предполагаемая демографическая экспансия на юго-западе в эпоху мадлена VI, представляется более длительной, нежели думали ранее (Bouvier J.M., 1979, p. 436–441). С. Дэвид (David S., Richard H., 1989, p. 101–158) отмечает на востоке различные "влияния" во время Дриаса I, Беллинга и Дриаса II. Но это скорее конвергентные влияния. Таким образом, пока нужно довольствоваться общим явлением "Беллинг + + Дриас II", как это делает М. Отт (1992).

Численность населения в верхнем мадлене. Некоторые из предложенных оценок вытекают из этнографических сравнений, достаточно удаленных во времени и пространстве. Большинство авторов избегают этой темы, наиболее смелые касаются ее в научно-популярных работах. Д.де Соневиль-Борд (Sonneville-Bordes D., 1969, p. 177) говорит о 200–300 тыс. человек, ссылаясь на современных австралийских аборигенов (оценка на 1788 г.: 500 племен и 300 тыс. человек). Но Ф. Борд (Bordes F., 1968, p. 235) не считает возможными такие аналогии: "Можно было бы определить палеолитический мир как человеческую пустыню, кишащую дичью. Сегодня зоны, где укрываются последние племена охотников-собирателей, могут нам дать лишь ошибочное представление". Он напоминает о слабых взаимовлияниях между культурами, а в отношении верхнего мадлена говорит, что "население Франции вряд ли превышало несколько десятков тысяч индивидов, самое большее 50 000, но оно было достаточно сконцентрировано (...) Человек, без сомнения, мог прожить всю жизнь, встречая лишь изредка человека другого племени, в особенности другой культуры (...)". Оценка в 50 тыс., вероятно, вслед за Ф. Бордом, дана Амбуаз-Рандю (Ambroise-Rendu M., 1967). Ж.Н. Бирабан (Biraben J.N., 1988, p. 35) не указывает источника своей оценки

15–20 тыс., он мог бы быть тем же. Не располагая никакой базой для расчетов, но зная великолепно палеолит, Ф. Борд пришел к определению, поразительно близкому тому, которое будет предложено ниже.

При расчете численности населения нельзя использовать максимальный пищевой потенциал территории в настоящее время, поскольку здесь также все животные были истреблены или переселились, и мы не знаем плотности их заселения. От тундры, тайги или холодной степи до лесостепи животная биомасса увеличивалась слабо. Распространение древесного покрова делало большую часть растительной биомассы недоступной для животных (Rozoy J.G., 1978, p. 1064–1065). Однако мы располагаем двумя косвенными основаниями: численность населения в эпипалеолите (мезолите) (Rozoy J.G., 1978), составляющая от 50 до 75 тыс. человек во Франции, и изучение демографии населения: в силу социо-биологических причин не менее 850 человек для одного родственного объединения (Newell R.R., Constandse-Westermann Tr., 1986b, p. 270). Последнее является в определенной мере "требованием безопасности", препятствующим полному исчезновению группы.

Если мы обратимся к австралийским племенам, являющимся основой для сравнения, проведенного Д. Соневиль-Борд с учетом занимаемых ими площадей, – Австралия насчитывает 7687 тыс. км^2 (не менее трети которых – пустыни), мадленская же ойкумена 1200 тыс. км^2, включая ледники. Таким образом, получаем соотношение порядка 5, что приводит к числу в 60 тыс. жителей (а не 200 или 300 тыс.). Уподобляя региональные мадленские группы австралийским племенам, можно предположить для Европы 14 племен по 600 человек, т.е. всего 8400 человек. Но австралийские племена малочисленны в силу экстремальных условий существования (Constandse-Westermann Tr., Newell R.R., 1986a) и поэтому численность мадленского населения в Европе необходимо довести до 11,9–42 тыс. человек (14 × 850 или 14 × 3 тыс.), в среднем около 26 тыс., но в реальности должно быть около 12 тыс., если учитывать численность американских племен (средняя – 897) (Newell R.R., Constandse-Westermann Tr., 1986b).

Расчеты для эпипалеолита могут основываться на соотношении численности стоянок двух эпох (Rozoy J.G., 1978, p. 1105). Имевшиеся в распоряжении площади аналогичны, земли, освобожденные при понижении уровня моря, лишь с трудом компенсируют экспансию ледников и ледниковых кромок. Впрочем, площади увеличились на 30–40%, если рельеф ярко выражен, например северное побережье Испании. Продолжительность существования этих стадий неравная: около 1 300 лет для верхнего мадлена (Delpech F., 1989, p. 5–30), в 2 раза больше для средней и поздней стадий эпипалеолита (8 800–6 200 лет тому назад). Мы располагаем исчерпывающим инвентарем лучников лишь в редких и небольших регионах, где были проведены систематические обследования территории (Rahir E., Loe A., 1903; Delville T.V., 1978, p. 650–653; Newell R.R., 1984, p. 44–52). Таким образом, стоянку лучников легко можно найти на каждые 5 или 6 км^2 (Kvamme K.L., Jochim M.A., 1989, p. 1–12): 170 стоянок на 940 км^2. В мадлене – 1 на более чем 350 км^2 населенной территории и 1400 км^2 в целом (около 450 км^2, занимаемых одной стоянкой вне Перигора). Отсюда поправка в 60–70 раз (на основе заселенной территории) уменьшается до 30–35 раз с учетом продолжительности их существования.

Необходимы и другие поправки: в эпипалеолите стоянки значительно меньше по площади, с меньшим количеством инвентаря – обычно 100–500 орудий (максимум оценивается в 50 тыс., ле От де Лютс в Божанси) против 1–5 тыс. на мадленских стоянках (максимум – более 500 тыс. в Гар де Куз). Это новая поправка в 10 раз! Соотношение возвращается обратно к 3 (и 12 раз для всех территорий). Это лишь очень приблизительные оценки. Типологический набор орудий неодинаков, мы сравниваем комплексы орудий с различными функциями, большинство резцов у метателей дротиков служили для оформления наконечников копий, которые не фигурируют в инвентаре, резцы не подходят для микролитических вкладышей лучников, однако вкладыши более многочисленны, чем наконечники дротиков. Эту новую поправку можно оценить

Таблица 2

Численность групп верхнего Мадлена в Европе

Зона	Количество стоянок	Численность населения
Средиземноморская Испания	22	2 тыс.
Кантабрия	63	2500
Пиренеи	87	2500
Перигор – Вьенн (две группы)	104	4500
Керси	50	2 тыс.
Центральный массив	63	1500
Прованс – Лангедок	23	1 тыс.
Саон – Альпы	39	1500
Пенсеван – Арденны	36	1 тыс.
Швейцария	23	1 тыс.
Суабская Юра	47	1500
Богемия – Моравия	50	1500
Тюрингия	68	1500
Всего во Франции и Бельгии	675	24 тыс.

в соотношении порядка 2–3 раз (в ущерб лучникам), что приведет к заметному равенству для заселенных территорий и к соотношению в 4 раза для территорий в целом. Если эпипалеолитическое население оценивается в 50 тыс. человек (плюс бельгийские Арденны), верхних мадленцев во Франции насчитывалось 12–14 тыс. Безусловно, можно вносить поправки в любую из этих трех систем, но их совпадение исключает возможность поставить под сомнение весь комплекс.

Но применим ли предыдущий расчет в отношении динамики населения? Да, применим, так как, учитывая количество и богатство инвентаря стоянок этих регионов, он приводит к оценке численности региональных групп от 1 до 3 тыс. человек. Это значение близко тому, которое вытекает одновременно из этнографических наблюдений и требований, установленных исследованиями демографии популяций: в силу комбинированных генетических и социальных причин население не может долго стабильно сохраняться, и особенно на большом пространстве, если оно включает менее 850 человек (Newell R.R., Constandse-Westermann Tr., 1986a; 1986b, p. 270, 277, 278, 284). С другой стороны, у современных примитивных народов наблюдается двух- и трехчастное деление группы, когда ее численность превышает 3 тыс. человек (хотя она может доходить до 10 тыс.) (Newell R.R., Constandse-Westermann Tr., 1986a; 1986b, p. 277). Только группа Перигора должна быть признана более многочисленной (табл. 2): прежде всего следует отделить от нее вместе с 50 стоянками стоянку ле Керси, которая имеет отличительные особенности (Lorblanchet M., 1989, p. 239–252). Даже таким образом, Перигор можно считать недооцененным как из-за большого числа стоянок, так и потому, что они намного богаче, чем стоянки других регионов. Кроме того, опубликовано меньше половины известных стоянок (Cleyet-Merle J.J., 1992), в то время как в других местах приняты во внимание все. Региональным исследователям еще предстоит определить, можно ли говорить здесь о двух или более группах.

Есть еще одно интересное подтверждение внешними критериями этих оценок (Rozoy J.G., 1978, p. 1107; 1986). Для Астурии Л.Г. Строcy (Straus L.J.G., 1986, p. 330–368) удалось подсчитать максимально возможную численность населения на основе пищевого потенциала территории. Мадленцы этого региона употребляли в пищу главным образом оленей и каменных баранов, плотность обитания которых нам известна (из расчета 6 оленей на 1 км^2, т.е. значение, близкое нашему, – 4 оленя). Л.Г. Строс насчитывает для восточной Астурии "8 или 10 групп по 25 персон", т.е. 200–250 человек на 1.250 км^2. Это значение очень близко расчету 2 тыс. – 2500 человек для территории 15–20 тыс. км^2, предусмотренному представленной выше моделью. Более малочисленное население Парижского бассейна является гипотезой, выведен-

ной из небольшого числа стоянок и соответствующей более низкой плотности животных в этой холодной зоне.

Речь идет лишь о грубых подсчетах как основе для более-менее обоснованных дискуссий. Известно, что группы современных охотников постоянно передвигаются, в результате чего без конца изменяется их численность и состав (Turnbull C.M., 1968, p. 132–137). Кроме того, в определенные благоприятные сезоны собираются первичные группы (Turnbull C.M., 1961). Эта практика тем более вероятна для доисторического населения, ведшего сходный образ жизни, поскольку более низкая плотность населения предполагает у них более широкую систему браков, чем диалектальное племя, приведшую к единой репродуктивной популяции, зафиксированной в Европе. Это объясняет также связь региональных групп и распространение изобретений.

Различие между мадленом и эпипалеолитом проявляется главным образом в повсеместном и единообразном расселении лучников, противоположном редким поселениям метателей дротиков. Региональные группы (они соответствуют скорее племенам) (Newell R.R. et al., 1990), вероятнее всего, имели в обеих эпохах не только одну и ту же численность, но и равную территорию обитания, порядка 10–30 тыс. км^2. Таким образом, плотность населения была аналогичной в заселенных частях по причине упомянутых выше социогенетических условий, но лучники были намного многочисленнее. В целом население сильно увеличилось, и это явилось демографической базой, без которой неолитизация была бы немыслима; нет сомнения, что последняя происходила в основном за счет аккультурации, а не в результате нашествия.

Этот очень быстрый прирост населения (в 4–5 раз) значительно увеличивал вероятность появления и развития творческого разума, этого важного фактора социальной эволюции. Кроме того, жизнь, которую вели лучники, оставляла время для изобретений в отличие от неолита с 12–15-часовым рабочим днем. Но это уже другая история.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Albrecht G., Berke H., Poplin F., 1983. Recherches scientifiques sur les inventaires magdaléniens du Petersfels, fouilles 1974–1976 // Tübingen: Archeologica Venatoria.

Allain J., 1989. La fin du Paleolithique supérieur en région Centre // Magd. Eur. III.

Allain J., Desbrosses R., Kozlowski J., Rigaud A., 1985. Le Magdalénien à navettes // G.P. № 28/1.

Ambroise-Rendu M., 1967. Préhistoire des Français. P.

Barbaza M., 1988. La grotte-abri du moulin à Troubat (Hautes-Pyrénées). Premiers travaux et dispositions initiales de recherches // Travaux de l'Institut d'art prehistorique de Toulouse. XXX.

Bazile F., 1987. Réflexions sur le Magdalénien et sa diffusion en France méditerranéenne // Le Paléolithique supérieur européen. Leige, 24.

Biraben J.N., 1988. Préhistoire // Histoire de la population française. T. 1.

Birdsell J.B., 1968. Some predictions for the Pleistocen Based on Equilibrium Systems among Hunter-Gatherers // Man The Hunter.

Boone Y., 1976. Le ramassage des coquillages // Pr. Fr. 1/1.

Bordes F., 1968. Le Paléolithique dans le Monde. Paris.

Bordes F., 1979. Discussion // F.T.Gl.E.

Bosinski G., 1978. Magdalénien // Alt- und mittelsteinzeitliche Fundplätze des Rheinlandes. Köln.

Bosselin B., Djindjian F., 1988. Un essai de structuration du Magdalénien français à partir de l'outillage lithique // B.S.P.F.

Bouvier J.M., 1979. La Magdeléine: acquis récents // F.T.Gl.E.

Cattelain P., 1986. Traces macroscopiques d'utilisation sur les propulseurs paléolithiques // Helinium, XXVI.

Cattelain P., 1988. Fiches typologiques de l'industrie de l'os préhistorique. Cahier II: Propulseurs. Aix en Provence, publications de l'Université de Provence.

Cattelain P., 1988–1989. Les propulseurs paléolithiques, utilisation et traces d'utilisation // Bull. Ass. Liégeoise Rech. Arch. XIX.

Cattelain P., 1989. Un crochet de propulseur solutréen de la grotte de Combe-Sauniére 1 (Dordogne) // B.S.P.F. N 86.

Cattelain P., 1991. Les propulseurs: utilisation et traces d'utilisation // Archéologie expérimentale, colloque tenu à l'Archéodrome de Beaune, avril 1987. T. 2.

Cattelain P., Stodiek U., 1992. Propulseurs paléolithiques inédits ou mal connus // Congrès Prehistorique de France, Paris, 1987. Paris.

Clark J.G.D., 1970. The Mesolithic settlements of northern Europe. New York; Greenwood.

Cleyet-Merle J.J., 1992. Conversation personnelle, l'auteur remercie J.J. Cleyet-Merle.

Clottes J., 1989. Le Magdalénien des Pyrénées // Magd. Eur. III.

Constandse-Westermann T., Newell R.R., 1984. Human biological background of population dynamics in the Western European Mesolithic // Proceedings of the Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen. S. B.T. 87(2).

Constandse-Westermann Tr., Newell R.R., 1989. Social and biological aspects of the Western Mesolithic population structure. A comparison with the demography of North American Indians // Mesol. Eur. III.

David S., 1992. Le peuplement Magdalénien dans le Nord-Est de la France. // Peuplement Magdalenien.

David S., Richard H., 1989. Les cultures du Tardiglaciaire dans le Nord-Est de la France // Magd. Eur. III.

Delpech F., 1989. L'environnement animal des Magdaléniens // Magd. Eur. III.

Delporte H., 1966. Le Paléolithique dans le Massif central: 1 – Le Magdalénien des vallées supérieures de la Loire et de l'Allier // B.S.P.F. T. 68.

Delville T.V., 1978. Vallée de la Semois.

Dewez M., 1992. Le Magdalénien en Belgique, origine et filiation // Peuplement Magdalenien.

Duchadeau-Kervazo Ch., 1986. Les sites paléolithiques du bassin de la Dronne (Nord de l'Aquitaine). Observations sur les modes et emplacements // B.S.P.F. N 83/2.

Dupont E., 1872. L'homme pendant les Ages de la pierre dans les environs de Dinant-sur-Neuse. Bruxelles.

Evans J.G., 1969. The exploitation of molluscs // Domestication and exploitation of Plants and Animals. Ucko & Dimbleby Ed.

Fagnart J.P., 1991. Le passage du Paléolithique supérieur récent au Paléolithique supérieur final (Epipaléolithique) dans le Nord du Bassin parisien // B.S.P.F. 88/8.

Kozlowski J., 1989. Le Magdalénien en Pologne // Magd. Eur. III.

Kvamme K.L., Jochim M.A., 1989. The Environnemental Basis of Mesolithic Settlement // Mesol. Eur. III.

Lorblanchet M., 1989. Caractères originaux du Magdalénien du Quercy // Magd. Eur. III.

Mathiassen Th., 1948. Danske Oldsager, I Aeldre Stenalder. Köbenhavn.

Mortillet G., 1883. Le Préhistorique. Antiquité de l'Homme. Paris.

Newell R.R., 1984. Settlement systems in the Dutch Mesolithic. Setting the record straight // Helinium. N XXIV.

Newell R.R., Constandse-Westermann Tr., 1986a. Colloquium on "The Bio-social Development of European Mesolithic populations". Newcastle upon Tyne.

Newell R.R., Constandse-Westermann Tr., 1986b. Testing an ethnographic analogue of Mesolithic social structure and the archaeological resolution of Mesolithic ethnic groups and breeding populations // Proceedings of the Koninklijke Nederlandse Akademie van Weterschappen. S.B.T. 89(3).

Newell R.R., Kielman D., Constandse-Westermann Tr.S., Van Der Sanden W.A.B., Van Gijn A., 1990. An Inquiry into the Ethnic Resolution of Mesolithic Regional Groups. The Study of their Decorative Ornaments in Time and Space. Leiden; New York; Köbenhavn; Köln; Brill.

Otte M., 1992. Processus de diffusion à long terme au Magdalénien // Peupl Magd.

Patou M., 1992. Apports de l'archéozoologie à la compréhension du peuplement magdalénien dans le bassin mosan (Belgique) // Peupl. Magd.

Pope S.T., 1962. A study of Bows and arrows. Berkeley, Univ. of California Press.

Rahir E., Loe A., 1903. Note sur l'exploration des plateaux de l'Amblève au point de vue préhistorique // Mem. Soc. Antr. Bruxelles 22. № 3.

Roche J., 1979. Le Magdalénien portugais // F.T.Gl.E.

Rozoy J.G., 1978. Les derniers chasseurs. L'Epipaléolithique en France et en Belgique. Essai de synthèse. Charleville.

Rozoy J.G., 1985. Deux modes de chasse sur le plateau ardennais. Jagen und Sammeln. Festschrift für H.G. Bandi (Jahrbuch des Bernischen Historischen Museums 63–64, 1983–1984).

Rozoy J.G., 1986. The Upper Magdalenian of Roc-La-Tour 1 within the Franco-Belgian-Rhineland context // World Archaeological Congress. The Pleistocene perspective. Southampton. V. 2.

Rozoy J.G., 1988a. Le Magdalénien en Europe: démographie, groupes régionaux // Bull. Soc. Prehist. Luxembourg. 10.

Rozoy J.G., 1988b. Le Magdalénien supérieur de Roc-La-Tour 1 // Helinium. № XXV111.

Rozoy J.G., 1989a. Roc-La-Tour 1 et la démographie du Magdalénien // Magd. Eur.

Rozoy J.G., 1989b. The Revolution of the Bowmen in Europe // Mesol. Eur. III.

Rozoy J.G., 1989c. La régionalisation du Magdalénien en Europe // Congrès de Namur, 3* Congrès de l'Association des cercles francophones d'Histoire et d'Archéologie de Belgique.

Rozoy J.G., 1991. La délimitation des groupes humains préhistoriques. Bases typologiques et géographiques // Colloque de Beaufort 1990 (Bull. Soc. Préhist. Luxemb. 12).

Rozoy J.G., 1992a. Le montage des armatures sur les flèches épipaléolithiques // Revue Archeologique de l'Est. N 43/1.

Rozoy J.G., 1992b. Les limites spatiales du Tardenoisien-Nord // Colloque d'Ancerville 1989.
Rozoy J.G., 1992c. Le Magdalénien supérieur en Europe: Ecologie, démographie, régions // Congrès Préhistorique de France. Paris, 1989. Paris.
Rozoy J.G., 1992d. Ecologie et Démographie des archers épipaléolithiques // Congrès Préhistorique de France. Paris, 1989. Paris.
Rozoy J.G., 1992e. Travaux sur l'Epipaléolithique en Picardie // Gallia-Préhistoire (1990).
Schwabedissen H., 1954. Die Federmesser-Gruppen der nordwesteuropaischen Flachlandes. Zur Ausbreitung des Spät-Magdalenian. Neumünster.
Sedlmeier J., 1989. Jungpaläolithikum und Spätpaläolithikum in der Nordwest Schweiz.
Service, 1968. The Hunters. Foundation of Modern Antropology Series. London.
Sonneville-Bordes D., 1969. Les cavernes // La France au temps des mammouths. Paris.
Stodiek U., 1990. First results of experimental research into magdalenian antler projectile points // Chasse.
Stodiek U., 1992. A propos de l'emmanchement des propulseurs au Paléolithique supérieur // Peuplement Magdalenien.
Straus L.J.G., 1986. Late Wurm Adaptive Systems in Cantabrian Spain: The Case of Eastern Asturias // Journal of Anthropological Archaeology. № 5.
Thevenin A., 1989. Guillot G. Le gisement épipaléolithique à galets gravés du Poirier de la Vierge à Neuville-sur-Ornain // Besançon.
Turnbull C.M., 1961. Le peuple de la forêt. Paris.
Turnbull C.M., 1968. The importance of flux in two hunting societies // Man the hunter.
Varagnac A., 1960. Le legs du Mésolitique au Néolithique // Antiquités Nationales et internationales. № 1, 3–4.

г. Шарлевиль, Франция

J.G. ROZOY

SPEARTHROWER AND BOW OF THE PRE-HISTORICAL HUNTERS. TECHNIQIES AND COMPARATIVE DEMOGRAPHY

Summary

Both hunting techniques and demography are too often neglected in the reconstruction of the Pre-historic way of life. The Spearthrowers were from 50 to 90 cm long. They allowed hunters to be afficient when throwing off 2,5–3 m long spears as far as 20–30 m. The bows were the first machines ever conceived by them; they could throw the 50–90 cm long arrows flying at a spead of 100 km/h, as far as 50 m off. They were more precise than the spearthrowers and allowed hunting and living in small groups. The Epipalaeolithic bowmen occupied the whole land equally; on the contrary for the reasons of security the Magdalenians used scattered islets which were chosen for their varieties in the accessible biottopes. We can calculate the number of the bowmen population from carring the capacity of the territories: we find 50,000 persons in France for the Atlantic period. A backwards calculation for the Upper Magdalenian is based on the numbers of the sites and the amounts of the remains for both periods; we find 14,000 persons in France, forming six unequal regional groups, and 24,000 persons in Europe within twelve groups. These facts are confirmed by the external criteria which make them quite plausible.

В.И. БЕСЕДИН, И.Е. САФОНОВ

ЧИСЛА В ОРНАМЕНТАЦИИ КЕРАМИКИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Орнаментация является важной информативной составляющей керамики как источника. Она наиболее динамична, четче фиксирует хронологические изменения и инокультурные воздействия и одновременно отражает культурную специфику, несет огромную смысловую нагрузку.

Вместе с тем это наиболее сложный объект для изучения и интерпретации. Широко распространен формально-типологический метод анализа орнаментации, который применительно к эпохе бронзы обычно строится на принципах Программы В.Ф. Генинга (Генинг В.Ф., 1973). Полярное направление связано с изучением содержательной стороны, семантики. Здесь внимание исследователей проблематики срубной культурно-исторической общности привлекают прежде всего знаки-"письмена" (Формо-зов А.А., Отрощенко В.В., 1988) или рисунки (Отрощенко В.В., 1974; Буров Г.М., 1978). В меньшей степени разработаны сюжеты, связанные с культовой и астрально-календарной символикой орнаментов, в том числе с числовой.

Предпочтение определенных чисел фиксируется еще в верхнем палеолите (Фролов Б.А., 1974). Позже магические, "священные" числа являются практически обязательным атрибутом религиозных представлений, получают широчайшее распространение и вполне могли быть отражены в орнаментации керамики (Стройк Д.Я., 1984, с. 26). Но, как ни странно, работ по эпохе бронзы Восточной Европы в этой области крайне мало. Пожалуй, лишь Н.А. Чмыхов предпринял целенаправленную попытку выявить и аргументировать закономерности отражения чисел в орнаменте на массовом материале. Полученные результаты он интерпретировал как отражение астральных культов и представлений и распространил на ряд культур эпохи бронзы (Чмыхов Н.А., 1982, с. 16–19; 1990, с. 226 сл.). Числовая символика орнаментов специально рассмотрена также Ю.А. Шиловым (Шилов Ю.А., 1995).

Отметим, что, несмотря на дискуссионность многих положений, именно работы Н.А. Чмыхова послужили для нас отправной точкой.

Керамика срубной культуры выбрана объектом исследования прежде всего в силу своей массовости, что представляет благодатную почву для проведения статистического анализа. Кроме того, на ней нередки разнообразные знаки, рисунки, нарушения орнаментального ритма.

В выборке представлены сосуды с территории Подонья, Поволжья и Украины. Большая их часть изучена в натуре, остальные – по публикациям и прорисовкам. Изучались преимущественно сосуды с геометрическим орнаментом из ромбов, треугольников, зигзага или "знаков" в виде крестов, солярных символов и т.д., так как одной из особенностей геометрических символов является их трансформация, возможность обращения в другие знаки и символы, включая определенные числа (Топоров В.Н., 1980, с. 272, 273). При подсчетах каждый таковой символ принимался за единицу.

Поскольку нередки случаи, когда на сосуде представлено несколько орнаментальных зон, то основной (первой) считалась расположенная на плечике, а нумерация остальных ведется от нее сверху вниз. В том случае, когда орнамент

© В.И. Беседин, И.Е. Сафонов, 1996 г.

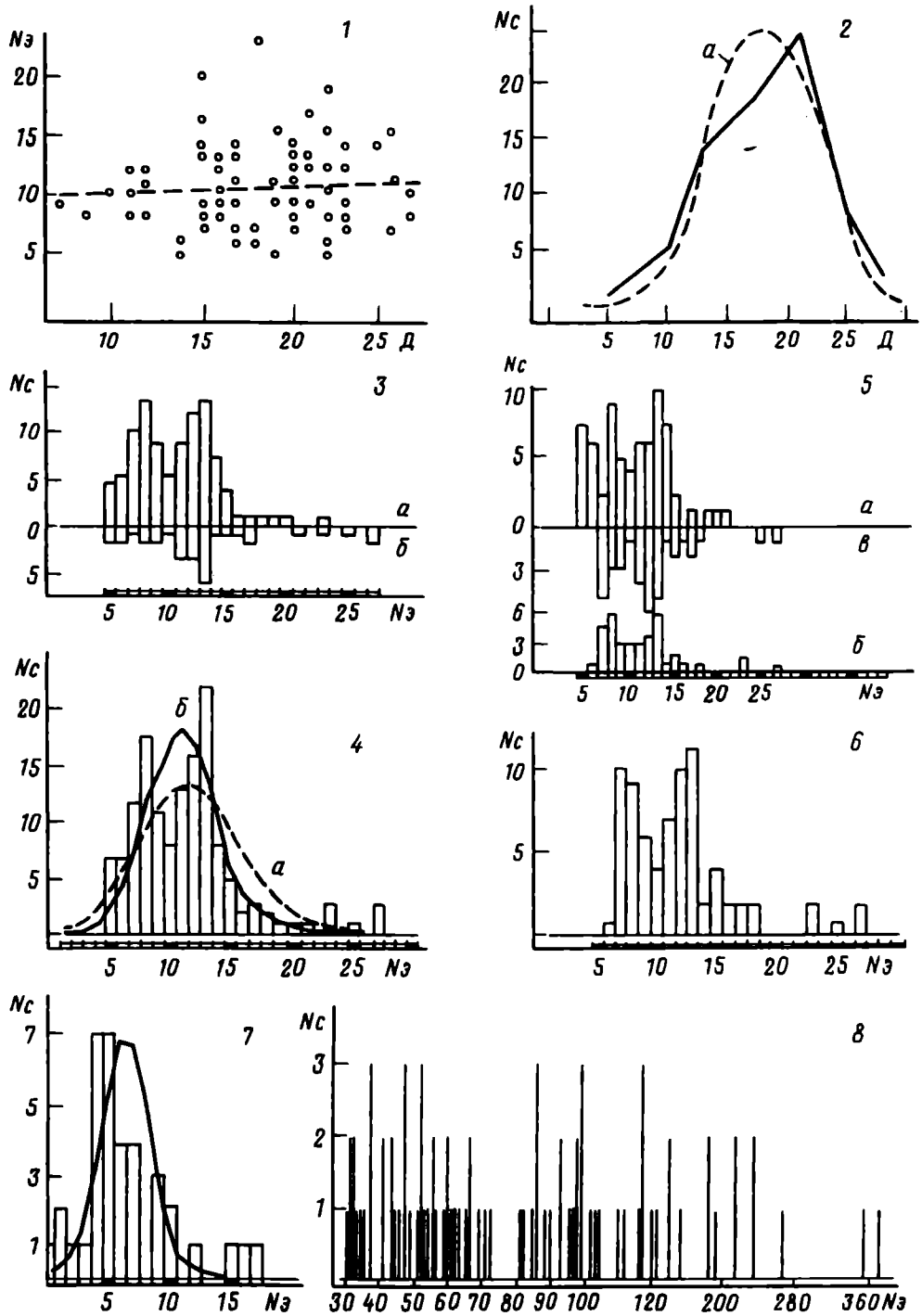


Рис. 1. Статистические характеристики чисел в орнаменте: *1* – график соотношения диаметра сосудов и количества элементов орнамента; *2* – полигон распределения сосудов по их диаметру (*а* – кривая нормального распределения); *3* – гистограммы распределения сосудов по количеству элементов в первой (*а*) и второй (*б*) орнаментальных зонах; *4* – гистограмма распределения сосудов по количеству элементов в трех орнаментальных зонах (*а* – кривая нормального распределения, *б* – кривая биноминального распределения); *5* – гистограммы распределения по количеству элементов сосудов с обычным орнаментом (*а*), сосудов с "идеограммами" (*б*), сосудов с разрывом орнамента (*в*); *6* – гистограмма распределения по количеству элементов сосудов с "идеограммами" и разрывом орнамента; *7* – гистограмма распределения сосудов по количеству элементов заполнения или обрамления (*а* – кривая биноминального распределения); *8* – график распределения сосудов по общему числу элементов заполнения или обрамления. Nэ – количество элементов, Nc – количество сосудов, Д – диаметр сосудов

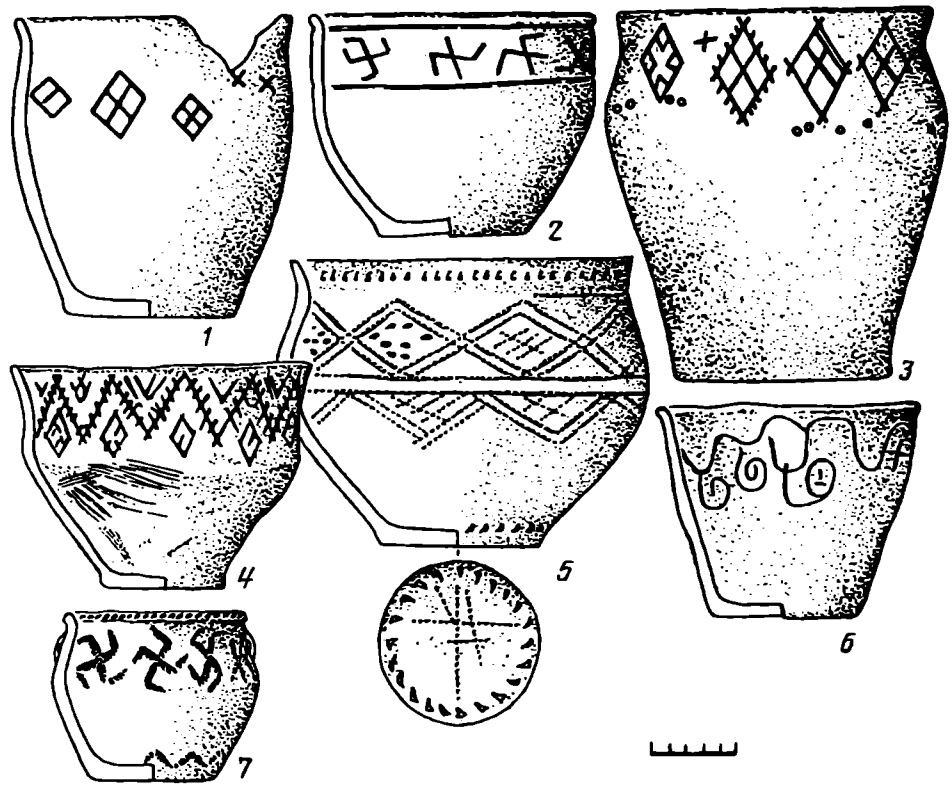


Рис. 2. Сосуды с "идеограммами": *1* – Мирное III, $^{4}/_{1}$; *2* – Подгорное I, $^{5}/_{9}$; *3* – Александровка, $^{5}/_{3}$; *4* – Юбилейное, $^{1}/_{11}$; *5* – Бунарки, $^{1}/_{9}$; *6* – Орлик; *7* – Колпачки (здесь и далее в числителе указан номер кургана, в знаменателе – номер погребения)

наносился в нескольких зонах, учитывалось количество элементов отдельно в каждой из них. Общий объем выборки составил 104 сосуда[1].

Принцип поиска: числа, которым в силу каких-либо причин отдавалось предпочтение или которых стремились избегать, при статистическом анализе должны выделяться из общего ряда.

Первоначально была проверена возможность зависимости числа элементов от размеров сосудов. С этой целью построен корреляционный график значений наибольшего диаметра и количества элементов в основной орнаментальной зоне на плечике сосуда (рис. 1, *1*). График показал отсутствие линейной корреляции, на что указывает и значение коэффициента корреляции Пирсона – 0,06.

Полигон распределения диаметров, хотя и имеет вызванную преобладанием крупных сосудов асимметрию, близок нормальной кривой (рис. 1, *2*). А вот гистограмма распределения количества элементов в основной орнаментальной зоне показала наличие двух отчетливо выраженных пиков, приходящихся на сосуды с 8 и 12–13 элементами (рис. 1, *3а*). Минимум между ними дали сосуды с 10 элементами. Аналогичная гистограмма для второй орнаментальной зоны дала иную картину. Здесь количество сосудов с различным числом элементов распределено почти однородно. Исключение составляют резко преобладающие над остальными сосуды с 13 элементами (рис. 1, *3б*). Наконец, суммарный учет распределения количества элементов по трем зонам (сосуды с большим числом зон единичны) дал гистограмму, имеющую те же две вершины (рис. 1, *4*). Наложение на нее кривых нормального (рис. 1, *4а*) и биномиального (рис. 1, *4б*) распределения позволяет выделить "предпочтительные" числа: 5, 7, 8, 12, 13.

---

[1] Благодарим за разрешение использовать неопубликованные материалы Ю.П. Матвеева, А.Т. Синюка, В.П. Челяпова.

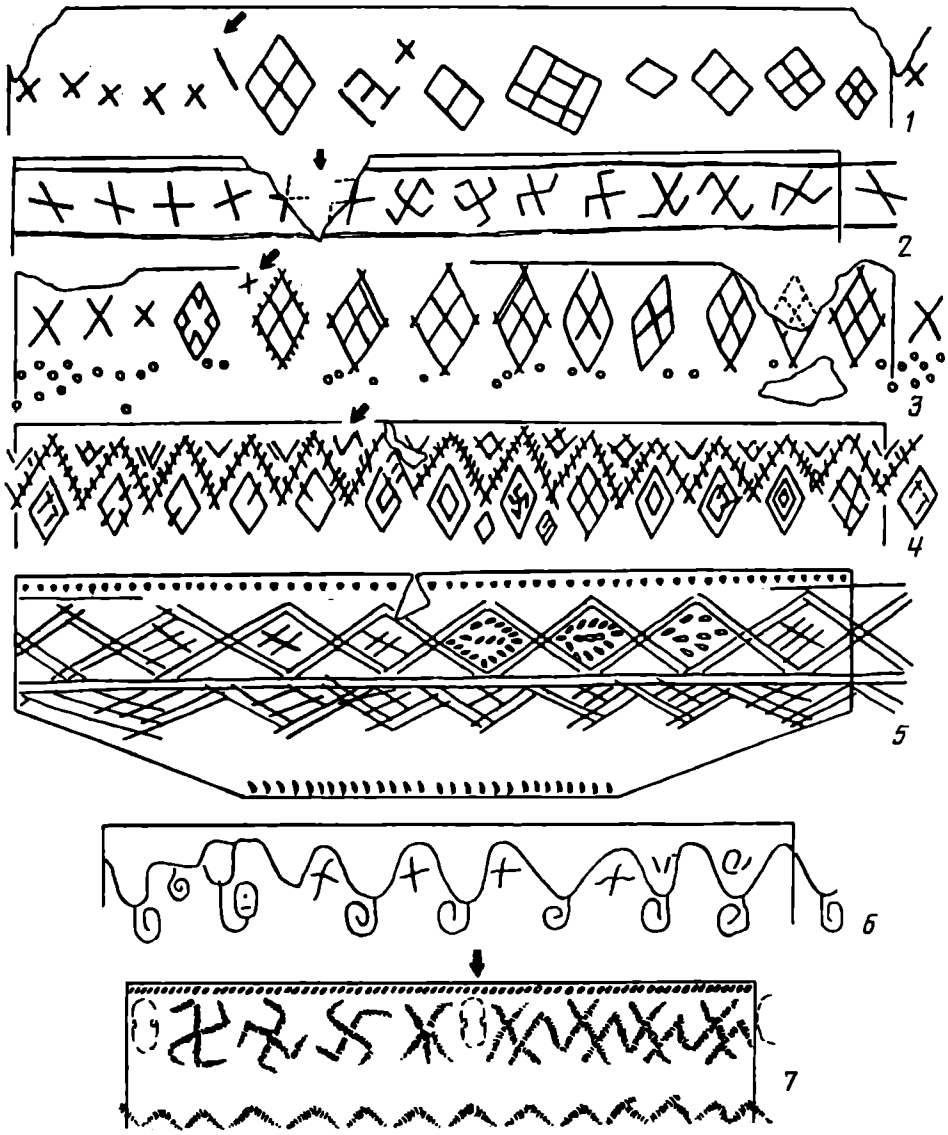


Рис. 3. Орнаментальные схемы сосудов с "идеограммами". Стрелками показана предполагаемая точка начала отсчета. Нумерация соответствует рис. 2

Последующий анализ проводился с учетом специфики построения композиций. По формальным признакам выделены три группы сосудов. В первую включены сосуды с орнаментом из одинаковых или разных, но ритмично чередующихся элементов, образующих замкнутый круг (48%). Во вторую выделены сосуды, орнаментальный пояс которых состоит из разных элементов и знаков ("идеограмм"), чередующихся в неправильной последовательности (27%, рис. 2, 3). К третьей группе отнесены сосуды с орнаментом из одинаковых элементов, но имеющих разрыв (25%, рис. 4, 5). На отдельно взятом сосуде разрыв воспринимается как случайная ошибка мастера. Но в совокупности и с учетом частоты встречаемости наличие таких сосудов случайностью уже не назовешь[2].

Строго говоря, резкой грани между орнаментами двух последних групп нет, поскольку разрывы отмечены и на сосудах второй группы. При этом орнаментальное поле сосудов третьей группы нередко содержит различные знаки, метки и т.д.

Сравнение распределения числа элементов орнамента по группам показывает, что

[2] Наблюдение принадлежит В.В. Отрощенко. На систематический характер разрывов в орнаментальном поле он указал В.И. Беседину в 1990 г., о чем с благодарностью сообщаем.

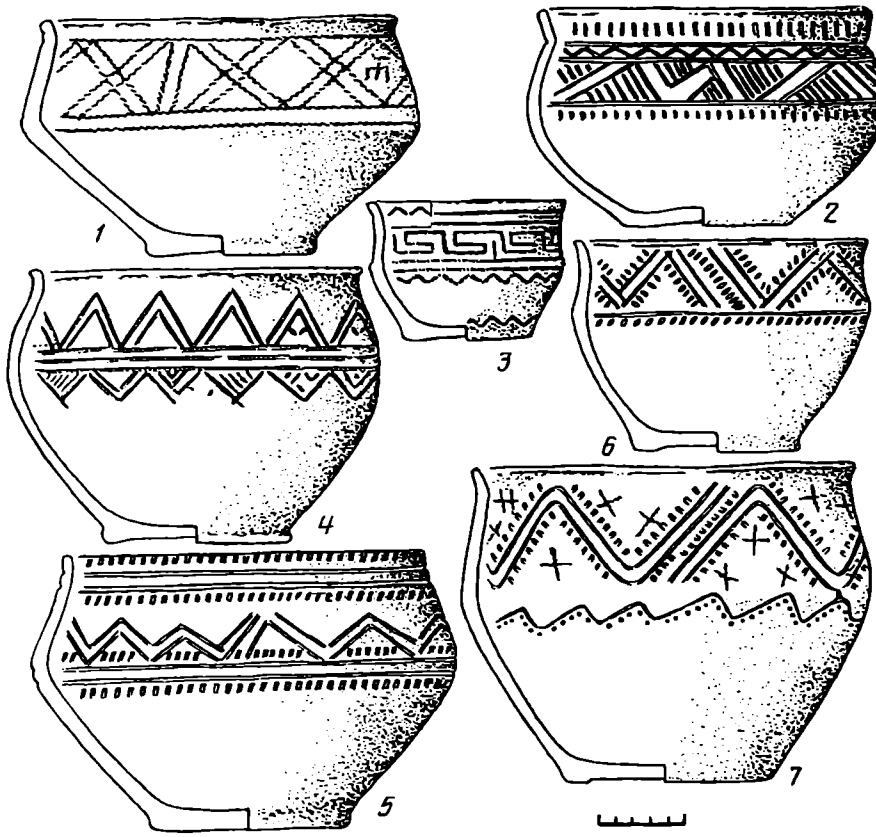


Рис. 4. Сосуды с разрывом орнамента: *1* – Губари, $^{3}/_{3}$; *2* – Богучарский I, $^{4}/_{6}$; *3* – Раздольное; *4* – Губари, $^{3}/_{7}$; *5* – Подгорное I, $^{5}/_{5}$; *6* – Лебяжий Бор, $^{30}/_{2}$; *7* – Подгорное I, $^{7}/_{7}$

за формальными различиями оказались скрыты различия в количестве элементов, наносившихся на сосуды. Так, на сосудах первой группы предпочтение отдавалось 5,8 и 13 элементам (рис. 1, *5а*). На сосудах с "идеограммами" пики приходятся на 8 и 13 элементов (рис. 1, *5б*). А на сосудах с разрывом орнаментального поля это 7 и 12 (рис. 1, *5в*).

Показательно, что частота употребления выделенных для второй и третьей групп чисел при близком объеме выборок (28 и 26 сосудов) оказалась примерно одинаковой (рис. 1, *б*).

Таким образом, выделяются не только конкретные числа, но и их группировки применительно к различным видам орнамента: 5 – 8(7) – 13(12). Отметим, что при сложении первых двух чисел образуется третье. К их интерпретации мы вернемся ниже. Следует обратить внимание, что практически во всех случаях 10 элементов встречаются значительно реже, чем можно было бы ожидать. Интересны и очевидные "выбросы": 18, 23, 25, 27.

На заключительном этапе анализа изучалась частота употребления более мелких структурных единиц орнамента. Подсчет единиц заполнения или обрамления крупных элементов (штрихов, нарезок, вдавлений) затруднен, поскольку далеко не всегда в каждом элементе их содержится одинаковое число. Поэтому рассчитывалось среднее количество на элемент. В целом их распределение близко биноминальному (рис. 1, *7*), при этом пик приходится на четыре-пять элементов. А вот сосудов со средним числом единиц заполнения равным восьми нет совсем (!).

После этого был произведен подсчет суммарного количества названных единиц на сосуде, где они могут быть представлены: а) отдельной зоной, б) в обрамлении по верху элемента, в) в обрамлении по низу элемента, г) в заполнении элемента. Фикси-

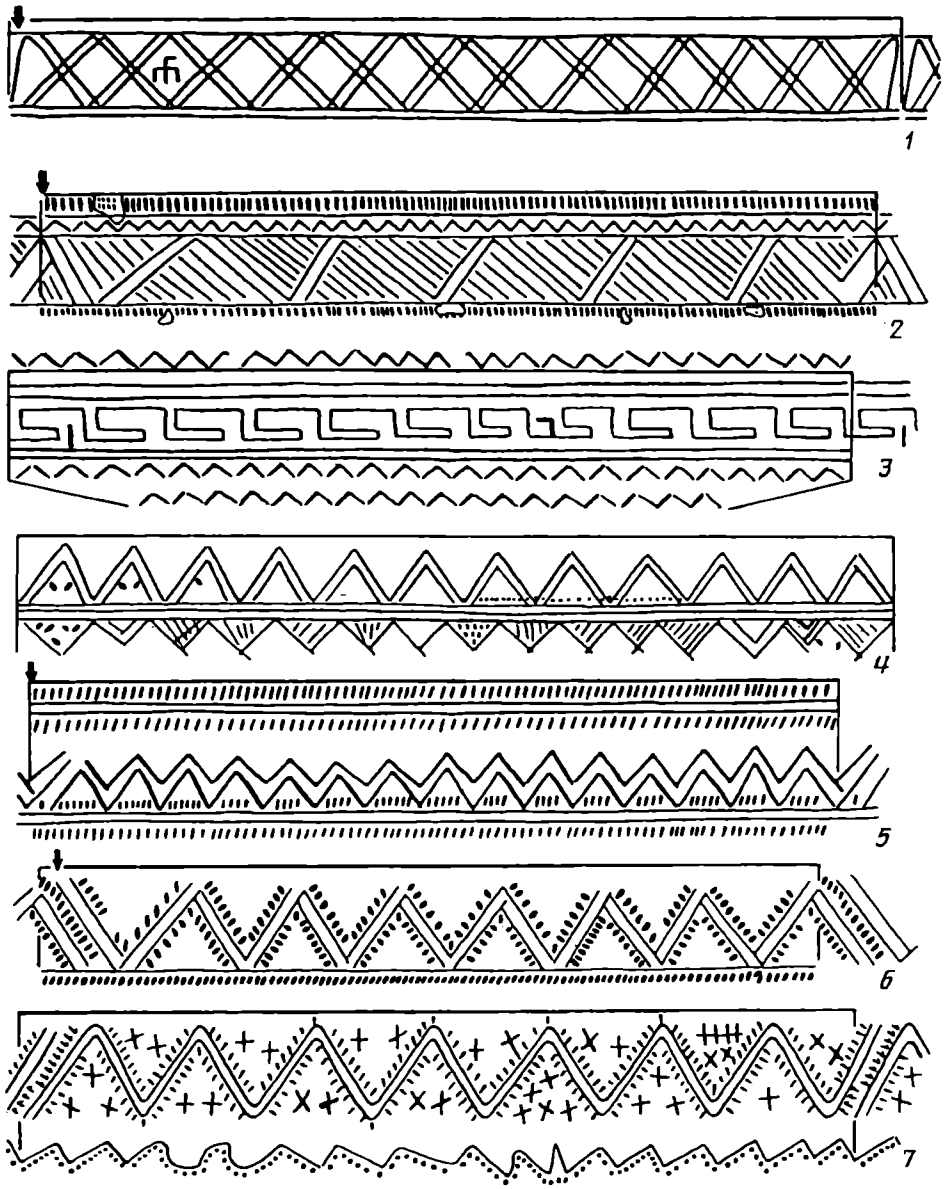


Рис. 5. Орнаментальные схемы сосудов с разрывом орнамента. Нумерация соответствует рис. 4

ровалось их число раздельно в а), б), в) и г), а также суммы а) и б), а), б) и в). В случае, если в каком-либо поясе наблюдалась их группировка, подсчитывалось и их число в каждой из групп.

Результаты подсчетов представлены на графике (рис. 1, *8*). Всего выявлено 58 различных числовых значений, в том числе 52 – в интервале от 30 до 120. Максимальное число совпадений не превышает трех. Исключительное многообразие чисел при минимуме совпадений наглядно показывает всю опасность их интерпретации на отдельно взятом сосуде, как это иногда практикуется. При желании здесь можно подобрать любые значения для привязки к религиозно-мифологическим, календарным и другим представлениям самых разных народов. Даже при трехкратном совпадении вероятность случайности очень велика. Очевидно, что необходимая для подобного анализа выборка должна быть значительно больше взятой нами.

Тем не менее зафиксируем те числа, которые встречаются чаще других. Для трех совпадений это 38, 48, 52, 86, 99, 118; для двух – 32, 33, 41, 44, 56, 60, 66, 93, 98, 177, 225, 236. Укажем также далеко отстоящие от основного ряда значения: 355 и 378.

При первом знакомстве обращают внимание числа кратные 11: 33, 44, 66, 99. Их вторым сомножителем являются широко распространенные "священные" числа 3, 4, 6 (или 3 + 3), 9. Остальные с точки зрения формального анализа в отрыве от источника анализировать вряд ли целесообразно.

Полученный в итоге ряд весьма показателен: (3, 4), 5, (6), 7, 8, (9), (11), 12, 13. Почти все эти числа так или иначе представлены в различных мифологических, счетных, календарных системах не только первобытности, но и более позднего времени либо сами по себе, либо как результат сложения с равным себе или с единицей (например, 6 как 5 + 1, 8 как 7 + 1), либо как результат умножения (12 как 3 × × 4) (Сыркин А.Я., 1969, с. 82, 83; Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс., 1984, с. 851–855).

Лишь два числа здесь не совсем уместны: 11 и особенно 13. Дурная слава последнего хорошо известна. Наши попытки отыскать его связь с мифологическими событиями в различных источниках не дали результата. Не упоминается оно ни в энциклопедии "Мифы народов мира", ни в "Мифологическом словаре". Между тем в орнаментации срубной керамики появление этого числа никак нельзя назвать случайным. Именно его трактовка становится ключевой.

Заслуживает внимания, что большинство сосудов с "идеограммами" (рис. 2, 3), где число 13 наиболее выражено, при их публикации или в дальнейшем было отнесено к календарным (Андриенко В.П., 1979, с. 70; Гершкович Я.П., Евдокимов Г.Л., 1982, с. 228; Ковалева И.Ф., 1989, с. 83; Шилов Ю.А., 1995, с. 465–468). Не трудно заметить, однако, что в приведенной подборке отсутствует главная особенность календарей – счет по дням. К тому же для того, чтобы некий числовой ряд можно было назвать календарем, по мнению В.Г. Власова, должен выполняться ряд требований. В их числе привязка к важнейшим астрономическим точкам года – дням солнцестояний и равноденствий, деление годового или более короткого числового ряда на ритмически повторяющиеся периоды (месяцы, недели), выделение праздничных дней (Власов В.Г., 1989, с. 10, 11). Не вызывает сомнений, что в орнаменте сосудов отражено обобщенное представление об основных отрезках времени на протяжении года или его части. Это скорее "изображение" года, чем календарь.

В наиболее лаконичной форме эта идея нашла отражение на сосуде из Мирного III (рис. 3, *1*) (Галкин Л.А. и др., 1993, табл. 8, *5*). Начало отсчета выделено вертикальной чертой, после чего следуют восемь ромбов с различным заполнением и пять одинаковых крестов. Очевидна тесная взаимосвязь чисел 13, 8 и 5. Если допустить предлагаемую реконструкцию утраченных знаков, то аналогичная картина представлена и на сосуде из Подгоренского могильника (рис. 3, *2*) (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1994), только вместо ромбов здесь представлены солярные символы.

Тот же принцип сохранен и в двух сосудах из Поднепровья (Гершкович Я.П., Евдокимов Г.Л., 1982, рис. 1; Ковалева И.Ф., 1989, рис. 13, *2*). На первом из них основной сюжет усложнен зигзагом с бахромой и дополнительными символами. 13 ромбов основного поля делятся на две группы: с заполнением в виде ромбов и крестов (8) и с насечками (5). Особо выделен ромб со свастикой внутри (рис. 3, *4*). На втором сосуде присутствуют те же 13 символов, однако комбинация составляющих иная – 4 + 9 (рис. 3, *3*), причем четвертый знак слева выделен особым образом. Под основным полем трубочкой нанесено 28 вдавлений (и не более двух утрачено).

Очевидно, что при разных формах передачи на представленных сосудах выражен один и тот же принцип деления года на две основных части (зимнее и весенне-осеннее времена года) и 13 более мелких (месяцы). Подобная трактовка достаточно широко представлена в упомянутых выше работах различных исследователей, но на примере отдельно взятых сосудов.

Показательно, что если зимние месяцы в принятой трактовке показаны одинаковыми или сходными знаками, то каждый месяц теплого сезона, как правило, отмечен особым символом. Это подтверждает мнение Б.А. Рыбакова, Н.А. Чмыхова и других исследователей о преимущественном внимании к весенне-летнему времени года (Рыба-

Таблица

Древние календарные системы

Тип календаря	Дней в месяце	Месяцев в году	Дней в году	Отклонение от тропического года
Лунный сидерический	27	12	324	41
Лунный сидерический	27	13	351	14
Лунный синодический	29–30	12	354	11
Лунный синодический	35–36	10	354	11
Лунный синодический	29–30	13	383	18
Солнечный	30	12+1	360+18	13
Солнечный	30	12	360+5	0

ков Б.А., 1981, с. 326; Чмыхов Н.А., 1990, с. 293 сл.) и объясняет широкое распространение сосудов с восемью элементами.

Таков, например, сосуд из Бунарок (рис. 3, *5*) (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, рис. 43, *6*). Обратим внимание на одну характерную особенность: семь ромбов основной зоны имеют заполнение, а на одном оно отсутствует. Причем пустой ромб особо выделен сверху горизонтальной линией из оттисков зубчатого штампа. Выделение подчеркнуто и нижней зоной, в которой один из треугольников объединяет этот ромб с соседним. Иными словами, пустому ромбу придано особое значение. Аналогичный пустой ромб мы находим и на сосуде из Мирного III (рис. 3, *1*).

Наличие незаполненного ромба позволяет говорить о пробеле (разрыве) как символе. Тогда находят объяснение 12- или семизначные композиции с пробелом. В частности, на сосуде из Колпачков (Хабарова Н.В., 1993, рис. 3, *2*) четыре и восемь знаков разделены ушками, что подчеркивает обособленность каждой части поля (рис. 3, *8*). При этом под 12 знаками находится пояс из 13 элементов.

Другая группа сосудов имеет разрыв орнаментального пояса (рис. 4, 5). У большей их части орнаментальный пояс состоит из 12 или семи элементов (рис. 5, *1–3, 6, 7*). Хорошо виден принцип образования чисел 8 (7 + 1) и 13 (12 + 1), когда дополнительный элемент обозначен либо незаполненным символом, либо разрывом.

Характерно, что на сосудах данной группы орнаментальная зона состоит из одинаковых элементов. Причем если на сосудах с "идеограммами" чаще встречаются ромбы или солярные символы, то здесь мы наблюдаем преобладание треугольников и зигзага. Не фиксируется и противопоставление времен года, не подчеркиваются особенности отдельных месяцев. Очевидно, что, при всем сходстве основного содержания композиций, на сосудах разных групп оно несло и иную смысловую нагрузку. В первом случае, как уже отмечалось, это образное представление года в виде "живых" и "мертвых" месяцев. А во втором, скорее всего, нашло отражение представление о цикличности и дискретности времени.

Следует подчеркнуть, что композиции далеко не всех сосудов обеих групп укладываются в предложенные схемы. Среди них присутствует и иное построение композиций (рис. 3, *6*), и иное количество элементов (рис. 5, *5*) (Супруненко А.Б., 1986, рис. 2; Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1994, рис. 5, *7*). Скорее всего, в них обозначены другие представления. В частности, композиции из 12 элементов с группировкой 4 × 3 могут отражать деление года на четыре сезона (рис. 5, *4*).

Однако ведущее место принадлежит все же сосудам с 12 и 13 элементами. Их взаимосвязь становится понятной, если обратиться к основным календарным системам древности (таблица составлена по Бикерман Э., 1975; Климишин И.А., 1985).

Не сложно заметить, что большинство из них основано на счислении времени по лунным фазам. Такой порядок удобен, но дает существенную разницу с тропическим годом. Выход находили во введении через какие-то промежутки времени дополнительного 13-го месяца (Бикерман Э., 1975, с. 19). Кстати, как 13-й месяц можно рассматривать и дополнительные пять дней солнечного календаря. Существование интеркаляционных вставок отмечено и у народов, не имевших письменности. В частности, В.Е. Гусев предполагает их наличие у славян догосударственного периода (Гусев В.Е., 1978, с. 140).

Показательно, что интеркаляционный месяц не имел своего названия. Обычно он назывался тем же именем, что и предшествующий. Со сказанным согласуется то обстоятельство, что 13-й месяц на рассматриваемых сосудах только отмечен, но не имеет специального обозначения.

Таким образом, можно предполагать, что основой календарной системы племен срубной общности был год из 12 основных и одного дополнительного месяца. На тип года могут указывать некоторые из выявленных выше чисел: 118, 177, 236, 355, 378. Они ибо кратны длительности синодического месяца (29,5 × 4 = 118, × 6 = 177, × 8 = 236), либо близки продолжительности синодического года.

Выше уже говорилось о возможности случайного совпадения, тем более когда число получено в результате сложения двух или трех других: 177 = 88 + 89 = 95 + 82. Трудно допустить, что без точного расчета и предварительной разметки на сосуд наносилось строго заданное количество вдавлений или штрихов. Иное дело, если такая разметка уже задана в явной форме отрезками зигзага или геометрическими фигурами. Тогда нанесение точного числа меток значительно упрощается, как и их дальнейший подсчет.

Наглядный пример такого рода представляет сосуд из могильника Лебяжий Бор. Памятник относится к поздняковской культуре, но в форме и орнаментации сосуда четко прослеживается срубное воздействие (рис. 4, *6*). В основе композиции лежит незамкнутый зигзаг из семи элементов. По верху зигзага нанесено 90 вдавлений, по низу – 93, в точке разрыва – 12. Ниже, в отдельной зоне, их насчитывается 105 (рис. 5, *6*).

Возможна следующая интерпретация числового ряда. Сумма первых двух чисел дает половину тропического года с точностью до 1 дня (183 × 2 = 366). А число 12 может рассматриваться как разница в величине тропического и лунного синодического годов (366 – 12 = 354). Значение числа 105 нам не ясно.

Более сложная композиция представлена на сосуде из Подгоренского могильника (рис. 4, *7*). В ее основе, как и в предыдущем случае, лежит незамкнутый семичастный зигзаг. По верху зигзага насчитывается 115 вдавлений, по низу – 110. В точке разрыва нанесено 13 вдавлений, причем направлением накола подчеркнута принадлежность девяти из них к верхнему ряду и четырех – к нижнему. Над зигзагом и под ним находится по 18 крестов. Наконец, под ребром сосуда зигзаг из 16 элементов обрамлен 118 наколами. Сумма всех меток (355) практически соответствует величине лунного синодического года из 12 месяцев, причем количество меток в верхней части соответствует восьми месяцам, а в нижней – четырем. Налицо знакомое противопоставление времен года, подчеркнутое к тому же размещением на сосуде и наличием в верхнем ряду солярных символов.

Если наши реконструкции верны, то в данном случае представлены уже не "изображения" года, а настоящие календари-численники с четко обозначенной точкой начала отсчета и разбивкой на более короткие отрезки. Сохранившаяся в заполнении некоторых вдавлений Подгоренского сосуда белая "паста" позволяет предположить, что таким способом метились прошедшие дни.

Таким образом, основу календарной системы племен срубной общности составляет лунный синодический год. Начало этого года, судя по сосудам с "идеограммами", приходилось на весну. Сложнее установить место и периодичность интеркаляционного месяца. Он мог вставляться либо в конце зимы, либо в конце лета, а его продол-

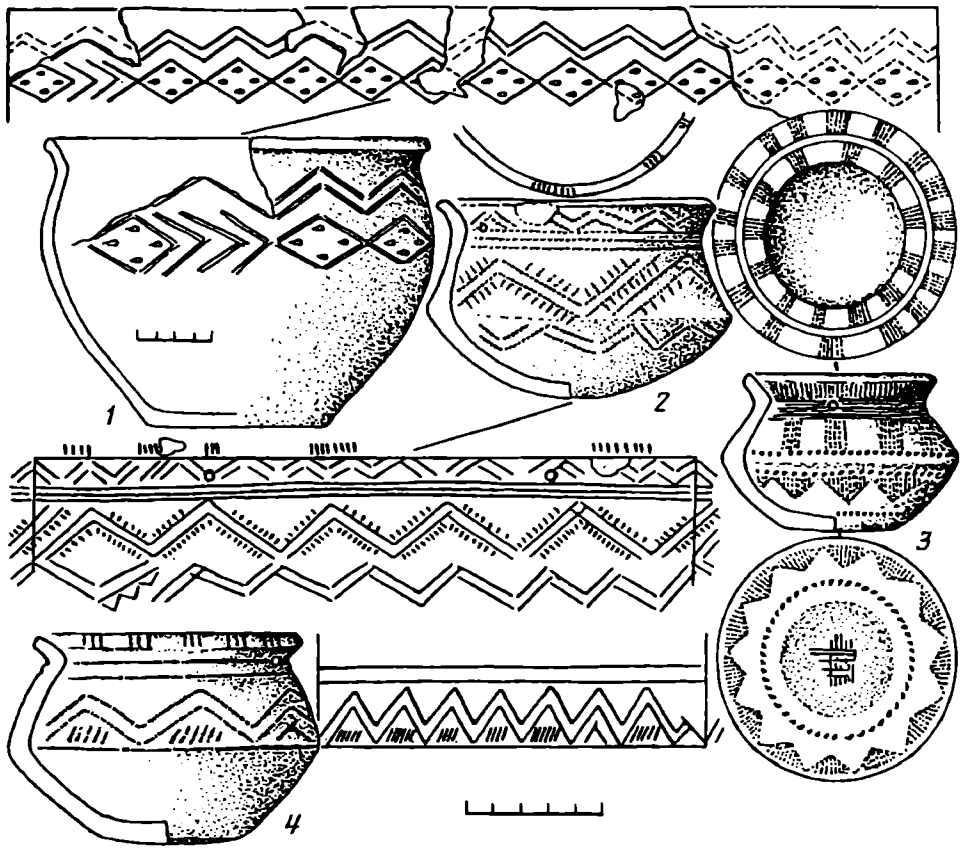


Рис. 6. Керамика абашевской общности: *1* – Власовский, $^{16}/_{3}$; *2* – Власовский, $^{16}/_{4}$; *3* – Синташта, С $^{1}/_{1}$; *4* – Подклетное, $^{22}/_{2}$

жительность с одинаковой вероятностью можно определить в 11–12 дней (разница между лунным и тропическим годами) или же в 29–30 дней.

В связи с изложенным представляют интерес истоки календарных представлений племен срубной общности. Они практически не связаны с катакомбной системой счисления времени, где, по данным Н.А. Чмыхова, преобладают числа кратные 3 и 4 (4, 6, 8, 12) и практически отсутствует число 13 (Чмыхов Н.А., 1982, с. 18, 19). В то же время в этом отношении весьма показательны орнаментальные композиции на абашевской керамике (рис. 6). Особо обратим внимание на сосуды из кургана 16 Власовского могильника (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993). На одном из них орнаментальный пояс из 13 (?) ромбов имеет выделенный разрыв (рис. 6, *1*). А на втором сосуде принципы построения композиции полностью соответствуют тем, которые были отмечены на срубной керамике с разрывом орнаментальной зоны (рис. 6, *2*). Есть на нем и те же числовые соотношения: 5, 7, 12. Близкую символику имеет сосуд из Подклетненского могильника (рис. 6, *4*). Сочетание 12 и 13 элементов дает сосуд из Синташты (рис. 6, *3*) (Генинг В.Ф. и др., 1992, рис. 139, *7*). Подчеркнем присутствие календарной символики именно на миниатюрных остроребериых сосудиках, являющихся надежным индикатором абашевской принадлежности памятника.

Предложенная реконструкция основ календарной системы срубной общности не претендует на полноту. Исторически хорошо известны многочисленные факты параллельного существования нескольких календарей в Месопотамии, Египте, Греции, Индии ведического периода и т.д. На существовании календаря из 11 месяцев в срубной общности настаивает Ю.А. Шилов (Шилов Ю.А., 1995, с. 465–468), что в свете приведенных выше данных не лишено основания.

Дальнейший анализ орнаментации керамики позволит внести большую ясность в этот вопрос. Причем для этого имеется огромная источниковая база. Так, в одном

только Лузановском могильнике из 72 орнаментированных сосудов 20 (28%) имеют сбои орнаментального ритма или "идеограммы" (Васильев И.Б., 1977, рис. 6, *8*, *16*; 8, *13*, *16*, *19* и др.). В Волго-Уральском междуречье количество таких сосудов составляет около 23%, на Донетчине – около 30%. При этом подсчет производился только по публикациям. В нашей выборке таких сосудов около половины, но, как уже говорилось, обрабатывались сосуды преимущественно с геометрическим орнаментом. По-видимому, реальной цифрой будет 25% от общего количества орнаментированных сосудов. Даже если не все они имеют календарную символику, возможности для изучения числовых закономерностей практически неограничены. Подчеркнем, что при этом необходимо отказаться от попыток интерпретации отдельно взятых сосудов. Календарная система, если она существовала в реальности, обязательно будет неоднократно повторяться, хотя способы ее передачи могут быть различны.

В заключение напомним, что важнейшие выделенные числа присутствуют как на сосудах с календарной символикой, так и на керамике срубной общности с обычным геометрическим орнаментом. Это позволяет рассматривать в числе основных функций орнамента не только декоративные и магико-религиозные, но и отражение космогонических представлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андриенко В.П., 1979. О семантике орнамента сосуда из Владимировки // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы (тез. докл. конференции). Донецк.

Бикерман Э., 1975. Хронология древнего мира. М.

Буров Г.М., 1978. К вопросу о загадочных знаках на сосудах срубной культуры // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Научные труды. Т. 221. Куйбышев.

Васильев И.Б., 1977. Лузановский курганный могильник // Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев.

Власов В.Г., 1989. К вопросу о календаре верхнего палеолита // СА. № 2.

Галкин Л.А. и др., 1993. Памятники срубной культуры Волго-Уральского междуречья // САИ. Вып. В1–10. Т. 1. Саратов.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Тбилиси.

Генинг В.Ф., 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. № 1.

Генинг В.Ф. и др., 1992. Синташта. Археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей. Кн. 1. Челябинск.

Гершкович Я.П., Евдокимов Г.Л., 1982. Об одной категории костяных изделий срубной культуры // СА. № 1.

Гусев В.Е., 1978. О реконструкции праславянского календаря (К проблеме этногенеза славян) // СЭ. № 6.

Климишин И.А., 1985. Календарь и хронология. М.

Ковалева И.Ф., 1989. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). Днепропетровск.

Отрощенко В.В., 1974. Элементы изобразительности в искусстве племен срубной культуры // СА. № 4.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988. Курганы эпох бронзы Побитюжья. Воронеж.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1994. Стратифицированный срубный курган Подгоренского могильника // Тр. Воронежск. обл. краевед. музея. Вып. 2. Воронеж.

Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.

Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993. Курган № 16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа.

Стройк Д.Я., 1984. Краткий очерк истории математики. М.

Супруненко А.Б., 1986. Сосуды срубной культуры из окрестностей села Орлик // СА. № 4.

Сыркин А.Я., 1969. Числовые комплексы в ранних Упанишадах // Уч. зап. Тартуского ун-та. Труды по знаковым системам. IV. № 236. Тарту.

Топоров В.Н., 1980. Геометрические символы // Мифы народов мира. Т. 1. М.

Формозов А.А., Отрощенко В.В., 1988. К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла // Studia Praehistorika. T. 9. Sofia.

Фролов Б.А., 1974. Числа в графике палеолита. Новосибирск.

Хабарова Н.В., 1993. Случайные находки эпохи бронзы из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград.

Чмыхов Н.А., 1982. Принцип зодиакального (астрономического) датирования в археологии // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев.

Чмыхов Н.А., 1990. Истоки язычества Руси. Киев.

Шилов Ю.А., 1995. Прародина ариев. История, обряды, мифы. Киев.

Воронежский государственный университет

V.I. BESEDIN, I.E. SAFONOV

NUMBERS IN THE TIMBER-GRAVE CULTURE CERAMICS ORNAMENTATION

S u m m a r y

The author carried the statistics of the ornamental compositions on the timber-grave culture ceramics and marked out the numbers met most often. They are connected with the division of year into 12–13 months or two seasons. The further analysis of the ornamental compositions proved the conclusion that the timber grave culture's calendar system had been based on the lunar synodic year.

Н.А. ФРОЛОВА

МОНЕТНОЕ ДЕЛО БОСПОРА СЕРЕДИНЫ VI–V в. до н.э.

Данная статья посвящена истории монетного дела Боспора на самом раннем этапе его существования. Фактологической основой исследования служит "Каталог монет Пантикапея" этого времени, представленный в конце исследования в качестве Приложения. Каталог представляет собой впервые составленный свод серебряных боспорских монет середины VI–V в. до н.э. с перечислением максимально полного числа монетных штемпелей всех номиналов боспорского серебра, с указанием их индивидуальных весов, диаметров и с изображением этих штемпелей на табл. I–XIII в увеличенном размере.

Такой свод дает не только общее представление об истории монетного дела Боспора этого времени, но также может служить практическим пособием для определения ранних серебряных монет Боспора, находимых при раскопках или содержащихся в коллекциях.

В русской нумизматической литературе существуют (если не считать уже устаревших сейчас трудов XIX в.) три очерка монетного дела раннего Боспора. Это главы в книгах А.Н. Зографа (Зограф А.Н., 1951, с. 164–168), Д.Б. Шелова (Shelov D.B., 1978, p. 9–32) и В.А. Анохина (Анохин В.А., 1986, с. 9–30). А.Н. Зограф первым дал хронологическую классификацию раннего серебра Боспора, которая и была принята с небольшими поправками Д.Б. Шеловым и последующими исследователями. Эта хронологическая классификация остается в основном незыблемой до сих пор.

Но в книгах А.Н. Зографа и Д.Б. Шелова собраны не все типы монет. Хотя в книге В.А. Анохина и представлены почти все типы раннего серебра, но исторический очерк, предпосланный каталогу, содержит целый ряд положений, отличающихся от высказанных А.Н. Зографом и Д.Б. Шеловым и, к сожалению, в большинстве случаев ошибочных. Датировки в пределах десятилетий и пятилетий, предложенные В.А. Анохиным, произвольны и создают искаженное представление о монетной чеканке Боспора раннего времени.

По единодушному мнению исследователей, серебро Боспора VI–V вв. до н.э. чеканилось по эгинской весовой системе. Материалом для суждения о весовых нормах и системе номиналов служат веса самих монет. А.Л. Бертье-Делягард (Бертье-Делягард А.Л., 1912, с. 49–92), собравший воедино веса известных ему монет по отечественным и зарубежным собраниям и частным коллекциям, определил весовую систему раннего боспорского серебра как эгинскую. Основной единицей этой системы является серебряный статер. Статер делится на две драхмы, а драхма – на шесть оболов. Ранние серебряные статеры на Боспоре не известны, драхмы чрезвычайно редки (табл. I, *1, 2*). Из имеющихся весовых данных можно заключить, что монеты в четыре обола (тетроболы) редки (табл. *I, 3, 3а*), часто чеканились лишь монеты в три и два обола (триобол, диобол) (табл. I, *4–11*), а также части обола: $^1/_2$ (гемиобол) (табл. I, *12, 13, 15*), $^1/_4$ (тетартеморий) (табл. III, *19–30*), $^1/_8$ (гемитетартеморий) (табл. IX, *1–40*, X, *1–13*).

При составлении данного каталога нами использованы материалы следующих музеев: Государственный исторический музей (в каталоге – ГИМ), Государственный Эрмитаж (в каталоге – ГЭ), Государственный музей изобразительных искусств

© Н.А. Фролова, 1996 г.

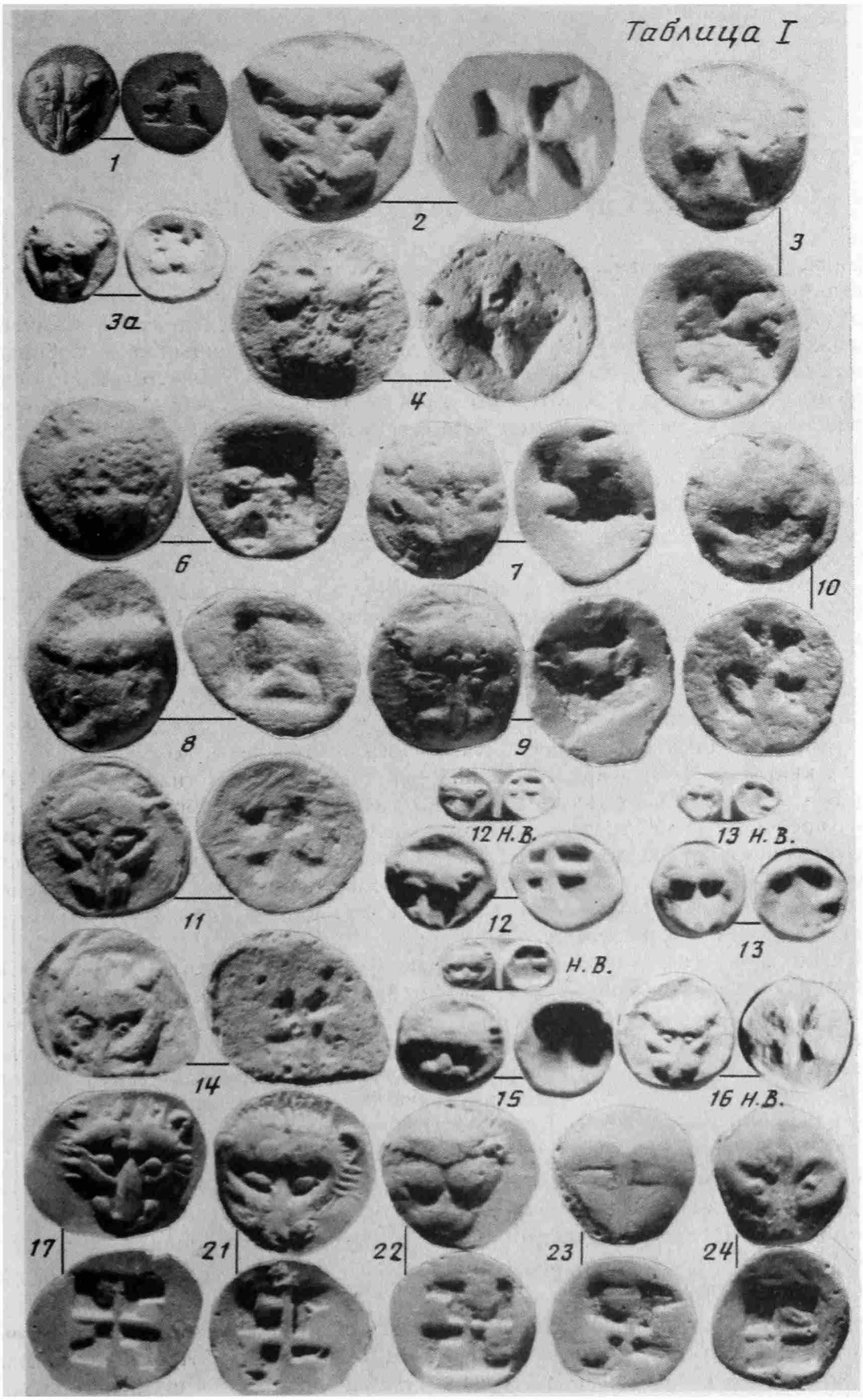


Таблица I
1
2
3
3а
4
6
7
10
8
9
11
12 Н.В.
13 Н.В.
12
13
Н.В.
14
15
16 Н.В.
17
21
22
23
24

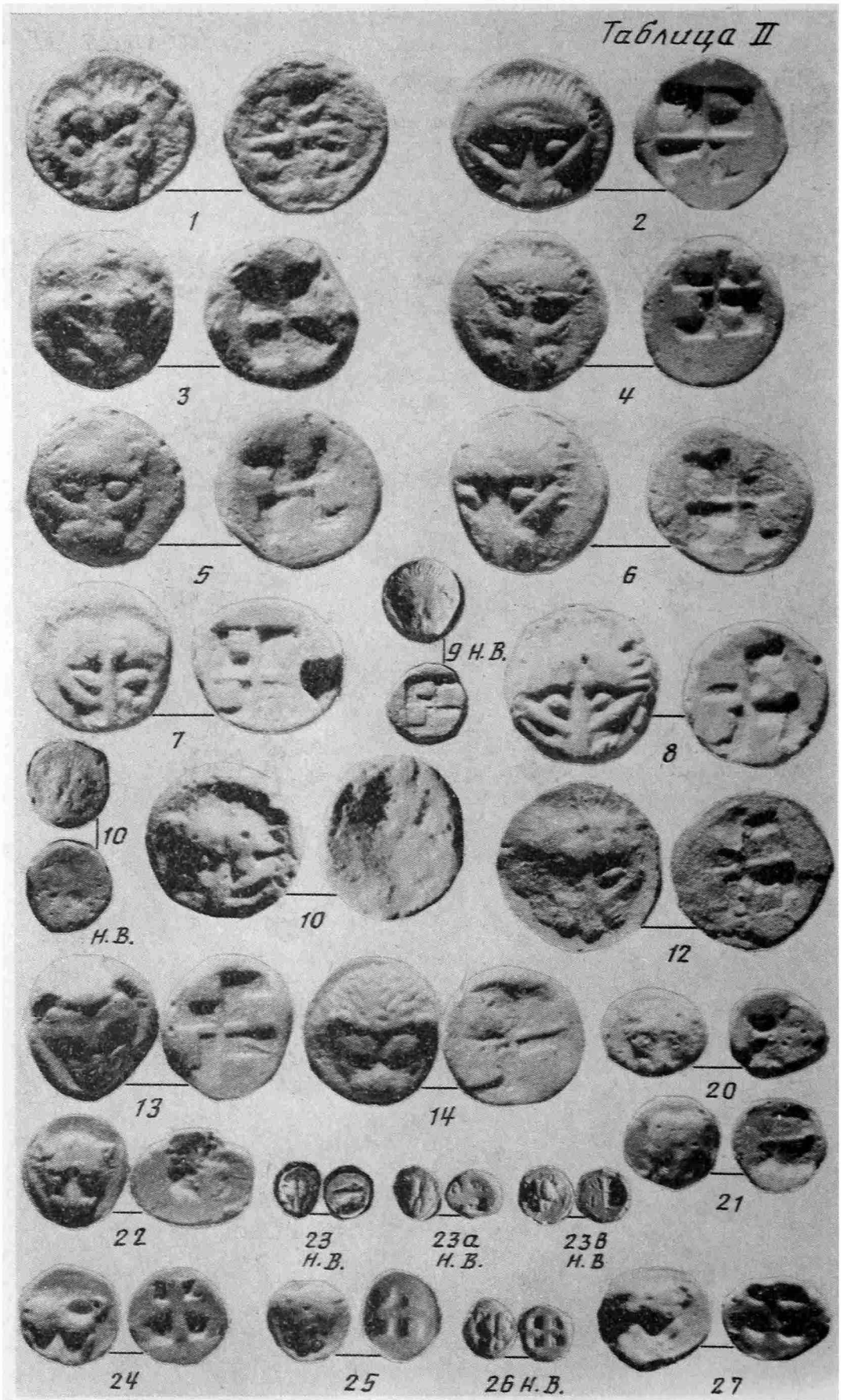


Таблица II
1
2
3
4
5
6
9 Н.В.
7
8
10
Н.В.
10
12
13
14
20
21
22
23
Н.В.
23а
Н.В.
23в
Н.В
24
25
26 Н.В.
27

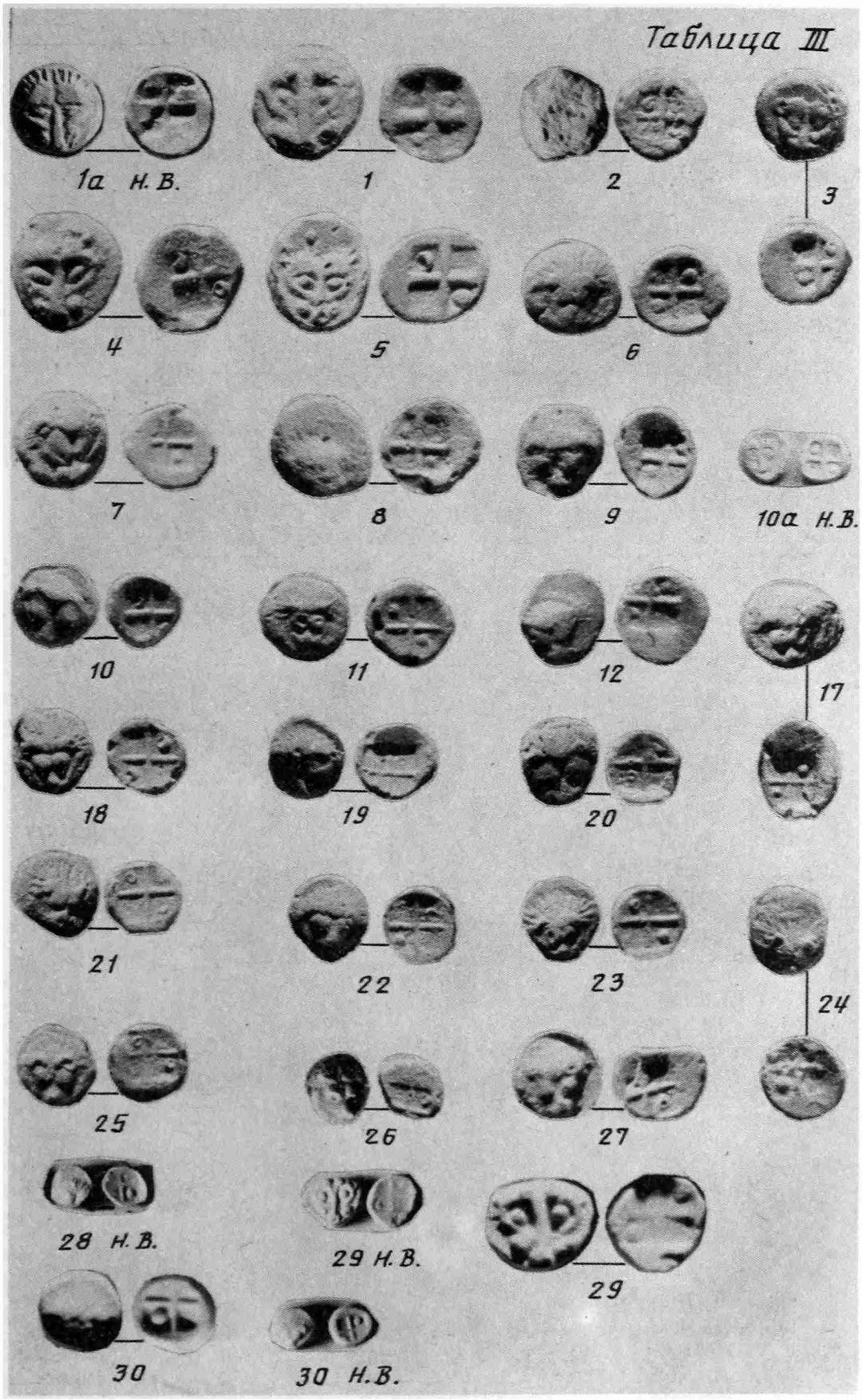


Таблица III
1а Н. В.
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10а Н.В.
10
11
12
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28 Н. В.
29 Н. В.
29
30
30 Н. В.

Таблица IV
2
3
4
1 Н.В.
5
6
7 Н.В.
7а Н.В.
8
9
10
11 Н.В.
12 Н.В.
12а Н.В.
13а Н.В.
13в Н.В.
Н.В.
13
13с
14
15
16
14а Н.В
17
18
14в Н.В
19

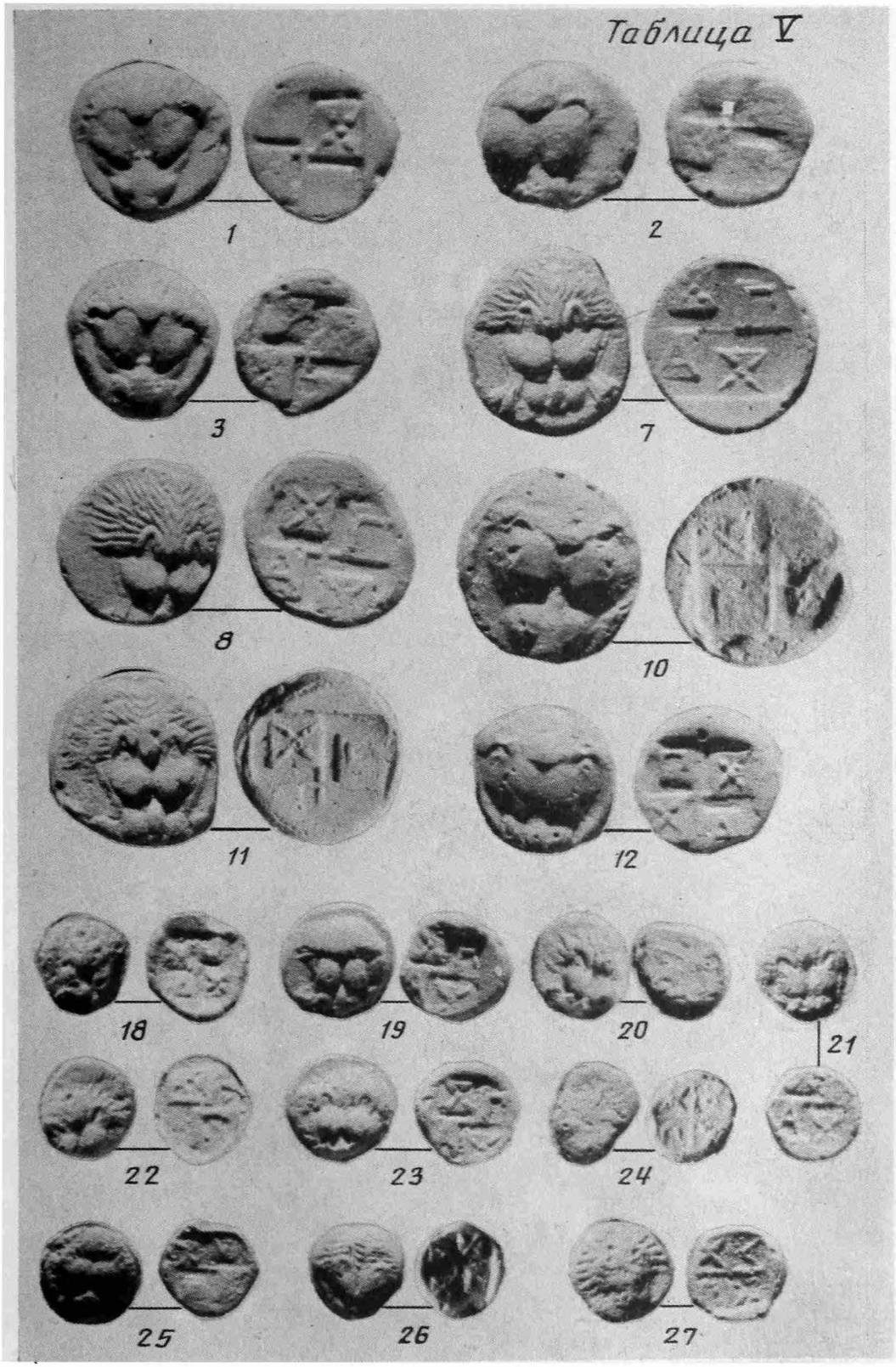


Таблица V
1
2
3
7
8
10
11
12
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27

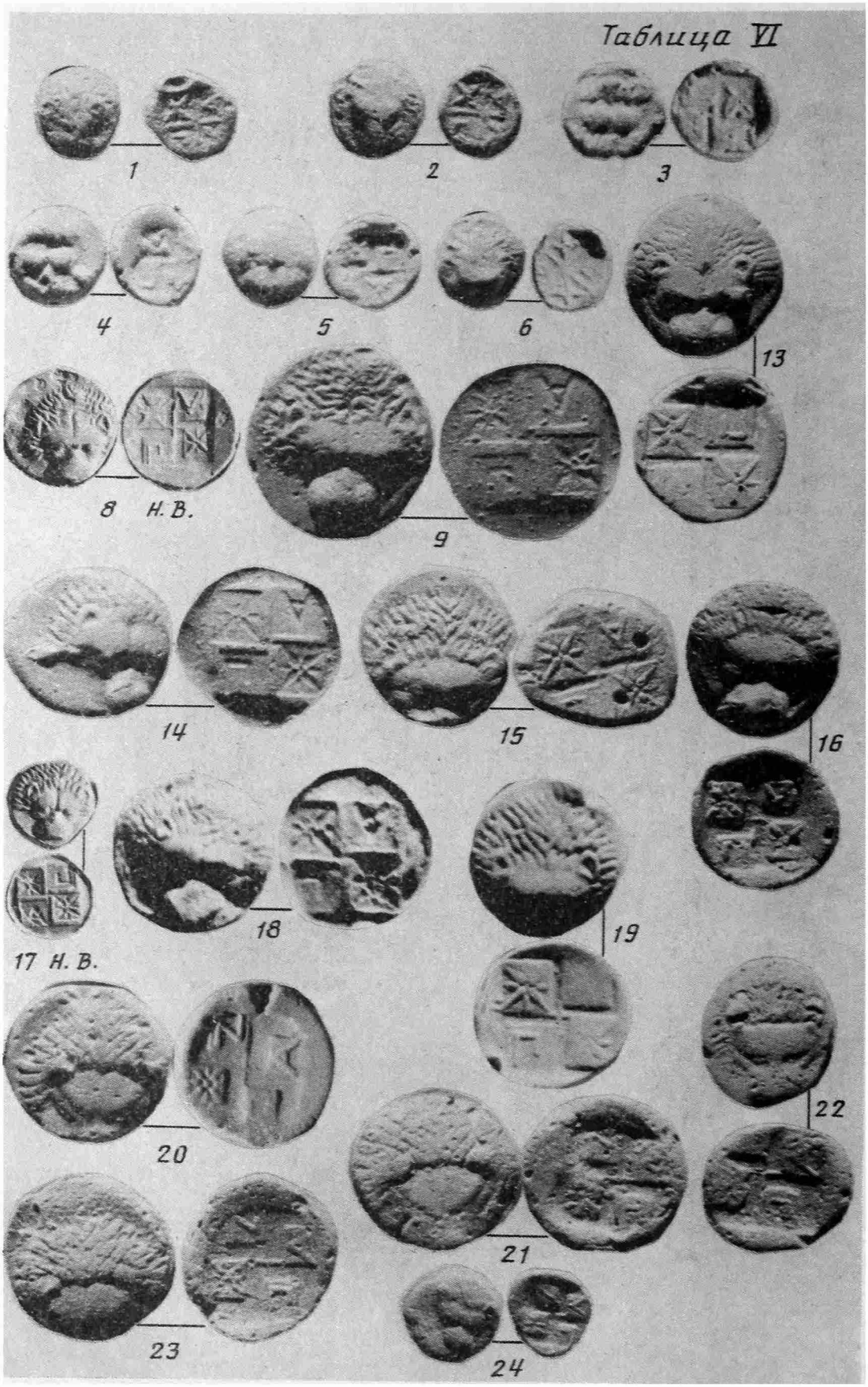


Таблица VI
1
2
3
4
5
6
13
8 Н. В.
9
14
15
16
17 Н. В.
18
19
20
22
21
23
24

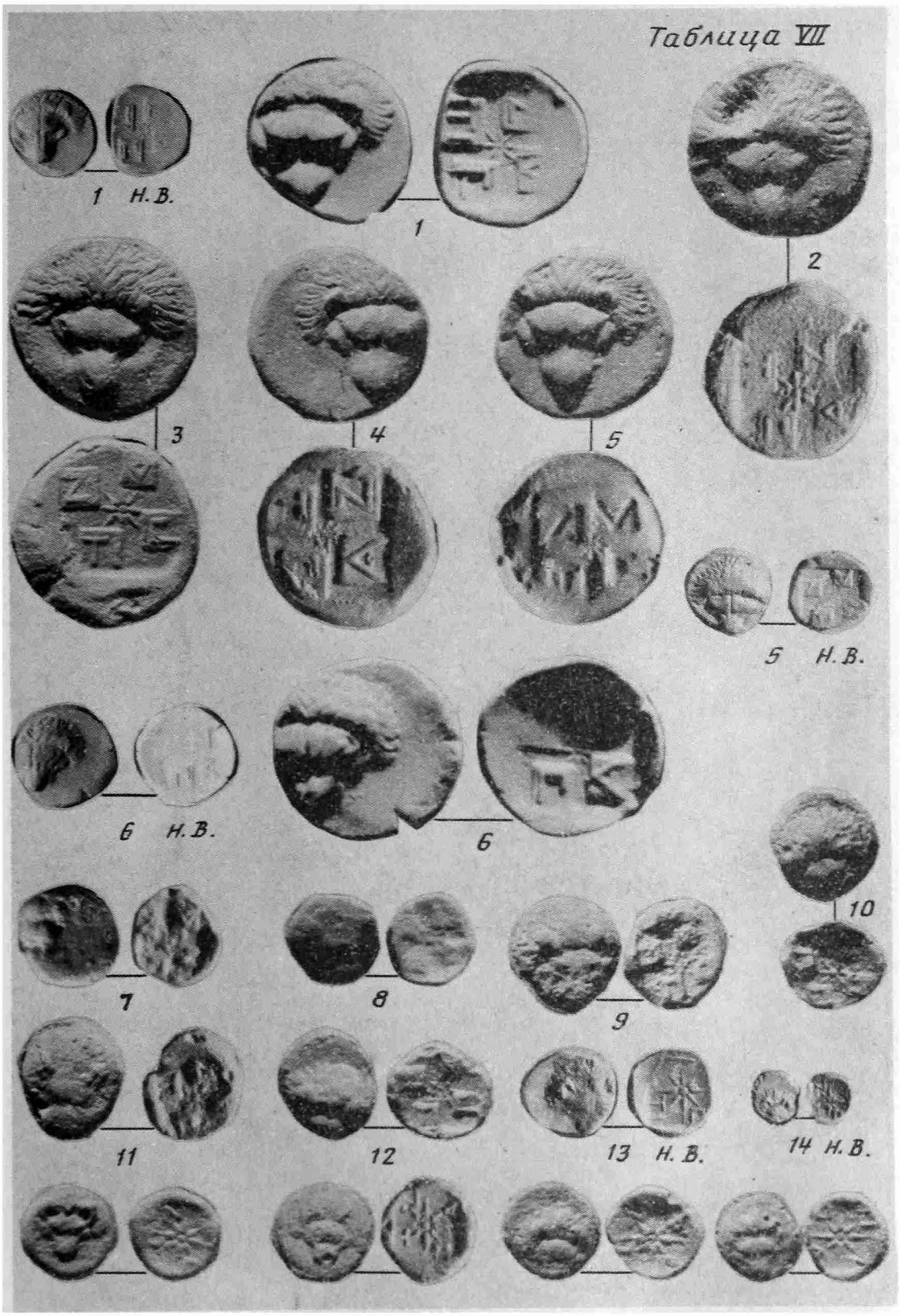


Таблица VII
1 Н. В.
1
2
3
4
5
5 Н. В.
6 Н. В.
6
10
7
8
9
11
12
13 Н. В.
14 Н. В.

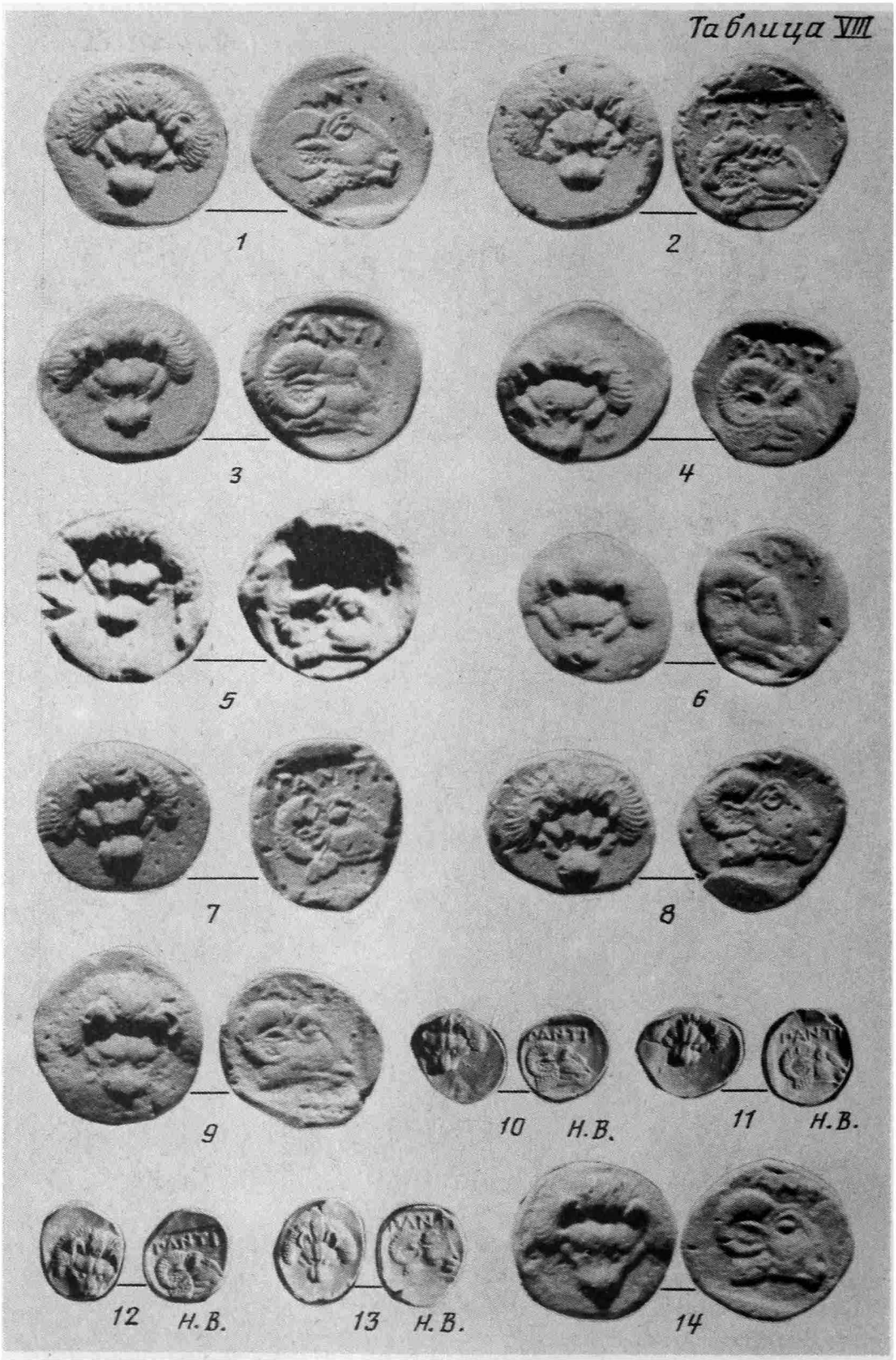


Таблица VIII
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10 Н.В.
11 Н.В.
12 Н.В.
13 Н.В.
14

Таблица IX
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40

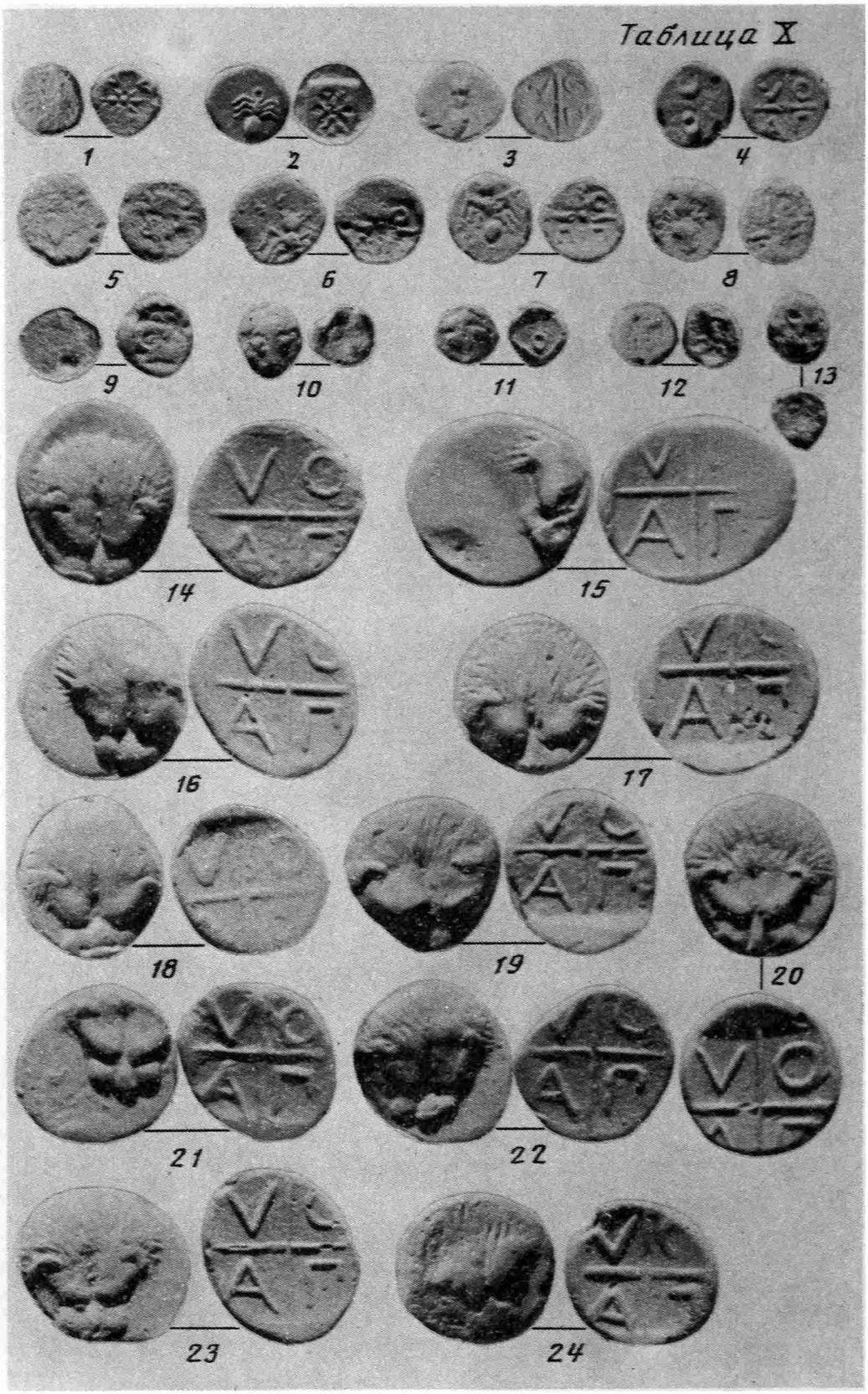


Таблица X
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24

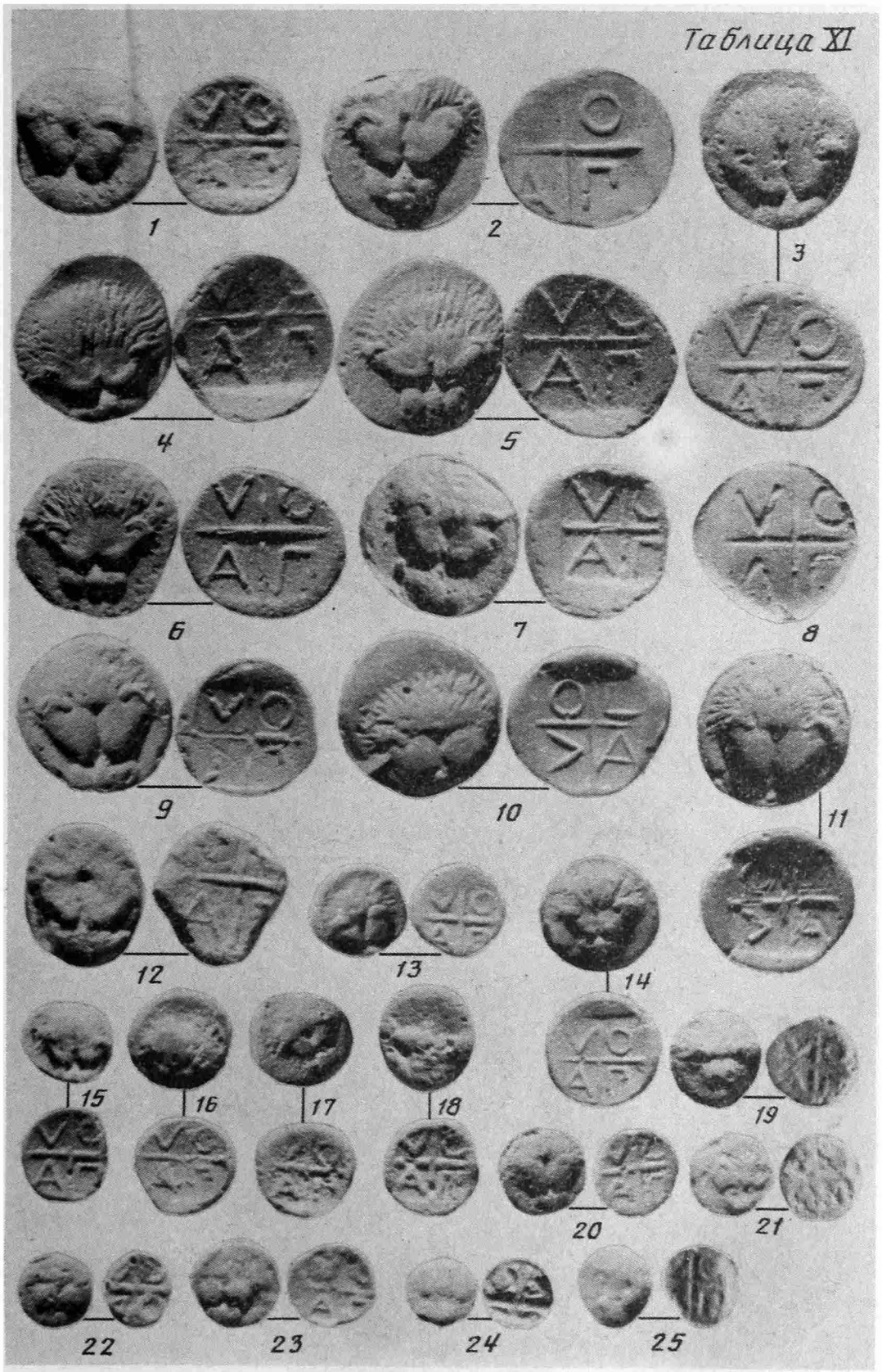


Таблица XI
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25

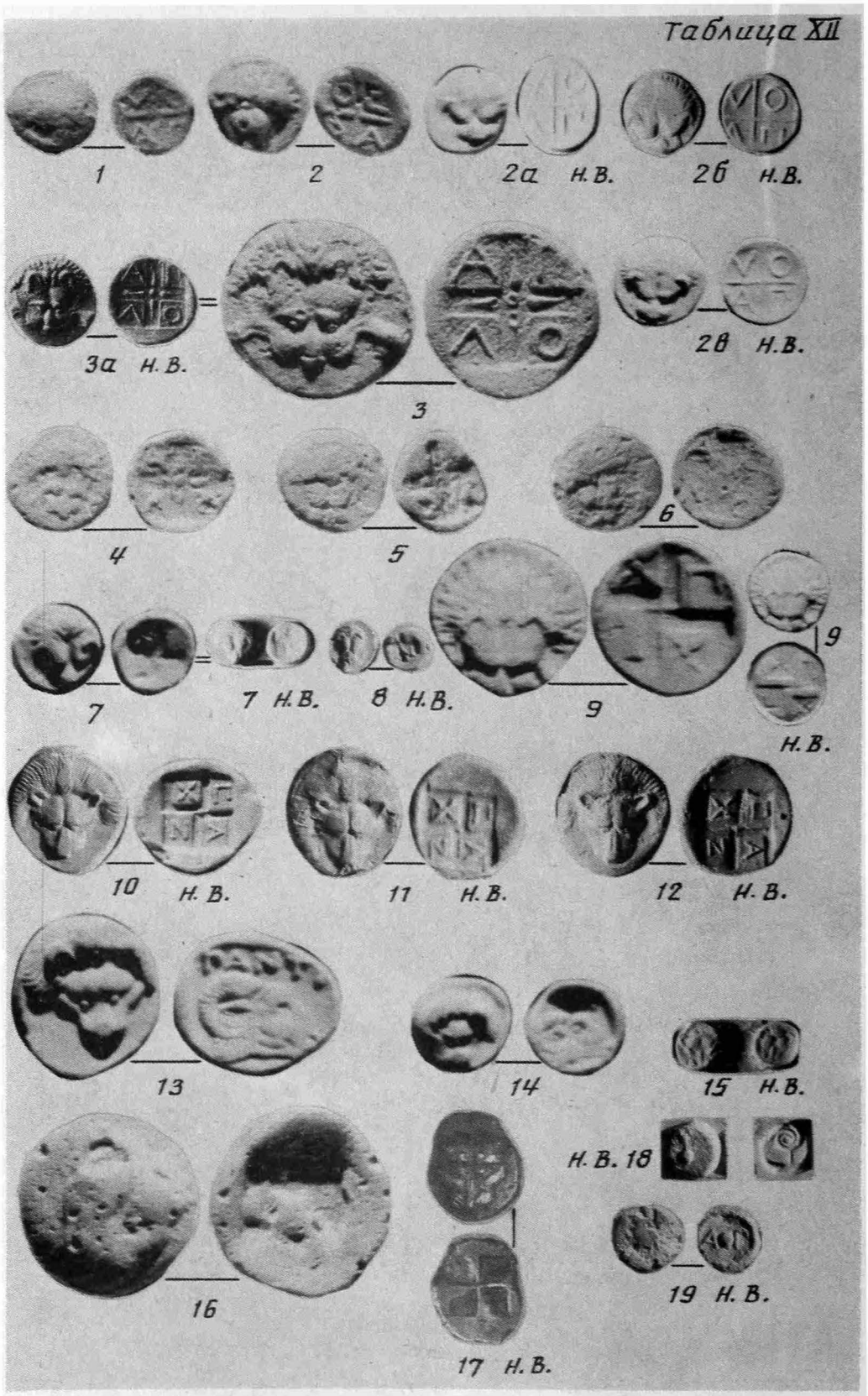


Таблица XII
1
2
2а н.в.
2б н.в.
3а н.в.
3
2в н.в.
4
5
6
7
7 н.в.
8 н.в.
9
9
н.в.
10 н.в.
11 н.в.
12 н.в.
13
14
15 н.в.
н.в. 18
19 н.в.
16
17 н.в.

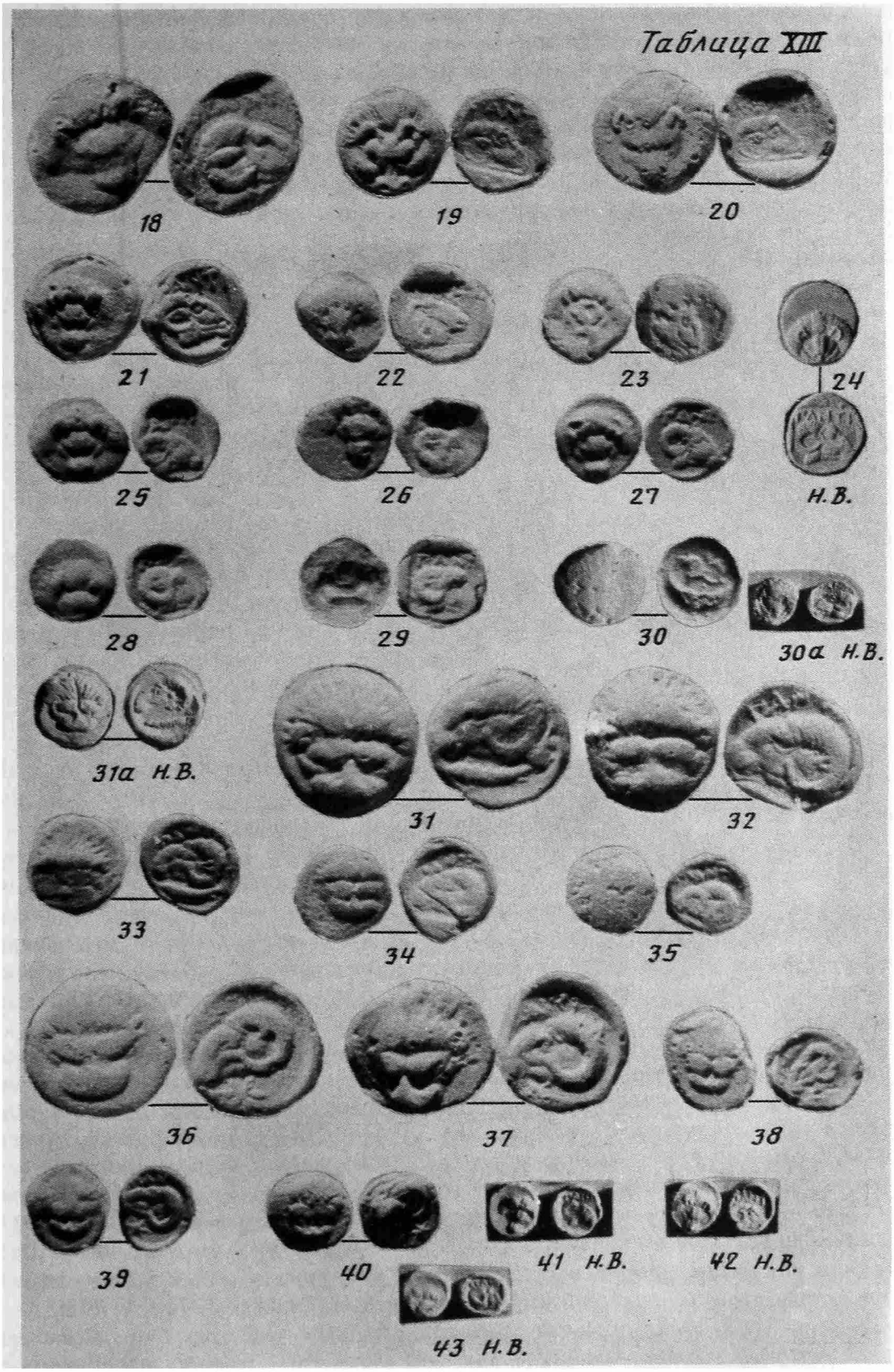


Таблица XIII
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
Н.В.
28
29
30
30а Н.В.
31а Н.В.
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41 Н.В.
42 Н.В.
43 Н.В.

им. А.С. Пушкина (в каталоге – ГМИИ), Одесский государственый археологический музей (в каталоге – Одесса), Британский музей, Ашмолеан музей (Оксфорд), Фитцвилльям музей (Кембридж), Хантер музей (Глазго), Берлинский музей, Национальная библиотека (Париж), Королевская библиотека Альберта I (Королевский кабинет медалей, Брюссель), Королевский кабинет медалей (Копенгаген), Государственное собрание монет и медалей (Вена), Американское нумизматическое общество, Национальный музей (Варшава), Королевский мюнц-кабинет (Мюнхен), Пибоди музей (Бостон), – а также ряда частных коллекций и монеты, изданные в нумизматической литературе и в аукционных каталогах.

Систематизируя вновь ранние монеты Пантикапея, разбирая их по штемпелям и анализируя их метрологические данные, мы пришли к ряду выводов, которые нам представляются заслуживающими внимания.

В частности, приходится признать, что боспорские серебряные монеты с изображением муравья на лицевой стороне чеканились только одного номинала – тетартемория, равного $^1/_{24}$ драхмы (Frolova N.A., 1991, p. 68). Следовательно, они не могли быть выпущены Мирмекием, как полагали все исследователи, рассматривавшие изображение муравья как говорящую эмблему города (μύρμηξ – муравей) (Орешников А.В., 1922, с. 128; Шелов Д.Б., 1949, с. 143; Зограф А.Н., 1951, с. 166; Shelov D.B., 1978, p. 19, 186, прим. 20–22), так как городская чеканка, осуществлявшаяся почти в течение целого столетия, не могла быть ограничена эмиссиями наименьшего номинала. Монеты с изображением муравья, выпускавшиеся с конца VI до конца V в. до н.э., принадлежат чекану Пантикапея, так как они могли выполнять, по всей видимости, только функцию разменных монет. Об их принадлежности к чекану Пантикапея свидетельствуют и типы их оборотных сторон, общие с типами монет, бесспорно, принадлежавших Пантикапею и имевших на лицевой стороне изображение морды льва. Помимо общности типов реверсов, обращает на себя внимание синхронность изменений в надписях, помещенных на оборотных сторонах. Большая часть типов монет с изображением муравья имеет сокращения названия г. Пантикапея: **ΠΑ, ΠΑΝ, ΠΑΝΤΙ**, и только 2 из 15 типов монет с изображением муравья имеют надпись ΑΠΟΛ (табл. X, *3–8*). Именно этой надписью они связываются с другими типами монет, отличительный признак которых – изображение морды льва на лицевой стороне и надпись **ΑΠΟΛ** (табл. X, *14–24;* XI, *1–25*). Таким образом, получается, что серебряные монеты с изображением на лицевых сторонах морды льва, а на оборотных – букв **ΑΠΟΛ** (табл. X, *14–24*, XI, *1–25*; XII, *1–6*) – связаны с монетами Пантикапея, имеющими на лицевых сторонах изображение морды льва, а на оборотных сторонах буквы ΓΑ, ΠΑΝ, ΠΑΝΤΙ, и монетами, на лицевой стороне которых изображен муравей.

Итак, если считать, что монеты с изображением муравья на аверсе имеют много общего с монетами Пантикапея, о чем свидетельствуют анализ типов оборотных сторон монет с изображением морды льва и муравья, синхронность изменений в надписях и само сокращение надписи (**ΠΑ, ΠΑΝ, ΠΑΝΤΙ**) на 12 типах монет с муравьем, то можно признать, что монеты типа муравей – вдавленный квадрат – относятся к эмиссиям Пантикапея. Кстати, существует довольно редкий тип анэпиграфных монет, на лицевой стороне которого имеется изображение морды льва, а на оборотной – во вдавленном квадрате – муравья[1] (Орешников А.В., 1922, табл. III, *4*). В этом типе, как видно, совмещены отличительные признаки ранней пантикапейской чеканки (морда льва) и предполагаемой чеканки Мирмекия (ГЭ, 71–74 – 0,12; 0,10; 0,12; 0,09 г – табл. X, 10–13). В связи с вышеизложенным правомерно предположить,

[1] В.А. Анохин отнес этот тип монет к чекану Феодосии, описывая изображение головы льва как изображение букрания (Анохин В.А., 1986, с. 139, № 66; табл. 2, № 66). Автор датирует эти монеты 413–403 гг. до н.э. Между тем в чекане Феодосии не было эмиссии монет с изображением муравья, как не было в Феодосии выпусков монет с quadratum incusum (вдавленным квадратом), характерным типом VI–V вв. до н.э.

что монеты типа муравей – вдавленный квадрат, разделенный крестообразно на прямоугольники, в которых расположены буквы **АПОЛ** (табл. X, *3–4*), и муравей – квадрат, звезда – **АПОЛ** (табл. X, *5–8*) также могли быть отчеканены в Пантикапее. Отсюда можно заключить, что и другие монеты с надписью **АПОЛ**, а именно: 1) морда льва – вдавленный квадрат, разделенный на прямоугольники, в каждом из которых по букве **А-П-О-Л** (диоболы, гемиоболы, тетартемории) (табл. X, *14–24;* XI, *1–25*; XII, *1–2*); 2) морда льва – вдавленный квадрат, разделенный на четыре прямоугольника со звездой в центре, между лучами которой буквы **А-П-О-Л** (диоболы, гемиоболы) (табл. XII, *3а–6*), подобны монетам Пантикапея и могли быть отчеканены на пантикапейском монетном дворе.

В тесной связи с вопросом о месте выпуска монет с надписью **АПОЛ** находится вопрос о времени их чеканки и причинах эмиссии этих монет. В 1988 г. было высказано мнение о том, что объяснение идентичности лицевых и оборотных сторон монет Пантикапея, Мирмекия и Аполлонии и их взаимосвязи можно найти в предположении о существовании союзной чеканки этих городов (Фролова Н.А., 1988, с. 128), т.е.в принятии этими городами общей типологии и единой системы весов для своих монет, используемых в течение целого столетия. Подобные союзы городов VI в. до н.э. известны, как, например, союз между Фокеей и Митиленой. Монеты этих городов анэпиграфны, чеканены по единой весовой системе, и различить их трудно, так как они не имеют отличительных дифферентов (Selltman Ch., 1960, p. 30, 31), но о союзе Фокеи и Митилены говорит дошедшая до нас надпись, найденная на о-ве Лесбос (Марков А.К., 1903, с. 123). Подобные монетные союзы городов, объединенные единой системой весов для своих монет и общей типологией, известны еще с конца VI в. до н.э. Это Акарнанская лига, Этолийская, Эолийская, Фессалийская, Халкидская, Эпирская, Ликийская, Ахейская, Локрийская и др. (Caspari M.O. B.A., 1917, p. 168–179; Warren L., 1863, p. 1–12).

Итак, объяснение идентичности типов оборотных сторон монет Пантикапея (л.с. – морда льва), Мирмекия (л.с. – муравей) и Аполлонии (лицевые стороны у монет с надписью АПОЛ двух типов: 1) морда льва, 2) муравей) предполагали найти в существовании союзной чеканки этих городов, т.е. в принятии ими общей типологии и единой системы весов для своих монет (Фролова Н.А., 1988, с. 129–132). Идея выпуска монет на Боспоре во второй четверти V в. до н.э. принадлежит Ю.Г. Виноградову (Фролова Н.А., 1988, с. 130, прим. 30, 31), который предложил новую интерпретацию надписи АПОЛ, видя в ней эмиссию конфедерации боспорских полисов – одновременно военной симмахии и религиозной амфиктионии, а в легенде АПОЛ имя бога Аполлона Врача. По мнению Ю.Г. Виноградова, монеты с АПОЛ чеканились от имени храма бога Аполлона. Изучив метрологические данные ранних боспорских монет, разобрав их по штемпелям и вследствие этого анализа придя к отрицанию самостоятельной чеканки Мирмекия, мы вынуждены признать, что идея монетного союза городов Боспора во второй половине V в. до н.э. не находит подтверждения. Но вместе с тем может остаться в силе предположение о союзе независимых боспорских полисов под эгидой Археанактидов около 480/479 г. до н.э. (Diod., XII, 31, 1). Эта идея, выдвинутая вначале в осторожной форме Д.П. Каллистовым (Каллистов Д.П., 1949, с. 193–197), принятая В.Ф. Гайдукевичем (Гайдукевич В.Ф., 1949, с. 42), разделенная некоторым образом В.Д. Блаватским (Блаватский В.Д., 1954, с. 33; 1985; с. 210), получила развитие в работах Ю.Г. Виноградова (Vinogradov Ju.G., 1980, S. 69). Следует отметить, что Ю.Г. Виноградову удалось обосновать положение о том, что первоначально боспорское объединение сложилось как федеративный союз-симмахия, аргументировать необходимость его создания и определить его характер.

Считается, что первоначальное объединение полисов Боспорского государства должно было произойти незадолго до политического оформления власти династии Археанактидов – в 80-е годы V в. до н.э. (Виноградов Ю.Г., 1983, с. 398). Ю.Г. Виноградов высказал мнение, что катализатором этого объединения была скифская экспансия, которая с конца VI в. до н.э. прослеживается как наступление на бос-

порские полисы. В начале V в. до н.э. перед лицом скифского вторжения эллинские апойкии сплотились в федеративный союз-симмахию для защиты своей независимости от варваров (Виноградов Ю.Г., 1983, с. 417). Он полагает, что после успешного разрешения боспорско-скифского конфликта в пользу греков симмахия могла распасться, но могла существовать и дальше со статусом оборонительного союза (Виноградов Ю.Г., 1983, с. 417). Мнения авторов о длительности этого союза расходятся. В связи с этим заслуживают внимания исследования В.П. Толстикова. Им собраны материалы о культурных напластованиях и строительных остатках поселений на Боспоре конца VI – первой половины V в. до н.э. Это Киммерик (холм А) у пос. Героевское, на городище Нимфей, на поселениях Андреевка Южная, Южно-Чурубашское, на городищах Тиритака, Пантикапей, Мирмекий, Порфмий, мыс Зюк, Гермонасса, Фанагория, Кепы. По мнению В.П. Толстикова, археологические данные свидетельствуют о том, что в первой четверти – середине VI в. до н.э. они развивались в мирной обстановке (Толстиков В.П., 1984, с. 27).

По результатам этого исследования в начале и первой половине V в. до н.э. в 7 из 13 боспорских населенных пунктов зафиксированы слои пожарищ и разрушений (Толстиков В.П., 1984, с. 31). В трех из них (Тиритаке, Мирмекии и Фанагории) открыты остатки оборонительных стен. В отношении Тиритакского вала В.П. Толстиков приходит к выводу, что этот вал либо восстанавливается, либо возводится заново (Толстиков В.П., 1984, с. 34). Наконец, можно также прислушаться к мнению Т.В. Блаватской, полагавшей, что формирование объединения боспорских полисов можно отнести еще к рубежу VI–V вв. до н.э. (Блаватская Т.В., 1959, с. 9–16).

Возвращаясь к вопросу об эмиссиях монет с надписью АПОЛ, можно признать, что датировка этих монет второй – третьей четвертью V в. до н.э., предложенная Д.Б. Шеловым, остается прежней (Шелов Д.Б., 1956, с. 212, № 14; Shelov D.B., 1978, p. 195, прим. 17, 18). К этому же времени относится и сооружение на акрополе Пантикапея храма Аполлона (Толстиков В.П., 1987, с. 113). В.А. Анохиным было высказано мнение, что среди монет с надписями АП [или ПА], АПОЛ имеются экземпляры, на которых изображена не морда льва, а шкура с головы мертвого льва (табл. V, *7, 11*). Он полагает, что те монеты, на лицевой стороне которых изображена шкура льва, а на оборотной – звезды и буквы АП (он читает как АПОЛ), чеканятся храмом Аполлона (Анохин В.А.,1986, с. 137, № 33, 34, табл. I, *33, 34*). Монеты же, на которых изображена морда льва, а на оборатной стороне надпись ПА (или АП) (табл. V, *10*, VI, *8*), он относит к Пантикапею (Анохин В.А., 1986, с. 137, № 29–31, табл. I, № 29–31). Но разбирая монеты типа лев – восьмилучевая звезда, легенда АП по штемпелям, мы обнаружили, что экземпляры, изданные Х. Гилем (Giel Chr., 1886, Taf., III, *35, 36*), имея разные штемпели лицевых сторон (на одном так называемая шкура льва, а на другом – морда льва), чеканены одним и тем же штемпелем оборотной стороны (табл. VI, *13, 14*). Следовательно, разделить чекан монет с надписями АП (В.А. Анохин читает как АПОЛ) или ПА (В.А. Анохин читает как ПАN) по двум разным дворам невозможно. Поэтому есть основания признать монеты с надписью АП или ПА, АПОЛ выпущенными на пантикапейском монетном дворе, возможно, как для нужд храма Аполлона, так и для города. По крайней мере, монеты с надписью АПОЛ, среди которых есть экземпляры с изображением на лицевой стороне так называемой шкуры льва (табл. XII, *3, 3а, 6*) (ср. Анохин В.А., 1986, табл. 2, № 48/1), полностью вписываются в монетную систему Пантикапея. Первоначально они могли быть выпущены в честь празднования открытия храма Аполлона. Чекан их был интенсивен, хотя и кратковременен. Насчитывается всего лишь четыре типа монет с надписью АПОЛ (табл. X, *3, 7, 14*; XII. *3*). После прекращения эмиссий монет с надписью АПОЛ в Пантикапее были отчеканены монеты с надписью ПАNTI:

1) морда льва – углубленный квадрат, разделенный на четыре прямоугольника, в каждом из них буквы: П-А-N-TI, а в центре – восьмилучевая звезда (табл. VII, *2–5*);

2) морда льва – углубленный квадрат, в центре которого восьмилучевая звезда, между ее лучами буквы: П-А-N-TI (табл. VII, *19–21*);

3) морда льва – вдавленный квадрат, внутри которого голова барана вправо, вверху над ним надпись ПАNTI (табл. VIII, *1–8*);

4) то же, но на оборотной стороне под головой барана шестилучевая звезда (табл. XIII, *36–40*);

5) то же, но на оборотной стороне голова барана влево, под ним – осетр (табл. XIII, *31–33*).

Д.Б. Шелов датирует этот тип последней четвертью V в. до н.э. (Shelov D.B., 1978, p. 20). Были выпущены монеты с изображением муравья, но тех же типов оборотных сторон:

1) муравей – вдавленный квадрат, разделенный на четыре равных прямоугольника, на каждом из них буквы П-А-N-TI (табл. IX, *32*);

2) муравей – вдавленный квадрат, в центре звезда, на прямоугольниках – П-А-N-TI (табл. IX, *33–38*);

3) муравей – вдавленный квадрат, в нем голова барана, вверху – ПАNTI (табл. X, *9*);

4) муравей – четырехлучевая звезда, между лучами которой – ПАNTI (табл. IX, *39–40*).

Недавно было высказано мнение, что монеты с надписью АПОЛ продолжают и завершают эмиссии отдельного монетного двора в Пантикапее (Мельников О.Н., 1989, с. 37), но в тезисах не указано, эмиссии каких монет продолжают монеты с надписью АПОЛ. Не ясно, принимает ли О.Н. Мельников точку зрения В.А. Анохина, который вслед за автором каталога Британского Музея (Pool R.S.,1877, p. 87, № 5) относит к чеканке Аполлонии или храма Аполлона пантикапейские анэпиграфные монеты типа: морда льва – вдавленный квадрат, разделенный на четыре прямоугольника, в двух из которых рельефные точки (Анохин В.А., 1986, табл. № 14, 17) (табл. III, *1–27*), а также монеты типа морда льва – вдавленный квадрат, в центре – восьмилучевая звезда (Якунчиков Б.М., 1909, с. 20, № 45, табл. IV, № 45; Анохин В.А., 1986, табл. 1, *23*) (табл. IV, *8–10*). Возможно, что О.Н. Мельников имеет в виду какие-то другие типы монет, но он утверждает, что чеканка храма Аполлона началась с третьей четверти VI в. до н.э. (Мельников О.Н., 1989, с. 37), т.е. почти сразу вслед за началом эмиссии анэпиграфных серебряных монет Пантикапея. Но практически сблизить начальные выпуски монет Пантикапея с чеканкой монет с надписью АПОЛ невозможно, так как монеты Пантикапея, прежде чем на них появляются надписи имени города из нескольких букв ПАNTI, подобно надписям на монетах с АПОЛ, прошли длительную эволюцию. Учтено 14 типов монет Пантикапея (середина VI – третья четверть V в. до н.э.), представленных различными номиналами от драхм до тетартемориев, из них 8 типов анэпиграфных монет и 6 имеют надписи ПА, ПАN:

1) морда льва в фас – вдавленный квадрат (табл. I, *3–9*) – драхма (6,70 г), тетробол (3, 75 г), триобол (2, 18 г);

2) морда льва в фас – углубленный квадрат, рисунок которого напоминает крылья ветряной мельницы (табл. I, *10, 11*) – драхма, триобол, диобол, гемиобол;

3) морда льва в фас – углубленный квадрат, разделенный на четыре отсека-прямоугольника (табл. I, *7, 21–23*) – гемиобол (табл. II, *25*);

4) морда льва в фас – углубленный квадрат, разделенный на четыре прямоугольника, в двух из них рельефные точки (табл. III, *1–27*) – гемиобол, тетартеморий;

5) морда льва в фас – углубленный квадрат, крестообразно разделенный на четыре прямоугольника, в каждом из них по рельефной точке (табл. IV, *2–6*) – триобол, гемиобол;

6) морда льва в фас – вдавленный квадрат, внутри которого восьмилучевая звезда (табл. IV, *7а, 8–10*) – триобол, гемиобол;

7) морда льва в фас – углубленный квадрат, разделенный на четыре рельефных прямоугольника, на одном из них – четырехлучевая звезда (табл. IV, *13*);

8) морда льва в фас – углубленный квадрат, разделенный на четыре рельефных прямоугольника, на двух из них – четырехлучевые звездочки (табл. IV, *14–19*) – триобол, диобол;

9) морда льва в фас – углубленный квадрат, разделенный на четыре прямоугольника, в двух из них – четырехлучевые звезды, на двух других по букве П и А, но некоторые исследователи читают их как А и П (ср. Frolova N.A., 1991, tab. № 34–39) (табл. V, *7–8, 10–12*) – диобол, гемиобол;

10) морда льва в фас – углубленный квадрат, разделенный на четыре прямоугольника, в двух из них по восьмилучевой звезде, в двух других – по букве П и А (табл. VI, *8, 16, 13–15*);

11) морда льва в фас – углубленный квадрат, разделенный на четыре прямоугольника, в трех из них помещено по букве П, А, N, а в четвертом – четырехлучевая звезда (табл. XII, *7–9*) (Бертье-Делягард А.Л.,1912, № 81; Podschiwalow A.M., 1882, S. 5, N 12, Taf. I, *10*), но есть сомнения в подлинности всех монет этого типа;

12) морда льва в фас – углубленный квадрат, разделенный на четыре равные прямоугольника, в трех из них по букве П, А, N, а в четвертом – восьмилучевая звезда (табл. VI, *20–23*) – диобол, гемиобол;

13) морда льва в фас – углубленный квадрат, разделенный на четыре равные прямоугольника, на которых буквы: П, А, N, TI, а в центре – восьмилучевая звезда (табл. VII, *2–5*) – диобол, гемиобол (табл. VII, *7–12*);

14) морда льва в фас – углубленный квадрат, в центре которого – восьмилучевая звезда, между лучами которой расположены буквы: П, А, N, TI (табл. VII, *18–21*) – диобол, гемиобол.

Одновременно с двумя из последних типов (12, 13) могли появиться монеты с надписью АПОΛ, но никак не ранее. Поэтому попытка утверждать, что чеканка монет храма Аполлона началась с третьей четверти VI в. до н.э., неубедительна. Как показано ранее, с середины VI в. до н.э. типология изображений на оборотных сторонах пантикапейских монет проходит длительную эволюцию, начиная с воспроизведения вдавленного квадрата неопределенной формы до помещения на ровном квадрате углублений рельефных прямоугольников, а на них звездочек и надписей ΠΑ, ΠΑΝ, ΠΑΝΤΙ. Только после эмиссий пантикапейских монет описанных выше типов возможен чекан монет с надписью АПОΛ, так как вдавленный квадрат на оборотных сторонах монет с АПОΛ слабо выражен, и по стилю они не могут быть отнесены к середине VI в. до н.э. И наконец, совершенно необязательно, чтобы храму принадлежал отдельный монетный двор, так как штемпели лицевых и оборотных сторон монет с надписью АПОΛ очень близки штемпелям пантикапейских монет с изображением морды льва и муравья. А.Р. Бернс высказал мнение, что в греческом мире не знали разделения между государственной и храмовой властями (Burns A.R., 1928, p. 30), доказательством чего являются монеты храма Аполлона Дидимского, близ Милета. Они имеют обычные типы милетских монет, что предполагает их чеканку на городском монетном дворе для нужд храма (Burns A.R., 1928, p. 80). На ту же самую природу храмовой чеканки указывает Дж. Хилл. Он предполагал, что, возможно, храмовая чеканка была вариантом государственной чеканки (Hill G.H., 1899, p. 80). Дж. Хилл более подробно останавливается на эмиссиях храма Аполлона Дидимского, в которых присутствовали драхмы и гемидрахмы того же типа, что и милетские монеты, но с надписью ΕΠΔΙΔΥΜΩΝ. Он пришел к выводу, что монеты были выпущены властями Милета, несмотря на надпись, которая доказывает их принадлежность храму. Тем не менее главным, по его мнению, является однотипность изображений, другими словами, это были специальные городские выпуски Милета, предназначенные для религиозных целей (Hill G.H., 1899, p. 80). На религиозный характер этих "медалей-монет или сувениров", выпущенных в честь посещения храма, указывает

К.М. Крей. При этом К.М. Крей приводит иную легенду: "ΙΕΡΗΕΚΔΙΔΥΜΩΝ" – переводя ее как "священный из Дидимы" (Kraay C.M., 1976, p. 258, note 6).

Имеются и другие примеры храмовой чеканки. Так, например, существует чрезвычайно интересная серия серебряных монет с надписью ΑΡΚΑΔΙΚΟΝ, выпущенная в 490–417 гг. до н.э., которая, как полагает Б. Хэд, показывает, что независимые аркадские города и поселения крепко держались за свои религиозные связи, собираясь вместе на свои национальные священные аркадийские празднества. Место чеканки серий монет с надписью ΑΡΚΑΔΙΚΟΝ находилось в г. Герее (Head B.V., 1911, p. 444, 447). Как показал Ф. Имхоф-Блумер, многочисленные серии триоболов с надписью ΑΡΚΑΔΙΚΟΝ и различными сокращениями этого названия были выпущены в г. Герее, расположенном в западной части Аркадии на границе с Элеей. Название города происходит, согласно традиции, от имени Герея, одного из сыновей Ликаона, легендарного царя Аркадии. Серия выпущена в период между 550–490 гг. до н.э. в честь празднования национальных Аркадских игр (Imhoof-Blumer F., 1883, S. 184–186, № 163, Taf. E, № 6). В каждые периодически повторяющиеся празднования они выпускали серебряные монеты (триоболы и оболы) не с именем собственного города, а в интересах всех аркадян, собравшихся на праздник, с именем ΑΡΚΑΔΙΚΟΝ и с изображением на лицевой стороне сидящего на троне Зевса, на оборотной стороне во вдавленном квадрате – головы богини Деспойны, почитаемой всем населением Аркадии (Babelon E., 1907, tab. 38. № 8–18). О праздновании Аркадских игр известно только до конца V в. до н.э. После этого периода снова зафиксирована чеканка монет от имени самого г. Герея, которая продолжалась до конца IV в. до н.э. (Head B.V., 1911, p. 448).

Не меньший интерес в этом плане представляют статеры г. Элиса, имеющие на оборотной стороне надпись ΟΛΥΜΠΙΑ. Они относятся к так называемой олимпийской чеканке Элиса. На лицевой стороне этих серебряных монет изображена голова Зевса Олимпийского и надпись с названием г. Элиса – ΦΑΛΕΙΟΝ, а на оборотной стороне – голова нимфы Олимпии, сопровождаемая надписью ΟΛΥΜΠΙΑ (Head B.V., 1911, p. 422, 423; The British Museum, 1987, pl., 13, № 1). Как считают исследователи, жители г. Элиса выбрали именно этот тип, чтобы выразить свое собственное отношение к устройству Олимпийских игр.

В то же время А.Н. Зограф считал, что храмовые монеты типологически не имеют принципиального отличия от городских монет, поскольку религиозный характер типов монет в V в. до н.э. свойствен и монетам, выпущенным от имени городских властей (Зограф А.Н., 1951, с. 197; см. также Curtius E., 1870, p. 99). Как правило, храмовый чекан недолог: в основном монеты идут на оплату расходов и сделок, связанных с праздником и играми, торговыми сделками, с затратами на сувениры (Ridgeway W., 1892, p. 216; Burns A.R., 1928, p. 79).

Было высказано предположение, что чекан монет с надписью ΑΠΟΛ мог быть возобновлен (Мельников О.Н., 1989, с. 37, 38). Доказательств этому нет, так как до сих пор неизвестны монеты каких-либо других типов, кроме указанных четырех, которые вписываются в общую схему эмиссий пантикапейских монет второй половины V в. до н.э. Кроме того, имеются высказывания о том, что пришедшие к власти Спартокиды пытались передать функции храмовой чеканки городскому монетному двору Пантикапея (Мельников О.Н., 1989, с. 37). Следует сказать, что смена династии Археанактидов Спартокидами в 438/437 г. до н.э. не нашла отражения в типологии монет Пантикапея конца V – начала IV в. до н.э.

Таким образом, все вышеизложенное приводит к выводу, что все боспорские монеты середины VI–V в. до н.э. были отчеканены на пантикапейском монетном дворе, включая и анэпиграфные монеты (лев – муравей), приписываемые ранее Феодосии.

Анохин В.А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев.

Бертье-Делягард А.Л., 1912. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // НС. Т. II.

Блаватская Т.В., 1959. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М.

Блаватский В.Д., 1954. Архаический Боспор // МИА. № 33.

Блаватский В.Д., 1985. О происхождении боспорских Археанактидов // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М.

Виноградов Ю.Г., 1983. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I. М.

Гайдукевич В.Ф., 1949. Боспорское царство. М.; Л.

Зограф А.Н., 1951. Античные монеты. // МИА. № 16.

Каллистов Д.П., 1949. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л.

Марков А.К., 1903. Древняя нумизматика. СПб.

Мельников О.Н., 1989. Монетная чеканка Аполлона в Пантикапее // Древнее Причерноморье (чтения памяти профессора П.О. Карышковского). Тез. докл. конф. 9–11 марта 1989 г. Одесса.

Орешников А.В., 1922. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. Т. II. Пг.

Толстиков В.П., 1984. К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. № 3.

Толстиков В.П., 1987. Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. № 1.

Фролова Н.А., 1988. Проблемы монетной чеканки Боспора VI–V вв. до н.э. // ВДИ. № 2.

Шелов Д.Б., 1949. К вопросу о монетах боспорских городов Аполлонии и Мирмекия // ВДИ. № 1.

Шелов Д.Б., 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.

Якунчиков Б.М., 1909. Неизданные и редкие греческие монеты. М.

Babelon E., 1907. Traite des monnaies grecques et romaines. Pt III. Paris.

The British Museum, 1987. A Catalogue of the Greek Coins. Peloponnesus. London.

Burns A.R., 1928. Money and Monetary Policy in early Times. London.

Caspari M.O. B.A., 1917. Survey of Greek Federal Coinage // JHS. № 37.

Curtius E.,1870. On religious Character of Greek Coins // NC. T. X. London.

Giel Chr., 1886. Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands. M.

Frolova N.A., 1991. Frühe Munzen von Pantikapeum als historische Quelle // Klio. № 73. Berlin.

Head B.V., 1911. Historia Numorum. Oxford.

Hill G.H., 1899. Handbook of Greek and Roman Coins. London.

Imhoof-Blumer F., 1883. Monnaies Grecques. Paris; Leipzig.

Kraay Colin M., 1976. Archaic and Classical Greek Coins. London.

Podschiwalow A.M., 1882. Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Munzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica und Bosporus Cimmerius. Moskov.

Pool R.S., 1877. British Museum Catalogue. Catalogue of Greek Coins. The Tauric Chersonese. Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace. London.

Ridgeway W., 1892. The Origin of Metallic Currency and Weight Standards. Cambridge.

Selltman Ch., 1960. Greek Coins. London.

Shelov D.B., 1978. Coinage of the Bosporus VI–I Centuries BC // BAR. Supplement.

Vinogradov Ju.G., 1980. Die historische Entwicklung der Poleis der nordlichen Schwarzmeergebiet im 5 Jhr. V. Chr. Chiron. № 10. München.

Warren L., 1863. An Essay on Greek Federal Coinage. London, Cambridge.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАТАЛОГ МОНЕТ ПАНТИКАПЕЯ

Середина VI – конец V в. до н.э.

I тип

Серебро. Драхма.

Л.с.: морда льва в фас. О.с.: вдавленный квадрат неясных очертаний.

Бурачков П.О., Общий каталог монет. Одесса, 1884. XIX, *2*; Шелов, I, *1*: Анохин, I, *3*.

А-б. 1) 5,90 г. Podschivalov A.M., Beschreibung... S. 4, № 4, Taf. 1, 2 (табл. I, *1*).

Этот же экземпляр издан Х. Гилем – Giel Chr., Kleine Beitrager zur Antiken Numismatik Sudrusslands. M., 1886. S. 20, № 18, Taf. III, *18*. Хранится в ГЭ. № 3/26356.

Б-б. 1) 6,70 г, 18 мм. ГИМ 2559 (табл. I, *2*).

Следующие монеты изданы А.Л. Бертье-Делягардом. 3) 5,33 г. 4) 6,05 г. 5) 5,13 г (из коллекции А.Л. Бертье-Делягарда, место хранения неизвестно).

Серебро. Тетробол.

А-а. 1) 3,38 г, Париж, № 132. Издан: Анохин, I, *1* (табл. I, *3а*).

Б-б. 1) 3,75 г, 15 мм. ГИМ 2561 (табл. I, *3*).

В-в. 1) 3,55 г, Бертье-Делягард, № 55 (из аукционного каталога Молти).

Серебро. Триобол.

А-а. 1) 2,82 г, 15 мм. ГИМ 2562 (табл. I, *4*).

Б-б. 1) 2,60 г, 15 мм. ГИМ 2563 (табл. XII, *16*).

В-в. 1) 3,09 г, 14, 5 мм. ГИМ 2564 (табл. I, *6*).

Г-г. 1) 2,82 г, 14 мм. ГИМ 13722 (коллекция А.С. Коциевского) (табл. I, *7*).

Г-г. 2) 2,30 г, 14 мм. Париж, 133 (табл. I, *7а*).

Д-д. 1) 2,49 г, 14,5 мм. ГИМ 13723 (коллекция А.С. Коциевского) (табл. I, *8*).

Е-е. 1) 2,90 г, 14 мм. ГЭ 1/26354 (табл. I, *9*).

Ж-ж. 1) 2,23 г, 14 мм. ГЭ 4/26357 (табл. I, *10*).

Ж-ж. 2) 2,70 г, Варшава, 105333.

З-з. 1) 2,47 г, 14 мм. ГЭ 5/26358 (табл. I, *11*).

И-и. 1) 2,48 г. Анохин, 1, 2/2.

К-К. 1) 2,83 г, 14 мм. Одесса.

Р-р. 1) 2,94 г, 15 мм. Британский музей, 836. Не разобраны по штемпелям. 3,04 г. Глазго, Hunterian Coll. 2,46 г, 15 мм. Берлин, 274. 2,63 г. Auction. Bruder Egger (28/11/1904), Prowe № 331. 2,95 г. Sotheby's (1/2/1984, Brand, Pt 5), № 81, Webber, 2682. 2,95 г. Bank Leu, Zurich (10/5/1989), № 85.

Л-л. 1) 2,50 г, 14 мм. Одесса.

М-м: 1) 2,11 г, 16–22 мм. ГЭ 22, Giel, op. cit. S. 21, № 19, Tafl. III, *19*.

Н-н. 1) 2,50 г, 13 мм. ГМИИ 231933/115763. Издана: Розов В.Н., СА, 1983. № 2, с. 109, № 1; с. 110, рис. 1, *1*.

Серебро. Гемиоболы.

А-а. 1) 0,56 г. Cambridge, Coll. Mc. Clean, V. II, 4442, Pl. 166, № 12.

Б-б. 1) 0,93 г. SNG. Cambridge, Leak Coll., № 1592.

Б-б. 2–4) 0,64 г, 0,54 г, 0,50 г. Париж, 136, 137, 139 (табл. I, *12, 13, 15*)

2-й тип. Конец VI – первая четверть V в. до н.э.

Серебро. Драхма.

Л.с.: Морда льва в фас. О.с.: углубленный квадрат, разделенный на четыре отсека, рисунок которого напоминает крылья ветряной мельницы.

А-а. 1) 4,54 г, 17,5 мм. ГМИИ 231935/115765. Издана: Розов В.Н., СА, 1983. № 2, с. 110, рис. 1, *2*. Здесь же приводится литература о драхме, виденной А.Л. Бертье-Делягардом у торговцев, весом в 5,13 г: 1) Welz K., Griechen Münzen, Griechischen Münzen vom Schwartzen Meers // SM, 1957. Hefte 26. S. 26–27, Fig. 1; 2) Munzen und Medaillen. Basel, Oktober, 1958, Liste 184, S. 2–3, Fig. 17. 3) 5,07 г, 19 мм, Париж 188, 1965; Auction Hirsch, München, 3–4 XII. 1965 (табл. I, *16*). 4) 5,32 г ANS, 26325 (табл. XII, *17*)

Серебро, Триобол.

Б-б. 1) 2,68 г, 16,5 мм. ГЭ 20/26373. Издан: Giel, Op. cit., S. 21, № 20, Табл. III, *20*; Анохин, табл. I, *11* (табл. I, *17*).

Г-г. 1) 2,10 г, 14 мм. Одесса 26639.

Д-д. 1) 1,95 г, Берлин, 2 (табл. III, *1а*).

Е-е. 1) 2,18 г, 17 мм. ГИМ 2567 (табл. I, *21*).

Ж-ж. 1) 2,46 г, 15,5 мм. ГИМ 13725 (коллекция А.С. Коциевского) (табл. I, *22*).

З-з. 1) 1,86 г, 15 мм. ГИМ 13726 (коллекция А.С. Коциевского) (табл. I, *23*).

И-и. 1) 2,79 г, 13 мм. Naville, V. Geneve, 1923, с. 65, № 1611, Pl. IL, 1611.

К-к. 1) 2,26 г, 13,5 мм. ГЭ 21/26375 (табл. II, *1*).

Л-л. 1) 2,32 г, 13 мм. ГЭ 23/26377 (табл. II, *2*).

М-м. 1) 2,55 г, Голенко К.В. Монеты из раскопок Нимфея // НЭ, XI, табл. I, *302*.

Н-н. 1) 2,08 г, 13 мм. ГЭ 12/26365 (табл. I, *24*).

Н-н. 2) 2,07 г, Париж, 135.

О-о. 1) 2,10 г, Варшава, 105336.

П-п. 1) 2,20 г, Варшава, 105327.

Р-р. 1) 1,46 г, Naville, I, 1921, Coll. Pozzi, 1147.

С-с. 1) 1,95 г, 13 мм, ANS, 26324.

Т-т. 1) 2,70 г, Варшава, 105334.

У-у. 1) 2,40 г, Варшава, 105335.

Ф-ф. 1) 2,20 г, Варшава, 105336.

Х-х. 1) 2,80 г, Оксфорд, 3386.

Серебро. Диобол – тип тот же. Середина VI–V вв. до н.э.

А-а. 1) 1,11 г, 13 мм. ГИМ 2565 (табл. II, *3*).

Б-б. 1) 1,78, Auction Catalogue Naville, 17, Geneve, 1934, с. 24, № 326. Pl. 12, № 396.

В-в. 1) 1,88 г, 12 мм. ГЭ 25/26378 (табл. II, *4*).

Г-г. 1) 1,48 г, 13 мм ГЭ 26/26380 (табл. II, *5*).

Д-д. 1) 1,68 г, 13 мм. ГЭ 27 (табл. II, *6*).

Е-е. 1) 1,89 г, 13 мм. ГЭ 28/26381 (табл. II, *7*). Одного штемпеля аверса с триоболом ГЭ 23/26377 (табл. II, *2*).

Ж-ж. 1) 1,71 г, 12,5 мм. ГЭ 29/26382 (табл. II, *8*).

З-з. 1) 1,69 г, Giel, Op. cit., S. 21, N 29, Taf. III, *29* из коллекции Подшивалова. Ср. Podschivalow, op. cit. Taf. I, *5*.

Л-л. 1) 1,60 г, 12 мм. Берлин, 3 (табл. II, *9*).

М-м. 1) 1,72 г, 13 мм. ГИМ, 14091. Коллекция Н.Н. Грандмезона (табл. II, *10*).

Н-н. 1) 1,63 г, 13 мм. Коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 381.

О-о. 1) 1,59 г, 13 мм. Коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 380.

Медная монета со следами покрытия серебром:

И-и. 1) 1,42 г, 12–14 мм. ГМИИ (табл. II, *12*). Этот экземпляр был найден при археологическом исследовании Пантикапея в 1986 г. экспедицией ГМИИ под руководством В. Толстикова. Издан: Анисимов А.А. Монеты из раскопок Пантикапея 1977–1986 гг. // Археология и искусство Боспора, вып. 10. М., 1992, с. 331. № 386.

К-к. 1) 1,57 г, 12 мм. ГИМ 2568 (табл. II, *13*).

Л-л. 1) 1,50 г, 13 мм. ГИМ 2569 (табл. II, *14*).

М-м. 1) 1,30 г, 10 мм. Издан: Розов, СА, 1983. № 2, с. 111, № 3, рис. 1, *4*.

Д-н. 1) 1,39 г, 11 мм. Naville, V (18/6/1923), с. 65. N 1612, pl. IL, 1612.

Л-о. 1) 1,87 г, 13 мм. Одесса.

Н-п. 1) 1,39 г, 14 мм. Одесса.

О-р. 1) 1,70 г, 12 мм. ГЭ 51/26404.

Р-с. 1) 1,35 г, 12 мм. ГЭ 52/26405.

С-т. 1) 0,99 г, 11 мм. ГЭ 30/26392.

Т-у. 1) 0,90 г, 11 мм. ГЭ 31/26384.

Серебро. Гемиобол – 1/2 обола. Конец VI–V вв. до н.э.

Л.с.: морда льва в фас. О.с.: вдавленный квадрат.

А-а. 1) 0,63 г, 8 мм. ГИМ 2566 (табл. II, *20*).

Б-б. 1) 0,45 г, 8 мм. ГЭ 16/26369 (табл. II, *21*).

В-в. 1) 0,41 г, 10,1 мм. ГЭ 9/26369 (табл. II, *22*).

Г-г. 1) 0,54 г. Коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 383 (табл. II, *23*).

Д-д. 1) 0,61 г, SNG, BM, 839 (табл. II, *23а*).

Е-е. 1) 0,74 г, SNG, BM, 838 (табл. II, *23в*).

Ж-ж. 1) 0,65 г, Коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 382.

3-й тип. **Первая четверть V в. до н.э.**

Серебро. Гемиобол.

Л.с.: морда льва в фас. О.с.: углубленный квадрат, разделенный на четыре прямоугольника.

А-а. 1) 0,67 г, Giel, 1886, S. 21. N 21, Taf. III, *21*, но, может быть, этот экземпляр один и тот же с ГЭ 7?

Б-б. 1) 0,68 г, 9 мм. ГЭ 7/26360 (табл. II, *24*).

В-в. 1) 0,36 г, 7,1 мм. ГЭ 8/26361 (табл. II, *25*).

Г-г. 1) 0,52 г, SNG BM 837 (табл. II, *26*).

Д-д. 1) 0,53 г, Коллекция Стенкомба (Великобритания), № 384.

Е-е. 1) 0,67 г, Cambridge, Coll. Mc. Lean 7324.

З-з. 1) 0,62 г, Arthur Dewing Coll. N 1238.

Тетартеморий

А-а. 1) 0,25 г, Cambridge Mc. Clean 7325 (табл. II, *28*).

4-й тип. **Середина V в. до н.э.**

Серебро. Гемиобол.

Л.с.: морда льва в фас. О.с.: углубленный квадрат, разделенный на четыре равных прямоугольника, в двух из них – рельефные точки. Этот тип монет В.А. Анохин отнес к чекану храма Аполлона периода 480–470 гг. до н.э. (Анохин, табл. I, *14*), следуя в этом определении за Р. Пулом (Pool R., BMC, The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace, L., 1879, P. 87, № 5, рис. в тексте, вес 0,194 г, Британский музей. См. также Бурачков, Общий каталог монет, табл. XIX, 4; Шелов. Монетное дело... Табл. I, *6*).

А-а. 1) 0,57 г, 9 мм. ГЭ 34/26387 (табл. III, *1*).

Б-б. 1) 0,49 г, 8 мм. ГИМ 2574.

В-в. 1) 0,34 г, 7 мм. ГЭ 35/26388 (табл. III, *2*). 2) 0,34 г, 7 мм. ГЭ 36/26389 (табл. III, *3*).

В-д. 1) 0,44 г, 10 мм. ГЭ 37/26890 (табл. III, *4*). Издан: Giel, Op. cit., Taf. III, *26*. 2) 0,35 г, 8 мм. ГЭ 38/26391. 3) 0,39 г, 8 мм. ГЭ 39/28392. 4) 0,40 г, Варшава 105344.

Д-д. 1) 0,42 г, 9 мм. ГЭ 40/26393 (табл. III, *5*).

Е-в. 1) 0,32 г, 12 мм. ГЭ 53/26406 (табл. III, *6*).

Ж-ж. 1) 0,31 г, 7 мм. ГЭ 54/26407 (табл. III, *7*).

З-в. 1) 0,33 г, 12 мм. ГЭ 55/26408 (табл. III, *8*).

И-в. 1) 0,27 г, 8 мм. ГЭ 56/26409 (табл. III, *9*).

К-и. 1) 0,23 г, 6–7 мм. ГИМ 13785 (табл. III, *10*). 2) 0,40 г, Варшава 105345 (табл. III, *10а*).

Н-з. 1) 0,29 г, 8 мм. ГИМ 2575 (табл. III, *11*).

М-м. 1) 0,32 г, 8 мм. ГИМ 13724 (табл. III, *12*).

Д-о. 1) 0,31 г, 7,5 мм. Giel, op. cit. Taf. III, *25*.

П-п. 1) 0,24 г, 7 мм. Giel, op. cit., Taf. III, *26*.

Р-р. 1) 0,25 г, 8 мм. ГЭ 57/26410 (табл. III, *17*).

С-с. 1) 0,25 г, 5,5 мм. ГЭ 58/26411 (табл. III, *18*).

Т-т. 1) 0,25 г, коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 385.

У-у. 1) 0,26 г, коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 386. 2) 0,19 г. Анисимов // Археология и искусство Боспора, с. 348, № 261. 3) 0,20 г, там же, № 344.

Серебро. Тетартеморий.

Л.с.: морда льва в фас. О.с.: углубленный квадрат, разделенный на четыре равных отсека; по рельефной точке в двух из них.

А-а. 1) 0,18 г, Giel, op. cit., Taf. III, *27*.

Б-б. 1) 0,12 г, Giel, op. cit., Taf. III, *28*.

Г-г. 1) 0,20 г, 6 мм. ГЭ 59/26419 (табл. III, *19*).

Д-д. 1) 0,22 г, 7 мм. ГЭ 60/26413 (табл. III, *20*).

Е-д. 1) 0,20 г, 6 мм. ГЭ 61/26414 (табл. III, *21*).

Ж-ж. 1) 0,23 г, 7 мм. ГЭ 62–26415 (табл. III, *22*).

З-з. 1) 0,17 г, 7 мм. ГЭ 63/26416 (табл. III, *23*).

И-и. 1) 0,16 г, 7 мм. ГЭ 64/26417 (табл. III, *24*).

К-к. 1) 0,09 г, 5 мм. ГЭ 65/26418 (табл. III, *25*).

Л-л. 1) 0,13 г, 6 мм. ГЭ 66/26419 (табл. III, *26*).

М-м. 1) 0,13 г, III мм. ГИМ 6610 (табл. III, *27*). 2) 0,17 г, 7 мм. Берлин № 15 (табл. III, *28*). 3) 0,18 г, 7 мм. ГИМ 14093 (коллекция Н.Н. Грандмезона). 4) 0,45 г, 5 мм, Париж, 140 (табл. III, *29*). 5) 0,25 г, 5 мм. Париж, 141 (табл. III, *30*). 6) 0,18 г, 7 мм. Розов. СА, 1983, № 2, рис. 1, *5*. 7) 0,11 г, 5 мм. Париж, 143.

Сюда же следует включить 11 монет этого типа, обнаруженных в кладе из Нимфея. Клад издан: Скуднова В., Два клада монет из Нимфея // ВДИ, 1950, № 4, с. 79 сл.; Голенко, 1974, с. 69.

1) 0,45 г, по Скудновой – № 11; по Голенко табл. V, *1*. 2) 0,34 г, по Скудновой – № 14; по Голенко табл. V, *2*. 3) 0,31 г, по Скудновой – № 12; по Голенко табл. V, *3*. 4) 0,28 г, по Скудновой – № 7; по Голенко табл. V, *5*. 5) 0,34 г, по Скудновой – № 8; по Голенко табл. V, *6*. 6) 0,29 г, по Скудновой – № 10; по Голенко табл. V, *7*. 7) 0,18 г, по Скудновой – № 9; по Голенко табл. V, *8*. 8) 0,31 г, по Скудновой – № 2; по Голенко табл. V, *9*. 9) 0,32 г, по

Скудновой – № 5; по Голенко табл. V, *10*. 10) 0,29 г, по Скудновой – № 1; по Голенко табл. V, *11*. 11) 0,32 г, по Скудновой – № 4; по Голенко табл. V, *12*.

5-й тип. **Вторая четверть V в. до н.э.**

Серебро, Триобол.

Л.с., морда льва в фас. О.с.: углубленный квадрат, крестообразно разделенный на четыре прямоугольника, в каждом из них по рельефной точке. Podschiwalow, 1882, Taf. I, *3*; Бурачков, Общий каталог монет, табл. XIX, *3*; Шелов, I, *2*.

А-а. 1) 2,74 г, Podschiwalow, 1882, Taf. I, *3*; Giel, op. cit., Taf. III, *22* (табл. IV, *1*). 2) 2,75 г, 14 мм. ГЭ 19/26372 (табл. IV, *2*). Возможно, что ГЭ 19 – это тот же самый экземпляр, который был в коллекциях сначала А.М. Подшивалова, а затем Х. Гиля. 3) 1,93 г, 14 мм. ГИМ 13727 (коллекция А.С. Коциевского) (табл. IV, *3*).

Серебро. Гемиобол.

Л.с.: морда льва в фас. О.с.: углубленный квадрат, разделенный на четыре равных отсека, в каждом по рельефной точке.

А-а. 1) 0,49 г, 8 мм. Розов, СА, 1983, № 2, рис. 1, *3*. 2) 0,44 г, 9 мм. ГИМ 2560 (табл. IV, *4*). 3) 0,45 г, 9 мм. ГЭ 32/26385 (табл. IV, *5*).

Б-б. 1) 0,61 г, 8 мм. ГЭ 33/26386 (табл. IV, *6*).

В-в. 1) 0,44 г, Podschiwalow, 1882, Taf. I, *4*; Giel, 1886, Taf. III, *23* (табл. IV, *7*).

Г-г. 1) 0,33 г, из Нимфея, НЭ. XI, табл. V, *4*.

Д-д. 1) 0,34 г, из Нимфея. НЭ, XI, табл. V, *13*.

Е-е. 1) 0,48 г, 10 мм. ГЭ 6.

6-й тип. **Середина V в. до н.э.**

Л.с.: морда льва в фас. О.с.: вдавленный квадрат, внутри которого восьмилучевая звезда. Бертье-Делягард А.Л. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // НС, II, М., 1913, с. 76.

Серебро. Триобол.

А-а. 1) 2,19 г, 14 мм. ГЭ 67/26420. Издан: Анохин, табл. I, *23* (табл. IV, *7а*).

Серебро. Гемиобол.

Л.с.: морда льва в фас. О.с.: вдавленный квадрат, внутри которого восьмилучевая звезда.

А-а. 1) 0,30 г, Скуднова, 1950, рис. 16 (табл. IV, *11*).

Б-б. 1) 0,28 г, Скуднова, 1950, рис. 17; Голенко, 1974, табл. V, *15* (табл. IV, *12*).

В-в. 1) 0,28 г, Скуднова, 1950, рис. 15; Голенко, 1974, табл. V, *16* (табл. IV, *12а*).

Д-д. 1) 0,33 г, 7,5 мм. ГИМ 2594. Издан: Шелов // BAR, т. I, *13* (табл. IV, *8*).

Е-е. 1) 0,22 г, 7 мм. ГЭ 68/26421. Издан: Анохин, I, *24* (табл. IV, *9*).

Ж-ж. 1) 0,18 г, 7 мм. ГЭ 69/26422 (табл. IV, *10*).

З-з. 1) 0,14 г, 7 мм. Розов. СА, 1983, № 2, с. 113, рис. 1, *6*. Найден в Фанагории в 1970 г.

И-и. 1) 0,16 г, Якунчиков Б.М. Неизданные и редкие древнегреческие монеты. Спб., 1908, с. 20, № 45, табл. IV, *45* (Отдельный оттиск из II выпуска "Записок Императорского Русского археологического общества").

7-й тип.

Л.с.: морда льва в фас. О.с.: углубленный квадрат, разделенный на четыре рельефные прямоугольника, на одном из них – четырехлучевая звездочка.

Серебро. Диобол.

А-а. 1) 1,79 г, SNG BM, 1, 840 (табл. IV, *13а*).

Б-б. 1) 1,65 г, Одесса.

В-в. 1) 1,65 г, ГИМ 13428 (коллекция Коциевского) (табл. IV, *13*).

Г-г. 1) 1,50 г, коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 387.

Д-д. 1) 1,34 г, коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 388.

Е-е. 1) 1,16 г, Кембридж, coll. Mc Clean, 4441.

И-и. 1) 1,58 г, коллекция Стэнкомба, № 389.

Ж-ж. 1) 1,68 г, Оксфорд 3393.

З-з. 1) 1,58 г, клад из Нимфея 1949 г. Голенко, НЭ, XI, 1974, pl V. 17.

Гемиобол.

А-а. 1) 0,20 г, Париж, 149 (табл. XII, *7*) уник.

8-й тип.

Серебро. Трибол.

А-а. 1) 2,89 г, ГЭ 26441. Издан: Анохин, табл. I, 19.

Серебро. Диобол.

Л.с.: Голова льва в фас. О.с.: Углубленный квадрат, разделенный на четыре рельефных прямоугольника, в двух из них по четырехлучевой звезде. Бурачков, Общий каталог монет, табл. XIX, *7*; Бертье-Делягард, с. 30, № 73–75; Minns, табл. V, *5*.

А-а. 1) 74 г, SNG Lockett 1088.

Б-б. 1) 1,61 г, Arthur Dewing 1239.

В-в. 1) 1,53 г, SNG BM, I, № 841 (табл. IV, *14а*).

Г-г. 1) 1,76 г, Giel, op. cit., Taf. III, *30*. 2) 1,78 г, там же, 3) 1,71 г, Podschiwalow, 1882; s. 4, 18, Taf. I, *6*.

Д-д. 1) 1,56 г, SNG BM, I, 842 (табл. IV, *14в*).

АВ-ва. 1) 1,78 г, 13 мм. ГЭ 78/26433 (табл. IV, *14*).

Г-г. 1) 1,80 г, 13 мм. ГЭ 79/26434 (табл. IV, *15*).

В-д. 1) 1,49 г, 17 мм. ГЭ 80/26435 (табл. IV, *16*).

В-е. 1) 1,72 г, 13 мм. ГЭ 81/26436 (табл. IV, *17*).

Ж-ж. 1) 1,74 г, 13 мм. ГЭ 82/26437 (табл. IV, *18*). 2) 1,72 г, 12 мм. ГИМ 2570 (табл. IV, *19*). 3) 1,65 г, Варшава 105341.

Е-з. 1) 1,52 г, 12 мм. ГИМ 2571 (табл. V, *1*). 2) 1,60 г, Варшава 105342.

В-с. 1) 1,43 г, 11,1 мм. ГИМ 2572 (табл. V, *1*).

Е-н. 1) 1,23 г, 11,5 мм. ГИМ 2573 (табл. V, *3*). 2) 1,30 г, ГИМ 14092 (коллекция Н.Н. Градмезона).

Ж-з. 1) 1,69 г, 12 мм. Naville, V, 1613.

М-м. 1) 1,96 г, 12 мм. Naville, V, 1614.

О-о. 1) 1,38 г, ANS 26240.

Р-р. 1) 1,33 г, коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 390.

Н-н. 1) 1,33 г, коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 391.

П-п. 1) 1,18 г, SNG Copenhagen, 18.

С-с. 1) 1,73 г, Кембридж. Coll. Lockett, SNG 1003.

Серебро. Гемиобол.

А-а. 1) 0,24 г, SNG BM, I, 843 (табл. XII, *8*), уник.

9-й тип.

Л.с.: морда льва (шкура?) в фас. Ос.: углубленный квадрат, разделенный на четыре прямоугольника, в двух из них четырехлучевые звезды, в двух других по букве: **П** и **А**. Бурачков, Общий каталог монет, табл. XIX, *14*; Шелов, I, *7*.

Серебро. Диобол.

А-а. 1) 1,22 г, Giel, op. cit., Taf. III, *32*.

Б-б. 1) 1,49 г, 14 мм. ГЭ 112 (табл. V, *7*). 2) 1,24 г, 13 мм. ГЭ 113 (табл. V, *8*).

В-в. 1) 1,60 г, 16 мм. ГЭ 88 (табл. V, *10*). 2) 2,20 г, 16 мм, Варшава 105357.

Г-г. 1) 1,58 г, 13 мм. ГЭ 114/26468 (табл. V, *11*).

Д-д. 1) 1,24 г, 11 мм. ГЭ 112 (табл. V, *12*).

Е-е. 1) 1,28 г. Берлин 5. 2) 1,21 г, Auktion Kat. Egger Bruden, Wien, 1904, Coll. Prowe, Taf. III, *347*. 3) 1,74 г, 12 мм. Naville, V, N 1630.

Ж-ж. 1) 1,45 г, 11 мм. Париж, 145 (табл. XII, *9*).

Серебро. Гемиобол.

Л.с.: морда льва в фас. О.с.: углубленный квадрат, разделенный на четыре равных прямоугольника, в двух из которых четырехлучевая звезда, на двух других буквы **П** и **А**, иногда их читают как **А** и **П**. Бурачков, Общий каталог монет, табл. XIX, *9*.

А-а. 1) 0,39 г, Giel, 1886, Taf. III, *33*.

Б-б. 1) 0,29 г, Giel, 1886, Taf. III, *34*. 2) 0,17 г, Розов, СА, 1983, № 2, с. 114, рис. 1, *7*.

В-в. 1) 0,40 г, 8 мм. ГЭ 115 (табл. V, *18*).

А-г. 1) 0,30 г, 8 мм. ГЭ 116 (табл. V, *19*).

Г-д. 1) 0,36 г, 8 мм. ГЭ 117 (табл. V, *20*).

Б-г. 1) 0,22 г, 7 мм. НЭ 118 (табл. V, *21*).

Д-г. 1) 0,20 г, 7 мм. ГЭ 118а (табл. V, *22*).

Д-г. 2) 0,17 г, 8 мм. ГЭ 119 (табл. V, *23*).

Е-е. 1) 0,13 г, 6 мм. ГЭ 120 (табл. V, *24*).

Л-о. 1) 0,19 г, 6 мм. Париж, 148.

Ж-г. 1) 0,37 г, 8 мм. ГЭ 132 (табл. V, *25*).

З-з. 1) 0,28 г, 7 мм. ГЭ 133 (табл. V, *26*).

И-е. 1) 0,39 г, 8 мм. ГЭ 134 (табл. V, *27*).

И-к. 1) 0,27 г, 6,8 мм. ГЭ 135 (табл. VI, *1*).

И-к. 2) 0,27 г, 8 мм. ГЭ 136 (табл. VI, *2*).

К-л. 1) 0,27 г, 8,9 мм. ГИМ 6607 (табл. VI, *3*).

К-м. 1) 0,34 г, 7 мм. ГИМ 6608 (табл. VI, *4*).

А-н. 1) 0,26 г, 8 мм. ГИМ 6609 (табл. VI, *5*).

З-г. 1) 0,26 г, 8 мм. Берлин.

З-г. 2) 0,30 г, 6–8 мм. ГИМ 13787 (табл. VI, *6*).

З-г. 3) 0,28 и 0,25 г, Giel, 1886, Taf. III, *37*.

З-г. 4) 0,30 г, коллекция Прове, Egger Bruder, Wien, 1904, № 350. 5) 0,23 г, коллекция Прове, Egger Bruder, Wien, 1904, № 351.

Л-о. 1) 0,61 г, Кембридж, Coll. Mc Clean, 7324.

10-й тип.

Л.с.: морда льва в фас. О.с.: углубленный квадрат, разделенный на четыре прямоугольника, в двух из них по восьмилучевой звезде, в двух других по букве: **П** и **А**. Бурачков, Общий каталог монет, табл. XIX, *8, 9*.

Серебро. Драхма.

Веса даны по Бертье-Делягард, 1913, с. 31, № 84. 1) 4,65 г (Уваров). 2) 4,32 г (Великий князь Георгий Михайлович). 3) 4,31 г, ГЭ. 4) 4,34 г, ГЭ 26429. Анохин, I, 2. 5) 4,71 г. Берлин (табл. VI, *8*).

А-а. 1) 4,61 г, ГИМ (табл. VI, *9*).

Серебро. Диобол.

А-а. 1) 1,37 г, 12 мм. Naville, V, 1628. 2) 1,38 г, 13 мм. Naville, V, 1629.

Следующие два разных штемпеля аверсов соединены одинаковым штемпелем реверса. Это доказывает, что штемпель л.с. – шкура льва (табл. VI, *14*) не чекан храма Аполлона, а чекан Пантикапея (ср. табл. VI, *13*). В.А. Анохин полагает, что на л.с. монет, чеканенных храмом Аполлона, изображена шкура мертвого льва, а те монеты, на лицевой стороне которых изображена голова льва, чеканены в Пантикапее (Анохин, с. 137, № 33, табл. I, *33*). Как видим, и те и другие чеканили на одном – Пантикапейском дворе.

Б-б. 1) 1,39 г, 14 мм. ГЭ 126. Издан: Giel, 1886, Taf. III, *36* (табл. VI, *13*).

Д-б. 1) 1,48 г, 15 мм. ГЭ 127. Издан: Giel, 1886, Taf. III, *35* (табл. VI, *14*).

В-б. 1) 1,40 г, 13 мм. ГЭ 128 (табл. VI, *15*).

Штемпеля оборотных сторон этих трех монет доказывают то же самое. Монета со штемпелем л.с. "шкура льва" (табл. VI, *14*) имеет общий штемпель реверса с монетами "голова льва" (табл. VI, *13, 15*). Таким образом, все это чекан Пантикапея.

Г-д. 1) 1,02 г, SNG Lockett 1090.

Ж-г. 1) 1,53 г, 13 мм. ГЭ 129 (табл. VI, *16*).

З-в. 1) 1,43 г, Berlin 6 (табл. VI, *17*).

Е-е. 1) 1,20 г, Оксфорд 3392 (табл. VI, *18*).

И-и. 1) 1,34 г, ANS 26241.

Е-е. 1) 1,44 г, 13,0 мм. Париж, 146 (табл. VI, *19*).

11-й тип. **Третья четверть – конец V в. до н.э.**

Л.с.: морда льва в фас. О.с.: углубленный квадрат, разделенный на четыре прямоугольника, на трех из которых помещены буквы П–А–N, а на четвертом – четырехлучевая звезда.

Бурачков. Общий каталог монет, табл. XIX, *15*.

Серебро. Дидрахма.

А-а. 1) 8,08 г, 20 мм. Hoffman, 15, 1881, N 20. Ср. Head, HN, p. 280. Bruxelles, Bibliotheque Royale Albert I-er, Collection de Hirsch, 853 (табл. XII, *10*). 2) 7,85 г. ГЭ 148/26501 (табл. XII, *12*). 3) 7,64 г. Auctions: Hirsch, 21 (1908), 784; Jameson I, 1360; Monnaies et Medailles, 1965, Niggeler, N 189; Bank Leu, SA 28 (1981), N 52. 4) 7,40 г, издан Podschiwalow, 1882, s. 5, Taf. I, *9*. 5) 7,43 г, Monnaies et Medailles, 64, Basel (30/1/1984), № 57. 6) 8,50 г, коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 392.

Этот же тип был отмечен А.Л. Бертье-Делягардом: Бертье-Делягард, 1913, № 81. Им даны веса. 1) 8,54 г, Брюссель. 2) 7,16 г, частная коллекция. 3) 7,20 г, Якунчиков.

Но существует мнение, что эти монеты фальшивы. Экземпляр из коллекции П.О. Бурачкова, хранящийся в ГИМе (ГИМ № 8577, вес – 8,08 г), можно, по-видимому, признать также подделкой (табл. XII, *12*). Кроме того, монета весом 3,84 г была издана А.М. Подшиваловым.

Серебро. Драхма.

А-а. 1) 3,84 г, Podschiwalow, 1882, S. 5. Taf. I, *10*.

Эта монета также не может не вызвать сомнения. Поэтому я считаю, что эмиссий дидрахм и драхм этого типа в Пантикапее, по-видимому, не производилось.

12-тип. **Третья четверть – конец V в. до н.э.**

Л.с.: Морда льва в фас. О.с.: углубленный квадрат, разделенный на четыре равных прямоугольника. В трех из них по букве: П, А и N, в четвертом – восьмилучевая звезда.

Серебро. Диобол.

А-а. 1) 1,47 г, 13,5 мм. Розов, СА, 1983, № 2, рис. 1, *8*.

Б-б. 2) 1,47 г, 13 мм. Берлин 22.

В-в. 3) 1,43 г, 13 мм. Naville, V, *1626*.

Г-г. 1) 1,42 г, 12 мм. Naville, V, *1627*.

Д-д. 1) 1,35 г, 13 мм. ГИМ 2578 (табл. VI, *20*). 2) 1,42 г, Giel, 1886, Taf. III, *38*. 3) 1,39 г, 14 мм. ГЭ 149 (табл. VI, *21*).

Е-е. 1) 1,37 г, 13 мм. ГЭ 150 (табл. VI, *22*).

Д-ж. 1) 1,43 г, 15 мм. ГЭ 151/26504 (табл. VI, *23*). 2) 1,12 г, Egger Bruder, Wien, 1904, N 348. 3) 1,02 1,32 г, Egger Bruder, Wien, 1904 № 439 (2 экз.).

Ж-з. 1) 0,93 г, коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 393.

З-и. 1) 1,42 г, коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 394.

Серебро. Гемиобол.

А-а. 1) 0,34 г, 8 мм. ГЭ 131/26486. 2) 0,27 г, 7 мм. ГЭ 130/26485 (табл. VI, *24*).

Б-б. 1) 0,19 г, 18 мм. Giel, 1886, s. 22, N 39, Taf. III, *39*.

13-тип. **Третья четверть – конец V в. до н.э.**

Серебро. Диобол.

Л.с.: голова льва в фас. О.с.: углубленный квадрат, разделенный на четыре равные прямоугольника, на которых буквы ПАNTI, в центре – восьмилучевая звезда. Зограф, табл. XXXIX, *32*.

А-а. 1) 1,67 г, SNG Lockett 1091. 2) 1,65 г, Giel, op. cit., Taf. III, *40*. 3) 1,69 г, Париж, 144 (табл. VII, *1*).

Б-б. 1) 1,68 г, 14 мм. London, издан: Анохин, 39; SNG BM, I, № 847.

В-е. 1) 1,72 г, 14 мм. ГЭ 154/26507 (табл. VII, *2*).

В-г. 1) 1,75 г, 15 мм. ГЭ 155/26508 (табл. VII, *3*).

Г-г. 1) 1,76 г, 14 мм. ГЭ 156/26509 (табл. VII, *4*). 2) 1,67 г, 14 мм. ГИМ 2579 (табл. VII, *5*).

Д-д. 1) 1,67 г, 13 мм. Naville, V, *1622*.

Е-е. 1) 1,61 г. коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 395 (табл. VII, *5а*).

З/з. 1) 1,74 г, ANS 26243.

З-з. 2) 1,68 г. Париж, 147 (табл. VII, *6*).

Однотипный диобол был найден в 1964 г. при раскопках Пантикапея. Издан: Голенко К.В. Монеты из раскопок Пантикапея 1962–1966 гг. // ВДИ, 1973, № 4, с. 66, 76, табл., *19*.

Серебро. Гимиобол.

А-а. 1) 0,24 г, 8 мм. ГИМ 2581, Розов, СА, 1983, № 2, рис. 1, *9* (табл. VII, *7*).

Б-б. 1) 0,28 г, 8 мм. ГИМ 2582 (табл. VII, *8*).

А-б. 1) 0,24 г, 7 мм. Giel, 1886. Taf. III, *41*.

Г-г. 1) 0,47 г, 8 мм. ГЭ 157 (табл. VII, *9*).

Д-д. 1) 0,45 г, 9 мм. ГЭ 158 (табл. VII, *10*).

Г-д. 1) 0,35 г, 9 мм. ГЭ 159 (табл. VII, *11*). 2) 0,34 г, ANS 26246.

Е-з. 1) 0,27 г, 9 мм. ГЭ 160 (табл. VII, *12*).

14-й тип. **Вторая половина – конец V в. до н.э.**

Л.с.: морда льва в фас. О.с.: углубленный квадрат, в центре восьмилучевая звезда, между лучами которой расположены буквы ΠANTI.

Серебро. Диобол.

Бурачков, Общий каталог монет, табл. XIX, *10*; Анохин, *45*.

А-а. 1) 1,45 г, Берлин 24 (табл. VII, *13*).

Б-б. 1) 1,61 г, 13 мм. ГЭ 165. Издан, Анохин, *45*.

В-в. 1) 1,50 г, 12 мм. Naville, V, *1623*.

Г-г. 1) 1,50 г, ANS 26242.

Серебро. Гемиобол.

Анохин, *46*.

А-а. 1) 0,32 г, Берлин 25 (табл. VII, *14*).

Б-б. 1) 0,31 г, 7 мм. ГИМ 2580 (табл. VII, *18*). 2) 0,30 г, 8 мм. ГЭ 166/26519 (табл. VII, *19*). 3) 0,39 г, ANS 26245.

В-б. 1) 0,33 г, 8 мм. ГЭ 167/26520 (табл. VII, *20*).

Б-в. 1) 0,20 г, 8 мм. ГЭ 168/26521 (табл. VII, *21*). 2) 0,39 г, 8 мм. Naville, V, N 1624, Pl. IL, 1624. 3) 0,47 г, 8 мм. Naville, V, N 1625, Pl. IL, 1625.

Г-г. 1) 0,31 г, Geil, 1886, N 42, Taf. III, *42*. 2) 0,34 г, Giel, 1886. S. 22.

Ж-ж. 1) 0,47 г, SNG BM, I, *848*, Анохин, *46*.

Серебро. Тетартеморий.

А-а. 1) 0,14 г, Giel, 1886, s. 42, N 43, Taf. III, *43*. 2) 0,13 г, SNG Lockett 1092.

15-й тип. Конец V в. до н.э.

Л.с.: морда льва в фас. О.с.: вдавленный квадрат, внутри которого голова барана вправо, вверху надпись ΠANTI.

Бурачков. Общий каталог монет, табл. XIX, *19, 20*; Анохин, *54, 55*; Зограф, XXXIX, *33*; Шелов, I, *11*.

Серебро. Диобол.

А-а. 1) 1,52 г, Sotheby (1/11/1984), N 82. 2) 1,50 г, коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 396.

Б-б. 1) 1, 47 г, SNG Lockett 1105; Naville, XVI, 1933, № 1093.

В-в. 1) 1,48 г, Bloesch H., Griechischen Munzen in Winterthur, 1984, N 1105.

Г-г. 1) 1,33 г, 15 мм. ГЭ 175/26578 (табл. VIII, *1*). 2) 1,75 г, 14 мм. ГЭ 178/26129 (табл. VIII, *2*).

Д-д. 1) 1,45 г, 13 мм. ГИМ 2583 (табл. VIII, *3*).

Е-е. 1) 1,65 г, 13 мм. ГИМ 2584 (табл. VIII, *4*).

Ж-ж. 1) 1,49 г, Munchen SNG, Staatliche Munzsammlung, Taf. N 12.

З-з. 1) 1,23 г, 12 мм. ГИМ 2586 (табл. VIII, *6*). 2) 1,69 г, 17 мм. ГИМ 91539 (табл. VIII, *7*).

И-и. 1) 1,65 г, Vente Publique 72, Basel, 1987, p. 61, N 543. Munzhandelung Basel, 8 (22/3/1987), 188. 2) Вес неизвестен, Одесса, 5177.

К-к. 1) 1,53 г, Oxford, Ashmolean Museum, 3394 (табл. VIII, *5*).

Л-л. 1) 1,31 г, Берлин, 28 (табл. VIII, *10*). 2) 1,57 г, Берлин, 29 (табл. VIII, *11*).

М-м. 1) 1,41 г, Берлин, 30 (табл. VIII, *12*). 2) 1,47 г, Берлин, 31 (табл. VIII, *13*).

Н-н. 1) 1,53 г, Naville, 17 (3/10/1934), табл. 12, № 397.

О-о. 1) 1,45 г, 13 мм. Naville, V, *1631*. 2) 1,40 г, 12 мм. Naville, V, *1632*.

П-п. 1) 1,48 г, 13 мм. Naville, 16 (3/7/1933), № 1080.

Р-р. 1) 1,24 г, 13 мм. ГИМ (табл. VIII, *8*).

С-с. 1) 1,41 г, 18 мм. ГИМ 13732 (коллекция Коциевского А.С.) (табл. VIII, *9*).

Т-т. 1) 1,13 г, Кембридж, Coll. Mc Clean, 4444.

У-у. 1) 1,42 г, ANS 26244 (табл. VIII, *24*).

Ф-ф. 1) 1,40 г, Париж, 1789 (табл. XII, *13*).

Серебро, Обол.

Л.с.: морда льва в фас. О.с.: голова барана вправо, вверху ΠANTI.

А-а. 1) 0,80 г, 12,5 мм. ГИМ 2585 (табл. VIII, *14*).

Б-б. 1) 0,75 г, 13 мм. ГЭ 179/26530 (табл. XIII, *18*).

В-в. 1) 0,89 г, 9 мм. ГЭ 180/26531 (табл. XIII, *19*).

Г-г. 1) 0,87 г, Boston, Museum, of Fine Arts, N 1348.

Серебро. Гемиобол. Тот же тип.

А-а. 1) 0,44 г, Berlin, 32/532. 2) 0,55 г, 10 мм. ГЭ 181/26532 (табл. XIII, *20*).

Б-б. 1) 0,44 г, 9 мм. ГЭ 182/26533 (табл. XIII, *21*).

В-в. 1) 0,42 г, 8 мм. ГЭ 183/26535 (табл. XIII, *22*).

Г-д. 1) 0,30 г, Берлин 33/524 (табл. XIII, *42*).

Г-д. 2) 0,44 г, Берлин 32 (табл. VIII, *41*).

Д-г. 1) 0,25 г, 7 мм ГЭ 185/26536 (табл. XIII, *23*).

Е-е. 1) 0,62 г, Brusselles, Hirsch, 854 (R. Naster, La Collection de Hirsch, Bruxelles, 1959, pl. 45, N 854) (табл. VIII, *44*).

Ж-ж. 1) 0,37 г, 7 мм. ГИМ 2587 (табл. XIII, *25*). 2) 0,36 г, 7 мм. SNG Coll. Lockett 1094.

З-з. 1) 0,36 г, 7 мм. ГИМ 2588 (табл. XIII, *26*). 2) 0,35 г, 7 мм. ГИМ 2589 (табл. XIII, *27*).

К-к. 1) 0,34 г, 7 мм. ГИМ 2590 (табл. XIII, *28*). 2) 0,37 г, 8 мм. Париж, 153 (табл. XII, *14*).

Серебро. Тетартеморий.

Л.с.: голова льва в фас. О.с.: голова барана вправо, вверху ΠANT[I].

А-а. 1) 0,19 г, 7 мм. ГИМ 2591 (табл. XIII, *29*). 2) 0,13 г, 5,5 мм. ГЭ 187/26538. Плохой сохранности. 3) 0,22 г, Brusselles, Hirsch, 855 (R. Naster, La-Collection de Hirsch, Bruxelles, 1959, Pl. 45. N 855).

16-й тип.

Л.с.: голова льва в фас. О.с.: голова барана влево, ΠAN.

Серебро. Тетартеморий.

А-а. 1) 0,27 г, Berlin 34 (табл. XIII, *30а*). 2) 0,19 г, 5,5 мм. ГЭ 188/26539 (табл. XIII, *30*).

17-й тип.

Л.с.: голова льва. О.с.: голова барана вправо, внизу осетр, вверху ΠANT[I].

Бурачков. Общий каталог монет, табл. XIX, *16, 17*; Анохин, *68*; Шелов I, *12*.

Серебро, Диобол.

А-а. 1) 1,49 г, 13 мм. ГИМ 2591а (табл. XIII, *31*). 2) 1,05 г, 11 мм. ГЭ 192 (табл. XIII, *32*).

Б-б. 1) 1,74 г, SNG BM, I, *852* (табл., *3а*).

Б-в. 1) 1,37 г, SNG BN, I, *853*.

Серебро. Гемиобол.

А-а. 1) 0,33 г, 7 мм. ГИМ 2592в (табл. XIII, *33*).

Б-б. 1) 0,35 г, 8 мм. ГЭ 184/26535 (табл. XIII, *34*).

В-в. 3) 0,29 г, 8 мм. ГЭ 195 (табл. XIII, *35*). Плохой сохранности.

18-й тип.

Л.с.: то же. О.с.: голова барана вправо, внизу звезда, вверху ΠAN.

Бурачков, Общий каталог монет, табл. XIX, *18*; Анохин, *70–72*.

Серебро, Тетробол.

А-а. 1) 3,46 г, SNG BM SNG I, *851*.

Серебро. Диобол.

А-а. 1) 1,27 г, 11 мм. ГЭ 193 (табл. XIII, *36*). 2) 1,10 г, 11 мм. ГЭ 194 (табл. XIII, *37*).

Серебро. Гемиобол.

1) 0,33 г, 8 мм. ГЭ 196 (табл. XIII, *38*). 2) 0,21 г, 6–7 мм. ГИМ 2593 (табл. XIII, *39*). 3) 0,24 г, 7 мм. ГИМ 13733 (коллекция А.С. Коциевского) (табл. XIII, *40*).

19-й тип. **Монеты с изображением муравья. Конец VI – начало V в. до н.э. Все монеты с изображением муравья являются тетартемориями-(1-й тип с муравьем).**

Л.с.: муравей. О.с.: вдавленный квадрат неясных очертаний.

1) 0,45 г, 9 мм. ГИМ 2608. Издан: Анохин, *6* (табл. IX, *1*). 2) 0,37 г, 6 мм. ГЭ 10/26363 (табл. IX, *2*). 3) 0,18 г, 6 мм. ГЭ 17/26370 (табл. IX, *3*). 4) 0,25 г, 7 мм. ГЭ 18/26371 (табл. IX, *4*). 5) 0,34 г, 7 мм. ГИМ 6680 (табл. IX, *5*).

20-й тип-(2-й тип с муравьем).

Л.с.: муравей. О.с.: углубленный квадрат, разделенный на четыре прямоугольника, в двух из них – точки.

Giel, 1886, S. 20. Taf. III, *1*. Анохин, *17*. 1) 0,13 г, Giel, 1886, S. 20. Taf. III, *1*. 2) 0,14 г, Giel, 1886, S. 20. Taf. III, *2*. 3) 0,14 г, 5,5 мм. ГЭ 44/26397 (табл. IX, *6*). 4) 0,15 г, 6 мм. ГЭ 45/26398 (табл. IX, *7*). 5) 0,12 г, 5 мм. ГЭ 46/26399 (табл. IX, *8*). 6) 0,11 г, 5 мм. ГЭ 47/26400 (табл. IX, *9*).

7) 0,10 г, 5 мм. ГЭ 48/26401 (табл. IX, *10*). 8) 0,11 г, 5 мм. ГЭ 49/26402 (табл. IX, *11*). 9) 0,10 г, 5 мм. ГЭ 50/26403 (табл. IX, *12*). 10) 0,11 г, 5,5 мм. ГИМ 13788 (табл. IX, *13*). 11) 0,26 г, 5 мм. ГИМ 14099 (коллекция Н.Н. Грандмезона) (табл. IX, *14*). 12) 0,10 г, 6 мм. ГИМ 14098 (коллекция Н.Н. Грандмезона) (табл. IX, *15*).

21-й тип-(3-й тип с муравьем).

Л.с.: муравей, О.с.: углубленный квадрат, разделенный на четыре прямоугольника, в каждом из которых по точке.

Анохин, *13*.

1) 0,15 г, 6 мм. ГЭ 42/26395. Издан: Анохин, *18* (табл. IX, *16*). 2) 0,19 г, 5,5 мм. ГЭ 43/26396 (табл. IX, *17*). 3) 0,14 г, Giel, 1886, S. 20, N 2, Taf. III, *2*. У Гиля описан реверс как имеющий два шарика или две точки, но по типу – это четыре шарика (или точки), так как в каждом прямоугольнике – по точке.

22-й тип-(4-й тип с муравьем).

Л.с.: муравей. О.с.: углубленный квадрат, в центре которого звезда, образованная из четырех лучей и пяти шариков.

Анохин, *25*.

1) 0,11 г, Giel, 1886, S. 20, N 3, Taf. III, *3*. 2) 0,12 г, ГЭ 70/26423. Издан: Анохин, № 25 (табл. IX, *18*).

23-й тип-(5-й тип с муравьем).

Л.с.: муравей. О.с.: углубленный квадрат, разделенный на четыре прямоугольника. В двух из них буквы **П и А**, в двух других – по четырехлучевой звезде. 1) 0,16 г, Giel, 1886, S. 20, N 8, Taf. III, *8* буквы **А, П**. 2) 0,13 г, из собрания Х.Х. Гиля (1886). 3) 0,10 г (на реверсе буквы **П-А**). Giel, 1886, № 9. 4) 0,09 г (на реверсе те же буквы, в том же положении), там же, № 10. 5) 0,13 г, 6,5 мм. ГЭ 121/26476 (табл. IX, *19*). 6) 0,19 г, 6 мм. ГЭ 137/26493 (табл. IX, *20*). 7) 0,22 г, 6 мм. ГЭ 138/26494 (табл. IX, *21*). 8) 0,17 г, 6 мм. ГЭ 139/26495 (табл. IX, *22*). 9) 0,16 г, 5,5 мм. ГЭ 140/26495а (табл. IX, *23*). 10) 0,12 г, 5 мм. ГЭ 144/26497 (табл. IX, *24*). 11) 0,10 г, 6 мм. ГЭ 145/26498 (табл. IX, *25*). 12) 0,09 г, 5 мм. ГЭ 146/26499 (табл. IX, *26*). 13) 0,07 г, 5 мм. ГЭ 147/26500 (табл. IX, *27*). 14) 0,15 г, 6 мм. РЭ 153/26506 (табл. IX, *28*). 15) 0,16 г, 6 мм. ГИМ 2609. 16) 0,09 г, 5 мм. ГИМ 2610. 17) 0,22 г, 7 мм. ГЭ 41/26394 (табл. IX, *29*).

24-й тип-(6-й тип с муравьем).

Л.с.: муравей. О.с.: четырехлучевая звезда разделяет поле, на двух противоположных частях буквы **П** и **А**, на двух других – точки.

А-а. 1) 0,24 г, 6 мм. ГЭ 123/26478. Издана: Giel, 1886, S. 20, N 11, Taf. III, *11*. Не отмечена у Анохина (табл. IX, *30*).

Б-б. 1) 0,36 г, 6 мм. SNG BM, I, *849*.

В-в. 1) 0,78 г, Naville, I, 1921 (Coll. Pozzi), № 1149.

25-й тип-(7-й тип с муравьем).

Л.с.: муравей. О.с.: в углубленном квадрате четыре прямоугольника, на трех буквы **П, А, N**, на четвертой – звезда.

Анохин, *38*.

А-а. 1) 0,12 г, 6 мм. ГЭ 171/26523. Издана: Анохин, 38 (табл. IX, *31*).

26-й тип-(8-й тип с муравьем).

Л.с.: муравей особого вида. О.с.: углубленный квадрат, разделенный на четыре прямоугольника, буквы: **П, А, N, ТІ**.

А-а. 1) 0,40 г, 7 мм. ГЭ 173/26524 (табл. IX, *32*). Плохая сохранность.

27-й тип-(9-й тип с муравьем).

Л.с.: муравей. О.с.: углубленный квадрат, разделенный на четыре прямоугольника, в центре его – восьмилучевая звезда, на прямоугольниках буквы: **П, А, N, ТІ**.

А-а. 1) 0,23 г, 6 мм. Берлин 443/1887 (табл. IX, *33*).

Б-б. 1) 0,15 г, 7 мм. ГИМ 2611 (табл. IX, *34*).

В-в. 1) 0,18 г, 8 мм. ГИМ 2612 (табл. IX, *35*).

Г-г. 1) 0,10 г, 6–7 мм. ГЭ 163/26516 (табл. IX, *36*).

Д-д. 1) 0,15 г, 6 мм. ГЭ 170/26522 (табл. IX, *37*).

Е-е. 1) 0,23 г, 7 мм. ГЭ 186/26537 (табл. IX, *38*).

Ж-ж. 1) 0,10 г, Giel, 1886, S. 20, N 13, Taf. III, *13*.

З-з. 1) 0,16 г, Giel, 1886, S. 21. N 14.

28-й тип=(10-й тип с муравьем)

Л.с.: муравей. О.с.: углубленный квадрат, в центре которого звезда, сверху **ΠA**, внизу **NΠ**.

А-а. 1) 0,62 г, SNG BM, I, *850*.

Б-б. 1) 0,20 г, Оксфорд, Ашмолеон музей 3395.

29-й тип=(11-й тип с муравьем)

Л.с.: муравей. О.с.: углубленный квадрат, в его центре восьмилучевая звезда, между лучами буквы: **Π, A, N, T, I**.

А-а. 1) 0,17 г, 5,5 мм. ГЭ 161/26514 (табл. IX, *39*).

Б-б. 1) 0,16 г, 7 мм. ГЭ 162/26515 (табл. IX, *40*).

В-в. 1) 0,08 г, 5 мм. ГЭ 164/26517 (табл. X, *1*).

Г-г. 1) 0,19 г, 5 мм. ГИМ 91539 (табл. X, *2*).

Д-д. 1) 0,14 г, Giel. 1886, S. 20, N 12, Taf. III, *12*.

Е-е. 1) 0,10 г, там же, примечание к № 12.

Ж-ж. 1) 0,16 г, ANS 26247.

30-й тип=(12-й тип с муравьем)

Л.с.: муравей. О.с.: углубленный квадрат, разделенный двумя линиями на четыре части, в которых буквы: **A, Π, O, Λ**. Borrel, NC, XI, 1849, P. 57. Pl. № 3.

А-а. 1) 0,17 г, 6 мм. ГЭ 99/26452 (табл. X, *3*).

Б-б. 1) 0,21 г, 6 мм. ГЭ 103/26456 (табл. X, *4*).

В-в. 1) 0,15 г, 7 мм. ГЭ 103а/26457 (табл. X, *5*). Плохой сохранности.

Г-г. 1) 0,20 г, Giel, 1886, S. 20, № 5, Taf. III, *5*.

31-й тип=(13-й тип с муравьем)

Л.с.: муравей. О.с.: углубленный квадрат, разделенный четырехлучевой звездой, между лучами буквы: **A, Π, O, Λ**.

А-а. 1) 0,19 г, Giel, 1886, S. 20, N 6, Taf. III, *6*.

Б-б. 1) 0,20 г, там же № 7.

В-в. 1) 0,20 г, 7 мм. ГЭ 109/26463 (табл. X, *6*).

Г-г. 1) 0,20 г, 7 мм. ГЭ 110/26464 (табл. X, *7*).

В-в. 1) 0,12 г, 7 мм. ГЭ 111/26465 (табл. X, *8*).

32-й тип=(14-й тип с муравьем)

Л.с.: муравей. О.с.: углубленный квадрат, в нем голова барана вправо, вверху **ΠAN TI**.

А-а. 1) 0,19 г, 5–7 мм. ГЭ 142/26496 (табл. X, *9*). Возможно, это один и тот же экземпляр, изданный ранее Х.Х. Гилем: Гиль Х.Х. Новые приобретения моего собрания, 1891. С. 5, № 16 (вес 0,18 г). Отдельный оттиск.

33-й тип=(15-й тип с муравьем)

Л.с.: голова льва впрямь. О.с.: муравей во вдавленном квадрате. Издана.

А-а. 1) 0,20 г. Х.Х. Гиль описывает изображение на л.с. как голову быка (1891, S. 20), но на экземпляре из ГЭ ясно видно, что это лев. За Х.Х. Гилем следует В.А. Анохин (1986, с. 139), отмечая, что на л.с. – букраний, и относит этот тип к Феодосии (там же, № 66). Но этот тип монет в Феодосии не выпускался. К тому же все известные нам до сих пор монеты Феодосии чеканились гораздо позднее. Ни одна из монет Феодосии не имеет на реверсе углубленного квадрата (quadratum incusum).

Б-б. 1) 0,12 г, 4,5 мм. ГЭ 71/26424 (табл. X, *10*).

В-в. 1) 0,10 г, 5 мм. ГЭ 72/26425 (табл. X, *11*).

Г-г. 1) 0,12 г, 5 мм. ГЭ 73/26426 (табл. X, *12*). Плохой сохранности.

Д-д. 1) 0,09 г, 4 мм. ГЭ 74/26427 (табл. X, *13*). Плохой сохранности.

Е-е. 1) 0,08 г, 5 мм. ГЭ 75/26428. Плохой сохранности.

Монеты с надписью АПОЛ. Четвертая четверть V в. до н.э.

34-й тип=(1-й тип с легендой **АПОЛ**)

Серебро. Диобол.

Л.с.: голова льва в фас. Углубленный квадрат, разделенный на четыре отсека, в каждом из которых по букве: **A, Π, O, Λ**. Шелов, II, *14*.

А-а. 1) 1,44 г, 14 мм. ГИМ 2595 (табл. X, *14*). 2) 1,56 г, SNG BM, I, *844*. 3) 1,45 г, SNG BM, I, *845*. 4) 1,45 г, SNG BM, I, *846*.

Б-б. 1) 1,37 г, 15 мм. ГИМ 2596 (табл. X, *15*). 2) 1,23 г, 14 мм. Коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 397.

В-в. 1) 1,29 г, 14 мм. ГИМ 2597 (табл. X, *16*). 2) 1,40 г, коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 398.

Г-г. 1) 1,40 г, 14 мм. ГИМ 2598 (табл. X, *17*).

Д-д. 1) 1,43 г, 13 мм. ГИМ 2599 (табл. X, *19*).

Е-е. 1) 1,38 г, 12 мм. ГИМ 2600 (табл. X, *19*).

Ж-ж. 1) 1,07 г, 12 мм. ГИМ 2601 (табл. X, *20*).

З-з. 1) 1,08 г, 13 мм. ГИМ 2602 (табл. X, *21*).

К-к. 1) 1,43 г, 15 мм. ГИМ 2604 (табл. X, *22*).

Л-л. 1) 1,47 г, 14 мм. ГИМ 13729 (коллекция А.С. Коциевского) (табл. X, *23*).

Н-н. 1) 1,10 г, 12 мм. ГИМ 13730 (коллекция А.С. Коциевского) (табл. X, *24*). 2) 1,37 г, SNG Paris, Delpiere, 2464.

М-м. 1) 1,30 г, 14 мм. ГИМ 6606 (табл. X, *1*).

О-о. 1) 1,46 г, 13 мм. ГЭ 83 (табл. XI, *2*). 2) 1,30 г, SNG Paris, Delpiere, 2465.

М-е. 1) 1,65 г, 15 мм. ГЭ 84 (табл. XI, *3*). 2) 1,46 г, 14 мм. Кэмбридж, Coll. McClean, 4443.

П-б. 1) 1,44 г, 14 мм. ГЭ 85 (табл. XI, *4*). 2) 1,37 г, AC NAC, № 6, Arthur S. Dewing, 1240; Helbing (8/11/1928), 3733.

Р-е. 1) 1,46 г, 14 мм. ГЭ 86 (табл. XI, *5*). 2) 1,35 г, коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 399. 3) 1,35 г, коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 400. 4) 0,92 г, коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 401. 5) 1,31 г, коллекция Стенкомба (Великобритания), № 402. 6) 1,42 г. Naville, I, 1921 (Coll. Pozzi), 1148. 7) 1,50 г, 13 мм. Brussell, Hirsch, 852. 8) 1,45 г, SNG Cambridge 1581. 9) 1,52 г, 13 мм. ГЭ 87 (табл. XI, *6*). 10) 1,41 г, 13 мм. ГЭ 89 (табл. XI, 8 реверс).

С-е. 1) 1,74 г, 13 мм. ГЭ 105 (табл. XI, *7*).

Т-е. 1) 1,33 г, 13 мм. ГЭ 90 (табл. XI, *9*). 2) 1,47 г, Варшава 167977.

У-т. 1) 0,92 г, Берлин, 8.

Ф-у. 1) 1,51 г, 14 мм. Берлин (1873, Fox).

Х-х. 1) 1,51 г, 14 мм. Берлин (Imhoof-Blumer).

Ц-ц. 1) 1,75 г, 16 мм. Берлин (Lobbeke). 2) 1,45 г, 15 мм. ГИМ 14096 (коллекция Н.Н. Грандмезона). 3) 1,47 г, 14 мм. Варшава 167978. 4) 1,57 г, Oxford SNG, Ashmolean 3391. 5) 1,36 г, ANS 26236. 6) 1,46 г, ANS 26237. 7) 1,47 г, ANS 26238. 8) 1,45 г, Cambridge, Leak Coll., 1581. 9) 1,44 г, Cambridge, Leak Coll., 1582. 10) 1,77 г, 13 мм. Одесса. 11) 1,10 г, 13 мм. Одесса. 12) 1,39 г. Париж, 151; 13) 0,96 г, Париж, 152; 14) 1,53 г, Париж, 1788 (табл. XII, *2а, 2б, 2в*).

Монеты, известные по литературе.

1) 1,60 г, 15 мм. Naville, V, p. 65. N 1615. 2) 1,38 г, 13 мм. Naville, V, p. 65. N 1616. 3) 1,32 г, 12 мм. Naville, V, p. 65. N 1617. 4) 1,32 г, 14 мм. Naville, V, p. 65. N 1618. 5) 1,30 г, 13 мм. Naville, V, p. 65. N 1619. 6) 1,13 г, 12 мм. Naville, V, p. 65. N 1620. 7) 1,57 г, Naville, 16 (3/7/1933), 1081, P. 69, N 1081, Pl. 35, N 1081. 8) 1,45 г, Giel, 1886, S. 21. N 15, Taf. III, *15*; H.E. Minns, Pl. IX, *10*. 9) 1,41 г, 11,5 мм. Орешников А.В., Каталог собрания графа А.С. Уварова. М., 1887, с. 50, № 367. 10) 1,45 г, Фролова Н.А., Монеты из раскопок Фанагории 1962–1975 гг. // ВДИ, 1981. № 1, с. 110, № 440. 11) 1,51 г, Imhoof-Blumer F., Monnaies grecques. Paris; Leipzig, 1883, p. 42. 12) 1,42 г, CAH, V. of plates, III, Cambridge, 1930. P. 20. Fig. *c*. 13) 1,42 г, там же. 14) 1,58 г, Голенко К.В., Шелов Д.Б., Монеты из раскопок Пантикапея 1945–1961 гг. // НиСф, I, 1963, с. 40, № 298. 15) 0,79 г, Голенко К.В., Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // НЭ, XI, М., 1974, С. 78, № 94, табл. I, *94*.

На о.с. другая расстановка тех же самых букв.

И-и. 1) 1,30 г, 12 мм. ГИМ 2603 (табл. XI, *10*).

Ии-Ил. 1) 1,32 г, 12 мм. Гиль XX. Новые приобретения, ЗРАО. V, 1892. С. 5, № 18, табл. IV, 18. 2) 1,43 г, 13 мм. ГЭ 91 (табл. XI, *11*).

Тот же тип, но с определением номинала как триобол:

1) Кене, т. 1, с. 332, прим. 1, № 1.

Серебро. Гемиобол.

А-а. 1) 0,64 г, 11 мм. ГИМ 2605 (табл. XI, *12*).

Б-б. 1) 0,32 г, 7,5 мм. ГИМ 2606 (табл. XI, *13*).

В-в. 1) 0,37 г, 7,5 мм. Берлин 12.

Г-г. 1) 0,28 г, 6,5 мм. Берлин 13. 2) 0,24 г, коллекция Стэнкомба (Великобритания), № 403.

Д-в. 1) 0,36 г, 9 мм. ГИМ 13731 (коллекция А.С. Коциевского) (табл. XI, *14*).

Е-е. 1) 0,24 г, Анохин, табл. I, 27/1.

Ж-ж. 1) 0,37 г, 8 мм. ГЭ 92 (табл. XI, *15*).

З-з. 1) 0,29 г, 9 мм. ГЭ 93 (табл. XI, *16*).

И-к. 1) 0,34 г, 8 мм. ГЭ 94 (табл. XI, *17*). 2) 0,36 г, 8 мм. Naville, V, N 1621.

М-м. 1) 0,34 г, 8 мм. ГЭ 95 (табл. XI, *19*).

Л-м. 1) 0,37 г, 8 мм. ГЭ 96 (табл. XI, *18*).

Серебро. Тетартеморий.

М-н. 1) 0,25 г, 8 мм. ГЭ 97 (табл. XI, *20*).

Н-о. 1) 0,23 г, 7 мм. ГЭ 98 (табл. XI, *21*).

Монеты, не разобранные по штампелям.

1) 0,27 г, Розов В.Н., Боспорские монеты VI–V вв. до н.э. из случайных находок на Таманском полуострове 1975–1980 гг. // СА, 1983, № 2, с. 112, табл. 1, № 11. 2) 0,13 г, 6 мм. ГЭ 100 (табл. XI, *22*). 3) 0,16 г, 6,5 мм. ГЭ 101 (табл. XI, *23*). 4) 0,12 г, 6 мм. ГЭ 102 (табл. XI, *24*). 5) 0,14 г, 7 мм. ГИМ 2607 (табл. XI, *25*). 6) 0,33 г, Giel, 1886, S. 21. N 16, Taf. III, *16*. 7) 0,08 г, 7 мм. ГЭ 104 (табл. XII, *1*). 8) 0,248 г, 7 мм. ГИМ 13786 (табл. XII, *2*). 9) 0,23 г, Анисимов, с. 331, № 184. 10) 0,295 г, там же.

35-й тип=(2-й тип с легендой **АПОЛ**).

Л.с.: шкура с головы льва в фас. О.с.: углубленный квадрат, в центре которого четырехлучевая звезда, между лучами – буквы: **А, П, О, Л**.

Серебро. Драхма.

А-а. 1) 4,30(?) г, 14 мм. ГЭ 26479 (табл. XII, *3*).

Серебро. Диобол.

А-а. 1) 1,72 г, Гиль, Новые приобретения // ЗРАО, V, табл. IV, *17*; ГЭ 124(?) (табл. XII, *3а*, натуральная величина).

Б-б. 1) 1,74 г, Копенгаген, SNG, Thrace, Copenhagen, 1912, Pl. I, *19*. 2) 1,49 г, Ratto, Lugano (4/4/1927);

Анохин, табл. 2, *48/2*.

В-в. 1) 1,59 г, 11–17 мм. Берлин, 7 (из коллекции Имхоф-Блумера). Возможно, что этот экземпляр издан Имхоф-Блумером с весом 1,60 г, 14 мм. – Imhoof-Blumer, 1883, p. 41–41, N 24. Второй экземпляр, указанный им же (p. 42), весит 1,77 г.

Серебро. Гемиобол.

А-а. 1) 0,42 г, 9 мм. ГЭ 106. Издан: Анохин, табл. 2, № 49 (табл. XII, *4*).

Б-б. 1) 0,37 г, 9 мм. ГЭ 107 (табл. XII, *5*).

В-в. 1) 0,45 г, 10 мм. ГЭ 108 (табл. XII, *6*).

Г-г. 1) 0,41 г, Giel, 1886, S. 21. N 17, Taf. III, *17*.

Существуют и монеты с изображением на обеих сторонах голов льва.

Л.с.: голова льва в фас. О.с.: углубленный квадрат, внутри которого изображение головы льва в фас.

А-а. 1) 0,28 г, 6–7 мм. Берлин, Loebbeke (табл. XII, *15*).

В Государственном Историческом музее хранятся две неопределенные монеты, отнесенные к чекану Пантикапея:

1) л.с. – муравей, о.с.: жезл (?), спираль (?), змея (?) в = 0,32 г.; 6 мм. ГИМ 6683 (табл. XII, *18*). Монета была опубликована А.В. Орешниковым (Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. Москва, 1914 (отд. оттиск), с. 43, табл. I, *18*) как медная.

2) Вторая монета плохой сохранности, л.с. неясное изображение; о.с.: шарик, по сторонам которого буквы **АП**. в = 0,75 г, 10 мм. ГИМ 6683а (табл. XII, *19*). Она была издана Ю.С. Крушкол (Ю.С. Крушкол, Ранние монеты Пантикапея как исторический источник // ВДИ, 1950, № 1, с. 186, табл. III, *4*), но обе медные монеты по технике чеканки и стилю изображений не могут быть отнесены к чеканке Пантикапея середины VI–V вв. до н.э.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ К КАТАЛОГУ МОНЕТ ПАНТИКАПЕЯ СЕРЕДИНЫ VI–V в. ДО Н.Э.

Анисимов – Анисимов А.И., Монеты из раскопок Пантикапея 1977–1986 гг. 1992 // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ. Вып. 10. М.

Анохин – Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.

Бертье-Делагярд – Бертье-Делягард А.Л. 1913. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // НС. II. М.

Бурачков – Бурачков П.О., 1884. Общий каталог монет. Одесса.

Гиль – Х.Х. Гиль, 1892. Новые приобретения моего собрания // ЗРАО, V.

Голенко – Голенко К.В., 1974. Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 // НЭ. XI.

Зограф – Зограф А.Н., 1951. Античные монеты // МИА. 16.

НС – Нумизматический сборник. 1913. Т. II. М.

НЭ – Нумизматика и эпиграфика. 1974. XI.

Розов – Розов В.Н., 1983. Боспорские монеты VI–V вв. до н.э. из случайных находок на Таманском полуострове (1975–1980 гг.) // СА. 1983. № 2.

Скуднова – Скуднова В., 1950. Два клада монет из Нимфея // ВДИ. 4.

СА – Советская археология.

Шелов – Шелов Д.Б. 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.

Якунчиков – Якунчиков Б.М., 1908. Неизданные и редкие древнегреческие монеты. Спб. Отдельный оттиск из ЗРАО. II.

ACNAC – The Arthur S. Dewing Collection of the Greek Coins / Ed. Leo Mildenberg and Silvia Hunter. N.Y., 1985.

ANS – The Collection of the American Numismatic Society, New York.

Babelon, Traite, IV – E. Babelon, Traite des monnaies grecques et romaines. v. IV, Grece septentrionale aux Ve et IVe ciecles avant. J.C. Paris, 1932.

BMC, France – A Catalogue of the Greek Coins in the Britisn Museum, France, London, 1887.

CAH – Cambridge Ancient History.

Giel, Kleine – Ghr. Giel, Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Sudrusslands. M., 1886.

Cambridge, McClean II – S.W. Grose, Fitzwilliam Museum, Catalogue of the McClean Collection of Greek coins.

Head HN – B.V. Head, Historia Numorum. Ed. 2 Oxford, 1911.

Minns – H.E. Minns. Scythians and Greeks, Cambridge, 1913.

Podschiwalow – Podschiwalow A.M. Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica, und Bosphorus Cimmerius aus der Sammlung A.M. Podschiwalow, M., 1882.

Shelov – Shelov D.R. Coinage of the Bosporus VI–II centures B.C., BAR, Oxford, 1978.

SNG, Ashmolean Museum – Sylloge Nommorum Graecorum. Great Britain.

SNG, BM – Sylloge Nummorum Graecorum, v. IX, British Museum. 1. Black Sea.

SNG, Copenhagen – Sylloge Nummorum Graecorum, Denmark, The Royal Collection of Coines and Medals, Danish National Museum. V. II. Thrace and Macedonia. New Jersey (reprinted), 1982.

SNG, Delepierre – Sylloge Nummorum Graecorum, France: Bibliotheque Nationale, Cabinet des Medailles. H. Nicolet, J. and M. Delepierre and G. Le Rider, Collection Jean et Marie Delepierre, Paris, 1983.

SNG, Fitzwilliam – Sylloge Nummorum Graecorum. Great Britain. Fritzwilliam Museum, Leake and General Collections, v. VII, pt. II, Sicily, France. London, 1972.

SNG, Lockett – Sylloge Nummorum Graecorum. Great Britain. V. III, pt. II, Sicily, France. London, 1957.

SNG, München – Sylloge Nummorum Graecorum, Shtaatliche Münzsammlung, München, 7 Heft, Taurische Chersones, Sarmatien, Dacien, Moesia, Superior Moesien. Imperion. Berlin, 1985.

Welz K. – Welz K. Griechischen Münzen von Schwarzen Meer. Schweizer Münzblätter, 7, 1957, Hefte 26.

Auction Catalogue

Egger, 1904 – Brüder Egger. Auctions-Katolog, Wien, 28.11.1904.

Jameson, 1924 – Collection R. Jameson, Auction. Paris, 1924.

Leu, 1966 – Bank Leu. AG. Collection Prof. Pozzi. Lucerne (Suisse). Zürich; Amsterdam, 1966.

Naville, 5 – Collection Bertie de la Garde. Auction, Naville 5, Geneve, 1923.

Naville, 16 – Monnaies Antiques. Auction. Naville 16. Geneve, 1933.

Naville, 17 – Monnaies Antiques. Auction, Naville 17. Geneve, 1934.

Niggeler, 1965 – Sammlung Walter Niggeler, pt. 1, Griechische Münzen. Auction. Basel, 03–04. 12. 1965.

Ratto, 1927. – Auction. Lugano, 04.04.1927.

Sotheby, 1984 – Auction, Brand. Coll. London, 01–09. 1984.

Vente Publique, 64 – Auction Vente Publique, 4. Basel, 30.01.1984.

Vente Publique, 72 – Auction. Basel, 1987.

Vente Publique, 73 – Auction. Basel, 17.10.1988.

Collection

Ashmolean Museum – Oxford, Ashmolean Museum.
ANS – The Collection of the American Numismatii Society.
Berlin – Staatliche Museen zu Berlin, Münzkabinett.
BM – British Museum, London.
Boston-Museum – A. Boldwin Brett. Catalogue of Greek Coins Museum of Fine Arts. Boston; New York, 1974.
Brussells – Bibliotheque Royale Albert I. Cabinet des Metailles.
Copenhagen – The royal collection of Coins and Medals, Danish National Museum.
Glasgow – Glasgow Hunterian Museum. University of Glasgow.
Fitzwilliam Museum – Cambridge, Fitzwilliam Museum.
Hermitage – State Hermitage. Petersburg.
Moscow – State Historical Museum. Moscow.
Odessa – Odessa Archaeological Museum. Odessa.
Paris – Bibliotheque Nationale. Paris.
Stancomb – Private Coll. W.M. Stancomb. London. The thesis is book: the History and Coinage of the Greek Cities on the coast of the Black Sea, University of Warwick, v. II, 1994.
Warsawa – National Museum. Warsawa.
Wien – Bundessammlung von Medaillen und Münzen, Geldzeichen. Wien.

Государственный исторический музей, Москва

N.A. FROLOVA

THE MINTAGE OF BOSPORUS IN THE 6th–5th CENTURIES B.C.

Summary

The author systematized the early Bosporus coins with lion's and ant's muzzles images and the coins with "ΑΠΟΛ" inscription, analysed the mint-marks on them, studied their weight and drew a conclusion that the coins with ant's image belong to the smallest face value of tetartemorius (1/24 of drachma). The typology of images and inscriptions on the reverses of the coins with ant considered earlier to be the speaking symbol of Mirmekion testifies to the fact that these coins went through the same evolution as Panticapaion's ones. The types and inscriptions common for the coins with lion's and ant's muzzles, the common weight system make it possible to draw a conclusion that the issue of the coins with ant's image were minted in Panticapaion. V.A. Anokhin thinks that the coins without inscriptions ("lion's muzzle – ant" type) published even in the 19th cent. were minted in Theodosia. But the first coins of Theodosia have the inscription "ΘΕΟΔΟ" on them and are dated to the end of the 5th – beginning of the 4th cent. B.C. That's why the "lion – ant" coins without inscriptions couldn't be minted in Theodosia. They should be dated to the time before the issue of Panticapaion with "ΠΑ" letters appeared (about the middle of the 5th cent B.C.). According to the weight (0,20–0,08) and proportions (5 mm) they could be tetartimories, a face value that wasn't found in the mintage of Theodosia. Four known types of coins with lion's head on the averses and ant and "ΑΠΟΛ" inscription on the reverses which were considered to be minted in Apollonia could have been minted both in the temple of Apollo in Panticapaion and in the mint of Panticapaion itself. Two similar types of coins with "ΠΑ" ("ΑΠ") letters (table V, *7–8, 10, 12* and table VI, *8, 13–15, 16, 20–25*) were considered to be minted in two different centres of mintage: Panticapaion and the Temple of Apollo only because one of them has lion's muzzle on the averse and the other one has lion's skin on it. The analysis of coins' images shows that their reverses have the marks of the same stamp. It testifies to the fact that the coins with "ΠΑ" ("ΑΠ") and "ΑΠΟΛ" letters could be minted in the mint of Panticapaion and belong as the coins with ant's images to the issues of Panticapaion.

К.К. МАРЧЕНКО

ТРЕТИЙ ПЕРИОД СТАБИЛИЗАЦИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ

Хорошо известно, что Северное Причерноморье раннего железного века представляло собой одно из основных подразделений античного "пограничья". Именно здесь, в этом регионе, тогда же историей был запущен в действие весьма своеобразный механизм контактов государственных и синполитийных общественных образований, принадлежавших к принципиально различным хозяйственно-культурным типам – номадов-скотоводов, с одной стороны, и пашенных земледельцев – с другой.

Сам механизм такого рода контактов представлял собой единую динамично менявшуюся во времени культурную систему, состоявшую из трех основных частей или подсистем: кочевых обществ степей, эллинских полисов северных берегов Понта и оседлых и полуоседлых потестарных образований туземцев лесостепной зоны (Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1991, с. 146).

Как установлено ныне, основным принципом работы упомянутого механизма взаимодействий являлась его цикличность (Марченко К.К., 1991, с. 68–70). Продолжительность жизни отдельных циклов зависела от частоты смены хозяев степного коридора региона – кочевых орд скифов или сарматов. При этом, как кажется, в пределах VII–I вв. до н.э. достаточно уверенно выделяются полностью сразу три таких цикла. Еще один из них – четвертый, по-видимому, заходит сюда лишь своей начальной фазой.

Каждое из данных подразделений греко-варварских контактов, определявших ход истории населения Северного Причерноморья, охватывало промежуток времени от одного-полутора до двух столетий. В несколько огрубленном виде их хронологические рамки могут быть определены ныне следующим образом: конец VIII – начало V в. до н.э. – первый, или скифский архаический, цикл; начало V – рубеж IV–III в. до н.э. – второй, или скифский классический, цикл; рубеж IV–III – начало – первая половина II в. до н.э. – третий, или скифо-сарматский, цикл и, наконец, начало – первая половина II – середина I в. до н.э. – четвертый, или сарматский, цикл. Важно заметить также, что, при всем достаточно очевидном культурно-историческом своеобразии и различии темпов протекания отдельных фаз этих циклов, последние включали в себя все же вполне определенный, можно даже сказать, обязательный набор одинаковых элементов своего развития.

Не приходится сомневаться, в частности, что начало каждого из указанных выше циклов определялось появлением на восточных рубежах Северного Причерноморья из глубинных районов Евразии новых волн воинственных номадов. Данное обстоятельство рано или поздно, но всегда неизбежно вызывало здесь всеобщую дестабилизацию военно-политической обстановки. Впрочем, как представляется, первый удар пришельцы обычно наносили все-таки не эллинам, а своим прямым предшественникам – номадам, часть из которых либо покидала традиционные места своего обитания, либо оказывалась инкорпорированной в общественные структуры своих победителей, либо, наконец, просто погибала в процессе боевых столкновений с противником.

Равным образом следует думать, что разгром прежних хозяев в их последующее исчезновение с политической арены в качестве главенствующей силы всегда объек-

© К.К. Марченко, 1996 г.

тивно приводили к практически полному крушению старой, давно устоявшейся системы отношений между основными группировками населения Северного Причерноморья. По существу, очередным победителям, т.е. вторгшимся с востока полудиким ордам номадов, после установления своего безраздельного диктата над степью приходилось начинать буквально все с самого начала, последовательно переходя от прямого военного давления на своих соседей, в основном характерного для этапа завоевания новой родины, к более или менее регулируемому договорными обязательствами взиманию трибута и развитию взаимовыгодных, постепенно расширяющихся коммерческих контактов с ними. При этом следует принимать в расчет и то немаловажное обстоятельство, что другая сторона древней оппозиции – пашенные земледельцы – вынуждена была проходить нелегкий путь приспособления к новым условиям чаще всего в сильно ослабленном конфронтацией с кочевниками состоянии. Тем не менее фактически каждый из выделенных циклов на завершающей фазе своего развития должен был, по-видимому, включать в себя более или менее продолжительный период относительной стабилизации военно-политической обстановки в регионе, в течение которого здесь начинался несомненный, подчас даже просто поразительный по своим масштабам и глубине расцвет экономической и культурной жизнедеятельности греческих полисов и туземного населения, сопровождавшийся обычно седентаризацией части местных номадов.

Вместе с тем, как известно, в современной историографии Северного Причерноморья раннего железного века до сих пор более или менее уверенно выделяются только два периода такой стабилизации. Это, во-первых, вторая половина VII – начало V в. до н.э. и, во-вторых, последняя треть V – рубеж IV–III в. до н.э. (Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1991, с. 148, 149, 151–153). Нетрудно заметить, таким образом, что указанное положение дел как будто самым серьезным образом не согласуется с только что сделанным нами эскизным наброском картины действия греко-варварских отношений в этом регионе. На поверку как бы оказывается, что третий и последний из целиком выделенных циклов не содержит одного из важнейших элементов своего развития. Так ли это, однако, на самом деле? Остановимся на данном вопросе подробнее.

Итак, есть все основания полагать, что начало–первая половина III в. до н.э. были ознаменованы довольно быстрой и, по всей видимости, весьма кардинальной трансформацией системы греко-варварских контактов и взаимодействий в Северном Причерноморье. В регионе в очередной раз произошел явный переход от относительно стабильных (мирных) к преимущественно враждебным (военным) отношениям (Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1991, с. 153). Одним из наиболее ярких и примечательных свидетельств наступивших перемен в этой сфере стал факт внезапной и, как представляется ныне, едва ли не единовременной гибели здесь в конце первой – начале второй третей III в. до н.э. подавляющего большинства стационарных сельских поселений эллинов и туземцев (Щеглов А.Н., 1985, с. 192; Доманский Я.В., Марченко К.К., 1980, с. 38; Масленников А.А., 1988, с. 207; Марченко К.К., 1990, с. 137; Полин С.В., 1992, с. 41, 44, 45, 66–69, 101; Масленников А.А., 1993, с. 36). Более того, есть некоторые основания полагать, что тогда же в Нижнем Поднестровье под ударами варваров прекращает существование и наиболее слабый из здешних греческих центров – город Никоний (ср.: Секерская Н.М., 1989).

Нет нужды специально задерживать внимание на всех негативных последствиях столь радикального изменения военно-политической ситуации в регионе: эта тема уже давно получила вполне адекватное освещение в трудах отечественных антиковедов. Достаточно будет отметить главное – указанное событие имело решающее значение для всей дальнейшей судьбы местных эллинских государственных образований. Оно по сути дела буквально выбивало почву из-под ног их экономики, лишая возможности беспрепятственной эксплуатации природных ресурсов сколь-либо обширных сельскохозяйственных территорий, что в свою очередь во многом предопределило последую-

щий бурный рост кризисных явлений, охвативших вскоре все основные стороны жизнедеятельности греческих городов (Виноградов Ю.Г., 1989, с. 188 сл.).

Следует заметить также, что причины, вызвавшие столь радикальные изменения исторической ситуации этого времени, все еще дискутируются. На сей счет в современной науке наличествуют по крайней мере сразу три совершенно различные точки зрения. Первая из них связывает данный феномен с продвижением из-за Дона в Причерноморье новых волн кочевников – сарматов[1], уничтоживших в процессе своей экспансии "Великую Скифию" и установивших здесь свое политическое господство (Щеглов А.Н., 1985; Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н., 1990, с. 361, 362); вторая – с ухудшением климатических условий или, точнее, с начавшейся в III в. до н.э. аридизацией степной зоны региона, вызвавшей принципиальные изменения в направленности хозяйственной деятельности, а также географии расселения скифов (Полін С.В., 1984, с. 28–31; Полин С.В., 1992; Иевлев М.М., 1989; ср.: Крыжицкий С.Д. и др., 1989, с. 96; Алексеев А.Ю., 1992, с. 141, 142); наконец, третья – с одним или даже несколькими опустошительными рейдами из района Карпато-Дунайского бассейна военных отрядов кельтов или германцев – галатов ольвийского декрета в честь Протогена (Рубан В.В., 1985, с. 43, 44; 1988; Яйленко В.П., 1990, с. 274, 275).

Не останавливаясь в данной работе на всех "за" и "против" существующих представлений, необходимо сказать все же, что первая точка зрения представляется ныне гораздо более убедительной. Единственным серьезным контраргументом именно такого понимания развития событий в регионе является, как известно, отсутствие надежных материальных следов сколь-либо длительного пребывания сарматов на территории Северного Причерноморья этого и даже гораздо более позднего времени. Впрочем, сам по себе этот факт полевой археологии отнюдь не может служить непреодолимым препятствием на пути признания указанной позиции. Не следует исключать, что сарматы в своем движении на запад не обязательно должны были сразу же превратиться в постоянных обитателей степного междуречья Дона и Днепра. Их основной домен в начале III в. до н.э. вполне мог располагаться и, по всей видимости, действительно располагался за пределами этого ареала – в степных районах Подонья, Калмыкии, Прикубанья и в Центральном Предкавказье. Об этом вполне определенно говорит появление здесь еще во второй половине IV в. до н.э. первой серии погребальных комплексов очередных пришельцев с востока (Железчиков Б.Ф., 1987, с. 38; Максименко В.Е., 1987, с. 42, 43; Березин Я.Б., Виноградов В.Б., 1988, с. 33; Ждановский А.М., Марченко И.И., 1988, с. 42, 43; Марченко И.И., 1988а, с. 7, 8; ср.: Десятчиков Ю.М., 1974, с. 6, 7). Важно заметить также, что внедрение самой ранней волны сарматов на новые территории заметно дестабилизировало военно-политическую обстановку в Прикубанье и Центральном Предкавказье и привело к ускоренному строительству на поселениях местных жителей фортификационных сооружений, а в отдельных случаях и к гибели этих поселений (Березин Я.Б., Виноградов В.Б., 1988; с. 33; Ждановский А.М., Марченко И.И., 1988, с. 47, 48; Марченко И.И., 1988а, с. 13). Именно отсюда номады, как кажется, вскоре и стали совершать свои стремительные набеги на соседей, на долгие годы превратившие большинство районов Северного Понта в зону постоянных грабежей и военных столкновений. Само же реальное освоение сарматами изрядно запустевших к тому времени степных пастбищ региона последовало значительно позже – примерно со второй четверти II в. до н.э. (Полин С.В., 1989, с. 5, 6, 15). Существенно подчеркнуть, однако, что перед этим освоением здесь, по всей видимости, как раз и начался новый, третий по счету, но на сей раз явно весьма непродолжительный период относительной стабилизации обстановки в Северном Причерноморье.

Впрочем, четкие хронологические рамки этого периода в настоящее время назвать

---

[1] Экзоэтноним античных авторов "сарматы" употребляется в тексте работы в самом расширительном смысле, т.е. по отношению ко всем кочевникам восточной части европейских степей последних веков до нашей эры.

весьма затруднительно. В предварительном плане их можно определить как вторая половина III в. до н.э., с одной стороны, и первая половина следующего столетия – с другой. При этом более достоверным, как кажется, выглядит отсчет начала стабилизации.

Несмотря на крайнюю скудость достоверных археологических источников этого времени, есть некоторые основания полагать, что как раз со второй половины III в. до н.э. в самых различных местах региона происходит постепенный возврат населения к оседлой жизнедеятельности за пределами сильно укрепленных городов греков. Впрочем, совершенно очевидно, что размах и глубина интересущего нас в данный момент процесса не идут ни в какое сравнение с более ранними явлениями такого же порядка. Судя по имеющимся материалам, они были, по-видимому, намного скромнее. Более того, создается впечатление, что в Северо-Западном Причерноморье очередной поворот к созданию стационарных сельских поселений осуществлялся главным образом при участии одних лишь варваров и в силу своей ограниченности не смог привести к сколь-либо серьезному улучшению экономического положения местных эллинских центров. Собственно говоря, почти единственным видимым ныне положительным следствием относительной стабилизации военно-политической обстановки в этой части Понта, вероятнее всего, стала для Ольвии и Тиры возможность произвести некоторые финансовые накопления, позволившие им вернуться в самом конце периода к кратковременному выпуску собственной монеты из драгоценных металлов (Карышковский П.О., 1988, с. 96–98; ср.: Гилевич А.М., 1984, с. 86; Карышковский П.О., Клейман И.Б., 1985, с. 75, 76, 79). И это, пожалуй, все.

Перейдем, однако, к изложению конкретной историко-археологической информации, так или иначе подтверждающей только что высказанные выше суждения и замечания. Начать, по-видимому, следует с краткой характеристики ситуации, которая сложилась в интересующее нас время в наиболее восточных районах Северного Причерноморья, т.е. там, где, как очевидно, обитали истинные хозяева степей – сарматы, поскольку совершенно неоспоримо, что только явное замирение последних могло создать благоприятные предпосылки для очередного улучшения общей ситуации в регионе. При этом, как кажется, основное внимание следует уделить прежде всего территории правобережья Кубани – месту сосредоточения особенно большого количества погребальных памятников сарматов раннего периода. Именно здесь, по мнению целого ряда исследователей, тогда же находился и центр одного из крупнейших общественных объединений этих кочевников – так называемый сираксий союз (Десятчиков Ю.М., 1974; Ждановский А.М., 1985; Марченко И.И., 1988б).

Судя по всей совокупности хотя и разрозненных, но все же достаточно выразительных наблюдений, время практически полного утверждения военно-политического диктата этого союза над своими соседями – земледельческими племенами местов – приходится, скорее всего, на самый конец IV – начало III в. до н.э. (Ждановский А.М., Марченко И.И., 1988, с. 48; Марченко И.И., 1988б, с. 70–72). Весьма показательно также и то, что вскоре после установления господства сираков над туземными жителями резко возрастает число обитателей степной зоны Прикубанья. На это прямо указывают результаты современных статистико-комбинаторного и хронологического анализов материалов, согласно которым на последнюю четверть III–II в. до н.э. приходится сразу же около половины фонда всех до сих пор учтенных погребальных комплексов воинственных степняков (Ждановский А.М., Марченко И.И., 1988, с. 42–44; Марченко И.И., 1988а, с. 7–10).

Не менее примечательным следствием этого события оказывается, по всей видимости, и довольно быстрое сложение в Прикубанье (к середине III в. до н.э., во всяком случае) весьма влиятельного сарматско-меотского общественно-политического объединения (Ждановский А.М., Марченко И.И., 1988, с. 48), вызвавшего к жизни, как полагают, и некоторое межэтническое сближение намадов и земледельцев (Марченко И.И., 1988б, с. 75). Более того, есть серьезные основания думать, что уже со второй половины названного столетия здесь начинается частичная седентаризация

сираков (Марченко И.И., 1988б, с. 75, 76). Словом, создается достаточно отчетливое впечатление необычайно быстрого, но в принципе вполне понятного в условиях тесного окружения сарматов Прикубанья более высокоразвитыми культурами, развития совершенно определенных социально-экономических тенденций в структуре местного кочевого общества (Десятчиков Ю.М., 1974, с. 17), закономерно ведущих к его постепенной стабилизации и утрате той черезмерной агрессивности, которая обычно свойственна номадам на стадии завоевания и освоения новых территорий под заселение.

Заключая, таким образом, эту часть характеристики военно-политической ситуации в Северном Причерноморье интересующего нас времени, можно высказать предположение, что со второй половины III в. до н.э. по крайней мере одно из мощнейших подразделений восточных кочевников – сиракское племенное объединение степного Прикубанья – уже должно было до некоторой степени уменьшить свою былую подвижность и воинственность и вполне вероятно перешло от преимущественно прямого силового давления к взиманию трибута со своих соседей на более или менее регулярной (договорной) основе. Впрочем, принимая во внимание географический фактор, совсем не исключено и другое, что по мере удаления от основного центра этого объединения на запад непосредственное воздействие на политическую обстановку отмеченных нами выше стабилизирующих импульсов постепенно ослабевало и в районе северо-западной части Понта оказывалось практически номинальным.

Как бы то ни было, но есть основания думать, что боспорские центры ранее других почувствовали на себе изменение общей ситуации в варварском хинтерланде к лучшему и энергично попытались воспользоваться благоприятно складывающейся для них конъюнктурой. Первым и, возможно, наиболее ярким свидетельством новых веяний в политике является факт возобновления Боспором своего непосредственного присутствия в низовьях Дона уже в середине или же в самом начале второй половины III в. до н.э. Именно в это время, как кажется, сюда вновь выводится очередная крупная колония греков – Танаис, признанная, по всей видимости, заменить ранее утерянный боспорянами эмпорий на месте бывшего "акрополя" Елизаветовского городища на Дону (Марченко К.К., 1992, с. 180–186). Напомню, впрочем, что обычно указанное событие современные исследователи относят еще к первой четверти III в. до н.э. (Шелов Д.Б., 1970, с. 15–23; ср.: Федосеев Н.Ф., 1990). Думается, однако, что вполне серьезных доводов в пользу такого заключения все-таки явно недостаточно. Привлекаемый обычно для подтверждения столь ранней даты основания Танаиса весьма небольшой и, заметим, до сих пор практически почти не пополняющийся фонд одних лишь вещественных материалов из культурных напластований этой колонии, по всей видимости, в лучшем случае может быть истолкован в качестве следов существования здесь в первой трети названного столетия какого-то, но, очевидно, совершенно крошечного опорного пункта эллинов, напрямую связанного с Елизаветовским центром, а отнюдь не как надежное свидетельство функционирования вполне самостоятельного полнокровного выселка Боспорского государства. При этом вряд ли следует сомневаться и в том, что во время военного нападения сарматов в конце первой – начале второй третей III в. до н.э., сопровождавшегося, как было указано выше, едва ли не тотальным разгромом сельских поселений греков и варваров Северного Причерноморья и приведшего к гибели большую колонию боспорян в дельте Дона (Марченко К.К., 1990, с. 137), указанный опорный пункт сумел избежать полного разорения.

Не менее отчетливые признаки относительной стабилизации обстановки фиксируются ныне для второй половины III в. до н.э. и на европейской части самого Боспора. Именно в это время, по мнению И.Т. Кругликовой, начинается новый этап в истории сельскохозяйственных территорий названного государства, когда в "удобных для обороны местах возникли новые поселения, появились крупные укрепленные усадьбы" (Кругликова И.Т., 1975, с. 101). Необходимо отметить, правда, что количество вновь созданных селищ было, по всей видимости, сравнительно невелико и,

несомненно, намного уступало числу поселков, функционировавших здесь до сарматского разгрома (Кругликова И.Т., 1975, с. 95; Масленников А.А., 1993, с. 36). Данное обстоятельство в сочетании с явным стремлением их обитателей по возможности обезопасить свое существование путем возведения разного рода фортификационных сооружений прямо свидетельствует об отсутствии у греков уверенности в постоянно доброжелательных отношениях к ним со стороны варваров (ср.: Масленников А.А., 1988, с. 207). Тем не менее сам по себе факт очередного подъема жизнедеятельности на хоре боспорских центров не вызывает сомнений.

Равным образом не вызывает сомнений и возрождение во второй половине III в. до н.э. стационарной жизнедеятельности на сельской территории другого греческого государства Северного Причерноморья – Херсонеса Таврического. Археологические исследования последних лет надежно показывают, что после длительного запустения в окрестностях этого города и на побережье Тарханкутского полуострова опять появляется целый ряд на сей раз особенно сильно укрепленных усадеб и поселений греков (Туровский Е.Я., 1987; Голенцов А.С., 1988, с. 27; Щеглов А.Н., 1988, с. 273; Золотарев М.И., 1989, с. 55; Ланцов С.Б., 1991, с. 14). Следует подчеркнуть, однако, что, как и в случае с Боспором, размах эллинской реколонизации Гераклейского полуострова и северо-западной части Крыма не идет ни в какое сравнение с предшествующим расцветом хозяйствования в названных районах (Туровский Е.Я., 1987, с. 160). Впрочем, как вполне резонно полагает М.И. Золотарев, военно-политическая ориентация Херсонеса на сарматские племена дала все-таки возможность этому полису "восстановить контроль над территорией хоры и на этой основе добиться кратковременного подъема экономики" (Золотарев М.И., 1989).

Значительно менее очевидными представляются ныне следы стабилизации обстановки интересующего нас периода в Северо-Западном Причерноморье. Так, в Нижнем Побужье до сих пор известны лишь два памятника – городище Станислав и поселение Матвеевка I, в пределах площади которых реально обнаружены не только вещественные материалы второй половины III – первой четверти II в. до н.э., но и вполне достоверные остатки постоянных жилых и хозяйственных комплексов (землянки и мусорные ямы), явно свидетельствующие в пользу стационарного характера новых поселений (Виноградов Ю.А., 1990, с. 89–90; Никитин В.И., Снытко И.А., 1991, с. 63, 64). При этом обращает на себя внимание все-таки отдаленное расположение названных памятников от основного центра района – города Ольвии, что уже само по себе ставит под большое сомнение возможность прямого участия в их создании самих греков.

В ближайших же окрестностях Ольвии возврата населения на ранее обжитые, а ныне заброшенные поселения и усадьбы, по всей видимости, не произошло. Зафиксированные здесь в настоящий момент крайне немногочисленные, правильнее сказать, единичные находки главным образом обломков амфорной тары Родоса в лучшем случае могут быть интерпретированы в качестве следов каких-то, вероятнее всего, сугубо сезонных аграрных селищ людей (ср.: Виноградов Ю.Г., 1989, с. 188, 189).

Впрочем, судя по данным одного из наиболее замечательных эпиграфических памятников ольвиополитов – декрета в честь Никерата (IPE, I^2, 34), относящегося, по мнению Ю.Г. Виноградова, еще к первым двум десятилетиям II в. до н.э. (Виноградов Ю.Г., 1989, с. 183–188), сколь-либо продолжительного и глубокого умиротворения в Нижнем Побужье этого времени так и не наступило. Постоянно терроризируемая мелкими военными отрядами местных варваров из числа оставшихся в живых после сарматского разгрома приднепровских скифов, экономически ослабленная Ольвия, в отличие от Боспора и Херсонеса, оказалась скорее всего просто не в состоянии аккумулировать достаточно сил и средств для создания сколь-либо надежных опорных пунктов на своей хоре и, как кажется, была вынуждена ограничиться энергичной эксплуатацией ближайших сельскохозяйственных угодий, находившихся под непосредственной защитой ее городских стен.

Совершенно аналогичная ситуация тогда же, по-видимому, сложилась и в Нижнем Поднестровье. Во всяком случае здесь, как и в окрестностях Ольвии, почти напрочь отсутствуют материальные свидетельства нового возрождения оседлой жизнедеятельности за пределами сохранившейся в единственном числе небольшой греческой Тиры. На сегодняшний день лишь на трех из местных аграрных поселений этого района – Затока I, Надлиманское и Граденицы – археологически зафиксированы более или менее отчетливые следы хозяйственной деятельности греков интересующего нас времени (Охотников С.Б., 1983, с. 105; Бруяко И.В., 1993, с. 6). И это, пожалуй, все.

Достаточно ли в таком случае всего вышеотмеченного для того, чтобы наверное распространять воздействие относительной стабилизации военно-политической обстановки в восточных районах региона и на территорию Северо-Западного Причерноморья? В первом приближении, разумеется, нет. Все дело, однако, состоит в том, что наиболее крупные изменения, связываемые с реконструируемой ныне стабилизацией, были привнесены не столько в экономику крайне ослабленных эллинских центров этого района, сколько в расстановку сил и, как следствие, в этнополитическую географию расселения самих туземцев. Относительное замирение сарматских орд, переставших наносить губительные удары по своим западным соседям, не могло не создать на некоторое время в степном коридоре ситуацию, близкую к межцарствию, которой и не преминули воспользоваться местные варвары.

Одним из вполне вероятных следствий отсутствия действительно достаточно жесткого контроля со стороны сколь-либо мощного племенного объединения кочевников в северо-западной части Понта этого периода является, несомненно, возрождение с конца III в. до н.э. оседлой жизнедеятельности в лесостепной зоне Пруто-Днестровского междуречья (ср.: Полин С.В., 1989, с. 7), связываемого, как известно, рядом исследователей с продвижением с севера на восток бастарнов (Мачинский Д.А., 1966, с. 82–96; ср.: Никулице И.Т., 1987, с. 200–202).

Практически одновременно в Нижнем Поднепровье появляются первые, хотя надо признать, по всей видимости, и очень бледные признаки возвращения скифов на ранее покинутые или местные поселения и городища (Буйских С.Б., 1989, с. 24; Плешивенко А.Г., 1989, с. 119, 120; Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И., 1991, с. 29, 30; ср.: Гей О.А., Бажан И.А., 1990, с. 134, 138; Былкова В.П., 1990, с. 25; Полин С.В., 1992, с. 41). Зато как раз со второй половины III в. до н.э. начинается явная и довольно быстрая концентрация, а затем, по-видимому, и консолидация номадов в предгорной части Крымского полуострова, где, судя по материалам последних исследований на территории их будущей столицы – Неаполя (Зайцев Ю.П., 1988; Храпунов И.Н., 1988; ср.: Павленков В.И., 1989), не позднее конца этого же столетия возникает очередное общественно-политическое объединение туземцев – так называемая Малая Скифия Страбона (ср.: Щеглов А.Н., 1978, с. 128; Карышковский П.О., Клейман И.Б., 1985, с. 66, 67). Наконец, последним и самым отдаленным отзвуком всех этих изменений в западных районах Северного Причерноморья оказывается, скорее всего, выход на историческую арену в качестве вполне самостоятельной силы второй Малой Скифии в Добрудже (ср.: Карышковский П.О., Клейман И.Б., 1985, с. 67; Андрух С.И., 1990, с. 10–12; 1992, с. 15).

Как уже отмечалось ранее, верхнюю временну́ю границу третьего периода стабилизации обстановки в Северном и особенно Северо-Западном Причерноморье определить все еще весьма сложно. В сугубо предварительном плане она устанавливается ныне где-то ближе к середине II в. до н.э., когда заканчивается краткосрочный выпуск серебряных монет в Ольвии, а сам город попадает под власть скифов (Карышковский П.О., 1988, с. 26). При этом, как кажется, столь затруднительное положение дел с датировкой лишь отчасти может быть связано с недостатком положительной археологической информации и отсутствием надежных хронологических реперов тех или иных событий, хотя, конечно, последнее серьезно затрудняет анализ имеющихся материалов. Не менее существенно и другое – заметное расширение

спектра различных по своему происхождению факторов, напрямую влиявших в данное время на военно-политическую ситуацию в отдельных частях региона, что уже само по себе во многом исключало одинаковую направленность, а тем более полную синхронность их действий. Именно в этом, как кажется, и заключается наиболее серьезное отличие нового витка напряженности от более ранних, возникавших под давлением главным образом одного, основного обстоятельства – внедрения в Северное Причерноморье с востока очередной волны номадов.

Какие же, однако, конкретно факторы на этот раз дестабилизировали обстановку в регионе? Первое, о чем необходимо в данном случае напомнить, – о появлении Малых Скифий в Крыму и Добрудже. Зародившись в период относительного замирения степи, эти объединения туземцев после завершения своего формирования не могли не внести заметных корректив в сложившуюся ранее картину расстановки сил в хинтерланде. Разумеется, нельзя не предполагать еще априорно, что воздействие этих явно относительно небольших общественно-политических образований полукочевников на ситуацию в Северо-Западном, а тем более Северном Причерноморье в целом было все-таки довольно скромным и, как правило, далеко не выходило за пределы основной территории их обитания (Андрух С.И., 1992, с. 17). Тем не менее не учитывать это воздействие на развитие событий в регионе было бы, конечно же, неправильным. Следует думать, что радикальное изменение этнополитической обстановки в степной зоне Северного Понта III в. до н.э., вызванное прежде всего проникновением сюда новых орд кочевников, во многом уже изначально предопределило судьбу и характер действия Малых Скифий, поставив их вскоре перед жесткой необходимостью вести борьбу за право на свое существование. В таких экстремальных условиях потомки прежних хозяев региона были просто вынуждены кардинальным образом трансформировать свои прежние отношения с местными греками. Отныне дело уже не могло ограничиваться лишь рамками обычных коммерческих контактов с ними и получением трибута на более или менее регулярной основе. В своем стремлении выстоять перед лицом смертельной опасности со стороны наиболее грозных противников – сарматов на востоке и гетов и германцев на западе – скифы вскоре после завершения консолидации, по-видимому, пошли на ужесточение требований к соседям в целях улучшения своего военно-политического положения путем установления более действенного контроля над экономической, а отчасти, быть может, и политической сферами жизнедеятельности эллинских полисов. Именно этим, надо думать, в значительной мере и следует объяснять заметное усиление военных, политических и, как следствие, культурных контактов между эллинами и варварами, а также выпуск рядом греческих городов Добруджи и Ольвией во II в. до н.э. монетных серий с именами скифских династов (Карышковский П.О., 1988, с. 102, 103; Виноградов Ю.Г., 1989, с. 231–236; ср.: Андрух С.И., 1990, с. 14–16; 1992, с. 14, 15).

Вторым весьма вероятным, но, к сожалению, археологическим путем трудноуловимым фактором, влиявшим на обострение военно-политической обстановки в северо-западной части Понта II в. до н.э., являлась усилившаяся подвижность и связанная с нею агрессивность бастарнов (Блаватская Т.В., 1948, с. 212; 1952, с. 153–155) и, вполне вероятно, какой-то части гетов. Отсутствие сколь-либо значительных орд кочевников в степном коридоре названного района после ухода отсюда основной массы скифов создало здесь ситуацию, близкую к terra deserta, если, конечно, не принимать в расчет местные эллинские центры Побужья и Поднестровья. В таких условиях, как кажется, не только относительно крупные племена Истро-Понтийской зоны, но даже сравнительно небольшие группы воинственных варваров – гетов или германцев, неважно! – могли совершенно беспрепятственно и практически в любое удобное для них время совершать свои грабительские нападения на греков Тиры и Ольвии (ср.: Виноградов Ю.Г., 1989, с. 231).

Наконец, третьим и последним из наиболее очевидных факторов, внесших основную лепту в дестабилизацию обстановки в Северном Причерноморье II в. до н.э., стали опять-таки сарматы. Весьма примечательно, однако, что на этот раз речь

должна идти прежде всего о новой волне кочевников с востока – носителей так называемой прохоровской культуры.

Судя по археологическим данным, эти номады уже в конце III в. до н.э. проникают на территорию Прикубанья (Ждановский А.М., Марченко И.И., 1988, с. 48). Несколько позднее – около середины следующего столетия – на азиатской части Боспорского государства начинается заметное ухудшение военно-политической ситуации, одним из наиболее ярких проявлений которого является гибель в пожарах и разрушениях великолепного архитектурного ансамбля Таманского толоса (Сокольский Н.И., 1976, с. 46, 89).

Практически в то же время, т.е. в конце III – начале II в. до н.э., происходит активизация "прохоровцев" и на восточных рубежах Северного Причерноморья – в районе Нижнего Дона (Максименко В.Е., 1988, с. 115; 1990, с. 26, 27), вследствие чего, надо думать, жители новой боспорской колонии – Танаиса тогда же были вынуждены позаботиться о своей безопасности и спешно приступили к возведению первых оборонительных линий из камня (Шелов Д.Б., 1970, с. 114–118, 129–131; ср.: Полин С.В., 1989, с. 15). Впрочем, как полагает ныне большинство исследователей, само освоение новыми ордами кочевников территории названного региона происходило крайне замедленными темпами, и лишь к концу II – началу I в. до н.э. пришельцы надежно закрепляются в Поднепровье (Полин С.В., 1989, с. 15; Дзигорский А.Н., 1989, с. 64). Тем не менее сам по себе факт постепенного нарастания сарматской опасности с востока с начала II в. до н.э. представляется неоспоримым.

Ко всему только что сказанному остается лишь добавить, что, судя по данным нарративных источников (IPE, I^2, 352; Strabo, VII, 3, 17), одна из наиболее глубоко продвинувшихся в степную зону Причерноморья орд "прохоровцев" – роксоланы (ревксиналы) Тасия, "вероятно, враждебные сарматам, бывшим союзниками Херсонеса" (Щеглов А.Н., 1978, с. 133), в конце II в. до н.э. уже принимает самое активное и непосредственное участие на стороне скифов Палака в их борьбе с понтийским полководцем Диофантом на территории Крыма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю., 1992. Скифская хроника. СПб.

Андрух С.И., 1990. Становление Малой Скифии в Добрудже и ее отношения с окружающим миром // Древнее Причерноморье. Материалы I Всесоюзных чтений памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса.

Андрух С.И., 1992. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э. (этнополитический аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Березин Я.Б., Виноградов В.Б., 1988. Центральное Предкавказье во второй половине I тысячелетия до нашей эры // Проблемы сарматской археологии и истории. Тез. докл. конф. Азов.

Блаватская Т.В., 1948. Греки и скифы в Западном Причерноморье // ВДИ. № 1.

Блаватская Т.В., 1952. Западнопонтийские города в VII–I вв. до н.э. М.

Бруяко И.В., 1993. Демография и экономика Северо-Западного Причерноморья во второй половине VII – начале III в. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Буйских С.Б., 1989. Исследования в ур. Глубокая Пристань // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. областной конф. Запорожье.

Былкова В.П., 1990. Население низового Днепра в IV–II вв. до н.э. // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. юбил. конф. Ч. 2. Херсон.

Виноградов Ю.А., 1990. Некоторые итоги археологического изучения городища Станислав // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. юбил. конф. Ч. 2. Херсон.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. № 1.

Виноградов Ю.Г., 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.

Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н., 1990. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.

Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И., 1991. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы). Ч. III. Киев.

Гей О.А., Бажан И.А., 1990. К вопросу о времени возникновения позднескифской культуры по материалам могильника у с. Красный Маяк // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.

Гилевич А.М., 1984. Клад монет из раскопок Ольвии 1973 г. // ВДИ. № 3.

Голенцов А.С., 1988. Исследования Кульчукского городища и его некрополя // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988 гг. Тез. докл. Севастополь.

Десятчиков Ю.М., 1974. Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Дзигорский А.Н., 1989. О времени первого проникновения сарматов в Днестро-Дунайское междуречье // Проблеми історії та археології давнього населения Українські РСР. Київ.

Доманский Я.В., Марченко К.К., 1980. Поселение Ольвийской хоры Козырка 2 // АСГЭ. Вып. 21.

Ждановский А.М., 1985. История племен Среднего Прикубанья во II в. до н.э. – III в. н.э. (По материалам курганных погребений): Автореф. дис.... канд. ист. наук. М.

Ждановский А.М., Марченко И.И., 1988. Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории: Тез. докл. конф. Азов.

Железчиков Б.Ф., 1987. Степи Евразии и савромато-сарматы Нижнего Поволжья – Дона в VII–III вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир Подонья – Приазовья. Тез. докл. к семинару. Новочеркасск.

Зайцев Ю.П., 1988. Исследования района центральных ворот Неаполя Скифского // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Крымской науч. конф. Ч. III. Симферополь.

Золотарев М.И., 1989. О политической ситуации в Крыму в III в. до н.э. // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конф. памяти М.И. Ростовцева. Новочеркасск.

Иевлев М.М., 1989. Роль географического фактора в истории Скифии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. областной конф. Запорожье.

Карышковский П.О., 1988. Монеты Ольвии. Киев.

Карышковский П.О., Клейман И.Б., 1985. Древний город Тира. Киев.

Кругликова И.Т., 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М., 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.

Ланцов С.Б., 1991. Западный Крым в составе Херсонесского государства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Максименко В.Е., 1987. О савроматской этнической принадлежности язоматов и языгов // Античная цивилизация и варварский мир Подонья–Приазовья. Тез. докл. к семинару. Новочеркасск.

Максименко В.Е., 1988. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону (проблемы сарматской археологии и истории). Тез. докл. конф. Азов.

Максименко В.Е., 1990. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону (археология и проблемы этнической истории): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

Марченко И.И., 1988а. Сарматы степей правобережья Нижней Кубани во второй половине IV в. до н.э. – III в. н.э. (по материалам курганных некрополей): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Марченко И.И., 1988б. Проблемы этнической истории сиракского союза в Прикубанье // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар.

Марченко К.К., 1990. Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону // ВДИ. № 1.

Марченко К.К., 1991. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья (проблемы, контакты, взаимодействия) // Древние культуры и археологические изыскания. Материалы к пленуму ИИМК 26–28 ноября. СПб.

Марченко К.К., 1992. Боспорское поселение на Елизаветовском городище // Очерки археологии и истории Боспора. М.

Масленников А.А., 1988. Крымское Приазовье в античную эпоху // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Крымской науч. конф. Симферополь.

Масленников А.А., 1993. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху (Система расселения и этнический состав населения): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

Мачинский Д.А., 1966. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты – Лукашевка // Археология Старого и Нового мира. М.

Никитин В.И., Снытко И.А., 1991. Древнегреческая землянка у с. Матвеевка // Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. юбил. конф. Одесса.

Никулице И.Т. 1987. Северные фракийцы в VI–I вв. до н.э. Кишинев.

Охотников С.Б., 1983. Археологическая карта Нижнего Поднестровья в античную эпоху (VI–III вв. до н.э.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев.

Павленков В.И., 1989. К вопросу о времени и характере возникновения Неаполя Скифского // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. областной конф. Запорожье.

Плешивенко А.Г., 1989. Торговые связи Каменского городища (по амфорным клеймам) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. областной конф. Запорожье.

Полін С.В., 1984. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. № 45.

Полин С.В., 1989. Население северопричерноморских степей в III–II вв. до н.э. (этнополитический аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Полин С.В., 1992. От Скифии к Сарматии. Киев.

Рубан В.В., 1985. Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV–III вв. до н.э. // ВДИ. № 1.

Рубан В.В., 1988. Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса (догетское время): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Секерская Н.М., 1989. К вопросу об экономике Никония в конце IV – первой половине III в. до н.э. // Проблемы исследования античных городов. Тезисы. М.

Сокольский Н.И., 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.

Туровский Е.Я., 1987. Хронология усадеб хоры Херсонеса в конце IV–III в. до н.э. // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез. докл. IV Республиканской конф. молодых археологов. М.

Федосеев Н.Ф., 1990. О времени сосуществования Елизаветовского городища и Танаиса (по данным керамической эпиграфики) // Античный мир и археология. Вып. 7. Саратов.

Храпунов И.Н., 1988. Основные этапы истории поздних скифов // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Крымской науч. конф. Ч. III. Симферополь.

Шелов Д.Б., 1970. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М.

Щеглов А.Н., 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.

Щеглов А.Н., 1985. О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси.

Щеглов А.Н., 1988. Большой Кастель и святилище II в. до н.э. в урочище Джангуль // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Крымской науч. конф. Ч. III. Симферополь.

Яйленко В.П., 1990. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

K.K. MARTCHENKO

THE THIRD STABILIZATION IN THE NORTHERN PONTIC AREA IN THE ANTIQUITY

Summary

The article deals with the detailed description of the political and military situation in the Northern Pontic area after the collapse of the "Great Scythia". In spite of a small number of the reliable historical and archaeological records there are serious grounds to think that the second half of the 3rd – first half of the 2nd cent. B.C. were marked by one more, the third, process of stabilization going on in the different parts of the region, from the Don's delta to the Dnestr river region. As a result a part of the population returned to the settled life outside the strongly fortified Greek towns. But the scope and intensity of the process can't be compared with the earliest ones. It looks like it was mostly the local population that took part in the new foundation of the permanent rural settlements in the north-western part of the Pontic area. The limited process couldn't led to a serious improvement of the economic position of the local Hellenistic centres. Nevertheless the comparative stabilization of the political and military situation in the steppes corridor seems to be evident and can be connected with the end of the first wave of the Sarmatians who had occupied the rich pastures of the Kuban river area at the end of the 4th – first half of the 3rd cent. B.C. and stopped their disastrous raids into the lands of their western neighbours.

Н.И. ВИНОКУРОВ

МОНОЛИТНЫЕ ВИНОДЕЛЬЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ БОСПОРА

В настоящее время не подлежит сомнению, что виноделие играло большую роль в экономике Боспора. В связи с недостатком других данных особую важность для воссоздания истории развития боспорского виноделия приобретают сведения, полученные путем археологических изысканий, благодаря которым число открытых винодельческих объектов ежегодно возрастает. Эти объекты разделяются на две большие группы: класс монолитных и класс композитных виноделен[1] (Винокуров Н.И., 1994, с. 10, 11). Общее число найденных монолитных давилен уже приблизилось, по моим данным, к трем десяткам, композитных – к 11 (рис. 1). Значительное расширение источниковой базы позволило подготовить предлагаемую ниже обобщающую работу о боспорских монолитных сооружениях, применявшихся в качестве самостоятельных устройств для переработки винограда, а также в качестве прессовых лож для отжима мезги в композитных винодельнях.

Монолитные винодельческие сооружения представляют собой давильные устройства, изготовленные из однородного материала. В древности они использовались во многих винодельческих регионах – Египте, Греции, Италии, Западном и Северном Причерноморье и др. (Billiard R., 1913; Szilágyi J., 1956, S. 61 и сл.; Oliva P., 1962, p. 171, 172; Fatucchi A., 1987, p. 9–29; Крыжицкий С.Д. и др., 1989, с. 179, рис. 66; Стржелецкий С.Ф., 1959, с. 57; Мыц В.Л., 1991, с. 109). На территории Боспора монолитные винодельни обнаружены как на азиатской, так и европейской частях. Они представлены каменными давильнями, высеченными, как правило, из местного известняка. Исключительно редки здесь мраморные и терракотовые тарапаны[2] (Винокуров Н.И., 1994, с. 6 сл.). Поэтому данная работа касалась лишь известняковых давильных устройств.

---

[1] В научной литературе для обозначения прессовых лож используются термины "основание пресса" и "тарапан". В данной статье при описании автономных монолитных давильных устройств используется термин "монолитные давильни" ("давильни"), при описании прессовых оснований композитных давилен – "прессовые ложа" ("ложа"), "прессовые основания" и тарапаны.

[2] Мраморный квадратный вотивный тарапан найден при раскопках святилища Афродиты II в. до н.э. в Кепах (Сокольский Н.И., 1970а, с. 79, рис. 4). Он представлял собой тщательно обработанную плиту с вырубленным по краю мелким желобком. Плита тарапана сохранилась наполовину – ее первоначальные размеры вряд ли были больше 0,36×0,36 м, а площадь рабочей поверхности 0,09 м^2. Обломки подчетырехугольного керамического тарапана, изготовленного из светлой глины, найдены в перемещенном состоянии в слоях II в. до н.э. в Пантикапее (Марченко И.Д., 1965, с. 16 сл.). Стратиграфические условия находки, по-видимому, позволяют связывать данный тарапан с более ранним винодельческим комплексом IV в. до н.э. (П-10) (Марченко И.Л., 1970, с. 31 сл.), состоящим из цистерны-суслонакопителя, подземной цистерны-винохранилища и складского помещения – земляного погреба с пустой тарой (Марченко И.Д., 1968, с. 52 сл.). Если исходить из размеров накопителя (0,42 м^3) и винохранилища (около 2 м^3), то, видимо, данный тарапан играл в винодельне далеко на ведущую роль. К сожалению, в отчете И.Д. Марченко отсутствуют рисунки тарапана, поэтому о его форме приходится судить лишь по описанию (Марченко И.Д., 1966, с. 25). На территории Боспора пока не обнаружены деревянные монолитные давильни с цельными или наставными бортами. За его пределами – в Таврике открыта деревянная давильня средневекового времени – в помещении XIII–XV вв. крепости Фуна (Мыц В. Л., 1991, с. 109 сл.). Подобные деревянные давильни могли использоваться и на античном Боспоре ввиду доступности в то время сырья для их изготовления и легкости последнего при обработке (Сокольский Н.И., 1970б, с. 8 сл.).

© Н.И. Винокуров, 1996 г.

Рис. 1. Находки монолитных и композитных винодельческих сооружений на территории Боспора. *1* – Сююрташ; *2* – Куль-Тепе; *3* – Генеральское-Западное; *4* – Сиреневая бухта; *5* – Артезиан; *6* – Туркмен; *7* – Темир-Гора; *8* – Савроматий; *9* – Ильичевка; *10* – Батарейка-1; *11* – Запорожское городище; *12* – Каменная Батарейка; *13* – городище у пос. "За Родину"; *14* – Партизаны; *15* – усадьба около Мирмекия; *16* – Пятиколодезное; *17* – Джемете; *а* – монолитные винодельни, *б* – композитные винодельни

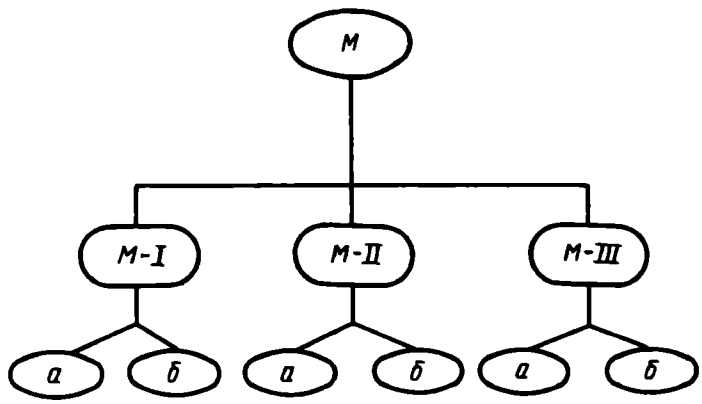


Рис. 2. Схема классификации монолитных боспорских виноделен: М – монолитные винодельни, М-I–III – их подклассы; *а*, *б* – типы монолитных виноделен

1. Классификация монолитных винодельческих давилен

Для удобства анализа большого массива материала я разделил монолитные винодельни на три подкласса в зависимости от того, насколько они были приспособлены к перемещению (рис. 2). Первый подкласс объединяет переносные давильни (М-I), второй – условно переносные давильни (М-II), третий – стационарные давильни (М-III) (ср. Стржелецкий С.Ф., 1959, с. 124).

Под переносными понимаются такие давильные устройства, которые можно было переносить вручную. Они сравнительно компактны и не очень тяжелы. Условно переносные давильни отличались большими размерами, значительной массой и громоздкостью. Они обычно функционировали стационарно, но при большой необходимости их можно было перемещать усилиями нескольких человек или с помощью специальных приспособлений. Стационарные давильни функционировали только на одном месте (там, где их изготавливали). Они выделялись особой монументальностью.

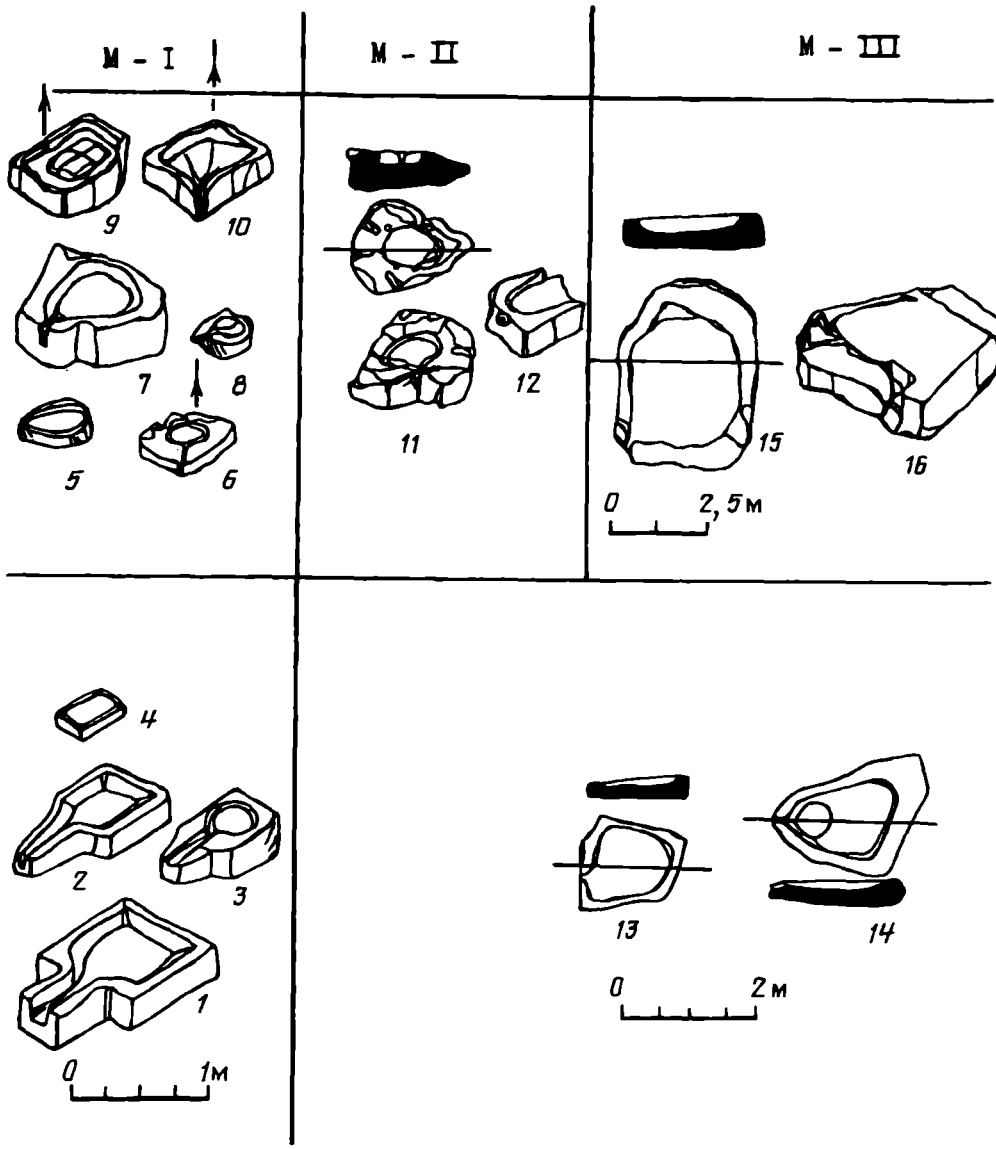


Рис. 3. Сводная хронологическая таблица монолитных боспорских виноделен. *1–10* – Переносные давильни (М-I): *1* – Нимфей, IV в. до н.э.; *2* – усадьба около Мирмекия, III–II вв. до н.э.; *3* – засыпь цистерны винодельни, III–II вв. до н.э. с поселения Партизаны; *4* – Кепы II в. до н.э.; *5* – Михайловка, первая половина II в.; *6* – Мирмекий, первые века нашей эры; *7* – Тиритака, из слоев II–III вв.; *8* – Илурат, II–III вв.; *9* – Тиритака, из слоев III–IV вв.; *10* – Ильичевка, позднеантичное время; *11–16* – условно переносные и стационарные давильни (М-II–III): *11* – городище Сиреневая бухта, II–III вв. н.э. (М-II); *12* – поселение Куль-Тепе, первые века нашей эры (М-II); *13, 14* – поселение Сюрташ, III–II вв. до н.э. (М-III); *15, 16* – поселение Куль-Тепе, первые века нашей эры (М-III)

Высекались эти давильни в материковых выходах плитового известняка или значительных по размерам известняковых глыбах.

Выделенные подклассы в свою очередь разделяются на два типа: а и б – бортовых и плоских давилен. Коренным отличием бортовых давилен от плоских является то, что первые имели выступающие над рабочей площадкой борта. Плоские же давильни бортов не имели вовсе или же они находились на одном уровне с поверхностью рабочей площадки.

Сложно сказать, отличались ли функционально плоские давильни от бортовых. Возможно, наличие выступающей рабочей площадки у плоских давилен предполагает, что они приспособлены в основном для отжима мезги и поэтому использовались чаще в качестве прессовых лож. Бортовые давильни являлись более универсальными уст-

ройствами, так как на них можно было отжимать ягоды винограда с помощью рук (на давильнях подкласса М-I), ног (подклассов М-II и М-III) и отпрессовывать мезгу прессом. Бортик препятствовал потерям сока при обработке ягод винограда ногами или руками, а при прессовании придавал устойчивость емкости с мезгой, фиксируя ее основание. По всей видимости, бортовые давильни более функциональны, чем плоские. Возможно, по этой причине бортовых давилен найдено значительно больше.

Переносные монолитные давильни чаще всего встречаются на Боспоре. Они разнообразны по форме и существовали на протяжении всей истории боспорского виноделия. Наиболее ранние из них датируются эллинистическим временем – IV–III вв. до н.э. (Грач Н.Л., 1979, с. 94 сл.; Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 376), поздние – IV–V вв. н.э. (Гайдукевич В.Ф., 1952а, с. 110, рис. 133; Молев Е.А., 1985, с. 60 сл.) (рис. 3).

Условно переносные винодельни пока раскопаны только на поселениях Куль-Тепе (Клт-2), Сиреневая бухта (Срб-1), Ильичевском городище (Иль-3) и Китее (Кт-1). Всего обнаружено четыре экземпляра таких давилен, все бортовые. Они относятся к первым векам нашей эры и более позднему времени (Винокуров Н.И., 1994, гл. I).

Стационарных монолитных давилен найдено на Боспоре также немного: на двух поселениях античного времени в Восточном Приазовье – Сюрташ и Куль-Тепе (Винокуров Н.И., Масленников А.А., 1993, с. 39 сл.), а также в районе г. Опук (Голенко К.В., 1992, с. 28, 29). Давильни из Сюрташа датируются III–II вв. до н.э., Куль-Тепе и Опука – II–III вв. н.э. Из пяти известных давилен подкласса М-III только одна плоская, остальные бортовые.

2. Строительные и конструктивные особенности монолитных давилен

Строительные сооружения, связанные с монолитными давильнями. Для обеспечения нормальной работы переносных давилен зачастую не требовалось специальных построек. Они, очевидно, были менее "привязаны" к определенному месту и эксплуатировались как на открытом воздухе, например во дворах или на виноградниках (Стржелецкий С.Ф., 1959, с. 125), так и в хозяйственных помещениях (Гайдукевич В.Ф., 1952б, с. 20).

Не исключено, что некоторые переносные монолитные давильни (М-I) функционировали стационарно внутри каких-либо помещений или под навесами. По крайней мере, это касается эллинистической давильни из Нимфея, которая использовалась на одном и том же месте в течение нескольких сезонов (Грач Н.Л., 1979, с. 98 сл.) (рис. 4,*1*). Однако из-за того, что большая часть переносных давилен найдена не in situ, а в перемещенном состоянии или во вторичном использовании (Грач Н.Л., 1979, с. 93 сл.), редко удается определить места, где они были установлены. На Боспоре пока известна только одна переносная давильня II в. н.э. – с Михайловского поселения, которая функционировала в помещении, по-видимому, предназначенном для винодельческих целей (Петере Б.Г., 1974, с. 7 сл.). Это помещение имело небольшие размеры, прямоугольную форму, сырцовые стены на каменном цоколе и глинобитный пол с котлованом для суслоприемника.

Стационарные монолитные давильни (М-III) крайне редко заключались внутрь специальных зданий. В лучшем случае они имели навесы, опирающиеся на столбы, или огораживались с подветренной стороны стенами (Винокуров Н.И., Масленников А.А., 1993, с. 39 сл.).

В то же время более компактные условно переносные давильни использовались как на открытом воздухе, так и в помещениях. Например, в винодельческом хозяйстве V в. (Иль-3) монолитная давильня (М-IIа) функционировала в специальном помещении, расположенном на первом хозяйственном этаже казарм вместе с бродильней и винохранилищами (Николаева Э.Я., 1992, с. 12 сл.). Подобный винодельческий комплекс, состоящий из помещения с тарапаном (М-IIа) и винохранилища, раскопан в Китее. Он датируется V – третьей четвертью VI в. н.э. по золотому солиду Юстиниана (Молев Е.А., 1990, с. 114, 115).

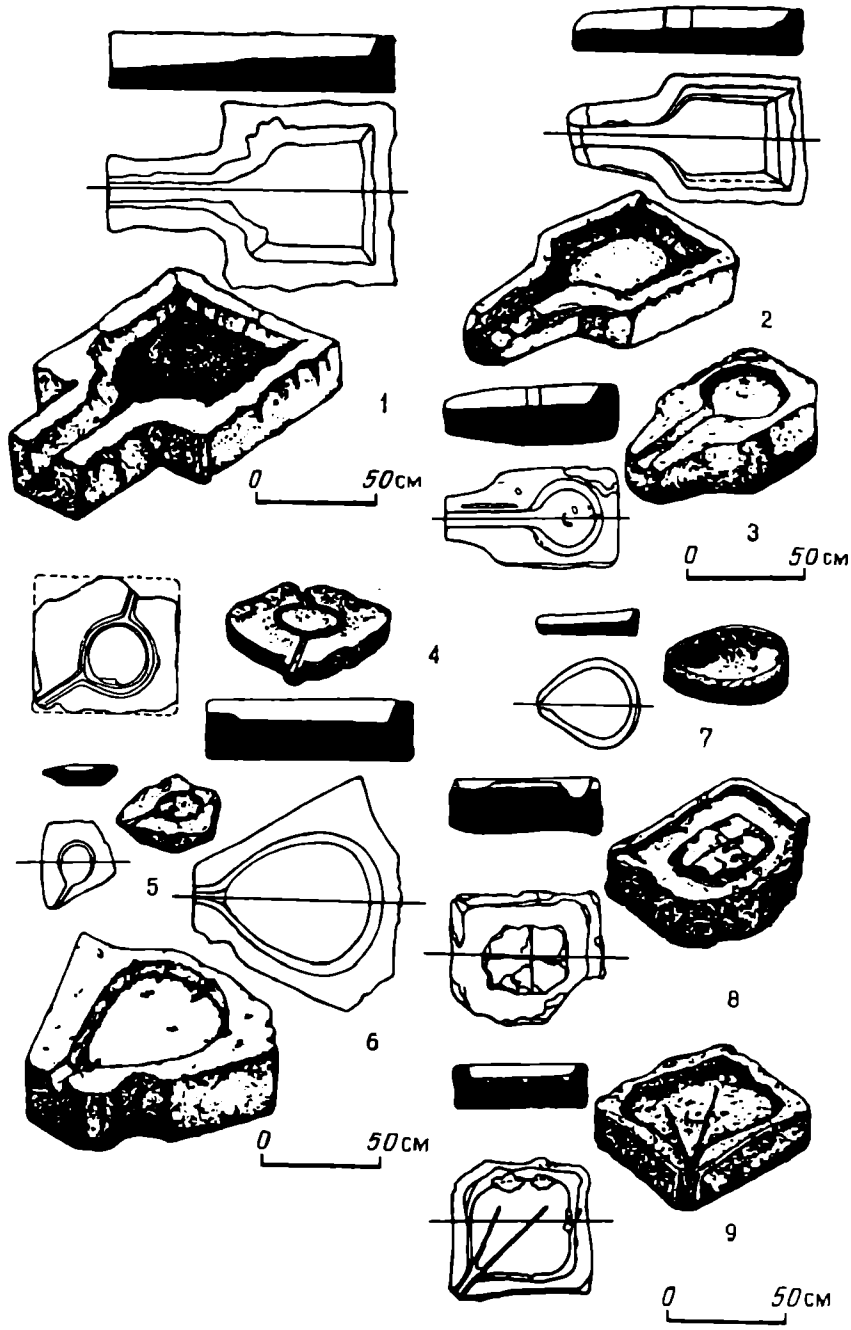


Рис. 4. Переносные давильни: *1* – Нимфей, IV в. до н.э. (М-I); *2* – давильня типа М-I из эллинистической усадьбы около Мирмекия, III–II вв. до н.э.; *3* – давильня (М-I) из засыпи цистерны винодельни, III–II вв. до н.э., поселение Партизаны; *4* – монолитная давильня (М-I), первые века нашей эры, Мирмекий; *5* – Илурат (М-I), I–III вв. н.э.; *6* – Тиритака (М-I), II–III вв. н.э.; *7* – давильня (М-I) из Михайловки – реконструкция по фотографии из отчета Б.Г. Петерса за 1974 г.); *8* – давильня из Тиритаки (М-I) из слоев III–IV вв.; *9* – Ильичевка (М-I), позднеантичное время

По-видимому, не случайно на Боспоре редко находят подсобные винодельческие сооружения, связанные с переносными и стационарными монолитными давильнями. Когда монолитные давильни играли вспомогательную роль в винодельческих хозяйствах с композитными винодельнями, не имело смысла строить специально для них отдельные винницы или бродильни. Если монолитные винодельни выступали в роли самостоятельных производственных единиц, что более характерно для давилен второго и третьего подклассов, то они располагались в некотором отдалении от подсобных винодельческих помещений и часто выносились за пределы жилой и хозяйственной застройки поселений.

Форма и параметры монолитных давилен, а также их рабочих площадок определялись размерами каменных заготовок, из которых они высекались. В свою очередь заготовки подбирались в зависимости от предполагаемого назначения давилен. Заготовки переносных давилен, естественно, не отличались большими размерами, в отличие от заготовок условно переносных и стационарных давилен. Форма отдельных переносных давилен зависела еще от типа тары, в которой собирались обрабатывать виноград или мезгу. Например, корытообразные тарапаны применялись в качестве основания пресса для выдавливания сока из ягод винограда или мезги в мягкой таре – полотняном мешке или канатной оболочке. Меньшее воздействие на форму и параметры виноделен оказывала квалификация каменотеса, так как изготовить монолитную давильню был способен любой человек, имеющий элементарные навыки по обработке камня и необходимый для этого инструмент.

Переносные монолитные винодельческие сооружения (М-I) (с площадью рабочей площадки от 0,3 до 0,5 м^2), приспособленные для отжима виноградного сока руками и с помощью прессового приспособления, изготавливались, как правило, из четырехугольных плит (Грач Н.Л., 1979, с. 98 сл.). Реже использовались полигональные и подтреугольные плитовые заготовки (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 358; 1958б, с. 58; Кругликова И.Т., 1966, с. 87). Рабочая площадка переносных давилен могла представлять собой круг, обрамленный желобом, переходящим с одной стороны в сливную прорезь, но чаще всего этот круг выбирался (Винокуров Н.И., 1994, с. 16 сл.). В этом случае у давилен над рабочей площадкой выступали борта, а сама площадка имела выраженный уклон в сторону слива (рис. 4).

Переносные давильни использовались во многих разновременных винодельческих и невинодельческих хозяйствах Боспора. Нередко их находят даже в высокоразвитых хозяйствах с композитными винодельнями (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 20). С.Ф. Стржелецкий полагал, что они не играли существенной роли в массовом производстве вина, но употреблялись для получения виноградного сока для утоления жажды при работах на винограднике и заготовке его впрок, а также для приготовления специальных лечебных вин (Стржелецкий С.Ф., 1959, с. 125). В.Ф. Гайдукевич предполагал использование подобных давилен в домашнем виноделии в качестве основных давильных устройств, а в товарном виноделии – в качестве дополнительных прессовых оснований (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 352 сл.). Последняя точка зрения кажется более предпочтительной.

Условно переносные давильни (М-IIа) (Клт-2, Иль-3, Кт-1) с прочным основанием использовались не только для отжима винограда ногами, но и для отжимания мезги прессом (Винокуров Н.И., Масленников А.А., 1993, с. 39 сл.) (рис. 5). Скорее всего, они действовали на возвышении (к примеру, на специальном деревянном станке или ложе, изображения которых известны по различным сюжетам античной вазописи, фрескам и мозаикам) (Blümner H., 1912). Высокие давильни (Срб-1) эксплуатировались без подставок. Их форма и параметры предполагают, что они предназначались исключительно для действия мощного прессового устройства. По причине большой массы (Срб-I более 0,5 т) и громоздкости эти давильни для транспортировки мало приспособлены (Винокуров Н.И., Масленников А.А., 1993, с. 39 сл.) (рис. 4,2).

Стационарные давильни, предназначенные для обработки винограда ногами и прессом, с площадью рабочей поверхности обычно более 0,5 м^2, имели неправильные по-

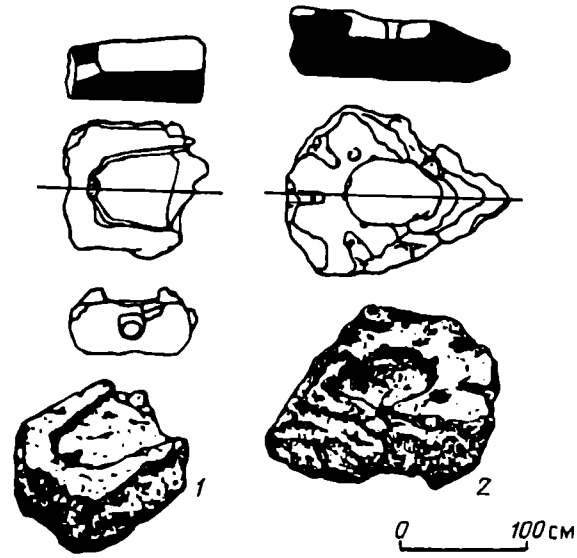


Рис. 5. *1* – План-схема и разрез условно стационарной давильни (М-II) (Клт-2) II–III вв. н.э. с городища Куль-Тепе; *2* – винодельня (М-II) (Срб-1), II–III вв. н.э., поселение Сиреневая бухта

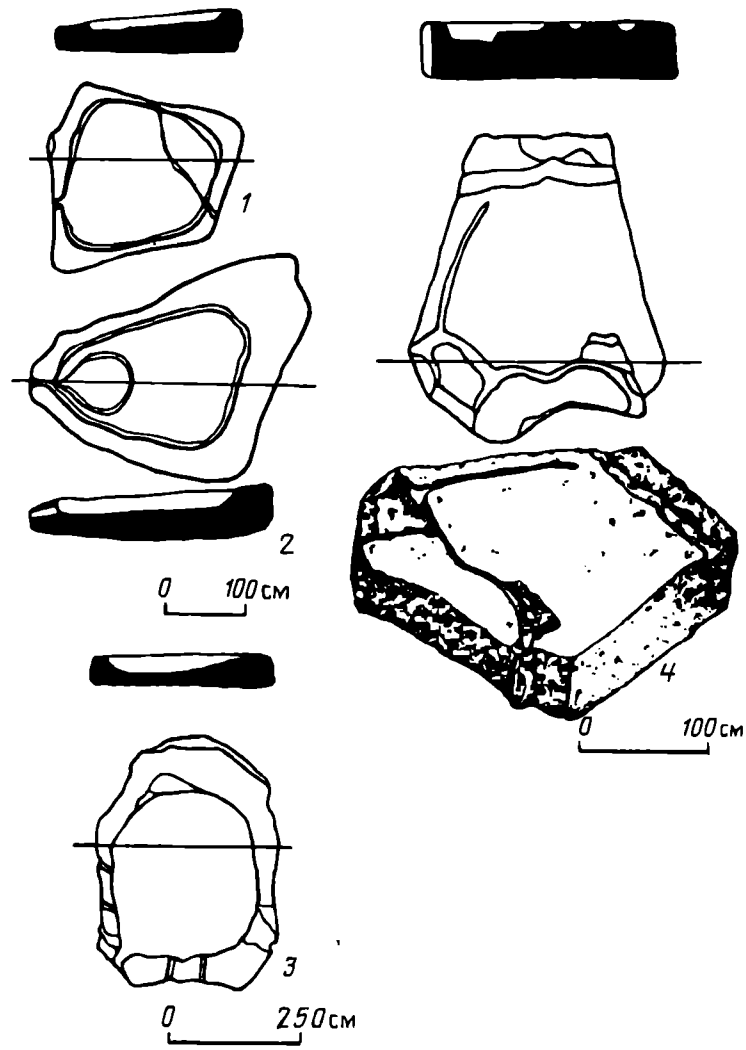


Рис. 6. *1* – Стационарная давильня (М-III) (Срт-1), III–II вв. до н.э., с поселения Сююрташ; *2* – стационарная давильня (М-III) (Срт-2), III–II вв. до н.э., с поселения Сююрташ; *3* – схематический план и разрез стационарной давильни (Клт-1) (М-III); *4* – стационарная давильня (М-III) (Клт-3) с городища Куль-Тепе

лигональные очертания и обычно сужались к сливу (рис. 6). Они вырубались в больших глыбах известняка или материковых скальных породах, имели невысокие покатые борта, щелевидный слив, который вырезался в самой низко расположенной части давильной плиты.

Прессовые устройства монолитных давилен. Конструкции давильных устройств, использовавшихся на переносных монолитных давильнях (подкласса М-I), неизвестны. Возможно, что на давильнях с тонким основанием применялись примитивные гнетовые приспособления: камни, корзины, мешки с грузом (Винокуров Н.И., Масленников А.А., 1993, с. 39 сл.) или маломощные прессы рычажного типа (Wilsdorf H., 1974, S. 1797–1799, Taf. 26).

В стационарных давильнях (подклассов М-II и М-III) с прочным и толстым основанием, скорее всего, действовали рычажные и рычажно-винтовые прессы значительной мощности (Billiard R., 1913, p. 261 сл.; Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 378). Об этом свидетельствуют большие гири, которые обнаружены рядом с ними (Срб-1). Аналогии этим гирям хорошо известны по находкам в Тиритаке (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 399).

Принцип действия и конструктивные особенности античных рычажных прессов известны по описаниям Катона (Cato., 18. 1–6) и археологическим находкам (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 390; Кругликова И.Т., 1966, с. 192). Внешне боспорские рычажные прессы мало чем отличались от италийских, изображения которых уцелели на настенных росписях (Blümner H., 1912, S. 347, Abb. 127) и были сходны с современными рычажными прессами, применяемыми в кустарном виноделии (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 389; Читая Г.С., 1941). Боспорские рычажные прессы использовали цельные гири. С составными гирями действовали рычажно-винтовые прессы (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 390 сл.) (ср. Plinii. NH, XVIII, 317). Они появились на Боспоре уже в I в. до н.э. (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 403; Винокуров Н.И., Масленников А.А., 1993, с. 39 сл.). Комель прессового рычага закреплялся в специальных скальных вырубах, как в херсонесских давильнях, или упирался в особую конструкцию из вертикальных стоек и горизонтальных балок (Стржелецкий С.Ф., 1959, с. 124 сл.; Wilsdorf H., 1974, Taf. 26). Емкость с мезгой (корзина или ящик) устанавливалась на бортах давилен неподалеку от сливов.

Следует полагать, что в целом конструкция прессов монолитных давилен более простая, чем композитных. Это обусловлено расположением большинства стационарных монолитных давилен на склонах или откосах. Перепад высот между поверхностью давилен и склоном использовался для увеличения мощности пресса за счет того, что гиря пресса опускалась особенно низко. С этой же целью на равнинных местах и уплощенных склонах выкапывали для гири особый котлован (Клт-1) или высекали давильни с высоким основанием (Срб-1). Благодаря этим мерам здесь не было необходимости искусственно поднимать прессовую площадку, как в композитных винодельнях. Кроме того, владельцы монолитных виноделен более свободно варьировали длиной рычага пресса, так как эти давильни обычно не ограничивались со всех сторон стенами. По этой же причине здесь легче и быстрее, чем в композитных винодельнях, монтировались прессовые устройства, а также проводились необходимые ремонтные работы, например по замене гирь или деревянных крепежей. Все это удешевляло и упрощало конструкцию прессов, применяемых на данных монолитных давильнях.

На стационарных монолитных давильнях прослежены специальные подтески и пазы, сделанные для лучшего прилегания крепежных конструкций пресса и емкости с мезгой к давильной плите (Клт-1) (рис. 6,*3*) (Винокуров Н.И., 1994, с. 25 сл.; Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 390, прим. 2).

Система стока и сбора сусла в монолитных давильнях отличалась простотой. Выдавленный виноградный сок следовал по наклонной рабочей поверхности монолитных давилен к желобчатому сливу и попадал в накопитель. Для более быстрого удаления сока с площадки на ее поверхности могли вырезать бороздки, глубина

которых немного увеличивалась к краю (Сокольский Н.И., 1970а, с. 79) (рис. 4). В большинстве давилен сливы устраивались в виде желобов, прорезающих борта, только одна давильня (М-IIа) имела слив в виде отверстия диаметром 0,08–0,10 м (Клт-2) (рис. 5). Ширина сливного канала соответствовала производительной мощности давилен и колебалась в пределах 0,04–0,13 м. Для облегчения сбора сусла некоторые тарапаны имели длинный слив (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 376, рис. 19). С этой же целью в позднеантичном винодельческом комплексе с монолитной давильней (Иль-3) применялся особый наставной желоб, связывающий суслонакопитель с рабочей площадкой давильни. Он вырезан из известняка и закрывался хорошо подогнанной под размеры желоба каменной заглушкой Т-образной формы (Николаева Э.Я., 1992, с. 12 сл.).

Обычно под давильней устанавливался один накопитель, в редких случаях, когда давильня имела несколько сливных желобов, накопителей могло быть больше. Известны три тарапана с двумя сливами, по одному в каждом подклассе (Винокуров Н.И., 1994, с. 27 сл.). В качестве накопителей использовались керамические сосуды различных объемов. Они часто изображались на мозаиках и вазах в сюжетах, связанных с изготовлением вина (Rostovtzeff M., 1930, p. 140, pl. XLV, *1*; 1926, p. 204, pl. XXVIII; Biers W.R., 1985, p. 178, fig. 7, *33*). В отличие от основной массы композитных виноделен, монолитные винодельни не имели специальных стационарных суслоприемников – цистерн. Лишь у двух переносных давилен (Грач Н.Л., 1979, с. 98 сл.; Петерс Б.Г., 1974, с. 7 сл.) обнаружены котлованы, предназначенные для установки сменных керамических накопителей.

Незначительный перепад высот (0,30–0,58 м) между склоном и краем давильных плит отдельных стационарных давилен и отсутствие специальных ям для установки накопителей свидетельствуют об использовании для сбора сусла невысоких, по-видимому широкогорлых, глиняных сосудов. В то же время удлинение слива с помощью наставного керамического или деревянного желоба позволяло собирать сусло и в крупногабаритную тару – в большие пифосы или амфоры. Отдельные давильни вообще не могли функционировать без такого приспособления (например, давильня Срб-1), в противном случае сусло, растекаясь по бортам, не попадало бы в накопитель.

3. Производительность монолитных давилен

В работах, посвященных виноделию Боспора, под производительностью виноделен понимается количество винограда, которое перерабатывалось на той или иной винодельне за единицу времени или за одну технологическую операцию, с учетом получаемого при этом сусла (Грач Н.Л., 1979, с. 100; Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 449 и сл.).

При подсчетах производительности особую важность приобретает определение площади рабочей поверхности монолитных давилен, так как обычно невозможно установить емкость их накопителей и хранилищных резервуаров. На основании параметров рабочей площадки можно высчитать количество винограда, перерабатываемого за одну загрузку. Для бортовых давилен емкость вместилища соответствует объему минимальной разовой загрузки виноградом. Однако разовая загрузка давилен значительно увеличивалась, когда достраивались борта или применялись в качестве вместилищ для винограда галеагры и мешки (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 388), превышающие по параметрам давильни. Понятно, что в этом случае невозможно установить, сколько за один раз перерабатывалось сырья. По этой причине достоверно рассчитывается лишь минимальная разовая загрузка виноградом рабочей площадки монолитных давилен.

Подобный подсчет невозможен для давилен, функционирующих в качестве прессовых лож, где отжимали только мезгу, а также плоских давилен, приспособленных для переработки ягод винограда в мягкой, плетеной или деревянной таре, вместимость которой неизвестна (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 388).

По всей видимости, на переносных монолитных винодельнях загрузка повторялась в течение рабочего дня несколько раз, а за сезон, исходя из этнографических наблюдений, до 200 раз, при этом один человек был способен за несколько дней переработать до 0,3–0,4 т винограда с выходом сусла до 95–260 л (Грач Н.Л., 1979, с. 100). Соответственно на стационарных монолитных давильнях можно было переработать значительно большее количество винограда – до нескольких тонн за сезон. По всей видимости, по производительности они были подобны малым композитным винодельням с площадью давильных платформ от 3 до 5 $м^2$ и объемом резервуаров до 1–1 1/2 $м^3$.

Минимальное количество вина, которое требовалось одному человеку в день, по всей видимости, можно высчитать, исходя из данных Катона по рабскому рациону (Cato., 57). Катон рекомендовал выделять на год рабу-колоднику в пределах 262,656 л вина (в среднем на день 0,7196 л. Остальные рабы получали в день несколько меньше – 0,6359 л вина). Вряд ли свободный боспорянин выпивал меньше 0,6778 л (усредненное значение от рабского рациона), соответственно за год – 247,397 л. Отсюда получается, что производимого вина даже на самой большой стационарной монолитной давильне (с поселения Куль-Тепе – Клт-1 с площадью рабочей поверхности около 4,5 $м^2$) в объеме 4–5 т за сезон с трудом хватало на год для 16–20 человек.

Не вызывает сомнений, что полученные данные довольно условны. Однако следует думать, что они отражают, по крайней мере, минимальные показатели производительности боспорских винодельческих комплексов.

4. Стационарные монолитные прессовые ложа композитных виноделен

Монолитные прессовые ложа композитных виноделен отличались большей массивностью. Как правило, они вмуровывались в одну из давильных площадок и поэтому эксплуатировались стационарно. Сырьем для их изготовления служил, как правило, мелкозернистый известняк, гораздо реже использовался ракушечник (Винокуров Н.И., 1994, с. 68 сл.). Тарапаны устанавливались на специальную амортизационную подушку, препятствующую просадкам грунта во время работы пресса, кроме того, их поверхность защищалась дополнительным слоем раствора (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 358).

Выделяются несколько основных форм стационарных оснований для пресса: круглое основание со сливом, прорезанным в борту (ГЗ-1); каплевидное с выступающим сливом (ГЗ-2) (Винокуров Н.И., Масленников А.А., 1993, с. 39 сл.); прямоугольное со сливом, прорезанным в борту (БС-1) (Масленников А.А., 1994); подпрямоугольное с вытянутым сливом (М-1) (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 378); прямоугольное основание без слива (Т-3) (Гайдукевич В.Ф., 1952б, с. 63 сл.); составное прямоугольное основание из нескольких каменных плит без слива (Т-7) (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 425, 426) (рис. 7).

Все они отличаются тщательной отделкой поверхности и типологической унифицированностью. Для изготовления первых четырех форм требовалось высококачественное сырье и продолжительный труд квалифицированного каменотеса, что предполагает высокую себестоимость этих прессовых оснований. Они высекались по одной схеме, по-видимому, с использованием шаблонов. Среди них встречаются как бортовые, так и плоские основания. Аналогии этим давильным устройствам известны на Делосе (Deonna W., 1938, p. 97–101, pl. XXXIX–XL, n-os 273–284) и в Центральной Азии (Rapin Cl., 1992, p. 254–256, pl. 63, KII-1; pl. 107).

В Нимфее древнейшее из круглых прессовых оснований открыто во вторичном использовании в системе водостока второй половины IV в. до н.э. (Грач Н.Л., 1979, с. 99 сл.). Следующее по времени подобное основание обнаружено среди остатков винодельни ГЗ-1 третьей – четвертой четвертей IV в. до н.э. (Винокуров Н.И., Масленников А.А., 1993, с. 39 сл.). Круглое основание аналогичного устройства найде-

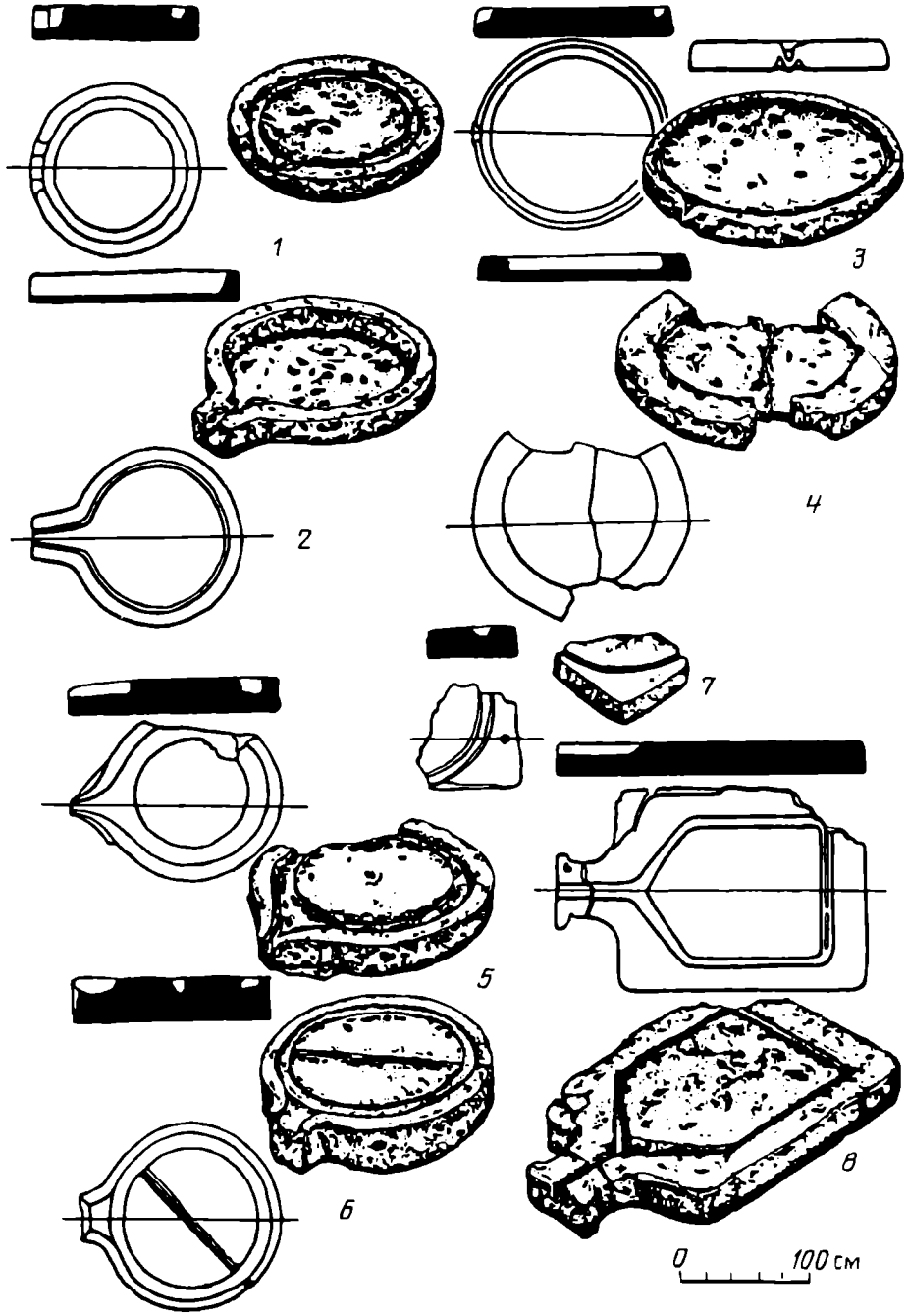


Рис. 7. Прессовые основания композитных виноделен: *1* – из винодельни М-4; *2* – из винодельни Нмф-3; *3* – из Мирмекия эллинистического времени; *4* – из винодельни ГЗ-1; *5* – из винодельни ГЗ-2; *6* – найденное в районе Царского кургана; *7* – фрагментированное из Мирмекия; *8* – из винодельни М-1

но в смещенном состоянии в слоях III–II вв. до н.э. В.Ф. Гайдукевичем в Мирмекии и, по его мнению, принадлежало к еще не найденной винодельне эллинистического времени (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 356 сл., рис. 2). По-видимому, эти круглые ложа использовались в винодельнях IV–III вв. до н.э. и позже. По крайней мере, одно из них найдено в винодельнях II–I вв. до н.э. в Мирмекии (М-4) (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 451 сл.).

С конца IV–III в. до н.э., на Боспоре используются и каплевидные тарапаны с выступающим сливом. Они вмуровывались на краю давильных площадок, а круглые – ло центру. По этой причине у каплевидных тарапанов имелся выступающий слив для слива сусла. При этом сток сусла с давильной площадки, на которой находился тарапан, осуществлялся по желобу тарапана. Пока на Боспоре найден in situ единственный каплевидный тарапан в винодельне ГЗ-2 конца IV – начала III в. до н.э. Переходным типом от круглого тарапана к каплевидному следует признать, очевидно, прессовое ложе, обнаруженное при случайных обстоятельствах в районе Царского кургана и отнесенное к III-II вв. до н.э. (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 357, 378, рис. 3). Однако по своим типологическим характеристикам (сохранение округлой формы основания и резкий переход к выступающему сливу) она могла быть древнее тарапана винодельни ГЗ-2.

От переносных прессовых лож эти тарапаны отличаются большей площадью рабочей поверхности (до 1,4–1,6 м^2), значительной толщиной и прочностью основания. Диаметр круглых и каплевидных тарапанов колебался в пределах 1,2–1,34–1,54 м. Их округлая форма предполагает, что здесь прессовали мезгу в корзинах или в какой-либо таре с круглым дном, а возможно, и в мягкой оболочке. Для облегчения стока сусла из желоба выступающий слив каплевидных тарапанов имел слегка выраженный наклон к краю. Ширина сливного желоба не превышала 0,05–0,07 м.

Пока точно неизвестно, какие типы прессовых устройств соответствовали круглым и каплевидным ложам. Возможно, отдельные из них, простые по устройству, имели съемный рычаг и подвесную гирю с отверстием для продевания крепежного каната (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 387 сл.). В конструкцию более совершенных (несъемных) прессов входила односоставная гиря с пазами для деревянного короба. Такая гиря найдена in situ в эллинистической винодельне в Нимфее (Нмф-5)[3].

В III–II вв. до н.э. в боспорских винодельческих хозяйствах находят применение модернизированные рычажные прессы с прямоугольными бортовыми (БС-1) (Масленников А.А., 1994) и плоскими тарапанами (М-1) (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 378, рис. 21, 22). Появление этих тарапанов, по-видимому, обусловлено использованием в качестве тары для мезги разборных деревянных ящиков с прямоугольным днищем. Это предположение подтверждается недавней находкой в винодельне БС-1 III в. до н.э. бортового тарапана с шестью прямоугольными пазами (0,25×0,085×0,015 м) на его внутренней поверхности. В эти пазы устанавливались ножки поддона ящика с мезгой. Рабочая площадь тарапана винодельни БС-1 1,91 м^2, длина желобчатого слива, прорезающего борт, 0,08, ширина 0,10, глубина 0,05 м. Возможно, подобные тарапаны появились на Боспоре уже в IV – начале III в. до н.э. По крайней мере, к этому времени относятся обнаруженные рядом с поселением Генеральское-Западное заготовка бортового прямоугольного тарапана с площадью рабочей поверхности около 1,24 м^2 и совпадающая с ней по размерам верхняя прессовая плита.

Более поздний большой плоский тарапан винодельни III–II вв. до н.э. из Мирмекия (М-1) высечен из прямоугольной известняковой плиты. Его площадь 2,85 м^2. Для лучшего стока сусла по краю тарапана вырублен желоб, переходящий в желобчатый

[3] Нумерация нимфейских виноделен продолжена от упомянутой В.Ф. Гайдукевичем давильни римского времени, обнаруженной М.М. Худяком (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 439, прим. 1), получившей индекс Нмф-1. Винодельня Нмф-2, по Н.Л. Грач, имеет индекс "винодельня № 1" (Грач Н.Л., 1979, с. 94). Она была найдена около четырехугольного обложенного камнем котлованчика, предназначенного для установки суслонакопителя. Таким образом, две другие эллинистические винодельни, обнаруженные в Нимфее, получили индексы Нмф-4 и Нмф-5 (винодельни 1 и 2 по О.Ю. Соколовой) (Соколова О.Ю., 1990, с. 18).

сток вытянутого, красиво оформленного слива. Фрагмент подобного плоского тарапана найден при исследовании настила двора в винодельческом хозяйстве первых веков нашей эры в Мирмекии. Скорее всего, он представлял собой прямоугольную плиту с круглой рабочей площадкой, вдоль которой проходил желоб шириной 0,07 м, глубиной 0,05 м. На обломке сохранились сквозные отверстия для закрепления тарапана металлическими штырями к полотну площадки или установки емкости с мезгой (Гайдукевич В.Ф., 1952б, с. 151, 152, рис. 30). К сожалению, неизвестна форма слива этого основания.

В последующее время, особенно с рубежа нашей эры, эти прессовые ложа постепенно вытесняются дешевыми и технологичными прямоугольными и квадратными каменными плитами, иногда со снятыми фасками и уклоном поверхности в сторону резервуаров (П-6) (Марченко И.Д., 1962, с. 315 сл.). Их площадь колебалась в пределах от 1,3 (М-3) до 2,7 м^2 (Ф-8). Для изготовления этих оснований по-прежнему использовался плотный известняк, однако могли применяться и иные породы (Грг-4) (Алексеева Е.М., 1991, с. 322 сл.). Эти плиты просты в изготовлении и благодаря своей массивности выдерживали более мощное воздействие прессового устройства. Плиты, как и раньше, вмуровывались в толщу давильных площадок и устанавливались на специальную субструкцию из песка, щебня и бутового камня (П-11) толщиной от 0,22–0,28 м в ранних образцах (П-6) (Марченко И.Д., 1962, с. 315 сл.) до 0,60 м в более поздних (Ф-8) (Долгоруков В.С., 1976, с. 78 сл.). Иногда подошва плит покоилась на нижних пластах цемяночной обмазки давильной площадки с амортизационной прокладкой песка (М-1) (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 377). Плиты немного выступали над поверхностью давильной площадки и покрывались дополнительным защитным слоем раствора. В случае повреждений трещины в плитах тщательно замазывались раствором, а для лучшего соединения их поверхность насекалась (Т-3) (Гайдукевич В.Ф., 1952б, с. 63 сл.). Нередко по бокам плит формовались из цемянки специальные желобчатые стоки с уклоном в сторону резервуаров. Для экономии места в винодельне и с целью удлинения рычага пресса эти основания размещались вплотную к дальнему от цистерн борту давильного отделения.

Впоследствии вместо одной массивной плиты в боспорских винодельнях стали применять составные прессовые основания в виде прямоугольных или квадратных площадок из плотно подогнанных друг к другу плит (Т-4) (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 439 сл.) с рабочей поверхностью до 1,4–2,0 м^2 и более. Они располагались также выше уровня давильной площадки и обмазывались раствором. Число составляющих их плит колебалось от двух (Кеп-3) (Сокольский Н.И., 1970а, с. 82 сл.) до пяти (Т-4) (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 439). Зачастую прессовые площадки находят вдавленными в основание давильных платформ, что свидетельствует о значительной мощности применявшихся здесь прессовых устройств (Т-7) (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 422 сл.). Составные основания легче поддавались ремонту и наверняка были дешевле прессовых лож в виде одной большой плиты.

Расположение монолитных и составных каменных оснований (на центральных площадках между основными и боковыми давильными площадками) косвенно свидетельствует о неразборной конструкции прессов, которые использовались на боспорских композитных винодельнях.

Появление этих оснований на Боспоре следует связывать с распространением с I в. до н.э. прессовых устройств рычажно-винтового и винтового типов (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 402). По находкам гирь рычажно-винтовых прессов удалось восстановить их конструкцию и проследить этапы ее совершенствования (Гайдукевич В.Ф., 1958а, с. 399). Находок винтовых прессов на Боспоре пока не зафиксировано, по-видимому, в силу того, что они, за исключением гири, практически полностью изготавливались из дерева. Возможно, что на одной из кепских виноделен (Кеп-3) функционировал подобный пресс (Сокольский Н.И., 1970а, с. 84, рис. 11).

Разновидности прессовых устройств, использовавшихся на Боспоре в первые века и на рубеже нашей эры, достаточно полно разработаны В.Ф. Гайдукевичем, поэтому на

их описании в данной статье можно не останавливаться. По его расчетам, мощность этих прессов варьировала в пределах двух – пяти с лишним тонн (5,4 т) (Т-2) (Гайдукевич В.Ф., 1952б, с. 35 сл., с. 63 сл.).

Переносные винодельни получили распространение, по-видимому, на всей территории Боспора, условно переносные и стационарные чаще встречались в богатых камнем районах.

Монолитные давильни, несмотря на бросающуюся в глаза грубость и примитивность форм, были простыми в изготовлении и эффективными в эксплуатации винодельческими устройствами. Они по сравнению с винодельнями композитных типов не требовали от строителей большого опыта и высокого уровня мастерства и могли вырезаться за короткий промежуток времени, отличаясь при этом прочностью и долговечностью.

Переносные монолитные давильни, предназначенные для переработки винограда, очевидно, служили для домашних нужд. Параметры их рабочих площадок не позволяли получать достаточно большое количество излишков вина для продажи на рынке. Условно переносные и стационарные монолитные давильни, исходя из площади их рабочей поверхности, соответствовали малым композитным винодельням с объемом резервуаров до 1–1 $^1/_2$ м^3. Они производили вино для локальных нужд, обеспечивая этим продуктом ограниченное число жителей небольшой усадьбы или поселения. Вряд ли на этих давильнях можно было переработать большие объемы винограда. Они не были для этого приспособлены в силу своих относительно небольших размеров. Здесь невозможно было совмещать отжим винограда ногами с прессованием мезги, а также производить раздельный сбор разносортного сусла. Соответственно скорость переработки сырья на монолитных давильнях была значительно ниже, чем на "промышленных" композитных винодельнях. Это в свою очередь уменьшало объемы отжатого винограда и получаемой продукции. Таким образом, на условно переносных и стационарных давильнях производили гораздо меньше товарного вина, чем на композитных винодельнях рыночной ориентации с резервуарами до 5–10 м^3 и более. Именно в таких "промышленных" винодельнях чаще использовались в составе внутреннего оборудования монолитные прессовые основания, предназначенные для стационарного отжима большого количества мезги. Как правило, они функционировали в винодельческих хозяйствах, ориентированных на товарное производство вина. Там чаще, чем в автономных монолитных давильнях, внедрялись технологические новшества, в зависимости от которых совершенствовались прессовые основания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Е.М., 1991. Античный город Горгиппия. Дис. ... д-ра ист. наук. // Архив ИА РАН. Р-II. № 2457.

Винокуров Н.И., 1994. Винодельческие комплексы Боспора. Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН.

Винокуров Н.И., Масленников А.А., 1993. Виноделие на хоре Европейского Боспора // РА. № 1.

Гайдукевич В.Ф., 1952а. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. Вып. 25.

Гайдукевич В.Ф., 1952б. Отчет о работах Боспорской археологической экспедиции в 1952 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 770.

Гайдукевич В.Ф., 1958а. Виноделие на Боспоре // МИА. Вып. 85.

Гайдукевич В.Ф., 1958б. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // МИА. Вып. 85.

Голенко К.В., 1992. Отчет о работах Южно-Боспорской археологической экспедиции в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-I.

Грач Н.Л., 1979. Древнейшие винодельческие сооружения на Боспоре // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.

Долгоруков В.С., 1976. Фанагорийская винодельня I–II вв. н.э. // КСИА. Вып. 145.

Кругликова И.Т., 1966. Боспор в позднеантичное время. М.

Крыжицкий С.Л., Буйских С.Б. и др., 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.

Марченко И.Д., 1962. Новая винодельня в Пантикапее // АИБ. II. Симферополь.

Марченко И.Д., 1965. Отчет о раскопках Пантикапея в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 3406.

Марченко И.Д., 1966. Отчет о раскопках Пантикапея в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 3406.
Марченко И.Д., 1968. Отчет о раскопках Пантикапея в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 3809.
Марченко И.Д., 1970. Отчет о раскопках Пантикапея в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 4315.
Масленников А.А., 1994. Отчет о раскопках Восточно-Крымской археологической экспедиции в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-I.
Молев Е.А., 1985. Археологические исследования Китея в 1970–1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы (железный век и эпоха средневековья). Курск.
Молев Е.А., 1990. Монеты из раскопок городища и некрополя Китея // Античный мир и археология. № 7. Саратов.
Мыц В.Л., 1991. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев.
Николаева Э.Я., 1992. Отчет о раскопках Ильичевского городища в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-I.
Петерс Б.Г., 1974. Отчет о раскопках Михайловского городища в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 5482.
Сокольский Н.И., 1970а. Виноделие на азиатской части Боспора // СА. № 3.
Сокольский Н.И., 1970б. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М.
Стржелецкий С.Ф., 1959. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи // ХС. Вып. V. Симферополь.
Соколова О.Ю., 1990. Винодельни эллинистического времени из Нимфея // Septiemes Semaines Philippopolitaines de l'histoire et de la culture thrace (Résumés). Plovdiv.
Читая Г.С., 1941. Краткий отчет этнографической экспедиции, командированной в ущелье Малой Лиахви и Меджуды // Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры АН ГССР. XI. Тбилиси.
Biers W.R., 1985. Archaeology of Greece: An Introduction. New-York.
Billiard R., 1913. La vigne dans l'antiquité. Lion.
Blümner H., 1912. Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. Bd. 1, 4. Leipzig.
Deonna W., 1938. Le mobilier délien // Exploration archeologique de Delos. 18. Paris.
Fatucchi A., 1987. Palmenti romani da uva dell'Etruria nord-orientale / Riv. di storia dell'agricultura. A. 27. № 2. Firenze.
Oliva P., 1962. Pannonia and the onset of crisis in the Roman Empire. Praha.
Rapin Cl., 1992. Fouilles d'Ái Khanoum VIII. La trésorerie du palais hellénistique d'Ái Khanoum. Paris.
Rostovtzeff M., 1926. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford.
Rostovtzeff M., 1930. A History of Ancient World. Oxford.
Szilágyi J., 1956. Aquincum. Budapest; Berlin.
Wilsdorf H., 1974. Technick und Arbeitsorganisation // Hellenische Poleis. Krise-Wandlung-Wirkung. Bd IV. Berlin.

Институт археологии РАН,
Москва

N.I. VINOKUROV

THE MONOLITHIC WINE-MAKING BUILDINGS OF BOSPORUS

Summary

The monolithic buildings played an important role in the wine-making of Bosporus. They were used for processing of grapes from the 4th cent. B.C. till the 6th cent. A.D. The portable wineries were spread apparently in the whole territory of Bosporus, the half-portable and permanent ones were used in the districts rich in stone. The rough and primitive monolithic press grounds were also simple and very effective. In comparison with the mixed types of wineries they didn't need skilled workers and could be carved during a short time. At the same time they were strong and durable. The wine for the domestic needs were produced probably in the portable and half-portable press grounds. The permanent ones were used to produce wine for the neighboured districts. The monolithic buildings of the mixed types of wineries were used to wring out a large number of grape pomace. As a rule they were used in the wineries producing wine for the market. The technological innovations were introduced in the mixed wineries more often than in the monolithic press grounds.

Л.В. АЛЕКСЕЕВ

ДОМОНГОЛЬСКАЯ АРХИТЕКТУРА ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Светлой памяти
Георгия Карловича Вагнера

Известное утверждение Н.В. Гоголя, что архитектура – та же летопись мира, она становится источником, когда нет письменных свидетельств, для древней Руси было как бы предсказанием: заставить нашу архитектуру "говорить" удалось лишь крупнейшим ученым нашего времени (труды М.К. Каргера, Н.Н. Воронина, П.А. Раппопорта). Однако не все в исследованиях этих корифеев науки полностью исчерпано, в них подчас недостает чисто исторического осмысления того, что было раскопано. Мы попытаемся восполнить этот пробел в отношении зодчества Полоцкой земли. Что здесь вызывало храмостроительство на разных этапах развития страны, с чем это было связано, что оно выражало и как проходило?

После крещения (988 г.) по всей Руси двинулись византийские миссионеры – свергали "кумиров", рубили христианские церкви. В Полоцке такой храм возник, видимо, на "городище" – древней цитадели, открытой А.Н. Лявданским. Там жил первый полоцкий князь Рогволод и его семья, дочь Рогнеда (ум. 1000 г.). На ее внука Брячислава (1001–1044 гг.) легли основные тяготы христианизации страны. В Киеве византийцами в конце X в. была построена Десятинная церковь с большим нартексом из-за обилия тогда оглашенных, так строились в то время, видимо, и все деревянные храмы (Вагнер Г.К., 1990, с. 33). В 1030-х годах Мстислав Черниговский, поделивший землю с Ярославом, начал строить храм Спаса. После его смерти (1036 г.) строительство кончали другие князья, но и этот храм строили византийцы. Обе церкви, возможно, восходили к церкви Дере-Агзы в Малой Азии (IX в.) (Комеч А.И., 1987, с. 20–24, 26) и Софию Константинопольскую не напоминали даже близко. В 1037 и 1045 гг. Ярослав и его сын Владимир заложили соборы Софии в Киеве и в Новгороде. Строительство их было связано с потребностями особого торжественного богослужения митрополита (Вагнер Г.К., 1990, с. 36) и демонстрировало не только могущество русских князей и их киевской митрополии, но также и усердие их в новой религии. Это было не только выражением "ориентации на Царьград" (Лазарев В.Н., 1978, с. 211), но и "доказательством равенства", храмы несли "идею государственного величия Руси с юга на север" (Вагнер Г.К., 1990, с. 43).

Строительство Всеслава в Полоцке. Знаменательно, что два десятилетия спустя за далекими лесами в Полоцке поднялась еще одна пятинефная София, почти столь же грандиозная: Полоцк претендовал на горделивое равенство с Киевом и Новгородом (рис. 1,7). Какие процессы вызвали это "соревнование"? Вторая половина XI в. здесь была связана с бурной деятельностью князя Всеслава Брячиславича (1044–1101 гг.). Первые 16 лет правления он был еще слаб (Алексеев Л.В., 1966, с. 242, 243), занимался внутренними делами. К 1060 г. он уже участвовал в походе на торков Ярославичей (Повесть временных лет, 1950, с. 109), несомненно, побывал в Киеве, видел роскошную столицу Ярослава и его сыновей. Что произошло у него с Ярославичами после похода, неизвестно, только, вернувшись в Полоцк, он стал их заклятым врагом. Тут, видимо, и зародилась мысль о равенстве с ними и возникла идея своей грандиозной

© Л.В. Алексеев, 1996 г.

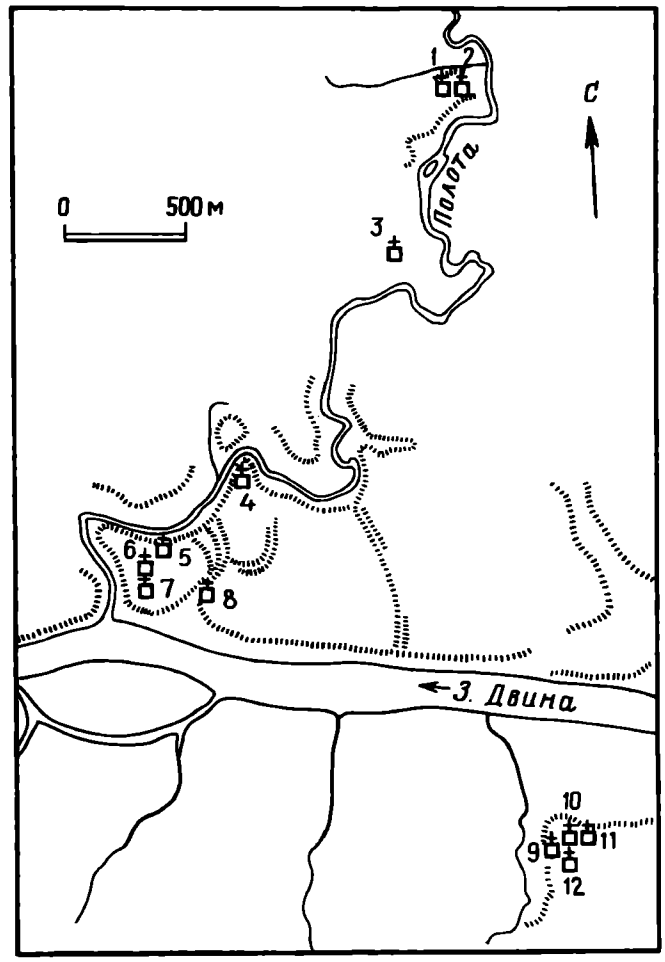


Рис. 1. План города Полоцка с указанием домонгольских архитектурных памятников. *1* – храм-усыпальница епископов св. Георгия в Спасском монастыре Полоцка; *2* – храм Спаса, построенный Евфросинией Полоцкой в Спасском монастыре Полоцка; *3* – предполагаемое место храма и монастыря пресв. Богородицы Новой, построенных Евфросинией Полоцкой; *4* – храм Бориса и Глеба на Нижнем замке; *5* – терем на полоцком детинце; *6* – церковь на полоцком детинце; *7* – Софийский собор; *8* – "Церковь на рву"; *9* – храм Параскевы-Пятницы в Бельчицах; *10* – храм Бориса и Глеба в Бельчицах; *11* – храм-триконх в Бельчицах; *12* – Успенский собор в Бельчицах

Софии. Датировку этого храма, следовательно, мы даем не суммарно, как принято (1044–1066), а более узко – 1060 (скорее, 1062–1066). Мало вероятно, что русские князья, даже самые образованные, могли проникнуть в глубины христианской философии, заложенные в 532–537 гг. в Софию Царьграда, как это блестяще показал Д.С. Мережковский (Мережковский Д.С., 1991, с. 81), однако это понимало греческое духовенство, окружавшее русских князей. Передовые люди Руси даже в XV в., например Епифаний Премудрый, интересовались знаменитым религиозным памятником и просили Феофана Грека его нарисовать (Вздорнов Г.И., 1983, с. 40–44). Три последовательно вызванные греческие артели отстроили Десятинную церковь, Черниговский Спас и, наконец, киевскую Софию, и те же мастера – Софию новгородскую. Но какая же греческая артель строила в Полоцке? Здесь нужно опереться на сравнение всех трех Софий (рис. 2). Как указал А.И. Комеч, их объединяет не только общность идеи, но и то, что все они построены в новой части города: в Киеве – в городе Ярослава, в Новгороде – на недавно укрепленном детинце, в Полоцке – на новой цитадели – Верхнем Замке (Комеч А.И., 1987, с. 257). Это указывает на единое назначение всех трех памятников, на их единую функцию. Сходства с Киевской Софией больше (Комеч А.И., 1987, с. 257–260), но в мелочах (!). При этом у полоцкого храма много отличий: он выделяется удлиненной алтарной частью, его восточные

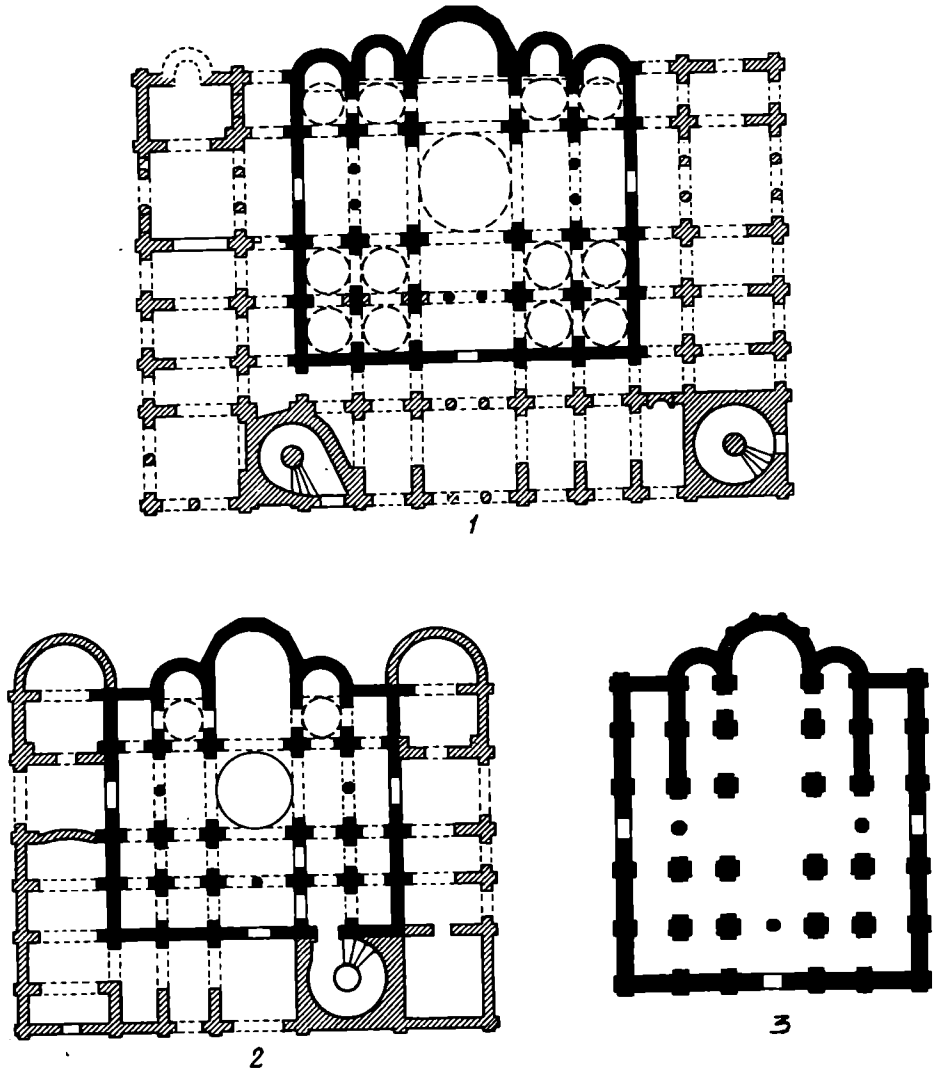


Рис. 2. Софийские соборы домонгольской Руси (планы). *1* – Киев; *2* – Новгород; *3* – Полоцк

подкупольные столбы – в основном пространстве храма, алтарная преграда перемещена на один неф к востоку. В нем пять поперечных нефов, а не четыре, что ближе к Черниговскому Спасу (Афанасьев К.Н., 1961, с. 66). Некоторая "базиликальность" плана дала вытянутые нефы, а так как подкупольный квадрат – в центре здания, то восточная часть, получив лишний поперечный неф, "заглубила апсиды" (Вагнер Г.К., 1990, с. 44), а это заставило переместить один неф к востоку (Комеч А.И., 1987, с. 257), чего в других Софиях нет. В целом план симметричен по обеим осям, особенно "если учесть, что на месте поздних западных апсид мог располагаться нартекс" (Комеч А.И., 1987, с. 257, 258) (рис. 1,*3*). А это, несомненно, свидетельствует о некоторой вытянутости пропорций вверх, что отражено и на некоторых гравюрах XVI в. (Gwagninus A., 1611, s. 208, 209; Алексеев Л.В., 1966, с. 137). Это устремление вверх было новой чертой, неизвестной Софиям Киева и Новгорода.

Вопрос о том, какая артель строила в Полоцке, Ю.С. Асеев решал просто: окончив строительство в Киеве и Новгороде, артель вернулась в Киев и, построив Ирининскую и Георгиевскую церкви (1150-е годы), уехала в Полоцк (Асеев Ю.С., 1980, с. 139). Конечно, при Ярославе византийские мастера приезжали надолго, и не только зодчие. Степенная книга сообщает, например, что для "богогласного пения" "приидоша (...) от Царягорода богоподвизаимии трие гречестии с роды своими" (Степенная книга, 1908, с. 171). Зодчие, конечно, тоже приезжали с семьями, но считать, что они

строили на Руси более 30 лет, – произвольно, да к тому же против этого свидетельствуют и черты несходства полоцкой Софии, прежде всего в пропорциях (Вагнер Г.К., 1990, с. 44); вспомнм также извечную ссору полоцких князей с остальными! Разрыв между окончанием строительства в Новгороде и Киеве и началом строительства в Полоцке (после 1060 г.) окончательно убеждает нас в том, что в Полоцке работала самостоятельная артель византийских зодчих – четвертая на Руси (после артелей, строивших Десятинную церковь, черниговский Спас и большие соборы в Киеве и Новгороде). У полоцких князей были прямые связи с Византией – дочь Всеслава в 1106 г. была даже выдана замуж за императора (Мошин В., 1947, с. 83). Тонкие наблюдения П.А. Раппопорта ранней полоцкой архитектуры показали, что храмы "несут на себе все признаки киевских мастеров, но формовка кирпича здесь скорее черниговского типа" (Раппопорт П.А., 1985, с. 83). Главные строители, следовательно, были греками, но артель побочных мастеров могла уже набираться в других городах Руси.

Итак, идеи, которые угадываются в полоцкой Софии, полностью соответствуют идеям сепаратизма, просматривающимся по летописям в поступках Всеслава Полоцкого. Как Ярослав противостоял своей Софией Константинополю, так (и) Всеслав противостоял своей Софией Киеву и Новгороду (Вагнер Г.К., 1990, с. 43–45). Такова была действительность в Полоцке в XI в.

Церковное строительство сыновей Всеслава. Мы плохо знаем, как шло развитие культуры в Полоцкой земле в начале XII в. В южной Руси храмостроительство очень оживилось, там работало, вероятно, под руководством византийских зодчих не менее двух строительных артелей, одна из которых обстраивала Переяславль (Комеч А.И., 1987, с. 134). В Полоцке же шла борьба с Мономахом, и средств для строительства наверняка было мало (Алексеев Л.В., 1966, с. 249, 250). Мы говорили, что первые 16 лет Всеслав был занят внутренними делами. Можно понять, какими. Первые укрепления Минска на Свислочи по дендрохронологии возведены в 1063 г. (Загорульский Э.М., 1982, с. 148). Это была не пограничная крепость Полоцкой земли, как думает исследователь: как мы писали (Алексеев Л.В., 1987, с. 272), карта курганов, отражающих заселенность в древности, показывает, что Минск находился не в южной (у границы), а в северной части огромного, интенсивно заселенного массива северных дреговичей (не кривичей! как остальная территория Земли), отделенных от остальных дреговичей массивом лесов, за которыми жили слуцкие дреговичи (Алексеев Л.В., 1987; 1975, с. 225, рис. 1,2). Брячислав Полоцкий с 1221 г. был замирен Ярославом (Алексеев Л.В., 1966, с. 240), и мы понимаем, что скопление северных "менских" дреговичей (их центр – городище на р. Менке гнездовского времени – конец IX – начало XI в.) (Загорульский Э.М., 1982, с. 30–63) было завоевано воинственным Всеславом в первые 16 лет княжения. И в их среде, в 16 км севернее "Менска" в 1063г. (дендрохронология) он отстроил на Свислочи новый Минск – крепость, куда переселил жителей с Менки (Алексеев Л.В., 1966, с. 146; 1987, с. 265, 266; Штыхов Г.В., 1978, с. 20). Противоположное мнение высказано Э.М. Загорульским (Загорульский Э.М., 1982, с. 62): он считает, что Минск был построен на современном месте впервые.

В конце XI в., перед смертью Всеслава, минские дреговичи стали княжеским уделом. Получив его с обилием платежеспособного (судя по инвентарю некоторых курганов) населения, Глеб Всеславич, укрепивший к тому же свою базу женитьбой на дочери Ярополка Изяславича, стал проявлять авантюрные наклонности своего отца. Им овладели мечты о суверенном Минском княжестве, о приращении его территории и т.д. Мы почти ничего не знаем о деятельности его братьев Всеславичей, но о его поступках знаем много (Алексеев Л.В.,1966, с. 253, 257). Получив удел с очень мощной отцовской крепостью – Минск (3 га!), ему надлежало озаботиться строительством собственного "идейного центра" – не столь может быть мощного, как в отцовском Полоцке (с братьями, обосновавшимися там, он был в ссоре), но достаточно солидного – каменного храма. Об этом летописи молчат, но в нашем распоря-

жении – прекрасно изданные материалы раскопок (Загорульский Э.М., 1982, с. 189–202).

Минский храм Богородицы. В 1949–1951 гг. на Минском Замчище В.Р. Тарасенко был раскопан храм уникальной конструкции (фундамент и части стен) конца XI – начала XII в. (Тарасенко В.Р., 1957, с. 220–228). Не будучи ни изучен, ни оценен, он простоял 10 лет и был засыпан. Рассмотрим его как исторический источник. Храм не только не простоял до XV в., как показалось Л.Д. Поболю (Поболь Л.Д., 1988, с. 48), но его строительство далее нижней части стен не пошло – нет ни слоев развала, ни остатков других материалов (кроме "творила"), а камни вокруг – без следов раствора (Тарасенко В.Р., 1957, с. 203). Еще до окончания строительства в нем стали совершать погребения. И самое главное: в XII в. по остаткам храма прошла мостовая улицы, перемащивавшаяся четыре раза, а на ее нижнем настиле – самое большое количество стеклянных браслетов, и он положен, следовательно, в 30–40-е годы XII в. Это был четырехстолпный, крестовокупольный, трехапсидный, с выступающей средней апсидой, храм. Мощные стены (1,5 м) были выложены снаружи тесаным камнем с заполнением середины рваным камнем на известковом растворе (рис. 3,*1*). В местах для склепов – оригинальная облицовка из тесных кирпичеобразных известковых плиток (Тарасенко В.Р., 1957, с. 226, рис. 20). Как мы уже писали, организация внутреннего пространства обличала не очень опытного мастера (или мастера, строящего в этой манере впервые): центральный подкупольный квадрат был сдвинут к югу, южный неф был у́же северного (об этом наша дискуссия: Загорульский Э.М., 1982, с. 191, сл.; Алексеев Л.В., 1987, с. 270, 271). Повторные исследования памятника Э.М. Загорульским (Загорульский Э.М., 1982, с. 198) и Г.В. Штыховым (Штыхов Г.В., 1978, с. 76) установили, что храм закладывался очень близко к материку и его следует датировать либо концом XI в., либо самым началом XII в. Исходя из исторической ситуации, Э.М. Загорульский склонен даже относить его к 1071–1073 гг. (но надо помнить, что четырехстолпные храмы в XI в. не были распространены, скорее это конец XI – начало XII в.).

По сравнению с другими памятниками Полоцкой земли этот храм не так уж мал, его площадь без апсид 144 м^2, немногим уступает витебскому Благовещению (153,96 м^2), больше церкви Евфросиньи Полоцкой (142 м^2), а Бельчицкие Борисоглебский и Пятницкий храмы ему даже уступают (рис. 1). Малое количество опор внутри (четыре столба) при большой площади храма предполагалось, очевидно, компенсировать умощнением стен и столбов (толщина стен здесь превышала толщину стен всех храмов княжества) (Алексеев Л.В., 1966, с. 197, рис. 50), что позволило отказаться от конструктивно необходимых пилястр и стены получали гладкую поверхность, столбы же доведены до 2-метровой толщины, подкупольный квадрат сдвинут к югу, южный неф оказался суженым, внутренние пилястры неточно соответствовали столбам, что привело бы к искривлению сводов, либо, как думает Г.К. Вагнер, было рассчитано на ступенчатые арки, и здание, следовательно, предполагалось вытянуть вверх (София Киевская, раннемосковское зодчество), а это было бы для нас особенно интересно (!).

Итак, минский храм – один из самых ранних четырехстолпных – почему-то не был достроен. Э.М. Загорульским высказана интересная мысль, что памятник строили по русскому образцу западноевропейские (польские?) зодчие – в романской архитектуре Польши есть квадратные в плане столбы (Познанский собор и т.д.) (Загорульский Э.М., 1982, с. 199, 200). Сейчас в своих рассуждениях он идет и дальше. В популярном издании Э.М. Загорульский отмечает: 1. Храм строился тогда, когда Минск не принадлежал Полоцку, иначе "были бы приглашены полоцкие мастера с их традицией и характерной техникой", что могло быть только в 1071–1073 гг., когда Всеслав был побежден под Голотическом сыном Изяслава Ярополком (1071 г.). 2. Храм построен вскоре после основания Минска, когда Глеб был еще мал и это опять поручили бы полоцким зодчим. 3. Если допустить, что Ярополк был в 1071–1073 гг. минским князем, можно предположить, что он и пригласил польских зодчих (его мать – дочь

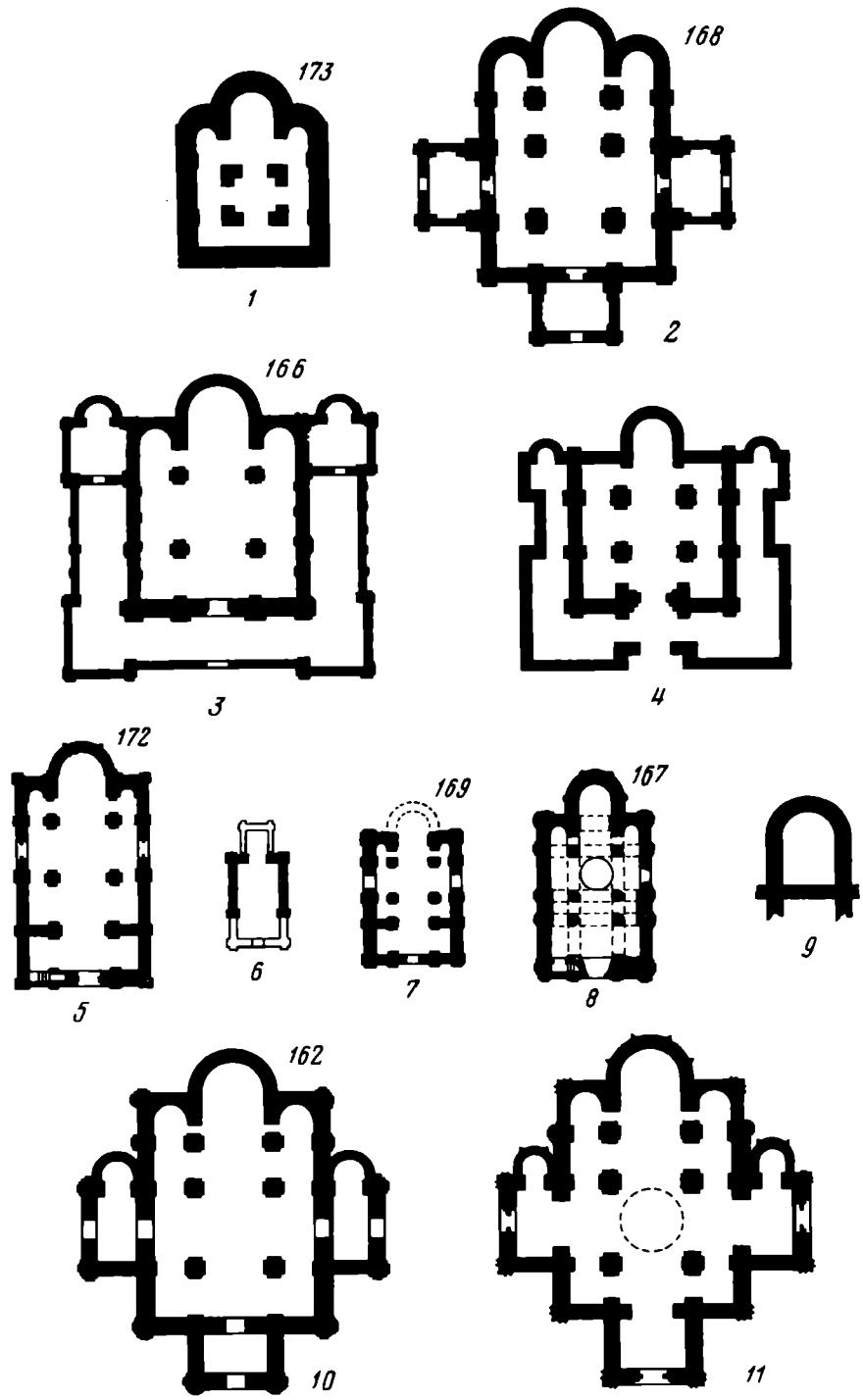


Рис. 3. Полоцкие и смоленские храмы конца XI–XII в. (*1* – Минск; *2–10* – Полоцк, *11* – Смоленск). *1–4* – храмы, построенные сыновьями Всеслава Полоцкого (церковь Богородицы в Минске – *1*; Успенский собор Бельчицкого монастыря – *2*; храм-усыпальница епископов св. Георгия – *3*; храм Бориса и Глеба на Нижнем Замке – *4*); *5–8* – храмы, построенные внуками Всеслава Полоцкого (Благовещение в Витебске – *5*; Параскевы-Пятницы – *6* и Бориса и Глеба – *7* в Бельчицах); *9–11* – храмы полоцких зодчих второй половины XII в. (храм-усыпальница "На рву" – *9*, "Храм на Верхнем Замке" – *10*; храм Архангела Михаила – так называемая Свирская церковь Смоленска, возведенная полоцкими зодчими, – *11*)

польского короля Мечислава II). Строительство оборвалось, так как предполагаемое княжение Ярополка в Минске должно было в 1073 г. прекратиться (Загорульский Э.М., 1993). Здесь слишком много допущений, но есть и неверные утверждения. Так, автор забывает, что в XI в. не было еще полоцких зодчих и тем более их традиций. Неясно также, почему в 1073 г. строительство храма прекратилось: вернувшийся в Полоцк Всеслав помирился с отцом Ярополка (Алексеев Л.В., 1966, с. 249). И все-таки, кто бы ни строил храм, в какой бы технике ни работал, он воздвигал православный храм и должен был руководствоваться русскими образцами. Какими же? Заказчик Глеб был ближе всего к киевскому духовенству – в Печерском монастыре он строил трапезную (1108 г.), жертвовал 600 гривен серебра и 500 гривен золота, а его вдова передала монастырю "все и до повоя" (Алексеев Л.В., 1966, с. 254). В Киев и направляем поиски. Из всех южнорусских храмов там находим один (датирующийся **тоже концом XI в.**), четырехстолпная часть которого (без нартекса) во всех деталях и абсолютных размерах (!) идентична минской церкви. Это храм в усадьбе Художественного института, раскопанный М.К. Каргером в 1947 г. (Каргер М.К. 1961, с. 391–402, рис. 140). Четырехстолпная часть киевского храма составляет квадрат со стороной 12 м, а длина этой части с апсидой – те же 16 м. Конечно, этот памятник совсем иной – выложен из плинфы на цемянке с шестью столбами и делать широкие выводы неосторожно, но полное совпадение пропорций и размеров его четырехстолпной части с минским храмом случайным быть не может.

Как оценить минский памятник до дальнейших исследований по натуре? Как я уже отмечал (Алексеев Л.В., 1987, с. 271), этот небольшой памятник конца XI – начала XII в., выложенный из необычайного материала, но в русских традициях конца XI в., интересен не только историку архитектуры, историку культуры, но и для историка вообще. Он представляет очень раннюю (может быть "тупиковую") попытку зодчего (заказчика?) вырваться из столичной крестовокупольной схемы византийского образца. Попытку, давшую через 60–70 лет блестящие образцы домонгольской архитектуры с ее стремлением к высотным композициям (правда, уже через ступенчатую пирамидальность). В этом раннем стремлении, проявившимся в Минске, с нашей точки зрения, и содержится огромное значение минского памятника (даже если его строили иноземцы, не справившиеся с возложенной на них задачей!). Как видим, наши наблюдения над минским храмом дали возможность выяснить задачи, поставленные перед строителями заказчиком. Задачи эти вполне согласуются с сепаратистскими устремлениями Глеба Минского, о чем мы читаем в летописи (Алексеев Л.В., 1966, с. 253–257).

А остальные Всеславичи? В своей строительной деятельности Глеб одинок не был, только он, изгойный, строил каменный оригинальный храм в своем уделе, а остальные братья, очевидно, – в Полоцке, где у них, несомненно, были свои княжеские дворы, причем главные сооружения принадлежали тому, кто сидел на полоцком столе. Мы увидим дальше, что, если Глеб, стремившийся подражать Киеву, заказывал храм иноземным мастерам, остальные Всеславичи брали за образец также киевские постройки, но и возводили их киевские мастера. Самым знаменитым был Печерский монастырь, рядом с которым Мономах ставил свой монастырь со своим храмом-усыпальницей Спасом на Берестове. В Полоцке, видимо, решили ставить главный и, как и в Киеве, мужской монастырь, также вблизи города на р. Бельчице (рис. 1). По В.Н. Татищеву, полоцкие князья погребались в Полоцке (Татищев В.Н., 1963, с. 122), и можно думать именно там. Строил монастырь, несомненно, князь **самого Полоцка** и братья его.

Усыпальница полоцких епископов св. Георгия. По смерти Всеслава его сыновья стали думать о необходимости благоустроить усыпальницу местных иерархов. В Житии Евфросинии епископ говорит ей: "Есть церковица всемилостивейшего Спаса – в Сельце, иде же братия наша лежит прежде нас бывше епископи..." (Повесть о Евфросинии Полоцкой, 1860, с. 175). Разговор этот шел в те два года, когда полоцким князем был Борис (1127–1128). Как показали раскопки М.К. Каргера, тогда владык

действительно погребали в Сельце, но не в деревянной "церковице", а к северо-востоку от нее, где была вскрыта роскошная усыпальница из плинф на цемянке, "особенности декора" которой и "применение в декоре интерьера мозаичных полов и стенных мозаик" позволили ученому "отнести постройку храма-усыпальницы не позже, чем к самому началу XII в." (Каргер М.К., 1977, с. 245). Он заключил, что это "старый храм Спаса, служивший усыпальницей полоцких епископов"; так же думал вслед за ним и П.А. Раппопорт, датировавший, правда, памятник из соображений "осторожности" целиком первой половиной XII в. (Раппопорт П.А., 1980, с. 150). Но это не "старый храм Спаса": во-первых, мы увидим, храм погиб в XVI в., а до этого, следовательно, рядом стояли два храма Спаса, что невозможно; во-первых, иерархи погребались здесь с основания кафедры (X в.) и первоначальная усыпальница была деревянной ("церковица"). К 1127 г. останки архиереев были давно перенесены в новый храм.

Это был обширный (без апсид 14,85 × 16,3 м) четырехстолпный, трехнефный храм с галереями (и гробницами под ними, содержащими скелеты в основном стариков), где имелась и крипта для особо почетных захоронений (рис. 1,*3*). По эффектной роскоши, дороговизне строительства (только П.А. Раппопортом собрано 43 кг смальты) это, несомненно, княжеское строительство для упокоения иерархов. Объемно-ступенчатая вертикаль храма (о ней говорят оба исследователя) должна была быть видной издалека. Конечно, это о нем говорит грамота Батория 1582 г., понимаемая обычно неверно. По ней, король передавал иезуитам "монастырь св. Спаса, коего храм, близкий к разрушению, еще виднеется над рекою Полотою" (Сементовский А.М., 1890, с. 106). А.М. Сементовский считал, что речь здесь идет о церкви Спаса. М.К. Каргер резонно возражал, указывая, что церковь цела и сейчас и в XVI в. быть "близкой к разрушению" не могла (Каргер М.К., 1977, с. 247). П.А. Раппопорт полагал, что так мог выглядеть храм благодаря верхам, которые могли иметь разрушающийся вид (Раппопорт П.А., 1980, с. 150).

Местность, где расположен монастырь, именуется "Спас-Юровичи" (Сементовский А.М., 1890, с. 107). Не память ли это существовавших здесь двух церквей – Преображения и Георгия? Этот вопрос занимал и И.М. Хозерова, и Н.Н. Воронина (Каргер М.К., 1977, с. 247), но решен не был. В 1966 г. я обратил внимание на Лебедевскую летопись, где сообщается, что, двигаясь на Полоцк из Невеля в 1563 г., Иван Грозный, подойдя к городу и пройдя "Егорий Святый", увидав Софию, приказал знамена "развертеть" (Лебедевская летопись, 1965, с. 306; Алексеев Л.В., 1966, с. 211, 212). От Егория перейдя к оз. Волову, царь поставил свой полк "против города". Между этим озером и "св. Георгием" были поставлены воеводы "с нарядом большим", а еще позднее "к Георгию Великому" перебрался он из Бельчиц, накануне там заночевав, ибо "Двина-река учала портиться". Грозный останавливался, конечно, у монахов в Бельчицком и в Спасском монастырях, но в последнем упоминается лишь "Георгий Великий" (о маленьком Евфросиниевском храме – ни слова!). Это и был соборный храм Спасского монастыря, построенный в начале XII в. у старой усыпальницы – "малой и деревянной", как свидетельствует Минея Дмитрия Ростовского (1651–1709 гг.), см.: (Сапунов А.П., 1888, с. 47). Таким образом, "Георгий Великий" в 1563 г. был еще цел, "высился над Полотою", а "близким к разрушению" он стал после осады Полоцка Баторием в 1579 г. Аргументом против того, что церкви Георгия – усыпальница П.А. Раппопорту служило то соображение, что в документе 1582 г. "в перечне передаваемых полоцких церквей церковь Георгия не числится" (Раппопорт П.А., 1980, с. 150). Но это не удивительно: храм был почти разрушен, его не показал на своем чертеже и Пахоловицкий (XVI в.), рисовавший римскому папе и отметивший лишь храм Евфросиньи (Алексеев Л.В., 1966, с. 137, рис. 25).

Кто же строил храм св. Георгия? Георгием Всеславичем был по Житию отец Евфросинии, он и был ктитором храма, епископ Илья привлек его дочь сюда именно потому, что хотел то место, где ранее хоронились останки иерархов, увековечить в камне. "Место то свято есть!", – говорит в Житии ангел (Повесть,... 1860, с. 174).

Сам же Георгий хотел, видимо, увековечить и себя в уникальной, невиданной постройке, которая по декору "могла конкурировать со всеми известными нам храмами Полоцка, не уступая самому собору Софии" (!) (Каргер М.К., 1977, с. 247). Любопытно, что точно так же его дочь, исполненная желания увековечить себя, создала уникальный храм и крест (где это выразила даже в надписи!) (Алексеев Л.В., 1966, с. 225). Можно думать, что это было традицией семьи. К кому же обратился князь с заказом? П.А. Раппопортом доказано, что строили храм те же мастера, что ставили Спас на Берестове и Успенский собор в Бельчицах. Но данная постройка имела особенности, говорящие о проникновении в строительство "иных архитектурных традиций" (одноапсидность, сложная форма галерей и пр.), которые не были известны на Руси и свидетельствуют о влиянии какого-то особого византийского зодчего (Раппопорт П.А., 1980, с. 159). Усыпальница строилась в начале XII в., а это было временем интенсивных связей Полоцка с Византией. Связи с ней особенно, надо думать, оживились, когда выдавалась полоцкая княжна, сестра Георгия Всеславича, за императора (1106 г.). Между Полоцком и Царьградом сновали послы, было необходимо поднять авторитет Полоцка, полоцких иерархов, останки которых ютились в древней маленькой "церковице", и т.д. Ктитором храма был Георгий, но его построение было, без сомнения, и делом всех братьев Всеславичей (как мы говорили).

Успенский собор Бельчицкого монастыря. Развалины этого собора (есть глухие архивные свидетельства, что он был посвящен Успению Богородицы) (Селицкий А.А., 1992, с. 34), известные уже в 1820-х годах И. Шулакевичу, были бегло обмерены (Сементовский А.М., 1867), их акварельный рисунок Трутнева (1866 г.), разыскал и опубликовал О.А. Трусов (Трусов О.А., 1988, с. 23, рис. 8). По плану И.М. Хозерова (Воронин Н.Н., 1956, с. 15) это шестистолпный трехпритворный храм из плинфы на цемянке (с "утопленным рядом") (рис. 3,*2*). Его тип близок также к Спасу на Берестове, который датирован М.К. Каргером рубежом XI–XII вв. Бельчицкий памятник Н.Н. Воронин предположительно отнес к 1120–1130 гг. (Воронин Н.Н., 1956, с. 17). Однако это было самое неудачное время для возведения храмов (см. ниже) и датировать его следует скорее 1100–1110 гг. "По сравнению с Берестовским храмом собор представляет шаг вперед, – писал исследователь, – он является результатом развития намеченной в Берестове композиции" (Воронин Н.Н., 1956). По его мысли, строили собор зодчие, работавшие у Мономаха (врага Глеба Минского. – *Л.А.*). Подкупольное пространство здесь перенесено к западу, что дало "строго объемную центрическую композицию (...), при которой храм должен иметь **сильно повышающуюся** центральную часть. Подобная композиция, продолжающая традиции ступенчато-пирамидальных объемов памятников Киевской Руси, в то же время давала широкие возможности для дальнейшей разработки", – указывал П.А. Раппопорт. – Киевские мастера (...) заложили основы местного строительства, которое с этих времен ведется в Полоцке непрерывно". Полоцкие князья, получившие мастеров-строителей из Киева, смогли обеспечить в Полоцке создание местной строительной артели" (Раппопорт П.А., 1980, с. 157).

Итак, первые десятилетия XII в. сыновья Всеслава Полоцкого отстроили два ступенчато-пирамидальных храма, прообразом которых был "высотный" храм Спаса на Берестове. Как и последний, оба храма были, несомненно, усыпальницами епископов и князей, как мы думаем, линии старшего Давида Всеславича. Князь этот, действительно, был более других связан с южнорусскими князьями: он ходил с ними на половцев (1103), с их помощью усмирял своего зарвавшегося брата Глеба Минского (1104). Не случайно, именно его помянул в Иерусалиме в XII в. Даниил Мних среди трех (из шести) полоцких сыновей Всеслава, очевидно, старейших – Глеба Минского и Бориса Друцкого, см.: (Паломник Даниила Мниха, 1891, с. 67). Стены храма были покрыты фресками, пол – поливными плитками. К сожалению, все, что мы знаем о храме, относится лишь к натурным работам И.М.Хозерова и к частичному вскрытию его части П.А. Раппопортом. Ныне храм – вновь под землей. При его детальных раскопках в нем, надо думать, будут найдены саркофаги полоцких князей.

Церковь Бориса и Глеба в Полоцке на Нижнем замке. Помимо Давида и Георгия остальные братья (может быть кроме Глеба), ставили храмы не только в вотчинах (Друцк), но и в Полоцке, вероятно, на своих дворах или в своих монастырях. По находкам саркофагов можно думать, что это были усыпальницы ктитора. На Нижнем замке над Полотой были выявлены остатки церкви из плинф на цемянке (с "утопленным рядом"), с галереями (северная и южная на востоке оригинально кончались апсидами) (Раппопорт П.А., 1980, с. 152, рис. 7) (рис. 3,*4*). Стены были расписаны фресками, полы устланы плитками. Храм был настолько близок церкви Георгия, что было ясно, что его строила та же артель. В нем также были обнаружены княжеские саркофаги, а в среднем нефе был саркофаг, вероятно, родоначальника-ктитора (Раппопорт П.А., 1980, с. 154). Из осторожности П.А. Раппопорт датировал храм первой половиной XII в., но если его строила артель, возводившая храм Георгия, то это было скорее всего в первые два десятилетия XII в., когда в Полоцке было развернуто широкое строительство. Как мы увидим, в 20–30-х годах XII в. политическая обстановка не могла не мешать княжескому храмостроительству. В Полоцке строили либо до этого времени, либо после (в 1150-е годы – деятельность Евфросиньи и позднее, как мы увидим, в конце 1140 – начале 1150-х годов был построен и храм в Витебске). Не приходится сомневаться, что храм строился в первые два десятилетия (может быть от силы – три) XII в., т.е., всего вероятнее, кем-то из сыновей Всеслава (до 1160-х годов заказчиками храмов были только князья) (Раппопорт П.А., 1985, с. 85). По описи 1664 г. здесь стояла церковь Бориса и Глеба (Сапунов А.П., 1886, с. 201). Борис-Рогволод – один из старших Всеславичей, наследовавший Друцкий удел. Он был возведен на Полоцкий стол полочанами в 1127 г., а в 1128 г. умер (Ипатьевская летопись, 1962, стс. 293). Если усыпальница в Сельце была посвящена патрону его брата Георгия, то очень вероятно, что строил этот храм князь Борис (на своем дворе?). Отстроив в Друцке деревянную церковь (ее поливные плитки без извести найдены на детинце и в окольном городе Друцка, см.: (Алексеев Л.В., 1966, с. 157), Борис поставил в Полоцке усыпальницу своего рода, подобно тому, как смоленский Давид в конце XII в. возвел на самом дворе храм Архангела Михаила (Алексеев Л.В., 1980, с. 154). К сожалению, вопрос о строительстве Всеславичами подобных храмов на своих полоцких дворах пока еще открыт.

Церковное строительство при "всех внуках Всеславлих". При внуках Всеслава враждебные отношения полоцких и киевских князей достигли своего апогея, и престарелые сыновья Всеслава с внуками его в 1130-х годах были высланы в Византию, а в Полоцке и по другим полоцким городам Киевом были посажены свои ставленники. Какое уж тут строительство! Маловероятно, что севший в Полоцке Василькович тоже что-либо строил... Однако храмосдательное искусство в стране не умерло и было восстановлено, правда, с помощью снова византийских зодчих.

Церковь Благовещения в Витебске. Если следовать гипотезе П.А. Раппопорта, в начале 40-х годов кто-то из вернувшихся князей привез из Византии зодчих и построил в Витебске храм Благовещения в Окольном городе. На детинце, по-видимому, стояла церковь Архангела Михаила, так археологами и не найденная. Храм шестистолпный, крестовокупольный, сильно вытянутый в плане в продольном направлении, расширенный средний неф членится столбами на равные части, нартекс отделен глухими простенками, боковые нефы оканчиваются внутренними апсидами, фрески стен положены на сухую штукатурку, что также оригинально, как и кладка, – тесаный камень перемежается рядами плинфы (рис. 1,*5*). Это явно дело рук византийской артели, работающей по своим традициям. Но в плановом, как и в объемном решении мастер был вынужден (как и минский мастер) ориентироваться на русские художественные образцы. Я указывал на исключительное сходство пропорций витебского Благовещения и Нижней церкви в Гродно (Алексеев Л.В., 1966, с. 202, табл. 6), оно свидетельствует об общем, до нас не дошедшем образце, которому зодчие должны были следовать.

П.А. Раппопорт предположил, что "витебский князь привез греческих мастеров с

собой, возвращаясь в 1140 г. из Византии" (Раппопорт П.А., 1980, с. 156). Но в 1140 г. вернулись княжичи (друцкий Рогволод-Василий Борисович и может быть Витебский (?) Иван). На чужбине они прожили восемь лет, потеряли там отцов и вряд ли были достаточно богатыми, чтобы там помышлять о храмостроительстве на родине, которую к тому же оставили молодыми. Невероятно, чтобы они везли с собой зодчих. Приглашение последним могло состояться лишь по возвращении им Киевом полоцких уделов, когда вокруг княжичей началась матримониальная игра южных князей (Алексеев Л.В., 1966, с. 265). Очевидно, что Витебское Благовещение было построено не в 1140 г., а в самом конце 1140-х –1150-х годах (тогда же, когда мы увидим, Евфросинья начала свое строительство). Любопытно, что вскоре эти мастера возвели с такой же кладкой храм Бориса и Глеба в Новогрудке и есть доказательства, что он позднее витебского (Раппопорт П.А., 1987). Кончив, строители уехали, а галереи к храму пристраивали мастера в полоцких традициях (значит, они утрачены не были) (Каргер М.К., 1977, с. 81).

Деятельность полоцкого зодчего Иоанна. 20–30-е годы XII в. – время появления своих русских зодчих, обученных византийскими мастерами. В Полоцке в это время выявился талантливый зодчий Иоанн – "приставник над делателями церковными". Он строил только в Полоцке, был, следовательно, полочанином, монахом ("отче Иоанне") и жил, видимо, в Бельчицах. Учился, по-видимому, у той артели, которая воздвигала в Полоцке три храма-усыпальницы Всеславичей, один из которых был в Бельчицах. Явное стремление артели к вертикализму были ему по душе и, став зодчим, он в своем монастыре при строительстве Пятницкой (рис. 3,*2*) и Борисоглебеской (рис. 1,*11*) церквей начал поиски собственных путей к вертикализму (Воронин Н.Н., 1956, с. 19).

Спасский храм Евфросиньевского монастыря – вершина его творчества (рис. 1,*12*). Это наиболее ранний памятник, где с очевидностью выявились новые архитектурные формы, "ставшие в конце XII в. характерными для всего русского зодчества. Башнеобразность композиции, богатая декоративная разработка экстерьера, часто и весьма значительное несоответствие внешних форм и конструкции, подчиненное положение внутреннего пространства по отношению к внешнему облику – вот те особенности, которые (...) выделяют (его) среди прочих синхронных храмов" (Раппопорт П.А., Штендер Г.М., 1988, с. 466). Констатируя это, исследователи не поставили вопрос о том, какие идеи преследовали Евфросинья и Иоанн, избрав именно эту форму храма. Если экстерьер приковывал взгляд своим устремлением вверх и высотная композиция была данью княжескому достоинству заказчика (Г.К. Вагнер), то полутьма в интерьере при свечах, давящая загруженность его внутренними объемами, низкие потолки нартекса, узкие и тесные боковые нефы – все это создавало настроение подавленности, а контраст со светлой, тянущей к себе впереди солеей, голоса хора сверху возбуждали мысль о человеческом ничтожестве, преходящем характере жизни, тщете всего мирского и высоте божественного промысла... А это буквально отражало те настроения Евфросиньи, о которых мы читаем в ее Житии: "Вся видимая мира сего – красна суть и славна, но вскоре минует яко сон!", – говорила отроковица, убежав к тетке игуменье Романовой (Повесть... 1860, с. 173). Итак, храм Евфросинии исключителен по выразительности христианских идей, которые проповедовал монастырь. Умение передать это средствами архитектуры, безусловно, ставит полоцкого зодчего Иоанна в число перворазрядных мастеров Руси домонгольского времени. К сожалению, его искусство с этой точки зрения не изучалось. Важно, что Евфросинья не замыкалась в монашеском консерватизме, новшества Иоанна ее не пугали, по Житию, она внимательно следила за строительством, истово молилась, когда строительный материал грозил иссякнуть, и т.д. Просвещенная, передовая женщина, она могла увлечься новшествами, если они выражали ее идеи.

Вопрос о церкви Богородицы Новой. По Житию, перед своим уходом в Святую Землю (1163 г.) Евфросинья построила еще монастырь Богородицы и населила его

монахами. Ни храм, ни монастырь не разысканы, а строил в нем наверняка тот же Иоанн! Исследователи забывают, что кладки храма и "цемент", "совершенно одинаковые со стенами Спасского храма (!), были обнаружены на полдороге от Софии к Спасскому монастырю у кладбища св. Ксаверия" (Сергий, 1864, с. 15, примечание), см. рис. 1,*3*.

Полоцкое храмостроительство конца XII в. В последнее тридцатилетие XII в. Полоцкая земля пришла в сильный упадок: на нее нападают то Новгород, то Смоленск (к нему еще в 60-х годах перешел Витебск) (Алексеев Л.В., 1966, с. 278–284). Это не могло не отразиться и на храмостроительстве. Заказов почти не было. В 1160–1180-х годах зодчие, возможно, ученики Иоанна, возвели лишь церковь на детинце, "Храм на рву" – в третьей четверти XII в., и, наконец, "храм-триконх" в самом конце XII в. Все эти постройки были осуществлены в типично полоцкой манере: кладка плинфы с "утопленным рядом" (в остальной Руси давно перешли на порядовую кладку), теперь это стало отличительной чертой полоцких зодчих.

Храм на детинце, исследованный М.К. Каргером (Каргер М.К., 1972, с. 202–209) (рис. 3,*10*), был шестистолпным; как в большинстве полоцких храмов, его барабан опирался на западные столбы. Излюбленные в Полоцке три притвора (северный и южный на востоке кончались апсидами) свидетельствуют о центричности и стремлении вытянуть объем вверх (!). Пилястры своеобразны, напоминают будущие полоцкие многообломные (что перешло в Смоленск). С одной стороны, храм напоминает Успенский собор в Бельчицах, а с другой – церковь Архангела Михаила 1190-х годов в Смоленске. Однако в отличие от первого он снабжен лишь одной наружной апсидой, две других у него, как в Архангельской церкви, – внутренние и, как и в ней, восточные стенки притворов оканчиваются апсидами. Совершенно очевидно, что все три храма принадлежат одной полоцкой школе зодчих, весьма своеобразной, сложившейся в Полоцке в XII в. Усыпальниц в Храме на детинце не обнаружено, судя по находкам, стены покрыты фресками, пол выстелен керамической плиткой. Храм выстроен на детинце, где и был раскопанный археологами княжеский терем, его строил один из "основных" князей полоцких, близких к правившему князю (Раппопорт П.А.,1980, с. 156, 157).

Церковь на рву выявлена в Окольном городе у рва детинца, к востоку от него. О типе памятника говорить невозможно – остатки фрагментарны. Найденный шиферный саркофаг показывает, что это тоже была усыпальница кого-то из потомков Всеслава Полоцкого. По знакам на кирпичах и их формату П.А. Раппопорт отнес памятник к третьей-четвертой четвертям XII в. (Раппопорт П.А., 1980, с. 155) (рис. 3,*9*).

О храме типа триконх (как его назвал Н.Н. Воронин) говорить еще сложнее. Он был поставлен в Бельчицком монастыре, но от него сохранился лишь рисунок плана (Воронин Н.Н., 1962, с. 102–104). А.М. Павлинов якобы видел место, где был храм, и плинфы его ему напомнили Успенский собор; он видел также "полуколонки" (лекальную плинфу для них) (Павлинов А.М., 1895, с. 12). Возможно, это остатки многообломных пилястр, которые употребили полоцкие мастера в храме Архангела Михаила в Смоленске.

Как видим, во второй половине XII в. творческая мысль полоцких зодчих била ключом, школа полоцких зодчих была в расцвете, однако политическое положение страны было таково, что княжеские заказы почти не поступали. Вместе с тем на замечательные достижения архитекторов Полоцка обратили внимание в Смоленске. Смоленский князь Давид Ростиславич пригласил их к себе для строительства высотного храма на своем дворе (Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979, с. 390–394; Раппопорт П.А., 1993, с.80), и там был построен трехпритворный храм Архангела Михаила, центрированный объем которого четко выделял "господствующую в силуэте здания высоко поднятую главу". Такова дальнейшая разработка высотного храма, выраженная перед этим в храме на Полоцком детинце. Смоленские зодчие бросились подражать и разрабатывать достижения полочан и прежде всего заменили полоцкую традиционную кладку "с утопленным рядом" на привычную порядовую (другие масте-

ра!). Трехпритворные высотные храмы смоляне ставили теперь в Смоленске, Рязани, Новгороде и т.д. В Полоцке строительство полностью прекратилось.

Подведем итоги. Вырвавшись по ряду причин из-под эгиды Киева и тем самым начав в XI в. путь феодальной раздробленности Руси, Полоцкая земля открыла и новые самостоятельные пути в переосмыслении византийской архитектуры. При Всеславе была приглашена отдельная артель из Византии и ей поручалось создать свой особый вариант Софийского собора в Полоцке, соревнующийся с Софиями южной Руси и Новгорода. В нем в слабой еще степени, кажется, проявились черты стремления к высотной композиции (что, как иногда думают, шло от деревянного языческого зодчества Руси). При сыновьях Всеслава в начале XII в. потребовалось князьям, получавшим уделы, но не желавшим порывать с Полоцком, строить свои родовые усыпальницы в общей столице, на своих дворах или в своих монастырях. Лишь враждебный братьям минский Глеб строил храм в Минске с помощью западноевропейских зодчих. Остальные братья строили, по-видимому, в Полоцке, пользуясь достижениями зодчих в церкви Спаса на Берестове в Киеве.

Сейчас можно думать, что энергичная перестройка статичной византийской крестово-купольной схемы церкви, начавшаяся строительством трехпритворного Берестовского храма с сильно повышенным верхом в Киеве (в ходе строительства при желании, очевидно, повысить верх там было придумано погасить распор сводов сначала двумя притворами, а затем был добавлен и третий) (Каргер М.К., 1961, с. 389), была подхвачена в изгойном Полоцке, пригласившем именно этих строителей для возведения соборов в Бельчицком и Спасском монастырях, а затем и усыпальницы Бориса и Глеба (Раппопорт П.А., 1980, с. 155). Все это строительство принадлежало братьям Георгию, Давиду и Борису Всеславичам. Четвертый брат, их исконный враг Глеб (вражда продолжалась и позднее, когда в Минске сидел его сын Ростислав), свой храм, тоже оригинальной конструкции, пытался возродить в Минске с помощью поляков (?). Можно предполагать, что со временем выявятся постройки и остальных двух Всеславичей – Романа и Ростислава.

"Башенные" формы храмов Всеславичей, по-видимому, в Полоцке имели огромный успех. Идея высотного храма захватила и руководителя артели местных зодчих полочанина Иоанна. Как показал Н.Н. Воронин, он начал поиски своего "вертикализма" сначала в своем монастыре в Бельчицах постройкой двух храмов, а затем разработал особую оригинальную конструкцию Евфросиниевского храма в Спасском монастыре. Это было вершиной его творческих поисков. Здесь инженерия была примитивнее – распор сводов при повышенной главе и постаменте под ней погашался не притворами, а утолщением стен и столбов, что загружало интерьер, но эффективно передавало идеи заказчицы о монастырской аскезе. Упрощенный подход себя оправдал: из трехпритворных храмов Руси, за исключением смоленского Архангела Михаила (построенного полочанами), через 200–300 лет уже выносили мусор обрушившихся сводов (!), церковь же Иоанна в первозданном виде сохранилась до наших дней! Однако позднейшие полоцкие зодчие (его ученики?) за ним не пошли: заказчиков, несомненно, отталкивала перегруженность интерьера опорами (храмы в большинстве рассчитывались на широкий круг молящихся мирян); развивая идеи вертикализма, они предпочли вернуться к начальному этапу полоцкого зодчества – Успенскому собору с его трехпритворной композицией с перенесением барабана на западные пары столбов, но боковые апсиды стали внутренними, а восточные стенки притворов получили апсидообразные выступы (храм на детинце). В сравнении со Спасской "церковь на детинце демонстрирует идею в гораздо более разработанном виде" (Раппопорт П.А., 1980, с. 161).

Итак, идея переосмысления византийского архитектурного наследия на русской почве возникла в южнорусских землях, однако не в Вышгороде, как полагал Н.Н. Воронин (Воронин Н.Н., 1952, с. 274–282), а в Киеве при постройке по заказу Владимира Мономаха церкви Спаса на Берестове, где укрепилась идея вертикализма церковной конструкции. Вместе с характернейшей для конца XI в. кладкой "с утопленным ря-

дом" строители этой церкви, приглашенные Всеславичами следом для большого строительства в Полоцке, перенесли туда эту идею, там она (как и архаическая кладка, отвергнутая в остальной Руси в XII в.) утвердилась, а затем идея перешла уже на памятники других земель Руси (правда, без этой кладки). Как любезно указал Г.К. Вагнер в выступлении по моему докладу на тему данной статьи, увлечение вертикализмом охватило прежде всего западнорусские земли, потому что они были наиболее близкими землями к Западной Европе, где все более утверждались постройки нового стиля – готики с ее громадными высотными архитектурными постройками. Для нас важно, что идеи эти, подхваченные в Полоцке задолго до возникновения Смоленской архитектурной школы, получили там широкое развитие и Смоленское зодчество конца XII – первой половины XIII в. черпало из Полоцка основные идеи и было по сравнению с ним вторичным явлением. Благодаря смоленским зодчим идеи эти, получившие у них дальнейшее развитие, разошлись по многим городам Руси XII и XIII (главным образом) века.

Наши наблюдения над остатками архитектурных памятников Северной Белоруссии показали, что в ряду других археологических источников этот имеет огромное значение для познания исторических судеб нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Л.В., 1966. Полоцкая земля. М.

Алексеев Л.В., 1975. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.

Алеексеев Л.В., 1980. Смоленская Земля в IX–XIII вв. М.

Алексеев Л.В., 1987. Капитальное исследование по начальной истории Минска // СА. № 2.

Асеев Ю.С., 1980. К вопросу о времени основания киевского Софийского собора // СА. № 3.

Афанасьев К.Н., 1961. Построение архитектурных форм древнерусскими зодчими. М.

Вагнер Г.К., 1990. Искусство мыслить в камне. М.

Вздорнов Г.И., 1983. Феофан Грек. М.

Воронин Н.Н., 1952. У истоков русского национального зодчества // Ежегодник Института истории искусств. М.

Воронин Н.Н., 1956. Бельчицкие руины // Архитектурное наследство. № 6. М.

Воронин Н.Н., 1962. Из истории полоцкого зодчества XII в. // КСИА. Вып. 87.

Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.

Загорульский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Минск.

Загорульский Э.М., 1993. Древнейший храм Минска. Минск.

Ипатьевская летопись, 1962 // ПСРЛ. Т. 2. М.

Каргер М.К., 1961. Древний Киев. Т. 2. М.; Л.

Каргер М.К., 1972. К истории полоцкого зодчества XII в. // Новое в археологии. К 70-летию А.В. Арциховского. М.

Каргер М.К., 1977. Храм-усыпальница в Евфросиниевском монастыре г. Полоцка // СА. № 1.

Комеч А.И., 1987. Древнерусское зодчество конца X – начала XII вв. М.

Лазарев В.Н., 1978. Византийское и древнерусское искусство. М.

Лебедевская летопись, 1965 // ПСРЛ. Т. 29.

Мережковский Д.С., 1991. Больная Россия. Л.

Мошин В., 1947. Русские на Афоне и русско-византийские отношения XI–XII вв. // Byzantinoslavica. IX/I. Прага.

Павлинов А.М., 1895. Древние храмы Витебска и Полоцка // Тр. Девятого археологического съезда в Вильне. Т. I. М.

Паломник Даниила Мниха, 1891. СПб.

Поболь Л.Д., 1988. Новые данные о древнем Менеске // Древности славян и Руси. К 80-летию Б.А. Рыбакова. М.

Повесть временных лет, 1950. Т. I. М.; Л.

Повесть о Евфросинии Полоцкой, 1860 // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г. Кушелевым-Безбородкою. Вып. IV. СПб.

Раппопорт П.А., 1980. Полоцкое зодчество XII в. // СА. № 3.

Раппопорт П.А., 1985. Строительные артели древней Руси и их заказчики // СА. № 4.

Раппопорт П.А., 1987. Церковь Благовещения в Витебске // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1985. М.

Раппопорт П.А., 1993. Древнерусская архитектура. СПб.
Раппопорт П.А., Штендер Г.М., 1988. Спасская церковь Евфросиниевского монастыря в Полоцке // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. М.
Сапунов А.П., 1886. Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. Витебск.
Сапунов А.П., 1888. Житие Евфросинии Полоцкой. Витебск.
Селицкий А.А., 1992. Живопись Полоцкой земли XI–XII вв. Минск.
Сементовский А.М., 1867. Памятники старины Витебской губернии. СПб.
Сементовский А.М., 1890. Белорусские древности. СПб.
Сергий, иеромонах, 1864. Жизнеописание преподобной Евфросинии полоцкой, княжны // Памятная книжка Витебской губернии на 1864 г. Витебск.
Степенная книга, 1908 // ПСРЛ. Т. XXI. СПб.
Тарасенко В.Р., 1957. Древний Минск // Матер. по археологии БССР. Минск.
Татищев В.Н., 1963. История Российская. Т. 2. М.; Л.
Трусов О.А., 1988. Памятники монументального зодчества Белоруссии. Минск.
Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли. Минск.
Gwagninus A., 1611. Kronika ziemie ruskiej, w której, się zamyka wszystkich miast, zamków, pravincej do należacych. Kraków.

Институт археологии РАН,
Москва

L.V. ALEXEEV

THE PRE-MONGOL ARCHITECTURE IN THE LAND OF POLOTSK (from the historical point of view)

Summary

The author analyses 12 buildings of Polotsk principality. All of them were investigated by the archaeological excavations very well but they were not studied from the point of veiw of the historical process. In the 11th cent. the land of Polotsk became independent from Kiev. It opened the way to the fewdal disunity as well as to the interpretation of the Byzantine architecture that began appearing in the Rus. In the time of Vseslav (1044–1101) an artel from Byzantium built St. Sophia's cathedral in Polotsk in 1062–1066. At the beginning of the 12th cent. his sons who had got the independent appanages began the building of the burial-vault in Polotsk in their yards and in their monasteries. Gleb of Minsk was the only one who built the temple in Minsk with the help of the west-european builders (beginning of the 12th cent.). The other brothers built the temples using the achievements of the masters who had built the church of Our Saviour on Berestov in Kiev (the turn of the 11th-12th cent.). Its large height was very popular in Polotsk. According to the author the sons of Vseslav built the following temples: the church of Our Lady in Minsk (Gleb) – fig. 1,4; the church of the Assumption in Beltchitsky monastery in Polotsk (David-?) – fig. 1,5; the church of St. George, the bishops' burial-vault (George) – fig. 1,6; the church of Sts. Boris and Gleb (Boris-?) – fig. 1,7. In 1120–1146 the building of temples stopped in the land of Polotsk. It continued only in the time of Vseslav's grandsons in the 2nd half of the 1140s. The Byzantine artel built the church of the Annunciation in Vitebsk. Ioann, a master from Polotsk began to build very high temples in the 1140s. He reached the peak of his art in the temple of Our Saviour in the monastery of St. Ephrosinja. Nevertheless in the second half of the 11th cent. the masters of Polotsk returned to the three-vestibuled temples.

С.З. ЧЕРНОВ

СЕЛЬСКИЕ МОНАСТЫРИ XIV–XV ВВ. НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ МОСКОВСКОГО КНЯЖЕСТВА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Интерес к монастырям как одной из категорий археологических памятников раннемосковского времени обусловлен их ролью в церковной, общественно-политической и культурной жизни Московского княжества. Уклад жизни монастырей, основанный на уставе, имел значительную специфику. Во многом благодаря этому в монастырях сложились строительные, хозяйственные и бытовые традиции, несколько отличные от традиций, сформировавшихся у сельского и городского населения. Связи и взаимодействие этих ветвей православной культуры XIV–XV вв. исследованы далеко не равномерно. Влияние монастырских традиций изучено достаточно полно. Значительно меньше нам известно о влиянии традиций и благочестивых обычаев мирян на те формы, в которые отливалась жизнь монастыря.

Изучение памятников архитектуры и живописи, прикладного искусства и книжности, связанных с монастырями, позволило более отчетливо представить особенности собственно монастырской культуры, причем оказалось, что ряд выводов, сделанных на основе письменных источников, требует пересмотра. Таким образом, есть основания предполагать, что привлечение археологических данных и присущих археологии способов видения материала способствовало бы более полному осмыслению монастыря как феномена раннемосковской культуры.

В настоящее время городские монастыри Москвы уже стали предметом специального археологического исследования (Беляев Л.А., 1994). Что же касается сельских монастырей, то их систематическое изучение фактически еще не начато. Между тем они отнюдь не являются периферийным явлением раннемосковской культуры. Напротив, все, что нам известно о развитии монастырского движения и монастырской колонизации, охватившей в XIV–XV вв. пространства от верховьев Оки до Белозерья, свидетельствует о том, что широкое распространение сельских монастырей (в отличие от домонгольской традиции, характеризовавшейся преобладанием городских и пригородных монастырей) было присуще Руси XIV–XV вв. и Великому Московскому княжеству в особенности.

Со времен В.О. Ключевского историки справедливо связывают развитие монастырского движения с деятельностью Сергия Радонежского и его учеников, основавших десятки обителей. В то же время масштабность самого движения заставляет предполагать, что оно явилось не только выражением определенной школы "монашеского делания", но и традицией православной культуры, которая может быть описана хотя бы в некоторых своих характеристиках. В этом плане данные археологии, при всей их фрагментарности, могут быть незаменимы. Будучи независимыми от свидетельств письменных источников, они не связаны с осмыслением монастырского движения его современниками и потомками. Кроме того, они дают возможность в концентрированном виде фиксировать традиции материальной культуры, что помогает рассмотреть это явление в его наименее изученном диапазоне.

Методика и предлагаемый подход. Некоторые элементы археологического описания присутствовали в церковно-топографических исследованиях XIX – начала XX в., посвященных конкретным монастырям (Толстой М.В., 1860, с. 45–50). Что касается

© С.З. Чернов, 1996 г.

собственно археологического изучения ранних негородских монастырей, то оно находится на начальной стадии. В ходе археологических исследований, ведущихся на территории крупных общежительных монастырей XVI–XVII вв. (Троице-Сергиев, Иосифо-Волоколамский, Пафнутиев-Боровский, Ферапонтов) ранние слои затрагиваются весьма редко, что обусловлено их неудовлетворительной сохранностью. Сказывается и то обстоятельство, что в большинстве случаев раскопки ведутся в целях фиксации реставрируемых памятников архитектуры (Беляев Л.А., 1991; 1995; Зайцев А.А., 1993; Чернов С.З., 1989).

Во многом подобное положение обусловлено тем, что исследователи придерживаются традиционного представления о монастыре прежде всего как об архитектурном ансамбле, сложившемся в XVI–XVIII вв. Между тем облик, который получили в этот период монастыри, обладавшие возможностью вести каменное строительство, имел мало общего с обителями предшествующей эпохи, выстроенными исключительно из дерева. Новый облик монастырей соответствовал их церковному и социально-экономическому статусу в рамках централизованного государства. Нередко он совершенно не совпадал со статусом, которым обладал монастырь в первые века своего существования. Так, например, Троице-Сергиев монастырь возник в 1342 г. как небольшая пустынь в пределах одной из волостей удела вдовствующей великой княгини. С 1370-х годов он становится общежительным монастырем, расположенным в уделе серпуховских князей, и лишь с середины XV в. превращается в богомолье великих московских князей.

Таким образом, для постановки систематического археологического исследования сельских монастырей XIV–XV вв. необходимо хотя бы в самом общем виде выделить их как самостоятельную категорию древностей. Лишь после этого станет возможным поиск эталонных памятников, установление археологических признаков и выделение основных типов сельских монастырей.

В настоящей работе на примере изучения конкретных памятников предлагаются некоторые подходы к исследованию сельских монастырей, а также излагаются его первые результаты. В основе этих подходов лежит стремление взглянуть на монастыри в контексте сельского расселения XIV в.

Работа является продолжением цикла статей, посвященных основным типам археологических памятников сельских территорий Московской Руси (Чернов С.З., 1991а; 1991б).

Задачи исследования. Статья написана по материалам, полученным при исследовании московских волостей Радонеж, Воря (1976–1993 гг.) и окологородного Пехорского стана (1990 г.) (рис. 1). В результате археологических работ на этих территориях была выявлена структура расселения второй половины XIII в., первой половины – середины XIV в; второй половины XIV в., первой половины – середины XV в. и второй половины XV–XVI в. Археологические данные, сопоставленные с письменными известиями, позволили установить (с большей или меньшей степенью вероятности) для каждого монастыря: дату или период, когда он был основан (по письменным известиям), топографическое положение и взаиморасположение его составных частей (храм, некрополь, жилая и хозяйственная застройка), а также подмонастырского поселения, период возникновения первоначального поселения, место монастыря в структуре расселения того времени, когда он был основан.

Оценка публикуемых материалов. Археологическая фиксация следов сельских монастырей XIV–XV вв. сопряжена с рядом трудностей, обусловленных состоянием этих памятников. Монастыри, на территории которых в XVI–XIX вв. велось интенсивное каменное строительство (Троице-Сергиев, Покровский Хотьков, Стефанов Махрищский), утратили значительную часть культурных отложений раннего времени. Обители, упраздненные в XVII–XVIII вв., сохраняются в виде кладбищ с примыкающими к ним селищами, которые подвергаются распашке (Троицы на Березнике, Спасский на Медвежьем озере). Отмеченные факторы ограничивают возможности археологических исследований.

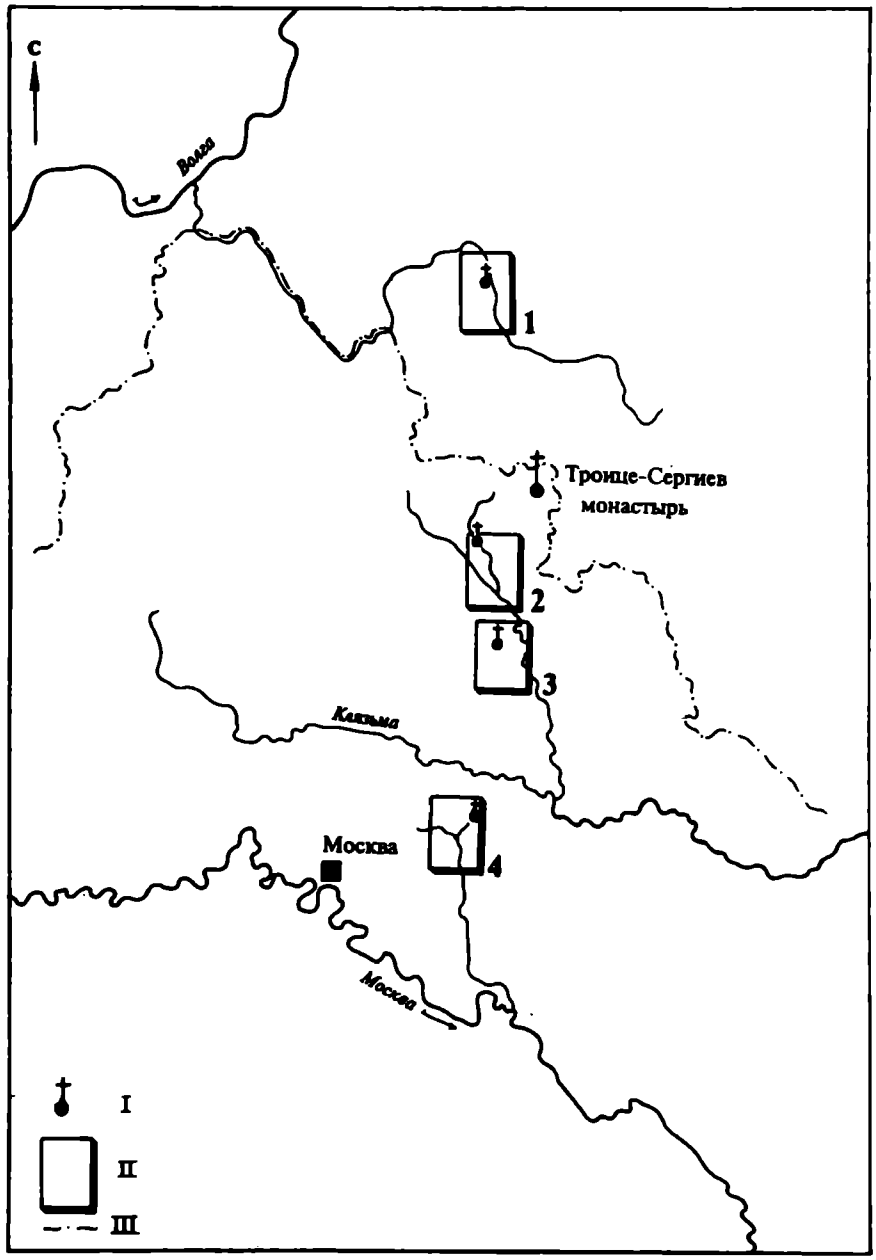


Рис. 1. Сельские монастыри на северо-востоке Московского княжества, изученные археологически. Схема расположения: *I* – монастыри; *II* – территории, прилегающие к монастырям (см. схемы на рис. 2, 5, 7, 9); *III* – граница Московского княжества; *1* – Успенский Дубенский Шавыкин монастырь; *2* – Покровский Хотьков монастырь; *3* – монастырь Святой Троицы на Березнике; *4* – монастырь Святого Спаса-Преображения на Медвежьем озере

В связи с этим встал вопрос об отыскании памятника, сохраняющего культурный слой в непереотложенном состоянии. После длительных поисков подобный памятник был найден. Им явился Успенский Дубенский Шавыкин монастырь, следы которого были обнаружены М.В. Толстым в 1859 г. на острове в долине р. Дубны, в 37 км к северу от Троице-Сергиевой лавры (рис. 1,*1*; 2, 3). В 1989–1990 гг. на нем были проведены стационарные исследования, материалы которых использованы в настоящей статье (Чернов С.З., 1993; 1995, с. 123–182).

Данные по остальным монастырям носят разведочный характер и дают самое общее представление об интересующем нас круге древностей. Думается, однако, что

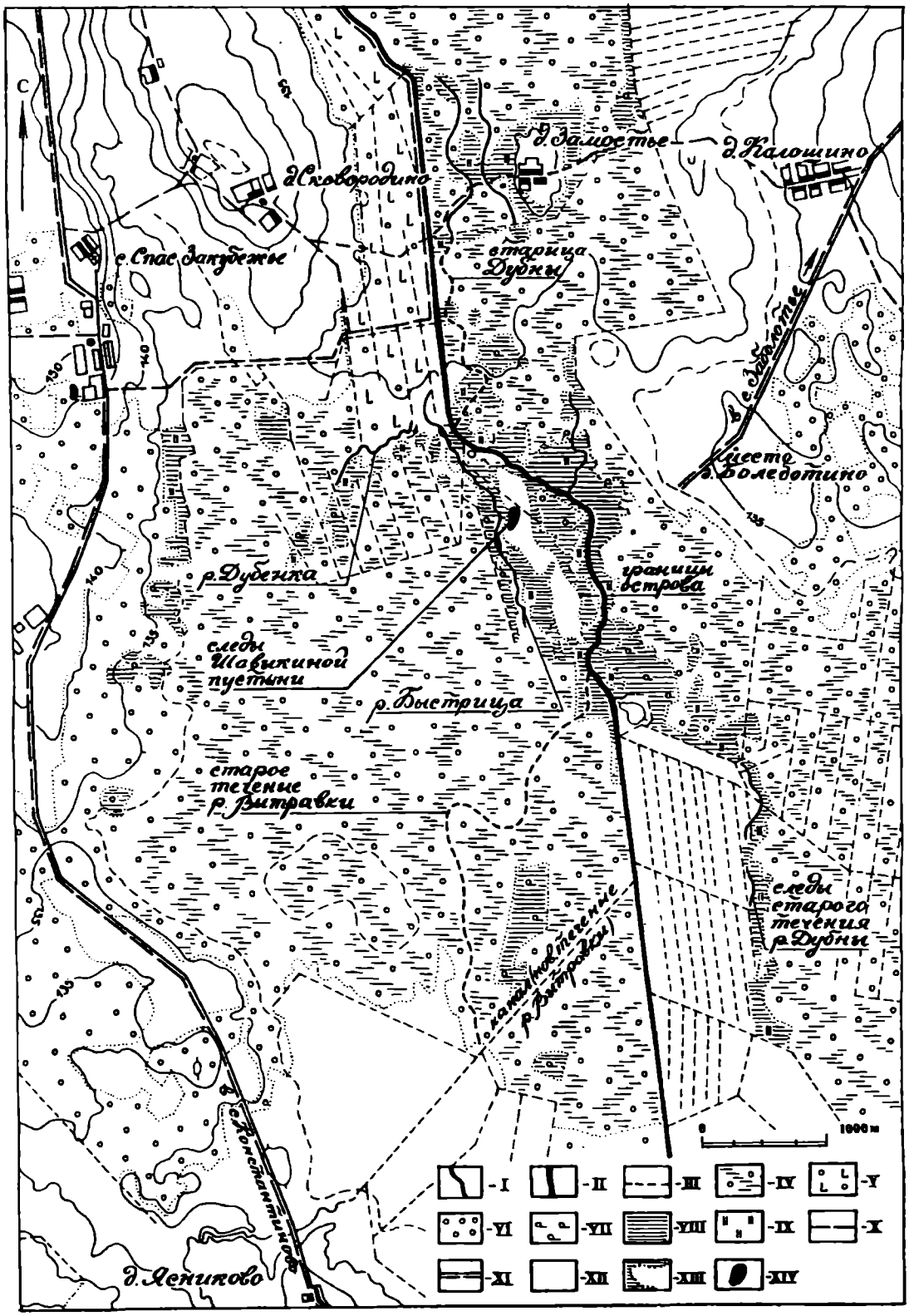


Рис. 2. Расположение Успенского Дубенского Шавыкина монастыря по карте, основанной на съемке 1977 г. *I* – реки и ручьи, русло которых не подвергалось изменениям; *II* – р. Дубна; *III* – мелиоративные канавы; *IV* – заболоченные леса; *V* – участки заболоченного леса, сведенные между 1972 и 1977 гг.; *VI* – леса на возвышенных участках; *VII* – мелколесье; *VIII* – открытые болота; *IX* – луга; *X* – дороги; *XI* – дороги шоссейные; *XII* – пашни; *XIII* – о-в Шевякино; *XIV* – следы монастыря

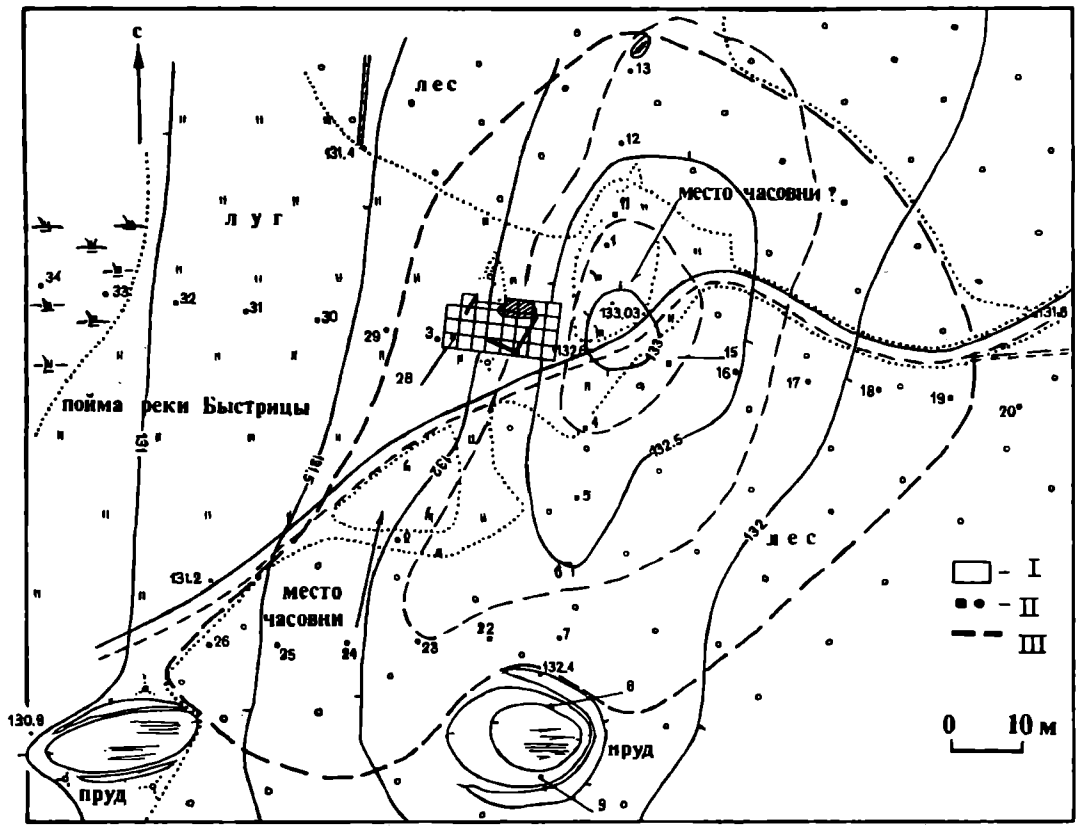


Рис. 3. План Успенского Дубенского Шавыкина монастыря: *I* – раскоп 1989–1990 гг. с показом сооружения 1 второй половины XIV в.; *II* – шурф и его номер; *III* – границы распространения культурного слоя

они заслуживают рассмотрения. Дело в том, что район Радонежа вместе с примыкающими к нему землями в пределах Московского княжества и Переяславского уезда являлся одним из тех мест, где зародилось монастырское движение. Поэтому даже те археологические материалы, которые удалось собрать, могут пролить некоторый свет на происхождение этого феномена. Кроме того, будучи собраны по определенной программе, они достаточно систематичны для того, чтобы ответить на вопросы, поставленные выше.

Покровский в Хотькове монастырь в волости Радонеж

Археологические данные. Монастырь (Чернов С.З., 1978, с. 2–4; 1980, с. 29–32; 1992а, с. 17, 18), расположен на высоком левом берегу р. Пажи и занимает мыс при впадении в эту реку ручья (рис. 4). Западный склон (к р. Паже) обрывистый, южный и восточный – пологие. На западе, юге и востоке граница монастыря, учитывая топографические условия местности, не могла претерпеть значительных изменений, а на севере она вряд ли отстояла далеко от Никольской церкви. Поэтому можно полагать, что площадь монастыря в XV–XVI вв. не превышала 10 тыс. м^2. Как показал осмотр траншей, культурный слой на территории монастыря в значительной степени переотложен в ходе позднейшего строительства. В 1984 г. при наблюдениях за строительными работами к востоку от Покровского собора была выявлена яма в материке. В ее заполнении найдены красноглиняная керамика, чернолощеный кувшин, железное ядро и цилиндрический замок типа Е, что позволяет датировать сооружение XVI в. (Вишневский В.И., 1986, с. 44).

Что касается *некрополя*, то каких-либо наземных его признаков не найдено. По воспоминаниям старожилов, следы погребений были обнаружены в 1902–1905 гг. во

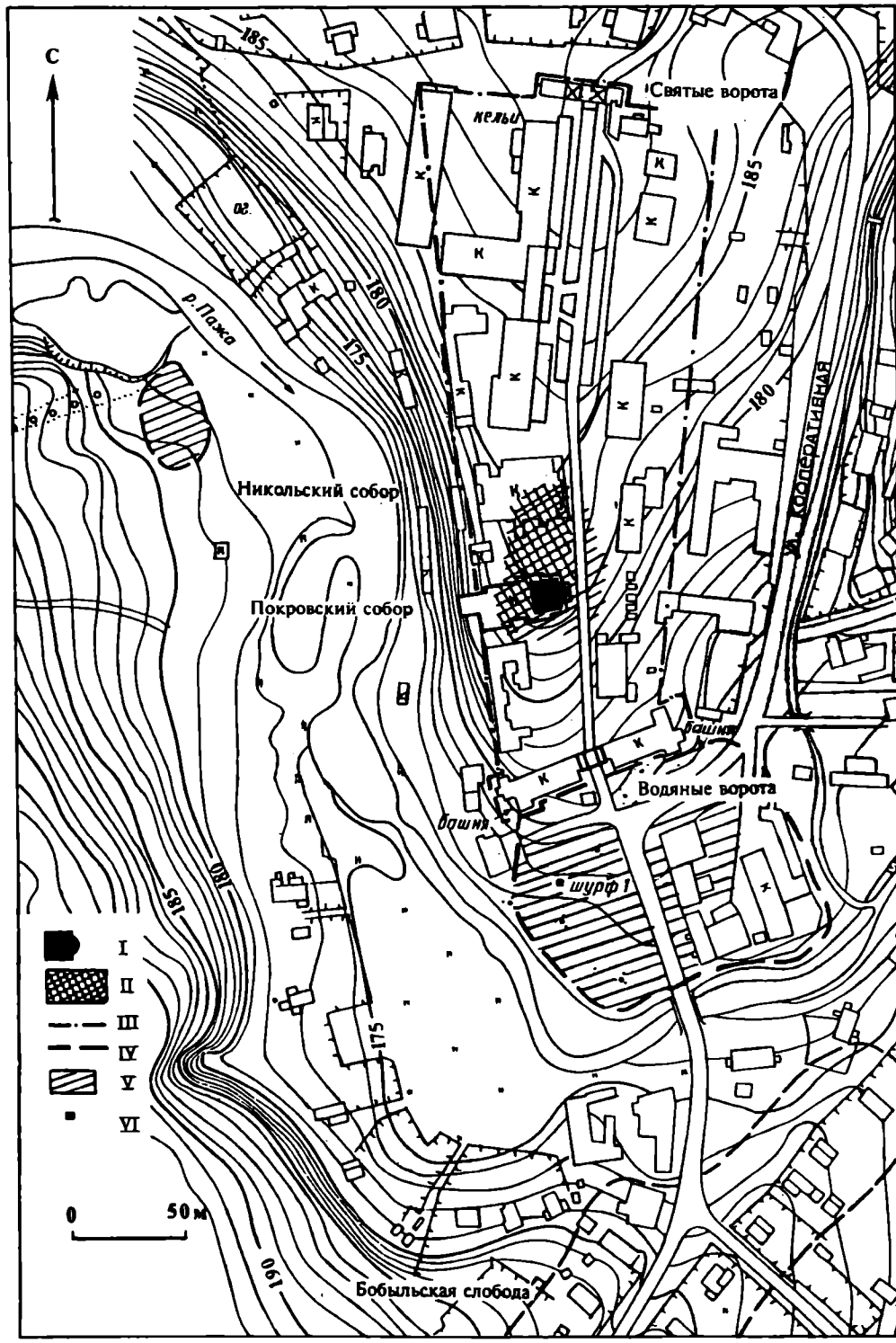


Рис. 4. План Покровского Хотькова монастыря. Составлен в 1980 г. на базе топосъемки 1:2000. *I* – место первоначальной Покровской церкви; *II* – предполагаемая территория некрополя; *III* – ограда монастыря в середине XVIII в.; *IV* – границы распространения культурного слоя; *V* – территории селищ; *VI* – шурф и его номер

время разборки Никольского собора 1768 г. Судя по планам середины XVIII в., рака св. Кирилла и Марьи, родителей Преп. Сергия, сохранялась под спудом в трапезной первоначального Покровского собора 1648 г. Храм, возведенный в 1811 г. на месте древнего собора, в 1989 г. был передан верующим и возобновлен. Мощи были обретены и хранятся в трапезной храма. Таким образом, наиболее перспективна для поиска древнего некрополя территория к западу (на месте трапезной), востоку и северу от Покровского собора.

Культурный слой раннего времени был обнаружен к югу от монастыря, на низкой террасе р. Пажи, между рекой, впадающим в нее ручьем и Водяными воротами. Площадь *селища* не превышает 10 тыс. м^2. Шурф 1 (1980 г.), заложенный в 33,7 м к юго-востоку от юго-западной башни монастыря, выявил переотложенный культурный слой мощностью 0,8 м, содержавший фрагменты серой (шестой вариант с косо-срезанным венчиком) и красноглиняной грубой посуды (четвертый вариант), а также более поздней белоглиняной грубой и красноглиняной гладкой керамики (Чернов С.З., 1980, с. 30, 31, 48, 49). Материал датируется второй половиной XIV – XVII вв.

Таким образом, в археологическом плане Хотьков монастырь включает собственно территорию обители с церквями Покрова Богородицы, Николая чудотворца и некрополем, и селище, расположенное у ее подножья, на берегу р. Пажи. Судя по датировке материала из шурфа 1, описанная структура сложилась не позднее второй половины XIV в.

Археологические исследования, осуществленные на территории древнего Радонежского княжества, позволили выделить хронологический пласт поселений первой половины XIV в. (рис. 5). Он отражает структуру расселения волости Радонеж, упоминаемой в духовной грамоте вел. кн. Ивана Калиты (1336 г.), и хронологически соответствует времени возникновения монастыря. Как свидетельствует карта, монастырь был основан в некотором удалении от района сельскохозяйственного освоения, в 4 км от него вверх по течению р. Пажи.

Письменные известия. Древнейшие известия о монастыре содержатся в начальной части пространной редакции "Жития Сергия Радонежского", сохранившей текст Епифания Премудрого (ок. 1418 г.) (Клосс Б.М., 1990, с. 276; Тихонравов Н.С., 1892). В нем сообщается, что через некоторое время после переселения из Ростова в Радонеж между 1332 и 1337 гг. (Кучкин В.А., 1992, с. 76), родители Варфоломея (Сергия Радонежского) постриглись "въ мнишеский чинъ, отидоша кыйждо ею въ своя времена в монастыря своя" (Житие..., 1885, с. 37). Позднее "в монастыри святыя Богородица у Покрова иже на Хотьков " постригается брат Варфоломея Стефан. Отсюда же братья около 1342 г. отправились на "взыскание мѣста пустыннаго" – будущего Троицкого монастыря (Житие..., 1885, с. 38).

Е.Е. Голубинский полагал, что Покровский монастырь был мужеско-женским (Голубинский Е.Е., 1909, с. 22, 231). Такое объяснение представляется вероятным, учитывая упоминание грамоты, 1506 г. о том, что в монастыре подвизалось 17 старцов и стариц (АРГ 1505–1526 гг., с. 24).

Около 1372–1374 гг. Радонеж вошел в удел кн. Владимира Андреевича и сохранялся за его родом до 1456 г. Письменные известия о монастыре за этот период немногочисленны. В одном из актов, сохранившемся в архиве Троице-Сергиева монастыря и датирующемся 1440–1450 гг. в качестве старца монастыря упоминается Нифонт Скобельцын (АСЭИ, 1952, т. 1, с. 164). Скобельцыны известны как служилые люди радонежских князей и землевладельцы в волостях Бели и Радонеж. Приведенное известие свидетельствует о связях монастыря с двором радонежских князей, которым принадлежали земли в районе монастыря.

Сам монастырь, видимо, также находился под патронатом радонежских князей. К этому выводу можно прийти на основании более поздних известий, из которых явствует, что после перехода в 1456 г. радонежских земель к московским государям монастырь Покрова в Хотькове оказывается ружным монастырем последних. Так, в 1506 г. Василий III жаловал священников, служивших "в Радонежском уезде у Покро-

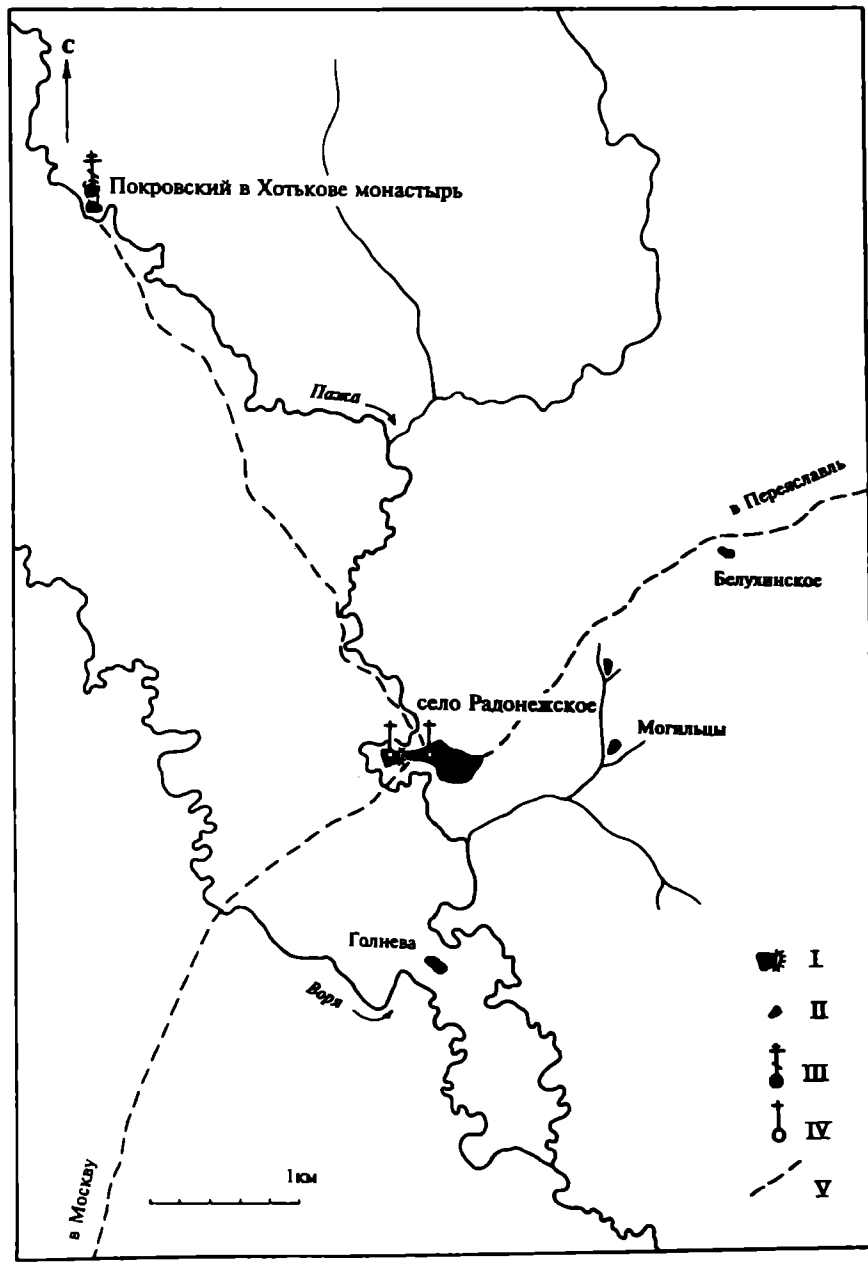


Рис. 5. Волость Радонеж в первой половине – середине XIV в. по данным письменных источников и археологических исследований. *I* – городище (укрепления второй половины XIV в.); *II* – селища; *III* – монастырь; *IV* – церкви; *V* – дороги

ва Пречистые в монастыре на Хотькове, где лежат Сергея чюдотворца родители", своей ругой (АРГ 1505–1526 гг., с. 24). В грамоте 1544 г. великий князь Иван IV именовал монастырь: "Мои дивич монастырец Покров Святей Богородицы" (АРГ 1534–1550 гг., № 146)[1]. В соответствии с этой грамотой монастырь был пожалован Троице-Сергиевому монастырю.

Писцовая книга 1593 г. упоминает в монастыре 4 двора священно- и церковнослужителей "да 28 келей, а въ нихъ 37 старицъ черноризицъ" (Писцовые книги..., 1872, с. 285), из чего видно, что размеры монастыря между 1506 и 1593 гг. удвоились. Более полно облик монастыря рисует писцовая книга 1622–1624 гг.: "Да живоначалные Троицы Сергиева Монастыря девич монастырь на Хотькове на речке на

[1] Благодарю сотрудников Центра истории России в средние века и раннее новое время Института российской истории РАН, любезно ознакомивших меня с рукописью издания.

Паже, а в нем храм во имя Покрова Святые Богородицы древян шатром вверх да теплая церковь Николай чюдотворец древян клецки... 38 келей, а в них живут старицы да во дворе поп, да во дворе дьячок, во дворе пономарь, да 4 кельи, а в них живут нищие" (РГАДА, кн. 685. л. 925 об.). После секуляризации вочин Троице-Сергиева монастыря (1764 г.) Покровский Хотьков монастырь вновь получил самостоятельность. Он оставался особножительным до 1840 г. (Голубинский Е.Е., 1909, с. 323; Голубцов С.А., 1991).

Святой Троицы на Березнике монастырь в Волости Воря.

Археологические данные. Следы монастыря обнаружены к югу от Радонежа, на берегу р. Талицы, в пределах волости Воря (рис. 6). Обследование (Чернов С.З., 1977, с. 18–20, 70–76) показало, что в 120 м к юго-востоку от д. Березники, на правом берегу р. Талицы, сохраняется кладбище (45 × 30 м), заросшее лиственным лесом и оконтуренное канавой прямоугольных очертаний (54 × 52 м). С востока оно примыкает к краю первой надпойменной террасы реки. В западной части кладбища местные жители указывают место деревянной часовни. *Часовня* была возведена на месте упраздненной в 1773 г. церкви, которая, судя по преданию, сохранившемуся в д. Чекмово (записано от А.С. Сморчкова, 1909 г. рождения), была перенесена в с. Введенское. На новом месте церковь освятили во имя праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Часовня же сохранила первоначальное посвящение Троице, о чем свидетельствует престольный праздник деревни.

На территории кладбища зафиксированы следы средневекового *некрополя*. В 24 м к востоку от западного угла кладбища и в 10 м к востоку от места часовни была расчищена белокаменная могильная плита (1,2 × 0,7 м), ориентированная по линии юго-запад – северо-восток. По контуру лицевой стороны плита украшена плетеным орнаментом. Орнамент оконтуривает надпись, выполненную вязью: Лѣта ЗРЛД г. // августа 9 д пре // ставlс раба бжlя // Евдокѣя Дѣмѣн // тиева до... Сысо // ева... // на". Надгробие датируется 9 августа 7134 (1626) г.

На распахиваемых участках поля, к югу и западу от кладбища, обнаружено *селище 1* (10 тыс. м^2), а за оврагом, на усадьбах пяти домов деревни – *селище 2* (7 тыс. м^2). В 13 м к югу от западного угла кладбища был заложен шурф (1,6 × 1,6 м). Он выявил серый культурный слой мощностью 0,2 м и две ямы-западины, углубленные на 0,2–0,3 м в материк и заполненные тем же слоем. Керамическая коллекция, собранная в ходе разборки слоя, включает курганную, серую, красноглиняную грубую и гладкую, а также белоглиняную грубую посуду. Курганная керамика представлена горшком четвертого варианта с кососрезанным венчиком и упором под крышку (78–524). Подобная форма встречена в комплексах из нижнего слоя Богоявленского монастыря (вторая четверть XIII в.), сруба 1 Исторического проезда (1248 г. – вторая половина XIII в.) и Лешково-2 (первая половина XIV в.) (Московская керамика..., 1991, табл. 23, № 62, 69; табл. 30, № 982; табл. 65, № 72а). Серая керамика довольно разнообразна. Горшок с кососрезанным венчиком (шестой вариант – 78–526) имеет аналогии в комплексах из срубов 1,6 Исторического проезда и Лешково-2 (Московская керамика..., 1991, табл. 32, № 733; табл. 49, № 2233; табл. 65, № 72). Венчик третьего варианта с валиком с внешней стороны (78–527) встречен в срубе 1 и яме 3 Исторического проезда (вторая половина XIII в.).

Красноглиняная грубая посуда представлена венчиками 78–521 и 78–525. Оба они украшены орнаментом в виде косой волны по шейке. Первый относится к раннему этапу производства этого типа керамики, о чем свидетельствует его профилировка, близкая серой керамике, и характер теста. Аналогии ему встречены в комплексах Лешково-2 и сооружении 1 Шавыкина монастыря (Московская керамика..., 1991, табл. 64, № 117; табл. 68, № 17). Венчик 78–525 имеет валик с внутренней стороны (второй вариант) и орнамент развитого вида, что позволяет отнести его ко второй половине XIV в. или несколько более позднему времени. В целом ранний этап жизни

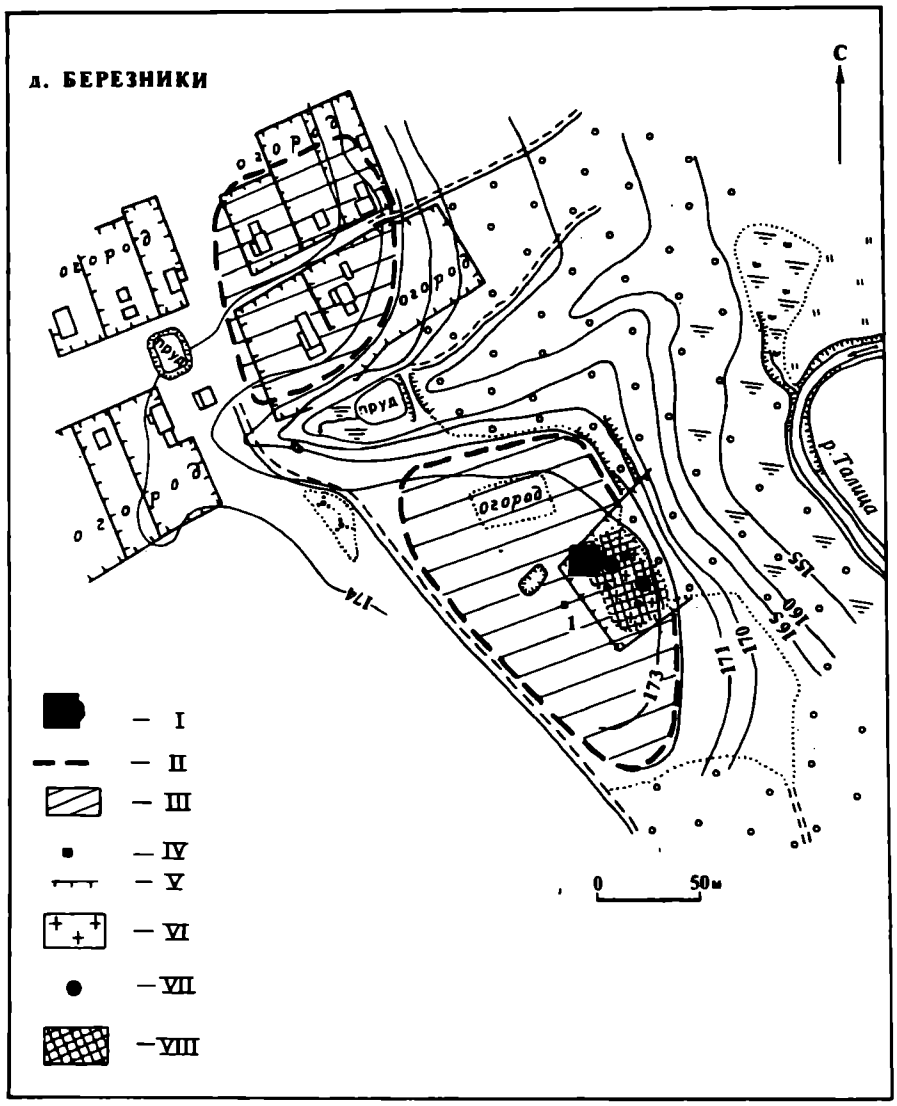


Рис. 6. План монастыря Святой Троицы на Березнике. Снят в 1977 г. *I* – место Троицкой церкви (на месте часовни); *II* – границы распространения культурного слоя; *III* – территория селища; *IV* – шурф и его номер; *V* – территория старого кладбища, оконтуренная рвом; *VI* – действующее кладбище; *VII* – могильная плита 1626 г.; *VIII* – предполагаемая территория некрополя

на селище можно датировать в пределах второй половины XIII – первой половины XIV в.

Таким образом, так же, как и в Покровском Хотькове монастыре, здесь фиксируется место храма и некрополь. Хозяйственной и жилой застройке монастыря, видимо, соответствует селище 1 или его часть. Отдельное поселение (селище 2) располагалось за оврагом. Весьма вероятно, что здесь размещались крестьянские дворы, упоминаемые в 1504 г. (см. ниже).

Место монастыря в структуре расселения района устанавливается на основании данных разведок, которые проводились здесь в 1976–1977 и 1992 гг. (рис. 7). Выявление пласта поселений первой половины – середины XIV в., соответствующего волости Воря, впервые упоминаемой в духовной грамоте Ивана Калиты (1336 г.), показывает, что, подобно Покровскому в Хотькове, монастырь Троицы на Березнике возник в некотором удалении от района, освоенного земледельческим населением. Он был основан выше по течению р. Талицы и в 2,5 км от центра волости.

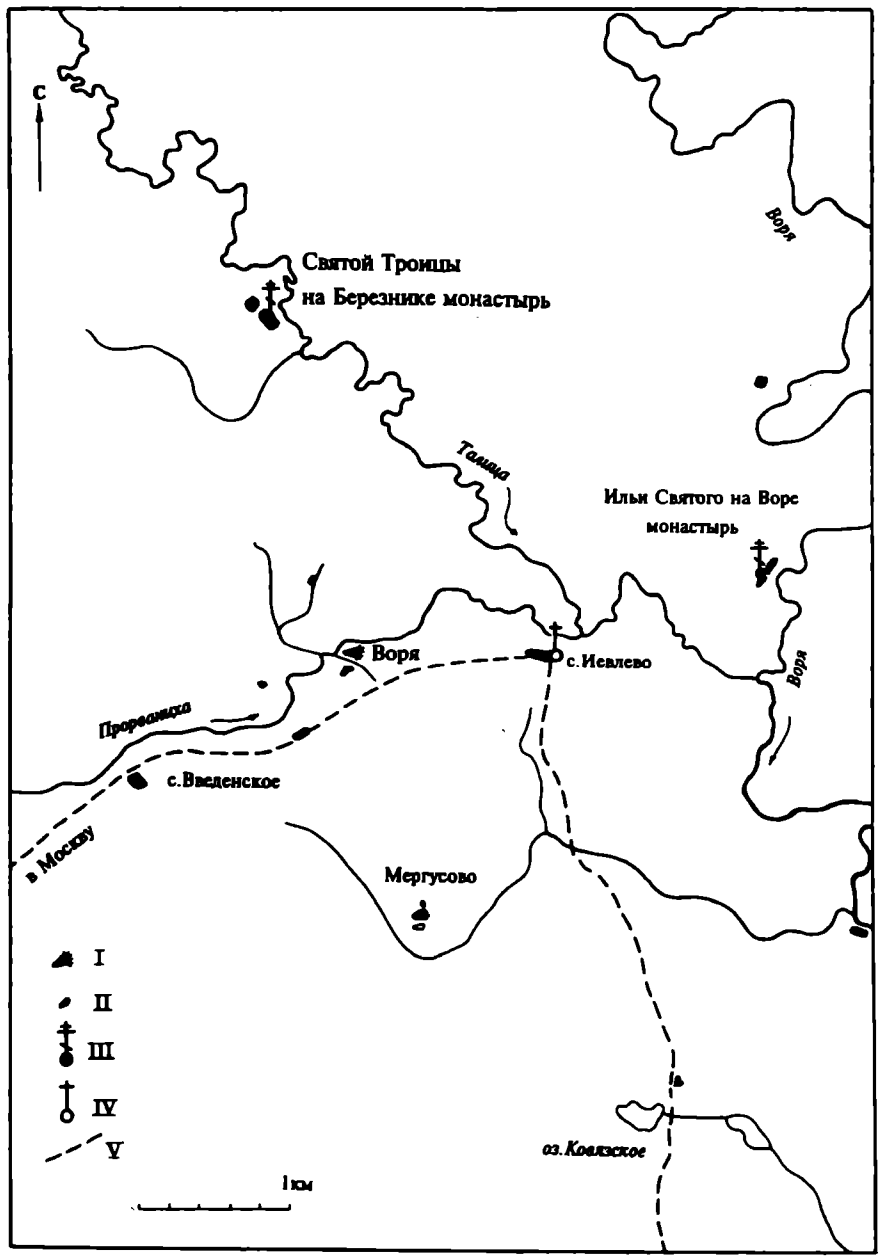


Рис. 7. Волость Воря в первой половине – середине XIV в. по данным письменных источников и археологических исследований. I – городище; II – селища; III – монастыри; IV – церковь; V – дороги

Письменные известия. Источники не сообщают об основании монастыря. Первое его упоминание содержится в данной грамоте, составленной не позднее 05.12.1437 г. Из нее следует, что "по благословению... старца Давида" его внук "Иван Данилов сын Данилович" передал в монастырь "Святой Троице на Березник игумену з братьею" д. Бородинскую "на Воре" (АСЭИ, 1952, т. 1, с. 104). Иван Данилов принадлежал к московскому боярскому роду Бяконтовых. Его деда, старца Давида, С.Б. Веселовский идентифицировал с боярином великих князей Ивана Красного и Дмитрия Ивановича Фофаном (Феофаном), который приходился братом митрополиту Алексею (Веселовский С.Б., 1969, с. 248; АСЭИ, 1952, т. 1, с. 601). Весьма вероятно, впрочем, что упоминаемый в грамоте "старец Давид" – сын Фофана Данила Феофанович, боярин вел. кн. Василия Дмитриевича, скончавшийся в 1392 г. (ПСРЛ, 1949, с. 279). Так или иначе, Бяконтовы были ктиторами этой небольшой обители в конце XIV – начале XV в.

Вплоть до конца третьей четверти XV в. монастырь был самостоятельным и имел вотчины. Около 1461–1471 гг. Протасий инок дал "Святой Троице" д. Бреховскую "на Талице" (АСЭИ, 1952, т. 1, с. 212). В 1471 г. кн. Юрий Васильевич Дмитровский, владевший волостью Воря, передал монастырь в ведение Троице-Сергиева монастыря (АСЭИ, 1952, т. 1, с. 293, 294). В описании владений Сергиева монастыря, составленном в 1503/1504 г., монастырь "Троица на Березниках" значится с двумя крестьянскими дворами (АСЭИ, 1952, т. 1, с. 570).

В "Выписи межевой" 1543/1544 г. на р. Талице упоминается "Троицкий погост" (ОР РГБ, кн. 624, л. 8), из чего можно заключить, что к этому времени монастырь прекратил свое существование. В писцовой книге 1586–1594 гг. находим следующее описание этого места: "слц. Березовецъ на рчк. на Талицѣ, а въ немъ церковь Троицы Живоначалные, древена, клѣтцки; а церковь поставленье и церковное строенIе монастырское" (т.е. Троице-Сергиева монастыря. – *С.Ч.*) (Писцовые книги..., 1872, с. 72). В 1622–1623 гг. в с. Березовец значится "церковь Живоначальной Троицы древянная клетцки" (РГАДА, кн. 685, л. 954). В 1646 г. Березники названы приселком, церковь отмечена деревянной; при ней располагалось два церковных и один бобыльский двор (РГАДА, кн. 9809. Л. 201).

В 1764 г. приселок Березники, обратившийся к тому времени в погост, и окружающие его земли отошли от Лавры. С этого времени начинается период, отмеченный упадком поселения. Генеральное межевание (1768 г.) застало его в качестве погоста. На плане 1784 г., основанном на данных 1768 г., показан собственно погост (церковь) и дворы причта, расположенные к югу от него (РГАДА, ф. 1356, д. 2189, № 349). В 1773 г. "состоящая в погосте Березниках деревянная церковь во имя Троицы" была "прочна". "При оной церкви с давних лет жительство имели одни священноцерковнослужители, а из приходских дворов при церкви" находилось "только 15 дворов", расположенных в удалении от приходского храма. "Вокруг нея (т.е. церкви – *С.Ч.*) все леса" (Скворцов Н.А., 1911, с. 211–213). Лишь к середине XIX в. к северу от погоста возникла существующая ныне д. Березники. Она показана на карте 1860 г. (ЦГВИА). По преданию, сообщенному местными жителями, крестьяне были переселены сюда "из Рузы" и расселены в 10 домах, которые сохранялись до начала XX в.

Монастырь Святого Спасо-Преображения на Медвежьем озере в Пехорской волости.

Археологические данные. Монастырь располагался к северо-востоку от Москвы, близ Стромынской дороги на Переяславль, на восточном берегу Большого Медвежьего озера, из которого берет начало р. Малашка, приток р. Пехорки. Следы монастыря выявлены на гряде, вытянутой с севера на юг и возвышающейся на 8 м над уровнем озера (рис. 8) (Чернов С.З., 1990а, с. 5–10). Вершина ее в настоящее время занята кладбищем. Старая его часть (48 × 62 м) оконтурена оградой, которая зафиксирована топосъемкой 1956 г. По сообщению уроженца д. Медвежьи озера В.А. Гуськова, 1926 г. рождения, возобновление кладбища на этом месте относится к 1937 г. – «а то считалось оно не православным – лежали плиты... На каждой могиле были. Могил около 20. Я почему помню – катались на лыжах. Говорили: "Съедешь со второй", "с первой плиты". Это было начало 30-х годов». В 1946 г., когда В.А. Гуськов вернулся с войны, "плиты еще лежали, но священники не могли надписи прочесть" (Чернов С.З., 1990, с. 6). Судя по этому сообщению, в начале 1930-х годов на некрополе сохранялось не менее десятка белокаменных надгробий, датирующихся временем не позднее XVII в. При обследовании 1990 г. они не были зафиксированы, что следует объяснить большим числом захоронений, произведенных после 1946 г.

Установить территорию *монастыря* пока не представляется возможным. Не исключено, что наряду с некрополем она включала и пространство к северу от него, на вершине возвышенности, занятой ныне кладбищем. Более вероятно, однако, что территория монастыря соответствует части селища. *Селище* выявлено на пашне к югу

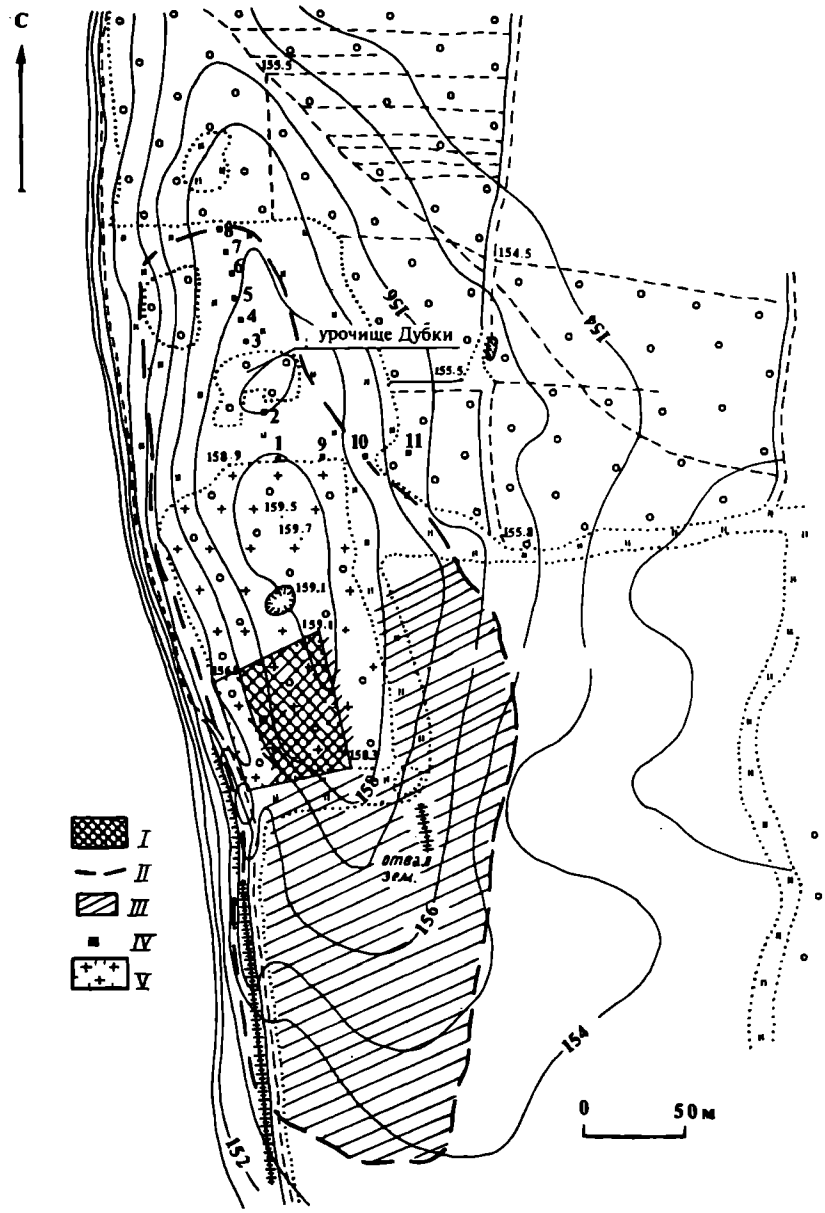


Рис. 8. План монастыря Святого Спасо-Преображения на Медвежьем озере. Снят в 1990 г. *I* – предполагаемая территория некрополя; *II* – границы распространения культурного слоя; *III* – территория селища; *IV* – шурф и его номер; *V* – действующее кладбище

от некрополя. Оно охватывает южный склон возвышенности и имеет площадь 23 тыс. м^2.

На памятнике собран подъемный материал (560 фрагментов), который может быть разделен на три хронологические группы. Наиболее ранняя группа (8,5% материала) представлена фрагментами курганной керамики с горизонтальным рифлением, серой, красноглиняной грубой и краснолощеной посудой. Серая керамика выделяется уверенно. Сосуды первого варианта со слабопрофилированным венчиком и расширением по краю (№ 12, 13) имеют аналогии среди керамики, встреченной в срубах 1 и 6 Исторического проезда, а также в срубе 2 Монетного двора (Московская керамика..., 1991, табл. 34, № 949; табл. 47, № 2304; табл. 54, № 4772), сосуд с воронкообразным венчиком (седьмой вариант) – в срубах 1 и 6 Исторического проезда (Московская керамика..., 1991, табл. 32, № 868, 583; табл. 57, № 3967). В целом этот материал может быть датирован второй половиной – концом XIII – серединой XIV в. Красно-

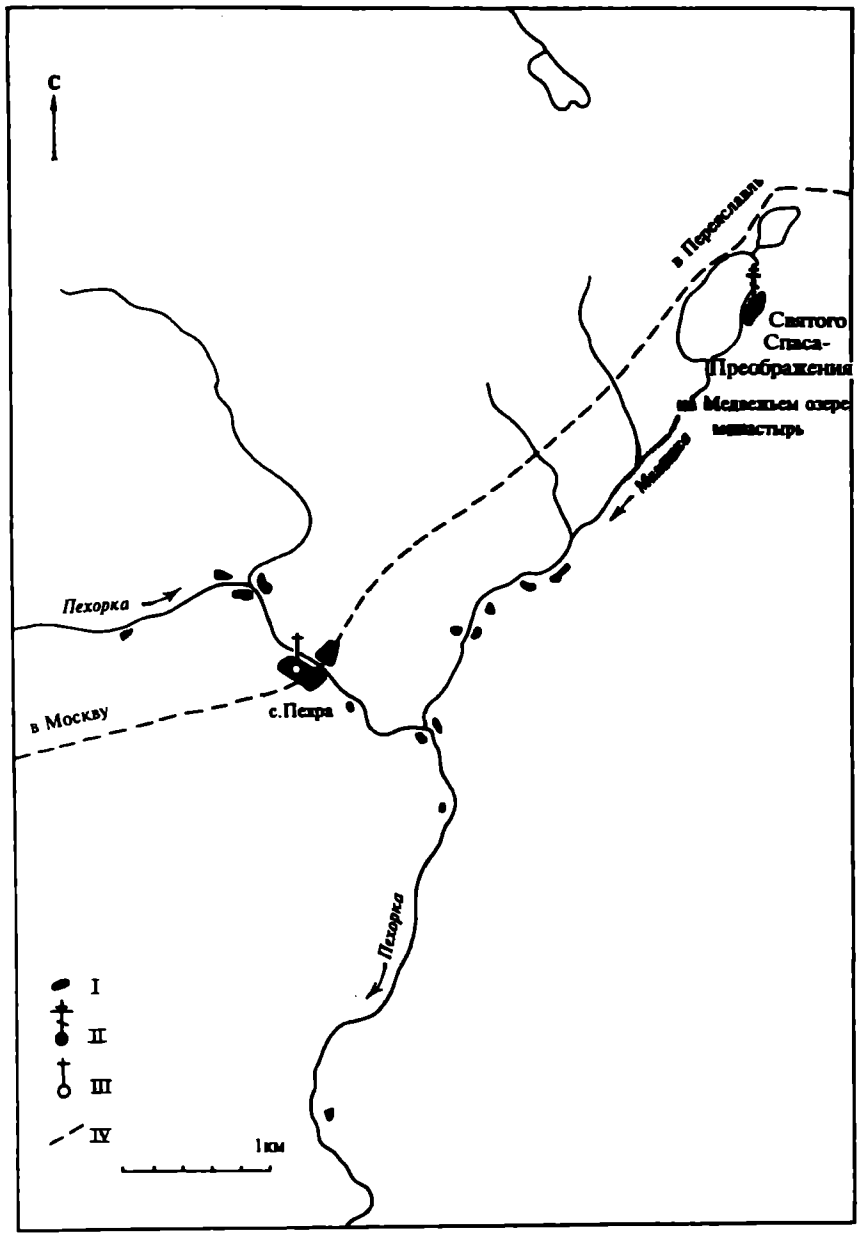


Рис. 9. Пехорская волость в первой половине – середине XIV в. по данным письменных источников и археологических исследований. *I* – селища; *II* – монастырь; *III* – церковь; *IV* – дороги

глиняная керамика представлена как ранними (№ 20) (Московская керамика..., 1991, табл. 67, № 783), так и классическими (№ 22 – второй вариант) формами, датируемыми серединой XIV – серединой XV в.

Следующая хронологическая группа керамики составляет основную часть (56%) материала. Она включает красноглиняную гладкую, белоглиняную грубую, а также мореную, чернолощеную и ангобированную столовую посуду. Датируется данная группа в пределах второй половины XV – конца XVI в. К XVII в. относится 34% материала, в том числе белоглиняная гладкая и чернолощеная.

По датировке поселение, открытое при Спасском монастыре, напоминает селище при монастыре Св. Троицы на Березнике. Оно возникло, судя по археологическим данным, не позднее конца XIII в.

Археологическое исследование структуры расселения Пехорского стана свидетельствует, что в первой половине – середине XIV в. зона хозяйственного освоения

охватывала нижнее течение р. Малашки в районе сел Пехра и Никольское (рис. 9). Поселение на Медвежьем озере, при котором возник монастырь, находилось в 2 км от этой зоны, вверх по р. Малашке. Лишь во второй половине XIV в. заселению подверглись окрестности Медвежьих озер.

Письменные известия. Древнейшее известие о монастыре содержится в меновной и жалованной грамоте вел. кн. Дмитрия Ивановича, датируемой временем около 1380–1382 гг. Документ дошел в составе правой грамоты 1465–1469 гг., в которой указано, что подлинная жалованная грамота "погорела в пожар Суздальский" (1445 г. – *С.Ч.*) (АСЭИ, 1958, т. 2, с. 338, 339, 377). Из жалованной грамоты следует, что великий князь отдал "Саве черньцу" взамен его с. Воскресенского Верх-Дубенского "монастырек-пустыньку, церковь святый Спас-Преображения, что поставил игумен Афонасей на моей земли у Медвежья озера на березе, и с озером и с Верхним и с Нижним, и з деревнями бортничьи" (АСЭИ, 1958, т. 2, с. 338). Итак, перед нами довольно редкий случай, когда известен период возникновения монастыря, его основатель и владельческая принадлежность территории.

Грамоты 1440–1490-х годов застают Спасский монастырь в составе вотчины Московского Симонова монастыря. Так, по купчей "попа симоновского" Иова 1445–1452 гг. "монастырец церковь Святый Спас у Медвежья озера на березе" был приобретен Иовом в пожизненное владение (АСЭИ, 1958, т. 2, с. 344). Между 1453 и 1462 гг. "поп Семен Галеченин симоновский купил" "себе до своего живота" "у архимандрита у Офонасия у симоновского и у ево старцев" "монастырек-церковь святый Спас у Медвежья озера не березе" с деревнями и пустошами (АСЭИ, 1958, т. 2, с. 349).

Из документов этого времени явствует, что на юге земли монастыря Святого Спаса граничили с великокняжескими домениальными владениями, которые несколько позднее составили основу Пехорского стана. В правой грамоте 1465–1469 гг. в качестве истцов по спорному земельному делу упоминаются "сотцкой Пехорской Юрьи Костянтинов Лычова, да десятцкой Сысойко, да десятцкой бортной Михалко, да Исачко кузнец Башлов", которые выступают от имени "всей волости Пехорской" (АСЭИ, 1958, т. 2, с. 377). Центром волости являлось с. Пехра.

В 1507 г. за Спасским монастырем числилось 13 деревень, из чего следует, что в конце XV – начале XVI в. его окрестности подверглись активному хозяйственному освоению (Ивина Л.И., 1979, с. 178). Запустел монастырь в XVII в. В 1760-е годы, когда в этом районе проводилось Генеральное межевание, восточный берег Большого Медвежьего озера, где ранее располагалась обитель, был свободен от каких-либо строений (РГАДА, ф. 1356. Д. 2189). Поле показано на этом месте и на карте середины XIX в. (Топографическая карта..., 1852).

Археологическая интерпретация. Проведенное исследование показывает, что археологически сельские монастыри, возникшие на северо-востоке Московского княжества в XIV – первой половине XV в., предстают в виде трех типов памятников.

Первый тип – следы монастыря-пустыни – представлен Успенским Дубенским Шавыкиным монастырем. Для него характерно наличие комплекса археологических объектов, присущих монастырю как таковому: храм, некрополь (видимо существовал, но раскопками не затронут) и культурные отложения, фиксирующие жилую и хозяйственную застройку обители. Площадь этого комплекса составляет 7 тыс. м^2, но слой XV в. распространен лишь на площади в 5 тыс. м^2. Топография и ландшафтная приуроченность монастыря-пустыни не типичны для обычных сельских поселений: он расположен в местности, удаленной от хозяйственно освоенных районов и не приспособленной для земледелия.

Второй тип – следы монастыря с примыкающим к нему поселением – представлен Покровским Хотьковым, Троицким на Березнике и Спасским на Медвежьем озере монастырями, которые демонстрируют определенное единообразие. Здесь также фиксируются храм, некрополь, жилая и хозяйственная застройка. Некрополи выделяются на всех памятниках, зона хозяйственной и жилой застройки – лишь в Хотькове.

Площадь этого монастыря не превышает 10 тыс. м^2, что примерно соответствует цифре, полученной для Шавыкина монастыря.

Характерной чертой этого типа памятников является наличие крупного селища. С его учетом общая площадь памятника составляет 18–28 тыс. м^2, что в 2–3 раза превышает площадь монастыря первого типа. В ряде случаев селище или его часть выделяется топографически. Так, Хотьков монастырь занимает мыс коренного берега, а селище – низменный берег к югу от него. Спасский монастырь на Медвежьем озере расположен на возвышенности, а селище – на склоне к югу от него. Монастырь Троицы на Березнике дает более сложную картину, но и тут топографическая выделенность селища 2 не вызывает сомнения.

Данные наблюдения заставляют предполагать, что селища отражают не только застройку монастыря, но и подмонастырное поселение. Наличие такого поселения при Троицком на Березнике монастыре фиксируется в источнике 1504 г. Площадь их колеблется незначительно: не более 10 (Хотьково), 7 или более (Березники), не менее 13 (Медвежье озеро) тыс. м^2.

Сопоставление археологической даты памятника и даты появления монастыря, почерпнутой из письменных источников, дает следующую картину. На Медвежьем озере поселение возникло не позднее конца XIII в., а монастырь – между 1360 и 1382 гг. На Березниках поселение появилось не позднее конца XIII в., дата возникновения монастыря не установлена (не позднее 1390-х годов). В Хотькове поселение возникло не позднее второй половины XIV в., а монастырь уже существовал между 1332 (или 1337) и 1342 гг.

Таким образом поселения возникают ранее монастыря (Медвежье озеро) или почти одновременно с ним (Хотьково). Характер этих поселений на ранней стадии их развития может быть прояснен лишь после проведения на их территории раскопок.

Монастыри второго типа возникли в местности, пригодной для ведения сельского хозяйства. В структуре расселения волости, фиксируемой археологически для первой половины – середины XIV в., они занимали периферийное положение. Монастыри располагались в двух – трех километрах от зоны активного сельскохозяйственного освоения, вдали от больших дорог и тяготели к верховьям рек, низовья которых к тому времени были освоены (рис. 5, 7, 9). Отмеченная особенность устойчиво повторяется, что позволяет видеть в этом закономерность.

Сравнение памятников первого и второго типов свидетельствует о том, что между ними нет непроходимой грани. Шавыкин монастырь, подобно монастырям второго типа, расположен на периферии Закубежской волости, выше ее по течению р. Дубны.

Выделение монастырей с селищем в качестве типа археологических памятников дает возможность говорить о существовании определенной традиции устройства сельских монастырей, которая обусловила появление этого типа. Сложение данной традиции может быть отнесено к первой половине – середине XIV в. Во второй половине XIV – XV в. в связи с активным освоением территории структура расселения претерпевает изменения и отмеченная закономерность уже не прослеживается.

Третий тип – следы монастыря в селе – центре волости – в настоящей работе не рассматривается. Примером его может послужить Колоцкий монастырь, основанный в можайской волости Колочь в 1413 г. (Чернов С.З., 1992б; ПСРЛ, 1949, с. 241).

Историческая интерпретация. Для понимания отмеченной традиции устройства сельских монастырей немаловажно установить, с каким социальным и культурным кругом она была связана. Письменные свидетельства содержат ряд данных, проливающих свет на интересующий нас вопрос. Как самостоятельные образования рассмотренные выше обители сходят с исторической сцены уже во второй половине XV в. Спасский монастырь на Медвежьем озере перешел под патронат Симонова монастыря до 1440-х годов, хотя и сохранял до 1460-х годов определенную автономию в составе Симоновской вотчины. Монастырь Троицы на Березнике был приписан к Троице-Сергиеву монастырю в 1471 г., а к 1543/1544 г. перестал существовать. Дольше всего – до 1544 г. – сохранял самостоятельность Покровский Хотьков монастырь.

В первой половине XV в., в период своей самостоятельности, эти обители являлись особножительными и обладали небольшими вотчинами, которые обеспечивали их хозяйственную устойчивость. Вкладчиками их являлись служилые люди удельных князей (Скобельцыны) и местные вотчинники (Бяконтовы).

В качестве верховных сюзеренов монастырей выступали удельные и великие князья. Об этом свидетельствует тот факт, что именно князья передают их Троице-Сергиевому монастырю (грамоты кн. Юрия Васильевича Дмитровского 1471 г. и Ивана IV 1544 г.). Роль князя в устройстве одного из монастырей видна из жалованной грамоты вел. кн. Дмитрия Ивановича, по которой на основе ранее существовавшей пу́стыни и значительного земельного участка с бортными деревнями и озерами создавался новый монастырь.

Эпоха появления интересующих нас обителей – вторая четверть – середина XIV в. – слабо отражена в письменных источниках. Относительно монастыря на Медвежьем озере известно, что он был основан неким игуменом Афанасием как "монастырек-пустынька" на земле великого князя между 1360 и 1382 гг. Весьма вероятно, что подобным же образом возник и монастырь Покрова в Хотькове. В 1330-е годы он явился местом пострижения родителей Преп. Сергия Кирилла и Марьи, которые незадолго до этого переселились в волость Радонеж, находившуюся в юрисдикции великого московского князя.

"Житие Сергия Радонежского" доносит до нас живые подробности, отражающие характер обители в этот период. Приведем описание пострижения родителей Преп. Сергия: "Постригостася въ мнишеский чинъ, отидоша кыйждо ею въ своя времена в монастыря своя. И мало поживша лѣт въ черньчествѣ преставистася от житиа сего, отидоста къ богу, а сына своего, блаженнаго уношу Варфоломѣя, по вся дни многыми благословении благословяху и до послѣдняго издыханиа. Блаженый же уноша проводивъ до гроба родителя своя, и пѣвъ над ними надгробныя пѣсни, и скутав телеса ею, и цѣловавъ, съ многою честию и предав гробу, и покрывъ землею съ слъзами аки нѣкое съкровище многоцѣнное. И съ слъзами почте и отца и матерь умръша понахидами же и святыми литургиами, украси память родителю своею и молитвами, и милостынями къ убогым, и нищекръмиемь. И пребысть до 40 дней сице творя память родителема своима" (Житие..., 1885, с. 37).

По прошествии некоторого времени у старшего брата Варфоломея – Стефана скончалась жена, "родивши два сына: Климента да и Иоанна, иже тот Иоаннъ послѣди бысть Феодоръ Симоновский. Стефанъ же не по мнозѣ оставль миръ и бысть мних в монастыри святыя богородица у Покрова иже на Хотьковѣ" (Житие..., 1885, с. 38).

Приведенные описания рисуют нам тип монастыря, являвшегося местом уединенной подвижнической жизни, а также прибежищем старости, местом упокоения и поминания для жителей "села Радонѣжьского" (ДДГ, 1950, с. 9) и его округи.

Таким образом, письменные свидетельства указывают на то, что интересующая нас традиция устройства монастырей может быть с наибольшей степенью вероятности связана с социальным и культурным кругом московских великокняжеских волостей первой половины – середины XIV в.

Историко-этнографическая интепретация. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы недостаточны для того, чтобы рассмотреть вопрос о месте данной традиции в православной культуре сельского населения XIV – XVI вв. Однако затронуть эту тему необходимо, поскольку вне данного контекста интересующее нас явление вряд ли может быть уяснено.

Практика стихийного создания пустыней, многие из которых лишь по прошествии определенного времени санкционировались церковными властями, была широко распространена в Московской Руси.

На Стоглавом соборе (1551 г.), решения которого шли в русле общего движения по унификации церковной жизни, эта практика получила осуждение. В 85-й главе "Стоглава" ("О затворницех и о пустынницех") говорилось: "Нѣцыи же поустыни по лѣсом созидають и ц(е)ркви поставляют". Подобные действия трактовались как "бесчинiе"

("самѣ неискоусны соуще как могоут иныхъ д(у)ховни пользовати"). Впрочем, к осуждению здесь примешивался и некоторый пиетет, в чем, возможно, сказалось прежнее отношение церковных властей к данной практике ("аще ли б(о)жѢимъ произволенѢем и по откровению с(вя)т(а)го д(у)ха или ц(а)рскою властѢю") (Царския вопросы..., 1890, с. 365, 366; Емченко Е.Б., 1994, с. 115).

Собор определил "отн(ы)не и впред(ь) поустыни да созидаются и с (вя)тыя ц(е)ркви да поставляются по бл(а)гословенію своего еп(и)ск(о)па". Было предписано "мѣлкѢи пустыни сносити в одну поустыню, в которой чинъ по б(о)зѣ совершается и впред(ь) бы им мощно прожити, или в монастыри в старые во общие переместити их как им мощно жити... а тѣ ц(е)ркви поустынные переносити в монастыри и на погосты и оустроити какъ вмѣстимо слоужбе быти или предѣлы тѣх ц(е)рквеи имя оучинити по разсоуженѢю" (Царския вопросы..., 1890, с. 366).

Тем не менее обычай создания несанкционированных церковными властями пустынножительств в измененном виде продолжал существовать и позднее как элемент традиционной культуры сельского населения XVIII – XIX вв. Речь идет о хорошо известном по этнографической литературе благочестивом обычае **келейничества**, дававшем возможность встать на путь аскезы, не будучи в монастыре. В случае, если сын или дочь, не вступившие в брак, выражали желание отойти от мирской жизни и жить отдельно от семьи, родственники (благотворитель, община) возводили им келью. Намерение стать келейником или келейницей обыкновенно встречало благожелательное отношение у жителей селения, поскольку у последних тем самым являлась возможность более глубокого приобщения к церковной жизни (Громыко М.М., 1986, с. 103; Громыко М.М. и др., 1993, с. 65).

Весьма вероятно, что обычай келейничества можно рассматривать в качестве завершающей стадии в той эволюции, которую прошло пустынножительство как элемент православной культуры сельского населения. Во второй половине XIV – XV в., получив санкцию церковных властей, оно способствовало расцвету монастырского движения. Утратив эту санкцию, в XVII – XIX вв. пустынножительство замыкается в рамках отдельного селения или сельской общины. Материалы, рассмотренные в настоящей работе, дают возможность обозначить некоторые черты этого явления на раннем этапе его развития.

Каждая из изложенных интерпретаций имеет весьма ограниченные объяснительные возможности. Археологические материалы позволяют говорить не более чем об элементе культурной традиции, исторические источники фиксируют главным образом юридический статус монастырей, а этнографические параллели показывают лишь по какой модели может строиться объяснение.

Тем не менее интерпретации во многом совпадают и даже дополняют друг друга. Это позволяет заключить, что прослеженная археологически традиция устройства сельских монастырей сложилась не без влияния традиций и благочестивых обычаев населения московских волостей первой половины – середины XIV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АРГ: Акты Русского государства 1505–1526 гг., 1975. М.

АРГ: Акты Русского государства 1534–1550 гг. (Институт российской истории. Рукопись).

АСЭИ: Акты социально-экономической истории, 1952. Т. 1. М.; Л.

АСЭИ: Акты социально-экономической истории, 1958. Т. 2. М.; Л.

Беляев Л.А., 1991. Материалы к археологии Ферапонтова монастыря // Ферапонтовский сборник. Вып. 3. М.

Беляев Л.А., 1994. Древнейшие монастыри Москвы конца XIII – начала XV в. по данным археологии. М.

Беляев Л.А., 1995. Спасский "на Усть-Угры" монастырь в XVI в. (Археология, история, архитектура) // Реставрация и архитектурная археология. Вып. 2. М.

Веселовский С.Б., 1969. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М.

Вишневский В.И., 1986. Разведки Загорского музея // АО-1984. М.

Голубинский Е.Е., 1909. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М.

Голубцов С.А., 1991. Хотьков монастырь // Московский журнал. № 6.

Громыко М.М., 1986. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.

Громыко М.М., Кузнецов С.В., Буганов А.В., 1993. Православие в русской народной культуре: направление исследований // Этнографическое обозрение. № 6.

ДДГ: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв., 1950. М.; Л.

Емченко Е.Б., 1994. Издания Стоглава и задачи научной публикации памятника // Археографический ежегодник за 1992 год. М.

Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия-чудотворца и похвальное ему слово / Сообщил арх. Леонид, 1885 // Памятники древней письменности и искусства. Т. 58. СПб.

Зайцев А.А., 1993. Археологические исследования Свято-Пафнутьев-Боровского монастыря. Предварительные итоги (1961–1991 гг.) // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга.

Ивина Л.И., 1979. Крупная феодальная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV – первой половины XVI в. Л.

Клосс Б.М., 1990. Жития Сергия и Никона Радонежских в русской письменности XV – XVII в. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. Вып. 3. Ч. 2. М.

Кучкин В.А., 1992. Сергий Радонежский // ВИ. № 10.

Московская керамика: Новые данные по хронологии, 1991. М.

ОР РГБ: Выпись межевая подмонастырного дворца вотчины с писцовых и межевых книг Р.Д. Дашкова, Ф.Г. Адашева и Т. Михайлова сына Дубровина 1542/1543 // ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 624.

ПСРЛ: Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ, 1949. Т. XXV. М.: Л.

Писцовые книги Московского государства / Ред. Н.В. Калачев, 1872. Ч. 1. Отд. 1. СПб.

РГАДА: План Богородского уезда Московской губ. 1784 г. // РГАДА. Ф. 1356. Д. 2189.

РГАДА: Список переписной книги Московского уезда И.И. Долгорукого 1646 г. // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9809.

РГАДА: Список писцовой книги Московского уезда Л.А. Кологривова и Д. Скирина 1622–1624 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 685.

Скворцов Н.А., 1911. Архив Московского Св. Синода Конторы. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. Вып. 1. М.

Тихонравов Н.С., 1892. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. Отд. 1. М.

Толстой М.В., 1860. Несколько слов об Успенском Дубенском монастыре // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 1. Отд. 1.

Топографическая карта окрестностей Москвы, 1852. / Военно-топогр. депо // Музей истории Москвы. Картографический отдел. М.

Царския вопросы и соборныя ответы о многоразличных церковных чинех (Стоглав), / Сост. Н. Субботин, 1890. М.

ЦГВИА: Топографическая карта Московской губернии 1860 г. // ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 21387. Ряд III. Л. 7.

Чернов С.З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р–1. № 6695.

Чернов С.З., 1978. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1978 г. Ч. 5 // Архив ИА РАН. Р–1. № 6989.

Чернов С.З., 1980. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1980 г. Ч. 2 // Архив ИА РАН. Р–1. № 8060.

Чернов С.З., 1989. Отчет Московской археологической экспедиции. Ч. VII. Исследования на территории Троице-Сергиевой лавры // Архив ИА РАН. Р–1.

Чернов С.З., 1990а. Отчет Московской археологической экспедиции за 1990 г. Т. IV. Ч. 1 // Архив ИА РАН. Р–1. № 15195.

Чернов С.З., 1990б. Отчет Московской археологической экспедиции за 1990 г. Т. IV. Ч. 2 // Архив ИА РАН. Р–1. № 15196.

Чернов С.З., 1991а. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1.

Чернов С.З., 1991б. Сельские некрополи XIV – XVI вв. на Северо-Востоке Московского княжества // Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана. М.

Чернов С.З., 1992а. Отчет Московской археологической экспедиции об археологических разведках в Сергиев-Посадском районе в 1992 г. Ч. 2. // Архив ИА РАН. Р–1.

Чернов С.З., 1992б. Отчет об археологическом обследовании Колоцкого монастыря в Можайском районе Московской обл. в 1992 г. Ч. 3. // Архив ИА РАН. Р–1.

Чернов С.З., 1993. Из двухсотлетнего забвения // Наука в России. № 3/4.

Чернов С.З., 1995. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь в свете археологических данных // Культура средневековой Москвы XIV – XVII вв. М.

Институт археологии РАН,
Москва

S.Z. TCHERNOV

RURAL MONASTERIES OF THE 14TH–15TH CENTURIES IN THE NORTH-EAST OF MOSCOW PRINCIPALITY ACCORDING TO THE ARCHEOLOGICAL DATA

Summary

The author summarizes the data got in 1976–1993 during the archaeological investigations of the rural monasteries that exsisted in the north-east of Moscow principality in the 14th–15th cent. (the monastery of Intercession in Khotkovo, the monastery of St. Trinity on Bereznik, the monastery of Our Saviour on Medvezhje Lake). The investigations deal with the role the monasteries played in the structure of settling in the 14th cent. The author suggests the archaeological typology of the rural monasteries: a pustyn, a small monastery in a distant place, a monastery with a nearby settlement, a monastery in the centre of volost, a small rural district. He also analyses one of the types, the monastery with a nearby settlement. The author draws a conclusion that it was a certain tradition in the location of the rural monasteries (its position according to a centre of volost and etc.) that exsisted in the 14th cent. The author connects it with a social and cultural circle of the great prince's volosts. The author also discusses the problem of how the devout customs of the population influenced the type of the monastic movement of Moscow Rus in its earliest times.

Публикации

Д.Я. ТЕЛЕГИН

ПОСУЛЬСКАЯ ГРУППА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

Если посмотреть на карту позднепалеолитических местонахождений Восточной Европы, то можно заметить, что они сосредотачиваются здесь обычно большими группами – кустами. Отдельные из них, как, например, Костенковско-Боршевский на Верхнем Дону, Пушкаревский на Десне, Надпорожский на Нижнем Днепре включают по 15–20 пунктов, а некоторые же (Днестровский) – более 100 (Береговая Н.А., 1960). За последние годы благодаря работам в зоне размыва Кременчугского водохранилища на Днепре нам удалось открыть еще один новый, довольно мощный куст палеолитических местонахождений в устье р. Сулы, насчитывающий 20 пунктов. До наших работ в этом районе палеолитические материалы практически не были известны (Борисковский П.И., 1953). Некоторое исключение в этом отношении составляют лишь находки кремня (около 10 экз.) из с. Верхняя Буромка, опубликованные И.Г. Шовкоплясом. Типологически эти изделия весьма невыразительны. П.П. Ефименко сравнивает их с аморфной индустрией Киик-Кобы в Крыму и считает Верхнюю Буромку наиболее северным пунктом ашельского типа стоянок (Шовкопляс И.Г., 1956). Здесь же собрано значительное количество костей ископаемых животных, принадлежащих, по определению И.Г. Пидоплички, мамонту, шерстистому носорогу, зубру, дикой лошади и гигантскому оленю.

Нами первые находки палеолитического кремня в устье р. Сулы были сделаны в 1981 г. Изделия из кремня тогда были собраны около сел Шуваловка и Пронозовка Глобинского р-на Полтавской обл. После этого в поиск палеолита включились также местные краеведы А.Б. Порубай из Кременчуга, В.Е. Баранов и В.Л. Тараненко из Градижска. В 1983–1986 гг. ими был обследован значительный участок побережья водохранилища, где обнаружено более десяти новых местонахождений, в том числе вблизи сел Липовое, Святиловка, Мозолеевка, Васьковка, Кагамлык, Градижск и Максимовка Глобинского р-на (рис. 1). На большинстве этих пунктов собрано значительное количество изделий из кремня. В 1987 г. все эти пункты, расположенные на левом берегу устья р. Сулы, были обследованы автором, где собран дополнительный материал. Нами, кроме того, около с. Пронозовка обнаружены неизвестные ранее выходы моренного кремня. Летом 1989 г. поиски палеолита нами были продолжены и на правом берегу устья р. Сулы, где найдены отдельные экземпляры кремневых орудий: небольшое рубильце у с. Клищенцы, нуклеус и отщепы у с. Жовнино и др.

Все древние стоянки расположены в устье р. Сулы и на Днепре, где теперь идет интенсивный размыв коренного берега, сложенного лессовидными суглинками и глинами. Местами здесь уже возникли обнажения высотой до 10–12 м. Все находки палеолита первоначально залегали в отложениях суглинков. Точно зафиксировать уровень культурного слоя на многих стоянках, к сожалению, пока не удалось. Только на стоянке Шушваловка (пункт 1) отмечено, что кремни залегали в суглинке на глубине ~3 м.

© Д.Я. Телегин, 1996 г.

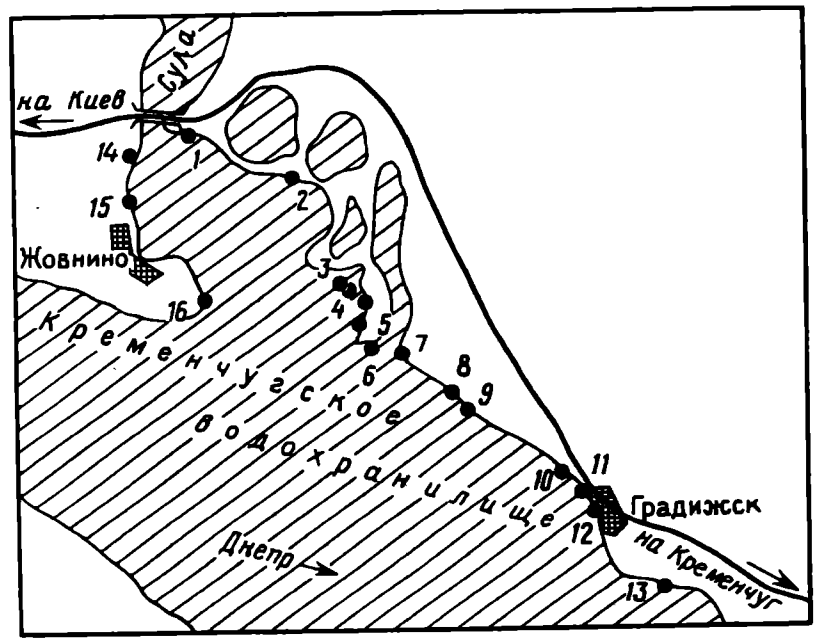


Рис. 1. Карта палеолитических стоянок в устье р. Сулы. *1* – Липовое; *2* – Святиловка; *3–6* – Шушваловка; *7* – Мозолеевка; *8, 9* – Пронозовка; *10* – Васьковка 1, 2; *11* – Кагамлык; *12* – Градижск; *13* – Максимовка; *14* – Верхняя Буромка; *15* – Клищенцы; *16* – Жовнино

По топографическим условиям все стоянки относятся к уровню первой лессовой террасы Днепра, 10–12 м над естественным уровнем Днепро-Сульской поймы.

О характере геологических наслоений в устье р. Сулы и Днепра в этом районе дает представление зафиксированный нами разрез около с. Пронозовки, где отмечены выходы моренного кремня. Разрез включает следующие слои.

1. Гумус – толщина до 1 м.
2. Лессовидный суглинок – ~4,5 м.
3. Глина желто-бурого цвета, очень твердая – 1,5 м.
4. Прослойка глины темно-бурого цвета – 0,5 м.
5. Красно-желтая глина – начинается на глубине 7,5–8 м.

В глине слоя 5 отмечено залегание кремневых желваков диаметром 8–10 см с валунами камня поперечником до 0,3 м. Весьма вероятно, что в данном случае мы имеем дело с выходом морены днепровского оледенения. Крупные кремневые желваки в размыве берега Днепра, которые, видимо, имеют также моренное происхождение, отмечены нами в 1989 г. и около с. Васютинцы, вблизи устья р. Сулы.

Качество моренного кремня около Пронозовки и Васютинец разное, цветность тоже: от темных до светлых тонов. В отдельных случаях характер этого кремня близок к материалам из описанных ниже стоянок. Необходимо отметить, что выходы кремневого сырья в Поднепровье встречаются очень редко, в связи с чем можно предположить, что именно наличие его запасов в устье р. Сулы и было причиной сосредоточения здесь целого куста позднепалеолитических стоянок.

Состав орудий труда и техника их изготовления позволяют говорить об определенной неоднородности материалов разных местонахождений как в хронологическом, так, вероятно, и в культурном плане. Подавляющее большинство этих коллекций относится к позднепалеолитическому времени, но выделяется также и несколько раннемезолитических местонахождений. Да и позднепалеолитические стоянки в хронологическом плане тоже не были едины. Среди них некоторые, несомненно, следует датировать очень ранней порой верхнего палеолита, а часть – поздней (табл. 1).

Таблица 1

Периодизация памятников позднего палеолита в устье р. Сулы

Периоды, время		Памятники
Мезолит		Васьковка 1
Верхний палеолит	Позднее время	Липовое Шушваловка 1, 4, 5, Мозолеевка, Святиловка Кагамлык
	Раннее время	Васьковка 2, Градижск – Гардашивка

Памятники ранней поры позднего палеолита (Васьковка 2, Градижск – Гардашивка) отличаются явной архаичностью техники обработки кремня.

Кратко остановимся на их рассмотрении.

С. Васьковка. Против села, вдоль линии размыва отмечены два пункта находок палеолитического кремня. Расположены они на расстоянии 800 м один от другого.

На пункте 2 обнаружено сравнительно небольшое количество находок, но они чрезвычайно своеобразны. Среди них – два скребка больших размеров, один концевой на массивной длинной пластине (рис. 2, *3*), второй с ретушью по краю, тоже на пластинчатой заготовке. Есть несколько крупных пластин, в том числе одна с боковой ретушью (рис. 2, *1, 2*). Своеобразие коллекций заключается, однако, в наличии здесь изделий с двусторонней обработкой, в том числе крупного наконечника копья остроовальной формы (рис. 2, *6*) и оригинального изделия, очевидно, режущего орудия – ножа трапециевидной формы (рис. 2, *7*), а также двух остроконечников. Один из них обработан двусторонне грубой оббивкой (рис. 2, *5*), второй ретуширован с одной стороны (рис. 2, *4*). Коллекция кремня этого пункта относится, очевидно, к самой ранней поре позднего палеолита.

Пгт Градижск. Здесь в размыве берега Кременчугского водохранилища отмечено несколько пунктов с материалами палеолитического времени. Наиболее выразительная коллекция кремня собрана в урочище Гардашивка. Она включает более 20 весьма оригинальных изделий. Они изготовлены из высококачественного мелового кремня, покрыты молочно-белой патиной. Нуклеусов два: один двуплощадочный, кососрезанный с обоих концов, односторонний (рис. 3, *7*); второй невыразительной формы – для отцепов. Пластин семь экз., одна большая, широкая, остальные меньших размеров, более правильно ограненные. Среди последних одна имеет краевую ретушь. Из крупной массивной пластины был изготовлен нож с двусторонней обработкой (рис. 3, *5*). Скребков – шесть, разной формы: три концевых на толстых грубых пластинах (рис. 3, *8*), два скребка с "мордочкой" (рис. 3, *10, 11*), изготовлены из больших широких пластинчатых отщепов; один скребок высокой формы (рис. 3, *12*). Две вещи – диск и нож (рис. 3, *6, 9*) – изготовлены в технике двустороннего ретуширования.

Как видно из приведенного описания, материалы Васьковки 2 и Градижска в урочище Гардашивка составляют отдельную типологическую группу местонахождений в устье р. Сулы. Орудия этой группы относительно крупных размеров, пластин мало и они неправильной конфигурации, а главное, здесь присутствуют орудия типа остроконечников (рис. 2, *4, 5*), а также изделия с двусторонней обработкой – наконечник копья (рис. 2, *6*), режущие орудия удлиненной и трапециевидной формы (рис. 2, *7*; 3, *6*) и диски, или бифасы (рис. 3, *9*). Техника скалывания пластин здесь однако, подпризматическая. Присутствуют скребки концевые на крупных пластинах или округлые, в том числе несколько с "мордочкой" (рис. 3, *10, 11*). Среди изделий с двусторонней обработкой из Васьковки 2, конечно, оригинальным является трапециевидное изделие (рис. 2, *7*), прямой аналогии которому найти нам не удается.

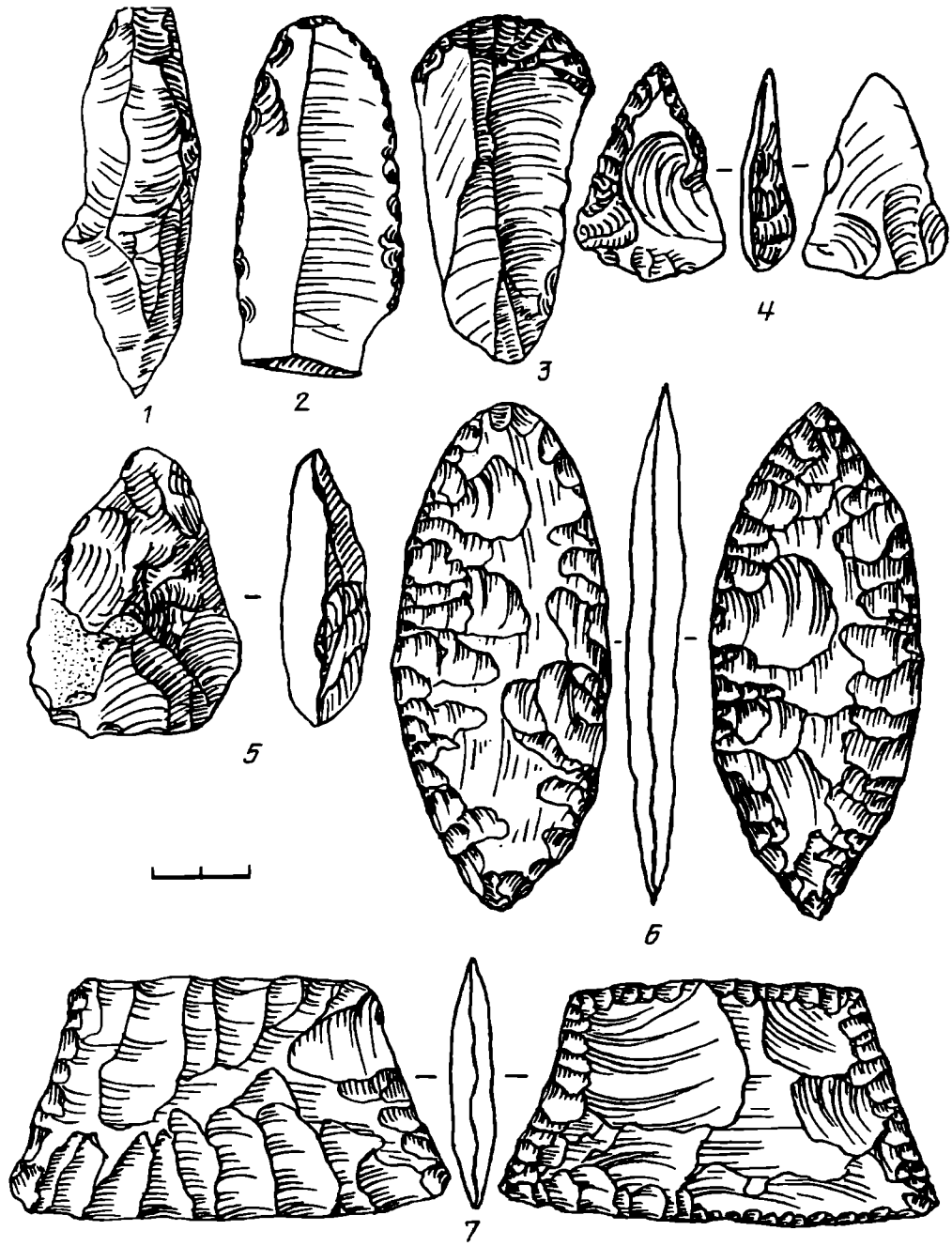


Рис. 2. Орудия из Васьковки 2

К материалам из Васьковки 2 и Градижска типологически видимо близко стоят находки из Кагамлыка, хотя двустороннеобработанные орудия в коллекции отсутствуют. Здесь около узвоза в затоке Кременчугского водохранилища вдоль обнажения высотой 7 м собрано ~30 кремней палеолитического вида. Кремень серого цвета или рогового в просвете. Нуклеус – один, небольших размеров, прямоплощадочный (рис. 3, *1*). Пластины (20 экз.) преимущественно мелкие, плохо ограненные (рис. 3, *3*). Из орудий имеется концевой скребок, изготовленный из массивной широкой пластины (рис. 3, *2*). Против села, в размыве, в 800 м от описанных выше находок, найден оригинальный двойной скребок на массивной пластине; он покрыт бело-голубой патиной (рис. 3, *4*).

К этой же группе местонахождений с архаичным палеолитическим кремнем следует относить и некоторые отдельные находки кремневых изделий в устье р. Сулы, напри-

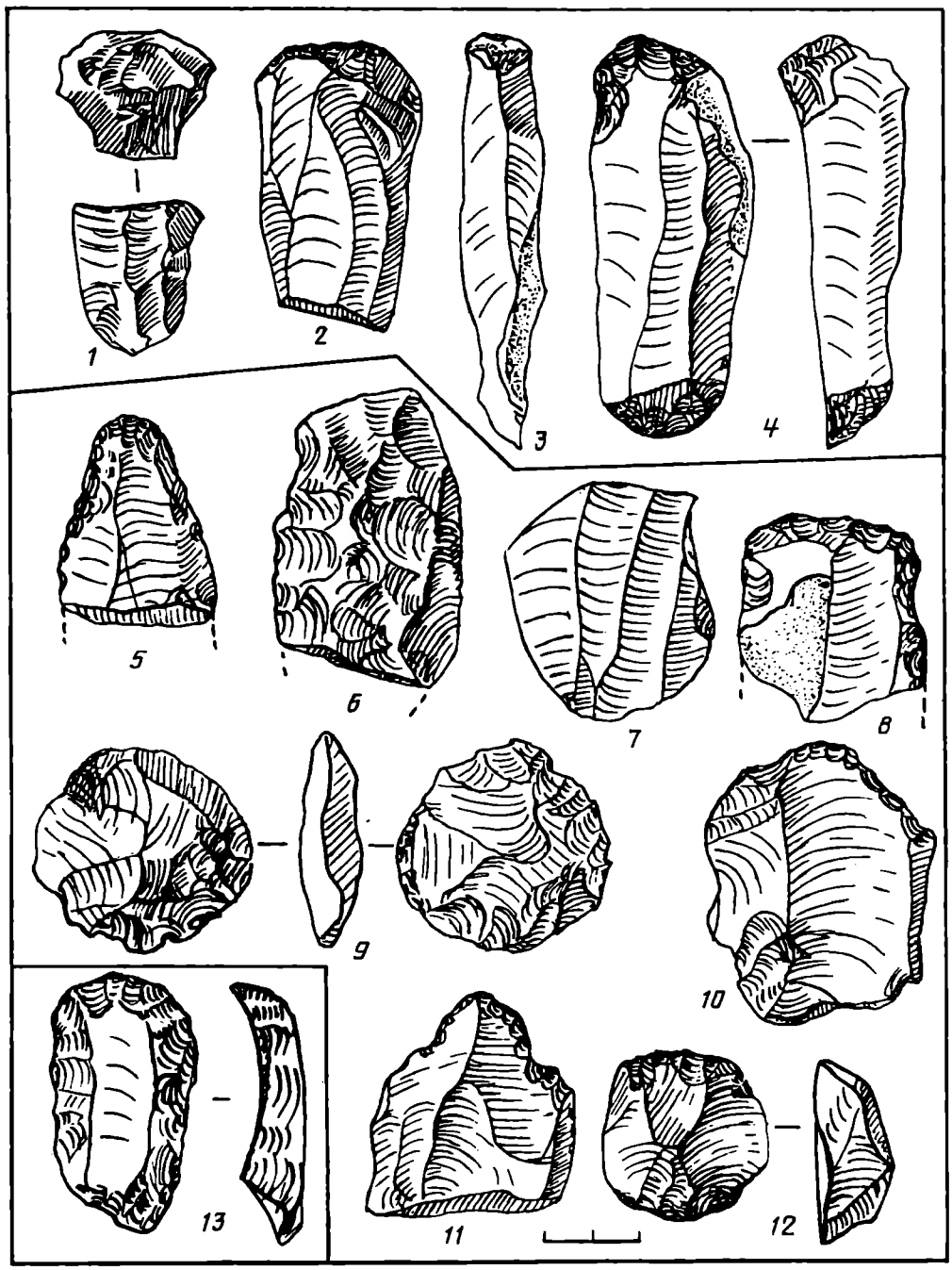


Рис. 3. Кремневые изделия из стоянок Кагамлык (*1–4*), Градижск (*5–12*) и Максимовки (*13*)

мер маленький остроконечник-рубильце из с. Клищенец (рис. 4) и скребок из Максимовки (рис. 3, *13*).

Орудия типа Васьковки 2 из устья р. Сулы, особенно в части наличия здесь остроконечников и рубилец, во многом напоминают материалы Украины, которые относятся исследователями к позднеашельскому и мустьерскому времени. Это, например, стоянки Орел, Федоровка 2, Вильнянка 5 в Надпорожье, Антоновка в Приазовье (Археология Украинской ССР, 1985, рис. 12, *2*, *13*; 13, *1*, *2*; Смирнов С.В., 1973, рис. 16) и др.

Исходя из этих данных, можно говорить о принадлежности материалов из устья р. Сулы к наиболее ранним фазам позднего палеолита, где сохранились зримые реликты культуры более древних эпох.

По технике изготовления орудий и их типологии материалы типа Васьковки 2 и

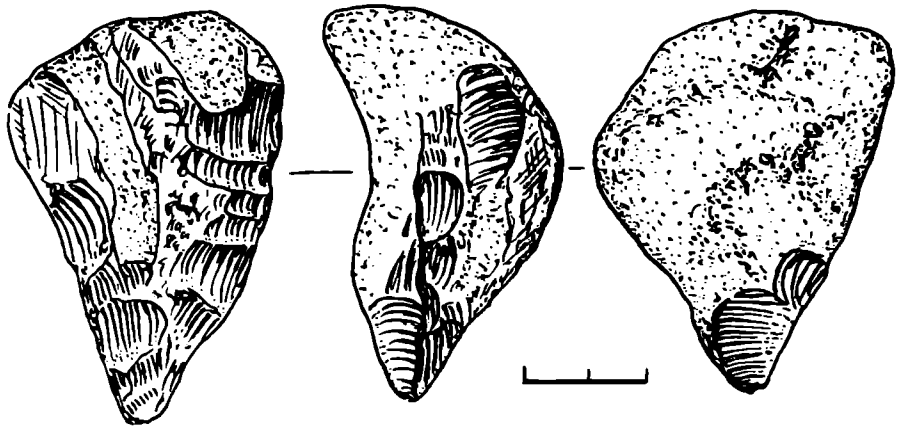


Рис. 4. Кремневое рубильце из размыва правого берега Сулы у с. Клищенцы

Гардашивки, видимо, близко стоят к изделиям костенковско-стрелецкой культуры на Дону, для которых характерны орудия с двусторонней обработкой. Датируются последние в пределах 40–24 тыс. лет (Палеолит СССР, 1984, с. 80–82), что видимо, имеет прямое отношение и к определению находок типа Васьковка 2 в устье р. Сулы.

От описанных местонахождений васьковской группы по составу орудий и технике изготовления заметно отличаются материалы иных палеолитических пунктов района – Шушваловки, Святиловки, Липового и Мозолеевки и др.

С. Шушваловка. Вдоль села и за его пределами в размыве берега отмечено три пункта (1; 2/3; 5) палеолитической эпохи. Еще один аналогичный пункт 4 обнаружен и на Шушваловском острове в водохранилище.

Материалы из *пункта 1*, где собрано ~400 кремневых изделий, уже частично опубликованы (Телегін Д.Я., 1982). Находки собраны вдоль размыва на протяжении 80–100 м. Высота глинистых обнажений до 6 м. Кремень темно-серого цвета, часто с точечками. Все изделия покрыты слабой патиной. Нуклеусов в коллекции 6 экз., из них один округлый в сечении, пластины сняты по всему его периметру. Остальные нуклеусы односторонние. На трех из них сохранилась корка желвака. Типологически все нуклеусы можно отнести к двуплощадочным. Кроме того, в коллекции шесть аморфных нуклеусов для отщепов. Выделено также два отбойника.

Пластин – 136 экз.; из них 38 толстых и относительно коротких; остальные более тонкие и лучше огранены. Имеется несколько малых пластин. Некоторые пластины ретушированы.

Скребков 28 экз.; изготовлены они из пластин (16 экз.) и отщепов. Большинство из них (17 экз.) концевого типа, в том числе на толстых (рис. 5, *14*, *22*) и тонких заготовках. В одном случае рабочий край оформлен в виде "мордочки". Три скребка двусторонние. Среди скребков на отщепах один двусторонний, три концевые, остальные с нерегулярной ретушью (рис. 5, *17*, *18*, *21*). Резцов 11 экз.; девять боковых ретушных на пластинах (рис. 5, *15*, *16*), серединный и угловой на обломках кремня. Найдено семь резцовых сколов, две проколки. В комплексе имеются острие и пластина с затупленной спинкой (рис. 5, *19*, *20*).

Шушваловка, п. 2/3. Находится в 300–400 м к югу от пункта 1 в тех же топографических условиях. Материалы собраны вдоль обнажения размытых глин на протяжении 100–150 м. Кремень белый патинизированный; всего более 20 находок. Среди них два нуклеуса, конический ортогнатный и многоплощадочный. Пластин девять экз., преимущественно средних размеров. Скребков семь экз., все они концевые на укороченных или сломанных пластинах (рис. 5, *23*, *24*). Один концевой высокой формы на трехгранной в сечении пластине.

Шушваловка, п. 4. На острове, который является останцом левого берега Сулы, собрано более 30 кремневых изделий. Кремневое сырье разноцветное – темных, жел-

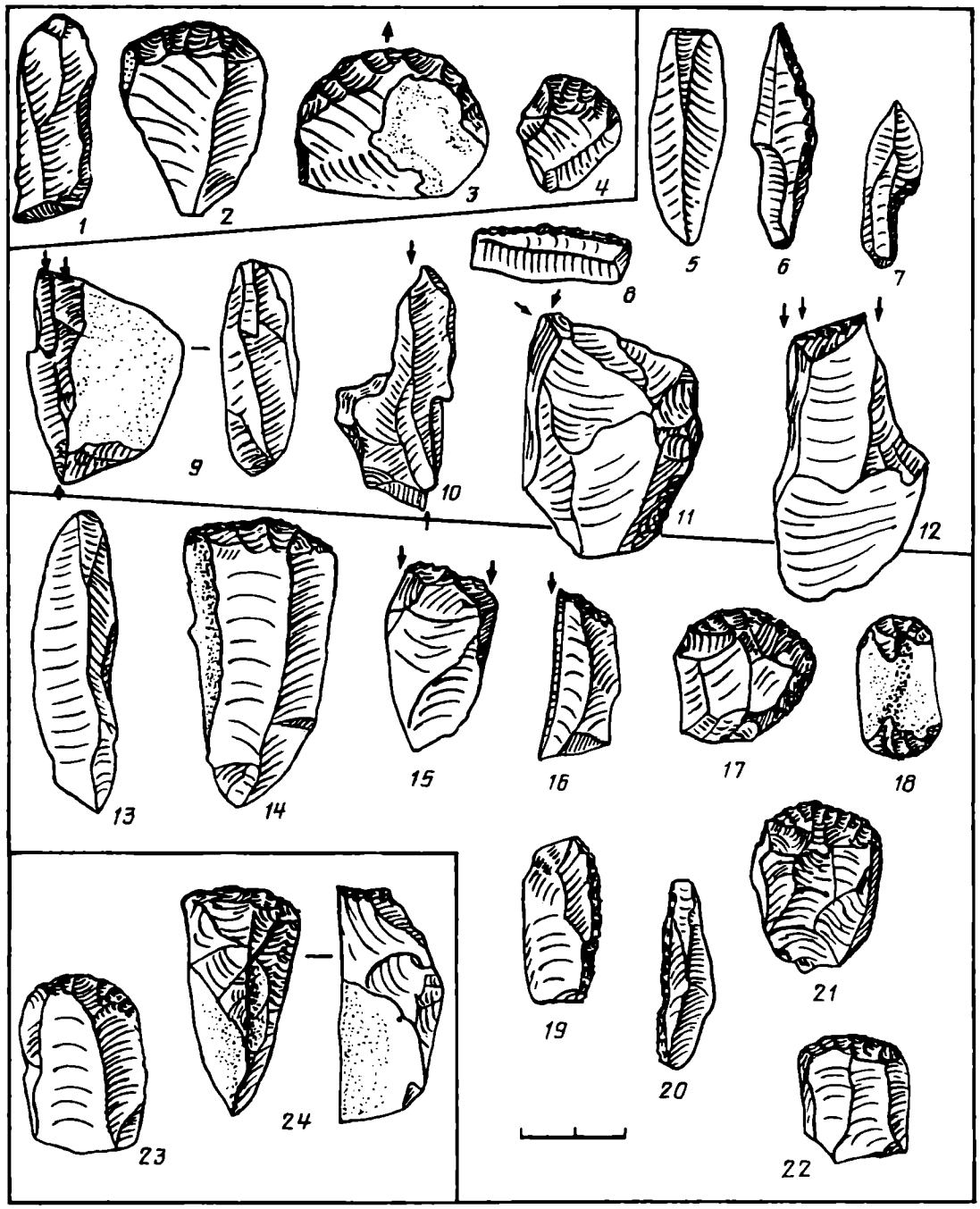


Рис. 5. Кремневые изделия из стоянок Липовое (*1–4*), Святиловка (*9–12*); Шушваловка 1 (*13–22*) и Шушваловка 2/3 (*23, 24*)

товатых, светлых с прожилками или пятнами оттенков. Все изделия слегка патинированы. Некоторые покрыты известковой коркой. Среди находок один плоский одноплощадочный нуклеус, плохо ограненный, семь пластин, в том числе больших размеров (рис. 6, *1, 2*); два скребка, один двойной, изготовленный из толстой пластины, а второй – на отщепе (рис. 6, *6, 7*). В коллекции два резца: один срединный на толстой реберчатой пластине (рис. 6, *3*), а второй двусторонний ретушный на массивной заготовке (рис. 6, *4*). В коллекции, кроме того, есть небольшой концево-боковой скребок без патины, возможно, мезолитического времени (рис. 6, *5*).

Шушваловка, п. 5. К югу от села в 2,5–3,0 км на мысу полуострова, отделяющего основную акваторию водохранилища от "Шушваловско-Мозолеевского" залива, нами

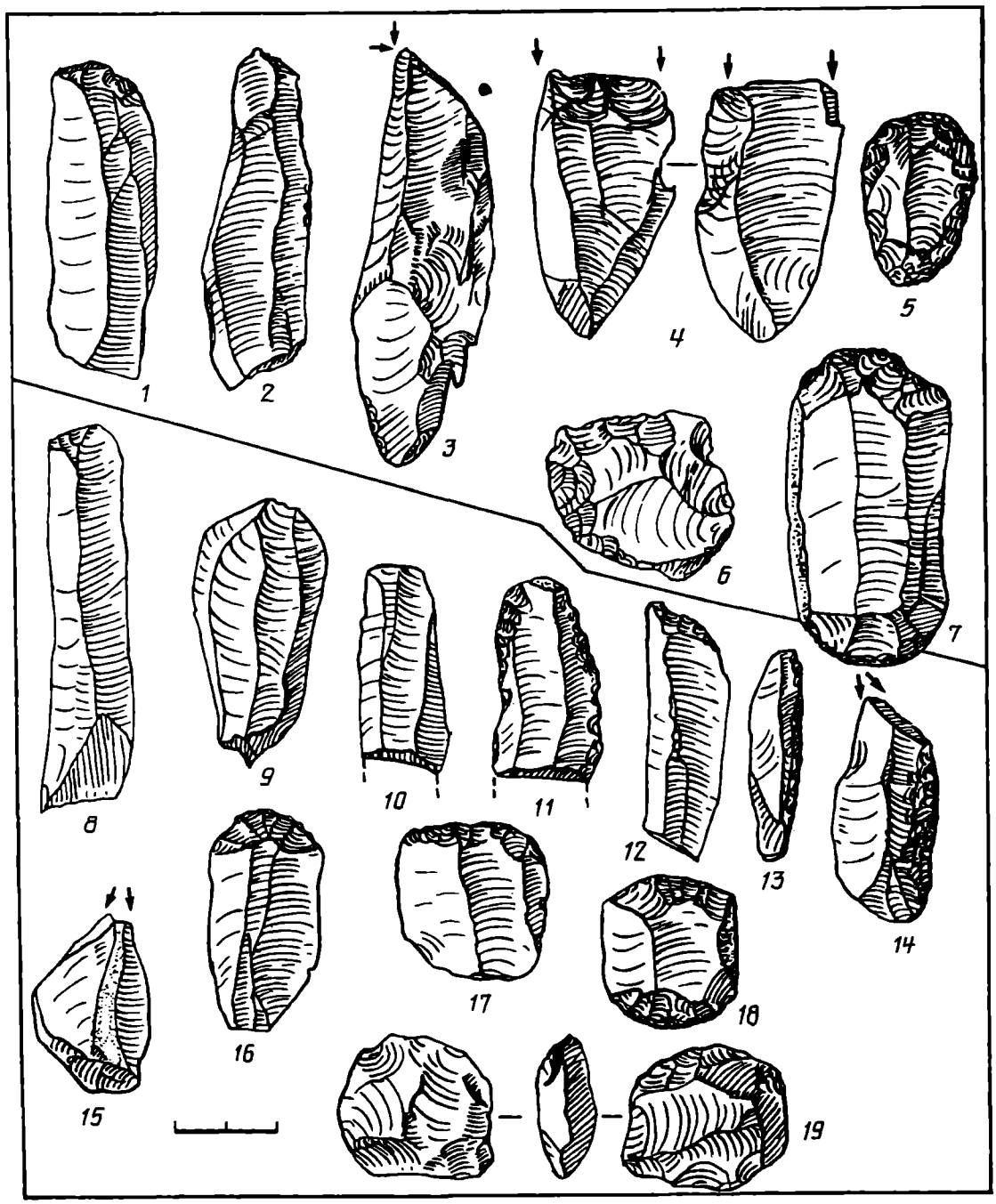


Рис. 6. Материалы из стоянок Шушваловка 4 (*1–7*) и Шушваловка 3 (*8–19*)

собрана значительная коллекция находок, в том числе коллекция палеолитического кремня – более 50 экз. Находки сосредотачивались вдоль размыва берега на высоте до 2 м и на протяжении 200–300 м.

Коллекция включает один конический ортогнатный нуклеус, 24 ножевидные пластины (рис. 6, *8–10*). Две пластины с краевой ретушью (рис. 6, *11*). Скребков четыре: два концевых на коротких массивных пластинах, два на укороченных пластинах, в том числе концевой и двусторонний (рис. 6, *16–18*). Выделено три резца: срединный на пластине, угловой (рис. 6, *14, 15*), срединно-боковой на обломке кремня; последний комбинирован со скребком. В коллекции, кроме того, есть пластина с косоретушным концом, возможно, заготовка для бокового резца (рис. 6, *12*), а также острие с затупленной спинкой граветовидного типа (рис. 6, *13*) и небольшой бифас.

Последний выделяется белой глубокой патиной. Он обработан с двух сторон бессистемными крупными сколами (рис. 6, *19*).

С. Липовое. В размыве берега Кременчугского водохранилища, которое здесь заливом заходит в устье р. Сулы, против села, в 100 м ниже моста по трассе Киев – Кременчуг, обнаружено скопление кремневых изделий позднепалеолитического вида. Они сосредотачивались вдоль обнажения в размыве на протяжении 50–70 м. В коллекции более 30 кремней и одна костяная проколка. Кремень темный почти без следов патины. Среди находок два нуклеуса – одно- и двухплощадные, скол из нуклеуса, десять ножевидных пластин, пять скребков и отщепы. Пластины короткие, плохо огранены. Скребки изготовлены из отщепов, в том числе четырех концевых и один подокруглый. Среди концевых один миниатюрных размеров (рис. 5, *1–4*).

С. Святиловка. Против села в размыве берега около автостанции найдено более 40 кремней. Обнажение в районе находок состоит из песка и слоя глины под ним. Его высота 2–2,5 м. Находки собраны вдоль берега 20–30 м. Изделия покрыты голубоватой или бело-голубой патиной. В коллекции три торцевых нуклеуса (рис. 5, *9*), и столько же резцов, которые по технике изготовления близко стоят к торцевым нуклеусам. Эти резцы бокового типа, два из них двусторонние (рис. 5, *10, 12*). Есть несколько срединно-угловых (рис. 5, *11*). Ножевидных пластин 11 экз. Они короткие и широкие, только три обломка пластин узкие с правильной огранкой (рис. 5, *5*). Скребок один, он концевой, на толстой, хоть и узкой, пластине. Найдены также одна пластина с затупленной спинкой – вкладыш с ретушью по одной длинной и торцевым граням, острие с затупленной спинкой и острие с боковой выемкой (рис. 5, *6, 7, 8*).

С. Мозолеевка. В двух км к северо-западу от села дамба отрезает мыс берега, покрытый лесом. Здесь размещена колхозная птицеферма. Высота мыса до 2 м над уровнем Кременчугского водохранилища; он интенсивно размывается. В разрезе виден почвенный слой (0,5 м), ниже, до глубины 2,5 м, суглинок желтоватого цвета. В размыве, главным образом на краю мыса (50–60 м по берегу) собрана значительная коллекция кремневых изделий. Кремень преимущественно разноцветный, плохого качества, видимо, моренный. Отдельные изделия изготовлены из более качественного мелового кремня. Техника изготовления пластин невысокая. Нуклеусов два – призматический и торцевой. Имеются три нуклевидных обломка. Пластин 37 экз.; они разных размеров с нерегулярной огранкой (рис. 7, *2*). Скребок один на отщепе (рис. 7, *10*), а резцов 10; изготовлены они из массивных обломков кремня, пластинчатых отщепов или пластин. Среди них семь срединных (рис. 7, *8*) и три угловых (рис. 7, *7*). В коллекции одно острие с затупленной спинкой (рис. 7, *6*) и три оригинальные вещи: две короткие пластины с закругленным ретушью концом (рис. 7, *3, 4*) и один треугольник, оформленный по одной боковой грани и основанию крутой краевой ретушью (рис. 7, *5*). Среди находок здесь следует отметить небольшую плоскую гальку с оббивкой по краю, возможно, скобелевидное орудие (рис. 7, *11*).

Васьковка, п. 1. Собрано несколько десятков изделий из высококачественного кремня; все покрыты бело-голубой патиной. Нуклеус один – конический, прямоплощадочный, сильно сработанный. Пластины небольших размеров стандартной формы (рис. 7, *12, 13*). Скребков найдено около 30 экз.; почти все они изготовлены из пластин, в том числе 10 концевых на коротких пластинах, четыре двусторонние, пять подокруглых на отщепах (рис. 7, *14–17, 21, 22*). Все относительно высокого профиля; на одном сформирована "мордочка" (рис. 7, *17*). Резцов выделено всего два экз.; оба боковые ретушные на толстых пластинах; один из них двусторонний (рис. 7, *20*). Интересны в коллекции две трапеции удлиненной формы с подретушированной верхней основой (рис. 7, *18, 19*). Судя по типологическому составу кремня, этот пункт можно датировать финальнопалеолитическим – раннемезолитическим временем.

Состав находок на стоянках поздней поры верхнего палеолита в устье р. Сулы (Шушваловка 1, 4, 5; Мозолеевка, Святиловка) заметно отличается от вышеописан-

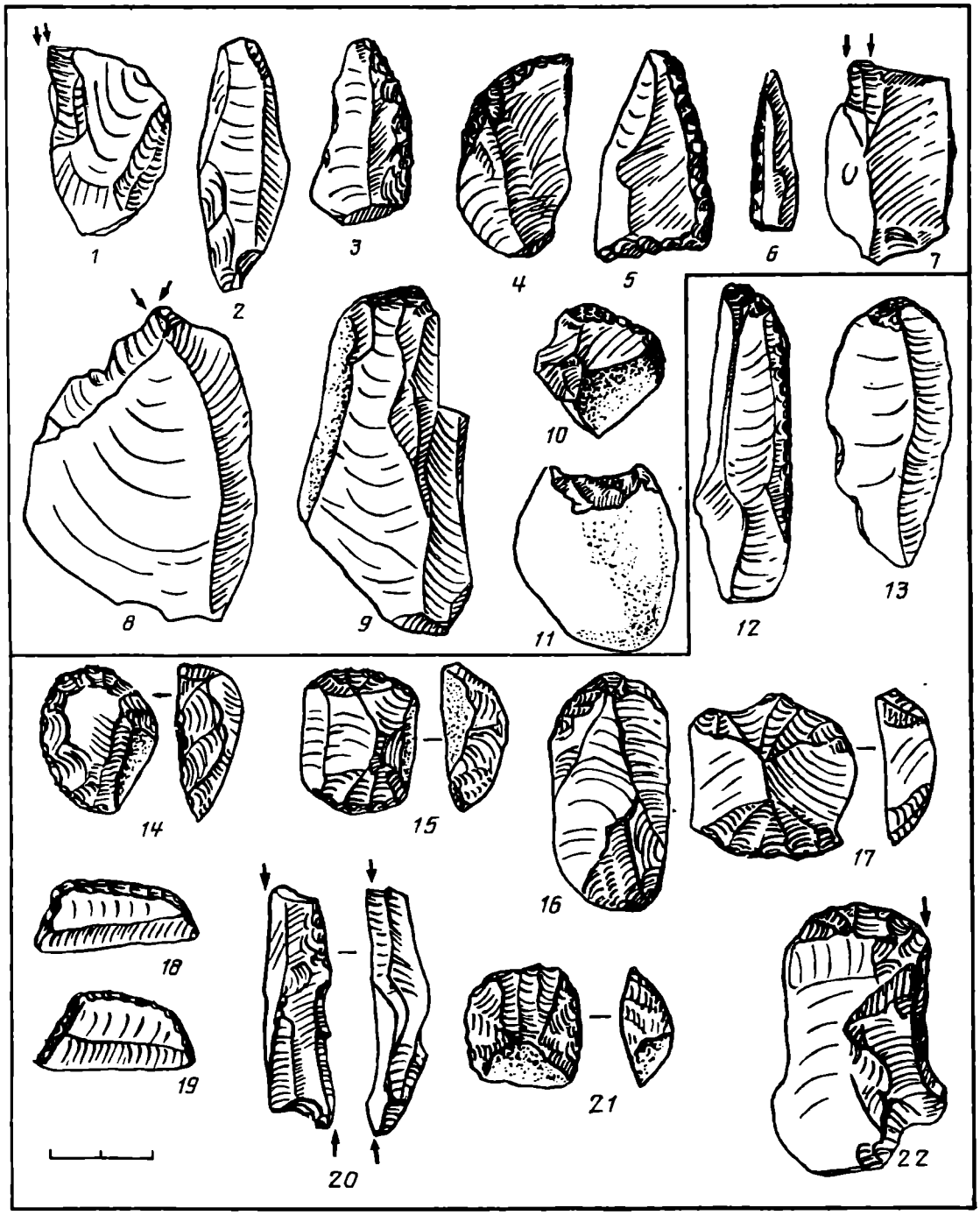


Рис. 7. Кремневые изделия из стоянок Мозолеевка (*1–11*) и Васьковка I (*14–22*)

ных материалов Васьковки 2 и Гардашивки. Изделия с двусторонней обработкой здесь отсутствуют. Нуклеусы выраженно призматические, техника скалывания пластин совершенная. В комплексах хорошо представлены резцы, в том числе боковые ретушные, и скребки. Последние обычно концевые на пластинах, реже двусторонние. Почти на всех этих стоянках отмечено присутствие пластин с затупленной спинкой и острий (рис. 5, *6*, *8*, *20*; 6, *13*; 7, *6*). В комплексе Святиловки, кроме того, имеется острие с выемкой (рис. 5, *7*), а в Мозолеевке – треугольники (рис. 7, *5*, *6*).

Местонахождения с таким набором резцов, скребков, острий с затупленной спинкой относятся к поздней поре верхнего палеолита и обычно датируются в пределах 25–12 тыс. лет до н.э.

Подавляющее большинство стоянок этой "шушваловской" группы, видимо, следует относить к мезинской позднепалеолитической культуре, в которой находятся прямые аналогии кремневым изделиям Шушваловки (Археология Украинской ССР, 1985, рис. 20) и др.

Среди описанных материалов позднепалеолитических местонахождений по составу находок несколько выделяются лишь пункты Мозолеевка и Васьковка 1. Первая отличается присутствием треугольных острий, в том числе крупных, и изделий на пластинчатых отщепах с закругленным ретушью концом (рис. 7, *3–5*). Вообще этот комплекс отличается от остальных и повышенной ролью отщеповой заготовки, и слабым развитием пластинчатой техники, что не характерно для других стоянок района. Позднепалеолитические стоянки с повышенной ролью отщеповой заготовки известны на Южном Буге. В.Н. Станко и С.П. Смолянинова относят их к анетовской культуре, но состав орудий там все же иной, чем в Мозолеевке. Видимо, в данном случае мы имеем дело со стоянкой, для которой характерна особая технология в обработке кремня и своеобразный состав кремневых орудий.

Особенность комплекса находок из Васьковки 1 состоит прежде всего в том, что здесь присутствуют две трапеции (рис. 7, *18, 19*). Они имеют удлиненную форму с ретушью по верхнему основанию и типологически относятся к раннемезолитическому времени. Такие трапеции хорошо представлены, например, в Осокоровке в Надпорожье (Телегин Д.Я., 1982, рис. 16, *12, 14*), Царинке на Южном Буге, Леонтиевке на нижнем Днепре (Смолянинова С.П., 1990, рис. 26, *22–25*) и др. Орудия Васьковки 1 отличаются и относительно мелкими размерами. Здесь, кроме того, найдены двусторонние скребки высокой формы. Все это позволяет говорить о финальнопалеолитическом – раннемезолитическом возрасте этого комплекса.

Таким образом, проведенные в устье р. Сулы на среднем Днепре полевые работы показали весьма густую заселенность этого района в палеолитическое время. Скопление местонахождений этого времени образует здесь отдельный их куст, новый в пределах Восточной Европы. Такое сосредоточение здесь палеолитических стоянок, возможно, следует связывать с наличием в устье р. Сулы выходов моренного кремня. Родовые группы в эпоху каменного века обитали здесь в течение весьма продолжительного времени, очевидно, начиная от самых ранних этапов позднего палеолита или, возможно, раньше (Васьковка 2, Градижск – Гардашивка) и кончая раннемезолитическим периодом (Васьковка 1). Хорошо представлены здесь и памятники второй половины позднего палеолита (Шушваловка, Святиловка, Липовое и др.). В культурном плане они могут быть отнесены к памятникам типа Мезина позднемадленского времени на Днепре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Украинской ССР, 1985. Т. I. Киев.

Береговая Н.А., 1960. Палеолитические местонахождения СССР. М.; Л.

Борисковский П.И., 1953. Палеолит Украины. Л.

Палеолит СССР. Археология СССР, 1984. М.

Пидопличко И.Г., 1969. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев.

Смирнов С.В., 1973. Палеоліт Дніпровського Надпоріжжя. Київ.

Смолянинова С.П., 1990. Палеолит и мезолит степного Побужья. Киев.

Телегин Д.Я., 1969. К вопросу о различиях в типологии позднепалеолитических индустрий Среднего Поднепровья и Южного Буга // Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев.

Телегін Д.Я., 1982. Мезолітичні пам'ятки України. Київ.

Шовкопяс И.Г., 1956. Палеолитическая экспедиция 1954 г. // КСИА ИА АН УССР. Вып. 5. Киев.

Институт археологии НАН Украины,
Киев

D.J. TELEGIN

THE GROUP OF PALAEOLITHIC SITES IN THE SULA RIVER BASIN

Summary

A compact group of the Palaeolithic sites was discovered by the author and the investigators of the local lore during the latest twenty years. The investigators gathered the large number of the flint artifacts. In all about 20 sites were investigated. They were situated in a washed away high loess terrace of Krementchug reservoir on the Dnieper river. The Palaeolithic artifacts were discovered in the loamy soil at a depth of about 3 metres from the modern surface. It was found out during the investigations near Shushvalovka village. The sites contained the various flint artifacts. Typologically they are dated to the early and late stages of the Late Palaeolithic as well as to the Early Mesolithic. Some flint artifacts f.e. a leaf-shaped spear and a thapezium-shaped knife and the other ones found near Vaskovka village are unique for this region. There are the outcrops of morain flint in the region where the sites are located. It probably favoured the appearance of this group of sites.

В.Я. СЕРГИН

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЖИЛИЩА ПОСЕЛЕНИЯ МАЛЬТА
(раскопки 1928–1932 гг.)

Известное сибирское палеолитическое поселение Мальта, давшее богатейшую коллекцию предметов искусства, раскапывалось с 1928 г. На начальных этапах еще не было достаточного опыта исследования палеолитических жилищ. Методика раскопок и документация были несовершенны, выводы о наличии жилищ нуждаются в проверке.

Из 14 декларируемых жилищ поселения Мальта (подсчет их: Формозов А.А., 1976, с. 205–210; Медведев Г.И., 1983, с. 15, 16) лишь пять опубликованы в сопровождении планов и отчасти фотографий, из них только один объект, определяемый как жилище (Герасимов М.М., 1961), не вызывает сомнений ни у кого из специалистов. Коснемся здесь в основном раскопов 1928–1930, 1932 гг. Относящиеся к ним археологические материалы имеют краткие систематические описания, служившие введением к описанию вещей (Герасимов М.М., 1931; 1935). Даны планы раскопов 1928–1929 гг. (Герасимов М.М., 1931, табл. 2) с изображением костей и каменных плит, но без обозначения каменных и костяных изделий и погребения. Они не нанесены и на более крупномасштабном плане, хранящемся в архиве (Планы раскопок..., л. 5, 6). План раскопов 1928–1929 гг. послужил основой, к которой нами добавлены планы располагавшихся по его краям раскопов 1932 и 1934 гг. (Планы раскопок..., л. 4, 5; Иллюстрации..., 1935; Мальта..., 1934).

Для надежно установленного мальтинского жилища, открытого в 1957 г., характерны следующие признаки: округлый план; небольшие размеры (наружный диаметр ~ 4,5 м, внутренний несколько более 3 м); наличие ограждения из массивных каменных плит; наклонное к центру положение большей части плит; присутствие следов завала кровли в виде радиально ориентированных стержней рогов северного оленя и ребер мамонта и носорога, а также больших тонких известняковых плит, залегавших местами поверх костей; наличие внутреннего очага; нахождение в жилом заполнении предметов убора и произведений искусства из кости и камня; размещение подавляющей части изделий из камня и кости у внутреннего края ограждения (Герасимов М.М., 1958, с. 49–51; 1961). Место входа не было установлено, не опубликованы сведения о находках и объектах вблизи жилища, что лишает возможности рассматривать жилище в составе хозяйственно-бытового окружения[1].

В исследованиях 1928–1932 гг. также отмечается наличие округлых жилищ, но в отношении них имеются лишь указания на отдельные из перечисленных признаков, а особенности документации чаще всего не позволяют с уверенностью судить о наличии того или иного признака.

Наиболее определенное представление можно составить по объекту 2, единственному иллюстрированному опубликованным планом (рис. 1). Исследования 1928–1932 гг. велись в виде небольших раскопов, закладываемых в направлении с северо-

[1] К вопросу о входе мы вернемся ниже. Что же касается распространения предметов возле жилища, оно никак не отражено и в отчетах. Наши попытки на протяжении 20 лет ознакомиться с документацией послевоенных раскопок Мальты, хранящейся в Иркутском университете, в лучшем случае оканчивались заверениями Г.И. Медведева о передаче материалов в ближайшие годы в Институт археологии и тем самым открытии доступа к ним заинтересованных исследователей.

© В.Я. Сергин, 1996 г.

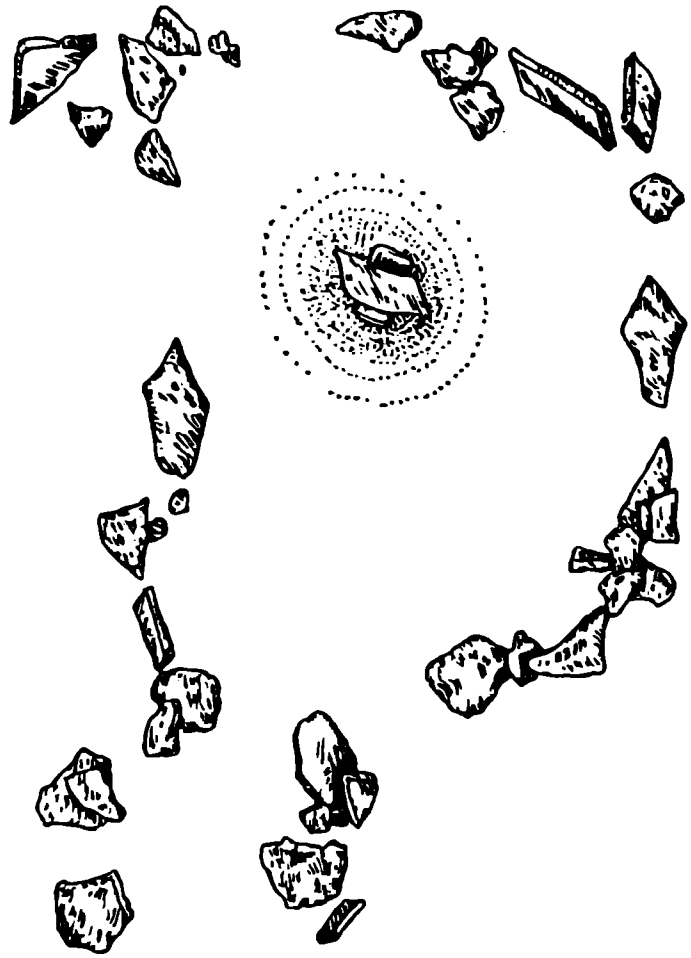


Рис. 1. Объект 2

запада на юго-восток. Данный объект был вскрыт в 1929 г. Он представлял собой овальное ограждение из плит известняка, разомкнутое в месте коридорообразного сужения. Некоторые плиты имели вертикальное положение. По местоположению объекта на сводном плане (рис. 2) можно видеть, что в ограждение входили и отдельные кости крупных животных: бивни, кости конечностей, нижняя челюсть, располагавшиеся по всему периметру за исключением не полностью раскопанного северо-восточного края. Отдельные крупные кости показаны внутри ограждения. Но неясно, как соотносятся они по вертикали. Имелись и крупные известняковые плиты, как в завале кровли округлого жилища. На полу в средней части был обнаружен очаг из крупной плиты, положенной горизонтально, и двух плит поменьше, поставленных почти вертикально по ее краям. Низ сооружения был перекрыт золой и костным углем. Вокруг очага лежали кремневые орудия и изделия из кости (женские изображения), отмечены следы производства.

Культурный слой к западу и юго-западу от объекта местами достигал мощности 0,35 м, имел темно-серую окраску, обусловленную обилием костного угля и золы, содержал много отбросов кремня, раздробленных костей и анатомических групп костей преимущественно северного оленя. К северо-западу от объекта имелось скопление крупных костей животных и каменных плит. Под его краем было обнаружено погребение ребенка.

Вероятность того, что описанный объект представлял собой остатки жилища, достаточно высока. Она подтверждается наличием конструкции из каменных плит и костей, целесообразными формой и размерами конструкции, выраженностью и рациональной ориентировкой входа (по склону и к реке), присутствием очага и ценных изделий

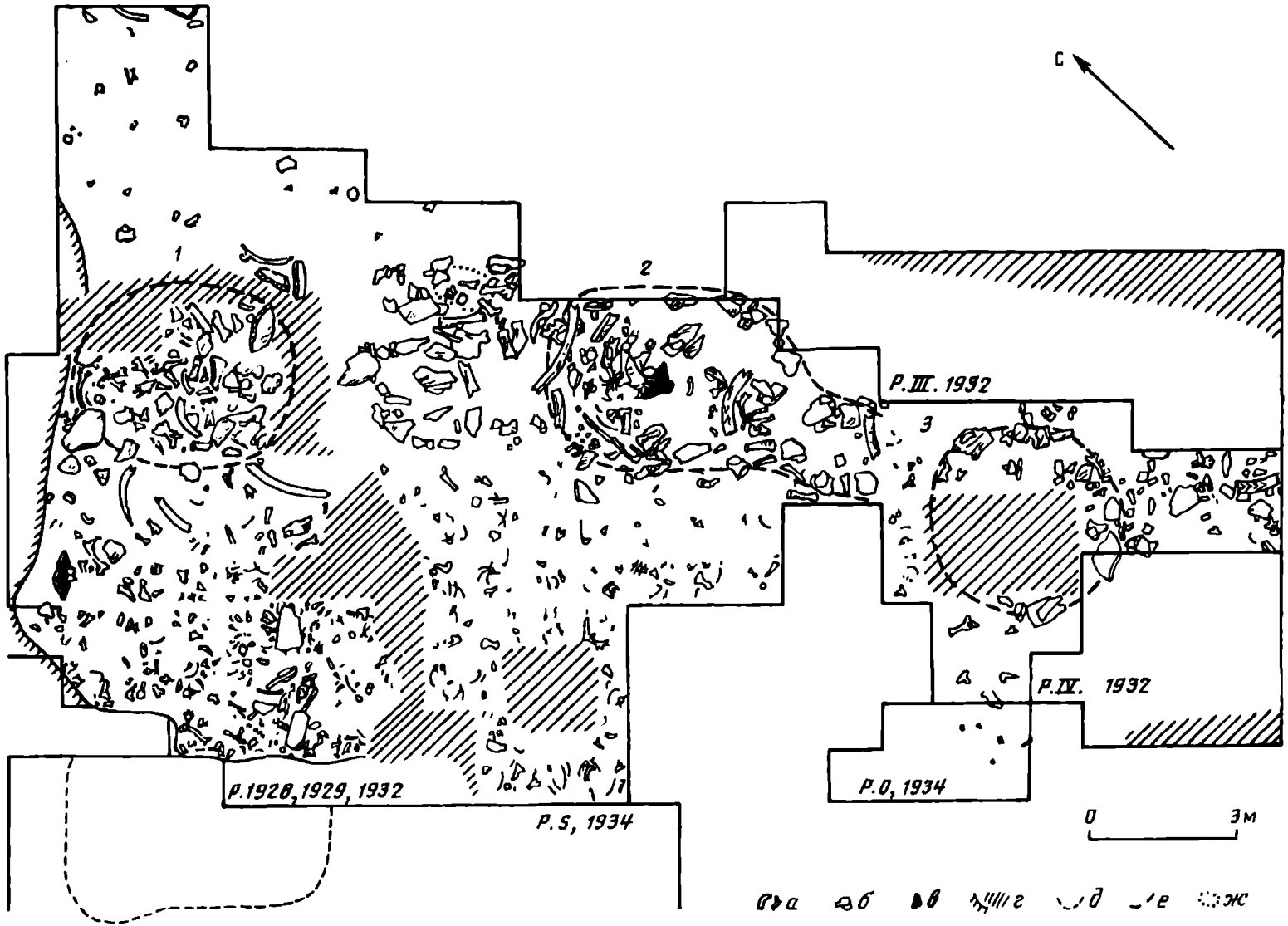


Рис. 2. Раскопы 1928–1929 гг. с примыкающими участками раскопов 1932, 1943 гг. *а* – кости животных; *б* – каменные плиты; *в* – приочажное устройство из плит; *г* – разрушенные участки; *д* – концентрация культурных остатков в раскопе *S* 1934 г.; *е* – приблизительные границы объектов; *ж* – контур могильной ямы

внутри постройки. Прилегавшее к объекту большое пространство с обилием кухонных и производственных отбросов, концентрация плитняка и крупных костей, а также наличие погребения указывают на характер и степень обжитости участка, естественные в связи с функционированием жилища.

Скопление плит и крупных костей к северо-западу от жилища М.М. Герасимов, по всей вероятности, также считал развалом жилища. Ему представлялось, что при раскопках 1928–1932 гг. обнаружены следы пяти жилищ (Герасимов М.М., 1935, с. 115). Однако на территории раскопов помимо рассматриваемых здесь четырех мест лишь данное скопление может быть каким-то намеком на возможное существование жилища. Подтверждением данной локализации служит то обстоятельство, что, описывая раскоп I 1929 г. (он охватывал 1,5 м северо-западного края жилища и скопление), М.М. Герасимов упомянул об остатках "наземных жилищ" (Герасимов М.М., 1935, с. 84, 85). Учитывая скудость сведений, приведем описание полностью. "Первоначально было вскрыто мощное скопление крупных костей, огороженное и прикрытое плитами известняка. При разборке этого скопления прежде всего было удалено все, что оказалось лежащим выше нижней плоскости культурного слоя; в результате оказалось, что большая часть плит, а также и некоторые крупные кости сохраняют некоторую закономерность в своем расположении; так, например, многие из указанных плит имеют совершенно вертикальное положение и в совокупности представляют некоторое подобие стен" (Герасимов М.М., 1935, с. 84). В отношении деталей М.М. Герасимов отсылает к помещенному им далее описанию жилища и отмечает, что "при тщательной зачистке было выяснено, что эти стены не что иное, как остатки наземных жилищ" (Герасимов М.М., 1935, с. 84, 85).

По этим заметкам, в которых смешаны детали жилища и скопления, можно думать, что и в скоплении отдельные плиты имели вертикальное положение. Однако скопление как самостоятельный объект ввиду небольшой ширины и характера расположения в нем плит и костей не обнаруживает достаточно определенных внешних черт, которые бы позволили считать его остатками жилища. Западная половина скопления состоит из плит. Кости сосредоточены в восточной половине, причем основная их часть лежит в виде полосы у юго-восточного края скопления.

Представляется, что указание М.М. Герасимова на мощное скопление костей, огороженное плитами, касается его общего впечатления от участка с жилищем и скоплением – кости на нем действительно располагаются внутри изображенных на плане плит. Выделение жилища было результатом более строгого прослеживания деталей, а упоминание о "жилищах" обусловлено соображением о том, что такая масса крупных плит и костей вне установленых пределов жилища также должна была являться остатками жилища. Не исключено, что полоса костей осталась от какой-то конструкции, связанной с жилищем или погребением, но для более определенного суждения о роли костей и скопления в целом на прижилищном пространстве данных недостаточно.

Обширная концентрация крупных костей мамонта и некоторых других животных (рис. 2, объект 1) выявлена при раскопках 1928 г. "Это скопление, на первый взгляд представляющее собой нагромождение костей крупных млекопитающих, почти со всех сторон было ограничено стоящими вертикально плитами. Часть плит перекрывала кости сверху" (Герасимов М.М., 1935, с. 83, 84). Почти вертикально стояла большая плита на западном краю концентрации. Обработанного кремня в пределах скопления встретилось немного, однако процент законченных орудий из камня и кости (с преобладанием пластин с ретушью и скребков) был достаточно высоким. В одном месте было сосредоточено значительное количество полуфабрикатов для производства костяных орудий в виде длинных полос бивня. Под отмеченной плитой на западном краю концентрации рядом располагались женская статуэтка и орнаментированный костяной стержень.

Участок культурного слоя, раскопанный к юго-западу от концентрации, по мощности, составу остатков и насыщенности был сходен с культурным слоем, примы-

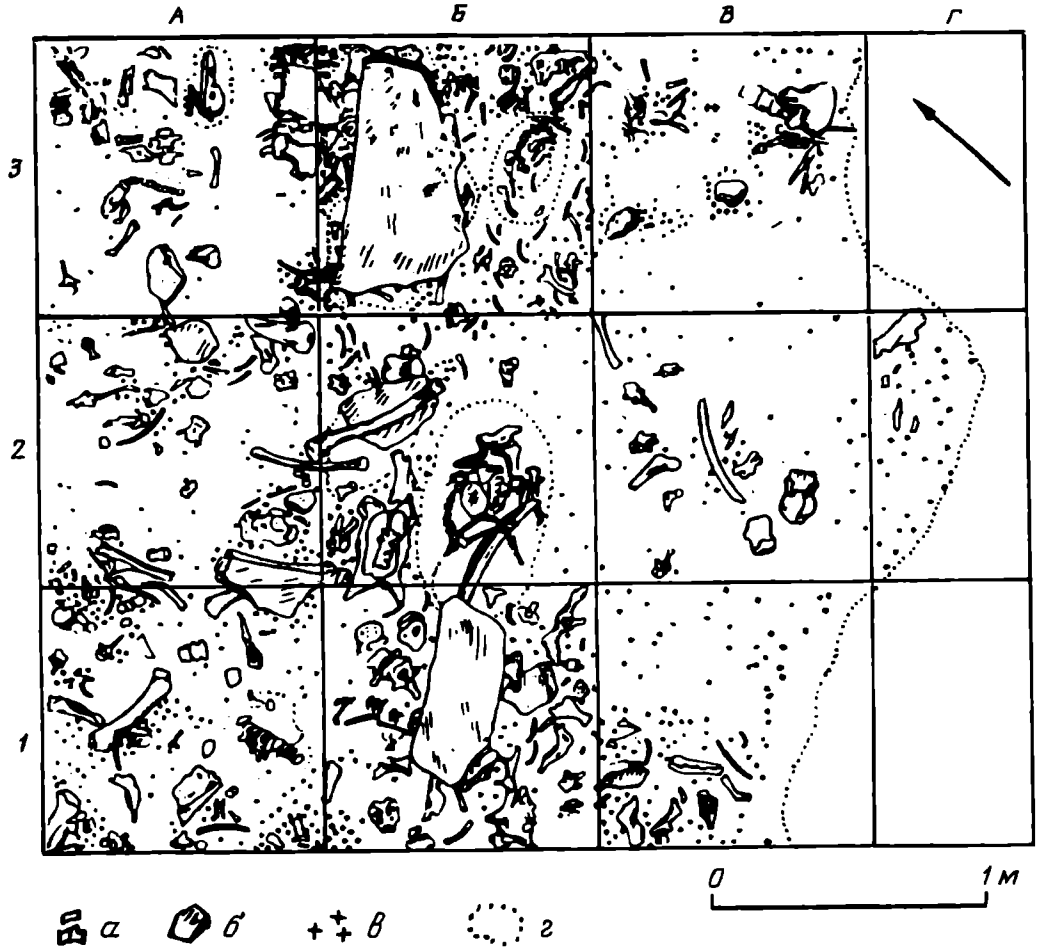


Рис. 3. Раскоп V 1932 г. к юго-западу от объекта 1. *а* – кости животных; *б* – каменная плита; *в* – кремневые изделия; *г* – контур углублений с неполными скелетами песцов и некоторых других животных

кавшим к объекту 2: имелось много обломков костей, костного угля, кремня. В 2,5 м к западу от концентрации находился наземный очаг с обожженным подом, содержавший золу и костный уголь. Очаг был оборудован заслоном в виде большой вертикально поставленной каменной плиты, подпертой небольшими плитами. К юго-западу от очага культурный слой содержал в основном раздробленные кости конечностей северного оленя и значительное количество кремневых орудий и осколков. Крупные кости мамонта, носорога и рога северного оленя почти не попадались. Окраска слоя была темнее, мощность достигала 0,45 м. В раскопе V 1932 г. в 3 м к югу от объекта 1 в супеси под культурным слоем имелось несколько неглубоких лунок с положенными в них скелетами песцов и костями некоторых других животных (рис. 3). Опубликованный план раскопа V отражает характер насыщенности слоя в полосе возле объектов 1 и 2 со стороны реки (Герасимов М.М., 1935, рис. 18).

Примечательной деталью описываемой части раскопок были также находки костяных игл и бусинок из кристаллов кальцита. Они связаны с инвентарем из продолжения концентрированного слоя в раскопе S 1934 г. (рис. 2). Помимо многочисленых костей животных, кремня и отдельных каменных плит в насыщенном пятне раскопа S встречены фигурка птички из кости, костяная пластинка с орнаментом, бусинки-подвески, орудия из бивня и рога (Материалы М.М. Герасимова и Г.П. Сосновского..., л. 21). К юго-востоку от пятна собраны немногочисленные кремневые отщепы.

В северо-восточной части раскопов, за объектом 1, попадались единичные культурные остатки. Вблизи объекта расчищен череп носорога со сбитой крышкой, стоявший вертикально, затылочным отверстием вверх. Еще ближе к объекту 1 обнаружена костяная пластинка с вероятным изображением рыбы.

Таким образом, о характере культурного слоя вблизи объекта известно больше, чем о нем самом. Около ⅔ краевой его части разрушено. На сохранившейся части на плане обозначены четыре-пять каменных плит. Если исходить из того, что концентрация осталась от жилища, то в отношении его ограждения придется полагаться в основном на указание М.М. Герасимова. Сам же массив скопления вполне сопоставим внешне с утяжелением кровли жилища из костей и плит, но жилища не конусного, каким реконструировал М.М. Герасимов округлое жилище, а, судя по равномерному распределению костей и плит, имевшему купольное перекрытие. Все же одно данное сходство при отсутствии сведений о деталях не дает права считать концентрацию остатками жилища. В пользу последнего, однако, свидетельствуют форма концентрации, ее размеры, выделенность связанного с нею каменного и костяного инвентаря, включающего и произведения искусства.

Вероятность наличия жилища на месте концентрации значительно увеличивается при сравнении ее с прилежащими участками. Многочисленные следы достаточно длительной деятельности под открытым небом могут найти надлежащее истолкование лишь в контексте жилищно-хозяйственного комплекса, причем на роль жилища может претендовать только рассматриваемая концентрация. Хорошо выраженные жилищно-хозяйственные комплексы прослежены на ряде поселений Русской равнины (Шовкопляс И.Г., 1955; 1972; Пидопличко И.Г., 1969; 1976; Сергин В.Я., 1987).

Настораживающим моментом является отсутствие упоминания о наличии очага на площади концентрации. Едва ли при имеющейся степени обжитости участка жилище могло быть без очага. Однако в полосе раскопок 1928–1932 гг. М.М. Герасимов отметил лишь очаги с обустройством из камней. Менее выраженные следы разведения огня он, возможно, просто не посчитал достойными внимания в кратком обзоре, где опущены и другие существенные детали концентрации.

На юго-восточном краю раскопов 1928–1929 гг. был вскрыт объект 3 (рис. 2). "Площадь культурного слоя (раскопа VIII 1929 г. – *В.С.*) более чем на треть разрушена старой строительной ямой, которой была уничтожена большая часть (центральная) наземного жилища, подобного ранее найденному. Ненарушенная часть жилища, т.е. часть стен, хорошо сохранилась. Многие плиты, на которых были сложены стены, сохранили свое первоначальное вертикальное положение. В северо-западном (ошибка ориентировки – в юго-западном. – *В.С.*) углу сооружения с внутренней стороны плит найдена женская статуэтка прекрасной сохранности... Раскоп IX (сохранившаяся юго-восточная часть объекта и далее участок с обозначенными на плане предметами. – *В.С.*) является продолжением раскопа VIII, причем и на его площади имеются явные следы жилого сооружения" (Герасимов М.М., 1935, с. 88). Наиболее ценной находкой на нем была пластинка с изображением змей и спиралей. Этим описанием[2] и приводимым планом сведения об объекте исчерпываются.

Оценивая обстоятельства, связанные с объектом, нужно отметить, что каменные плиты и отчасти крупные кости располагаются по окружности с внешним диаметром ~ 4,5 м. Форма и размеры объекта сходны с жилищем, обнаруженным в 1957 г. Вертикальное положение многих плит укрепляет суждение об объекте как об искусственной конструкции, а не случайном разбросе плит и костей. Показательны связанные с объектом ценные находки. Не игнорируя заключение М.М. Герасимова, основанное на непосредственных наблюдениях и накопленном им ко времени вскрытия раскопов VIII и IX опыте, необходимо, таким образом, заметить, что и наличные материалы согласуются с вероятностью бытования жилища на этом месте.

Не в лучшем положении по имеющейся информации находится и объект 4, план

---

[2] Отчет М.М. Герасимова о раскопках 1929–1930 гг. состоит из двух страниц описаний находок (Раскопки..., 1930). В него вложен отзыв П.П. Ефименко, высоко оценившего материалы, включавшие уже 10 статуэток, но указавшего на то, что отчет не дает нужного представления о способах раскопок, обеспеченности научными наблюдениями и фиксацией. П.П. Ефименко потребовал подробного отчета (который, видимо, так и не был сделан) и участия в работах других специалистов.

которого с прилегающими участками (Планы раскопок..., л. 4) публикуется впервые (рис. 4). Объект располагается в конце полосы раскопок 1928–1932 гг. (рис. 5). Культурный слой на вмещавшем его раскопе достигал предельной для поселения мощности, доходя до 0,8 м. При расчистке слоя вначале обратило на себя внимание значительное количество фаунистических остатков. Затем были отмечены конструктивные детали. "Обилие вертикально стоящих плит и их расположение в известной системе позволяли предполагать наличие здесь остатков нового жилища. Разобрав культурный слой участка, примыкающего к плитам, не трогая основных из них и выяснив направление необнаженной части культурного слоя, автор настоящего отчета пришел к заключению, что данное скопление следует рассматривать как новый жилой комплекс... Разобранный участок культурного слоя, находящийся в непосредственной близости к стенам жилища, был насыщен небывалым количеством обломков орудий из кости и камня" (Герасимов М.М., 1935, с. 88, 89). На значительной части костяных орудий имелся орнамент. Было собрано также 10 фрагментов и незаконченных женских статуэток.

До возобновления раскопок в 1932 г. хозяйственными работами местных жителей оказался разрушенным участок, являющийся продолжением раскопов 1930 г., содержавший объект 4, поэтому раскопы 1930 г. не имеют непосредственного контакта с раскопами у объекта 3. Край раскопов объекта 4 обрывается у северо-западной стороны раскопов 1930 г. (рис. 5). Промежуток, по всей вероятности, был небольшим. На нашем рисунке он показан условно.

Планировка остатков на раскопе 1930 г. и ситуация со стыковкой раскопов позволяют считать, что разрушению подверглась меньшая часть объекта. Хотя даже сохранившаяся его часть осталась недокопанной и на плане изображены верхние кости и плиты, заметно сходство объекта с округлым жилищем. При этом, естественно, будем иметь в виду, что и в пределах одного поселения состав остатков жилищ и выразительность их планировки могут значительно варьировать. Объект из раскопок 1930 г. имел округлую форму с поперечником до 4 м. Внутри залегала масса рогов оленя, поверх которых, как и в развале округлого жилища, местами лежали каменные плиты. Другие плиты располагались по краю и, по-видимому, к ним относится указание М.М. Герасимова на обилие вертикально стоящих плит. Таким образом, основные внешние параметры объекта 4 и округлого жилища сходны. Неизвестно только, имелся ли под завалом костей очаг и какие находки связаны с полом. Но поблизости от объекта обнаружено много каменных и костяных орудий, произведения искусства. Причем находки размещались с южной стороны, где чаще всего располагался вход в палеолитические жилища.

В 3 м к юго-востоку от объекта в пределах раскопа 1932 г. был обнаружен очаг. Большое скопление золы и мелкого древесного и костного угля занимало округлое пространство диаметром до 0,8 м, выстланное мелкими плитками известняка. Крупная вертикально поставленная плита служила заслоном. Культурные остатки на раскопе располагались гнездами. Вокруг очага, образуя кучки, лежало много осколков кремня. Попадались проколки и пластины с ретушью на конце. Много кремня встретилось и в скоплении костей к востоку от очага. Там же в верхней части культурного слоя у обломка бивня были обнаружены лежавшие рядом женская статуэтка и овальный предмет со сплошной полулунной орнаментацией, оба из бивня. В самом низу слоя, под костями, в виде кучки лежали орнаментированный браслет из пластины бивня, широкая пластинка отполированного бивня, заготовка женской статуэтки, две сломанные иглы и обломки копьевидного острия.

Далее к юго-востоку были обнаружены передние части скелетов северного оленя с раздробленными черепами и без рогов. Орудий возле них не найдено, отсутствовали и другие культурные остатки. К западу от скелетов, на небольшом раскопе № 1934 г. (рис. 4) имелись малочисленные кремневые предметы и обломки костей. На небольших раскопах 1932, 1934 гг. к западу, юго-западу и востоку от объекта находки попадались также в небольшом количестве.

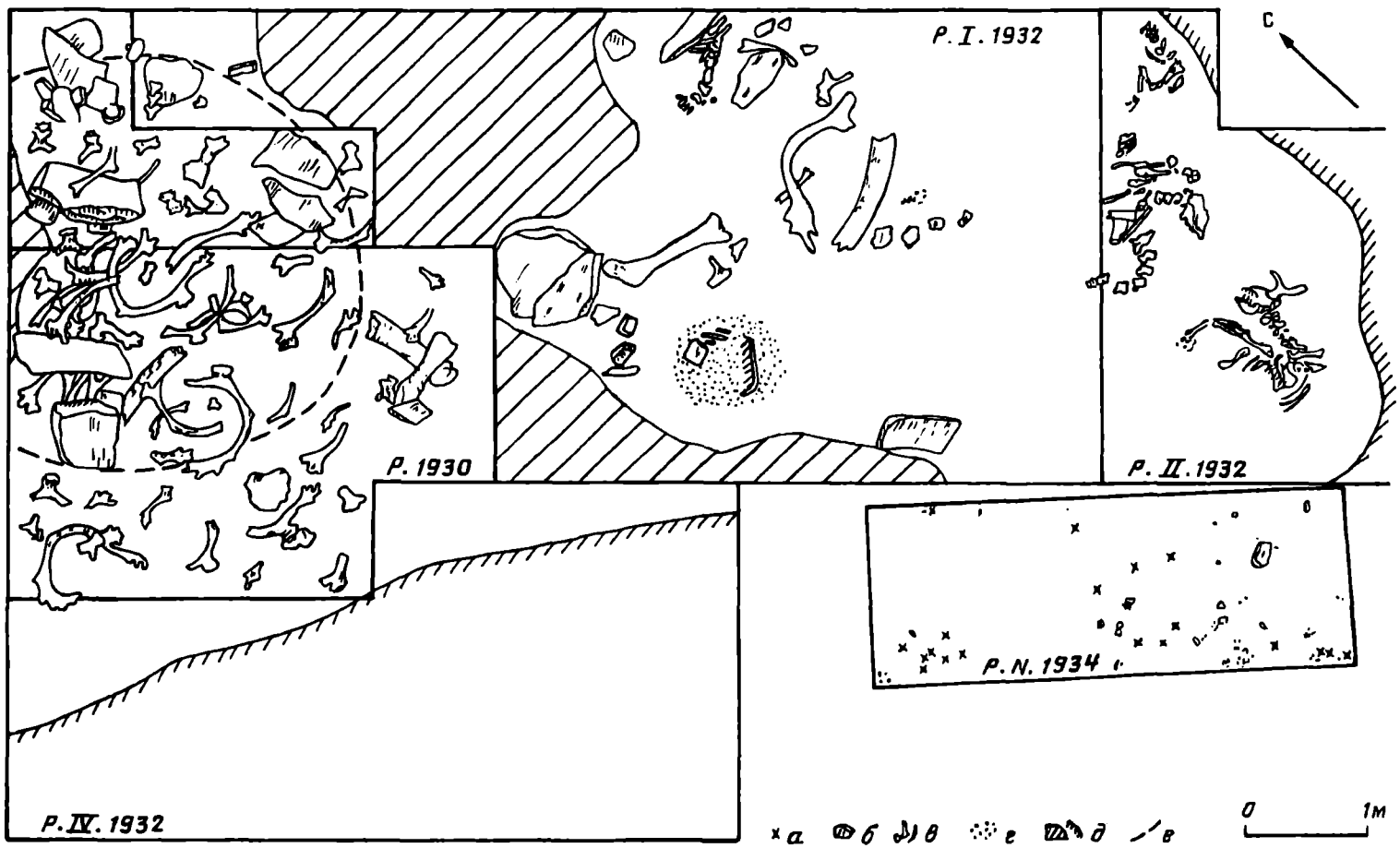


Рис. 4. Раскопки 1930, 1932 и 1934 гг. *а* – кремневые изделия; *б* – каменная плита; *в* – кости животных; *г* – очажная масса; *д* – разрушенные участки; *е* – приблизительная граница объекта 4

В целом внешний очаг, предметы возле объекта 4, у очага и далее образуют хорошо выраженный хозяйственно-бытовой участок, типичный для прижилищного пространства. Как и участок возле объекта 1, он не мог функционировать сам по себе, а тесное его взаимоположение с объектом 4, их планиграфическое взаимоотношение и общая ориентировка на местности едва ли делают возможным иное понимание объекта 4, кроме как остатков жилища.

Таким образом, рассмотрение материалов поселения Мальта подтверждает вероятность обнаружения в полосе первоначальных раскопок остатков четырех жилищ. Расположение объектов в линию на сходном расстоянии друг от друга с концентрацией внешних остатков главным образом на склоне к реке, свидетельствуя об общей организации поселения, также подкрепляет суждение об объектах как основных элементах поселения – жилищах. Подобная же планировка установлена на поселении Кулычивка (Археология Прикарпатья..., 1987, рис. 21), вполне вероятна в Бурети (Окладников А.П., 1941, рис. 9) и предполагается нами на Кирилловском поселении. Общее сходство объектов, определяемых как жилища, связанность их планировкой и обособленность от других жилищ Мальты делают допустимым предположение, что рассмотренный участок памятника составлял основу самостоятельного поселения.

Предполагаемые жилища не были однотипны, поскольку объект 2 имел овальный план, а остальные – округлый (что менее определенно для объекта 1). Обращают на себя внимание указания М.М. Герасимова на вертикальное положение каменных плит в ограждении каждого объекта, что должно свидетельствовать о значительном угле залегания плит относительно поверхности. Данное обстоятельство, небольшие размеры огражденных участков и присутствие в их центральных частях каменных плит и крупных костей делают возможным купольное (полусферическое) построение наземных сооружений.

В округлом жилище из раскопок 1957 г. М.М. Герасимов не указывал на столь же крутое положение плит ограждения и реконструировал жилище в виде чума. Это расхождение заслуживает изучения, так как помимо частного значения связано с вопросом о времени появления конических и полусферических жилищ. Не обладая отчетными материалами по данному жилищу, можно отметить, что коническому построению кровли противоречит нахождение на ней в отрыве от ограждения каменных плит. Очень крупная плита залегала над очагом (Герасимов М.М., 1958, рис. 19, 20), т.е. в месте, где смыкались жерди (Герасимов М.М., 1961, рис. 58), что едва ли можно совместить. По полусферической схеме плита прижимала бы самый верх покрытия или служила заслонкой дымового отверстия. Очевидно, необходимо проанализировать положение плит ограждения, прежде всего на предмет наличия плит с большим углом залегания по отношению к поверхности. В процессе разрушения жилища и погребения его остатков угол мог лишь уменьшаться, поэтому положение даже подавляющей части плит при раскопках не обязательно характеризует первоначальную ситуацию.

Реконструкция округлого жилища, предложенная М.М. Герасимовым, содержит еще одну сомнительную деталь с точки зрения истории становления жилищ различных типов. Она касается входа в жилище. Плиты ограждения плотно примыкали или заходили друг за друга, не образуя промежутков, в связи с чем М.М. Герасимов счел вероятным использование в качестве входа дымового отверстия (Герасимов М.М., 1961, с. 131). Вместе с тем каркас реконструирован в виде тонких жердей, стоявших более круто со стороны, где очаг был ближе к стене. Здесь имелись две наиболее короткие и массивные жерди, связанные сверху и служившие как бы рамой входа (Герасимов М.М., 1961, с. 131, 132).

В этнографической литературе нам не встретилось легких конических и иных построек, входом в которые служило бы отверстие в крыше. Постройки с верхним входом характеризуют более прочные материалы и сооружение каркаса по иным принципам, чем простое взаимоналожение жердей, образующее конус. Входное отверстие ориентируется вверх, а в мальтинском жилище оно должно было находиться на уклоне в 60° (Герасимов М.М., 1961, рис. 58*б*). Если же принять во внимание, что высота

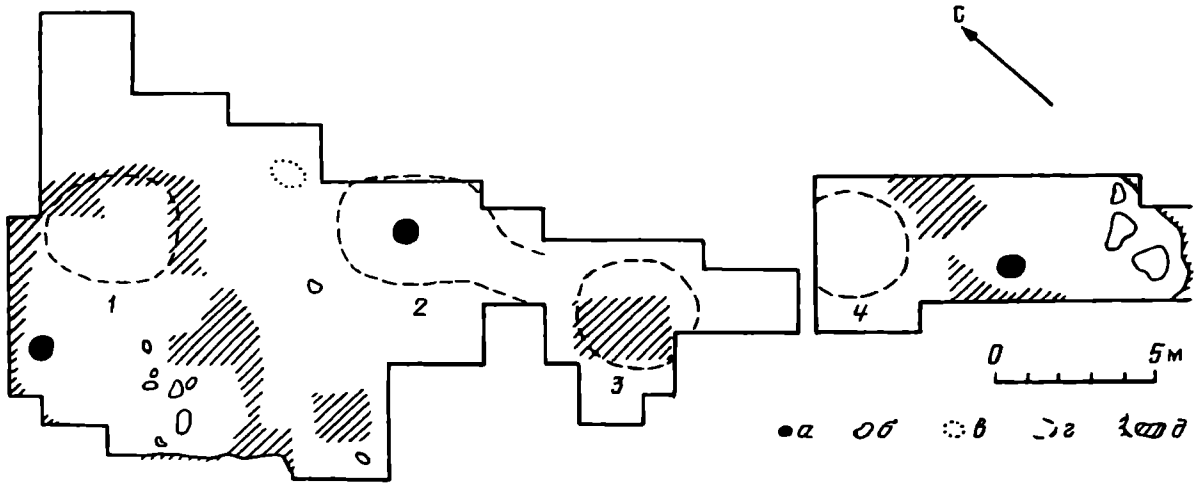


Рис. 5. План основной части раскопок 1928–1932 гг. *а* – очаг; *б* – части скелетов песца, оленя и некоторых других животных; *в* – контур могильной ямы; *г* – приблизительная граница объекта; *д* – разрушенные участки

жилища по реконструируемому положению жердей могла равняться не многим более чем 2 м, то верх рамы между короткими жердями должен был находиться не выше 1,4–1,6 м. В таком положении рама по существу должна была оформлять обычный наземный вход.

В изученных этнографами чумах народов Сибири вход в ряде случаев имел дощатый или какой-либо иной порог (Вайнштейн С.И., 1954, с. 43; Долгих Т.Б., 1971, с. 100). Порог мог устраиваться и у других несложных жилищ. Например, высокий порожек отмечен у саамской вежи (Лукьянченко Т.В., 1966, с. 7). Порожком служили, по-видимому, и какие-то плиты ограждения округлого мальтинского жилища. Изолированно рассматриваемые археологические факты нельзя воспринимать слишком прямолинейно, так что в отношении ограждения жилища сомкнутость плит не является достаточным свидетельством отсутствия наземного входа, а наличие соответствующих разрывов еще не говорит о существовании нескольких входов. Решение вопроса зависит от распределения предметов, отложившихся при функционировании жилища и окружающего пространства, и от других деталей.

Хотя в палеолитических жилищах вход обычно устраивался со стороны, ближайшей к очагу, и, как упоминалось, то же предполагал и М.М. Герасимов для данного жилища, не исключено и противоположное направление входа. Такая возможность связана с ориентировкой отходящего от очага мелкого углубления (Герасимов М.М., 1958, рис. 20), напоминающего язык выгребания очажной массы. Действительно ли углубление являлось подобным языком или оно образовалось в результате каких-то других особенностей использования приочажного пространства, необходимо установить по более детальным сведениям.

Много неясного содержат и другие постройки Мальты. Так, в третьем жилище из раскопок 1957 г. скопление рогов оленя и каменных плит занимало менее половины раскопанной части углубления. В сохранившемся месте скопление имело вид полукруга с очагом у середины срезанного края (Герасимов М.М., 1958, рис. 14), словно бы в западине было помещено округлое жилище. В длинном жилище из раскопок 1956 г. правильность и плотность укладки плит и характер расположения бивней по низу северо-восточной стены подтверждают правильность заключения М.М. Герасимова о наличии на участке единого искусственного сооружения. Сложность данного сооружения, сохранность его завала, как и сохранность остатков ряда других сооружений, в особенности бесспорного округлого, не позволяют видеть в длинном сооружении результат игры природы. Но представление о постройке как навесе может оказаться ошибочным.

Отсутствие каменной укладки с юго-восточной стороны постройки, возможно, связано с тем, что здесь не было необходимости в столь же основательной защите низа стены от поверхностной воды и продувания ветром, как с северо-восточной. Вместе с тем на планах в полосе квадрата Д заметны отдельные каменные плиты и крупные кости по краю мощного скопления остатков, связываемого с кровлей. Бивни ориентированы концом к центру постройки. Положение скопления и краевых элементов свидетельствует о том, что ширина постройки могла быть близкой к 3 м (Герасимов М.М., 1958, рис. 2, 4).

Постройки поселения Мальта, выявленные как первоначальными раскопками, так и исследованиями 50-х годов, делятся, насколько можно составить представление о наиболее достоверных из них, на округлые и длинные, в обоих случаях с ограждением из камней и костей. В раскопках 1929 г. встретилась овальная постройка, что послужило основанием для сближения Мальты и Бурети. Лишь заявлено о наличии в Мальте по раскопкам 1957 г. остатков небольших жилищ в виде углубленных блюдцеобразных утрамбованных площадок со следами легких очагов в центре (Герасимов М.М., 1958, с. 42). Вариации отмеченных групп или присутствие каких-то иных форм предполагаются по материалам раскопок 1934, 1937, 1957 гг., но сведения недостаточны. Вполне вероятно, что как памятник Мальта представляет собой результат неоднократного заселения местности. Мальту отличает многообразие бытового обустройства. Эта особенность перекликается с богатейшим искусством Мальты и связана должно быть с достаточно развитой и по-своему дифференцированной социальной сферой жизни ее населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья, 1987. Киев.

Вайнштейн С.И., 1954. Чум подкаменнотунгусских кетов // КСИЭ. Вып. XXI.

Герасимов М.М., 1931. Мальта. Палеолитическая стоянка. Иркутск.

Герасимов М.М., 1935. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта // Палеолит СССР. М.; Л.

Герасимов М.М., 1958. Палеолитическая стоянка Мальта // СЭ. № 3.

Герасимов М.М., 1961. Круглое жилище стоянки Мальта // КСИА. № 82.

Долгих Т.Б., 1971. Традиционное жилище лесных ненцев бассейна р. Пур // СЭ. № 4.

Иллюстрации к статье Герасимова М.М. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальте. Изв. ГАИМК. Вып. 118, 1935 // Архив ИИМК. Р-1. № 362.

Лукьянченко Т.В., 1966. Жилища саамов (лопарей) Кольского полуострова конца XIX – начала XX века // СЭ. № 6.

Мальта. Отчет, дневники, чертежи и опись находок, 1934// Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 228.

Материалы М.М. Герасимова и Г.П. Сосновского по исследованию палеолитической стоянки у с. Мальта // Архив ИИМК. Ф. 42. № 31.

Медведев Г.И., 1983. Палеолит Южного Приангарья. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск.

Окладников А.П., 1941. Палеолитические жилища в Бурети // КСИИМК. Вып. X.

Пидопличко И.Г., 1969. Палеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев.

Пидопличко И.Г., 1976. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев.

Планы раскопок палеолитической стоянки в с. Мальта (из материалов М.М. Герасимова) // Архив ИИМК. Р-1. № 783.

Раскопки М.М. Герасимова на стоянке в с. Мальта Иркутской обл., 1930 // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 164.

Сергин В.Я., 1987. Структура Мезинского палеолитического поселения. М.

Формозов А.А., 1976. К характеристике палеолитического поселения Мальта // СА. № 2.

Шовкопляс И.Г., 1955. Добраничевская палеолитическая стоянка // КСИИМК. № 59.

Шовкопляс И.Г., 1972. Добраничевская стоянка на Киевщине // МИА. № 185.

Институт археологии РАН,
Москва

V.J. SERGIN

THE DWELLINGS DISCOVERED DURING THE FIRST EXCAVATIONS OF MALTA SETTLEMENT

Summary

The author analyses the publications and the archives concerning the excavations of Malta settlement in 1928–1932 and partly in 1934. According to M.M. Gerasimov who carried the investigations there were the remains of five dwellings whose outlines he didn't marked on the plans. The author revised all the data and came to a conclusion that there might have been four dwellings on the places of the large animal bones and stone plates accumulations. Three of them had been rounded and had had 4,5 m in diameter the other one was oval. All of them had been surrounded by the stone plates situated at a large angle with the surface. In two cases the dwellings and the adjacent cultural layer had formed the evident housing and economic complexes. Most probably that the rounded Malta dwellings including the one discovered in 1957 had had a half-spherical ceiling. The row of four dwellings situated at a similar distance from each other found during the excavations of 1928-30 could have been the basis of the settlement which had formed as a result of several settlings of the place.

В.И. МОРДВИНЦЕВА

О ВТОРИЧНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АХЕМЕНИДСКИХ БЛЮД ИЗ ПРОХОРОВСКОГО КУРГАНА

В начале XX в. были открыты памятники сарматской культуры, на долгие годы ставшие эталонами для российских археологов. В их число входят и курганы у с. Прохоровка Оренбургской обл., исследованные С.И. Руденко в 1915 г. М.И. Ростовцев определил их как принадлежавшие сарматам – кочевому народу, появившемуся с востока и тесно связанному с Ираном, – и датировал их III–II вв. до н.э. (Ростовцев М.И., 1918, с. 79). На эти положения, выдвинутые М.И. Ростовцевым, кроме всего прочего, повлияла и находка в кург. № 1 двух серебряных ахеменидских блюд с надписями арамейским письмом. Одна деталь этих блюд, не замеченная до этого исследователями, дает возможность с новой стороны взглянуть на комплекс Прохоровского кургана № 1 и его место среди древностей ранней сарматской культуры.

По краю блюд расположены три пары отверстий, к которым в древности, судя по всему, крепились скобы[1] (рис. 1). Такое расположение и количество петель свойственно бляхам-распределителям наплечных ремней в системе конской сбруи раннего среднесарматского времени (Спицын А.А., 1909, рис. 41, 47, 49; Тревер К.В., 1940, табл. 1–4; Берхин (Засецкая) И.П., 1962, с. 35–37; Кушаев Г.А., 1983, с. 440; Raev B.A., 1986, pl. 35).

Вторичное употребление драгоценных чаш в качестве фаларов впоследствии не раз фиксируется у сарматов. В качестве примера можно привести серебряную чашу, служившую нагрудной конской бляхой, из среднесарматского погребения у с. Грушка в Молдавии (Гросу В.И., 1986, с. 259, рис. 1, *24*). На внутренней вогнутой стороне ее, в центральном медальоне, выгравирована сарматская тамга схемы Фарзоя – знак собственности ее владельца. Выбор именно такого места для помещения тамги мог быть, скорее всего, обусловлен использованием этой вещи как чаши. В противном случае такое изображение теряло бы смысл. В качестве чаши для питья, по мнению Е.И. Беспалого, ранее использовалась и нагрудная конская бляха той же конструкции, что и молдавская, из кург. № 1 могильника Дачи (Беспалый Е.И., 1992, с. 182, рис. 7). В отличие от прохоровских сосудов к указанным чашам были приклепаны навесные петли.

Профиль прохоровских блюд таков, что края их, резко отогнутые и почти горизонтальные, вполне подходили для переделки их в фалары (рис. 1). Диаметр блюд (28 см) соответствует размерам ранних фаларов этой серии. Слишком категоричной представляется точка зрения М. Пфроммера о том, что фалары с тремя петлями на обороте малого размера (диаметром 13–17 см) предшествуют крупным (диаметром 24–30 см) (Pfrommer M., 1993, p. 8, 9). Находки в южнорусских степях свидетельствуют скорее об обратном явлении или, по крайней мере, о сосуществовании на определенном этапе больших и малых по размеру фаларов такого типа. На рубеже эр и в I в. н.э. фалары с тремя скобами на обороте встречаются только малого размера (рис. 2).

[1] В настоящий момент блюда находятся на хранении в краеведческом музее г. Алма-Аты.

© В.И. Мордвинцева, 1996 г.

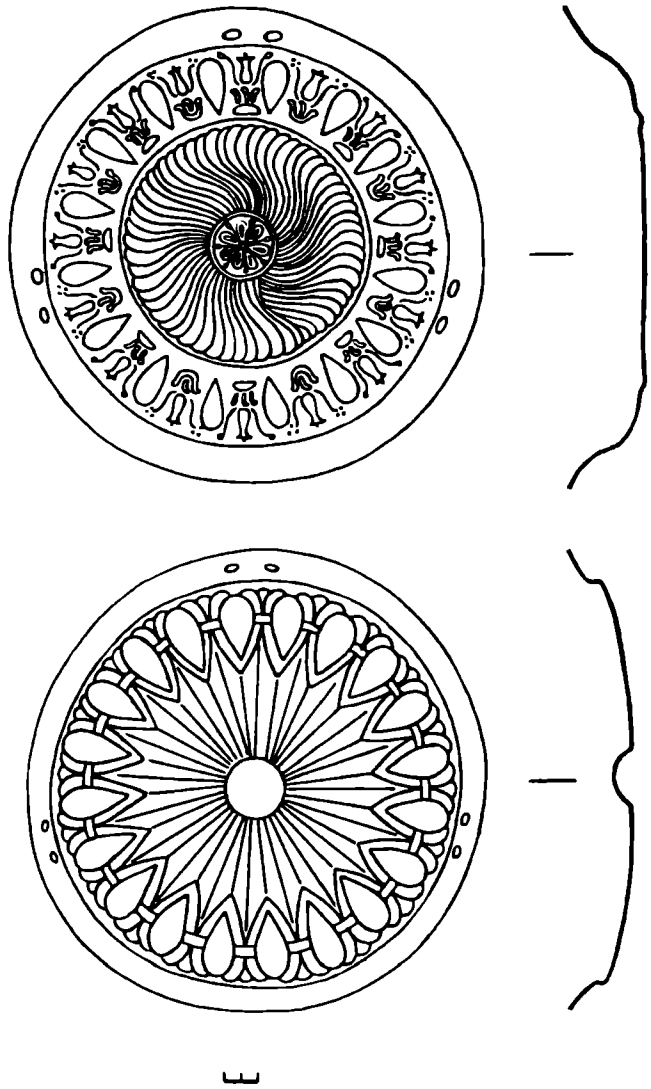


Рис. 1. Серебряные блюда из Прохоровского кург. № 1

Сюжет сосудов из Прохоровки – солярная розетка – один из наиболее популярных: растительные и вихреобразные розетки составляют почти половину (47%) всех сюжетов на фалерах раннесарматского времени. Фалары с подобным орнаментом изображены на тканях Ноин-улы (Тревер К.В., 1940, табл. 40), позднеэллинистическом рельефе из Халчаяна (Пугаченкова Г.А., 1979, с. 90, рис. 103, 112), ближневосточных терракотах (Ghirshman R., 1962, p. 104, 106, fig. 119, 122), горных иранских рельефах (Vanden Berghe L., 1959, p. 60, pl. 89b), а также селевкидских серебряных блюдах из собрания Эрмитажа (Луконин В.Г., 1987, рис. 8, 19, 23, 27, 34).

Вряд ли прохоровские сосуды были фалерами изначально. Об этом свидетельствует прежде всего надпись на одном из них: "чаша Атромитра" (tašti Athromithr). Г. Лушей в своем своде определил прохоровские блюда как поздние дериваты ахеменидских фиал и датировал их рубежом IV–III вв. до н.э. (Luschey H., 1939. S. 54). М. Абка и-Хавари включил их в свой, самый полный на сегодняшний день, каталог ахеменидских фиал (Abka'I-Khavari M., 1988, № F3c16, F3c17), где наиболее точные аналогии прохоровским блюдам датируются не позднее IV в. до н.э., причем на серебряном блюде из Метрополитен-музея имеется надпись Артаксеркса (Abka'I-Khavari M., 1988, № UF2c4, UF2c5, UF2c9).

Надписи, начертанные на сосудах, были переведены и кратко проаннотированы академиком П.К. Коковцевым в письме к М.И. Ростовцеву (Ростовцев М.И., 1918,

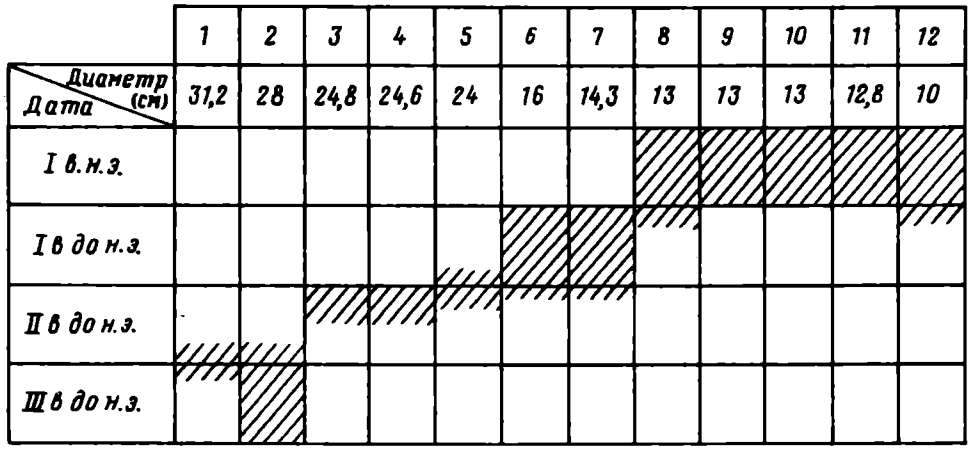


Рис. 2. Таблица корреляции диаметра фаларов и их датировки. *1* – Федуловский; *2* – Прохоровка; *3* – фалары со слонами из Кунсткамеры; *4* – Володарка; *5* – Новоузенск; *6* – Кривая Лука-IX; *7* – Северский; *8* – Воздвиженская; *9* – Садовый; *10* – Жутово; *11* – фалары из Сибирской коллекции; *12* – Зубовский

с. 82, 83). По особенностям начертания некоторых букв в надписи "чаша Атромитра" он относит ее к III "или даже II в. до н.э.". Другая надпись не дает, по его мнению, данных для точной датировки и обозначает вес чаши. Если последнее предположение верно, то эта надпись была нанесена мастером на блюдо, видимо, вскоре после его изготовления. Но между изготовлением другого блюда и нанесением на него надписи владельцем вполне может быть некоторый хронологический разрыв. Что же касается времени переделки блюд в фалары, то его невозможно точно установить. Оно соответствует хронологическому промежутку между изготовлением блюд и датой погребения в кург. № 1.

О дате сооружения Прохоровского кург. № 1 существуют различные точки зрения – от IV–III вв. до н.э. (Мошкова М.Г., 1963, с. 8) до III–II вв. до н.э. и даже II в. до н.э. (Ростовцев М.И., 1918, с. 79; Полин С.В., 1992, с. 75–77). В задачу данной статьи не входит подробный хронологический анализ этого комплекса. Тем не менее хотелось бы высказать по этому поводу ряд замечаний.

В настоящий момент, на мой взгляд, нет данных, позволяющих ограничить дату кург. № 1 II в. до н.э.

Так, из данного кургана происходит довольно архаичное кованое зеркало с пластинчатой ручкой, которое имеет прямые аналогии в кург. № 2 и 3 (Мошкова М.Г., 1963, табл. 27, *19–21*). Тезис о том, что зеркало могло происходить "из более раннего кург. № 4", как полагает С.В. Полин (Полин С.В., 1992, с. 76), не может быть всерьез принят во внимание.

К комплексу 1 Прохоровского кургана относится также железный литой панцирь. Он состоит из 2 частей, передней и задней, доходивших до пояса. К вырезу горловины, проймы и к поясу крепились с помощью заклепок железные желобчатые полоски (Ростовцев М.И., 1918, с. 13, рис. 15, 16). Находка подобного панциря – единственная в сарматских погребениях. Железные чешуйчатые панцири нередко встречаются в скифских погребениях Тясминской и Поросской групп, с датой от V до III в. до н.э. (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с. 91, 92, рис. 26, *4*, с. 122, табл. 14). Литой бронзовый панцирь с личиной Медузы Горгоны найден в кургане IV в. до н.э. у станицы Елизаветинской (Анфимов Н.В., 1987; с. 150, 151). Сплошные бронзовые кирасы носили греческие гоплиты. В классическую эпоху они доходили до бедер, позже стали закрывать только торс воина. С начала III в. до н.э. наряду с бронзовыми распространяются и железные кирасы (Блаватский В.Д., 1954, с. 46).

Прохоровская гривна стоит особняком среди сарматских золотых украшений. Она относится к типу многовитковых проволочных гривен с зооморфными окончаниями и сделана из медной проволоки, обложенной золотой пластиной, края которой склепаны,

а не сварены. Такой же конструкции гривны, но без зооморфных окончаний найдены и в других курганах прохоровской группы. Гривны из Курджипса, Ахтанизовки, Ставропольского клада и Буеровой могилы, приведенные М.И. Ростовцевым в качестве аналогий находке из кург. № 1, отличаются от нее как по конструктивным, так и по стилистическим особенностям. На различия в художественном оформлении этих вещей указала И.П. Засецкая (Засецкая И.П., 1989, с. 36).

Точные стилистические аналогии прохоровской гривне до сих пор не установлены, но можно привести в пример аналогичные ей по технологическим и конструктивным особенностям украшения. Так, многовитковые проволочные гривны, изготовленные из медного прута с драгоценными обкладками, весьма характерны для кочевого населения Приуралья V–IV вв. до н.э., но иногда встречаются и в погребениях III в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1975, с. 138, рис. 54, *2*; с. 140, рис. 55, *3*; Пшеничнюк А.Х., 1983, табл. XXXI, *3*, табл. VIII, *2*). Позднее III в. до н.э. гривны такого типа в Приуралье не зафиксированы.

Найденные в погребении золотые обкладки ножен меча по особенностям декора не имеют полной аналогии в сарматских древностях. М.И. Ростовцев в качестве аналогий им указывает на парадные ножны из Красногорского кургана, дата которого, видимо, не позднее IV в. до н.э.[2], и из Буеровой могилы в Прикубанье III–II вв. до н.э., причем по особенностям декора прохоровский меч ближе ко второму экземпляру. Ножны мечей с расширением на конце – бутеролью и одной лопастью в верхней части известны в скифских комплексах IV–III вв. до н.э. (Степи европейской части СССР..., 1989, табл. 32, *11*, *13а*). Но они отличаются от прохоровских как стилистически, так и конструктивно (одна лопасть вверху вместо двух, отсутствие отверстий на бутероли и др.), что подразумевает и иной способ крепления ножен к портупее. Наличие на ножнах типа прохоровских двух пар отверстий – в верхней и нижней части – дало основание А.В. Симоненко отнести их к началу эволюции ножен с боковыми выступами (Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991, с. 41).

Прохоровские ножны выделяются среди прочих также употреблением в их декоре двухслойной цветной эмали. Сочетание эмали с золотом стало обычным явлением в эпоху эллинизма, но отдельные экземпляры появляются в более раннее время (Hoffmann H., Davidson P.F., 1965, p. 148, fig. 53a-b; p. 190, 191, fig. 71a-c; p. 227, fig. 92b). Наиболее близки стилистически к орнаменту прохоровских ножен окончания куль-обской гривны IV–III вв. до н.э. (Степи европейской части СССР..., 1989, табл. 42, *22*).

Сказанное выше показывает, что комплекс вещей Прохоровского кург. № 1 в большей степени отражает реалии раннеэллинистической эпохи IV–III вв. до н.э., соответствующей на западе кочевого мира скифским курганам типа Солоха, Куль-оба и др. Возможно, позиции кург. № 1 в большей степени прояснятся в ходе детального хронологического анализа всей прохоровской группы курганов с точки зрения современной науки. Наиболее вероятной датой для Прохоровского кург. № 1 является, видимо, III в. до н.э., и в настоящий момент нет оснований повышать ее до II в. до н.э.

В любом случае Прохоровский кург. № 1, по всей видимости, наиболее ранний сарматский комплекс с украшениями конской упряжи нового типа (наплечные бляхи-распределители ремней). Все находки и изображения такого рода фаларов происходят с территории восточноевропейских степей, а также Сирии (Пальмира), Бактрии (Халчаян), Индии (Таксила), Монголии (Ноин-ула). Причем наиболее ранние находки происходят с собственно сарматской территории.

Правомерен вопрос: откуда происходит широко распространившаяся в иранском мире в последние века до н.э. и I в. н.э. мода на подобные украшения? Является ли эта новая система упряжи сарматским изобретением или она заимствована у какого-либо другого народа? Ответ на этот вопрос не может быть решен однозначно. В том

[2] Ссылаюсь на мнение В.Ю. Зуева, исследующего этот комплекс и любезно давшего мне консультацию на этот счет.

случае, если блюда были переделаны сарматами, то у них к этому времени (III в. до н.э.) уже должна была существовать такая система упряжи, где употреблялись бы подобные бляхи. К сожалению, находки драгоценных фаларов в ранних сарматских погребениях единичны, да и в тех не сохранилось остатков упряжи, на основе которых можно было бы полностью реконструировать уздечный набор. Близкие по времени Пазырыкские курганы дают иной тип упряжи, в котором использование блях типа прохоровских не предусмотрено (Руденко С.И., 1953, рис. 109, 128, 196).

Если же прохоровские блюда попали к сарматам уже в качестве фаларов, тогда, видимо, имеет место факт заимствования не только самих вещей, но и собственно моды на эти вещи. В таком случае возможной родиной фаларов – распределителей наплечных ремней конской сбруи могли быть Иран и Бактрия. В Бактрии, по крайней мере во II в. до н.э., существовали ремесленные мастерские, производившие такие фалары с изображением как эллинистических (бляхи с изображением Беллерофонта: Кушаев Г.А., 1983, с. 440), так и варварских (фалары со слонами из Сибирской коллекции) сюжетов.

В настоящий момент, на мой взгляд, нельзя отдать предпочтение какой-либо из этих гипотез. Не исключены и другие варианты решения данной проблемы, но это уже вопрос отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анфимов Н.В., 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.

Берхин (Засецкая) И.П., 1962. О месте изготовления парных фаларов Федуловского клада // СГЭ. Вып. XXII. Л.

Беспалый Е.И., 1992. Курган сарматского времени у г. Азова // СА. № 1.

Блаватский В.Д., 1954. Очерки военного дела в античных государствах Северного причерноморья. М.

Гросу В.И., 1986. Сарматское погребение в Поднестровье // СА. № 1.

Засецкая И.П., 1989. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // СА. № 3.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного правобережья. Киев.

Кушаев Г.А., 1983. Раскопки в Уральской области // АО-1981. М.

Луконин В.Г., 1987. Селевкидское серебро. М.

Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1–10. М.

Полин С.В., 1982. От Скифии к Сарматии. Киев.

Пугаченкова Г.А., 1979. Искусство Бактрии эпохи кушан. М.

Пшеничнюк А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Ростовцев М.И., 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг.

Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.

Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев.

Смирнов К.Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.

Спицын А.А., 1909. Фалары Южной России // ИАК. Вып. 29. СПб.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. 1989. Археология СССР. М.

Тревер К.В., 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л.

Abka'I-Khavari M., 1988. Die Achamenidischen Metalischaler // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Bd. 21. Berlin.

Ghirshman R., 1962. Iran: Parther und Sasaniden. München.

Hoffmann H., Davidson P.F., 1965. Greek Gold. Jewelry from the Age of Alexander. Brooklyn.

Luschey H., 1939. Die Phiale. Bleizherode um Garz.

Pfrommer M., 1993. Metalwork from the Hellenized East. Malibu.

Raev B.A., 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin // BAR International Series 278. Oxford.

Vanden Berghe L., 1959. Archaeologie de l'Iran ancien. Leiden.

Волгоградский университет

V.I. MORDVINTSEVA

CONCERNING THE USE OF PROKHOROVSKY DISHES

Summary

The fragments of the dishes found in Prokhorovsky barrow have the peculiarity that makes possible to look at this famous complex from a new point of view. There are three pairs of holes at the edges of the dishes which probably had the staples fixed in them (fig. 1). The number and position of the loops are typical for the distributing plates of the shoulder straps used in the horse harness in the early and middle Sarmatian times. In this case Prokhorovsky barrow-1 is the earliest Sarmation complex where this type of the horse harness decorations were found. The dishes could be remade by the Sarmatians themselves. Thus this type of the horse harness must have been introduced by that time (3rd cent. B C). If Prokhorovsky dishes were brought to the Sarmatians as the trophies it means that they borrowed not only the things thenselves but also the fashion on them. Iran and Baktria were probably the motherland of a new type of horse harness.

С.Ю. САПРЫКИН, О.Д. ЧЕВЕЛЕВ

ФРАГМЕНТ ГРЕЧЕСКОЙ НАДПИСИ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ: К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ БОСПОРСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ СОЮЗОВ

В сентябре 1989 г. при осмотре траншеи под линию канализации по 2-му Портовому переулку было найдено несколько фрагментов известняковой плиты с остатками надписи. По словам рабочих, большая часть этой плиты (длина ок. 1 м) была вывезена с грунтом на территорию торгового порта и сброшена в море.

Плита являлась частью перекрытия погребения в грунтовой яме. Стеклянный бальзамарий (Кунина Н.З., Сорокина Н.П., 1972, с. 49, рис. 1) датирует погребение II – серединой III в. н.э. В траншее по 2-му Портовому переулку и от него вдоль ул. Горького прослежено и раскопано около 30 погребений IV в. до н.э. – III в. н.э., в том числе 4 каменных склепа I–II вв. н.э. Исследованный участок является частью северо-восточного некрополя Пантикапея, так называемого "Глинища".

Плита сделана из плотного керченского известняка в изломе белого цвета (рис. 1). Обнаружено четыре фрагмента с остатками надписи и один фрагмент верхней части с остатками фронтона, от которого сохранился только один левый угол. При этом сама плита не завершалась фронтоном, а была вверху прямоугольной, фронтон же был вырезан в поле плиты. Ширина плиты – 0,60–0,62 м, толщина – 0,20 м, высота была не менее 1,5 м. На боковых гранях под рельефным карнизом высотой 0,04 м вытесаны розетки диаметром 0,055 м. Над надписью вытесан карниз, от которого сохранился левый угол. Общая его высота была ок. 0,2 м, справа и слева от надписи оставлены поля шириной 0,045 м. Расстояние между строками надписи 0,025 м, высота букв 0,058 м. На грубо обработанной обратной стороне камня сохранились следы инструмента, ширина рабочей части которого 0,03 м.

От надписи сохранилось четыре строки текста, а на одном небольшом фрагменте, который не состыковывается с другими, еще одна буква N. К сожалению, трудно установить, к верхней или нижней части надписи относилась эта буква и фрагмент камня. Во всяком случае заглаженное обработанное пространство справа от буквы *ню* позволяет предположить, что фрагмент являлся правым краем плиты, а *ню* и сохранившаяся перед нею нижняя часть правой гасты от А – окончанием слова или предложения, выделенного в абзац. По шрифту надпись можно датировать концом I – первой половиной II в. н.э. На это указывают слабое апицирование, суженность *ню*, лунарная *сигма*, курсивная *омега*, узкое закругление *ро*, ломаная поперечная гаста *альфы* и др. (Болтунова А.И., Книпович Т.Н., 1962, с. 11, табл. IV). Датировку подтверждает и вторичное использование плиты в качестве перекрытия могилы, датируемой не ранее II в. н.э. Текст надписи следующий:

1 [.....] ᾳ̣ν
2 γυμ[νασιάρχη] –
3 ν Πύρρη[ν* κ] αὶ νε̣ –
4 ανισκάρχην Σω –
5 σί̣ᾳ̣ν καὶ τῶν
6 [λοιπῶν συνο] –
7 [δειτῶν.....]

© С.Ю. Сапрыкин, О.Д. Чевелев, 1996 г.

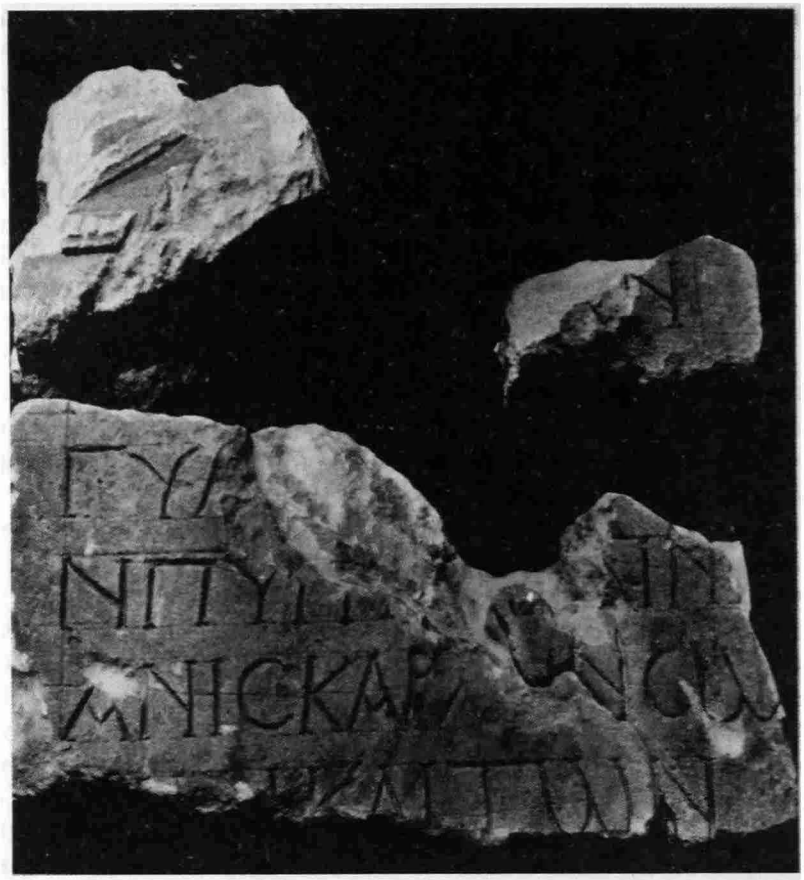


Рис. 1. Фрагмент надписи фиаса из Пантикапея

*Πύρρος > Πύρρου = Πύρρυ, вин. пад. Πύρρον, однако во II–III вв. возможны замены окончаний слов мужск. рода с основой на – α (им. пад. ед. числа – ης) на параллельную форму с основой на –ο (–ος) и обратно.

Перевод: "... (и) гимнасиархом Пирром и неанискархом Сосием и (остальные синодисты)..."

Надпись представляет собой среднюю часть стелы, которую поставили руководящие члены религиозного союза – фиаса или синода, очевидно, если судить по месту находки, пантикапейского. Поскольку плита обнаружена на некрополе, она могла быть возведена какому-то умершему члену этого союза. Как свидетельствуют надписи подобного рода, возведение стелы сопровождалось по обыкновению постановкой изображения умершего фиасота или синодиста. Такого рода памятники не редкость для боспорской столицы первых веков н.э., так как большая часть дошедших до нас надписей членов фиасов или синодов связана с постановкой надгробных памятников и стел (КБН, 78–108).

В сохранившихся строках надписи упоминаются самые низшие должности в фиасах (синодах) – гимнасиарх и неанискарх. По сохранившимся кончикам букв имена лиц, которые занимали эти должности, восстанавливаются как Пирр и Сосий. Имя Пирр встречается в боспорском ономастиконе неоднократно: Пирр, сын Гераклеонта, засвидетельствован в Пантикапее на надгробии I в. н.э. (КБН, 504), в Горгиппии оно встречается как потронимик в списке имен граждан III в. до н.э. (КБН, 1137), в Нимфее найдено надгробие IV в. до н.э., принадлежащее Пирру, сыну Эвринома, выходцу из Гераклеи Понтийской (КБН, 923). Что до имени Сосий, то оно было также распространено среди жителей Горгиппии во времена Савромата II (КБН, 1179), Пантикапея (КБН, 89) и однажды зафиксировано на надгробии выходца из Амиса и его жены, обнаруженном в Пантикапее (КБН, 249). Судя по характеру имен, гимна-

сиарх и неанискарх фиаса были эллинами. Для нас большой интерес представляет стела, поставленная синодом во главе с синагогом Зотумой, филагафом и секретарем синода, вместе с остальными фиасотами, некоему Сосию в Пантикапее. Стела датируется первой половиной II в. н.э. и по времени близка нашей надписи. Вполне допустимо, что этот Сосий тождествен Сосию – неанискарху нашей надписи и в них можно видеть одного и того же человека, члена фиаса или синода, замещавшего в его иерархии как минимум должность неанискарха.

Как уже говорилось, и гимнасиарх и неанискарх принадлежали к самым низшим ступеням в иерархии боспорских фиасов или синодов. Как правило, в надписях боспорских коллегий они названы после всех должностных лиц фиасов. После них упоминается только секретарь (КБН, 1263 – Танаис). Поэтому можно предполагать, что замещение этих должностей было самой первой ступенью в карьере фиасотов – граждан боспорских городов. В Пантикапее гимнасиарх лишь дважды засвидетельствован в надписях союзов-фиасов (КБН, 90 – гимнасиарх Лисимах, сын Харитона, вторая половина II в. н.э.; 103 – гимнасиарх Дадой сын Антимаха, конец III в. н.э.). Однажды должность неанискарха встречается в Мирмекии (КБН, 870), однако чаще всего гимнасиархи и неанискархи вместе упоминаются в надписях религиозных союзов Танаиса среди должностных лиц синодов (КБН, 1260–1288). Все надписи, которые дают нам эти должности, датируются в основном II–III вв. н.э., поэтому можно полагать, что означенные должности появились в религиозных союзах-фиасах не ранее I в. н.э.

Следует обратить внимание на сравнительно редкое, в отличие от Танаиса, упоминание гимнасиархов и неанискархов в документах пантикапейских фиасов (синодов). В этой связи вызывает интерес мысль М.И. Ростовцева, что отличительной чертой всех боспорских коллегий или союзов-фиасов "является то, что они состоят главным образом из молодых людей – νεανίσκοι, и что одной из целей их объединения являются совместные упражнения в гимнасиях"; это подтверждается появлением в их составе должностных вышеупомянутых лиц. Отсутствие в некоторых коллегиях этих магистратур объясняется, по его мнению, тем, что в одни союзы или коллегии вступали только юноши, в другие только взрослые, а также, возможно, и тем, что в каждой коллегии группа юношей обычно была выделена (Ростовцев М.И., 1989, с. 200). Т.Н. Книпович подчеркивала исключительно культовый характер объединений фиасов или синодов, способствовавших сохранению эллинских традиций в варварской среде. Поскольку среди фиасотов был значительный процент варварского сарматского населения, особенно в Танаисе, то, по ее мнению, боспорские союзы-фиасы не являлись замкнутыми чисто греческими объединениями (Книпович Т.Н., 1949, с. 114–121). Совершенно справедлива точка зрения некоторых исследователей, что боспорские религиозные объединения в условиях греко-варварских царственных устоев сохраняли элементы полисной жизни и идеологии (Астахов В.А., 1991, с. 11, 12). Поэтому вполне вероятно, что в некоторых религиозых союзах Пантикапея, Танаиса и других боспорских городов некоторые члены сохраняли эллинские традиции и культуру, занимались гимнастическими упражнениями и гимническими состязаниями, пытались воспитывать своих молодых сочленов в любви ко всему греческому. Это и входило в обязанности гимнасиархов и неанискархов, что косвенно подтверждает эллинский характер имен лиц, которые в публикуемой надписи исполняли эти должности в религиозном союзе. Мы, однако, не можем согласиться с М.И. Ростовцевым в том, что отсутствие в некоторых надписях упоминаний об этих должностях должно свидетельствовать об объединении в союзе лишь взрослого населения. Скорее всего это связано с сакральным характером соответствующих объединений. В том случае, когда в руководящий орган союза входили означенные должностные лица, божество, вокруг которого объединялись члены союза, требовало организации празднеств и обрядов с обязательным включением агонов и других состязаний молодых людей, воспитанных в традициях эллинских эфебов. Если же эти должности отсутствовали, то в таком случае божество и справляемые фиасотами обряды не требовали таких состязаний и подготовки к ним молодых членов. Следовательно, не было нужды

включать гимнасиархов и неанискархов в руководство объединением. Это, как мы полагаем, стало причиной сравнительно редкого упоминания неанискархов и гимнасиархов в пантикапейских надписях. С другой стороны, если надписи танаисских фиасов и синодов в большинстве своем посвятительные и поставлены по обету, как правило, богу Высочайшему и Внемлющему или в честь какого-либо празднества, как, например, в честь "дня Танаиса" (КБН, 1259), то большинство пантикапейских документов представляет собой надгробия умершим членам союзов. Очевидно, организация погребальных празднеств редко требовала проведения гимнастических состязаний или игр эфебов, тогда как сугубо религиозные празднества в Танаисе не могли, вероятно, проводиться без соответствующих действий. Потому там и упоминаются неанискархи и гимнасиархи много чаще, нежели в Пантикапее.

В этой связи интерес представляет также мнение Д.Б. Шелова, что в Танаисе было два типа союзов: союзы первого типа – фиасы (синоды) – перечисляли всех должностных лиц, а союзы второго типа – "приемные или усыновленные братья" – указывали в своих документах только старейшин и не были столь иерархичны, как первые (Шелов Д.Б., 1972, с. 260–298). Очевидно, можно допустить, что подобная или близкая ситуация имела место и в Пантикапее. Другое возможное объяснение может заключаться в том, что танаисские надписи обычно упоминают титулатуру и имя правящего царя, что выдает их государственно-религиозный или административный характер, требовавший включения в документ всех руководящих членов союза. Не случайно ведь танаисские союзы считались либо военно-религиозными объединениями (Новосадский Н.И., 1928, с. 67, 68; Блаватский В.Д., 1964, с. 213, 214), либо объединениями свободного населения города (Гайдукевич В.Ф., 1948, с. 437; Книпович Т.Н., 1949, с. 107–109), либо, развивая последний тезис, группировками его правящей верхушки (Жебелев С.А., 1953, с. 215; Шелов Д.Б., 1972, с. 278).

В отличие от них пантикапейские надписи касаются только членов союза и упоминание царя и его титулатуры там практически не встречается. Это делает излишним перечисление всех должностных лиц фиасов, позволяя ограничиться только самыми старшими из них.

Сравнение надписей, упоминающих о гимнасиархах и неанискархах, показывает следующую картину: 1) неанискархи всегда названы вместе с гимнасиархами и никогда в отдельности; лишь дважды – в Мирмекии (КБН, 870) и Танаисе (КБН, 1267) – гимнасиархи в надписях отсутствуют, однако эти документы столь фрагментарны, что возможность упоминания в них гимнасиархов вполне допустима; 2) гимнасиархи могут упоминаться без неанискархов, как, например, в Горгиппии (КБН, 1140) и Пантикапее (КБН, 90), что говорит о более высоком ранге этой должности в иерархии боспорских коллегий и ее более раннем, нежели должность неанискарха, появлении. Последнее подтверждается также и тем, что во II в. н.э. должность гимнасиарха в надписях фиасов (синодов) всегда упоминается перед неанискархом, и только в III в. н.э. неанискарх всего лишь трижды назван перед гимнасиархом (ср. КБН, 1277, 1280, 1288 – Танаис).

В литературе уже давно ведется спор о том, каков был характер религиозных союзов Боспора и есть ли какие-либо различия между фиасами и синодами. Приведенные Е. Цибартом и Ф. Поландом данные показывают, что термином "синод" назывались, как правило, культовые, а терминами "койнон" и "фиас" профессиональные объединения, хотя и название "синод" встречается среди профессиональных, а "фиас" среди культовых союзов (Сапрыкин С.Ю., 1986, с. 68; Ziebarth E., 1896, S. 37; Poland F., 1909, S. 159). Опираясь на выводы этих исследователей, мы в свое время также выдвинули предположение, что на Боспоре термин "синод" являлся исключительно культовым по характеру, поэтому группировки, которые обозначены в надписях этим термином, можно считать сугубо религиозными обществами – фиасами (ср. Сапрыкин С.Ю., 1986, с. 67–69; см. также Книпович Т.Н., 1949, с. 116; Жебелев С.А., 1953, с. 299–302; Астахов В.А., 1991, с. 11, 12), а объединения, где название "синод" не употребляется, религиозно-профессиональными союзами типа фиаса навклеров в

Горгиппии (Сапрыкин С.Ю., 1986, с. 69; Астахов В.А., 1991, с. 11, 12). Н.И. Новосадский, кстати, также считал фиасы исключительно религиозными объединениями (Новосадский Н.И., 1928, с. 55–60). Более тщательное изучение всех известных боспорских надписей с этими терминами, в особенности пантикапейских надгробных стел фиасотов, привело нас к убеждению, что такое разделение союзов чисто условное. В религиозных союзах – фиасах синод являлся их руководящим органом, объединяя в своем составе всех должностных лиц фиасов. Это подтверждается тем, что с I в. до н.э. особых различий между "синодом" и "койнон" уже не было, при том что первый из них изначально обозначал регулярные собрания членов союзов для культовых и праздничных действий (Сапрыкин С.Ю., 1986, с. 69; Ziebarth E., 1896, S. 136–138; Ziebarth E., 1901, S. 1422–1424; Poland F., 1909, S. 247 suiv.). Со временем, когда эти празднества стали регулярными и к их участникам прибавилось много новых, ставших членами религиозных союзов, группировавшихся вокруг тех или иных божеств, первоначальное ядро почитателей выделилось в руководящее ядро этих союзов, став их синодами наподобие религиозного совета старейшин.

В Пантикапее надгробные памятники сооружались, как правило, должностными лицами союзов-фиасов, объединенными в синоды, а также остальными лицами, в число которых входили либо члены руководства союза, т.е. οἱ λοιποὶ συνοδεῖται – "остальные синодисты", либо члены фиаса, т.е. οἱ λοιποὶ θιασῖται – "остальные фиасоты", в число которых, как мы полагаем, входили рядовые члены объединений. Поэтому в стк. 5–7 мы можем восстановить τῶν [λοιπῶν συνοδειτῶν] или τῶν [λοιπῶν θιασιτῶν]. Однако, по аналогии с пантикапейской надписью (КБН, 103), где все руководство религиозного союза – синод, в том числе гимнасиарх и неанискарх, как в нашей надписи, и "остальные синодисты" /οἱ λοιποὶ συνοδεῖται/ ставят изображение усопшего сочлена, мы также склонны восстановить в публикуемой надписи τῶν [λοιπῶν συνοδειτῶν] (ср. также КБН. 97: τῶν λοιπῶ[ν]συνοδειτῶν.

Обращает на себя внимание разнообразие подобных формулировок: οἱ λοιποὶ συνοδεῖται (θιασῖται), τῶν λοιπῶν συνοδειτῶν (θιασιτῶν), τοῖς λοιποῖς συνοδείτοις.

Отмечая такой же характер формул в надписях религиозных союзов Танаиса, в частности в надписи о праздновании "дня Танаиса" (КБН, 1259), Д.Б. Шелов замечает, что скорее всего τῶν λοιπῶν θιασειτῶν означает, что не все члены фиаса участвовали в праздновании дня города, а сам союз-фиас был создан для других целей; празднование же "дня Танаиса" было лишь побочной стороной деятельности фиасотов (Шелов Д.Б., 1972, с. 274). Очевидно, такая же ситуация имела место и в столице Боспора: не все члены синода или фиаса участвовали в организации похорон и внесении денег на эту церемонию. В том случае, когда мы имеем формулу им. пад. мн. числа οἱ λοιποὶ συνοδεῖται или οἱ λοιποὶ θιασεῖται, это значит, что все члены союза внесли свою долю в траурную церемонию, а если стоит род. пад. мн. числа τῶν λοιπῶν συνοδειτῶν (θιασιτῶν), то это может означать, что в церемонии принимали участие лишь наиболее богатые и знатные члены синода или всего союза-фиаса. В этой связи заслуживает внимания заключение С.А. Жебелева, изучавшего танаисский союз "братьев-приемышей". Он установил, что члены этого объединения-коллегии делились на два разряда – "по рождению" и "не по рождению". Первые пользовались большими материальными привилегиями, так как их отцы были членами коллегий, вторые были этих материальных привилегий лишены, поэтому должны были уплачивать больший вступительный взнос (Жебелев С.А., 1953, с. 299–302). Можно предположить, что и в Пантикапее ситуация была похожей. В том случае, когда стоит формула οἱ λοιποὶ συνοδεῖται или οἱ λοιποὶ θιασεῖται, это может означать, что все члены союза, независимо от материальных привилегий, уплачивали деньги для организации погребальных церемоний и постановки стел. Если же мы имеем τῶν λοιπῶν συνοδειτῶν, τῶν λοιπῶν θιασειτῶν, то в этих церемониях участвовали, вероятно, только те лица, которые могли пользоваться в союзе большими материальными привилегиями.

Если привлечь пантикапейскую надпись (КБН, 90), согласно которой синодисты – должностные лица фиаса и "остальные фиасоты" – ставят памятник члену своего синода (любопытно, что это единственный пантикапейский документ, в котором не упомянут неанискарх, а только один гимнасиарх), то можно прийти к заключению, что в случае смерти должностного лица фиаса, т.е. члена его руководящего совета – синода, средства на постановку ему памятника должны были вносить все члены фиаса, причем и те, кто мог пользоваться бóльшими материальными привилегиями, полученными по наследству от отцов-фиасотов. В случае же погребения рядового фиасота памятник или стелу возводили только руководящие члены фиаса, т.е. синодисты. Исключение представляет только надпись КБН, 86, согласно которой весь синод ставит памятник своему сочлену, т.е. члену синода. Эта надпись вообще отличается краткостью и выпадает из всего ряда остальных документов, в которых обязательно упоминаются "остальные фиасоты или синодисты".

Если наше заключение соответствует действительности, то можно с большой долей вероятности предположить, что Стратоник, сын Токона, член синода, изображение которого после смерти поставили фиасоты (КБН, 90), при жизни мог быть их неанискархом. Вот почему в перечне должностных лиц синода, поставивших памятник, его должность неанискарха отсутствует, что необычно для боспорских надписей фиаса, где гимнасиарх и неанискарх обычно упоминаются рядом. Не исключено, что Сосий, которому синод и остальные фиасоты из наиболее обеспеченных ставят стелу, мог быть тождествен Сосию, неанискарху, о котором говорится в публикуемой на этих страницах надписи из Пантикапея. В этом убеждает совпадение датировок обеих надписей. В таком случае синод и фиасоты "по рождению" могли участвовать в оплате похорон не только умерших членов синода, но и лиц, которые ранее состояли в руководстве союза, а к моменту смерти уже перестали в него входить. Тем не менее они пользовались преимуществами "по рождению" сравнительно с другими членами объединений.

Таким образом новонайденный фрагмент пантикапейской надписи фиаса позволяет вновь поднять сложные вопросы организации этих боспорских союзов и предложить некоторые новые объяснения не отмечавшихся ранее моментов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Астахов В.А., 1991. Боспорское царство в I в. до н.э. – IV в. н.э. М.

Блаватский В.Д., 1964. Пантикапей. М.

Болтунова А.И., Книпович Т.Н., 1962. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. Вып. 3.

Гайдукевич В.Ф., 1948. Боспорское царство. М.; Л.

Жебелев С.А., 1953. Северное Причерноморье. М.; Л.

Книпович Т.Н., 1949. Танаис. М.; Л.

Кунина Н.З., Сорокина Н.П., 1972. Стеклянные бальзамарии Боспора // ТГЭ. Т. XIII.

Новосадский Н.И., 1928. Боспорские фиасы // ТСАРАНИОН. Вып. 3.

Ростовцев М.И., 1989. Исследования по истории Скифии и Боспора. Гл. VI: Государство и культура Боспорского царства // ВДИ. № 3.

Сапрыкин С.Ю., 1986. Из эпиграфики Горгиппии // ВДИ. № 1.

Шелов Д.Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М.

Poland F., 1909. Geschichte des griechischen Vereinswesens. Leipzig.

Ziebarth E., 1896. Das griechische Vereinswesens. Leipzig.

Ziebarth E., 1901. Σύνοδοι // RE. Bd IV.

Институт всеобщей истории РАН, Москва
Керченский государственный историко-культурный
музей-заповедник, Керчь

S.J. SAPRYKIN, O.D. TCHEVELEV

FRAGMENTS OF A GREEK INSCRIPTION FROM PANTICAPAEYN: CONCERNING THE ORGANIZATION OF BOSPHORUS RELIGIOUS UNIONS

Summary

The article deals with a part of inscription from Panticapaeum where neaniskarkh and gymnasiarkh are mentioned. It is noted that these lowest posts in the hierarchy of Bosphorus religious units appeared not earlier than in the 1st cent. A.D. The posts themselves and the Hellenistic origin of the names belonging to the persons who occupied them proves the suggestion that among the other tasks the religious units should cultivate the love of their members to the all Greek and keep the Hellenistic traditions because of the barbarian penetration to the all spheres of Bosphorus towns' life in the first centuries A.D.

В.Е. МАСЛОВ, Л.Т. ЯБЛОНСКИЙ

МОГИЛЬНИК ГЯУР-IV В СЕВЕРНОЙ ТУРКМЕНИИ

Могильник Гяур-IV находился на одной из небольших останцовых возвышенностей древней Присарыкамышской дельты Амударьи (современная Ташаузская область Туркменистана), примерно в 100 км к юго-западу от г. Куня-Ургенч, между возвышенностями Гяур-гыр (с крепостью Гяур-кала-II) и плато Тарым-кая. Песчаной грядой, спускавшейся по склону возвышенности, могильник был разделен на две группы – западную и восточную. Из 16 исследованных курганов пять, вытянутые в одну цепочку, составляли восточную группу могильника (кург. 1–5). Западная группа состояла из двух подобных цепочек, расположенных вдоль края возвышенности в широтном направлении (кург. 6–16) (Яблонский Л.Т., 1984, с. 492). Полусферические насыпи, сложенные из желтовато-серой супеси, мелких комков суглинка и известняковой крошки не превышали в высоту 60 см, но были достаточно хорошо различимы на современной дневной поверхности.

Погребальный обряд. В пяти курганах, насыпи которых не были нарушены, не обнаружено ни погребальных конструкций, ни останков погребенных, ни каких-либо артефактов. Три из них (кург. 10–12) были расположены в восточной группе, а один (кург. 4) – в западной группе.

Под насыпью кург. 5 была открыта непотревоженная грабителями погребальная камера – могильная яма с подбоем в восточной стенке, устье которого было заложено рядами известняковых плит. На дне могилы были найдены два сосуда (рис. 1, *3*, *6*), мелкие бусы и алебастровая фигурка, лежавшая лицевой частью вверх, головой на юг (рис. 2, *1*). Судя по небольшим размерам подбойной ниши (60×130 см) и полному отсутствию следов человеческих костей, этот комплекс, вероятно, является кенотафом, имитирующим детское погребение.

По конструкции все погребальные камеры делятся на два типа: грунтовые ямы с деревянным перекрытием (кург. 1–3) и грунтовые ямы с подбойными нишами (кург. 5–10 и 13–16) (рис. 3, *А*, *Б*).

Погребения в ямах без подбоя были обнаружены только в западной группе. Напротив, все могилы с подбоями, за исключением открытой в кург. 5, располагались в восточной части могильника.

Могильные ямы имели деревянные перекрытия из жердей, уложенных в продольном и поперечном направлении на поверхности погребенной почвы. Они во всех случаях были меридионально ориентированы. Размеры ям варьировали в следующих пределах: длина – 225–250 см; ширина 75–95 см; глубина – 118–151 см. Их форма в плане разнообразна: трапециевидная с более широким северным бортом (кург. 1), овальная (кург. 2), прямоугольная со скругленными углами (кург. 3).

Меридиональная ориентировка характерна и для подбойных захоронений. Все подбойные ниши устроены в восточных стенках могильных ям, которые в плане имели форму, близкую к прямоугольнику со скругленными углами или овалу. В некоторых случаях края ям были обрушены при ограблениях (кург. 7, 13–16). Судя по оформлению нетронутых грабителями захоронений, входные ямы подбойных погребений были длинными и узкими, с ровными почти отвесными стенками. Их длина варьировала в пределах 195–260 см; ширина – 72–118 см; глубина до дна подбоя – 188–213 см. При сооружении подбойных ниш, напротив устья подбоя, вдоль западной

© В.Е. Маслов, Л.Т. Яблонский, 1996 г.

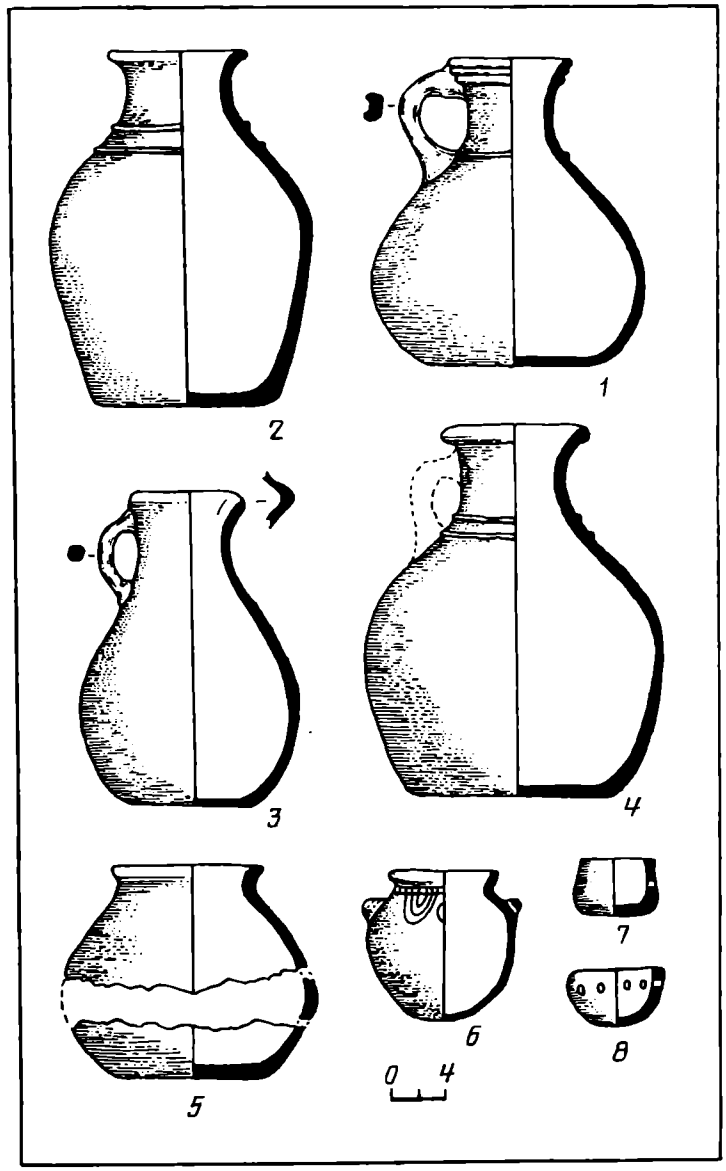


Рис. 1. Керамика из могильника Гяур-IV. *1* – кург. 1; *2, 8* – 2; *3, 6* – 5; *4* – 9; *5* – 14; *7* – 3

стены входной ямы всегда оставляли ступеньки шириной 25–60 и высотой 10–48 см. Ширина подбойных ниш – 80–145 см при высоте от дна – 45–87 см. Устья подбоев перекрывались плитами из рваного известняка двумя способами: либо они устанавливались под наклоном широкими плоскостями параллельно устью, либо укладывались горизонтальными рядами с напуском каждого верхнего ряда по отношению к нижнему.

Умершие были уложены на спину в вытянутом положении головой на юг. Заупокойная пища, судя по останкам – части овечьей тушки, размещалась в ногах погребенных.

Выделяются следующие категории погребального инвентаря: керамические сосуды и курильницы, предметы вооружения, украшения и культовые предметы. Остановимся на каждой из них подробнее.

Керамика. Представлена гончарными и лепными сосудами. Среди них – четыре кувшина и два горшка. Кувшин из кург. 1 (рис. 1, *1*) – красноглиняный, красноангобированный. Венчик сложнопрофилированный, к его краю была прикреплена овальная в сечении ручка с продольным желобком по наружней поверхности. Под горлом, чуть ниже верхнего края ручки, расположен валик. Края донца и придонная часть тулова

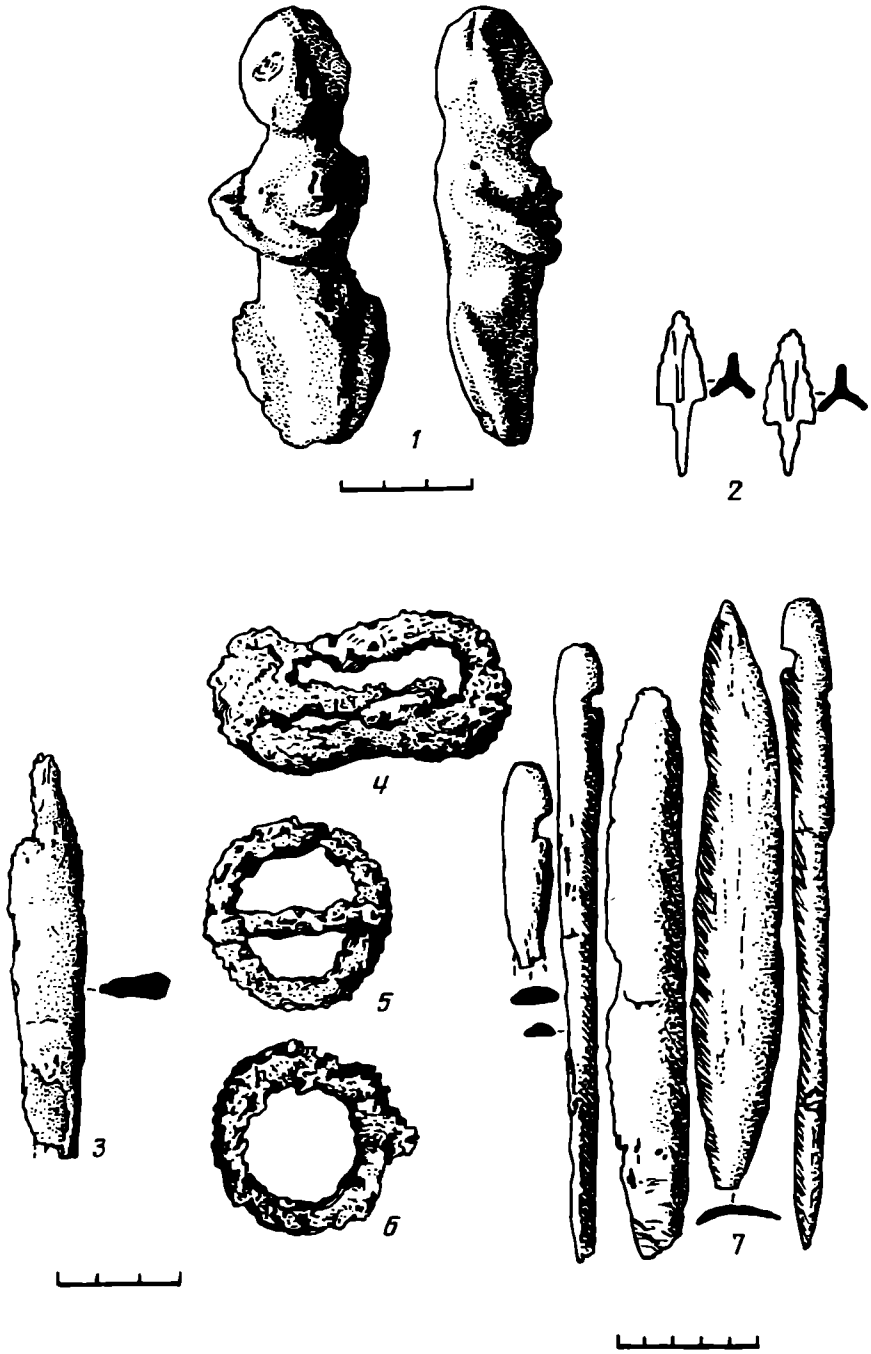


Рис. 2. Вещи из погребений. *1* – кург. 5; *2* – 6; *3* – 9; *4* – 13; *5* – 9; *6* – 3; *7* – 6. *1* – мел; *2–6* – железо; *7* – рог или кость

носят следы горизонтальной подрезки. В нижней части тулова до обжига сосуда была процарапана тамга – две параллельные насечки, перечеркнутые третьей.

Керамическое тесто и ангоб этого сосуда близки к хорезмийским изделиям, однако форма не находит аналогий. Схожие по строению профилированные венчики происходят из мусорной кучи городища Капарас и нижнего горизонта городища Топрак-кала, что позволяет достаточно уверенно относить появление узкогорлых профилированных форм в Хорезмском оазисе ко времени около начала н.э. (Древности Южного Хорезма, 1991, с. 198, 199, рис. 72, *44*, *46*; Городище Топрак-кала, 1981, с. 74, рис. 39, *19*).

Кувшин из кург. 5 (рис. 1, *3*) – светлоангобированный, светлоглиняный. Стенки

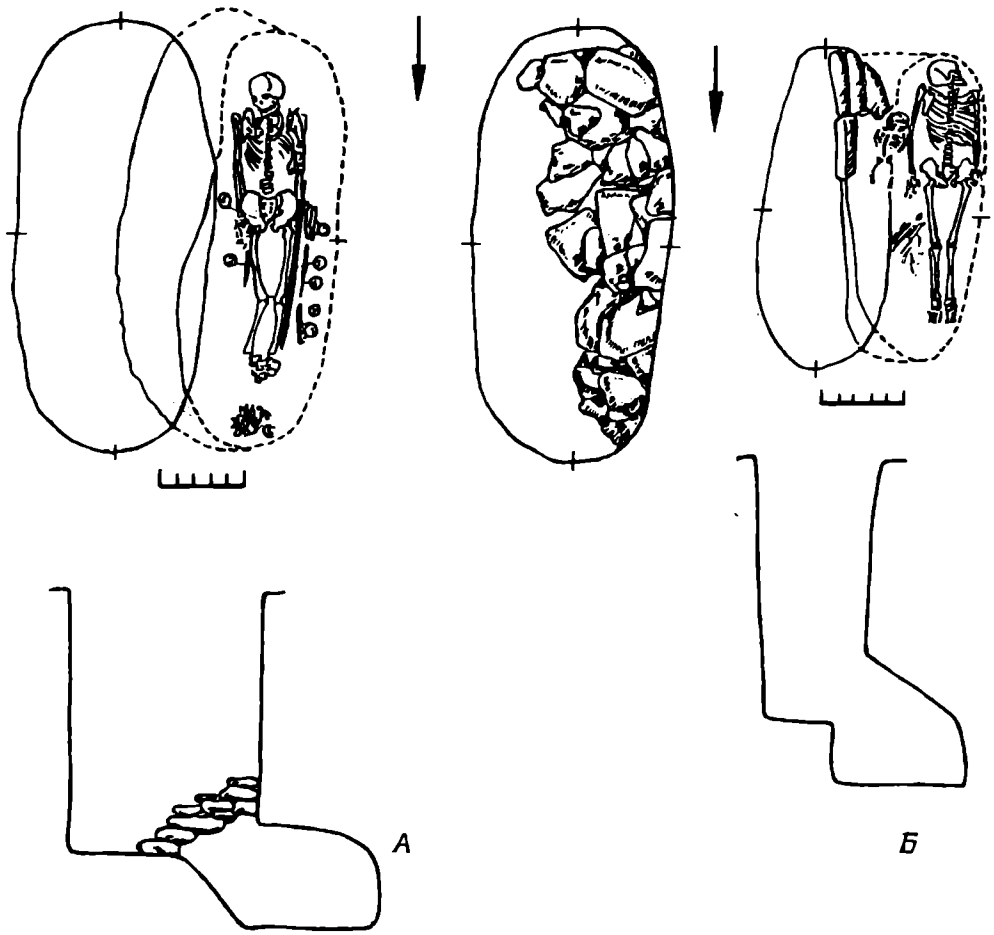


Рис. 3. *А* – план и разрез погребения в кург. 6. *1* – меч; *2* – кинжал; *3, 4* – костяные накладки на лук; *5* – кости овцы; *6* – пряжка; *7* – наконечники стрел. *1, 2, 6, 7* – железо. *Б* – план и разрез погребения в кург. 8

верхнего края венчика, ужатые с двух сторон и оттянутые наружу, образуют слив. Край устья оформлен с помощью подрезки. На горле укреплена округлая в сечении петлевидная ручка. Стенки сосуда имеют снаружи характерную ребристость.

Близкие по форме, ангобу, наличию носика слива сосуды известны среди материалов из парфянских памятников Южной Туркмении; они найдены в отвале битой тары винохранилищ Старой Нисы и на позднепарфянском поселении Чакан-депе (Крашенинникова Н.И., 1963, с. 97, рис. 3, *8*; Пилипко В.Н., 1990, табл. XXVIII, *14, 15*). Особенно характерны для парфянской керамики петлевидные, круглые в сечении ручки. В комплексе из Старой Нисы подобные сосуды датируются по обнаруженным вместе с ними остраконам серединой I в. до н.э. Сходные кувшины происходят и из помещений крепости Игды-кала из Узбое (Юсупов Х.Ю., 1986, рис. 48, *11*).

Кувшин из кург. 2 (рис. 1, *2*) – красноглиняный, красноангобированный. Ручка, возможно, утрачена. Под горлом проходят два валика. На тулове имеются множественные отверстия – следы ремонта. Этот сосуд находит аналогии среди керамических комплексов левобережного и правобережного Хорезма "кангюйской" эпохи, в частности среди сосудов из нижнего горизонта Хазараспской крепости, датированных временем не ранее II в. до н.э. (Воробьева М.Г. и др., 1963, с. 180, рис. 12, *4*; 13, *31*).

Кувшин из кург. 9 (рис. 1, *4*) – красноглиняный, тесто с примесью гипса. Поверхность покрыта коричневато-желтым светлым ангобом. Под горлом проходят два слабо выраженных валика. Ручка, крепившаяся под венчиком и на плече сосуда, была отбита еще в древности. Аналогии ему в хорезмийской керамике неизвестны.

Горшок из кург. 14 (рис. 1, *5*) – красноглиняный, сохранился во фрагментах. Поверхность сосуда была покрыта плотным зеленовато-серым ангобом со сплошным лощением. Реконструируется бомбовидное тулово с наибольшим диаметром в нижней трети. Дно прямое с нечеткими границами. Данный горшок сопоставим с серией импортных сосудов, происходящих из Тумек-Кичиджикского могильника (Лоховиц В.А., 1979, табл. VI, *1, 2, 7–9*). Прояснить происхождение комплекса этой керамики может помочь наличие среди погребального инвентаря кург. 39 данного могильника сосуда с парными петлевидными ушками, имеющего несомненные параллели среди парфянских сосудов с парными ушками-ручками из памятников Южной Туркмении и прикаспийских областей Ирана (Пилипко В.Н., 1990, табл. XX, *7*; Haerinck E., 1987, fig. 33, *13*).

Некоторые сосуды из этой серии по форме близки к керамике поселения Кошa-Депе, которое В.Н. Пилипко на основании анализа найденных здесь остраконов и данных стратиграфии датировал последними веками до н.э. (Пилипко В.Н., 1980, рис. 6, *1, 2*; 7, *2–4*).

Лепная керамика представлена круглодонным горшочком из кург. 5 (рис. 1, *6*). Он сероглиняный, кострового обжига. На плечиках диаметрально располагались четыре выступа-налепа со сквозными вертикальными отверстиями. Возможно, сосуд выполнял функции курильницы.

Горло и плечики украшены прочерченным до обжига орнаментом: двумя горизонтальными прочерками с поперечной насечкой, к которым примыкают основаниями вписанные друг в друга дуги.

Хотя оформление данного сосуда уникально и не имеет пока прямых аналогий, его можно включить в серию круглодонных лепных сосудов из погребений Тумек-Кичиджикского могильника, которые в свою очередь практически не отличаются от лепной посуды скотоводов Узбоя (Лоховиц В.А., 1979, табл. VI, *3, 4*; Юсупов Х.Ю., 1986, рис. 37, *16, 18, 20*).

Курильницы. Из кург. 2 происходит плошкообразная курильница с округлым дном (рис. 1, *8*). Под ее верхним краем расположены восемь сквозных отверстий. В кург. 3 обнаружена цилиндрическая курильница с прямыми стенками, с боковым отверстием (рис. 1, *7*).

Цилиндрические курильницы известны в могильниках средней Сырдарьи, наземных склепах Узбоя и подбойно-катакомбных погребениях Туз-гырского и коллективных Тумек-Кичиджикского могильников в Присарыкамышье (Максимова А.Г. и др., 1968, табл. II, *1, 2*; Юсупов Х.Ю., 1986, рис. 12, *10*; Лоховиц В.А., Хазанов А.М., 1979, табл. VII, *1–12*; Лоховиц В.А., 1979, табл. V, *1*).

Следует еще раз отметить высокое сходство среднеазиатских курильниц с находками из восточноевропейских могильников сарматского круга, что лишний раз может свидетельствовать о широких связях между различными группами скотоводческого населения.

Мечи. Происходят из кург. 2 и 6 (рис. 4, *2–3*). Оба они лежали слева от погребенного, при этом справа располагались кинжалы. Мечи железные, обоюдоострые, без наверший. У меча из кург. 2 перекрестие слегка преломлено под тупым углом, вершина которого направлена к клинку. Общая длина меча из кург. 2 – 78 см, у экземпляра из кург. 6 – 95 см, перекрестие у него, насколько это можно проследить, прямое. Рукояти у обоих мечей прямоугольные в сечении. На верхнем конце одной из них сохранился штифт для закрепления деревянных накладок. Полная аналогия мечу из кург. 2 обнаруживается в подбойном погребении кург. 63 Тумек-Кичиджикского могильника, где он также был найден вместе с кинжалом (раскопки Л.Т. Яблонского в 1980 г.) (рис. 4, *1, 4*).

Кинжалы. Представлены тремя экземплярами из кург. 1, 2 и 6 (рис. 4, *5–7*). В первом случае, как и в остальных, кинжал располагался у правого бедра погребенного, но не составлял пары вместе с мечом. Все три находки однотипны. Это обоюдоострые

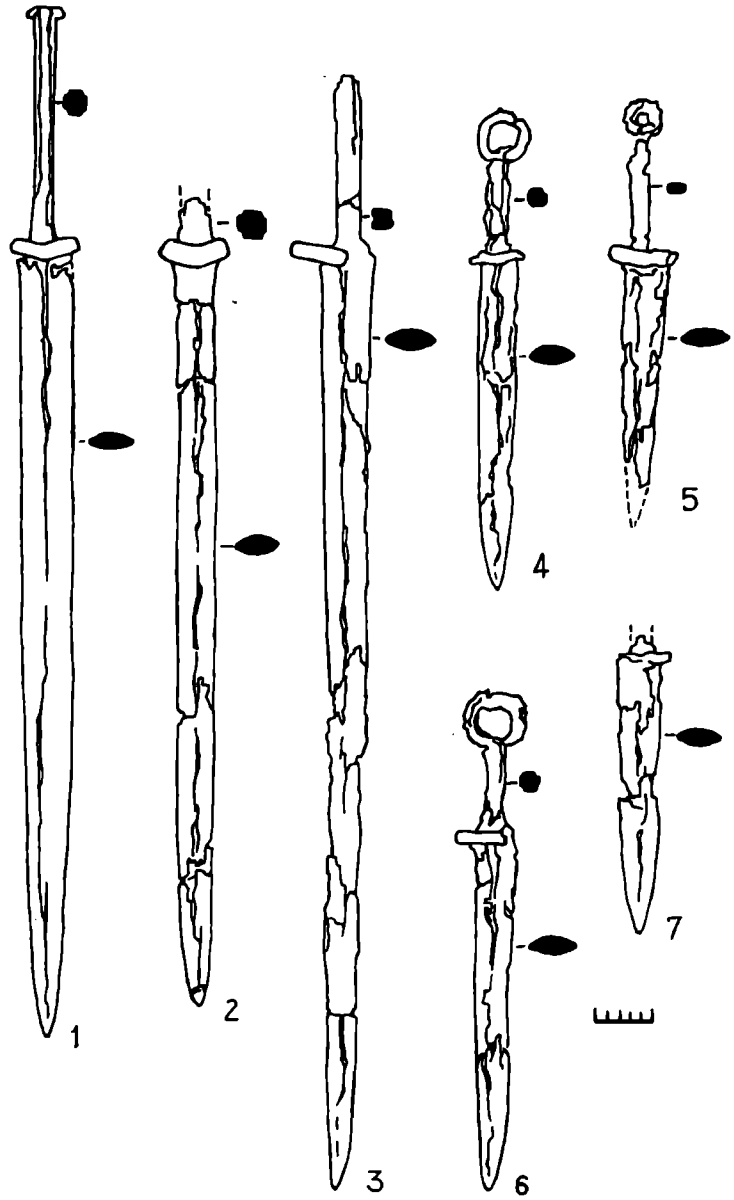


Рис. 4. Мечи и кинжалы. Могильник Гяур-IV. *2* – кург. 2;
3, 5, 6 – 1; *7* – 2. Могильник Тумек-Кичиджик: *1* и *4* – кург. 63

кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестием. Длина клинка 25–29 см при общий длине 33–43 см; рукоять в сечении прямоугольная.

Длинные всадническое мечи из могильников Гяур-IV и Тумек-Кичиджик, очевидно, предназначались для борьбы с тяжеловооруженным противником. Подобным оружием поражают друг друга колющими и рубящими ударами воины на бляхе из кург. 2 Орлатского могильника (Пугаченкова Г.А., 1989, рис. 71). Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на длинную рукоять и отсутствие щитов, сражающиеся действуют лишь одной рукой.

Существование в Приаралье тяжелого доспеха уже в III–II вв. до н.э. подтверждается находкой пластинчатого панциря в мавзолее Чирик-Рабата и изображением воина-катафрактария на лошади, прикрытой попоной-доспехом на фрагменте фляги из Хумбузтепе (Хазанов А.М., 1971, табл. XXIX, *1–3*; Мамбетуллаев М., 1984, рис. 7, *2*).

Ареал бытования длинных мечей без навершия с прямым перекрестием огромен: на юге их находки встречены в Закавказье, Иране, Северной Индии и Месопотамии (N. Egami, S. Fukai, S. Masuda, 1966, tab. LXXIII, *8*; Обельченко О.В., 1972, с. 75–77;

Marshall I., 1951, p. 545). В западном направлении оружие этого типа достигает зоны распространения латенских мечей в Приднепровье (Вязьмитина М.И., 1972, рис. 60, *1*, *2*), а в северном – Мордовии (Степанов П.Д., 1980, табл. 41, *3–5*), на востоке оно встречается в Сибири вплоть до границ Китая (Обельченко О.В., 1978, с. 118; Хазанов А.М., 1971, с. 23). Вопрос о времени и месте появления подобных мечей остается пока открытым. Следует лишь отметить, что они известны в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье уже в памятниках прохоровского типа (Скрипкин А.С., 1990, с. 126–130). В Средней Азии комплексы с монетами позволяют отнести появление мечей без навершия с прямым перекрестием ко времени около рубежа II–I вв. до н.э., а наличие вместе с ними в ряде случаев остатков красного лака и нефритовых скоб для ножен как будто свидетельствует об их восточном происхождении (Обельченко О.В., 1982, с. 12, 13; 1992, с. 76; Хазанов А.М., 1971, табл. XV, *1*; Пугаченкова Г.А., 1989, с. 129, рис. 56).

Еще одним аргументом в пользу этого предположения является редко встречающаяся форма перекрестия, представленная на мечах из кург. 63 Тумек-Кичиджикского и кург. 2 Гяурского могильников (рис. 4, *1*), которая практически идентична перекрестию меча из погр. 2 кургана "Рошава Драгана" в Болгарии (Буюклиев Хр., 1995, рис. 2, *2*. *3*). Найденная в этом богатом фракийском погребении нефритовая портупейная скоба определенно является дальневосточным импортом.

Общепринято, что кинжалы с кольцевым навершием сформировались, скорее всего, в недрах сарматской культуры (Скрипкин А.С., 1990, с. 123, 124). С открытиями последних лет стало очевидно, что по крайней мере с IV в. до н.э., т.е. с момента возникновения культуры прохоровского типа, оружие сарматских образцов широко бытовало не только в среде скотоводческого населения Узбоя и Устюрта, но и, вероятно, использовалось в Хорезмском оазисе, несомненно имевшем подвластную или союзную кочевую периферию (Вайнберг Б.И., 1991, с. 60, 61, рис. 8). В связи с этим у нас есть все основания для того чтобы принять датировку, разработанную для этого вида вооружения в рамках хронологии сарматских памятников, где наибольшее его распространение приходится на I в. до н.э. – I в. н.э. (Хазанов А.М., 1971, с. 10, 11; Скрипкин А.С., 1990, с. 123, 124).

Сочетание всадниических мечей без навершия и подобных кинжалов известно в среднеазиатском регионе только в памятниках левобережного Хорезма и Северо-Западной Туркмении – вышеупомянутых могильниках Тумек-Кичиджик и Гяур-IV, а также в могильнике Келькор-II, датированном Х.Ю. Юсуповым II–I вв. до н.э. (Юсупов Х.Ю., 1986, с. 150, рис. 38, *2*, *6*). Очевидно, такой набор клинкового оружия составлял этнографическую особенность родственных групп скотоводческого населения. За пределами северо-западного Прикаспия подобное сочетание встречено только на р. Урал в могильниках Кос-Оба и Калмыковском (Скрипкин А.С., 1990, с. 128).

Данная особенность становится еще более выразительной с учетом того, что в могильнике Гяур-IV вышеописанные типы мечей и кинжалов встречены в сочетании со сложносоставным луком, найденным в кург. 6. Подобный комплект вооружения обнаружен также в кург. 63 Тумек-Кичиджикского могильника.

Лук. Имел три пары накладок – две концевых и серединные (рис. 2, *2*) – и длину ~1,4 м. В погребении он был уложен параллельно мечу. Концевые накладки различной длины – 1,7×8 и 2×22,5 см, что может свидетельствовать о его асимметрии. Подобный асимметричный лук можно различить на орлатской пластине (Пугаченкова Г.А., 1989, рис. 71). Целые и фрагментированные накладки происходят также из ограбленных захоронений в кург. 13 и 14.

Существует версия о самостоятельной эволюции среднеазиатских сложносоставных луков (Литвинский Б.А., 1966, с. 68, 69). Однако в целом никто не ставил под сомнение восточные истоки этого вида вооружения.

В сарматских степях появление подобного оружия датируется по совместной находке с причерноморскими монетами временем не позднее рубежа н.э. (Кропот-

кин В.В., Обыденнов М.Ф., 1985, с. 245, рис. 2, *6*). Комплект накладок найден также в катакомбе у с. Пороги, надежно датированной второй половиной I в. н.э. (Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991, рис. 5, *6*). На территории Присарыкамышской дельты остатки аналогичных луков известны по материалам из подбойно-катакомбных и коллективных погребений могильников Тумек-Кичиджик и Туз-гыр (Лоховиц В.А., 1979, табл. III, *1–6*; Лоховиц В.А., Хазанов А.М., 1979, табл. I, *3–7*).

Наконечники стрел. Все железные, трехлопастные, черешковые, с треугольной головкой и лопастями, с опущенными заостренными концами или основанием, срезанным под прямым углом к черешку (рис. 2, *2*). Количество стрел в погребении – от двух до шести. Размеры головок значительно варьируют – от 1,6 до 3,5 см при общей длине 2,5–6 см. На одном из наконечников в кург. 6 сохранился обломок древка. Черешок стрелы был вставлен в расщепленный конец, а затем обмотан растительным волокном. Аналогичный способ крепления был зафиксирован в Сусловском и Бережновском могильниках (Хазанов А.М., 1971, с. 42).

Подобные наконечники известны на территории Средней Азии начиная с IV–III вв. до н.э. На Узбое наиболее древние из них сосуществуют с бронзовыми, постепенно вытесняя последние к концу II в. до н.э. (Юсупов Х.Ю., 1978, с. 56, 57; 1987, с. 28).

Пряжки. Представлены образцами трех типов (рис. 2, *3–6*); округлые с подвижным язычком (кург. 1, 6, 9); округлая с неподвижным язычком-выступом (кург. 3); восьмеркообразная с коротким язычком (кург. 13). Пряжки первого типа не могут быть использованы для уточнения даты могильника в силу длительности бытования. Верхняя дата для пряжек второго типа определяется обычно рубежом н.э. Портупейная пряжка третьего типа находит аналогии среди материалов последних веков до н.э. – начала н.э. долины Зарафшана (Обельченко О.В., 1992, с. 180). Обломок подобной пряжки происходит из материалов Туз-гырского могильника I–III вв. н.э. (Лоховиц В.А., Хазанов А.М., 1979, табл. VI, *10*). В этом памятнике найдены также детали поясного набора, имеющие бесспорные аналогии среди материалов богатых сарматских погребений I в. н.э. (Лоховиц В.А., Хазанов А.М., 1979, табл. IV, *8*; Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991, рис. 27, *5, 6*).

Статуэтка (рис. 2, *1*). Фигурки, вырезанные из известняка, известны в погребениях Узбоя и Присарыкамышья последних вв. до н.э. – начала н.э. (Яблонский Л.Т., 1989). Наибольшее стилистическое сходство наша фигурка обнаруживает со статуэтками из могильника Джанак-I. Дата этого памятника, предложенная А.М. Мандельштамом, – II–III вв. н.э. – определена по единственной находке – бусине из египетского фаянса, изображающей льва, представляется неоправданно завышенной (Мандельштам А.М., 1981, с. 78–80, рис. 4; 6, *4*). В Северном Причерноморье подобные бусины имеют широкое распространение в I–II вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1975, с. 44, 45, табл. 11, *27, 28*).

Типологические и хронологические различия не позволяют говорить о какой-либо единой традиции в погребальном обряде среднеазиатских номадов, связанной с антропоморфными изображениями. Но можно установить их принадлежность к детским и женским погребениям. Комплекс вещей из кург. 5. Гяурского могильника находит почти полную аналогию в подбойной могиле кург. 19 Тура-ташского могильника, где отсутствовал скелет, но был найден довольно богатый инвентарь: бусы, зеркало, керамика и меловая антропоморфная статуэтка (Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А., 1962, с. 50). Г.А. Брыкина подробно рассмотрела этнографические параллели использования антропоморфных изображений в погребальном обряде и выделила несколько их групп, четко различающихся по назначению. Скорее всего, статуэтки из Гяурского и Тура-ташского могильников символизировали тело умершей, являясь как бы вместилищем ее души (Брыкина Г.А., 1987, с. 55–58).

Ножи. Были найдены в кург. 1–2, 13–14. Все они однолезвийные, со слегка изогнутой спинкой, клиновидные в сечении. В захоронениях находились возле напутственной пищи (кург. 2), а в кург. 1 нож был уложен в левую кисть погребенного.

Вопросы хронологии. Верхний хронологический рубеж существования могильника – I–II вв. н.э. – определяется датировкой параллелей статуэтки из кург. 5. Круговой кувшин, происходящий из этого же комплекса, по южным аналогиям датируется временем не ранее середины I в. до н.э.

Нижняя граница основана на присутствии в комплексе кург. 2 сосуда хорезмийского производства, время изготовления которого, по мнению специалистов-керамистов, – не позднее II в. до н.э.

Комплекс вооружения из Гяурского могильника тяготеет ко времени, близкому к рубежу н.э. – I в. н.э.

Таким образом, дата большинства погребений, по-видимому, не выходит за пределы I в. до н.э. – I в. н.э. Однако в силу несовершенства существующей хронологической шкалы для материалов из среднеазиатских могильников мы вынуждены обозначить дату могильника в целом несколько более широкими рамками – концом II в. до н.э. – I в. н.э.

Можно предполагать, что проникновение в Присарыкамышье скотоводческих групп, имевших южные связи (на это указывает комплекс керамики из Гяурского и Тумек-Кичиджикского могильников), явилось результатом бурных политических событий, происходивших на юге Средней Азии в конце II – начале I в. до н.э. (Лоховиц В.А., 1979, с. 149). По-видимому, появление на территории Северо-Западной Туркмении и левобережного Хорезма нового населения, отличавшегося повышенной воинственностью, оставившего небольшие курганные могильники, каким-то образом связано с меридиональными перемещениями кочевых коллективов с юга на север. Археологические материалы показывают, что маршруты таких перемещений могли проходить вдоль русла Узбоя и по Устюртскому плато.

Для того чтобы надежно документировать факт миграции, необходимо рассмотреть физические особенности предположительно пришлых групп населения и сопоставить их с антропологическими характеристиками автохтонного населения.

Краниологические материалы. В результате реставрационной работы удалось измерить семь мужских черепов из могильника Гяур-IV. У единственного исследованного женского черепа из кург. 8 был утрачен лицевой скелет. Сохранившаяся часть мозговой коробки дает представление о ее долихокрании при большом продольном, среднем поперечном и большом высотном диаметре от порионов и средней степени развития макрорельефа черепа. Некоторые измерения мужских черепов приведены в табл. 1.

Исходя из средних значений $\bar{x}$, мужские черепа характеризуются как мезокранные, с тенденцией к брахикрании. Продольный диаметр у них средний, поперечный – большой, а высотный от базиона – малый. Рельеф от переносья хорошо развит (4–5 баллов по шкале). Лоб прямой, по указателю – малой ширины, с развитым рельефом надбровных дуг. Лицо широкое, средней высоты, по верхнему лицевому указателю – мезен, ортогнатное по общему лицевому углу и указателю выступания лица. Глазницы широкие, но низкие, по указателю – хамэконхные. Размер ширины грушевидного отверстия на границе малых и средних величин. Нос средней высоты, но по указателю мезоринный. Рельеф переносья выражен достаточно хорошо. В строении нижнего края грушевидного отверстия отмечается 100% формы fossae praenasalis. Носовые кости выступают умеренно. Отмечается некоторая уплощенность лицевого скелета в горизонтальной профилировке как на верхнем уровне, так и на уровне зигомаксиллярных точек.

Сопоставление эмпирических значений средних квадратических уклонений со стандартными приводит к заключению об антропологической неоднородности группы людей, погребенных в могильнике (Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964, табл. 12). В большинстве случаев эмпирические значения превышают размах стандартных. Вместе с тем серия обнаруживает исключительную однородность по размерам, характеризующим ширину лба, общим пропорциям лицевого скелета, размерам и форме глазниц, рельефу надпереносья и общему лицевому углу.

Таблица 1

Некоторые измерения мужских черепов из могильника Гяур-IV

Признак	min–max	$\bar{x}$	S
1. Продольный диаметр	177–193	185,8(5)	6,53*
8. Поперечный диаметр	144–154	148,6(5)	4,98
8:1. Черепной указатель	75,6–84,6	80,0(5)	3,57*
17. Высотный диаметр	118–142	130,2(4)	9,81*
9. Наименьшая ширина лба	88–106	95,7(7)	7,09*
9:10. Лобный указатель	70,9–80,0	76,4(5)	3,66
45. Скуловой диаметр	130–146	137,5(6)	5,54
48. Верхняя высота плеча	64–77	71,9(7)	4,52*
48:45. Верхнелицевой указатель	52,3–58,8	53,2(6)	1,86
40. Длина основания лица	85–101	94,6(4)	6,83*
40:5. Указатль выступания лица	86,7–98,1	93,0(4)	4,68*
54. Ширина носа	22,0–29,2	24,5(6)	2,82*
54:55. Носовой указатель	41,5–55,1	47,2(6)	4,88*
52. Высота орбиты	30,2–32,7	31,5(6)	0,96
52:51. Орбитный указатель	65,2–74,2	71,0(6)	3,67
77. Назомалярный угол	138–149	143,0(6)	4,39
(zm.' Зигомаксиллярный угол	125–140	131,5(6)	5,18
SS. Симотическая высота	2,9–5,3	4,4(6)	0,92
SS:SC. Симотический указатель	45,3–63,9	53,7(6)	7,13
DS. Дакриальная высота	10,7–14,0	12,2(4)	1,56
DS:DC. Дакриальный указатель	52,0–80,9	60,9(4)	13,60
FC. Глубина клыковой ямки	3,2–7,1	4,8(6)	1,44*
32. Угол лба от назиона	85–99	91,5(4)	5,74*
72. Общий лицевой угол	90–92	91,0(4)	1,15
75(1). Угол выступания носа	20–36	28,5(6)	5,21*

Примечание: В скобках указано число измерений. $\bar{x}$ – средние значения измерений. S – эмпирические значения средних квадратических уклонений. * – значения квадратических уклонений, превышающих размах мировых.

Напротив, наблюдается повышенная вариабельность формы мозговой коробки (за счет вариации размеров продольного диаметра) и ее высоты, длины основания лица и высоты лицевого скелета (в последнем случае размеры варьируют от 64 до 77 мм), углов, характеризующих наклон лба и степень выступания носовых костей (20–36 градусов). Можно заметить, что наибольшей вариабельности подвержены как раз те признаки, которые обладают наибольшим таксономическим весом при разграничении европеоидов и монголоидов, что делает вероятным наличие в серии монголоидной примеси. Этому заключению не противоречат некоторые морфологические особенности в строении отдельных черепов. Например, у черепа из кург. 3 скуловой диаметр составляет 146 мм при верхней высоте лица 73 мм и умеренном угле выступания носа 27 градусов. Череп из кург. 7 характеризуется чрезвычайно малой высотой мозговой коробки от базиона – 118 мм, небольшими абсолютными размерами лицевого скелета и при этом малым углом выступания носовых костей – 20 градусов (табл. 1).

Конечно, в условиях малочисленности выборки отмеченные особенности можно объяснить и проявлением в серии индивидуальной изменчивости, но игнорировать их полностью, как нам кажется, нельзя. Впрочем, европеоидная основа группы не вызывает сомнений. Важно отметить отсутствие на черепах следов искусственной деформации.

С помощью обобщенных расстояний по сумме краниологических признаков (метод Пенроуза в модификации А.Г. Козинцева) мы попытались сравнить краниологический комплекс, представленный в могильнике Гяур-IV, с материалами, полученными из раскопок других некрополей, расположенных в пределах Присарыкамышской дельты (Козинцев А.Г., 1974, с. 230, 231). Использованы данные как предшествующих по времени, так и предположительно синхронных, а также более поздних захоронений.

К первым относятся серии из Тумек-Кичиджикского и Сакар-чагинского могильников куюсайской культуры ранне-сакского времени, а также черепа из коллективных погребений V–III вв. до н.э. из могильника Сакар-чага-I и серия черепов из подбойных погребений IV–II вв. до н.э. этого же могильника (Яблонский Л.Т., 1992). К предположительно синхронным и несколько более поздним относятся краниологические серии из коллективных погребений могильника Тумек-Кичиджик и Сакар-чага-VI, подбойных и катокомбных захоронений Туз-гырского могильника I–III вв. н.э., а также черепа из оссуарных захоронений могильников Калалы-гыр-I (II–III вв. н.э.), Тарым-кая-II (I в. до н.э. – I в. н.э), Ясы-гыр-IV (III–V вв. н.э.), черепа из захоронений в слоях крепости Куня-Уаз и Канга-кала (III–V вв. н.э.) (Трофимова Т.А., 1959а,б; 1974а,б; Яблонский Л.Т., Болелов С.Б., 1991; Яблонский Л.Т., Коляков С.М., 1992).

Измерения черепов из могильника Гяур-IV были суммированы с данными, полученными от измерений нескольких черепов, происходящих из синхронных и близких по погребальному обряду и вещевому инвентарю захоронений могильника Тарым-кая-I (Яблонский Л.Т., 1987, с. 612). Также с учетом синхронности и сходного погребального обряда и отмеченного Т.А. Трофимовой морфологического сходства были суммированы измерения черепов из Куня-Уаза и Канги-калы.

Исследования матрицы обобщенных расстояний позволяют установить следующие закономерности.

Без учета угловых размеров наименьшие таксономические расстояния отделяют серию из Гяура-IV и Тарым-кая-I от следующих серий: Тарым-кая-II (оссуарные) – 0,18; Сакар-чага-I (подбои) и Туз-гыр – по 0,25; а наибольшие – с сериями из Ясы-гыра-IV – 1,77; Канга-кала и Куня-Уаза – 1,81; Сакар-чага-VI (подбои) – 1,08.

С учетом угловых размеров наименьшие расстояния: Тумек-Кичиджик (коллективные) – 0,22; Тарым-кая-II (оссуарные) – 0,32. Наибольшие: Ясы-гыр-IV – 2,12; Канга-кала и Куня-Уаз – 4,31; Сакар-чага-V (коллективные) – 1,18; Сакар-чага-I (подбои) – 1,10. Напомним, что значения, свидетельствующие о близком положении серий, не должны превышать 0,4, а о значительных расстояниях между ними говорят цифры, бо́льшие, чем 0,8. Графические матрицы можно проиллюстрировать дендрограммами, построенными на их основе попарно-групповым способом (рис. 5; 6). Сравнение дендрограмм приводит к впечатлению об их принципиальном сходстве. В обоих случаях серии из Ясы-гыра-IV и двух крепостей образуют особые группы, не связанные с остальными. Долихокранный, матуризованный резко европеоидный комплекс, зафиксированный в тумекской группе могильников куюсайской культуры, отчетливее всего проявляется в серии из коллективного погребения могильника Сакар-чага-VI. Значительное сходство обнаруживают между собой следующие серии: Гяур-IV и Тарым-кая-I с материалами из коллективных погребений Тумека-Кичиджика, причем с учетом угловых размеров это сходство проявляется ярче. К этой же группе примыкает серия из оссуарных погребений Калалы-гыра и Тарым-кая-II, коллективных погребений Сакар-чага-I, Туз-гыра. Очевидно, что в эту группу попали черепа из могильников, различающихся между собой как хронологически, так и по погребальному обряду.

В основе всех упомянутых серий лежит европеоидный в своей основе мезобрахикранный тип с довольно широким и относительно невысоким лицевым скелетом, т.е. тот краниологический комплекс, который является характерным для степного населения второй половины I тыс. до н.э. – начала н.э. В эту эпоху обычай кольцевой деформации головы еще не стал массовым. Особенность присарыкамышского населения состоит в том, что некоторые его группы демонстрируют более или менее выраженную монголоидную примесь. Для раннесакского времени она была зафиксирована в материалах из могильников на возвышенности Сакар-чага (Яблонский Л.Т., 1986). Для эпохи античности Т.А. Трофимова установила ее присутствие в краниологических сериях из могильника Тумек-Кичиджик (коллективные погребения) и Туз-гыр (Трофимова Т.А., 1974а, с. 148; 1973, с. 24, 25). Мы не располагаем, к сожалению, краниологическими материалами из подбойных захоронений Тумек-Кичиджик-

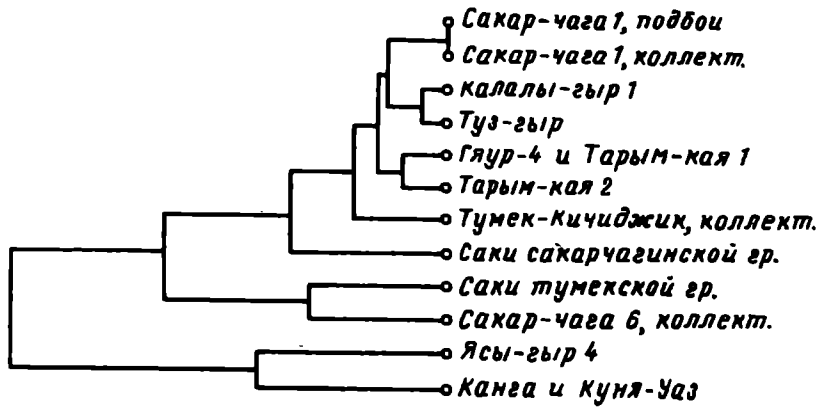


Рис. 5. Обобщенные расстояния краниологических серий без учета угловых размеров

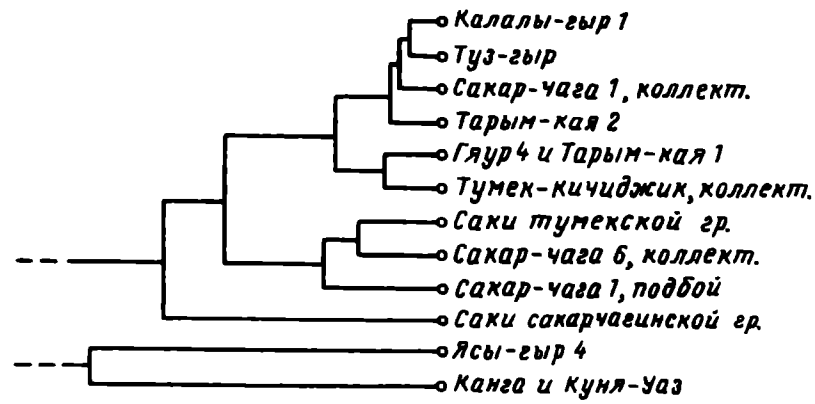


Рис. 6. Обобщенные расстояния краниологических серий с учетом угловых размеров

ского могильника. Однако установленное сходство в физическом типе людей из подбойных погребений Гяура-IV и Тарым-кая-I, с одной стороны, и из коллективных погребений Тумек-Кичиджика и подбойно-катакомбных Туз-гыра – с другой, хорошо согласуется с археологическими материалами, свидетельствующими о том, что эти памятники входят в единый культурно-хронологический массив. Вопрос об антропологическом происхождении населения, оставившем оссуарные захоронения в могильнике Тарым-кая-II, нуждается в специальном освещении. Пока же можно лишь заметить, что легкая уплощенность пищевого скелета характерна и для черепов из этого некрополя.

Полученные в ходе межгруппового анализа данные можно предварительно рассматривать как подтверждение общего генетического происхождения группы, представленной в Гяурском могильнике, с другими коллективами, которые оставили захоронения последних веков до н.э. – первых вв. н.э. в могильниках Присарыкамышья.

Если сравнивать это население с хронологически предшествующим, можно отметить, что при общем антропологическом сходстве здесь заметны и некоторые различия: у более ранних групп отсутствуют черты монголоидности, зато имеется искусственная деформация головы затылочно-теменного типа. Этот способ деформации получает дальнейшее развитие в Присарыкамышье в начале н.э. (могильник Калалы-гыр-I).

В итоге можно прийти к следующим основным выводам.

1. Ямные и подбойные погребения могильника Гяур-IV синхронны подбойным погребениям Тумек-Кичиджикского могильника и датируются в пределах хронологи-

ческого интервала, охватывающего конец II в. до н.э. – I в. н.э. (более вероятно – I в. до н.э. – I в. н.э.).

2. Характерный комплекс круговой керамики, включающий парфянские сосуды, указывает на южное направление культурных и, возможно, генетических связей коллективов, оставивших эти могильники.

Сочетание кинжалов сарматского типа с длинными мечами без навершия и луками с костяными накладками как будто подтверждает, что импульс восточных влияний в этот период достиг территории Западного Прикаспия, где сформировался этот своеобразный комплекс вооружения.

3. Сумма антропологических знаний свидетельствует о степном генетическом происхождении населения, оставившего Гяурский могильник.

4. Истоки монголоидной примеси, фиксируемые в их физическом облике, лежат, очевидно, за пределами Южного Приаралья. Хотя она фиксируется здесь в раннесакскую эпоху, население, непосредственно предшествующее гяурскому, характеризуется исключительной европеоидностью. Оно также использовало обычай искусственной деформации головы, что не прослеживается на краниологических материалах из Гяура-IV. Все это может говорить о миграции данной группы на территорию Присарыкамышья в указанный хронологический период. Маршруты движения с севера на юг и в обратном направлении могли проходить по Устюртскому плато и вдоль русла Узбоя. Предположения об этом уже высказывались в литературе (Мандельштам А.М., 1981, с. 80).

Некоторые из предложенных выводов в силу недостаточной представительности данных остаются гипотетичными и нуждаются в дальнейшей разработке с привлечением более обширного материала. Однако вопросы, поставленные здесь, могут служить предметом новой дискуссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.

Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12.

Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А., 1962. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе.

Брыкина Г.А., 1987. Об антропоморфных скульптурах в захоронениях Ферганы // Прошлое Средней Азии. Душанбе.

Буюклиев Хр., 1995. К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I – начале II в. н.э. // РА. № 1.

Вайнберг Б.И., 1991. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70–80-х годах // Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма (древность и средневековье). Вып. I. М.

Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е., 1963. Археологические работы в Хазараспе // МХЭ. Вып. 6.

Вязьмитина М.И., 1972. Золотобалковский могильник. Киев.

Городище Топрак-кала, 1981 // ТХАЭЭ. Т. XII.

Древности Южного Хорезма, 1991 // ТХАЭЭ. Т. XVI.

Козинцев А.Г., 1974. Статистические данные к проблеме происхождения айнов // Расогенетические процессы в этнической истории. М.

Крашенинникова Н.И., 1963. Отвал битой тары середины I в. до н.э. из винохранилищ Старой Нисы // Изв. АН ТССР СОН. Вып. 5.

Кропоткин В.В., Обыденнов М.Ф., 1985. Находка античных монет в погребении кочевника в Южном Приуралье // СА. № 2.

Литвинский Б.А., 1966. Сложносоставной лук в древней Средней Азии // СА. № 4.

Лоховиц В.А., 1979. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-Кичиджик // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т. XI.

Лоховиц В.А., Хазанов А.М., 1979. Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т. XI.

Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1968. Древности Чардары. Алма-Ата.

Мамбетуллаев М., 1984. Хумбуздепе – керамический центр Южного Хорезма // Археология Приаралья. Вып. 2. Ташкент.

Мандельштам А.М., 1981. Могильник Джанак-1 // КСИА. Вып. 167.

Обельченко О.В., 1978. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 4.

Обельченко О.В., 1982. Культура древних кочевников долины Зарафшана. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Обельченко О.В., 1992. Культура античного Согда: По археологическим данным VII в. до н.э. – VII в. н.э. М.

Пилипко В.Н., 1980. Парфянский слой поселения Коша-Депе у Бабадурмаза // СА. № 4.

Пилипко В.Н., 1990. Позднепарфянские памятники Ахала. Ашхабад.

Пугаченкова Г.А., 1989. Древности Мианкаля: Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент.

Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.

Степанов П.Д., 1980. Андреевский курган. Саранск.

Трофимова Т.А., 1959а. Черепа из оссуарного некрополя крепости Калалы-гыр I // МХЭ. Вып. 2.

Трофимова Т.А., 1959б. Черепа из Куня-Уаза; Черепа из Канга-калы // МХЭ. Вып. 2.

Трофимова Т.А., 1973. Краниологические материалы из Могильника Тумек-Кичиджик // Тез. докл. Всесоюз. археолого-этнографического совещ. по итогам полевых исследований 1972 г. Ташкент.

Трофимова Т.А., 1974а. Краниологические материалы из могильника Тумек-Кичиджик // СЭ. № 5.

Трофимова Т.А., 1974б. Черепа из подбойных и катакомбных захоронений могильника Туз-гыр // Расогенетические процессы в этнической истории. М.

Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

Юсупов Х.Ю., 1978. Результаты археологических работ в Северо-Западной Туркмении весной 1973 г. //Каракумские древности. Вып. VII. Ашхабад.

Юсупов Х.Ю., 1986. Древности Узбоя. Ашхабад.

Юсупов Х.Ю., 1987. Бронзовые наконечники стрел кочевников Северо-Западного Туркменистана // Изв. АН ТССР СОН. Вып. 4.

Яблонский Л.Т., 1984. Раскопки курганов в Северной Туркмении // АО–1982 г.

Яблонский Л.Т., 1986. Могильник раннесакского времени Сакар-Чага-3 // СЭ. № 5.

Яблонский Л.Т., 1987. Работы Левобережного отряда // АО–1985 г.

Яблонский Л.Т., 1989. Каракумская "мадонна" // Изв. АН ТССР СОН. Вып. 1.

Яблонский Л.Т., 1992. Коллективные погребения могильника Сакар-чага // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма. Вып. 2. М.

Яблонский Л.Т., Болелов С.Б., 1991. Могильник Ясы-гыр в Приаралье: погребальный обряд и антропология // Новые открытия в Приаралье. Вып. 2. М.

Яблонский Л.Т., Коляков С.М., 1992. Могильник Тарым-кая-2 // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма. Вып. 2. М.

Namio Egami, Shinji Fukai, Seiichi Masuda, 1966. The Eexavation at Naruzmahale and Kharamrud 1960 // The Institute for Oriental culture, the University of Tokyo. Report 7. Tokyo.

Haerinck E., 1987. La ceramiquo en Iran pendant la periode Parthe (ca 250 av J.C. ca 225 apres J.C.). Gent.

Marshall I., 1951. Taxila. V. II, III. Cambrige.

Институт археологии РАН,
Москва

V.E. MASLOV, L.T. YABLONSKY

GIAOUR-IV BURIAL GROUND IN THE NORTHERN TURKMENIA

Summary

The article summaries the studies of Giaour-IV burial ground. The site is located in the Sarykamysh delta territory on the left Amudarya river bank at the edge of the Karakum desert margins. According to a custom of the nomad tribes the earth barrows were constructed over the graves. The bodies were interred in the pit graves or in the pit graves with a chamber constructed in one of its long sides. The grave goods included swords, daggers, bone plates for bows, arrow-heads, belt-buckles, knifes, vessels and a unique limestone statuette. Some of the vessels were made in Parthia, the other ones were produced in Khorezm oasis. The burial complexes can be dated to the end of the 2nd cent. B.C. – the 1st cent. A.D. The investigations of the skulls series from Giaour-IV burial ground testifies to the "steppe" origin of this nomadic group.

С.А. ПЛЕТНЕВА

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ И КУЗНЕЧНЫЙ КОМПЛЕКСЫ САРКЕЛА

При раскопках Левобережного Цимлянского городища (Саркела – Белой Вежи) в 1950 г. на юго-западной окраине было обнаружено шесть ям с сильно обожженной и даже ошлакованной поверхностью. Они не привлекли особого внимания исследователей, хотя и были добросовестно описаны в полевом дневнике Л.Г. Нечаевой. Две ямы сочли необходимым зачертить на отдельных листах. С остальными можно было ознакомиться только благодаря сохранившемуся плану участка (рис. 1,*а,б*). Участок расположен вне стен крепости на узкой полосе между юго-западной стеной крепости и рвом. Ямы находились в непосредственной близости от рва, вдоль его внутреннего края, на площадке между западной угловой башней и башней "Г" (рис. 1,*б*).

Казалось бы, ямы, расположенные вдоль рва, были синхронны ему. Однако одна из ям перерезана краем рва, что свидетельствует о более раннем ее существовании. Судя по забивке выкинутой из рва материковой глиной только верхней части ямы, она перестала существовать и была полузасыпана мусорным золистым грунтом задолго до сооружения рва. Аналогичная двухслойная забивка отличает и другие ямы этого комплекса.

Характер нижней части заполнения свидетельствует, как представляется, о том, что в период функционирования и первоначального заполнения мусором этих ям не только ров, но и стена не была еще отстроена на этом участке. Дело в том, что при возведении кирпичной стены на известковом растворе вокруг образовывался слой строительного мусора, состоявший из кирпичной крошки, кусков кирпичей и чешуек извести. Этот очень выразительный слой неизбежно попадал в те ямы, которые заполнялись мусором после строительства стены. В отличие от ряда расположенных поблизости хозяйственных и иных ям, ямы с ошлакованной поверхностью были засыпаны мусором без включений в него строительных остатков, что позволяет с уверенностью говорить о заполнении их до начала строительства здесь крепостной стены.

Мы хорошо осведомлены по дошедшим до нас письменным источникам о времени возведения стен крепости Саркел. К этому вопросу неоднократно возвращался в своих исследованиях М.И. Артамонов (1935, с. 79–82; 1940, с. 131–148; 1958, с. 7–11; 1962, с. 297–303), который доказал тождество Левобережного Цимлянского городища с Саркелом – Белой Вежей. Он же высказал основанное на полевых наблюдениях мнение о том, что крепость поставили на "чистое" место, т.е. не заселенное ранее (Артамонов М.И., 1958, с. 27). Котлованы жилищ и ям у юго-западной стены крепости, в том числе и ямы с ошлакованными стенками, принадлежали строителям крепости – относились ко времени возведения кирпичных стен и построек Саркела в 30-х годах IX в. Причем ошлакованные ямы можно датировать первыми двумя годами строительства, когда до последней (напольной) укладки юго-западной стены строители, видимо, еще не дошли.

Прежде чем перейти к интерпретации этих самых ранних сооружений на городище, попытаемся дать по возможности полное их описание, используя сохранившиеся дневниковые полевые записи и немногочисленные чертежи.

© С.А. Плетнева, 1996 г.

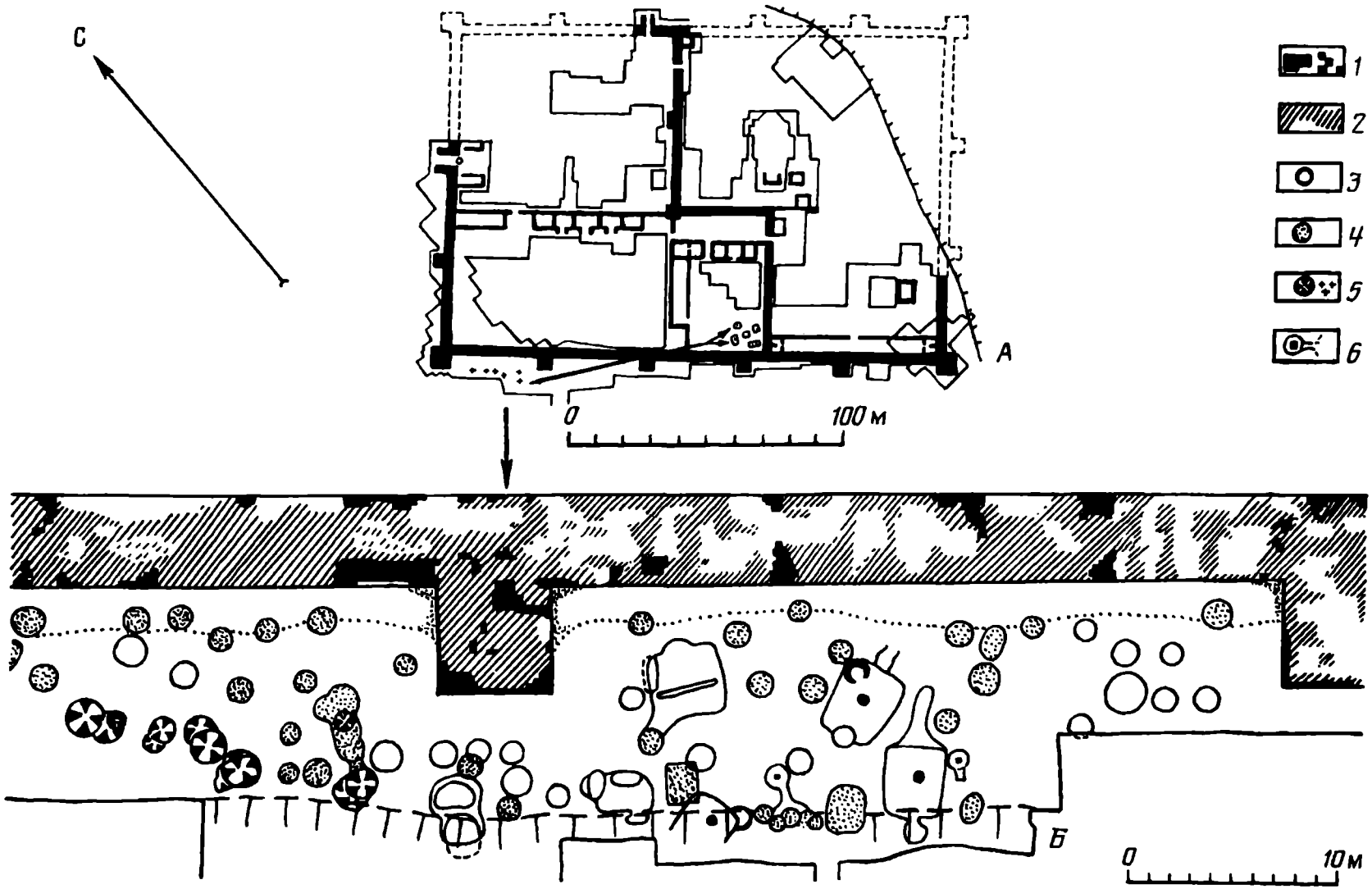


Рис. 1. Схематический план Саркела (*А*) и план пристенного юго-западного участка (*Б*). *1* – остатки кирпичных кладок; *2* – отпечатки кирпичей; *3* – сооружения первого периода (до строительства стены); *4* – сооружения второго периода; *5* – остатки горнов; *6* – гончарные печи

Яма 28[1] (рис. 2 и 3) состоит из двух отделений. Одно из них, видимо основное, круглое в плане, диаметром 1,1–1,3 м. Углубленность его в материк небольшая – всего 0,35 м. Стенки прокалены, местами ошлакованы, пол ярко-оранжевый, также прокаленный, покрытый золой и слоем тополевых углей. В центре пола находилась овальная в плане ямка (0,3 × 0,4 м) с расплывчатыми, искрошившимися краями. Поверхность ее особенно сильно прокалена и ошлакована по краям. К ямке подведен узкий закрытый каналец, выведенный на поверхность пола у задней стенки ямы. Очевидно, это остатки поддувала для нагнетания в яму воздуха. Оно также было забито тополевыми углями и золой.

Другое отделение ямы – полукруглое с немного наклонными стенками, диаметр его по дну 1,15 м. Глубина его та же, что и у основной части – 0,35 м. Стенки и пол не обожжены, только на линии слияния с обгорелой частью ямы на полу были отмечены следы обожженности и угли. Пол утоптанный, покрытый тонким слоем угольной крошки, а у стен – золы. На противоположной стороне от линии соединения двух частей выделен неглубокий полукруглый выступ, отделенный от ямы узкой канавкой.

Заполнение ямы довольно рыхлое, мусорное, с обломками кухонных горшков с линейно-волнистым орнаментом и чешуей рыб. В заполнении полукруглого помещения обнаружена половина нижней челюсти лошади.

Поверх мусорного слоя яма была засыпана плотным глинистым слоем – выкидом из рва.

Яма 29 расположена рядом с предыдущей (рис. 2). Контур ямы в материке овальный, вытянутый по оси С–Ю. Южная часть ямы круглая с вертикальными стенками. Диаметр ее 1,5 м, глубина в материке 0,75 м. Стенки и пол очень сильно обожжены, местами ошлакованы. У южного края на полу обнаружен слой дубовых углей. Заполнение этой части ямы – черная земля с большим содержанием угля, но не дубового, а, как и в предыдущей яме, тополиного.

С северной стороны к этой яме примыкает полукруглая, тех же диаметра и глубины. Заполнена эта часть была золой почти до верха.

Очевидно, перед нами аналогичное предыдущему устройство, также сильно разрушенное, со следами глины поверх золисто-углистого заполнения. Сходство усугубляется еще и тем, что в заполнении ямы обнаружены челюсть и несколько костей ног лошади. Правда, находились они не в полукруглой вспомогательной части, а в основной обгорелой камере. Там же рядом с костями найдены куски железного шлака.

Яма 49а,б. Южнее ямы 29, у самого края рва, на уровне материала обнаружено еще одно пятно типологически близкой ямы (рис. 2). Пятно овальное из-за сужающегося "выступа" на западной стороне ямы. Расчистка показала, что на этом месте было выкопано две ямы: одна перекрывала другую. Более ранняя – круглая яма (а). Сохранившиеся края дают представление о ее форме, размерах и заполнении. Диаметр ямы на материке 1,45 м, диаметр дна 1,75 м, глубина 0,65 м. Стенки наклонные и обожженные до оранжевого цвета, дно тоже сильно обожжено, на нем лежал плотный слой слежавшейся тополевой золы, в которой обнаружены куски пережженного песчаника и целый кирпич "половинного" размера (24 × 12 см) со следами извести на поверхности: это означало, что он был вынут из какой-то кладки. На полу у стенки найдены обломки серого гончарного сосуда с ручкой и череп собаки. Заполнение ямы – рыхлая глинистая земля с находками костей животных, нескольких обломков тмутараканских кувшинов, горшков с линейным орнаментом, кусков железа и железного шлака.

В эту яму, прорезая ее заполнение и дно на глубину от уровня материка 1,12 м, была врезана прямоугольная с закругленными углами яма размером 2,1 × 1 м (б). По длинной оси она ориентирована В–З, ее западный конец выходил за пределы круглой

[1] Данная яма, как и все последующие, получила номер в поле. Нумерация была общая для всех функционально различных ям: хозяйственных, ритуальных, погребальных, промышленных (Артамонова О.А., 1963, с. 11–20).

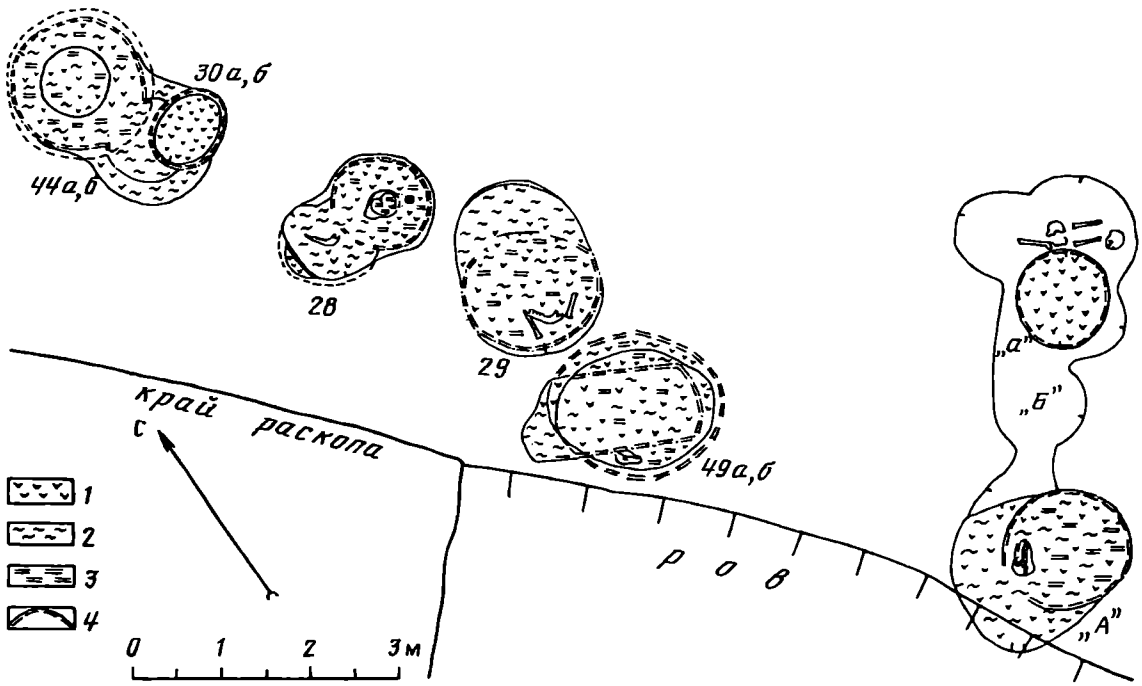


Рис. 2. Ямы в материке, оставшиеся от горнов. *1* – уголь; *2* – зола; *3* – обожженная глина; *4* – обожженная поверхность стенок ям

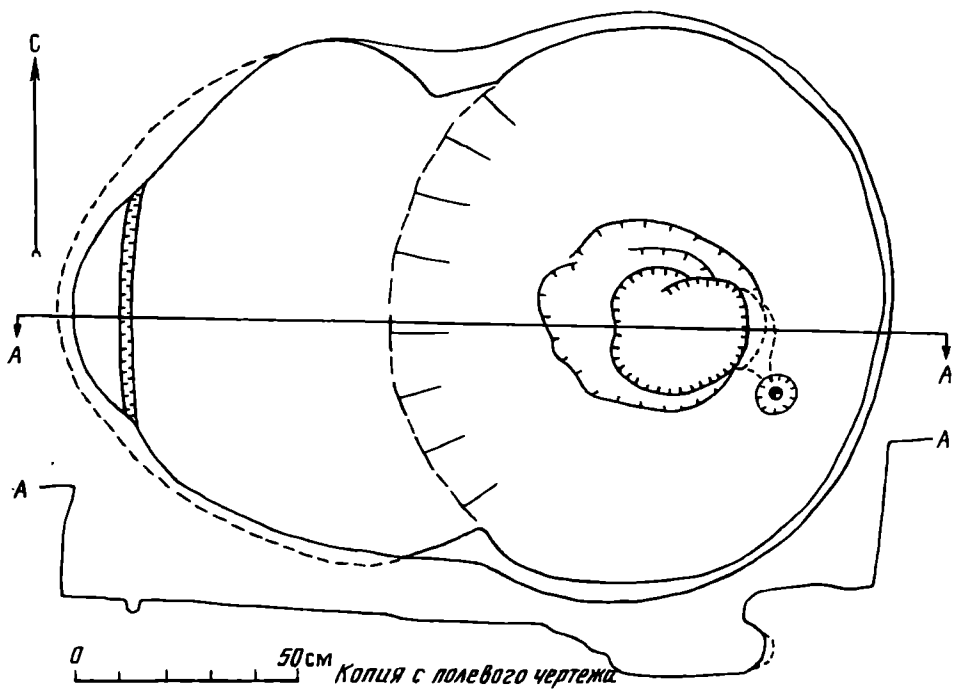


Рис. 3. План и разрез ямы 28 (горна со следами поддувала)

ямы примерно на 0,5 м, образуя суженный "выступ". Стенки этой ямы также были прокалены, а заполнение – черная углистая земля без находок.

Яма "А" – так обозначена в полевой документации еще одна яма, явно относящаяся к той же группе. Она расположена в 3 м юго-восточнее ямы 49, у края рва, частично ее перерезавшего (рис. 2). Пятно ямы было выявлено на уровне материка, оно овальное, ориентировано по длинной оси В–З. Яма состояла из двух частей. Основная – круглая в плане, диаметром 1,45 м, глубиной 1,3 м. Стенки вертикальные, сильно

обожжены, местами ошлакованы, дно прокалено. Заполнена яма рыхлой золистой землей, в которой попадались мелкие обломки лепных сосудов. На глубине 1 м у западной стенки ямы обнаружен целый череп коня.

С запада к этой части ямы примыкала сегментовидная прирезка шириной в 0,7–1 м. Глубина ее в материке всего 0,5 м. Стенки не обожжены, заполнение – зеленоватая плотная глина с включениями большого количества угля.

Яма "А" соединена узким перешейком с длинной ямой, обозначенной на чертеже и в дневнике как *яма "Б"*. Очертания пятна этой ямы в материке "фигурные", как бы составленные из нескольких слившихся ям. Однородность заполнения позволяет считать единовременной их забивку грунтом, состоявшим из серой рыхлой земли с примесью золы, обожженных кусочков глины, кусочков извести, обломков кирпичей, костей животных, обломков лощеных сосудов и горшка с линейным орнаментом. Состав заполнения свидетельствует о сравнительно позднем прекращении функционирования этих пересекающихся ям: во всяком случае, уже после образования на этом участке слоя строительного мусора. Общая длина фигурной ямы 3,5 м, ширина от 1 до 2 м, а в материк она углублена на 0,5 м. Стенки ее не обожжены.

Примерно на середине длины этой ямы была выявлена нижняя часть круглой ямы "а" диаметром 1 м (рис. 2). Сохранившиеся стенки этой ямы (0,2 м) сильно обожжены, заполнена она была слоем слежавшегося угля.

Очевидно, яма была почти полностью срезана более поздними, слившимися и перерезавшими друг друга ямами. Рядом с ней – у северо-восточного борта, в пределах одной из поздних ям, обнаружено сильно разрушенное захоронение взрослого человека, первоначально уложенного на спине и ориентированного головой на юго-восток (Артамонова О.А., 1963, с. 207). Оно относилось к более позднему, чем яма "а", времени, поскольку врезалось в верхнюю часть ее стенки.

Еще более сложным конгломератом пересекающихся ям является комплекс из четырех ям (30а, б; 44а, б), расположенный северо-западнее ямы 28 (рис. 2). Наиболее четко выявляется среди них яма 44а. Она полусферическая, с сильно обожженными стенками и вогнутым дном. Дно обмазано слоем глины и прокалено. Диаметр ямы 1,5 м. Эта яма была врезана в яму 44б, которая была, вероятно, просто хозяйственной, так как стенки ее не обожжены. Глубины обеих ям почти совпадали: 1,15 и 1,2 м.

Яма 30б представляла собой, по существу, обычную "дополнительную часть" ямы 44а. Диаметр ее тот же – 1,5 м, глубина немного меньше – 1 м. На ее стенках заметны следы обожженности только в местах соединения с основной частью ямы (44а). Заполнение обеих частей однородное: рыхлая, насыщенная золой земля.

В яму 30б с восточного края врезана яма 30а. В плане на уровне материка она овальная (1 × 0,75 м), глубина ее 1,2 м. Стенки ямы вертикальные, сильно обожженные, дно немного вогнутое, тоже обожженное. Заполнение ямы: зола, угли карагача, сосны, ивовых прутьев, а на дне лежал слой слежавшегося дубового угля.

Все описанные комплексы, явно связанные с использованием сильного огня, являются остатками какого-то "огненного производства". В полевой документации только яму 28 исследователи сочли возможным считать остатками топки гончарной печи. Остальные ямы не были интерпретированы. Объясняется это, вероятно, крайне плохой сохранностью этих производственных комплексов. Они не просто перестали функционировать и постепенно "затянулись" окружающим грунтом, их специально засыпали еще до строительства стены, а затем они были еще подровнены и местами дополнительно забиты материковой глиной. Площадка выравнивалась для облегчения подвоза стройматериалов к возводимой стене. Естественно, что всякие следы бывшего здесь производства были окончательно и полностью уничтожены в период строительства.

Однако, несмотря на сильное разрушение, в пяти ямах с обожженной – ошлакованной поверхностью отчетливо выявляются объединяющие их в единую группу особенности (28, 29, 49а, 44а, "А"). Это прежде всего их круглая в плане форма, нали-

чие примыкающих к ним сегментовидных "дополнительных отделений" с необожженными стенками, характер заполнения, в котором преобладали уголь и зола. Размеры ям нестандартны. Диаметры (по дну) колеблются от 1,30 до 1,75 м, глубины – от 0,35 до 1,3 м. Помимо основных объединяющих признаков отметим также имеющие большое значение находки в заполнении ям обломков сосудов, типичных для хазарского периода жизни на городище (IX в.), шлаков и кусков железа. Кроме того, в четырех ямах обнаружены остатки черепов и ног наиболее распространенных в Саркеле жертвенных животных – коня и собаки.

Вторая группа ям с обожженными стенками представлена всего двумя ямами (30а, 49б) овально-продолговатыми в плане (1 × 0,75 и 1 × 2 м) с сужающимися ко дну стенками. Заполнены они углем и золой без всяких включений и примесей.

Определить, к какой из групп относится яма "а", невозможно, так как от нее сохранилось только дно, покрытое углем. Ясно только, что и она входила в комплекс ям, связанных с "огненным делом".

Особенная обожженность и засыпь в виде углей и золы прослеживались, как мы видели, в круглых отделениях ям, которые и были основными. Именно в них поддерживалась высокая температура, при которой прокаливалась и ошлаковывалась поверхность. Для поддержания такой температуры использовались специальные устройства, нагнетавшие воздух, – поддувала. Остатки поддувала были обнаружены на дне только одной ямы (28), но не исключено, что они были и в других, однако не сохранились даже следы их.

Ни яма 28, которую, как говорилось, считали топкой гончарной печи, ни все остальные ямы не были остатками гончарных печей.

Открытые поблизости (рис. 1,*б*) топки настоящих гончарных печей были, во-первых, меньшего диаметра (до 1 м); во-вторых, они слабее обожжены и в них значительно меньше угля; в-третьих, в центре топок сооружен массивный столб – опора перегородки, отделяющей от топки верхнюю обжигательную камеру; в-четвертых, у гончарных печей четко выделено узкое устье, соединяющее топку с предпечьем – немного углубленной в материк площадкой.

В группе рассматриваемых в данной статье ям эти характерные признаки отсутствуют. Даже общее, что есть у них с гончарными печами, а именно наличие предпечий, подчеркивает не сходство, а отличие этих комплексов от гончарных. Сегментовидные "дополнительные помещения", являющиеся, очевидно, предпечьями, не были отделены от топки (основной рабочей части) узкими устьями, а сливались с ними. Отсутствие обожженности на их стенках свидетельствует о том, что между обоими отделениями, видимо, возводилась какая-то легкая глинобитная перегородка, которая после окончания производственного процесса убиралась.

Представляется вполне правомерным связывать с металлургическим производством прокаленные сильным длительным жаром двухчастные сооружения, заполненные углем (тополиным и особенно "жарким" дубовым), с находками в некоторых из них кусков шлака и железа. Дошедшие до нас данные об этих железоплавильных горнах, к сожалению, не слишком выразительны. По ним можно судить только о нижней, врытой в материк части горнов, причем и они еще в древности были разобраны и тщательно засыпаны. Говорить об их первоначальной конструкции практически невозможно. Тем не менее попытаемся указать весьма вероятные синхронные аналогии этим комплексам, обнаруженные в степях Донского бассейна.

Таковы открытые еще в 1950 г. Б.А. Шрамко сыродутные горны, представлявшие собой также цилиндрические ямы, врытые в материк (Шрамко Б.А., 1962, с. 133–136). Судя по изданному чертежу, диаметр горна 1,45 м, высота (глубина ямы в материке) 1,6 м, дно вогнутое. Заполнен он был шлаком и кусками обожженного глиняного перекрытия. В 1977 г. К.И. Красильников исследовал в верховьях Миуса остатки печей в виде ошлакованных колоколовидных ям, диаметрами по дну 1,1–1,5 м, высотой (глубиной в материке) 1–1,2 м (Красильников К.И., 1992, с. 183–185; Михеев В.К., 1985, с. 87), а двумя годами раньше на Среднем Дону Д.А. Телегин обнаружил на

берегу реки 10 горнов, расположенных в 2–5 м друг от друга. Один из них он исследовал. Это тоже была круглая в плане яма диаметром 0,8 м, углубленная в материк на 1 м, с заполнением из глиняной обожженной обмазки, камней, шлаков, золы (Афанасьев Г.Е., Николаенко А.Г., 1984, с. 268).

Крайне плохая сохранность саркельских горнов не снижает значения открытия их для истории Саркела, поскольку благодаря этому мы получили возможность говорить о существовании металлургического производства еще в период строительства крепости, т.е. в самом начале ее жизни (30-е годы IX в.).

Железо было необходимо строителям крепости в громадном количестве. Даже пороги внутрикрепостных проходов обивались железными коваными листами. Остатки одного из таких порогов в виде дубового бревна с железной оковкой, закрепленной большими гвоздями, были обнаружены при раскопках внутренней стены цитадели в 1951 г. (Раппопорт П.А., 1959, с. 27, рис. 22, 23). Очевидно, что и двери проходов, а тем более внешних воротных проемов также были окованы железом и держались (висели) на массивных железных петлях. Петли многочисленных дверей, засовы, различные скобы и тысячи гвоздей требовались строителям ежедневно. Именно им поставляла железо "артель" металлургов, обосновавшаяся фактически на строительной площадке.

В заключение раздела о металлургических горнах остановимся на исключительно интересных находках в их заполнении костей коня и собаки. В ямы были брошены самые "действенные" (опасные) части скелетов: в двух ямах это половинки нижних челюстей коня, причем к одной из них прибавлены еще и отчлененные разрозненные кости ног, в третьей яме – полный череп коня, в четвертой – череп собаки. Целенаправленность помещения в забрасываемый горн этих костей представляется мне очевидной. Связанное с огненной стихией дело было опасным, а люди, с ним связанные, у всех народов мира считались обладателями волшебной силы, колдунами и врачевателями. Вероятно, для защиты от сил, сосредоточенных в раскаленной пылающей яме даже после ее использования, в нее при засыпке и бросали части животных-покровителей, вооруженных сильными защитными средствами – зубами, копытами. До настоящего времени этот обычай не был прослежен или просто остался "неузнанным" ни на синхронных памятниках, ни в этнографических материалах, поэтому в данной статье его интерпретация гипотетична. Однако в будущем исследователи, возможно, обратят внимание на случайные находки костей и зубов животных в горновых ямах или поблизости от них, что будет подтверждением высказанному здесь предположению.

Параллельно железоплавильному делу в Саркеле появилось и развилось, естественно, и кузнечное производство.

Кузницы, правда, немного более поздние, но также относящиеся к хазарскому времени, были открыты на другом участке городища, на территории внутри крепости (рис. 1,*а*). Обе располагались в южном углу обширного двора, примыкающего к стене цитадели.

Двор образован с юго-запада стеной крепости, с юго-востока стеной цитадели, разделяющей крепость на две части (рис. 1,*а*). К обеим этим стенам торцами примыкает "Г-образное здание 1", которое и ограничивает внутреннее пространство двора с северо-восточной и северо-западной сторон. Здание это подробно описано в статье П.А. Раппопорта (1959, с. 28, рис. 24). Автор рассматривает его как пристройку к фундаментальным стенам, не включая в комплекс замкнутое пространство двора, соединенное с остальной площадью крепости только одним узким крытым проходом в северо-восточной части здания. Однако вместе они составляли хорошо оборудованный гостиничный комплекс (караван-сарай). Северо-восточная его часть предназначалась для гостей. Она состояла из пяти или даже шести комнат (рис. 4). Пол в них был оштукатурен известковым раствором, очагов на нем не удалось проследить, возможно, жилыми были комнаты второго этажа. Северо-западный блок этого комплекса представлял собой длинное здание, в котором нигде не было обнаружено следов

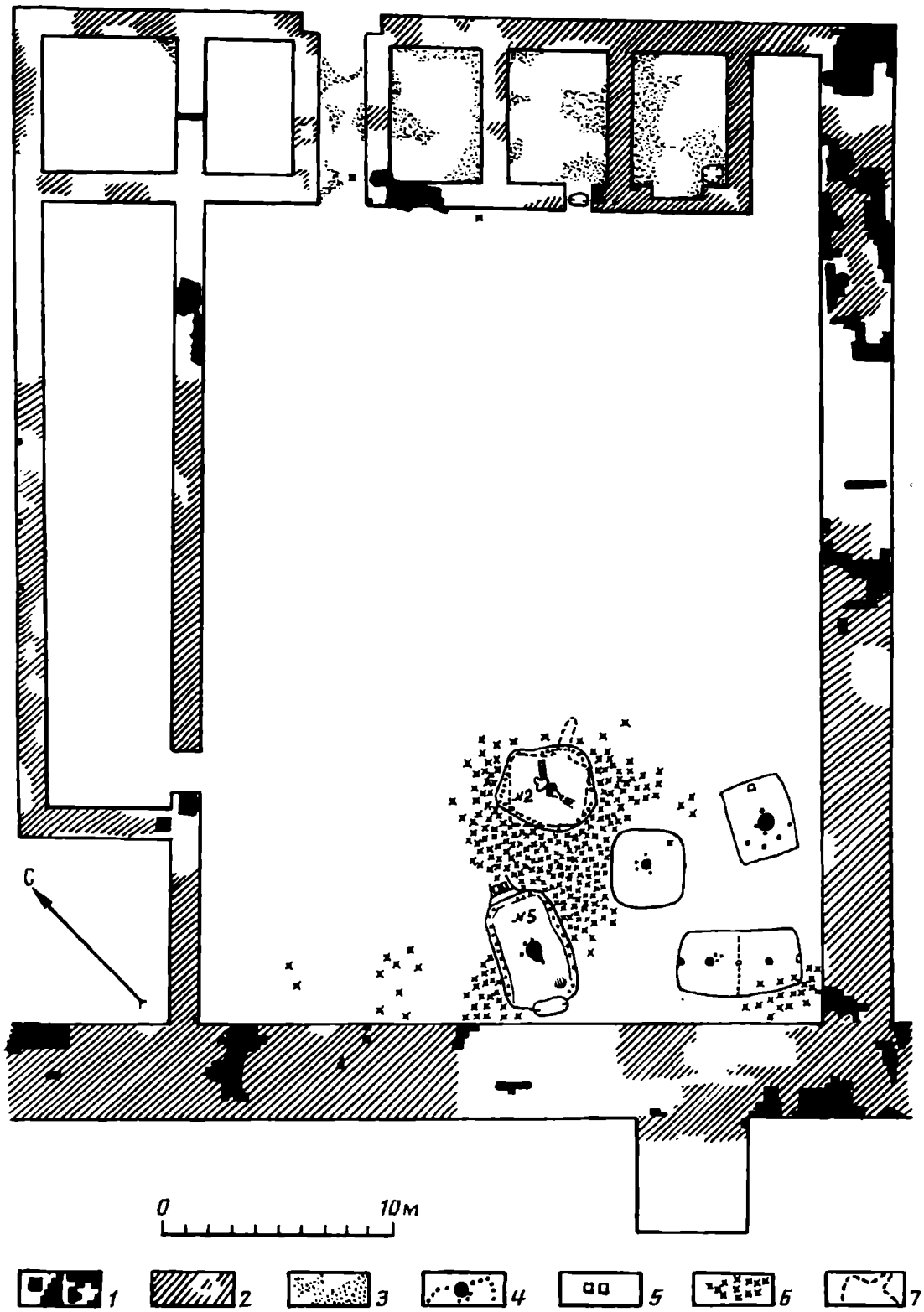


Рис. 4. Двор караван-сарая (здание 1) с производственно-жилыми постройками в южном углу. *1* – остатки кирпичных кладок; *2* – отпечатки кирпичей; *3* – остатки известковых полов; *4* – очаги и ямки от жердей; *5* – кирпичи; *6* – находки криц вне кузниц; *7* – очертания ранней гончарной мастерской, перекрытой кузницей

известкового пола. Очевидно, это было помещение для караванного скота. Аналогии подобным караван-сараям с помещениями для людей и для скота и большим замкнутым двором хорошо известны в Средней Азии (см., например, Манылов Ю.П., 1983, с. 130–139, рис. 2).

Вскоре после окончания строительства в южном углу караван-сарая, самом удаленном от гостевых комнат, появились производственно-жилые помещения. Следует сказать, что большинство средневековых караван-сараев сопровождалось небольшими ремесленными мастерскими, размещавшимися на территории двора (Немцова Н.Б., 1983, с. 162).

Именно такими были постройки саркельского караван-сарая. Поставлены они были по древнему степному обычаю "куренем" – одна в центре, четыре вокруг (Плетнева С.А., 1964, с. 133–140). Две из них – северная и восточная – были гончарными мастерскими, центральная и южная – жилыми, а западная служила кузницей (рис. 4).

Существенно, что все пять построек представляли собой единый хронологический комплекс IX в., перекрытый остатками более поздних строений, относящихся ко времени не позже первой половины X в.

Кузницей исследователи сочли возможным считать "полуземлянку № 5" (рис. 5,*б*). Она была перекрыта наземной постройкой с глинобитными стенами, также относящейся к хазарскому времени: пол ее находился выше материка всего на 0,2 м. Котлован "полуземлянки № 5" был тщательно засыпан и утрамбован задолго до строительства этого наземного жилища.

Полуземлянка-кузница довольно подробно описана в двух статьях. В.Д. Белецкий (1959, с. 45, 46, рис. 4) трактует ее только как жилище, углубленное в материк на 0,68 м, с жердевой конструкцией стен, очагом в центре пола и входом в северном углу. С.С. Сорокин считал, что эта постройка была полуземлянкой, которую "следует считать либо кузницей, либо металлообрабатывающей мастерской широкого профиля" (Сорокин С.С., 1959, с. 197). Оба автора не сомневаются в том, что постройка относилась к хазарскому периоду, однако С.С. Сорокин на основании обнаруженных у порога жилища вынутых из кладок кирпичей (со следами известкового раствора на поверхности) считал постройку довольно поздней, относящейся к началу заселения Саркела славянами. Это позволило ему "намекнуть" читателю, что кузнечное дело могло появиться в городе только со славянским населением. Стратиграфический фактор автором не учитывался совершенно, хотя, как мы видели, именно он в данном случае имел для датировки жилища решающее значение.

Что же касается кирпичей у порога, то они попали в постройку в саркельский период, поскольку в настоящее время известны многочисленные факты, свидетельствующие о том, что кирпичные кладки Саркела начали разбираться почти сразу после их постройки. Это подтверждается также находками саркельских кирпичей с остатками известкового раствора на соседнем с Саркелом поселении (Правобережном Цимлянском городище), относящемся к середине IX в. (Плетнева С.А., 1993, с. 63). В самом Саркеле даже в комплексах периода его строительства (30-е годы IX в.), в частности в заполнении одного из горнов (яма 49а), попадались вынутые из кладок кирпичи. Не была учтена С.С. Сорокиным и типологическая принадлежность "полуземлянки № 5" к группе самых ранних бытовых построек в крепости, аналогии которым следует искать на раскопанных в настоящее время памятниках салтово-маяцкой культуры IX в. Это и понятно, так как автор тогда не знал и не мог знать, а потому и не принимал в расчет двух основных признаков жилищ этой степной культуры: пола без глинобитной подмазки и открытого очага, расположенного в центральной части пола жилища. Утоптанный, немного местами обожженный и покрытый золой пол он ошибочно считал покрытым глиняной подмазкой. Что же касается очага, то в центре жилища была прослежена овальная неглубокая ямка с шестью гнездами от кольев, вбитых по периметру. Поверхность ямки была сильно обожжена. Поскольку никаких иных следов "огненного устройства" в котловане не обнаружено, С.С. Сорокин полагал, что это была нижняя часть полностью разрушенного горна. Приходится признать,

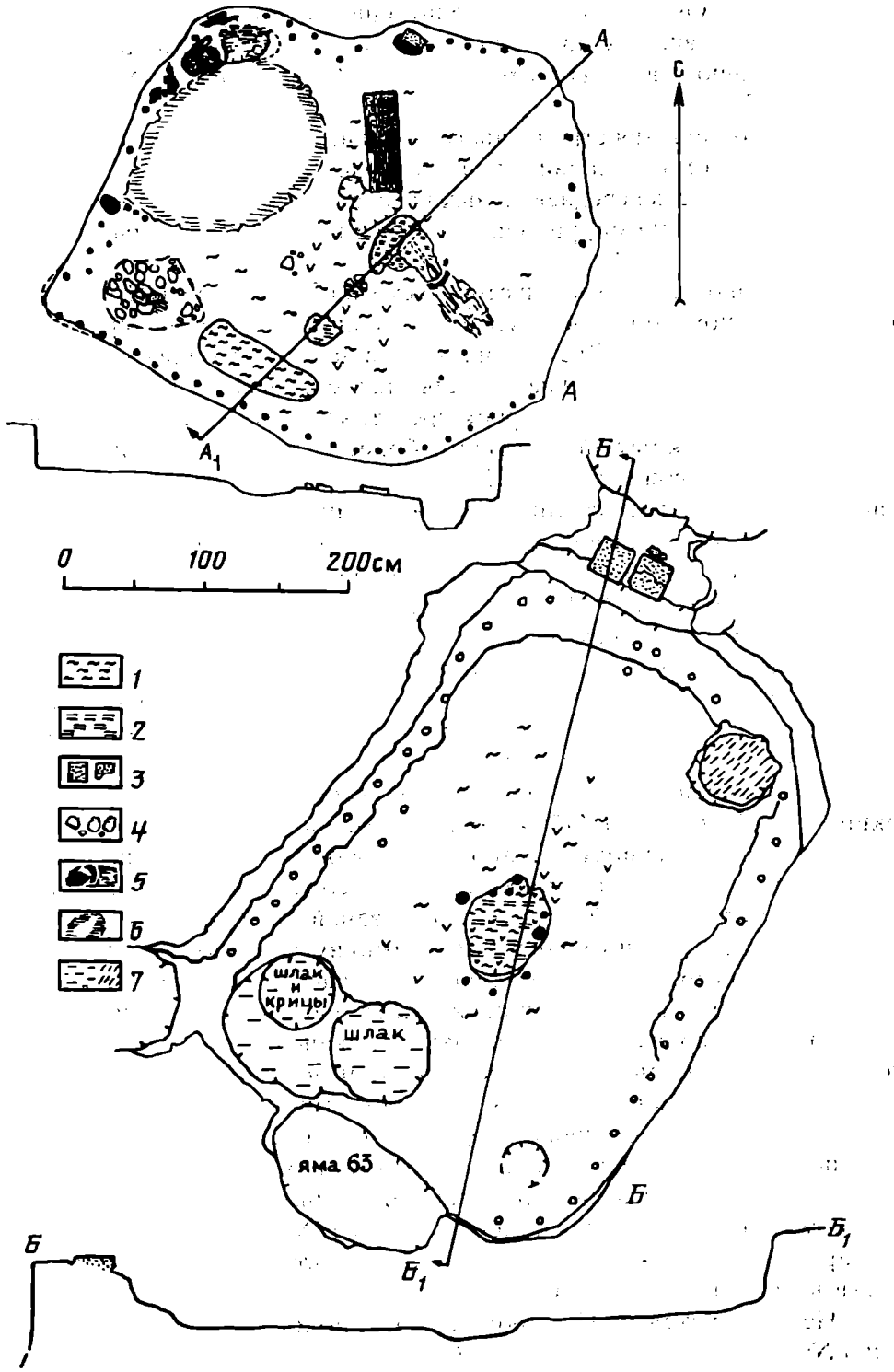


Рис. 5. Кузницы: *А* – полуземлянка № 2, *Б* – полуземлянка № 5. *1* – зола; *2* – обожженная глина; *3* – кирпичи; *4* – крицы, *5* – деревянный тлен и обгорелое дерево; *6* – выступающая (немного выпуклая) в полу глиняная утрамбованная подсыпка над засыпанным котлованом гончарной мастерской, принятая исследователями за остатки глинобитного пола; *7* – зеленая и желтая глины

что такая трактовка хотя и вероятна, но данных для ее обоснования явно недостаточно. От кузнечного горна в закрытом комплексе должно бы было остаться значительно больше видимых следов, в чем мы убедимся, обратившись ниже к другой кузнице с помещенным в центре ее пола горном. Поэтому не исключено, что прав В.Д. Белецкий, считавший обожженную овальную ямку в "полуземлянке № 5" очажной.

Несмотря на отсутствие очевидных следов горна, эта постройка по ряду других признаков явно была связана с кузнечным производством.

В западном углу постройки расположены две ямы, объединенные общим углублением. Первая яма диаметром 0,75 м и такой же глубины. Она цилиндрическая, стенки обмазаны зеленой плотной глиной, заполнение также состоит в основном из глины зеленого цвета, в которой было обнаружено 30 кусков железного шлака. Вторая яма диаметром и глубиной 0,5 м. Стенки у нее прямые вертикальные, тоже обмазаны зеленой глиной. Заполнена она была такой же зеленой глиной, в которой найдены 15 кусков шлака, 9 криц, обломки характерных хазарских сосудов. Углубление в полу вокруг ям забито зеленой глиной.

Несмотря на находки шлаков и криц в ямах, никаких следов ошлакованности или просто обгорелости в ямах нет. Очевидно, они не имели непосредственного отношения к производству (выплавке) железа. Назначение их неясно.

Еще одна яма находилась в восточном углу постройки. В отличие от двух предыдущих она конусовидная (диаметры устья и дна 0,5 и 0,9 м), глубиной 0,7 м. Заполнение – обычная материковая рыхловатая глина без находок.

Жилище не погибло в пожаре, а было оставлено, разобрано, и затем его котлован был специально засыпан и сверху утрамбован подсыпкой материковой глины. Создается впечатление, что в начале засыпки все три ямы были забиты глиной. Особенно тщательно это действие по какой-то причине было произведено с ямами, обмазанными зеленой глиной. При засыпке в котлован был брошен разрозненный труп женщины 35–40 лет: череп ее был обнаружен в засыпи на 0,3 м выше пола, остальные кости, частично бывшие в анатомическом порядке, лежали вдоль северо-восточной стенки почти у пола.

Заполнение котлована и врезавшейся в него позже ямы 63 – золистое и буквально пропитанное ржавчиной, изменившей даже цвет заполнения на рыжевато-коричневый. В нем обнаружены: 51 крица (одна из них со следами поковки), 250 обломков различных железных предметов, в том числе обломки серпа, ключа, напильника, мотыжки, копья, а также целые железные изделия: коса-горбуша, скобель, ботало, тесло, две мотыжки, наконечник стрелы. Помимо железных предметов заполнение было насыщено обломками типичной "хазарской" (саркельской) керамики и костями домашних и диких животных, рыб и их чешуи. По-видимому, заполнение ямы состояло из окружавшего кузницу культурного слоя, в который входил как бытовой, так и производственный мусор. Поверх этого заполнения выложили кирпичную вымостку, а ее перекрыли глиняной подсыпкой, о которой говорилось выше.

Начало процесса заполнения котлована, по-видимому, сопровождалось какими-то сложными ритуальными действами. Это, во-первых, предварительная забивка ям практически чистой глиной. И, во-вторых, помещение нарочито небрежно брошенного в расчлененном виде женского трупа. Не исключено, что оба зафиксированных обряда как-то связаны с "искупительной жертвой", игравшей роль защиты от злых огненных духов этой постройки.

В целом комплекс хорошо датируется обломками керамики, характерными для самого раннего времени освоения крепости: горшками с линейным орнаментом, сероглиняными, иногда лощеными сосудами и небольшим количеством обломков кувшинов "тмутараканского типа" (высоких красноглиняных с плоскими ручками тарных сосудов) (Плетнева С.А., 1967, с. 131, 133).

Причины, по которым владельцы постройки оставили ее и сровняли с поверхностью ее котлован, остались не выясненными. Одновременно с ней были оставлены, раз-

рушены и засыпаны все постройки куреня. Судить об этом можно по абсолютной идентичности приемов забивки котлованов: все были тщательно засыпаны грунтом и утрамбованы слоем глины, а иногда еще дополнительно замощены кирпичными выкладками.

Однако заровненный участок не долго оставался пустым. Новая застройка перекрыла почти все котлованы. Над одним из них, в котором размещалась в свое время гончарная мастерская, была выстроена новая кузница (рис. 5,*а*).

Никаких сомнений в ее принадлежности к кузнечному делу не возникало. Но ее хронологическая или скорее этническая интерпретация была спорной: кузницу без оснований сочли возможным отнести к беловежскому периоду жизни этого поселения. Первым об этом написал М.И. Артамонов (1958, с. 66), опиравшийся на уже известное ему исследование С.С. Сорокина, вышедшее из печати годом позже (1959, с. 195–197, рис. 35). Впрочем, керамический материал и некоторые другие факты настолько не соответствовали беловежскому периоду, что С.С. Сорокин датировал кузницу "раннеславянским временем", т.е. второй половиной X – самым началом XI в., пытаясь максимально приблизить ее к более раннему времени, сохранив при этом ее "славянский статус". Это ему было необходимо для основного вывода статьи о неразвитости ремесел в хазарский период и расцвете их в беловежский. Ошибка С.С. Сорокина прочно вошла в сознание отечественных специалистов, и, к сожалению, вслед за С.С. Сорокиным, ошибку повторяет Р. Плейнер, приводя в своей работе, посвященной европейскому кузнечеству, в качестве примера типично славянской именно эту кузницу (Pleiner R., 1962. S. 180–182. Fig. 28).

Надо сказать, что в самой кузнице датирующих материалов было немного – всего несколько обломков характерных горшков с линейным орнаментом. Зато на перекрывавшей уже заполненный мусором котлован кузницы глиняной прослойке был обнаружен разбитый лощеный кувшин и серебряный диргем 744–745 гг. н.э. (определение А.А. Быкова). Находка диргема середины VIII в. над завалом кузницы, естественно, не означает, что она датируется началом этого века. Серебряные диргемы и золотые солиды в Хазарии ходили в качестве монет, украшений и накопленных "сокровищ" очень долго (Плетнева С.А., 1993, с. 62), и именно для хазарского периода эти монеты были типичны. В более позднее время – в Белой Веже были распространены бронзовые византийские монеты.

В сочетании с лощеным сосудом факт находки диргема над погибшей в сильном пожаре и снивелированной для последующего строительства кузницей имеет, как мне представляется, решающее значение для определения времени ее существования. Мы располагаем еще одним доказательством, позволяющим говорить об исключительно хазарском времени функционирования кузницы: после выравнивания участка, на котором она стояла, на нем было сооружено еще одно жилище, видимо наземное, погибшее от пожара и плохо сохранившееся. От него остался участок глинобитного пола, покрытый золой, обожженные куски плах от стен и куски их глиняной обмазки, развал печи, сложенной из кирпичей и кусков камня. На полу и около печи обнаружены два почти целых кувшина тмутараканского типа, хазарский горшок с линейным орнаментом, лепной целый горшок, много обломков сосудов, относящихся к этим же группам керамики. Это типичный керамический комплекс хазарского времени, однако конструкция печи раннеславянская (Белецкий В.Д., 1959, с. 74–90). Как правило, в Саркеле остатки таких печей и жилищ с такими печами сопровождались находками обломков лепных горшков боршевских типов. Этнически все они определялись славянскими.

Итак, кузницу, утрамбованное пожарище которой было перекрыто ранним боршевским жилищем, вряд ли возможно датировать позже середины X в., т.е. временем примерно на 50 лет ранее предлагаемого С.С. Сорокиным.

Как и первая, эта кузница получила достаточно подробную характеристику в статье С.С. Сорокина, поэтому здесь будет обращено внимание только на те ее особенности, которые в статье освещены недостаточно полно и неточно.

Это прежде всего касается описания самого помещения кузницы. Котлован ее был углублен в культурный слой у стен на 0,2–0,35 м, а в центре до 0,4 м. Форма его в плане не "неправильно-прямоугольная", как писал С.С. Сорокин, а овальная, вход находился не с запада, а, наоборот, видимо, с востока, что существенно, поскольку "загородка" с крицами и корыто для охлаждающей изделия воды располагались не у входа, а на противоположной от него стороне. Именно так размещались разные хозяйственно-производственные сооружения в жилищах салтово-маяцкой культуры. Стены кузницы, как и у первой, турлучные (плетневые, обмазанные глиной). Горн помещен в центральной части пола – в предельной отдаленности от стен. Однако следует учитывать, что и эта черта (расположение огня в центре) весьма характерна для жилищ степной культуры (Плетнева С.А., 1967, с. 57, 58).

Весь развал сгоревшей постройки был "пропитан" окалиной и ржавчиной. Большое количество криц (в том числе и прокованных) находилось не только в хранилище – "загородке", но и на полу кузницы, и в заполнении котлована. Множество криц было разбросано на довольно большом расстоянии от пожарища. По их распространенности на участке мы можем со значительной степенью уверенности говорить о синхронности выявляемых объектов (в основном ям) и слоя вокруг со сгоревшей кузницей, хотя некоторые ямы с находками криц, в частности яма 63, связаны с первой кузницей.

Одна из прокованных криц, обнаруженная в этом развале поблизости от ранней кузницы, была подвергнута спектральному анализу (Бирюков Ю.П., 1959, с. 208). Это был плоский овальный диск сильно окислившегося железа. Размеры его 17 × 13 см, толщина 1,3 см. Железо, вероятнее всего, по заключению автора, получено из керченской руды. Из этой же руды, как показали анализы нескольких кусков шлаков и обломков железных изделий, плавилось железо и в беловежское время. С Керчью и Таматархой (Таманью), являвшимися западными провинциями Хазарии, связи были очень разнообразными, оживленными и крепкими. Руда оттуда могла доставляться как по водной (по Дону), так и по сухопутной дорогам.

Все это позволяет предполагать, что и в металлургических горнах, открытых на окраине крепости, плавилась керченская, а не местная руда, о существовании которой нам ничего не известно.

Поскольку горн и наковальня рядом с ним не были разрушены перед гибелью постройки, а погибли вместе с ней в пожаре, комплекс кузнечного устройства сохранился относительно хорошо. К сожалению, фиксация его графически недостаточно полная, полевые фотографии не дают о нем вообще никакого представления. До нас дошло только подробное описание горна, сделанное в полевом дневнике Л.Г. Нечаевой, которое дополняет чертеж и дает более четкое представление о горне и кузнице в целом.

Итак, оборудование кузницы состояло из самого горна, наковальни, корыта. От наковальни сохранились следы покрытой окалиной ровной и широкой прямоугольной доски размером 0,7 × 0,23 м (рис. 6). Это была подставка под железную наковальню, препятствующая последней углубляться в пол. Со стороны горна к доске примыкала небольшая яма (глубиной всего в 0,2 м), назначение которой в конструкции горна неясно. Далее, на расстоянии 0,28 м, находился горн. Основная его часть – неглубокая, овальная в плане яма, вытянутая по длинной оси с СВ на ЮЗ, с наклонными сильно обожженными стенками. Размеры ее 0,55 × 0,2 м. К ней вплотную через глинобитный прокаленный выступ, немного нависающий над ямой, подведено сопло диаметром 3 см. Устье сопла ошлаковано, другой конец его соединен с мехами, помещенными в мелкое корытообразное углубление в полу. От мехов сохранился тлен от деревянной основы. Максимальная ширина доски-основы 0,28 м, длина 0,5 м. По краю, примыкавшему к соплу, на нее был "набит" изогнутый валик толщиной 3 см, служивший, видимо, креплением кожаной части меха с доской. В стороне, к юго-западу от горна, на полу были обнаружены два глиняных диска, плоские с одной стороны и выпуклые с другой. Они обожжены, растрескались и с плоской стороны ошлакованы. Диаметры их 0,12 и 0,22 м. Диаметр меньший соответствует юго-

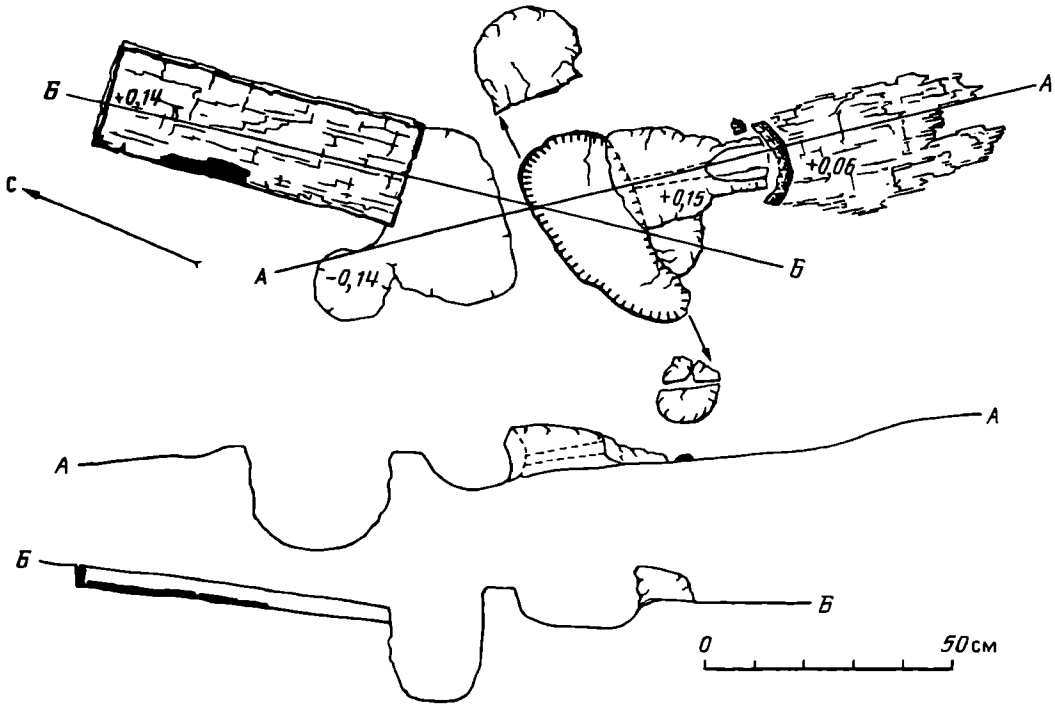


Рис. 6. План и разрезы остатков кузнечного горна и наковальни в кузнице (полуземлянка № 2)

западному закругленному краю горновой ямы, а больший – северо-восточному. Кажется весьма вероятным, что это были части крышки, закрывающей яму.

У северной стенки кузницы в полу было прослежено углубление, в котором находились остатки перевернутого вверх дном и сломанного пополам деревянного корыта. Одна его часть обгорела и обуглилась и благодаря этому дошла до нас в лучшей сохранности. Корыто было овальное, размеры его 0,7 × 0,3 м. Изнутри оно было обмазано толстым слоем обожженной глины, замешанной на соломе. Необуглившаяся часть корыта полностью истлела, от нее осталась только обмазка, сохранившая очертания этой половины. Корыто служило в качестве резервуара для закалки в воде ковавшихся в кузнице железных изделий. Кроме корыта поблизости от него в кузнице обнаружен сгоревший деревянный ковш.

В западном "углу" кузницы помещалось небольшое (1 × 1 м) помещение, отделенное от остальной площади плетневой загородкой. Оно было заполнено крицами, их там обнаружено около сотни. Рядом с этим сооружением вдоль юго-западной стенки в полу была весьма небрежно вырыта овальная яма глубиной всего 0,2 м, размерами 0,9 × 0,3 м. Заполнение ее – зола и мелкие тополевые угольки.

Вся поверхность пола вокруг горна, наковальни и у этой ямы покрыта золой, угольками, кусочками окалины.

Кузница существовала довольно длительное время, так как вокруг нее успел образоваться слой кузнечных выбросов, состоявший из золы, окалины, пережженной глины, в нем также было обнаружено много криц. Общая толщина этого слоя 0,5–0,6 м.

Вокруг кузницы было прослежено и расчищено несколько глинобитных утрамбованных площадок, перекрытых рухнувшими на них кусками сгоревших плах и жердей, являвшихся, видимо, остатками легких навесов. Они явно сосуществовали с кузницей и погибли в пожаре одновременно с ней.

Тот факт, что эта кузница была расположена в отдельной выстроенной для нее постройке и снабжена необходимым для постоянной работы в ней инвентарем и сырьем, свидетельствует о выделении в Саркеле в первой половине X в. кузнечного дела в специализированное ремесло, оформившееся в отдельную отрасль хозяйства.

Скорее всего, пожар, уничтоживший кузницу, следует относить к 965 г. – году взятия крепости князем Святославом Игоревичем (Артамонов М.И., 1962, с. 426), когда были сожжены все саркельские постройки, а многие стены разобраны, чтобы отныне уже не быть оборонными рубежами. Крепость Саркел стала древнерусским городком Белой Вежей.

Следует сказать, что кузниц, подобных этой по сохранности производственных деталей и по количеству обнаруженных в ней и вокруг криц, неизвестно не только в материалах салтово-маяцкой (хазарской) культуры, но даже и в древнерусских памятниках, значительно полнее исследованных. Плохая сохранность, а значит, и слабая исследованность кузниц привели к тому, что археологи обычно говорят о степени развитости кузнечного ремесла только по находкам на поселениях кусков шлаков, изредка развалов горнов, а главное, по ремесленной продукции более или менее высокого качества и разнообразия.

Саркельское ремесло также можно бы было оценивать по железным предметам, обнаруженным в нижнем слое городища, достигавшем примерно толщины 0,5 м от материка. Однако сильная проржавленность железа на городище не позволяет в подавляющем большинстве случаев установить технологические особенности изделий. С.С. Сорокин попытался произвести некоторые статистико-стратиграфические подсчеты различных групп и типов железных вещей. Он пришел к выводу, что в хазарском слое преобладали предметы вооружения и сбруи (Сорокин С.С., 1959, с. 152), а в беловежском – орудия труда. Судя по тому, что мы знаем об этом памятнике из письменных источников, так и должно было быть, но наблюдение это не подтверждено археологически, так как автор обязан был указать для каждого изделия глубину нахождения в слое, как это делали все остальные исследователи древностей Саркела – Белой Вежи (В.Д. Белецкий, В.П. Левенок, З.А. Львова, С.А. Плетнева: см. статьи в МИА, 1959, № 75).

Кроме того, нередко изделия, обнаруженные явно в хазарском слое – на глубине от уровня материка +0,1 – +0,5 м, причислены С.С. Сорокиным к беловежскому времени. Таковы молот-ручник, найденный в хазарской гончарной мастерской (полуземлянке № 10), напильники, крупное тесло, втульчатое долото, чересло (Сорокин С.С., 1959, с. 152, 156, 158, 160, 168). Эти наиболее яркие вещи сопровождались в статье номерами полевой описи, и потому мы могли проверить ссылки на них. Массовый материал непроверяем, а следовательно, и не работает. Иногда при ссылках на определенные номера попадаются ошибки: в описях под этими номерами обозначены другие предметы. Это также затрудняет использование выводов, сделанных С.С. Сорокиным.

О высоком уровне развития кузнечного ремесла в Хазарии можно судить по тем великолепным коллекциям, которые дошли до нас с памятников, где железо сохраняется лучше и вещи были в хорошем состоянии. Характеристика и анализ этих коллекций сделаны В.К. Михеевым (1985) и М.М. Толмачевой (1990). О собственно саркельских материалах оба автора писали мало, поскольку многие вещи к настоящему времени даже в условиях отличного хранения в Гос. Эрмитаже уже полностью развалились, проржавели или просто превратились в труху. Тем не менее оба исследователя констатировали, что идентичные обнаруженным в Саркеле предметы были широко распространены по всей Хазарии и изготовлены они были на уровне средневекового европейского ремесла. Материалы данной статьи дают, как мне кажется, новые весомые факты, свидетельствующие о наличии в Саркеле в самом начале его строительства и вплоть до взятия крепости Святославом развитых металлургического и кузнечного производств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М.И., 1935. Средневековые поселения на нижнем Дону. Л.

Артамонов М.И., 1940. Саркел и некоторые другие укрепления в Северо-Западной Хазарии // СА. Вып. VI. М.; Л.

Артамонов М.И., 1958. Саркел – Белая Вежа // МИА. № 62.

Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л.
Артамонова О.А., 1963. Могильник Саркела – Белой Вежи // МИА. № 109.
Афанасьев Г.Е., Николаенко А.Г., 1984. Металлургический комплекс у с. Ездочного // Маяцкое городище. М.
Белецкий В.Д., 1959. Жилища Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75.
Бирюков Ю.П., 1959. Опыт металловедческого исследования фрагментов металлических изделий из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции // МИА. № 75.
Красильников К.И., 1992. Металлургический комплекс салтово-маяцкой культуры на реке Миус // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк.
Левенок В.П., 1959. Пряслица городища Саркел – Белая Вежа // МИА. № 75.
Львова З.А., 1959. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75.
Маныпов Ю.П., 1983. Итоги изучения караван-сараев центрального Устюрта XIV в. (в пределах Каракалпакской АССР) // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата.
Михеев В.К., 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.
Немцова Н.Б., 1983. К вопросу о периодизации, датировке и функции Ходжа Машад в Саёте // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата.
Плетнева С.А., 1959. Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75.
Плетнева С.А., 1964. О построении кочевнического лагеря-вежи // СА. № 3.
Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). М.
Плетнева С.А., 1993. История одного хазарского поселения // СА. № 2.
Раппопорт П.А., 1959. Крепостные сооружения Саркела // МИА. № 75.
Сорокин С.С., 1959. Железные изделия Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75.
Толмачева М.М., 1990. Обработка черного металла в Хазарском каганате (по материалам памятников междуречья Дона и Северского Донца) // Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М.
Шрамко Б.А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков.
Pleiner R., 1962. Staré Evropské kovárštvi. Praha.

Институт археологии РАН,
Москва

S.A. PLETNJEVA

THE METALLURGICAL AND BLACKSMITH'S COMPLEXES OF SARKEL

Summary

The archaeologists doubted that there had been the metallurgical and blacksmith's crafts in Sarkel more than ones. But the pits with dross on the surfaces testify to the important part the metallurgical craft played in the life of Sarkel's inhabitants.Five of the pits were the remains of the forges, the other two ones were the coal pits. They were situated outside the fortress and according to the stratigraphy were used during the building of the fortress. The buildings used as a blacksmith's workshops in the 2nd half of the 9th – 1st half of the 10th cent. were discovered in the fortress itself in the yard of one of the caravan–serais. Both workshops contained a large number of the iron artifacts, blooms, a lot of slag. One of them contained also a well preserved remains of the forge, a pit full of blooms, an anvil, a wash-tub for water, etc. The workshops that existed as a separate complexes testify to the fact that the specialized blacksmith's craft became a separate branch. The production of Sarkel's craftsmen proves their high professionalism.

Н.Г. НЕДОШИВИНА

РИТУАЛЬНЫЕ ЛИТЫЕ ФИГУРКИ СО СВЯТИЛИЩ ОСТРОВА ВАЙГАЧ

В фонды Государственного Исторического музея поступила чрезвычайно интересная коллекция, полученная в результате раскопок Л.П. Хлобыстиным нескольких святилищ на о-ве Вайгач близ Новой Земли в проливе Югорский шар. Коллекция насчитывает 1730 предметов и происходит из двух памятников: Сиртя-Сале и Болванский Нос, на которых и были сосредоточены основные раскопки ленинградских археологов в течение 1984–1987 гг.[1]

Святилища о-ва Вайгач были почитаемы с самых древних времен. Культовое место Болванский Нос (ныне мыс Дьяконов) расположено на самой оконечности мыса около воронкообразного провала глубиной 14 м. Первое описание его оставил английский мореплаватель Стивен Борроу в XVI в., затем оно упоминается в трудах Витсена, Норденшельда, архимандрита Вениамина и других авторов. Все они отмечали, что на этом месте стояло 300–400 деревянных идолов – "болванов" (отсюда и название места), среди которых главный – деревянный шест высотой 140 см с семью вырезанными лицами – изображал Вэсако (старика). Возможно, в устройстве жертвенного места принимали участие шаманы.

Издавна эти места посещались охотниками, приносившими в жертву богам первых убитых ими животных. На святилищах найдено огромное количество костей этих животных: оленя, моржа, тюленя, белого медведя. Здесь же при раскопках собрана богатейшая коллекция украшений, которые или приносились в жертву идолам, или пришивались на одежду, для того чтобы обеспечить себе удачную охоту. Основную массу составляют украшения из бронзы и серебра: височные кольца, браслеты, перстни, поясные бляшки и ременные наконечники, а также многочисленные подвески в виде коньков и уточек с подвешенными на цепочках бубенчиками и лапками, арочные и щитообразные украшения, отдельные бубенчики и бубенчики на цепочках и многие другие типы украшений, основная масса которых датируется X–XIII вв.[2] (Хлобыстин Л.П., 1990; 1993).

Особый интерес среди них представляет группа литых бронзовых подвесок. Они имеют различный облик, однако объединены общим смысловым содержанием, так как все они, по-видимому, служили амулетами-оберегами.

Первую и самую многочисленную группу составляют подвески в виде фигурки человека. На святилищах о-ва Вайгач найдено семь таких подвесок. Пять из них происходят из культового места Болванский Нос-1, и две найдены при исследовании жертвенного места Сиртя-Сале (рис. 1). Одинаковые размеры всех фигурок (68 мм у целых экземпляров), совпадение во всех мельчайших деталях позволяют говорить о том, что они отлиты по одной модели и, следовательно, происходят из одной мастерской. Сохранность подвесок различная. Полностью дошли до нас три фигурки, у одной отсутствует нога, у двух подвесок – обе ноги; одна фигурка сохранилась лишь до пояса. Все подвески сделаны в технике одностороннего литья по восковой модели –

---

[1] ГИМ. Инв. № 108263.

[2] Однако есть вещи и более ранние и совсем поздние (топоры XIV–XVII вв., замки от кремневых ружей, монеты XVIII в. и пр.).

© Н.Г. Недошивина, 1996 г.

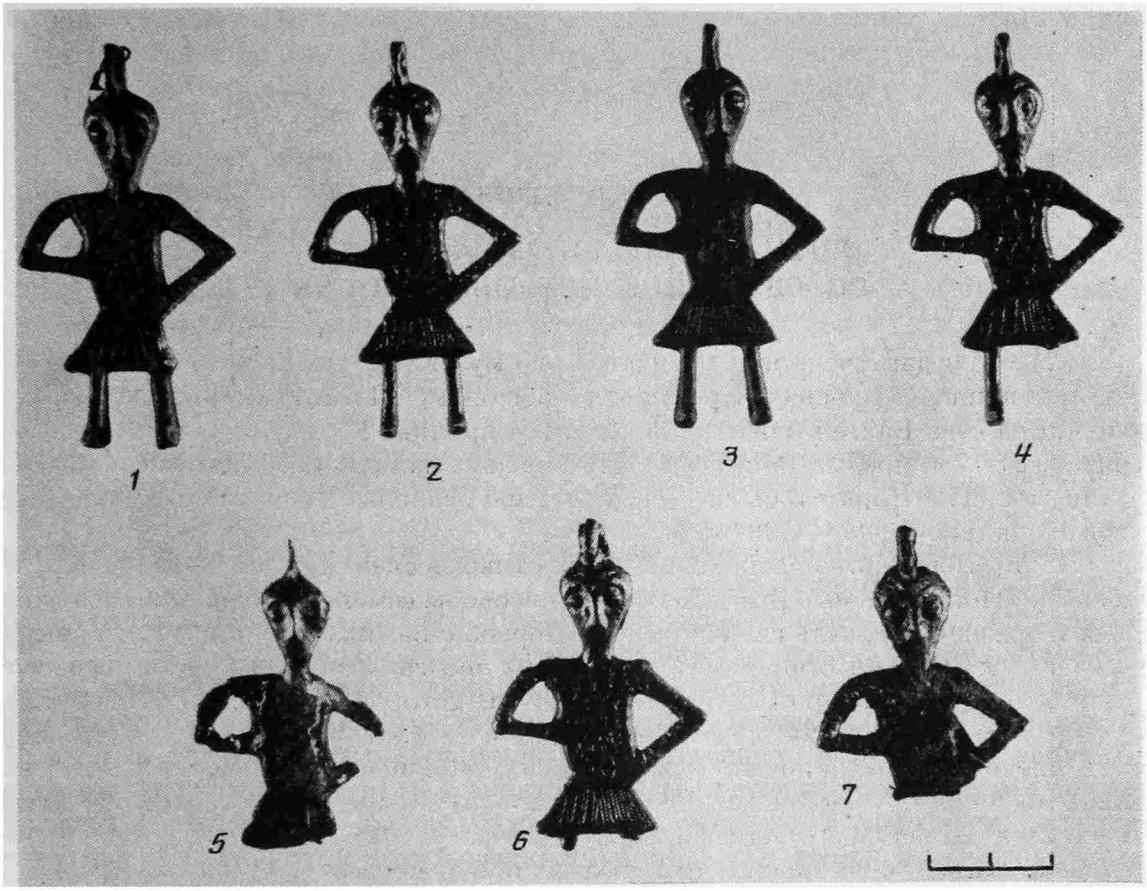


Рис. 1. Амулеты в виде фигурки человека со святилищ о-ва Вайгач. *1–3, 5, 7* – Болванский Нос; *4, 6* – Сиртя-Сале

оборотная сторона их плоская и гладкая, на лицевой стороне выступают лишь голова, ступни ног и петля для подвешивания.

Все фигурки изображают бородатого безусого мужчину. Правая рука его упирается в грудь, левая лежит на поясе. Выразительна хорошо смоделированная голова с крупным выступающим носом, круглыми навыкате глазами и ярко выраженными надбровными дугами. Мужчина одет в подпоясанную рубаху, складками спадающую до середины бедер, поверх которой надета кольчуга.

Находки на о-ве Вайгач приобретают особый интерес также и потому, что совершенно аналогичная подвеска была обнаружена в Новгороде на Троицком-II раскопе в слое второй половины XII в. Хорошо датированная и не раз изданная новгородская фигурка (в Новгородской экспедиции ее назвали "перунчиком") позволяет отнести и вайгачские находки к этому же времени (Алешковский П.М., 1980; Седова М.В., 1981, рис. 76; Седов В.В., 1982, с. 266, 286, табл. XXIII, *6*).

Весь облик новгородской фигурки, техника ее изготовления, размеры (68 мм) говорят о том, что как вайгачские, так и новгородская находки происходят из одного центра. Новгородский "перунчик", правда, отличается небольшими деталями от вайгачских. Так, на нем, прежде всего, не "читается" кольчуга, что можно, однако, объяснить дефектностью отливки или плохой сохранностью предмета (рис. 2, *1*).

Помимо описанных выше известно еще несколько аналогичных подвесок, опубликованных ранее (Алешковский П.М., 1980). Так, одна из них, найденная в б. Пермской губ. и попавшая в ГИМ в результате покупки в 1903 г.[3], абсолютно

[3] ГИМ. Инв. № 40924.

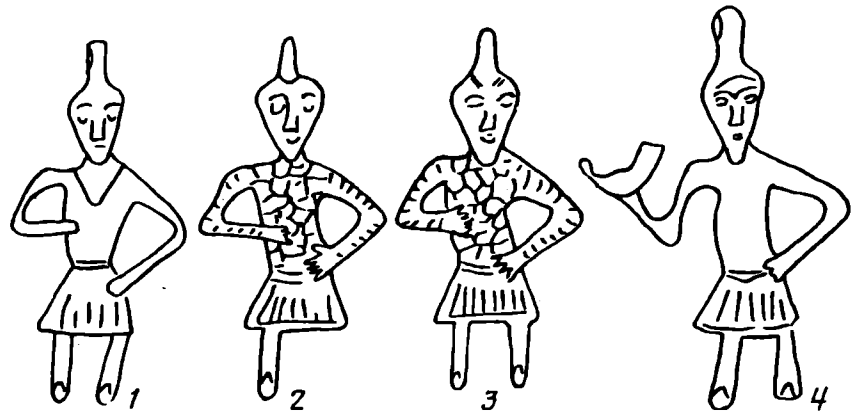


Рис. 2. Амулеты в виде фигурки человека. *1* – Новгород; *2* – б. Пермская губ.; *3* – окрестности г. Чердынь; *4* – окрестности г. Вятки; Кинтусовский могильник

тождественна вайгачским находкам. Аналогична вайгачским и фигурка, происходящая из окрестностей г. Чердыни[4] (рис. 2, *2, 3*).

Таким образом, в настоящее время известны 10 подвесок, о которых с почти полной уверенностью можно сказать, что они происходят из одного центра.

Кроме описанных выше амулетов известны еще две подвески, выполненные в той же технике, что и вайгачские, и необычайно на них похожие. Они изображают мужчину, левая рука которого упирается в поясницу, правая держит сосуд из рога. По сути дела это единственная деталь, которая отличает их от вайгачских находок. Одна из фигурок происходит из окрестностей г. Вятки (Спицын А.А., 1913, с. 125, рис. 7), другая найдена во время разведок на Кинтусовском могильнике в верховьях р. Салыма – левого притока Оби (Чернецов В.Н., 1957, табл. XII, *7*) (рис. 2, *4*).

Описанные выше фигурки, бесспорно, служили языческими амулетами. По свидетельству Палласа и А.П. Мельгунова, обские ханты, вогулы и коми еще в XVIII в. специально отливали фигурки животных с петельками и затем пришивали их на одежду деревянных идолов. Возможно, и наши амулеты использовались для тех же целей. Недаром их найдено несколько штук на жертвенных местах о-ва Вайгач, где, как известно, стояло большое количество деревянных болванов.

Возникает вопрос, где могли изготавливать эти амулеты. Трудно предположить, что их делали в Новгороде (Седов В.В., 1982, с. 266), ведь там найдена только одна подвеска, а остальные 11 обнаружены в районах Вятки, Перми, Чердыни, нижней Оби и на о-ве Вайгач. Скорее всего прав П.М. Алешковский, предположивший, что производство их было налажено где-то в районах верхнего Прикамья (Алешковский П.М., 1980). Л.П. Хлобыстин, анализируя находки на о-ве Вайгач, отмечал тесную связь острова именно с Прикамьем, а также районами обских угров[5] (Хлобыстин Л.П., 1990, с. 125).

Производство их где-то в верховьях Вятки или Камы подтверждается также и тем, что они отлиты в характерной для уральских изделий плоскостной манере. Плоское литье с небрежной отделкой поверхности с одной стороны было характерно для угров. Аналогичные вещи были найдены и в Приобье (Горюнова Е.И., 1961, с. 139).

Любопытно, что антропоморфных идолов интересующего нас вида В.А. Оборин считал характерными для родановской культуры верхнего Прикамья (Оборин В.А., 1970, с. 25, 26, табл. 11).

При изучении доступных нам подвесок под бинокуляром выяснилось, что две из них: та, которая поступила в ГИМ в 1903 г. из Пермской губ., и одна из вайгачских (опись

[4] Подвеска хранится в Чердынском музее, и мы располагаем только рисунком, опубликованным П.М. Алешковским.

[5] Производство их на о-ве Вайгач полностью исключается, так как там люди не жили, а приезжали только для охоты.

2633/11) – совпадают во всех мельчайших деталях. Н.В. Рындина, анализировавшая этот материал, пришла к заключению, что Пермская отливка являлась оригиналом, вторая же (вайгачская) отлита в форме, полученной при помощи оттиска оригинала в глине[6] (рис. 3; 4).

Таким образом, бесспорной становится связь вайгачских подвесок с областью Прикамья, которое и следует признать тем местом, где было налажено производство подобных фигурок и откуда они затем попали и на о-в Вайгач и в древний Новгород.

Выполненные в местной ремесленной традиции, амулеты, однако, имеют облик, не характерный для местных финно-угорских племен. Кольчуга, рог в руке, возможно, подчеркивают связь амулета с русскоязычной дружинной средой (Алешковский П.М., 1980).

Из летописи хорошо известно о походах новгородцев на Югру (1187, 1194 гг.), которая проживала не только в Приуралье, на левобережных притоках Камы, на Печоре и Верхней Вычегде, но и в низовьях Оби. В конце XII–XIII в. новгородцы, возможно, стали селиться в Югре, организуя подобие торговых факторий. Это предположение базируется на находках фрагментов русской керамики XII–XIII вв. на отдельных памятниках нижнего Обь-Иртышья, замкóв и ключей, не характерных для угорского населения, а также участка деревянной мостовой на городище Перегребное-1. Большое количество вещей из Приобья имеет русское происхождение или изготовлено местными мастерами по русским образцам (Могильников В.А., 1987, с. 214, 215).

Возможно, и мужские фигурки-амулеты были изготовлены местными мастерами верхнего Прикамья для русской дружинной среды, осевшей в данных регионах. В результате тесных связей Новгорода с югорскими данниками один из амулетов и попал в городские слои древнего Новгорода.

Вторая группа памятников представлена подвесками в виде ангелов, занимающих значительное место среди амулетов о-ва Вайгач (рис. 5, *3–7*). Все они выполнены в той же технике плоского литья, что и предыдущая группа подвесок. Ангелы (четыре целых и и две обломанных фигуры) имеют сверху петли для подвешивания, по форме напоминающие те, которые имеются у "перунчиков", это лишний раз (помимо самой техники исполнения) убеждает нас в том, что как те, так и другие отливались где-то в одном месте. Длина всех полностью сохранившихся фигурок 5,6 см. Ангелы одеты в длинные долматики, орнаментированные по передней вертикальной планке и по подолу. На правом запястье видна оторочка рукава, в верхней части обеих рук – оторочка какой-то другой, надетой поверх одежды с короткими рукавами. Все фигурки, кроме одной, имеют сходные черты и были, по-видимому, отлиты по одному образцу. В правой руке ангелы держат жезл, намеченный в верхней части фигуры глубокой врезной линией, в левой – трехчастный сосуд. Лица у фигурок круглые, безусые и безбородые, с шапкой кудрявых волос, носы широкие, приплюснутые, глаза миндалевидные. Ноги слегка выступают из-под подола длинной одежды, ступни при этом не выражены.

Одна фигурка несколько отличается от всех остальных. У нее удлиненное лицо с резко очерченным подбородком (возможно, бородка), нос большой, приплюснутый, глаза круглые, волосы в виде завитков. Обе руки ангела (в отличие от других фигур) сложены на животе и держат жезл. Руки согнуты в локтях округло, в то время как у других фигур локти острые. Крылья ангела разделаны мелкими чешуйками, выражены ступни ног, развернутые в стороны в одной плоскости со всей фигурой.

Кроме ангелов на святилище Болванский Нос-1 найдена совершенно такая же фигурка, но без крыльев (рис. 5, *9*).

Описанные подвески уникальны, и аналогии им пока неизвестны. В русских землях, правда, известны небольшие (2,5–3 см) подвесочки, изображающие "ангелов" или

---

[6] Выражаю глубокую благодарность Н.В. Рындиной, взявшей на себя труд проанализировать данный материал и давшей по нему свое заключение.

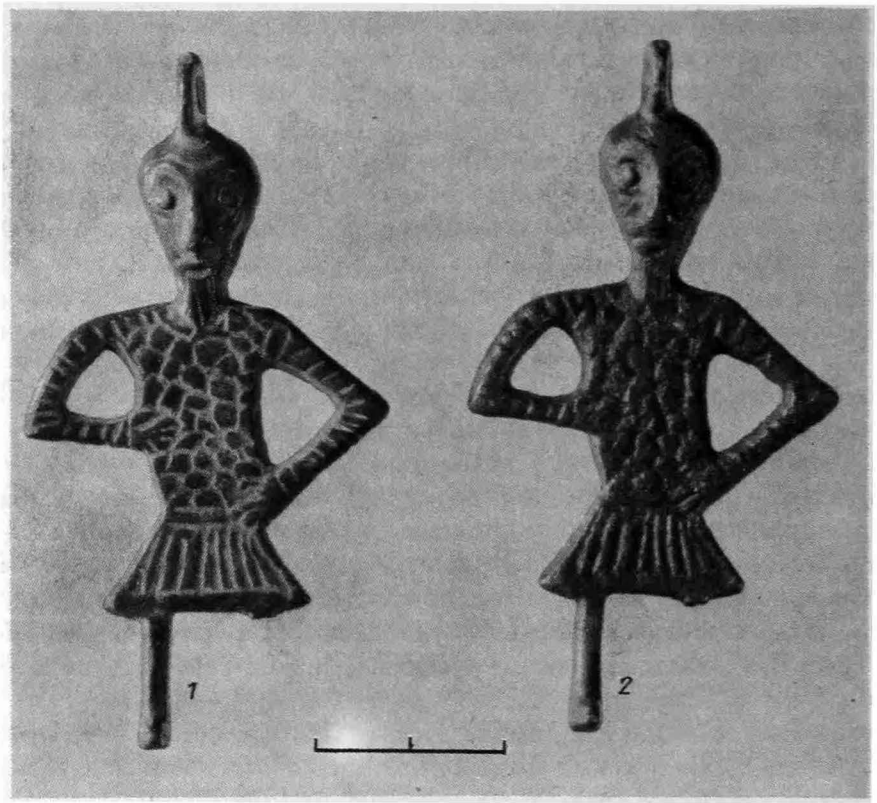


Рис. 3. Амулеты в виде фигурки человека. *1* – о-в Вайгач; *2* – б. Пермская губ.

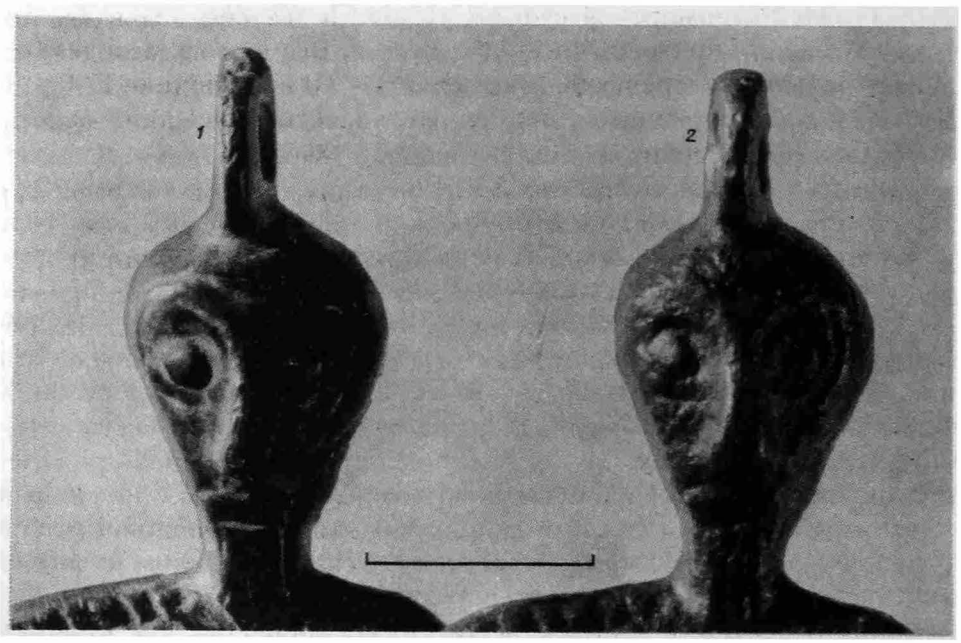


Рис. 4. Амулеты в виде фигурки человека (детали). *1* – о-в Вайгач; *2* – б. Пермская губ.

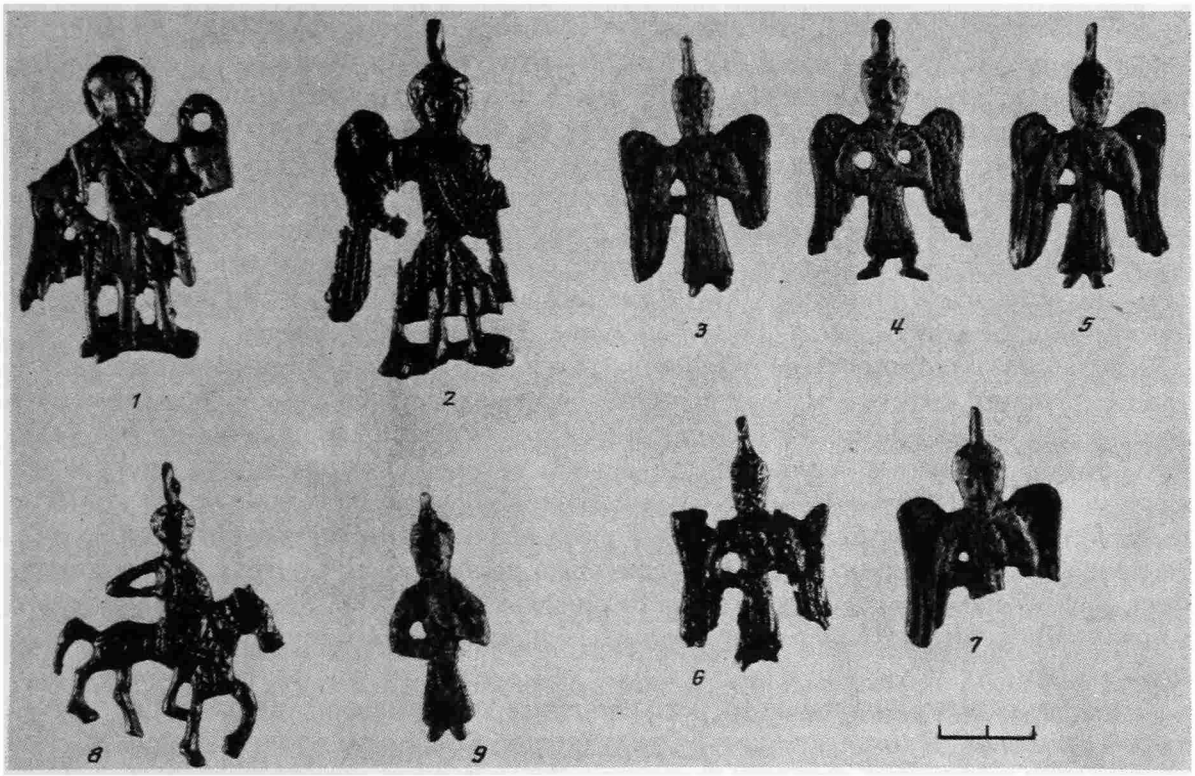


Рис. 5. Амулеты в виде ангелов и всадника. *1* – Новгород; *2–9* – о-в Вайгач

летящих птиц с распластанными крыльями, однако облик их совершенно иной, нежели у вайгачских находок. На Руси известны всего четыре таких подвески: две серебряные (д. Вески Владимирской губ. и Суздаль) и две бронзовые (д. Кочергино Костромской обл. и д. Пирогово Московской обл.). Все они происходят из области Волго-Клязьминского междуречья и датируются XI–XII вв. (Рябинин Е.А., 1981, с. 32, табл. XIII, *5, 6*). Две аналогичные серебряные подвески-"ангелки" обнаружены в ливском курганном погребении Аллажи-7 (Katalog..., 1896, tab. 18, *4*).

Еще Д.Н. Анучин считал, что изображения парящих ангелов в курганах средней и западной России представляли собой отголоски верований населения Приуралья и Прикамья и были генетически связаны с изображениями парящих птиц, широко известными у населения этих регионов, где они имели религиозное значение (Анучин Д.Н., 1899, с. 35). Этой же точки зрения придерживалась и Е.И. Горюнова, сравнивая подвески-"ангелки" с шаманскими изображениями распластанной птицы (Горюнова Е.И., 1961, с. 146).

Возможно, вайгачские изображения ангелов, отливавшиеся, по-видимому, где-то в Пермском регионе, являются как бы дальнейшей трансформацией прикамских подвесок в виде летящей птицы. Преемственность между Прикамскими изображениями птиц и вайгачскими ангелами кажется вполне вероятной. Однако на окончательном оформлении подвесок в виде ангелов, несомненно, сказалось влияние древнерусской культуры, а также деятельность христианских миссионеров.

В коллекции с о-ва Вайгач многие вещи имеют древнерусское происхождение. Здесь и височные бусинные кольца, и косорешетчатые подвески, бубенчики, амулет в виде топорика и многое другое. Значительный процент здесь составляют предметы христианского культа: оправа от иконки, кресты-тельники ("скандинавского" типа и с желтой эмалью), образок с изображением Георгия Победоносца, свидетельствующие о связях югорских земель с древнерусским государством, а также о начале распространения христианской религии в среде местного населения.

Следует подробно остановиться еще на одной подвеске (рис. 5, *2*), найденной на святилище Болванский Нос-1, которая, по-видимому, изображает архангела

(Л.П. Хлобыстин считает, что архангела Михаила). Длина фигурки с петлей для подвешивания 7,2 см (без петли 6,7 см), у нее отсутствует левое крыло, на правом – значительные утраты. Подвеска изображает фигуру в рост, стоящую на облаке. В правой руке архангел держит жезл, слева на поясе висит меч в ножнах. Фигура одета в доходящую до колен рубаху, поверх которой накинут плащ, спадающий на левую сторону груди круглящимися складками. Плащ застегнут справа на шее фибулой. Ноги, обутые в узорные сапоги, развернуты в стороны в одной плоскости с фигурой. Лицо архангела узкое, удлиненное, с большими усами и бородкой; волосы показаны круглыми завитками. Нимб слабо выражен. Фигура выполнена в той же технике плоского литья, что и описанные выше "перунчики" и ангелы.

Находка на о-ве Вайгач фигурной подвески в виде архангела приобретает особый интерес в связи с тем, что чрезвычайно похожая подвеска была обнаружена в Новгороде[7]. По-видимому, еще в древности петля для подвешивания на ней была обломана, и поэтому в верхней части левого крыла было проделано круглое отверстие. Длина фигурки 6,7 см. Архангел одет в рубаху, доходящую до колен, и плащ, спадающий складками на левую сторону груди и застегнутый фибулой на шее. На правом плече хорошо виден пластинчатый доспех. В правой руке воин держит жезл, слева из-под складок плаща свисают орнаментированные ножны меча, висящего у пояса. Лицо ангела с бородой и усами, вокруг головы хорошо читается нимб (рис. 5,*1*).

Тождество вайгачской и новгородской фигурок удивительное. Их роднят не только способ производства (плоское литье), одинаковые размеры и пропорции фигур, но и оформление отдельных деталей: форма плаща, короткая до колен одежда, сапоги, жезл в правой руке и меч у пояса слева.

По всей видимости, подвески действительно изображают архангела Михаила – предводителя небесного воинства. Об этом свидетельствуют доспех, хорошо "читаемый" на новгородской фигурке, и меч у пояса на обеих подвесках.

Следует отметить, что среди христианских подвесок (иконок, крестов) изображения ангелов чрезвычайно редки. Можно назвать очень близкую стилистически описанным выше амулетам фигурную подвеску, найденную Н.Н. Ворониным при раскопках в Гродно в 1949 г. Медная фигура архангела с мечом в правой руке высотой 6,5 см датируется автором раскопок XII в. (Древние сокровища..., 1971, рис. 29). Похожий амулет в виде архангела со сферой в правой руке был обнаружен в сгоревшем жилище XIII в. в Киеве при раскопках в 1988 г. в черте города Владимира (Архипова Е.У., Боровський Я.Э., 1992, с. 96, рис. 1). Близкий образок известен из собрания Б.И и В.Н. Ханенко (Ханенко Б.И и В.Н., 1899, табл. XIV, *150*). Авторы датируют его, правда, XV–XVII вв., однако сходство с архангелом из раскопок в Киеве позволяет и его отнести к XII–XIII вв. (Архипова Е.У., Боровський Я.Э., 1992, с. 97). Из Преслава в Болгарии происходят две медных литых односторонних подвески высотой 4,8 см, изображающих лоратных ангелов, которые датируются XI в. (Овчаров Н., 1981). Небольшая (3,5 см) подвесочка с изображением архангела происходит из Волковысска, где она была обнаружена в слоях XII в. (Древние сокровища..., 1971, рис. 33). Этим список аналогий вайгачским подвескам исчерпывается.

Среди вайгачских находок следует отметить также уникальную подвеску в виде всадника (рис. 5, *8*). Сделанная в технике плоского одностороннего литья небольшая фигура (6,5 × 5 см) с петлей для подвешивания показана вполоборота. Правая рука всадника согнута в локте и упирается в грудь, как у "перунчиков" (недаром Л.П. Хлобыстин назвал эту подвеску "перунчиком" на коне), левая с поводьями скрыта складками плаща. Под брюхом коня изображена одна, свободно свисающая без стремени нога всадника. Голова человека имеет подтреугольную форму с круглыми навыкате глазами и небольшой клиновидной бородкой, что также роднит

[7] Она была найдена совсем недавно при разборке старой коллекции из раскопок 1938 г. на Ярославском дворище, хранящейся в ГИМ, инв. № 79783. К сожалению, точно подвеска не документирована.

всадника с описанными ранее "перунчиками". Лошадь передана в движении, тщательно изображена конская сбруя.

Датировать данную подвеску трудно. Некоторое отмеченное сходство с амулетами в виде человеческих фигурок дает возможность предположить, что всадника можно отнести к XII в. Однако никакие аналогии этой подвеске нам не известны. Есть похожие изображения всадников, происходящие из Истяцкого клада недалеко от Тобольска. Однако он датируется концом III – первой четвертью II в. до н.э. Возможно, вайгачская находка сделана в более ранних традициях, не исключено также, что на святилищах употреблялась вещь, сделанная в более раннее время. Правда, стилистически она все-таки близка "перунчикам", и, следовательно, ее можно датировать также XII в.

Ритуальная роль этой подвески не вызывает сомнения. Ведь в сибирском искусстве хорошо известен образ небесного всадника, объезжающего на белом коне верхний и средний миры и скачущего сквозь небесное пламя. Культ небесного всадника хорошо известен также по этнографии Нижнего Приобья (Чернецов В.Н., 1953, с. 165). Таким образом, фигура всадника, хотя и имеет некоторые черты, роднящие ее с "перунчиками", по всей видимости, никак не связана с древнерусским миром и отражает местные сибирские традиции.

Анализ подвесок позволяет отметить сходство (стилистическое и технологическое) двух групп памятников – "перунчиков" и ангелов. Возможно, как те, так и другие отливались где-то в одном, Прикамском регионе специально для ритуальных действий. Обращает на себя внимание различный антропологический тип изображений. "Перунчики" имеют удлиненные лица с большими, сильно выступающими носами и круглыми глазами. Лица ангелов широкие, с узкими миндалевидными глазами и широкими приплюснутыми носами, что, по-видимому, отражало антропологический тип местного населения. Остается открытым вопрос о месте производства подвески с изображением архангела. Мы отмечали некоторые аналогии подобным амулетам, происходящие из разных регионов древней Руси. Возможно, на о-в Вайгач подвеска с изображением архангела попала вместе с другими предметами христианского культа.

Понимая ритуальную роль описанных выше предметов, будь они чисто языческие ("перунчики") или христианские (ангелы, крестики), местное финно-угорское население, а также, возможно, выходцы из древней Руси и Новгорода использовали их для своих ритуальных действий, принося в жертву местным божествам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешковский П.М., 1980. Языческий амулет-привеска из Новгорода // СА. № 4.

Анучин Д.Н., 1899. К истории искусства и верований у Приуральской чуди // МАВГР. Т. III. М.

Архипова Е.У., Боровський Я.Э., 1992. Бронзова підвіска з Киева і з зображенням архангела // Археологія. № 2.

Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М.

Древние сокровища Белоруссии, 1971. Минск.

Могильников В.А., 1987. Угры и самодийцы Урала и Зап. Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. Гл. 4. М.

Оборин В.А., 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Вып. 9. Свердловск.

Овчаров Николай, 1981. Два медни пандатива от Преслав // Археология. № 1–2. София.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-60. Л.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. М.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Спицын А.А., 1913. Несколько статуэток // ИАК. Вып. 53.

Ханенко Б.И. и В.Н., 1899. Древности русские. Кресты и образки. Т. 1. Киев.

Хлобыстин Л.П., 1990. Древние святилища о-ва Вайгач // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М.

Хлобыстин Л.П., 1993. Святилища Вайгача // Ad Polus. Археологические изыскания. Вып. 10. СПб.

Чернецов В.Н., 1953. Бронза Усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. МИА. № 35.
Чернецов В.Н., 1957. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. № 58. М.
Katalog der Ausstellung zum X archaologischen Kongress in Riga, 1986. Riga.

Государственный Исторический музей,
Москва

N.G. NEDOSHIVINA

THE RITUAL CASTED FIGURINES FROM THE SANCTUARIES OF VAIGATCH ISLAND

S u m m a r y

The article is devoted to the bronze figurines of the 12th century found in the sanctuaries of Vaigatch island situated near Novaya Zemlya. The amulets looking like "images of Perun" (one of the pagan gods in the ancient Rus) are the most interesting. Such kind of figurines were found not only on Vaigatch island but in the different districs of the Upper Kama river basin. On of the figurines were discovered during the archaelogical excavations of the Ancient Novgorod. The figurines of angels, archangel Michael and a horseman were also found on Vaigatch. Probably such kind of figurines were produced some where in the Upper Kama river basin.

С.Д. ЗАХАРОВ

ЖЕЛЕЗНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ БЕЛООЗЕРА

Многолетние раскопки Белоозера экспедицией под руководством Л.А. Голубевой позволили ей достаточно полно охарактеризовать материальную культуру этого средневекового города (Голубева Л.А., 1973). Однако за время, прошедшее с момента окончания раскопок и подтопления памятника водами Волго-Балтийской водной системы, коллекция находок, происходящих с территории Белоозера, значительно возросла. Увеличилось не только количество предметов различных категорий, но и их разнообразие. Несмотря на то, что новые находки – это подъемный материал, они существенно дополняют наши представления о материальной культуре Белоозера. Не являются исключением и наконечники стрел из железа и стали (рис. 1–3).

К настоящему времени на Белоозере найдено 92 определимых наконечника. Из них 43 происходят из раскопок Л.А. Голубевой, 47 представляют собой подъемный материал, 2 обнаружены при раскопках в 1994 г. городского некрополя – могильника Крохинские Пески. Типологическое определение новых материалов произведено на основе классификации, детально разработанной А.Ф. Медведевым (Медведев А.Ф., 1966). При общем анализе учтены и наконечники из раскопок Л.А. Голубевой. В сводную таблицу исследовательница поместила сведения о 41 наконечнике (Голубева Л.А., 1973, с. 129, табл. 19). Еще одна находка определена как однозубый гарпун (Голубева Л.А., 1973, с. 191, рис. 70, *11*, с. 192). Однако прямой черешок без отгиба для забивания в древко позволяет включить ее в число рассматриваемых предметов, тем более, что все одношипные наконечники стрел могли использоваться в качестве гарпунов (Медведев А.Ф., 1966, с. 56, 62). Более спорно отнесение к наконечникам стрел другого предмета, атрибутированного Л.А. Голубевой как стамеска (Голубева Л.А., 1973, с. 124). Но небольшие размеры, достаточно прямые, плавно сужающиеся к черенку стороны и отсутствие односторонней заточки не исключают возможность того, что это плоский срезень (рис. 2,*20*)[1]. Описание наконечников проведено Л.А. Голубевой на основе классификации А.Ф. Медведева, поэтому новое детальное рассмотрение материалов, происходящих из раскопок, вряд ли целесообразно. Лишь один наконечник, отнесенный исследовательницей к типу листовидных (тип 61)[2], по моему мнению, близок к треугольным наконечникам (тип 37) (рис. 1,*11*).

Количественное распределение всех белозерских наконечников по типам представлено в табл. 1. Наиболее многочисленны наконечники новгородского типа (тип 46), среди которых на белозерском материале, кроме наконечников "классических" для этого типа очертаний, можно выделить еще два устойчивых варианта. Вариант 1 отличается удлиненным черешком (черешок занимает более половины длины наконечника) (рис. 2, *8–10*). Очертания пера варьируют, у отдельных экземпляров приближаясь к правильному ромбу. Наконечники с удлиненным черешком и пером ромбовидных очертаний встречаются на широкой территории севера Руси и в Западной Сибири и бытуют на протяжении довольно длительного времени. Они найдены

---

[1] На рисунках представлены все вновь обнаруженные наконечники стрел и те наконечники из раскопок Л.А. Голубевой, форма которых отклоняется от типичной.

[2] Здесь и далее номера типов даны по А.Ф. Медведеву.

© С.Д. Захаров, 1996 г.

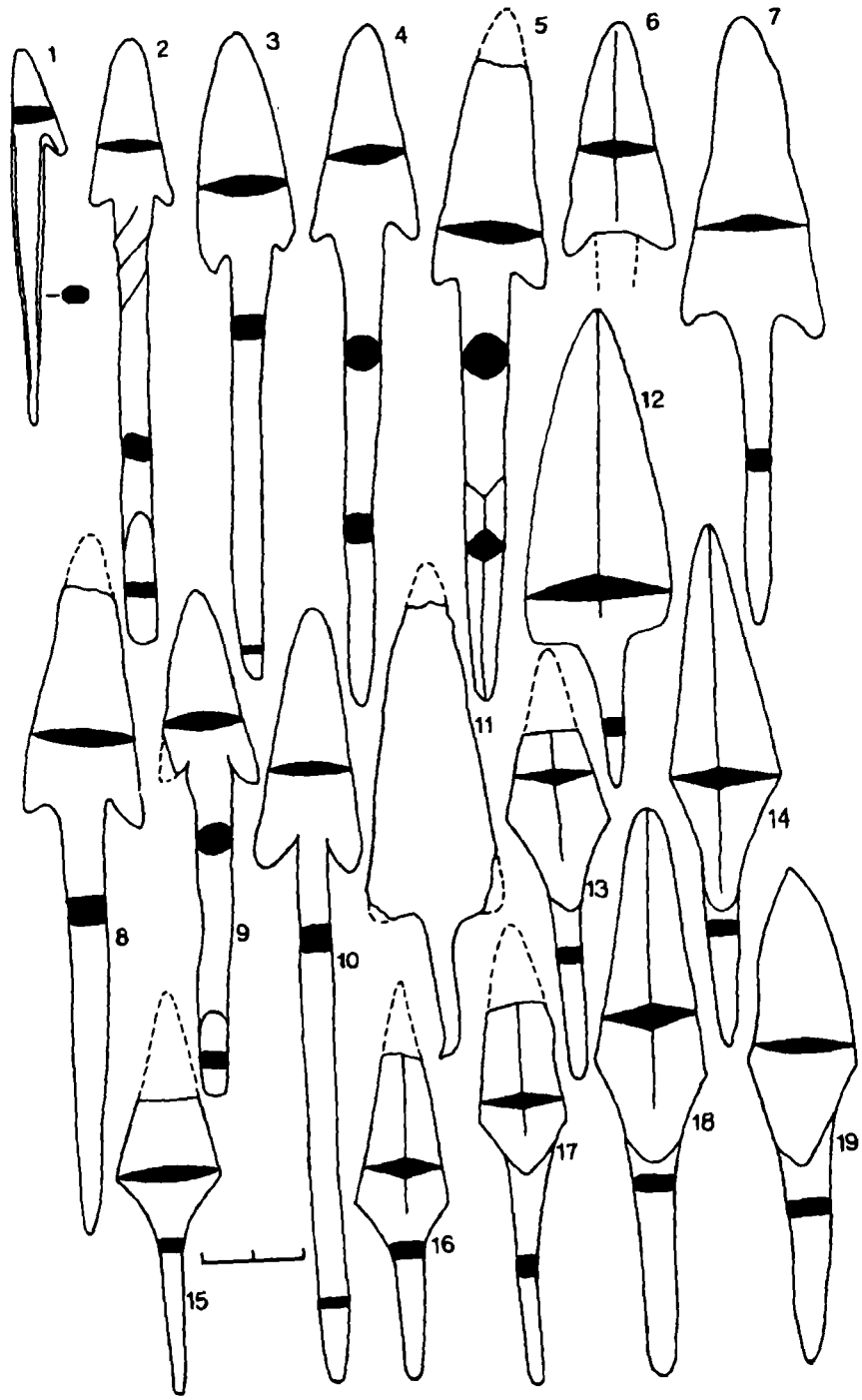


Рис. 1. Белоозеро. Железные наконечники стрел. *1–10, 12–19* – подъемный материал; *11* – раскопки Л.А. Голубевой

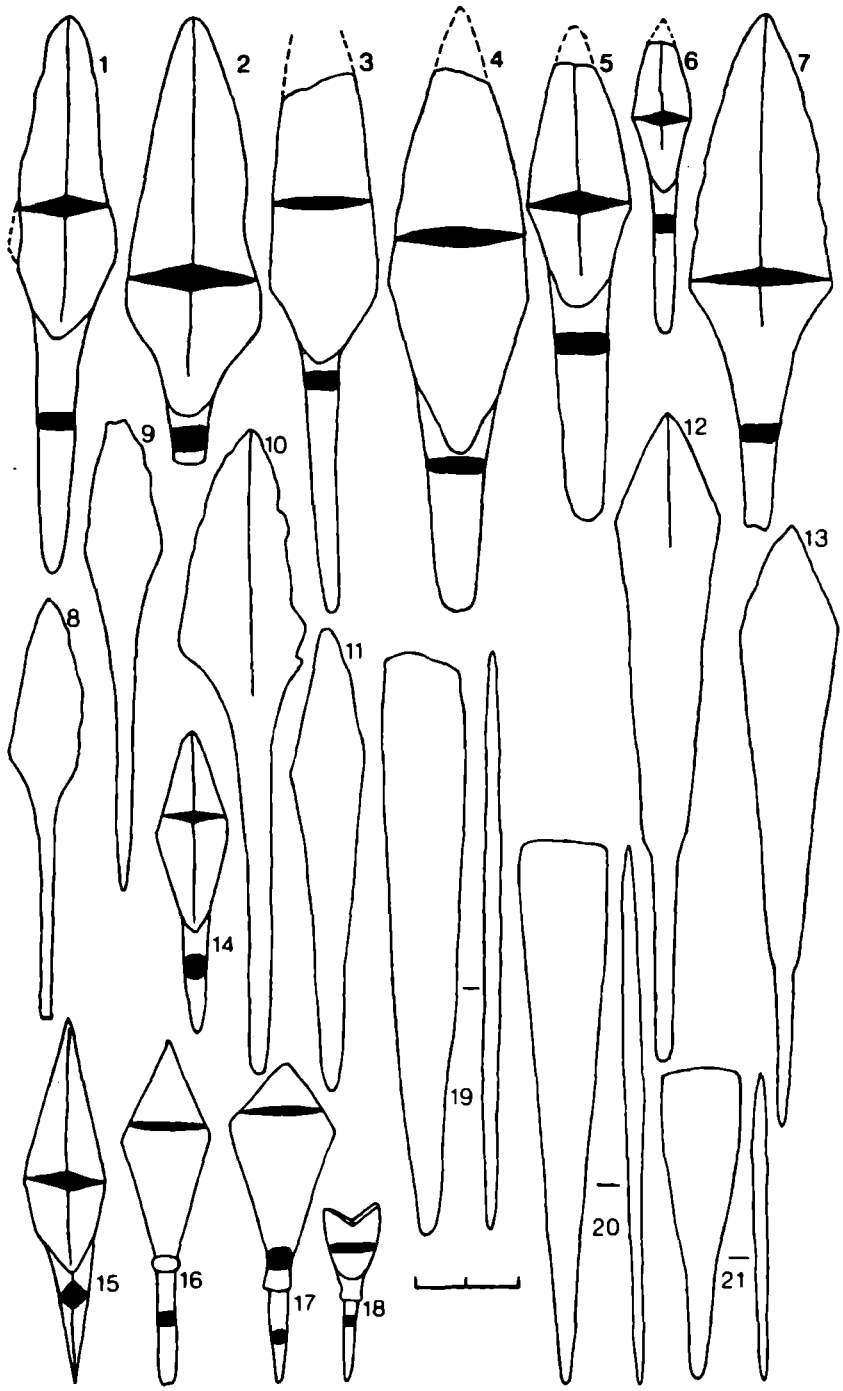


Рис. 2. Белоозеро. Железные наконечники стрел. *1–6, 14–19, 21* – подъемный материал; *7* – могильник Крохинские Пески; *8–13, 20* – раскопки Л.А. Голубевой

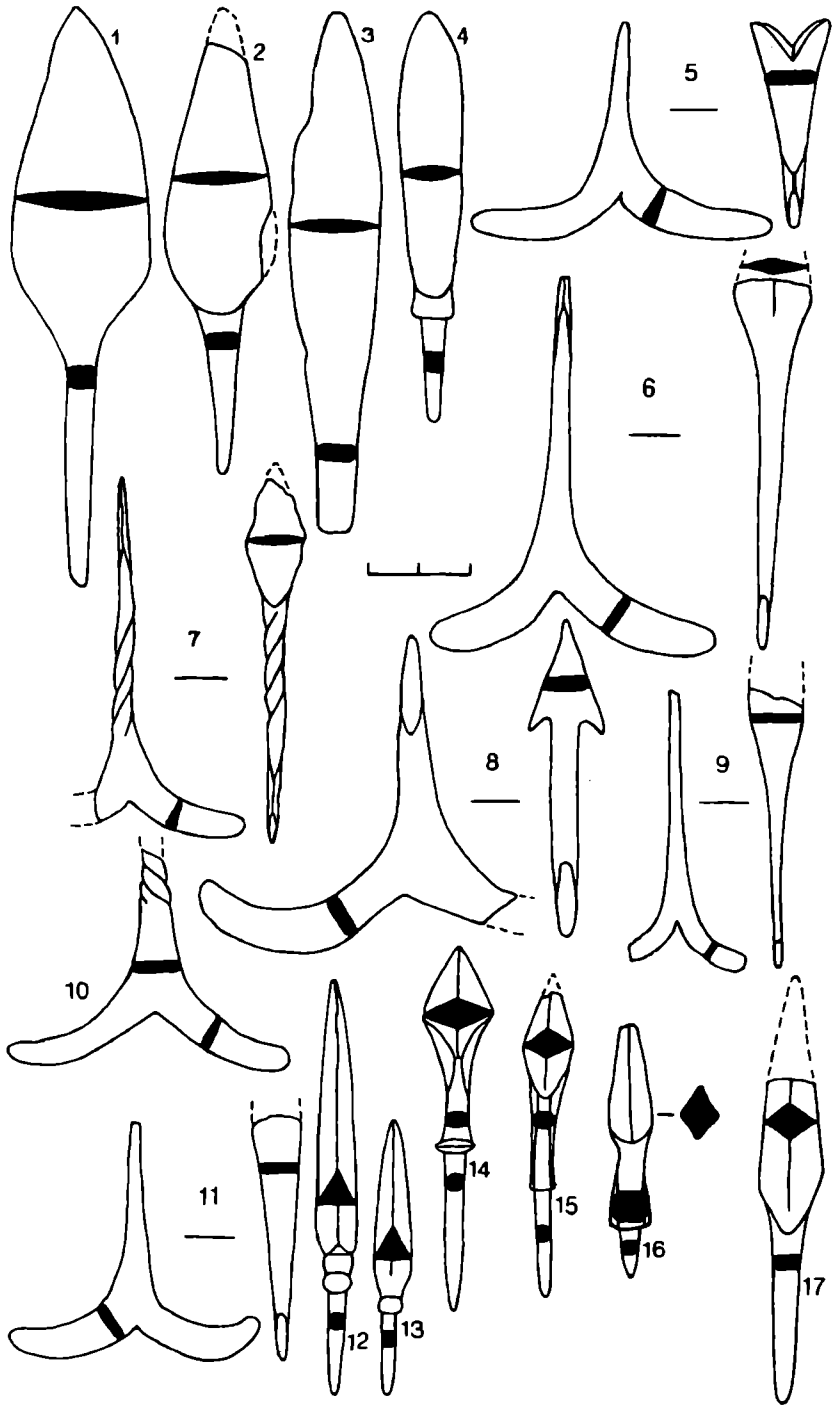


Рис. 3. Белоозеро. Железные наконечники стрел. *1–6, 8–17* – подъемный материал; *7* – могильник Крохинские Пески

Таблица 1

Типологическое распределение железных наконечников стрел Белоозера

Тип по А.Ф. Медведеву (или краткое описание)	Происхождение			Общее количество (проценты)	Рисунок
	раскопки Л.А. Голубевой	подъемный материал	могильник Крохинские Пески		
28	1	1	–	2 (2,2)	1, *1*
29–1	4	9	–	13 (14,1)	1, *2–10*
37	1	1	–	2 (2,2)	1, *11, 12*
46	10	13	1	24 (26,1)	1, *13–19*; 2, *1–7*
С удлиненным черешком (вариант 1)	6	–	–	6 (6,5)	2, *8–10*
С расширением в верхней трети пера (вариант 2)	3	–	–	3 (3,2)	2, *11–13*
47	1	2	–	3 (3,2)	2, *14, 15*
48	–	1	–	1 (1,1)	2, *16*
52–1	–	1	–	1 (1,1)	2, *17*
54	–	1	–	1 (1,1)	2, *18*
58–1	1	2	–	3 (3,2)	2, *19–21*
61	14	2	–	16 (17,4)	3, *1, 2*
62–1	–	1	–	1 (1,1)	3, *3*
62–2	1	–	–	1 (1,1)	
63	–	1	–	1 (1,1)	3, *4*
Меровингский	1	–	–	1 (1,1)	
С двурогим черешком	–	6	1	7 (7,6)	3, *5–11*
76–2	–	2	–	2 (2,2)	3, *12, 13*
83	–	2	–	2 (2,2)	3, *14, 15*
84–2	–	1	–	1 (1,1)	3, *16*
96	–	1	–	1 (1,1)	3, *17*
Итого	43	47	2	92 (100)	

в одной из сопок в урочище Победище (Петренко В.П., 1994, с. 83, рис. 44, *28*), в вымских могильниках (Савельева Э.А., 1987, с. 41, 42, рис. 13, *12, 27*), на Ортинском городище в низовьях р. Печоры (Овсянников О.В., 1988, рис. 54, *5*), в Кинтусовском могильнике в бассейне р. Оби (Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987, табл. XC, рис. 2), в могильнике Усть-Белая-1 на р. Кобоже (Башенькин А.Н., 1986, л. 24, рис. 112, *1*, 113, *13, 15*), на поселении Крутик на р. Шексне (Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991, с. 61, 62, рис. 29, *5*), в могильнике Нефедьево (Макаров Н.А., 1994а, т. 1, с. 340; т. 2, табл. 172, *2*, 176, *1*, 177, *24*, 180, *7*, 186, *10*). Причем у наконечников из Крутика и Нефедьево удлиненность черешка выражена более явно (черешок занимает 2/3 и более от длины наконечника). Увеличение длины черешка могло преследовать две цели: либо упрочение крепления наконечника к древку, либо, и это представляется более вероятным, усиление поражающего действия стрелы за счет большей глубины проникновения. Возможно, такие наконечники использовались при охоте на крупных млекопитающих. Высказанное предположение особенно правомерно для наконечников с небольшой шириной пера, что характерно для многих экземпляров.

Вариант 2 отнесен к типу 46 несколько условно (рис. 2, *11–13*). По форме эти наконечники напоминают веслообразные (тип 66), но отличаются от них отсутствием упора для древка и более ранним временем появления (по А.Ф. Медведеву наконечники типа 66 были занесены на территорию Восточной Европы монголами в первой

половине XIII в. (Медведев А.Ф., 1966, с. 75)). На Белоозере найдено три таких наконечника в слоях XI–XII вв. (Голубева Л.А., 1973, с. 129, табл. 19). Аналогии этому варианту известны на поселениях Карелии (Кочкуркина С.И., 1982, с. 138, рис. 31, *11*, *12*, с. 140), в вымских могильниках (Савельева Э.А., 1987, с. 41, 42, рис. 13, *17*), на Пожегском городище на р. Вымь (Савельева Э.А., Кленов М.В., 1992, рис. 10, *2*), на Пустозерском святилище на р. Печоре (Овсянников О.В., 1988, рис. 13, *3*, *4*), в жертвеннике на р. Лонгот-яган на Полярном Урале (Питулько В.В., Шестопалов М.М., 1990, с. 75, 76, рис. 2, *7*).

Большая часть остальных белозерских наконечников достаточно определенно связывается с выделенными А.Ф. Медведевым типами. Особняком стоит группа наконечников с черешком необычных очертаний: раздвоенные концы черешка разведены в разные стороны (рис. 3, *5–12*). Условно их можно назвать наконечниками с двурогим черешком. К настоящему времени на Белоозере обнаружено семь подобных наконечников. Один найден при раскопках могильника Крохинские Пески (рис. 3, *7*), остальные собраны на территории городища. Три целых экземпляра имеют различное очертание пера. В одном случае это двурогий срезень, у другого наконечника перо двушипное, у третьего – ромбическое. Вероятно, ромбические очертания имело перо еще у одного наконечника (рис. 3, *6*). У всех целых экземпляров раздвоенный черешок и перо располагаются во взаимно перпендикулярных плоскостях. Это обстоятельство позволяет с достаточной уверенностью включить в рассматриваемую группу еще два обломка (рис. 3, *9*, *11*). Отнесение к наконечникам с двурогим черешком еще одного предмета (рис. 3, *10*) более проблематично, поскольку перо у него обломано. Но полное сходство очертаний и тордированность верхней части черешка, как у наконечника, найденного в могильнике, дает для этого некоторые основания.

Аналогий подобным наконечникам немного. Наконечник с двушипным пером имеется среди подъемного материала с затопленного поселения Луковец в среднем течении р. Шексны (экспозиция археологического отдела Череповецкого музейного объединения). При раскопках вымских могильников найдены два наконечника, по форме близких рассматриваемым. Один из наконечников описан Э.А. Савельевой как "круторогий" срезень без упора с вогнутыми боковыми сторонами и выпуклыми внутренними (Савельева Э.А., 1987, с. 41, рис. 13, *31*, с. 43). Однако он имеет необычную для срезня заточку: приострены боковые (обращенные к стрелку) стороны, а внутренние (обращенные к цели) тупые. Именно такая заточка прослежена на раздвоенных черешках у двух белозерских экземпляров (рис. 3, *5*, *7*), но в данном случае, как и положено, приостренные стороны обращены к цели. Возможно, это наконечник с двурогим черешком и шиловидным пером квадратного сечения. Другая находка определена как двурогий срезень без упора с затупленными плоскими рогами (Савельева Э.А., 1987, рис. 13, *33*). Черешок у него плоский, расширяющийся книзу (ширина внизу, судя по рисунку, около 1,5 см). При этом рога и черешок расположены во взаимно перпендикулярных плоскостях, что, как уже отмечалось, является характерным признаком наконечников с двурогим черешком. Не исключено, что это также наконечник с двурогим черешком, концы которого обломаны, и пером (по Э.А. Савельевой это черешок) в виде плоского срезня.

Несмотря на разнообразие в отделке пера, довольно большое количество обнаруженных на Белоозере наконечников с двурогим черешком не позволяет считать, что перед нами "курьез" или плод фантазии мастера. Необходимость появления таких наконечников была, вероятно, обусловлена какими-то потребностями. Какие преимущества имел раздвоенный черешок по сравнению с обычным? Очевидно, основное заключалось в увеличении площади поражения за счет вынесенных в стороны от древка стрелы "рогов" черешка, особенно если в полете стрела вращалась. Это обстоятельство в сочетании с относительно небольшим весом наконечников делает их малоэффективными против крупной цели. Следовательно, они могли использоваться при охоте на мелкую дичь. Увеличение площади поражения наиболее актуально в тех

случаях, когда животные – объект охоты – образуют скопления. Поэтому можно предполагать, что наконечники с двурогим черешком являлись специализированной формой, применявшейся при охоте на стайную водоплавающую птицу.

Анализ распределения наконечников различных типов по территории городища не выявил каких-либо закономерностей. Необходимо отметить лишь, что в центральной (наиболее древней) части правобережного поселения бронебойные стрелы не найдены. Из шести таких наконечников три обнаружены в центральной части левобережного поселения (рис. 3, *12*, *14*, *16*), два – на западной окраине правобережного (рис. 3, *13*, *15*). Еще один (рис. 3, *17*) происходит с правого берега, но его точное местонахождение неизвестно. Бронебойные наконечники на Белоозере составляют лишь 6,5% от общего числа, что довольно необычно для города. В Ярополче на долю бронебойных наконечников приходится примерно 32% (Седова М.В., 1978, с. 104), в Суздале – более 33% (Данилов В.В., 1991, табл. 1), в Биляре – более 40% (Культура Биляра..., 1985, с. 156), в Новгороде и Изборске (включая арбалетные) около 40 и более 57% соответственно (Медведев А.Ф., 1959, с. 168; Артемьев А.Р., 1978, с. 67–70).

Ведущее место в белозерской коллекции занимают наконечники трех типов – новгородского (тип 46), двушипные (тип 29–1) и остролистные без упора (тип 61). На их долю приходится более 57% от общего числа. Обращает на себя внимание тот факт, что среди черешковых плоских наконечников около 92% не имеют упора для древка.

Для выяснения специфики белозерского комплекса наконечников стрел была просчитана степень сходства с комплексами наконечников из ряда памятников. Показатель сходства между памятниками рассчитывался по формуле, учитывающей вес признаков (Шер А.Я., 1970, с. 18):

$$f = \left(\sum_{i=1}^{n} \sqrt{p_i q_i} \right)^2,$$

где p_i – вес признака i на памятнике P; q_i – вес того же признака на памятнике Q; f – показатель сходства между памятниками P и Q, принимающий значения от 0 (если памятники не имеют ни одного общего парного сочетания признаков) до 1 (если памятники имеют одинаковые парные сочетания признаков); n – количество признаков.

При этом каждый тип наконечника или его разновидность рассматривались в качестве самостоятельного признака. При отборе памятников для сравнения принимались во внимание географическая и хронологическая близость, степень опубликованности материалов и количество найденных на памятнике наконечников. Привлекались материалы из следующих городских центров (см. рис. 4): Ярополч Залесский (Седова М.В., 1978, с. 103–106), Суздаль (Данилов В.В., 1991, с. 78–84), Новгород (Медведев А.В., 1959, с. 153–171)[3], Изборск (Артемьев А.Р., 1978, с. 67–71), Биляр (Культура Биляра..., 1985, с. 143–171). Кроме того, анализировались наконечники стрел из могильника Нефедьево (первая половина XI – начало XIII в.) (Макаров Н.А., 1994а, с. 340–342), вымских могильников (XI–XIV вв.) (Савельева Э.А., 1987, с. 38–46), поселения Крутик (конец IX – третья четверть X в.) (Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991, с. 60–62) и наконечники, входившие в состав клада, обнаруженного на поселение Илекса-III на Водлозере (X–XI вв.) (Филатова В.Ф., 1972, л. 22, 23). Эти памятники дали наиболее значительные по количеству для Северо-Восточной Руси серии наконечников.

Подсчет показателей сходства проводился трижды: для всей совокупности наконечников стрел с памятника (табл. 2); отдельно для черешковых, исключая броне-

---

[3] Со времени выхода в свет этой работы новгородская коллекция стрел значительно пополнилась. Но, к сожалению, это единственная публикация, в которой присутствуют количественные подсчеты распределения наконечников по типам.

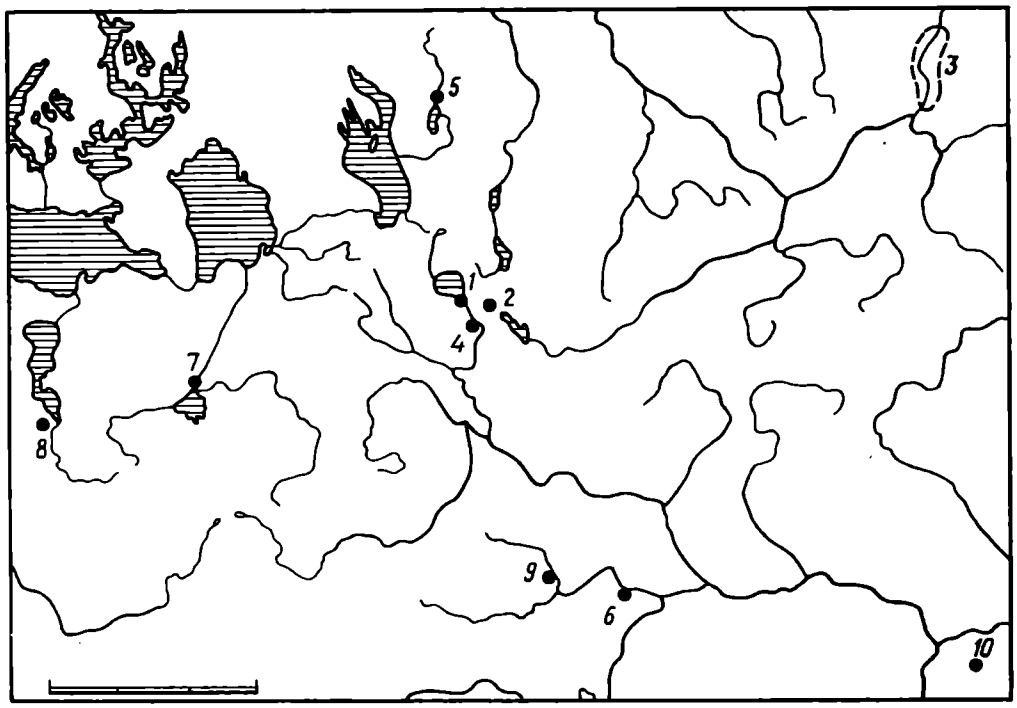


Рис. 4. Схема географического размещения памятников. *1* – Белоозеро; *2* – могильник Нефедьево; *3* – вымские могильники; *4* – поселение Крутик; *5* – поселение Илекса-III; *6* – Ярополч, *7* – Новгород, *8* – Изборск; *9* – Суздаль; *10* – Биляр

бойные и арбалетные (табл. 3); отдельно для бронебойных, исключая арбалетные (табл. 4) (во всех таблицах памятники ранжированы по степени сходства с Белоозером). Такое разделение обусловливается отсутствием на ряде памятников бронебойных и арбалетных наконечников. Прежде чем попытаться интерпретировать полученные результаты, необходимо сделать одно замечание. Со времени появления обобщающей работы А.Ф. Медведева практически все исследователи, описывая наконечники стрел, опираются на разработанную им типологию, что создает основу для сравнения. Но нередко наконечники, очень близкие по форме, разные исследователи относят к разным типам, выделенным А.Ф. Медведевым. В первую очередь это касается наконечников ромбовидных и листовидных очертаний. Такой разнобой обусловлен не только причинами субъективного характера. Он заложен в самом материале. Существует огромное количество наконечников переходных форм, границы многих типов размыты, что отмечал и А.Ф. Медведев (Медведев А.Ф., 1966, с. 53, 55). Ярким примером этого являются стрелы из клада, найденного на поселении Илекса-III. Все наконечники (29 экз.) черешковые плоские без упора, имеют ромбовидные или листовидные очертания пера и отличаются некоторой небрежностью исполнения. При этом половина наконечников явно асимметрична: на одной половине пера вогнутое плечико и сторона образуют четкий угол, как у наконечников новгородского типа 46, на другой – угол сглажен и очертания пера близки остролистным (тип 61) (хранилище сектора археологии Института языка, литературы и истории Карельского филиала РАН, кол. № 777). Очевидно, кузнец при изготовлении наконечников не придавал большого значения этим различиям, а для нас они являются типообразующими.

Данные обстоятельства, а также значительные колебания количества наконечников на рассматриваемых памятниках (от 29 до 275 экз.) усиливают "размытость", нечеткость результатов сравнения и заставляют подходить к их интерпретации с известной долей осторожности. И все же анализ табл. 2–4 позволяет проследить некоторые достаточно явные тенденции. Обратимся вначале к рассмотрению комплекса бронебойных наконечников стрел для лука (табл. 4). Здесь весьма четко про-

Таблица 2

Сравнительный анализ показателей сходства комплекса наконечников стрел из различных памятников (138 признаков)

Памятник	Количество наконечников	Белоозеро	Нефедьево	Вымские могильники	Крутик	Илекса-III	Ярополч	Новгород	Изборск	Суздаль	Биляр
Белоозеро	92	1,00									
Нефедьево	32	0,47	1,00								
Вымские могильники	195	0,45	0,24	1,00							
Крутик	54	0,42	0,32	0,47	1,00						
Илекса-III	29	0,41	0,22	0,36	0,26	1,00					
Ярополч	69	0,20	0,03	0,15	0,12	0,14	1,00				
Новгород	128	0,16	0,06	0,12	0,10	0,18	0,15	1,00			
Изборск	78	0,08	0,04	0,08	0,02	0,15	0,05	0,15	1,00		
Суздаль	80	0,07	0,02	0,03	0,03	0,03	0,16	0,12	0,03	1,00	
Биляр	275	0,05	0,00	0,02	0,01	0,01	0,22	0,11	0,02	0,35	1,00

Таблица 3

Сравнительный анализ показателей сходства черешковых наконечников стрел, исключая бронебойные и арбалетные, из различных памятников (70 признаков)

Памятник	Количество наконечников	Белоозеро	Нефедьево	Вымские могильники	Крутик	Илекса-III	Ярополч	Новгород	Изборск	Суздаль	Биляр
Белоозеро	86	1,00									
Нефедьево	27	0,60	1,00								
Вымские могильники	172	0,53	0,32	1,00							
Крутик	52	0,46	0,39	0,52	1,00						
Илекса-III	29	0,44	0,27	0,40	0,24	1,00					
Новгород	69	0,30	0,14	0,21	0,14	0,33	1,00				
Ярополч	41	0,27	0,06	0,23	0,19	0,24	0,27	1,00			
Изборск	29	0,21	0,12	0,22	0,04	0,40	0,21	0,09	1,00		
Суздаль	51	0,07	0,05	0,04	0,04	0,05	0,17	0,07	0,09	1,00	
Биляр	162	0,05	0,01	0,02	0,01	0,01	0,20	0,20	0,03	0,29	1,00

является связь трех городов Суздаль–Ярополч–Биляр. К этой группе примыкает и Белоозеро, хотя сходство Белоозера с каждым из городов ниже, чем между городами в выделенной группе. Исключение арбалетных наконечников из числа рассматриваемых несомненно ослабило связь между Новгородом и Изборском, поскольку в этих городах арбалетные наконечники найдены в довольно большом количестве. Но отсутствие таких наконечников на других памятниках в случае включения арбалетных наконечников в таблицу предопределило бы изначальное отличие Новгорода и Изборска от остальных городов.

Таким образом, основываясь на данных табл. 4, можно предполагать, что комплекс бронебойных наконечников стрел складывался на Белоозере если не под влиянием, то по крайней мере в одном русле с развитием военного дела в городах Ростово-

Таблица 4

Сравнительный анализ показателей сходства бронебойных наконечников стрел, исключая арбалетные, из различных памятников (46 признаков)

Памятник	Количество наконечников	Белоозеро	Суздаль	Ярополч	Биляр	Изборск	Новгород	Вымские могильники
Белоозеро	6	1,00						
Суздаль	27	0,22	1,00					
Ярополч	27	0,16	0,45	1,00				
Биляр	112	0,10	0,45	0,26	1,00			
Изборск	11	0,03	0,03	0,07	0,06	1,00		
Новгород	29	0,01	0,11	0,06	0,07	0,01	1,00	
Вымские могильники	20	0,01	0,00	0,01	0,05	0,00	0,00	1,00

Суздальской земли. Данный вывод находится в полном соответствии со сведениями летописей, сообщающих о неоднократных совместных военных действиях белозерцев, ростовцев и суздальцев, в том числе и против болгар (Летописный сборник..., т. 9, с. 127, 128; т. 10, с. 9, 10).

Иная картина возникает при анализе всей совокупности наконечников стрел, найденных на рассматриваемых памятниках. В первую очередь обращает на себя внимание малая величина показателей сходства в "городской группе" как по всему комплексу наконечников, так и отдельно по черешковым. Наибольшее сходство здесь прослеживается между Суздалем и Биляром, в то время как связь таких территориально близких городов, как Суздаль–Ярополч и Новгород–Изборск, довольно низка. Очевидно, каждый из рассматриваемых городов обладал достаточно своеобразным набором наконечников. На этом фоне весьма ярко проявляется общая близость наконечников стрел другой группы памятников, включающей Белоозеро, могильник Нефедьево, вымские могильники, Крутик и Илексу-III. Из общего ряда несколько выбивается Илекса-III, демонстрирующая относительно большое сходство с Изборском и Новгородом по черешковым наконечникам. Но и она наиболее близка Белоозеру.

Незначительная связь белозерского комплекса наконечников с коллекциями стрел из других городов не вызывает удивления, если учесть выявленную тенденцию к своеобразию набора стрел в каждом городе. Но факт вхождения Белоозера во вторую группу памятников на фоне достаточно низких связей памятников этой группы (за исключением Илексы-III) с городами представляется весьма примечательным и требующим осмысления. Обзор литературы, посвященной данным памятникам, выявляет одну важную особенность, присущую всей группе. Все исследователи отмечают большое значение промысловой охоты в хозяйственной деятельности оставившего их населения. По мнению Н.А. Макарова, именно пушной промысел, приносивший на начальном этапе освоения нефедьевского микрорегиона высокие доходы, был источником бросающегося в глаза "богатства" могильника Нефедьево (Макаров Н.А., 1994б, с. 40–46). Э.А. Савельева подчеркивает ведущую роль промыслов, прежде всего пушного, в экономике вычегодских пермян, оставивших вымские могильники (Савельева Э.А., 1987, с. 165). О значительной роли охоты в жизни населения Крутика неопровержимо свидетельствует необычно высокий процент костей диких животных, особенно бобра, в остеологической коллекции поселения (Андреева Е.Г., 1991, с. 182–185). А.М. Спиридонов и С.И. Кочкуркина, рассматривая поселения Прионежья, в том числе и Илексу-III, приходят к выводу о специализации хозяйства коллективов, оставивших эти памятники, на пушном промысле (Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., 1988, с. 129, 135). Очевидно, близость наборов наконечников стрел на памятниках второй группы, достаточно удаленных друг от друга территориально (а

в случае Крутика и хронологически), обусловлена в первую очередь одинаковыми требованиями к свойствам этих предметов, которые должны были удовлетворять нуждам промысловой охоты.

Как уже отмечалось, белозерские стрелы обладают еще одной особенностью – около 92% черешковых плоских наконечников не имеют упора для древка. По мнению А.Ф. Медведева, плоский черешок без упора – характерный признак стрел северной половины Европейской России (Медведев А.Ф., 1966, с. 61). Однако подсчеты показывают, что доля наконечников без упора среди черешковых плоских стрел на разных памятниках значительно колеблется. Так, в Ярополче и Новгороде их менее 50%, в Суздале – около 15%, в Биляре – немногим более 4%[4], в то время как в материалах Нефедьево, Крутика и Илексы-III наконечники с упором вообще отсутствуют, а в вымских могильниках на долю черешковых плоских наконечников с упором приходится лишь 2,3%. Не исключено, что значительное преобладание среди черешковых плоских стрел на памятнике наконечников без упора для древка свидетельствует в пользу их применения в основном для охотничьих нужд. Но малое количество памятников, привлеченных для анализа, не позволяет настаивать на безусловной верности такого наблюдения.

Таким образом, сравнение комплексов стрел, найденных на разных памятниках Северо-Восточной Руси, позволяет говорить о том, что специфика белозерского набора наконечников определяется его охотничьей направленностью. И это не удивительно. Ведь Белоозеро, бывшее, с одной стороны, самым северо-восточным древнерусским городом, с другой стороны, являлось наиболее близким городским центром для лежащего к северу и востоку от него массива земель, где, несомненно, добывалась бóльшая часть мехов, поступавших на средневековые рынки. Вероятно, именно Белоозеро, расположенное на удобных речных путях, ведущих в глубь богатого пушниной края, обеспечивало немалую часть потребностей этой земли в продуктах ремесленного производства, в том числе и наконечниках стрел. О том, что такая потребность существовала постоянно, свидетельствует факт появления на Белоозере необычного типа наконечника – с двурогим черешком, предназначенного, вероятно, специально для охоты. Несомненно, и сами белозерцы в той или иной степени участвовали в промысловой охоте, приносившей высокий доход, который отразился в ярком, городском характере материальной культуры Белоозера, несмотря на его окраинное положение в составе древнерусских земель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Е.Г., 1991. Фауна поселения Крутик (по остеологическому материалу из археологических раскопок) // Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.

Артемьев А.Р., 1978. Наконечники стрел из раскопок Изборска // КСИА. Вып. 155.

Башенькин А.Н., 1986. Отчет Северорусской археологической экспедиции о работах в Вологодской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 11 418, 11 418-б.

Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.

Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.

Данилов В.В., 1991. Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня из Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.

Кочкуркина С.И., 1982. Древняя корела. Л.

Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., 1988. Поселения эпохи средневековья // Поселения древней Карелии (от мезолита до эпохи средневековья). Петрозаводск.

Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. 1985. М.

Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью, 1965 // ПСРЛ. Т. 9–10.

[4] К сожалению, в публикации по наконечникам Изборска сведения о наличии или отсутствии упора не полны.

Макаров Н.А., 1994а. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. (по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья) // Дис. ... д-ра ист. наук. М.

Макаров Н.А., 1994б. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. (по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья) // Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

Медведев А.Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА. Вып. 65.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1–36. М.

Овсянников О.В., 1988. Отчет о работах Архангельской арктической археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 13213, 13214.

Петренко В.П., 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья. СПб.

Питулько В.В., Шестопалов М.М., 1990. Новые находки на Полярном Урале // КСИА. Вып. 200.

Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.

Савельева Э.А., Кленов М.В., 1992. Пожегское городище. Серия препринтов "Научные доклады". Вып. 278. Сыктывкар.

Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.

Филатова В.Ф., 1972. Отчет о работе Онежско-Водлозерского отряда Карельской археологической экспедиции за 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 5143, 5143-а.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР, 1987. М.

Шер Я.А., 1970. Интуиция и логика в археологическом исследовании // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.

Институт археологии РАН,
Москва

S.D. ZAKHAROV

THE IRON ARROW-HEADS FROM BELOOZERO

Summary

The article deals with the iron arrow-heads found in Beloozero, an ancient Russian town. The author compares the arrow-heads from the medieval urban and rural settlements situated in the North of the Eastern Europe. It came out that by its arrow-heads Beloozero is closer to the rural settlements where the hunting played a very important role. That's why the specific character of Beloozero's complex can be explained by its hunting orientation.

Т.Д. ПАНОВА, А.М. КОЛЫЗИН

КЛАД СМУТНОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

26 июля 1994 г. в Московском Кремле в процессе археологических наблюдений за строительными работами на территории здания бывшего Сената при углублении пола в одном из подвалов был найден клад монет XVI – начала XVII в. Клад находился в белоглиняном поливном кувшине, который разбился от удара лопатой. Благодаря помощи сотрудников комендатуры Московского Кремля, применивших металлоискатели, удалось извлечь из земли рассыпавшиеся монеты, которых оказалось 3427 экз. В составе клада присутствует одна серебряная монета номиналом в три гроша, чеканная от имени польского короля Сигизмунда III в 1597 г. Остальные монеты клада русские, преимущественно копейки, чеканенные на трех денежных дворах – Московском, Новгородском и Псковском.

Состав клада следующий. Василий III (1505–1533): Псков (после 1510 г.), денга – 1 экз. Иван IV Грозный, княжение (1533–1547): копейки – 172 экз., денги – 7 экз.; царствование (1547–1584): копейки – 407 экз., денги – 3 экз. Федор Иванович (1584–1598): Москва, копейки – 68 экз., денга – 1 экз.; Новгород, копейки – 79 экз.; Псков, копейки – 112 экз. Борис Федорович Годунов (1599–1605): Москва, копейки – 274 экз. (в том числе одна позолоченная); Новгород, копейки – 117 экз.; Псков, копейки – 109 экз. Так называемые копейки Федора Годунова (13 апреля – 1 июня 1605 г.): а) с буквенным обозначением на лицевой стороне "М/о-Б-О" и именем "Федор" без обозначения отчества – 1 экз.; б) с буквенным обозначением на лицевой стороне "МО-ГД-РЬ" и именем "Федор" без обозначения отчества – 2 экз. Копейка, чеканенная непосредственно после свержения с престола Федора Годунова и до вступления на престол Лжедмитрия I (1 июня – 7 июля 1605 г.): с лицевой стороной "М/о-Б-О" с именем "Федор" и отчеством "Иванович" – 1 экз. "Дмитрий Иванович", т.е. Лжедмитрий I (1605–1606): Москва, копейки – 14 экз.; Новгород, копейки – 12 экз.; Псков, копейки – 20 экз. Василий Иванович Шуйский (1606–1610): Москва, копейки – 185 экз. (в том числе 2 экз. (рис. 1; 2), неопубликованные ранее, чеканены штемпелями лицевых сторон копеек "Владислава Жигимонтовича"); Новгород,

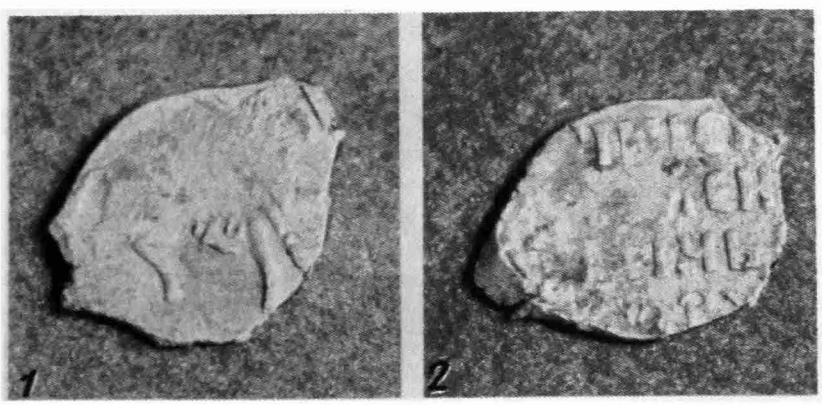


Рис. 1. Клад XVI – начала XVII в. из Московского Кремля. *1* – Василий Иванович Шуйский, Москва, 1610 г., копейка (с л.с. Владислава Жигимонтовича), серебро, вес 0,52 г, лицевая сторона; *2* – оборотная сторона

© Т.Д. Панова, А.М. Колызин, 1996 г.

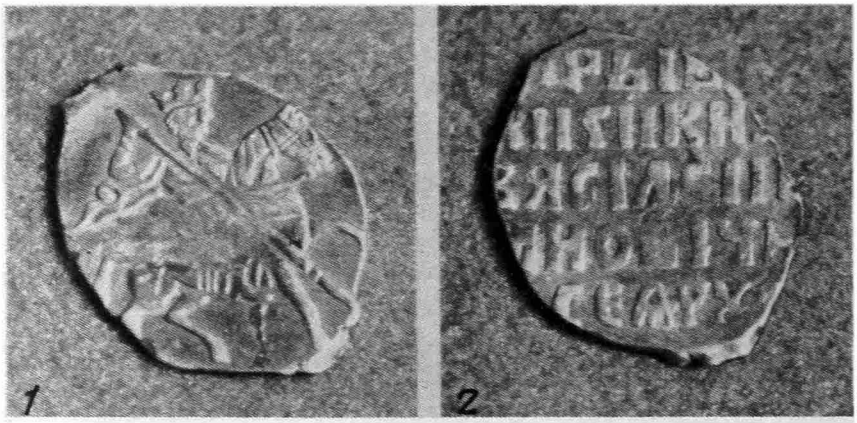


Рис. 2. Клад XVI – начала XVII в. из Московского Кремля. *1* – Василий Иванович Шуйский, Москва, 1610 г., копейка (с л.с. Владислава Жигимонтовича), серебро, вес 0,58, лицевая сторона; *2* – оборотная сторона

копейки – 14 экз.; Псков, копейки – 22 экз. "Владислав Жигимонтович" (польская интервенция 1612–1612 гг.): Москва, копейки – 1756 экз. (в том числе 1 золотая). Второе Ополчение Д. Пожарского и К. Минина (1612 г.): Москва, копейка – 1 экз. (от имени Федора Ивановича). Неопределимые из-за плохой сохранности: копейки – 48 экз.

Необходимо отметить следующие существенные особенности данного монетного комплекса, которые выделяют его среди прочих русских монетных кладов начала XVII в. Присутствие в кладе польской монеты неожиданно, так как обращение иноземных монет в России было запрещено. Наличие в составе клада одной золотой и одной позолоченной копеек. Чрезвычайно редко встречаясь в кладах, они, как правило, служили наградами и не предназначались для обращения. Очень большое количество копеек, чеканенных польскими интервентами от имени царя Владислава Жигимонтовича на Московском денежном дворе в период оккупации ими Москвы (почти в четыре раза превышает общее количество копеек Владислава, известных по музейным собраниям и кладам).

Учитывая состав данного монетного комплекса, значительную денежную сумму укрытого сокровища (более 34 руб.), а также то, что самой поздней монетой клада является копейка, чеканенная в Москве Вторым Ополчением осенью 1612 г., представляется возможным датировать этот комплекс октябрем-ноябрем этого года.

T.D. PANOVA, A.M. KOLYZIN

THE HOARD OF THE TIME OF TROUBLES FROM MOSCOW KREMLIN

Summary

The hoard dated to the 16th-behinning of the 17th cent. was found in the summer of 1994. It had been hidden in a white-clay glazed jug which was broken into pieces by a spade. The archaeologists managed to find 3427 coins. The hoard contained a silver coin of 3 groshes minted in the name of Sigizmund, the king of Poland, in 1597. The rest of the coins are Russian, most of them are copecks produced in three mints of Moscow, Novgorod and Pskov.

Критика и библиография

Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994

Выход в свет крупного труда по археологии раннего и среднего бронзового века Кавказа в серии «Археология» является важным событием в науке о первобытной истории населения Передней Азии и Восточной Европы. Высокий интерес к Кавказу объясняется его особым положением как своеобразной горной страны между Черным и Каспийским морями. Кавказ — часть Передней Азии, но его северная зона, Предкавказье, издревле являлась пограничьем, где пересекались исторические судьбы племен и народов с традициями культур глубинных районов Передней Азии, собственно кавказского населения и обитателей юга Восточной Европы. Огромное влияние на культуру, религию, темпы и модели развития древнего населения Кавказа оказывали разнообразные природные условия страны, обусловленные географией направления контактов. Основными природно-ландшафтными регионами Кавказа являются: зона Большого Кавказа с восточной провинцией, Дагестаном; Куринская низменность, Закавказское нагорье, Колхидская низменность, Талышские горы, Ленкоранская низменность на юге от Водораздельного хребта; предгорья и наклонные равнины Предкавказья — на севере. Широко принятое деление Кавказа на Северный Кавказ и Закавказье с границей по вершинам Главного хребта приближено к современной этнокультурной и административно-государственной карте. Другая система подразделения Кавказа более увязывается с его геоморфологическими условиями и выделяет зону Большого Кавказа, Закавказье (или Южный Кавказ) — область от Водораздельного хребта до Аракса, Предкавказье — территорию к северу от Главного хребта до Кумо-Манычской впадины (Мильков Ф.Н., Гвоздецкий Н.А., 1976, с. 347, 348). При таком подходе область Большого Кавказа сохраняется как единое целое.

Во Введении к разделам тома его ответственные редакторы отмечают очень важные факторы, оказавшие влияние на структуру работы и изложение материала. Так, ими подчеркивается, что на момент написания рукописи тома выяснилась неоднозначность, неразработанность научных подходов к созданию столь крупной обобщающей коллективной монографии. Воспринимать данные тома необходимо при учете его сложной издательской судьбы. Первый вариант рукописи был закончен к 1978 г., но работа вышла в свет 16 лет спустя. Авторы тома стремились включить в уже готовые макеты глав новые данные. Одним это удалось в большей степени, другим – в меньшей. Структура тома неравнозначна и действительно иллюстрирует разнообразие взглядов на обобщение археологических материалов в крупных масштабах. Первая часть тома посвящена археологии Южного Кавказа. Она включает разделы: куро-аракская культура (Р.М. Мунчаев); история изучения памятников средней бронзы Закавказья (О.М. Джапаридзе, К.Х. Кушнарева, Т.К. Микеладзе); протоколхская культура (Т.К. Микеладзе); триалетская культура (О.М. Джапаридзе); памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья, кармирбердская (тазакендская) культура, севано-узердикская группа памятников, материалы к проблеме выделения кармирванской (кизилванской) культуры, хозяйство, связи, элементы общественного строя (К.Х. Кушнарева). Вторая часть тома освещает археологию Северного Кавказа. Она содержит разделы: майкопская культура (Р.М. Мунчаев); дольмены Западного Кавказа, северокавказская культурно-историческая общность, северо-восточный Кавказ в эпоху бронзы, каякентско-харачоевская культура (В.И. Марковин). Уже в перечне глав прослеживаются две линии подхода к обобщению материалов. Первая выражена в

© С.Н. Кореневский, 1996 г.

систематизации культур по стадиям эпох раннего и среднего бронзового века. Она представлена разделами Р.М. Мунчаева, К.Х. Кушнаревой, Т.К. Микеладзе, О.М. Джапаридзе. Другой подход, видимо, вообще не имеет строгой системы. Так написаны разделы о дольменах Западного Кавказа, северокавказской культурно-исторической общности, памятниках северо-восточного Кавказа. Дело в том, что «дольмены» — это прежде всего формы погребальных сооружений. Их типология очень интересна, но является частным аспектом в широких обобщениях, так же например, как типология катакомб. Северокавказская культурно-историческая общность — понятие интегрального культурологического плана. Северо-восточный Кавказ — термин вообще с доминирующей долей географического содержания. Таким образом, преамбулу ответственных редакторов тома надо понимать так, что разница в методике решения вопросов при написании крупных обобщающих работ по кавказской тематике представлена не у всех, а лишь у одного автора, В.И. Марковина. Вероятно, более перспективен первый путь исследования, который можно назвать культурно-стадиальным. Основы этого метода заложены работами Б.А. Куфтина, А.А. Иессена, Е.И. Крупнова, проиллюстрированы монографическими публикациями многих ученых. Это естественно, так как культурно-стадиальный подход к материалам дает возможность сопоставления данных археологии в вертикальной шкале времени и горизонтальной плоскости пространства.

Разделы тома затрагивают важнейшие проблемы археологии раннего и среднего бронзового века Кавказа. Каждый из них может обсуждаться специально. Позволю остановиться только на некоторых аспектах.

При ознакомлении с текстом тома, мне кажется, сразу возникает главный вопрос, есть ли на Кавказе определяемые общими хронологическими рамками и культурными процессами глобальные эпохи раннего и среднего бронзового века. По всей видимости, есть. На Южном Кавказе эпоха раннего бронзового века (РБВ) представлена памятниками куро-аракской культуры (КУАК) на фазах I, II по терминологии К.Х. Кушнаревой и Т.Н. Чубинишвили (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970, с. 62) с соответствующими материалами Дагестана, равнин Чечни (Гаджиев М.Г., 1991; Мунчаев Р.М., 1975). РБВ Предкавказья отражен прежде всего майкопской культурой (МК) или синонимичным понятием — майкопско-новосвободненской общностью (МНО), возможно, группами погребений с «ямной позой захоронения на спине скорченно» соответствующего времени МНО. В центре Большого Кавказа отмечены следы пребывания племен с атрибутами КУАК и МК, такие как пещера Шаулегет, Мыштулагтылагат в Северной Осетии, случайными находками оружия и других изделий, типичных для этих культур. Хронологическая позиция РБВ Кавказа сейчас обеспечена датами С-14 как для куро-аракской культуры I, II, так и для майкопской. В целом они дают четкий диапазон в некалиброванных значениях с конца IV по середину III тыс. до н.э., располагаясь в основном в первой половине III тыс. до н.э. Даты С-14 РБВ Кавказа в некалиброванных или калиброванных определениях однозначно соответствуют радиокарбонным датам эпохи Джемдет-Насра слоя Арслан-тепе VI А в Восточной Анатолии (Alessio M. et al., 1983, p. 575—580).

Становление РБВ Кавказа, таким образом, уходит в дошумерийский период Месопотамии и Среднего Востока, а сам период кавказского РБВ, возможно, сосуществует и с раннединастическим временем. Однако все даты С-14 РБВ Кавказа древнее в любой интерпретации дат ранних династий шумеров (Долуханов П.М., Тимофеев В.И., 1972, с. 37). Поэтому можно прийти к выводу, что РБВ Кавказа перестал отсвечивать лучами шумерийской цивилизации и являет собой мощный культурный центр с развитой металлургией, керамическим ремеслом дошумерийского формирования. Куро-аракская культура I, II и майкопская культура как феномены РБВ Кавказа синхронны; они возникают, трансформируются или исчезают в близкое время.

На Южном Кавказе эпохе РБВ предшествовали памятники позднего энеолита, прежде всего группы поселений типа Сиони, Цопи, лейла-тепесинской культуры, группы Гинчи в Дагестане. К сожалению, пока нет еще развернутого обобщения и публикации любопытнейших данных о памятниках типа Лейла-тепе Куринской низменности, принесшей на Южный Кавказ достижения позднего Убейда и Урука. Особое внимание удаляется им в работах И.Г. Нариманова, Н.Г. Алиева. На поселении Бериклдееби в Грузии керамика, близкая к лейла-тепесинской группе и майкопской культуре, обнаружена вместе с посудой группы Сиони (Джапаридзе О.М., 1991, с. 275). Поэтому оценка вклада лейла-тепесинской культуры в формирование культур РБВ, видимо, дело будущего. В Предкавказье становлению майкопской культуры предшествовали памятники предмайкопского периода, о которых сейчас идет дискуссия. Мне представляется, что в их число входят поселения с

жемчужной керамикой типа Мешоко-Свободное, Замок, а также поселения с другим контекстом керамики: Агубеково, Тяллинг, древнейшие курганы энеолитической эпохи Предкавказья. Какой-либо одной культуры в Предкавказье в ту пору не было (Кореневский С.Н., 1994, с. 18—20).

Если создание раздела по куро-аракской культуре I, II опиралось на глубоко проработанные аспекты этой темы трудами самого автора (Мунчаев Р.М., 1975), отраженные в многочисленных монографиях ведущих специалистов по этому разделу археологии, среди которых особое значение имеет труд К.Х. Кушнаревой и Т.Н. Чубинишвили (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970), то создание очерка по майкопской культуре натолкнулось на серьезные препятствия. Они связаны с тем, что МК к началу 90-х годов перестала восприниматься как культура, основанная главным образом на эталонных погребальных памятниках Закубанья с периферийной зоной позднемайкопских материалов на Тереке. Две монографии по майкопской культуре были введены в научный оборот в 1993 г., вероятно, тогда, когда верстка раздела лежала уже на столе у автора (Кореневский С.Н., 1993а; б). В этих работах были отражены последние материалы по майкопской культуре на Тереке, данные о собственно майкопских поселениях на Тереке и Кубани, контекст которых резко отличается от того, что иллюстрировали поселения Закубанья и Кавминвод с жемчужной керамикой (Мешоко, Ясенева поляна, Свободное, Замок и т.д.). Были опубликованы даты по C^{14} майкопских поселений, выполненные в Оксфорде. В разделе по майкопской культуре эти сведения учтены емко, естественно, не без критических замечаний, но было достигнуто главное. Подтвердилась тенденция удревнения памятников МНО до рубежа протописьменного периода, о которой писал еще М.И. Ростовцев в 1922 г. Терский регион перестал рассматриваться как периферия МНО, куда майкопцы переселились из Прикубанья под давлением таинственной «дольменной культуры», согласно точке зрения В.И. Марковина (Марковин В.И., 1978, с. 316). Сейчас просто трудно сказать, где ранее возникла майкопская культура, на среднем Тереке или в Закубанье. Р.М. Мунчаев справедливо подчеркивает, что попытки выделить локальные варианты (восточный, терский; западный, прикубанский; степной?) не находят надежной основы без специальной проработки источников. Сам факт находки майкопского памятника на Тереке или в Закубанье еще ничего не значит для уяснения его локальных особенностей. Мне кажется, что здесь автор совершенно прав. Дело не в том, что внутри МНО нет локальных особенностей, а в том, что локальные варианты культуры нельзя выделять при поверхностном впечатлении. Подтвердит или не подтвердит новый этап исследований правомерность отнесения к майкопской культуре поселений с жемчужной керамикой типа Мешоко—Свободное—Замок — удел будущих изысканий, — считает Р.М. Мунчаев. Увеличение источниковедческой базы по майкопской культуре сейчас укрепляет идею Р.М. Мунчаева о ее многокомпонентном сложении, особой близости ее «переднеазиатского компонента» (или только его части) материалам Северной Месопотамии, участии в ее формировании местного кавказского субстрата (Мунчаев Р.М., 1975, с. 375, 413). Р.М. Мунчаев поддерживает точку зрения о большой самостоятельности майкопской металлообработки в том плане, что она более иллюстрирует местное производство, чем далекие импорты извне кавказских пределов. Проблема изучения майкопской культуры за 90 лет ее существования всегда была полна дискуссионными гипотезами, альтернативными точками зрения. Это состояние не исчезло, хотя и перешло сейчас в новое качество. Особо сложной темой является вопрос о ее внутренней периодизации, путях сложения, типологии вариантов. Р.М. Мунчаев не скрывает этого и совершенно справедливо снимает вопрос о датировке ее ранней и поздней (или развитой. — *С.К.*) фазы в абсолютных датах на современном этапе. В итоге раздел о майкопской культуре, несмотря на то что начал готовиться к печати с позиций источниковедческой базы 70-х годов, получил совершенно новый импульс и нацелен на будущую перспективу.

Эпоха РБВ Кавказа существовала на фоне конца второго периода Атлантического этапа Голоцена. Главным дирижером развития хозяйственно-культурных типов (ХКТ) кавказских культур выступал природный фактор. Нарастание более сухого, менее влажного климата суббореального времени голоцена совпадает с финалом майкопской культуры и концом этапа куро-аракской культуры РБВ I, II. Средний бронзовый век принес совершенно новые реалии в материальную жизнь кавказского населения, среди которых первостепенное значение имели более специализированные и совершенные формы оружия из бронзы, распространение колесного транспорта и его символики в погребальных обрядах. По всей зоне Кавказа в начале СБВ идут серьезные этнокультурные трансформации, приводившие

то к перестройке культурных явлений, например, к становлению позднего этапа КУАК — РБ III по терминологии Т.Н. Чубинишвили, К.Х. Кушнаревой, то к резкой смене моделей этнокультурного развития, как это видно по данным Предкавказья.

Известные сейчас радиокарбонные даты начала СБВ или эпохи колесного транспорта на Кавказе, приведенные в томе, в своих значениях все близки к датам эпохи раннединастического периода Месопотамии. Таковы даты из Усть-Джегутинских курганов, алазано-беденских памятников, начала протоколхской культуры и так далее. Возникает вопрос. Не начинается ли эпоха СБВ на Кавказе еще в рамках времени раннединастического периода в Месопотамии и в досаргонскую эпоху? Однако это — сейчас трудно разрешимая проблема, хотя, на мой взгляд, данная гипотеза не лишена оснований. В связи с ее дискуссионностью даты культур СБВ лучше представлять в их традиционных значениях, как они отражены в томе «Археологии».

Хронологически культурные группы Южного Кавказа на начальной фазе СБВ представлены, как отмечалось выше, поздним этапом куро-аракской культуры (XXIV/XXIII—XX вв. до н.э.); раннекурганной группой по О.М. Джапаридзе, сосуществующей, видимо, с финалом КУАК (Джапаридзе О.М., 1991, с. 285), представленной курганами типа Марткопи, раннетриалетскими курганами; алазано-беденской (беденской) культурой в общих рамках XXIII—XVIII/XVII вв. до н.э.; началом протоколхской культуры — XIX—XVIII вв. до н.э.; тазакендской культурой — XXIII—XVIII вв. до н.э., кызылванской — XIX—XVII вв. до н.э. севан-узерликской группой — XVIII—XVII вв. до н.э.

Поздняя фаза СБВ на Южном Кавказе ознаменована расцветом триалетской (триалетско-кироваканской) культуры — XVII—XV вв. до н.э.

Серебряный кубок из Карашамбского кургана I является украшением раздела о Триалетской культуре и всего тома в целом. В тексте приведено его общее описание как шедевра мировой торевтики в эпоху бронзового века. Вместе с сосудом-аналогом из триалетского кургана V он служит важнейшим источником археологического, этнографического и исторического содержания. Находка столь уникальной вещи иллюстрирует явные успехи археологов Южного Кавказа, изучающих древности триалетской культуры, ареал которой сейчас охватывает центральные участки Закавказского нагорья и уходит за р. Аракс. Знаменитые находки из кургана V в Триалети и Карашамбского «царского» кургана передают образы лидеров того времени. На обоих кубках верховные правители представлены с символами высшей власти далеко не первобытного общества. К.Х. Кушнарева совершенно правильно отмечает сложную стратификацию общества племен триалетской культуры. Верховные правители на серебряных сосудах не только отличаются костюмом от остальных персонажей, но и сидят на тронах в присутствии стоящих участников церемоний с чашами и кубками. В искусстве Передней Азии, Месопотамии сидящий правитель, иерарх реального или потустороннего мира, уподоблен государю или богу, единоличному высшему правителю. По всей видимости, можно поставить вопрос о том, что археологические памятники культуры Триалети в пору ее расцвета связаны с прообразом государственной конфедерации племен, резко стратифицированным обществом, знавшим символы высшей («княжеской», политической, военной и духовной) власти. Изображения карашамбского кубка передают горячее дыхание сражений, единоборств. Это своеобразная повесть о победе одной группы воинов и ее правителя над этнически отличной группой, судя по деталям костюма. Побежден, наказан противник, лидер которого и его соратники имеют на костюме сзади длинные хвосты. Сцены на кубке скорее всего относятся к событиям южнокавказского региона. По крайней мере, хеттские воины на рельефе из Богазкея имеют иные головные уборы и оружие. Типы оружия на кубке из Карашамбского кургана аналогичны кавказским. Более того, люди в процессии на серебряном кубке из Триалети имеют на костюме сзади тоже свисающие хвосты (Джапаридзе О.М., 1991, табл. LIV, LV).

Информацию о среднем бронзовом веке северных склонов Большого Кавказа, Дагестана, Предкавказья и причерноморской полосы Западного Кавказа можно почерпнуть из соответствующих разделов тома, описывающих археологические памятники этих территорий. Хронологические рамки СБВ здесь близки южнокавказским, примерно от конца III тыс. до н.э. по середину — начало третьей четверти II тыс. до н.э., так как с этого рубежа прослеживаются серьезные инновации в материальной культуре северокавказского населения, связанные с переходным периодом от эпохи средней бронзы к поздней, ранними фазами каякентско-харачоевской культуры, предкобанским временем, горизонтом кладов с топорами типа Уреки—Самарский—Бериславский, археологическими группами, предметами, сопоставимыми с временем ранних фаз позднего бронзового века на Юге Восточной Европы.

Проблема изучения дольменов Западного Кавказа предстает перед читателем как особое направление в археологии Кавказа. Она изобилует альтернативными точками зрения по поводу происхождения дольменов. В целом в ней можно наметить две главные составляющие. Первая связана с общей типологией памятников как произведений древней архитектуры. Вторая — с археологическим содержанием этих усыпальниц, анализом инвентаря поселений, которые рассматриваются как места обитания племен, хоронивших своих сородичей в дольменах, т.е. ассоциируется с вопросом выделения особой дольменной культуры.

В.И. Марковин справедливо начинает изложения раздела, напоминая, что понятие «дольмен» — это образное кельтское выражение, означающее в переводе «каменный стол». Для археологической классификации такое название — каменный стол — естественно, на мой взгляд, требует гораздо большей конкретизации. Типология западнокавказских мегалитических погребальных сооружений разработана Л.И. Лавровым. Его схема воспринята В.И. Марковиным. Суть подхода Л.И. Лаврова к типологии мегалитических усыпальниц кавказского Причерноморья связана с тем, что вначале любое наземное погребальное сооружение из камня рассматривалось как дольмен. Попытку внести коррективы в понятие кавказских мегалитических погребальных сооружений сделал А.Д. Резепкин (Резепкин А.Д., 1988, с. 156—163). Он предложил называть «дольменами» только формы наземных каменных сооружений, имеющих отверстие во внешней стенке, затыкаемое каменной пробкой. Остальные виды мегалитических усыпальниц он связывает с понятием гробниц. Для стадиальной и культурологической хронологии мегалитов Западного Кавказа такое деление кажется весьма перспективным, хотя, наверное, и не исключает более дробную классификацию, данную предшественниками, отмечавшими плиточные, составные, корытообразные, монолитные сооружения усыпальниц из камня. Дело в том, что ранние формы плиточных «дольменов», по В.И. Марковину, очень напоминают наземные каменные ящики. Они содержат маловыразительный для хронологии начального этапа инвертарь вследствие разграблений мегалитов. Имеющиеся находки отличаются архаизмом, как показывает В.И. Марковин. Связано ли появление каменных ящиков на Западном Кавказе с эпохой домайкопского времени, энеолитом, — вопрос открытый. В период МНО каменные ящики уже хорошо известны. Дата начала строительства простейших плиточных усыпальниц, приводимая В.И. Марковиным как 2700, 2600 гг. до н.э., дана им без ссылки на материал или какой-либо источник. Она выглядит умозрительной, если ее не подкрепить в дальнейшем фактами (Археология..., 1994, с. 251). Надо ли было кавказскому аборигенному населению заимствовать откуда-то издалека идею каменного ящика и приемы состыковки плит по пазам? Сказать трудно. Пока никаких иноземных находок в древнейших мегалитических усыпальницах Западного Кавказа нет.

Каменные гробницы МНО Закубанья связаны прежде всего с контекстом эпохи РБВ и носителями новосвободненской группы памятников. Они не одинаковы по устройству. Наиболее оригинальны гробницы с каменной перегородкой внутри и отверстием в ней. Есть и каменные ящики, а также мегалиты, у которых уже во внешней стенке сделано отверстие, но прикрытое не пробкой, а плитой. Гробницы с поперечными плитами являются усыпальницами «элиты» новосвободненской группы, как показывают находки Н.И. Веселовского и А.Д. Резепкина. О какой-либо особой дольменной культуре в это время говорить чрезвычайно сложно, ее археологический контекст не ясен. А.Д. Резепкин отметил крайне интересное совпадение конструкций новосвободненских гробниц с мегалитами Центральной и Северной Европы. Однако с какими причинами связано такое сходство, насколько близки детали европейских и кавказских гробниц МНС — вопрос, требующий дальнейших исследований. Может быть, сходство объясняется стадиально близкими идеологическими верованиями, психологией людей раннего бронзового века?

Собственно «дольмены» в понимании А.Д. Резепкина — явление среднебронзовое. Надо полагать, массовое, не в пример редким случаям находок новосвободненских гробниц с поперечной плитой. Внутренняя хронология дольменных памятников Западного Кавказа разработана в трудах Б.А. Куфтина и О.М. Джапаридзе. Она представлена понятиями «нижнего» и «верхнего» слоев Эшерских дольменов. Начало «нижнего» слоя накопления дольменных материалов О.М. Джапаридзе связывает с древностями времени позднего периода куро-аракской культуры, сачхерскими памятниками СБВ. На мой взгляд, это совершенно оправданно. Уточнить в этом плане позиции О.М. Джапаридзе пока не уда-

ется[1]. Общий хронологический диапазон «нижнего слоя» дольменов Эшери связан с концом III — первой половиной II тыс. до н.э. Материалы верхнего слоя ближе стоят к периоду перехода средней бронзы к поздней и более молодым событиям.

Принцип выделения дольменной культуры, так, как они представлены в разделе В.И. Марковина, к сожалению, напоминают методические приемы прошлого, когда культура обозначалась по форме могильного сооружения. Так выделялись культуры В.А. Городцовым: ямная, катакомбная, срубная. Но то было время становления археологии как науки. Кто были носители традиций строительства среднебронзовых дольменов Западного Кавказа? Этот вопрос сейчас решается с помощью материалов поселений, исследованных В.И. Марковиным, и новыми данными М.Б. Рысина. Одно из них, Дегуакская поляна, изученное В.И. Марковиным, дало дату 2060±80 до н.э. Пока в представленном в науке контексте находок вещей из среднебронзовых дольменов, поселений можно наблюдать местный, кавказский облик, в котором трудно уловить следы заморских пришельцев.

Раздел «Северокавказская культурно-историческая общность» (СКИО) написан В.И. Марковиным на базе его монографии (Марковин В.И., 1960) с некоторой модификацией. Бесспорно, перед автором стояла сложная проблема отразить развитие населения равнин и гор Северного Кавказа, данные о котором представлены прежде всего погребальными комплексами при крайне слабом исследовании поселений. Другая проблема заключалась в том, что именно в Предкавказье в 1970—1980-х годах шли интенсивные работы на новостройках, давшие колоссальное увеличение источников. Последние попали на страницы печати далеко не полностью. Для обобщения такого материала необходима была особая методика, учитывающая особенности погребальной практики в отражении «живых» реалий прошлого, сплошная классификация заупокойного инвентаря, металла, костяных украшений, керамики, форм погребальных сооружений, поз покойных; исследование всех этих явлений во взаимосвязи. Однако раздел построен на иных подходах, с акцентом на описательность материалов по впечатлению. Приведенная в главе на табл. 84 схема основных типов керамики СКИО ни в коей мере не отражает многообразие форм заупокойной посуды. На каких принципах выделено девять типов посуды СКИО, автором не разъясняется. Автор пытается наполнить свое понимание СКИО материалами из раскопок 1960—1980-х годов, увязать со своей хронологической схемой, ее тремя этапами, но это по сути ничего не меняет. Если работа В.И. Марковина 1960 г. была первой сводкой данных об эпохе средней бронзы на Северном Кавказе, и в этом ее большое значение, то сейчас предложенная в ней схема как бы застыла, оставив все старые нерешенные вопросы на прежнем уровне. Главный вопрос в том, какие признаки отделяют СКИО от других культурных образований, в чем их критерии, на каких принципах идет выделение локальных групп памятников помимо традиционного географического районирования? Автор весьма избирательно относится к исследованиям других археологов. Например, он пишет о том, что выделение особой Пятигорской группы памятников из общего фона материалов кабардино-пятигорского массива — дело будущего, не замечая того, что Кавминводская группа эпохи СБВ уже введена в научный оборот монографически (Кореневский С.Н., 1988; 1990). Отраженные результаты, выводы далеко не согласуются с трехэтапным членением СКИО, характеристикой ее раннего периода по В.И. Марковину. Результаты исследований Северокавказской и Ставропольской экспедиций Института археологии РАН, проводивших напряженные и долголетние работы на новостройках, учтены весьма условно, несмотря на издания последних лет. Так, на месте исследований Ставропольской экспедиции на карте есть только белое пятно. По-прежнему в Предкавказье, наряду с племенами СКИО, фигурируют какие-то абстрактные «степняки». Куда-то исчезла новотитаровская группа памятников, выделяемая А.Н. Геем и В.А. Трифоновым. Как оценивать вновь полученные материалы в Предкавказье с позиций концепции В.И. Марковина о СКИО? Или, быть может, направить усилия на выработку иной концепции, учитывающей специфику всех групп погребальных памятников СБВ в Предкавказье?

В списке ранних памятников СКИО, как и в работе В.И. Марковина 1960 г., вновь присутствуют комплексы с майкопским инвентарем из курганов у станиц Воздвиженской, Андрюковской, Псебайской, в которых уловить среднебронзовый контекст крайне сложно. В.И. Марковин не обращает внимания на замечание Р.М. Мунчаева о необходимости

---

[1] У меня сложилось впечатление, что В.И. Марковин не понял суть дискуссии о датировке нижнего слоя дольменов Эшери, отраженной в статьях М.Б. Рысина и моей, или подает информацию в искаженном ракурсе. В этих статьях затрагивались проблемы хронологических реперов СБВ Предкавказья. Моя позиция связана с поддержкой точки зрения О.М. Джапаридзе (Археология..., 1994, с. 251).

повышенной осторожности в исследовании «генетических» связей носителей эпох РБВ и СБВ в Предкавказье, не привлекать к данной теме спутанные комплексы, как, например, Соломенский курган (Мунчаев Р.М., 1975, с. 261).

Конечно, каждый специалист может воспринимать раздел по СКИО по-своему. Ясно одно, выделение групп погребальных памятников Предкавказья в настоящее время нуждается в систематизации с учетом новых данных из раскопок последних 15—20 лет. Сохранится ли в дальнейшем термин «северокавказская культурно-историческая общность», как ее понимает В.И. Марковин, не могу судить. Пользоваться таким понятием становится все труднее.

Описание среднебронзовых древностей северо-восточного Кавказа связано с очерком об археологических памятниках Дагестана, Чечни, Ингушетии. Типология памятников СБВ Дагестана разработана на современном уровне М.Г. Гаджиевым и дополняется трудами Р.Г. Магомедова. Р.Г. Магомедов отмечает, что с интенсивным накоплением материалов по эпохе СБВ Дагестана характеристика ранее отмеченных групп памятников может уточняться. Это естественный процесс. Например, интереснейшая великентская группа иллюстрирует перерастание в культуру (Магомедов Р.Г., 1987, с. 27). Одним из наиболее важных событий в типологизации материалов СБВ Дагестана и Чечни стало выделение горной гинчинской культуры в трудах М.Г. Гаджиева и Р.Г. Магомедова. Признание ее пришло не сразу, через дискуссии. Ее оппонентом выступал В.И. Марковин. В написанном им разделе тома «Археология» гинчинская культура, имеющая свои локальные варианты, не встречает возражений. Идет обсуждение ее проявлений в Чечне, Ингушетии или близких ей культурах северо-восточного Кавказа.

При обобщении памятников северо-восточного Кавказа В.И. Марковин предлагает новое и очень широкое понятие. Так, по его мнению, всю прикаспийскую часть Кавказа можно рассматривать как восточнокавказскую культурно-историческую общность, хотя границы входящих в нее культур назвать трудно, мало опорных памятников (Археология..., 1994, с. 327). В связи с постановкой такой проблемы невольно возникает вопрос, что же такое прикаспийский Кавказ? Физическая география подобным названием не оперирует, предпочитая свою номенклатуру физико-географических областей. Какие территории относятся к прикаспийскому Кавказу к северу от Главного хребта, какие с юга, где на западе граница прикаспийского Кавказа? Может быть, мои вопросы и не возникли бы, если бы автор сразу конкретизировал ареал своего понимания вводимого им термина.

Р.Г. Магомедов также ставит вопрос о восточнокавказской метакультурно-исторической общности, но не связывает ее с прикаспийским Кавказом, а локализует на северо-восточном Кавказе. В таком случае прослеживается уже большая конкретизация понятия, тем более, что Р.Г. Магомедов подчеркивает идею именно выделения северо-восточнокавказской культурно-исторической общности и отдает дань названию «восточнокавказская общность» лишь по традиции (Магомедов Р.Г., 1987, с. 27). Возможно, подход Р.Г. Магомедова более конкретизирован, но дело, конечно, не только в терминах, а в археологическом обосновании признаков каждой из групп памятников, составляющих общность, ее ареале, ландшафтных условиях, хронологии, внутренней динамике, исторической интерпретации.

В динамике культур северо-восточного Кавказа эпохи бронзы исследователи особый акцент делают на черты преемственности горского населения эпохи СБВ и предшествующего времени РБВ, северо-восточного варианта куро-аракской культуры, а затем на перерастании горских культур в древности позднего бронзового века кентско-харачоевской культуры. Эта идея развивается М.Г. Гаджиевым, В.И. Марковиным, Р.Г. Магомедовым и др. Она очень интересна, так как отражает глубокие автохтонные традиции горской культуры на северо-восточном Кавказе.

Возможно, у читателей и специалистов уже возник вопрос, надо ли акцентировать внимание на содержание столь общих и во многом формальных терминов, как эпохи СБВ и РБВ? Тем более, что для Кавказа возникают как бы две схемы их использования, нет ли здесь просто игры в терминологию? Например, поздний период куро-аракской культуры, РБ III: по южнокавказской схеме это еще ранний бронзовый век, а по другой, общекавказской, начало СБВ. В этой связи хотелось бы заметить следующее. Обе схемы понятий РБВ и СБВ на практике друг другу не мешают, не подменяют суть явлений или периодов, выделенных археологами. Общекавказская схема предназначена главным образом для того, чтобы акцентировать стадиальные события, существенные трансформации культур в рамках всего Кавказа, сосредоточить внимание на причинах этих инноваций, приводивших к глобальным изменениям в масштабах всей страны — Кавказ. Поскольку

первое же сопоставление культур Кавказского региона по общерегиональному принципу хронологии на рубеже перехода от стадии РБВ к СБВ указывает на огромную роль природного, климатического фактора, то можно ожидать, что в дальнейшем будут созданы общестадиальные схемы вообще на базе климатических изменений в рамках атлантического и суббореального периодов голоцена. Последний подход, естественно, потребует более глубоких знаний о палеоклимате Кавказа, но именно он может ликвидировать хорошо известный формализм, неоднозначность в критериях понятий РБВ и СБВ, как терминов, восходящих к «металлургической» типологизации эпох, имеющих в разных регионах Евразии далеко не одинаковый смысл и хронологию.

Культурно-стадиальный метод исследования, о котором шла речь выше, можно принимать или не принимать. Работа в его русле связана с огромными трудозатратами. Она предполагает массовые классификации археологических источников: вещей, погребальных комплексов, бытовых памятников, развитие теории и методики исследований, в том числе и методик создания типологии артефактов, отражающих как формальное, так и историческое содержание; работу на гранях археологического и этнологического восприятия прошлого, гранях археологии и палеоклиматологии, других методов негуманитарного профиля, а также аналитику явлений. Другой путь локальных описаний древностей более прост и удобен, так как ничего этого не требует, но и не дает системы знания процессов.

Развитие науки о первобытном обществе давно уже отражает тенденцию перехода от описательности к систематизации. Достаточно вспомнить труды корифеев описательных трудов первобытной культуры Тейлора, Шурца и других, сопоставить с ними уровень современной этнологии. Поэтому каждый специалист может сам оценить достоинства и недостатки того или иного подхода, те выводы, гипотезы, уровень дискуссий по кавказской тематике, которые ведутся с разных позиций культурно-стадиального или описательного восприятия археологических источников.

Авторы тома продемонстрировали единодушно взвешенный, осторожный подход к этнической и лингвинистической характеристике носителей материальной культуры Кавказа эпохи РБВ и СБВ. Вероятно, такая позиция совершенно оправданна, так как работа в этом направлении требует особых методических разработок, объединения усилий археологов и палеолингвистов. Пока даже антропологические исследования древнего населения Кавказа IV—II тыс. до н.э. не располагают обширными данными.

Том «Археология. Ранняя и средняя бронза Кавказа», безусловно, является серьезнейшим шагом к обобщенному воссозданию древней истории населения Кавказского региона. Опыт такого рода крупномасштабных работ важен не только для того, чтобы подчеркнуть успехи археологической науки, достижения нескольких поколений ученых, но и для того, чтобы наметить пути дальнейшего развития научных знаний о культурах народов, которые при всей своей самобытности, оригинальности еще в глубинах тысячелетий развивались в тесных контактах друг с другом в условиях Кавказа как гигантского моста связей обитателей Передней Азии и Европы.

Рецензируемый том «Археология» продолжает серию работ на тему «Археология СССР». Он вышел в далеко не легкое для нашей науки время. По издательским качествам том «Археология» не уступает предыдущим выпускам данной серии. Трудности в подготовке тома «Археология», редакторских правках, очевидно, были немалые. Поэтому я не касаюсь некоторых технических погрешностей в нумерации таблиц, подписях под рисунками и прочих деталей, полагая, что редакторы тома при необходимости сами внесут некоторые коррективы в будущем в разделы, связанные, например, с эпохой средней бронзы Южного Кавказа. Для специалистов эти мелкие погрешности в восприятии содержания тома проблемы не представляют.

Институт археологии РАН,
Москва

С.Н. Кореневский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. 1994. М.

Гаджиев М.Г., 1991. Раннеземледельческая культура северо-восточного Кавказа. М.

Джапаридзе О.М., 1991. Археология Грузии. Тбилиси.

Долуханов П.М., Тимофеев В.И., 1972. Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода) // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.

Кореневский С.Н., 1988. Нежинские курганы эпохи бронзы района Кавказских минеральных вод. М. Депонент № 36109.

Кореневский С.Н., 1990. Памятники населения бронзового века центрального Предкавказья. М.
Кореневский С.Н., 1993а. Древнейшее оседлое население на юге Ставрополья. М. Депонент № 47696.
Кореневский С.Н., 1993б. Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М.
Кореневский С.Н., 1994. Общие черты предмайкопского периода в Предкавказье // XVIII Крупновские чтения. Кисловодск.
Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. Древние культуры Южного Кавказа. Л.
Магомедов Р.Г., 1987. К изучению этнокультурной ситуации на северо-восточном Кавказе в эпоху бронзы // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала.
Марковин В.И., 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА. Вып. 93.
Марковин В.И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.
Мильков Ф.Н., Гвоздецкий Н.А., 1976. Физическая география СССР. М.
Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века.
Резепкин А.Д., 1988. Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
Allesio M., Allegri L., Azzi C., Bella G. et al., 1983. C^{14} Dating of Arslantepe // Origini. V. XII 2a. Roma.

Н.Л. Членова. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., фирмы "Лентон ЛТД" и "МТО Метео", 1994. 170 с.

В последние годы в отечественной археологии возрос интерес к культурам периода поздней бронзы лесостепной зоны Западной Сибири. Это обусловлено в первую очередь неразработанностью проблем, касающихся генетических истоков и факторов сложения в начале железного века огромнейшего массива скифо-сибирских культур на северо-востоке великого евразийского степного пояса и "скифоидных" культур на юге сибирской тайги.

Свидетельством вышеназванного интереса является, в частности, выход в свет почти одновременно двух монографических работ, посвященных памятникам позднебронзового времени лесостепного Приобья (Матвеев А.В., 1993; Членова – Н.Л. – рецензируемая книга). Авторы этих книг демонстрируют разные подходы к проблемам хронологии и культурной интерпретации памятников периода поздней бронзы лесостепного Приобья: А.В. Матвеев – сторонник "растянутой" хронологии и трехступенчатой периодизации ирменской культуры, даже четырехступенчатой, если учесть выделение им еще одного – переходного андроновско-ирменского (ордынского) – этапа.

Н.Л. Членова, напротив, отстаивает "короткую" хронологию ирменских памятников, в пределах которой, как она считает, нет простора для сколько-нибудь выраженной этапности развития. Оба подхода одинаково интересны, однако настоящая рецензия посвящена рассмотрению только книги Н.Л. Членовой. Думается, что монография А.В. Матвеева также найдет своего рецензента, ибо затронутые в ней вопросы заслуживают самого серьезного внимания.

Работа Н.Л. Членовой привлекает скрупулезностью и всесторонностью анализа источников. Книга открывается сводкой стратиграфических и планиграфических позиций ирменских древностей относительно предшествующих и последующих культурных напластований (всего 67 наблюдений; с. 10–15). Это усиливает аргументацию Н.Л. Членовой в ее спорах с оппонентами о хронологическом соотношении ирменской, кротовской, андроновской, еловской, большереченской и других культур.

Вместе с тем хотелось бы, чтобы, приводя данные о стратиграфическом положении еловских (ордынских) и ирменских материалов, автор четче оговаривала свое понимание еловского и ирменского "слоя" на смешанных еловско-ирменских (ордынско-ирменских) памятниках.

Сибирским (и не только сибирским) археологам известны заслуги Н.Л. Членовой в области типолого-хронологической классификации карасукско-ирменских бронз. Эти разработки явились основой для вычленения набора "датирующих" вещей, с помощью которых автор рецензируемой книги пытается разобраться в сложной культурно-хронологической субординации разнородных культурных комплексов второй половины бронзового века (с. 15–22).

© М.Ф. Косарев, 1996 г.

Базируя абсолютную хронологию преимущественно на "датирующих" вещах, Н.Л. Членова поступила правильно, по существу отказавшись от привлечения радиокарбоновых дат. Обращение к последним вряд ли бы прибавило объективности ее рассуждениям, скорее наоборот. Из разноголосого и противоречивого набора имеющихся радиоуглеродных датировок легко выбрать "удобные" даты, способные подтвердить самые разнородные точки зрения.

Впрочем, и так называемые "датирующие" вещи в разных исследовательских руках могут звучать далеко не одинаково. Вспомним нестыковки (вплоть до полного несовмещения) в датировке турбинско-сейминских бронз, используемых разными археологами на свой "датирующий" манер (Е.Н. Черных, В.С. Бочкарев, В.А. Сафронов, Н.Л. Членова).

В своих хронологических изысканиях Н.Л. Членова действует в следующей логической последовательности: сначала определяет общую и локальную историко-культурную стратиграфию бронзового века исследуемой территории, затем устанавливает хронологическую градацию выделенных стратиграфических колонок по "датирующим" вещам. Учитывая уровень археологической изученности Западной Сибири и наши нынешние исследовательские возможности, это пока наиболее приемлемый путь определения относительной и абсолютной хронологии рассматриваемых периодов и культур.

Предложенные Н.Л. Членовой хронологические рамки ирменских древностей выглядят достаточно обоснованными, хотя мне представляется, что в лесостепном Приобье они удобнее и мягче легли бы не в IX–VII (по Н.Л. Членовой), а в X–VIII вв. до н.э., потому что иначе получится слишком пестрый букет нестыковок и "сосуществований".

Мне кажется, что автор рецензируемой монографии все-таки не совсем права, отрицая этапную неделимость ирменской культуры. Здесь я более склонен прислушаться к точкам зрения А.В. Матвеева и А.Б. Шамшина: первый отнес памятники быстровского типа к быстровскому этапу ирменской культуры (Матвеев А.В., 1986), второй выделил их в особую корчажкинскую культуру, частично предшествующую ирменской, частично сосуществующую с ней на заключительной фазе (Шамшин А.Б., 1986).

В свое время, рассматривая еловские памятники Нижнего Притомья, я отнес керамику, ныне квалифицируемую как быстровскую, к позднему этапу еловской культуры, оговорив, что в другой системе отсчета можно было бы с таким же правом причислить эту посуду к раннему этапу ирменской культуры.

Быстровские древности дали две линии развития – собственно ирменскую и мыльниковско-большереченскую, что убедительно показано в работах А.Б. Шамшина, Ю.Ф. Кирюшина и др. и с чем в принципе согласна Н.Л. Членова (с. 74). Рождение на основе быстровского комплекса двух направлений культурной преемственности является, на мой взгляд, главным подтверждением этапного характера быстровских памятников.

Не могу до конца согласиться с мнением Н.Л. Членовой о сосуществовании еловской и ирменской культур в лесостепном Приобье, хотя не исключаю возможности длительного переживания многих еловских черт в таежном Приобье – вплоть до железного века (например, в Васюганье). Вполне возможно также, что в условиях давления на лесостепь северных таежных культур (канун и начало железного века) отдельные группы носителей еловско-сузгунской культурной традиции могли продвинуться из лесных районов в обь-иртышскую лесостепь, но эти проникновения скорее всего относятся к самому концу бронзового века или даже к переходному времени от эпохи бронзы к эпохе железа (барабинский вариант сузгунской культуры в лесостепной Барабе, памятники типа Чупино и Кучум-Горы в лесостепном Поишимье и др.).

Определяя культурную и эпохальную принадлежность выделенного В.И. Молодиным и В.А. Матвеевым позднеирменского этапа ирменской культуры, Н.Л. Членова справедливо сомневается в их ирменской культурной принадлежности (с. 27–28). Действительно, позднеирменские памятники Барабы наряду с завьяловскими Новосибирского Приобья и с раннебольшереченскими барнаульско-бийского района имеют специфическую эпохальную приуроченность, определяемую как переходное время от бронзового века к железному. Распространять ирменскую культуру сразу на два историко-археологических уровня (бронзовый век и переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа) вряд ли методологически правильно, ибо тогда получается, что археологическая культура понятийно шире историко-археологической эпохи.

Родственность позднеирменской, завьяловской и раннебольшереченской групп памятников обусловлена их общими местными корнями (быстровско-ирменский субстрат), а также наличием в каждой из них той или иной доли северных таежных элементов (за

исключением, может быть, Кузнецкой котловины, где Н.Л. Членова не видит чужеродных влияний; с. 93).

Исследуя механизм сложения культур переходного времени от бронзового века к железному в лесостепном Приобье, Н.Л. Членова провела очень трудоемкую и кропотливую работу по выявлению культурно-хронологических признаков формы и орнаментов глиняных сосудов переходного периода (34 разновидности профилей венчика, сгруппированных в пять блоков; 26 элементов орнамента на венчике, сгруппированных в четыре блока). Разные варианты взаимокорреляции блоков и признаков позволили ей провести анализ соотношения в рассматриваемой керамике генетических и культурных признаков, доли "степных" и "лесных" элементов и т.д.

Процесс сложения большереченской культуры в лесостепном Приобье имел, по Н.Л. Членовой, сложный многокомпонентный характер вследствие ее локализации между лесным западносибирским севером и степным казахстанским югом. Магистральная линия ее развития "ведет, тем не менее, к разным вариантам большереченской культуры (или культурам большереченского типа)" (с. 84).

В то же время Н.Л. Членова считает (и этот вывод следует признать весьма важным, хотя и небезоговорочным), что определяющими в формировании большереченской культуры являются совсем не пришлые чужеродные элементы, как предполагают некоторые исследователи, а "внутреннее развитие ирменской культуры" (с. 93).

Нет сомнения, что на сегодняшний день рецензируемая книга является наиболее фундаментальной и наиболее значимой из всех работ, посвященных концу эпохи бронзы в Западной Сибири. Следует особо отметить, что в ней открыто, доходчиво и честно (на уровне авторского понимания) продемонстрирована вся многоликая и многоплановая исследовательская кухня, в том числе и уязвимые моменты авторских подходов. Среди последних я бы назвал недостаточную отработанность критериев "сходства" и "несходства" при оперировании датирующими аналогиями, а также нечеткость критерия "типичных" и "нетипичных" черт при определении культурно-хронологической принадлежности рассматриваемых материалов, прежде всего керамики. Вызывает некоторую досаду неэкономное распределение иллюстративного материала. Нередко большеформатная таблица включает в себя изображение всего лишь одного сосуда (рис. 18; 26; 27; 33; 40; 43а).

Однако перечисленные недочеты не могут повлиять на общую высокую оценку рецензируемой книги, которая, безусловно, явится ценным настольным пособием для всех ученых-археологов, имеющих прямое или косвенное отношение к археологии бронзового и раннежелезного веков западносибирского суперрегиона.

Институт археологии РАН,
Москва

М.Ф. Косарев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Матвеев А.В., 1986. Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры // СА. № 2.

Матвеев А.В., 1993. Ирменская культура в лесостепном Приобье. М.

Шамшин А.Б., 1986. Поселение Мыльниково – памятник финальной бронзы и переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа // Скифская эпоха Алтая. Барнаул.

H.E. Mathiesen. Sculpture in the Parthian Empire. A Study in Chronology. V. I–II. Aarhus: Aarhus University Press, 1992. 231 p.

Рецензируемая монография состоит из двух томов. Первый том (с.1–109) представляет собой исследование проблем хронологии парфянской скульптуры, второй (с. 110–231) – каталог отдельных произведений ее. Соответственно первый том включает в себя следующие разделы: "Предисловие", "Введение", четыре главы основной части: I – "Ранняя парфянская скульптура (приблизительно 250–1 гг. до Р.Х.)", II – "Средняя парфянская скульптура (приблизительно 1–150 гг. по Р.Х.)", III – "Поздняя парфянская скульптура

© З.В. Сердитых, Г.А. Кошеленко, 1996 г.

(приблизительно 150–225 гг. по Р.Х.)", IV – "Субпарфянская скульптура Хатры (приблизительно 230-е годы)". Третья глава в свою очередь делится на два параграфа: "Позднепарфянская скульптура I – приблизительно 150–200 г. по Р.Х." и "Позднепарфянская скульптура II – приблизительно 200–225 гг. по Р.Х.". Кроме того, в этом томе находятся также четыре приложения, имеющие самостоятельную ценность: "Очерк скульптуры в Хатре", "Скульптура в Дура-Европос", "Свидетельства монет", "Коммагена, скульптура Антиоха I Теоса (приблизительно 69–36 гг. до Р.Х.)". Первый том завершается списком парфянских царей, библиографией и резюме на датском языке. Во втором томе, кроме собственно "Каталога", где материал расположен по географическому принципу, имеются также указатели.

Хотя в заголовке обозначена достаточно узкая тема – только хронология, в действительности же автору приходится исследовать почти все проблемы истории парфянской скульптуры. Степень изученности ее столь мала (данное исследование – первая монография, специально посвященная парфянской скульптуре), что для решения только одной проблемы приходится достаточно детально исследовать и все остальные.

В результате этого Х.Э. Матиесен создал работу, в которой в той или иной степени освещены все основные вопросы истории парфянской скульптуры. При этом, хотя автор указывает, что объектом исследования является прежде всего крупная скульптура, тем не менее он иногда обращается и к мелкой терракотовой пластике. С самого начала необходимо также указать, что автор понимает под парфянской скульптурой все произведения этого вида искусства, созданные на территории Парфянского государства за все время его существования. Он справедливо указывает, что датировки отдельных произведений парфянской скульптуры обычно дискуссионны. Иногда расхождения в датах достигают трех и даже более столетий, что объясняется тем, что только в очень редких случаях скульптура сопровождается датированными надписями или обладает иными признаками, позволяющими достаточно надежно датировать ее. Вследствие этого очень трудно установить стилистическую эволюцию и создать удовлетворительную периодизацию, которая бы позволила распределить различные произведения по достаточно четко определенным хронологическим группам.

Несмотря на все эти объективные сложности, Х.Э. Матиесен считает, что, опираясь на методы, выработанные классической археологией, он сможет выполнить задачу, которую перед собой поставил.

Естественно, что в такого рода исследовании чрезвычайно важны проблемы периодизации. Предложенная Х.М. Матиесеном периодизация имеет следующий вид: раннепарфянский (эллинистический) период – 250–1 гг. до Р.Х., среднепарфянский – 1–150 гг. по Р.Х., позднепарфянский – 150–225 гг., субпарфянский – 30-е годы III в. (т.е. то время, когда западные районы парфянской державы еще не были завоеваны Сасанидами, хотя в собственно Иране власть Аршакидов уже была уничтожена).

Автор сосредотачивает свое внимание на тех памятниках, которые были найдены внутри границ парфянского государства, привлекая иногда и те явно парфянские находки, которые были обнаружены вне этих пределов (например, резная кость из Ольвии). Вместе с тем он не рассматривает специально те произведения скульптуры, которые были найдены в этих пределах, но являются бесспорно греко-римскими. Некоторую сложность представляют памятники из пограничных районов, которые только часть своей истории входили в состав Парфии. Самый яркий пример – Дура-Европос, город, который с 60-х годов II в. стал римским и оставался таковым до самого конца своего существования.

Теоретическая часть работы состоит из двух элементов: "негативного" и "позитивного". Негативным элементом мы называем те положения, которые ориентированы на критику концепций, в какой-то мере считающихся общепринятыми в современной науке относительно характера парфянского искусства, т.е. концепций М.И. Ростовцева. Согласно представлениям Х.Э. Матиесена, советские исследователи, Д. Шлюмберже (в сильной мере) (Шлюмберже Д., 1985; Schlumberger D., 1970), К. Вайдеманн (в определенной степени) (Weidemann K., 1971, S. 146–178) базируют свое понимание этого феномена на идеях Ростовцева (Rostovtzeff M.I., 1935, p. 157–304; 1938), который считал, что характерными особенностями парфянского искусства являются фронтальность, спиритуальность, линеарность, иератизм и веризм. Однако надо помнить, подчеркивает автор, что Ростовцев построил свою концепцию главным образом на материале из Дура-Европос, где было обнаружено очень мало материала, датируемого эллинистическим периодом. Его концепция, следовательно, строилась на основе анализа объектов только первых веков по Р.Х. Ни одна из тех черт, которые выделил Ростовцев, не может считаться типичной для

искусства всех периодов парфянской истории и даже, как подчеркивает автор, для первых веков по Р.Х. Они встречаются только периодически. Особо Х.Э. Матиесен отмечает парфянские монеты: поскольку здесь правило фронтальности практически никогда не соблюдалось, то, исходя из схемы М.И. Ростовцева, их вряд ли можно считать вообще произведением парфянского искусства.

Позитивный элемент – его собственные концепции относительно сущности парфянского искусства.

Парфянское искусство – это искусство не только самих парфян, но и других народов, входивших в состав Парфянского государства. В этом отношении Парфия, как считает автор, очень напоминает Римскую империю. С типологической точки зрения, парфянское искусство – это искусство восточной периферии греко-римского мира. Стилистическое развитие его, кажется, всегда определялось импульсами, исходящими из этого мира. Новые стилистические черты всегда появляются впервые в западных частях империи и уже оттуда распространяются на восток. Об этом можно судить на основе позднепарфянского периода (наиболее полно представленного памятниками), когда, как мы видим, новые особенности в стиле скульптуры появляются в Иране примерно на 20 лет позднее, чем эти же особенности фиксируются в западной части государства. Парфянское искусство в те периоды, когда оно не испытывало этих импульсов, оставалось достаточно статичным и менее подверженным изменениям. Правда, этот тезис не распространяется на эллинистический период, поскольку тогда греческий элемент был представлен по всей территории государства и импульсы исходили именно от него.

В соответствии с этой идеей находится и следующая: парфянское искусство, по мнению Х.Э. Матиесена, видимо, не было оригинальным. В парфянской империи не было ведущего центра художественного творчества, как это можно было бы ожидать от царского двора – политического центра империи. Это объясняется тем, что Парфия не была централизованным государством. Здесь отсутствовало стремление использовать скульптуру для целей пропаганды, например династической или ориентированной на защиту и распространение каких-либо политических или религиозных идей. Имеется только небольшое количество скульптур с изображением великого царя. С другой стороны, местные правители в Сузиане или Хатре сознательно использовали скульптуру в целях прославления своих династий и, видимо, в эллинистический период это делали и парфянские цари.

Отчасти эта недооценка роли скульптуры в деле пропаганды официальных ценностей объясняется тем, что парфяне явно никогда не рассматривали скульптуру как естественное средство художественного выражения, что является результатом их кочевнического (или полукочевнического) происхождения. Скульптура в Парфии всегда была результатом "инспирации"извне, т.е. она не входила в основной фонд собственно парфянской культуры, а пришла из Греции и Рима или из восточных культур. Особая роль принадлежала ахеменидскому наследию, которое являлось в ряде случаев источником иконографии и отчасти даже и стиля.

Парфянская скульптура не отличалась большим тематическим разнообразием. Типичными были следующие темы: изображения богов, а также изображения людей в момент жертвоприношений и совершения ритуалов (рельефы из храмов) и наскальные рельефы, целью которых было увековечить события и людей. В парфянском искусстве никогда не появляются бытовые сцены. Жанровые скульптура и живопись, столь популярные в греко-римском мире, просто не существовали в Парфии.

Очень важный вопрос: существовало ли собственно парфянское искусство, т.е. обладало ли искусство всех областей Парфии каким-то внутренним единством и развивалось ли оно в соответствии с одними и теми же принципами? Автор считает, что ответ должен быть утвердительным, однако твердые доказательства этого, по его мнению, существуют только для позднепарфянского периода, когда можно видеть наличие художественного "койне" от сиро-месопотамских степей на западе до Ирана на востоке включительно. Видимо, то же самое можно сказать и об эллинистическом периоде, но надежных доказательств этого сейчас нет. Для среднепарфянского периода решение вопроса затрудняется тем, что скульптура происходит исключительно из западного региона, поэтому нельзя сказать, существовало ли в этот период такое "койне".

Однако даже в позднепарфянский период, когда близость искусства различных областей была наибольшей, не существовало абсолютного единства. Можно говорить о наличии нескольких локальных вариантов единого парфянского искусства, что является следствием местных художественных традиций допарфянской эпохи. Конечно, они должны были проявляться и в более раннее (т.е. раннепарфянское и среднепарфянское) время.

Особое внимание автор уделяет соотношению изображений профильных и фронтальных. По его мнению, фронтальнось становится почти всеобщей начиная со второй половины I в. по Р.Х. Именно тогда начинается период наибольшей "независимости" в истории парфянской скульптуры. К сожалению, сейчас трудно сказать, что послужило причиной этого: уменьшение греко-римского импорта, ослабление духовного влияния запада или данное явление было отражением в художественной сфере каких-то иных причин, например реакцией против западных влияний и сознательным возрождением восточных традиций.

Со второй половины II в. начинается отход от фронтальности. Однако профильные изображения становятся правилом только около 200 г. В начале позднепарфянского периода появляется заметное различие между искусством восточной и западной частей империи. Но нужно принять во внимание различие во времени, когда новые явления приходят на запад и на восток. Кроме того, в период 150–200 гг. в скульптуре Ирана могло быть несколько направлений, т.е. могло существовать направление с традиционалистским "оттенком" и другое – с более сильным влиянием греко-римского искусства.

Х.Э. Матиесен следующим образом распределяет парфянскую скульптуру по выделенным им периодам. Раннепарфянский (эллинистический) период представлен очень небольшим числом произведений: наскальные рельефы: Хунг-и Наурузи (левая сторона, № 1 по "Каталогу", Кир (№ 89), Бисутун (рельефы Митридата II – № 94 и Готарза – № 95), Батас-Херир (№ 135), Бавиан (№ 144); терракотовая статуэтка Митридата II с о-ва Файлака (№ 92); скульптуры: мужские головы из Хамадана (№ 98) и Бард-е Нешанде (№ 37), голова статуи Митридата I из Месопотамии (№ 228); стела Аззанатконы из Дура-Европос (№ 171). К среднепарфянскому периоду относятся также намногие произведения: три рельефных стелы с мужскими изображениями из Ашура (№№ 158–160), из которых одна имеет датированную надпись (№ 159–12/13 г. по Р.Х.). Из этого же города происходят две мужские статуи (№№ 161 и 162, причем первая из них сопровождается датированной надписью – 137/8 или 147/8 г.) и две небольшие статуэтки (№№ 162, 163). В Уруке-Варке найдены две статуэтки (№№ 153 и 154), а в Кадхамаине – женская статуэтка (№ 157). К этому же периоду он относит и скульптуру из "Квадратного зала" Нисы (№№ 148–150). Все остальные произведения среднепарфянского периода происходят из Дура-Европос: стела с изображением Зевса Кюриоса (№ 174 – с надписью и датой – 31 г. по Р.Х.), стела с изображением Афлада (№ 170 – с надписью и датой – 54 г. по Р.Х.); рельефы с изображением Хадада (№ 182), Атаргатис (№ 175), Арсу (№ 180), неизвестного мужского божества (№ 189), женская статуя (№ 195). Много больше произведений скульптуры относится к позднепарфянскому периоду. Как уже говорилось, автор выделяет два основных подпериода внутри этого периода: I и II. Кроме этого, он вводит еще следующее деление: внутри позднепарфянского периода I им определяются особые группы на базе их сходства с датированными памятниками, главным образом наскальными рельефами Танг- и Сарвака. Не имея возможности привести полные списки этих произведений, мы укажем только самые важные из них. Для позднепарфянского I периода – ряд наскальных рельефов из Танг- и Сарвака: так называемые рельефы CN (№ 16), ANb (№ 17), CE (№ 18) и т.д.; ряд наскальных рельефов из Шимбара (группы III, IV, V – № 8); несколько скульптур из Масджид- и Солаймана (№№ 65–70, 64–77), некоторое количество скульптур из Бард-е Нешанде (№№ 36, 38, 39), Шами (№№ 80, 81, 86), Дура-Европос (№№ 168, 178, 187 и т.д.), Хатры и т.д.

Рассматривая каждый из периодов, автор обращает внимание на следующие моменты: тематику, иконографические схемы, композицию, отражение реалий в скульптуре и т.д.

Не имея возможности в журнальной рецензии рассмотреть все те проблемы, которые обсуждаются в книге, и тем более вопросы о датировке отдельных произведений искусства, мы сосредоточим свое внимание на общих построениях автора, поскольку именно от того или иного решения этих основных проблем зависит решение конкретных вопросов, в частности даты отдельных произведений.

Отметим, прежде всего, что само появление этой книги нельзя не приветствовать, поскольку это первое исследование, посвященное специально парфянской скульптуре. Очень важно то, что собственно исследование сопровождается "Каталогом". К сожалению, надо сказать, что этот "Каталог" не охватывает всей парфянской скульптуры. Например, Х.Э. Матиесен указывает, что скульптура Дура-Европос очень хорошо изучена (он имеет в виду монографии С. Дауни) (Downey S., 1969; 1977), и поэтому включает в "Каталог" только 28 произведений из этого города. Соответственно в "Приложении II" он воспроизводит выводы С. Дауни с небольшими своими добавлениями. Точно так же считая хатрийскую скульптуру совершенно стереотипной, он в "Каталоге" приводит только несколько ее

экземпляров. Думается, что работа только выиграла, если бы автор хоть в самой краткой форме включил в свой "Каталог" все не вошедшие в него произведения из Дура-Европос и Хатры.

Второе достоинство данной работы тесно связано с первым. Поскольку книга посвящена парфянской скульптуре, автор ограничивается только ею. В этом отношении его исследование выгодно отличается, например, от книг М.Э.Р. Колледжа (Colledge M.A.R., 1976; 1977; 1986), который всегда перемешивает памятники парфянского искусства с бактрийскими, хорезмийскими и т.п., вследствие чего нельзя сделать сколько-нибудь надежных выводов о собственно парфянском искусстве.

Видимо, в известной мере можно согласиться и с критикой автором концепции М.И. Ростовцева. Действительно, эта концепция была создана главным образом на базе анализа искусства Дура-Европос первых веков по Р.Х. (Кошеленко Г.А., 1962, с. 135–146). Однако мы не хотели бы вместе с автором столь далеко заходить в ее критике. Во-первых, она возникла в результате анализа в первую очередь живописи Дура-Европос и, несмотря на все новые открытия в этой области, она по-прежнему сохраняет всю свою ценность при анализе ближневосточной живописи первых веков по Р.Х. Во-вторых, сам Х.Э. Матиесен признает, что примерно с середины I в. по Р.Х. и на протяжении около 150 лет, например, правило фронтальности было практически господствующим в западнопарфянском искусстве. В искусстве никакое правило не может охватить абсолютно все произведения. Правило действует как более или менее общая тенденция, и поэтому тот факт, что правило фронтальности так долго господствовало в искусстве этого региона, свидетельствует о том, что за ним стояли какие-то мощные тенденции в эстетическом и вообще духовном развитии народов, населявших этот регион. В связи с этим необходимо также подчеркнуть, что автор, с нашей точки зрения, абсолютизирует политические границы, полагая, что границы распространения тех или иных художественных явлений должны обязательно совпадать с государственными. В этом отношении искусство Северной Сирии и Северной Месопотамии первых веков по Р.Х. является очень ярким примером. Искусство, воодушевленное одними и теми же идеями, развивалось по обе стороны римско-парфянской границы, и именно принципы этого искусства стали одной из главных составляющих рождающегося христианского искусства (Кошеленко Г.А., 1966, с. 180–186). Х.Э. Матиесен, видимо, напрасно ограничил себя только парфянскими пределами, что помешало ему увидеть это явление в его подлинной перспективе.

Серьезные претензии могут быть высказаны и в адрес предложенной им периодизации истории парфянской скульптуры (точнее, всего парфянского искусства). Отметим, прежде всего, что на всю историю парфянского искусства им отведено примерно 475 лет (250 г. до Р.Х. – 225 г. по Р.Х.), из которых первые 250 лет принадлежат одному – раннепарфянскому (эллинистическому) – периоду, что выглядит довольно странно. Однако важнее другое. Выделяемые им периоды никак не связаны с динамикой развития ни парфянской государственности, ни парфянской культуры.

Не имея возможности в журнальной рецензии детально представить иную периодизацию, мы только вкратце наметим ее и столь же кратко приведем свою аргументацию. Первый период парфянской истории (и культуры) охватывает время примерно от 250 до 140 гг. до Р.Х. Этот период характеризуется возникновением Парфянского государства и его расширением главным образом в пределах территорий, населенных ираноязычными народами. Хотя в этих регионах помимо коренного иранского населения (как земледельческого, так и кочевого) имелось некоторое количество греческих городов, тем не менее, как показали события времени похода Антиоха III, население этих городов оказалось подавленным и не смогло (за редким исключением) достаточно долго сохранять свою этническую идентичность.

Период со 140 г. до Р.Х. по середину I в. по Р.Х. также достаточно определен. В это время Парфия находилась на вершине своего политического и военного могущества. Но именно тогда в пределах границ Парфии оказались многочисленные и достаточно экономически могущественные греческие города, расположенные в Вавилонии, Месопотамии и Сузиане, включая крупнейший город эллинистического Востока – Селевкию на Тигре. Кроме того, еще одним из важных факторов было то, что наряду с греческими городами в этих регионах было расположено большое число древневосточных городов – носителей тысячелетней местной культуры. Помимо самого факта их наличия важно еще то, что они занимали довольно явную антипарфянскую позицию, поддерживая первоначально попытки Селевкидов отвоевать у парфян эти территории, а затем – римских ставленников на престол Аршакидов.

Наконец, третий период охватывает все оставшееся время существования Парфянского государства. Этот период характеризуется, с одной стороны, уничтожением автономии греческих и восточных городов, особенно после подавления "великого восстания" Селевкии на Тигре, и усиленной ориентализацией греков. С другой стороны, Парфия перестает быть единым государством и превращается в своего рода конфедерацию, частями которой управляют различные ветви Аршакидского дома.

Думается, что подобная периодизация как парфянской истории, так и (с некоторыми поправками) культуры имеет большее право на существование, нежели искусственная схема, предложенная Х.Э. Матиесеном. Мы привели эти соображения еще и потому, что автор, ссылаясь на мнения советских ученых, в частности и по проблеме периодизации, в сущности, их не знает. Основной источник его сведений – очень устаревшая и дилетантская работа Дж. Фрумкина (Frumkin G., 1970). И хотя автор иногда ссылается и на другие исследования, в частности на ряд работ Г.А. Пугаченковой, в том числе и опубликованные на русском языке (Пугаченкова Г.А., 1967; 1972), не всегда, правда, впрямую связанные с данной темой исследования (Пугаченкова Г.А., 1966; 1971), у нас не создалось впечатления его непосредственного знакомства с текстом (а не только с иллюстрациями) этих исследований.

С этим упреком в адрес автора тесно связан и другой. К сожалению, он совершенно неправильно представляет кочевнический комплекс культуры вообще, и парнский в частности. Его утверждение о том, что парфяне не знали скульптуры вследствие именно их кочевнического происхождения, абсолютно не выдерживает критики. Если бы автор знал русскую археологическую литературу хотя бы в самых общих чертах, он не смог бы сделать столь вопиюще неверного утверждения. Прежде всего, собственно парфяне не были кочевниками. Парфяне были оседлыми земледельцами, населявшими Парфиену по крайней мере с рубежа второго и первого тысячелетий до Р.Х. (Древнейшие государства..., 1985, с. 179; Пилипко В.Н., 1989а, с. 20, 24). Кочевниками были парны, которые завоевали эту область в середине III в. до Р.Х., когда селевкидский правитель ее Андрагор объявил о своей независимости от центрального правительства (Дьяконов М.М., 1961, с. 180). Парны действительно были кочевниками, но в мире кочевников "великих степей" скульптура была широко распространена, начиная от наиболее известных из них – скифов (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994) и кончая кочевниками, обитавшими в районах, наиболее близких Парфиене, – на Мангышлаке и Устюрте (Галкин Л.Л., Ольховский В.С., 1989; Ольховский В.С., 1991; 1992; 1993; Ольховский В.С., Галкин Л.Л., 1990; Olkhovski V., 1994). Таким образом, сам процесс становления парфянской скульптуры изначально поставлен автором в совершенно ложную перспективу. Исходя из этого, мы можем считать совершенно неприемлемыми все те выводы, к которым он пришел при определении характера скульптуры в рамках первого выделенного им периода. В частности, совершенно неверна его концепция о сложении схемы фронтальности в парфянской скульптуре, ибо правило фронтальности строжайшим образом соблюдалось в той кочевнической скульптуре, которая, видимо, влияла на процесс создания парфянской скульптуры.

Характеристика раннепарфянской скульптуры не верна еще в одном отношении. Автор не знает многих фактов о чисто греческой скульптуре в Старой Нисе. Эта скульптура, конечно, не была произведена на месте, но поступила в Парфиену из много более западных районов эллинистического мира (Кошеленко Г.А., 1977, с. 89–100). Однако необходимо помнить о том, что она создавала соответствующий "художественный фон", в рамках которого происходило формирование собственно парфянской культуры. Свидетельством того, что эту "греческую составляющую" нельзя недооценивать, является голова глиняной статуи (т.е. бесспорно произведенной на месте), явно греческой по своему характеру и найденной в Старой Нисе (Пилипко В.Н., 1989б, с. 167–177).

Необходимо также указать на то, что автор не совсем верно представляет себе роль официальной идеологии в развитии парфянской скульптуры. В качестве примера приведем выделенный автором раннепарфянской (эллинистический) период. К этому периоду он относит 11 произведений искусства. Из них шесть представляют собой избражения парфянских царей и два – местных правителей (мы следуем интерпретации автора книги). Думается, что эти цифры больше, чем длинные рассуждения, показывают, какую роль в становлении парфянского искусства играла монархическая идеология.

В связи с этим необходимо также указать, что не выглядят убедительными и взгляды автора на роль двора "царя царей" как художественного центра. То огромное преобладание "монархических" произведений, которое мы видим в первом периоде (согласно схеме Х.Э. Метиесена), заставляет думать, что именно двор служил тем центром, откуда расходились новые идеологические и зависимые от них художественные идеи.

Можно сделать также много критических замечаний по отдельным конкретным вопросам. Мы ограничимся только несколькими.

Очень натянутым кажется объяснение Х.Э. Матиесеном особенностей рельефа в Хунг-и Наурузи (помимо данной работы также см. Mathiesen H.E., 1985, p. 191–196), который он произвольно разделяет на две части, созданные с промежутком в несколько веков. В сущности, единственное основание для этого заключается в том, что правую часть рельефа занимают фигуры, стоящие фронтально. Поскольку автор убежден, что схема фронтальности не существовала в парфянском искусстве ранней поры, то он, чтобы избежать столь явного противостояния теории и фактов, изобретает это в весьма уязвимое предположение.

Не совсем ясно, чем руководствовался автор рецензируемой книги, относя глиняную скульптуру Старой Нисы к среднепарфянскому (по его номенклатуре) времени, т.е. к периоду 1–150 гг. по Р.Х. В.Н. Пилипко показал, что она относится к раннеаршакидскому периоду, т.е. (в соответствии с его хронологической схемой) к II–I вв. до Р.Х. (Пилипко В.Н., 1989а, с. 16). Что же касается "головы в шлеме", то П. Бернар не исключал возможности отнесения ее к произведениям III в. до Р.Х. (Bernard P., 1994, p. 499).

Совершенно непонятно, почему Х.Э. Матиесен, привлекая иногда мелкую терракотовую пластику, даже не упомянул многочисленные статуэтки из Маргианы.

Чтобы не множить примеры, постараемся подвести некоторые итоги. Книга, созданная Х.Э. Матиесеном, конечно, полезна, поскольку им собран значительный материал для суждения о парфянской скульптуре, ее особенностях и истории. Вместе с тем досадно отсутствие ряда памятников в "Каталоге". Однако наибольшие претензии вызывает сама хронологическая схема и система аргументации в ее обоснование. К сожалению, автор практически не знает русской литературы по этому предмету, а именно русские авторы больше, чем кто-нибудь другой, сделали для исследования ранней Парфии и ее культуры. Именно в этом обстоятельстве кроется одна из главных причин недостатков этой монографии.

Московский педагогический
государственный университет
Институт археологии РАН, Москва

З.В. Сердитых, Г.А. Кошеленко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Галкин Л.Л., Ольховский В.С., 1989. Комплекс святилищ Байте (начало исследования) // Маргулановские чтения (Сб. матер. конф.). Алма-Ата.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. 1985 // Археология СССР. М.

Дьяконов М.М., 1961. История древнего Ирана. М.

Кошеленко Г.А., 1962. О фронтальности в парфянском искусстве // Историко-археологический сборник в честь А.В. Арциховского. М.

Кошеленко Г.М., 1966. Мозаики Эдессы // Археология Старого и Нового света. М.

Кошеленко Г.А., 1977. Родина парфян. М.

Ольховский В.С., 1991. Предварительные итоги исследования святилища Байте III на Устюрте // Проблемные вопросы истории Западного Казахстана. Тез. матер. межрегиональной науч.-теорет. конф. Гурьев.

Ольховский В.С.,1992. Святилище Байте III в Западном Казахстане (продолжение исследований) // Маргулановские чтения 1990. (Сб. матер. конф.) Ч. I. Алма-Ата.

Ольховский В.С., 1993. Культовый комплекс эпохи раннего железа на Устюрте (по раскопкам 1988–1989 гг.) // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. М.

Ольховский В.С., Галкин Л.Л., 1990. Культовый комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) // СА. № 4.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.

Пилипко В.Н., 1989а. Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Пилипко В.Н., 1989б. Голова в шлеме из Старой Нисы // ВДИ. № 3.

Пугаченкова Г.А., 1966. Халчаян. Ташкент.

Пугаченкова Г.А., 1967. Искусство Туркменистана. М.

Пугаченкова Г.А., 1971. Скульптура Халчаяна. М.

Пугаченкова Г.А., 1972. Ниса. Ашхабад.

Шлюмберже Д., 1985. Эллинизированный Восток. М.

Bernard P., 1994. L'Asie Central et l'Empire Séleucide // Topoi. Orient-Occident. V. 4/2.
Colledge M.A.R., 1976. The Parthians. London.
Colledge M.A.R., 1977. Parthian Art. London.
Colledge M.A.R., 1986. The Parthian Period (Iconography of Religions, XIV, 3), Leiden.
Downey S., 1969. The Heracles Sculpture (The Excavations at Dura-Europos. Final Report III. P. I. Fascicle 1). New Haven.
Downey S., 1977. The Stone and Plaster Sculpture (The Excavations at Dura-Europos. Final Report III. P. I. Fascicle 2). Los Angeles.
Frumkin G., 1970. Archaeology in Soviet Central Asia. Leiden; Koln.
Mathiesen H.E., 1985. A Note on the Dating of the Parthian Rock Relief at Hung-i Nauruzi // Acta Archaeologica. № 56.
Olkhovski V., 1994. Baite. Un ensemble cultuel a l'est de la Caspienne // Les dossiers d'archeologie. № 194.
Rostovtzeff M.I., 1935. Dura and the Problem of Parthian Art // Yale Classical Studies. № V.
Rostovtzeff M.I., 1938. Dura-Europos and its Art. Oxford.
Schlumberger D., 1970. L'Orient héllenisé. L'Art grec et ses heritiers dans l'Asie non meditérraneenne. Paris.
Weidemann K., 1971. Untersuchungen zur Kunst und Chronologie der Parther und Kuschan vom 2. Jh. v. Chr. bis zum 3. Jh. n. Chr. // Jahrbuch des Romish-Germanischen Zentralmuseums. № 18.

Хроника

С.В. МАРКИН

ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН В 1988–1994 гг. ПО ИЗУЧЕНИЮ КАМЕННОГО ВЕКА АЗИИ

В прошедшее пятилетие деятельность секторов палеолита и неолита была обусловлена институтскими темами научного исследования: "История Северной и Центральной Азии в эпоху палеолита, неолита, бронзы, железа и средневековья", "Материальная и духовная культура народов Центральной и Восточной Азии в эпоху палеолита" и "Определение основных направлений и этапов палеодемографического развития древнего населения". Большое внимание уделялось разработке ключевых проблем археологии каменного века: заселению и освоению Сибири и Центральной Азии в древний период, выяснению характера мустьерских индустрий, переходу от мустье к верхнему палеолиту, изучению материальной культуры на памятниках финала верхнего плейстоцена и раннего голоцена и т.д. Ежегодно сотрудниками института проводились широкомасштабные археологические раскопки высокоинформативных объектов в Алтайском крае, Новосибирской, Кемеровской и Амурской областях, а также на территории Монголии и Казахстана.

Еще два десятка лет тому назад среди археологов господствовала точка зрения о достаточно позднем заселении Северной Азии в период верхнего палеолита. Нынешнее представление о времени появления в Сибири первого человека основано на материалах мустьерских объектов на Алтае, Енисее и в Кузнецком Алатау, Туве и, видимо, домустьерских – на Енисее, в Туве, Приангарье и даже, возможно, в Якутии.

Количество древнейших памятников Сибири недавно дополнилось новым объектом, обнаруженным новосибирскими археологами во внутренних районах Кузнецкой котловины, в Кемеровской обл. Местонахождение, получившее наименование МК-I, выявлено в полосе действующего Моховского углекарьера, стенки которого сложены многометровыми субаквальными осадками древних аллювиальных свит и отложениями, образующими лессово-почвенную последовательность. Немногочисленные материалы (скребла, сколы, нуклевидные формы изделий, обломки костей) происходят с глубины 37 м от поверхности, из основания кедровской свиты. Из низов свиты определены представители фауны мелких млекопитающих тираспольского типа. Здесь же встречены типичные представители раннеплейстоценовой фауны крупных млекопитающих. Для верхней части разреза характерно присутствие элементов сингильско-хазарской фауны. Результаты исследования на памятнике отражены в ряде печатных работ, в которых помимо археологических данных приведены сведения по стратиграфии и геолого-стратиграфическому обоснованию разреза, биостратиграфии и палеомагнетизму. Предлагается также палеогеографическая реконструкция времени пребывания человека на данном участке рельефа местности (Derev'anko A.P., 1990; Николаев С.В., Маркин С.В., 1990). На основании комплексного изучения слой местонахождения датирован нижним – средним плейстоценом или миндель-риссом.

Не менее интересный памятник (Мохово 2) зафиксирован на другом участке разреза. Археологический материал, представленный ядрищами леваллуазской морфологии, листовидными бифасами, скреблами, обушковыми формами изделий и т.д., приурочен к двум сближенным ископаемым почвам, сформированным в осадках бачатской свиты, значительно сокращенной в районе местонахождения. Небольшая мощность разреза, наличие явных перерывов в осадконакоплении, укороченность почвенных профилей не позволили авторам работ предложить наиболее вероятный возраст объекта. В литературе отмечаются два варианта интерпретации ископаемых почв, от которых зависят хронологические характеристики местонахождения (Деревянко А.П., Маркин С.В. и др., 1990; Деревянко А.П., Зыкина В.С. и др., 1992). Первое объяснение подразумевает наличие педокомплекса, являющегося аналогом искитимского (каргинский или брянский интерстадиал, W_2), второе – наличие двух почвенных горизонтов. В последнем случае верхняя почва со-

© С.В. Маркин, 1996 г.

отнесена с искитимским педокомплексом, а нижняя – сопоставляется с бердской, сформированной в один из ранних интерстадиалов вюрма (раннезырянский).

Одним из приоритетных направлений в работе сектора палеолита является изучение и анализ мустьерских материалов Северной Азии. Уточним, что мустьерские памятники в Сибири распространены крайне неравномерно. Концентрируются они главным образом на Алтае, где известны пещерные многослойные стоянки и открытые местонахождения.

Немало объектов подобного рода выявлено в бассейне р. Ануй. Долина этой водной артерии, расположенная преимущественно на северо-западе Горного Алтая, изучается группой сотрудников института, руководимой академиком РАН А.П. Деревянко, с 1983 г. Ее выбор для длительных стационарных работ не случаен. Здесь на протяжении 100 км открыто немало пещер (им. академика Окладникова, Денисова пещера, Искринская, Каминная) с многометровыми толщами рыхлых отложений, содержащими культурные остатки от палеоэтнографического времени до эпохи мустье, а может быть, и ашеля. Кроме того, здесь известны пещеры (Разбойничья, Волчий грот), давшие богатейшие коллекции остатков фауны. Помимо пещер в долине Ануя выявлены стоянки открытого типа (Ануй I–III, Усть-Каракол I, II), раскопки которых ведутся на протяжении последних лет (Деревянко А.П., Маркин С.В., 1990а, Деревянко А.П., Шуньков М.В., 1992). Исследования палеолитических памятников Ануя проводятся специалистами самых разных направлений из различных учреждений России, многие из которых работают в сектре палеолита ИАиЭ СО РАН на непостоянной основе. Результаты совместной деятельности в скором будущем будут представлены в виде комплексных характеристик памятников с реконструкцией истории древнего человека и среды его обитания. В качестве промежуточных результатов можно рассматривать ряд научных публикаций, подготовленных в секторе. Сборник "Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй" (Новосибирск, 1990) содержит сведения по морфологии, отложениям и условиям образования изучаемых пещер. В нем содержатся многочисленные биостратиграфические характеристики отложений из пещер Денисовой и им. Окладникова и результаты радиоуглеродного датирования памятников, районированных в долине р. Ануй. В печатных работах новосибирских палеопедологов, уже длительное время принимающих участие в раскопках палеолитических стоянок Алтая, обосновывается возможность реконструкции экологических условий обитания человека в любой период истории его развития по педогенным признакам отложений и почв разной степени сохранности (Дергачева М.И., 1989; 1990; Принципы и методы..., 1992). В них представлены характеристики рыхлого состава основных археологических стоянок р. Ануй и первые результаты реконструкции палеоэкологических условий обитания древнейших обществ (Археология и палеоэкология..., 1990; Феденова И.Н., 1992). Совместные исследования археологов, геологов, палинологов, специалистов в области радиометрических методов исследования отражены в ряде центральных академических изданий (Деревянко А.П., Лаухин С.А. и др., 1993а; 1993б; Деревянко А.П., Шуньков М.В., Левковская Г.М., 1994).

В районах концентрации археологических объектов, как правило, устанавливается архео-гео-стратотип, отвечающий понятию многослойности и непрерывности в четвертичной седиментации, обеспеченной присутствием материальных остатков. Таким памятником в перечне ануйских источников нам представляется Денисова пещера, обладающая многослойностью геологических тел, непрерывно занятых материальными остатками. Пещера открыта в 1977 г., с 1983 г. она планомерно исследуется (Деревянко А.П., Маркин С.В., 1990а; Деревянко А.П., Шуньков М.В., 1992).

Рыхлая многометровая толща, вскрытая в центральной камере пещеры, подразделяется на 22 литологических образования с тремя циклами в осадконакоплении. Последний цикл соответствует резко обособленной пачке голоценовых осадков (слои 1–8), содержащих элементы археологии эпох металлов. Средняя часть разреза (слои 9–21) выполнена супесчаными и алевритистыми породами различной цветовой гаммы и состава заполнителя. Для ряда горизонтов этого цикла свойственны проседание, локальность распространения, разорванность, а также, видимо, размытость. Наконец, более древний цикл поступления рыхлого материала в пещеру связан с самым нижним 22-м слоем. Это ярко-желтая плотная глина, основательно обогащенная щебнем и глыбами известняка, с признаками химического изменения, что фиксируется по резкому осветлению породы. Наблюдается увеличение размеров обломков в подошве седимента. Слой, судя по характеру сохранности кровли, подвергался определенным нарушениям, изменившим его мощность в различных участках пещеры. Палеонтологическая диагностика разреза согласно зоогеографическому распространению видов фауны заключается в определении остатков животных горно-степных и лесных ландшафтных ассоциаций. Отмечаются остатки и интрозональных видов млекопитающих. Таким образом, смешанный состав позднеплейстоценового териокомплекса свидетельствует о своеобразии палеогеографической обстановки в системе горных условий. Значительный интервал разреза карстовой полости содержит индустрии мустьерского облика. Для них характерны практически адекватные системы раскалывания сырья (ортогональная, радиальная, параллельная, леваллуазская) и наборы орудий. Среди вторично обработанных изделий особенно многочисленны скребла и зубчато-выемчатые формы. Часть артефактов определяется как остроконечники. Редкими вещами выглядят орудия с черенком, бифасы, галечные и тронкированные формы, образцы верхнепалеолитической типологии.

Проведенные радиометрические и палеомагнитные измерения нижней половины пещерной толщи, возможно, свидетельствуют о среднеплейстоценовом возрасте части археологических остатков (Деревянко А.П., Лаухин С.А. и др., 1992; Деревянко А.П., Шуньков М.В. и др., 1992).

В начале 1990-х годов начато изучение предвходовой поверхности Денисовой пещеры. В публикациях информационного характера содержатся данные о разрезе, расположенном перед входной аркой, о наиболее древнем археологическом материале, климатостратиграфии и палеогеографии верхнего плейстоцена (Деревянко А.П., Левковская Г.М. и др., 1992; Деревянко А.П., Шуньков М.В. и др., 1993а; 1993б; Николаев С.В., 1990).

Всего в разрезе выделено 15 стратиграфических единиц, в образовании которых участвуют пески, суглинки и обломочные породы с супесчаным заполнителем. Нижняя часть толщи (слои 15–11) имеет аллювиальный генезис. В ней преобладают спектры луговой мезофильной растительности и сильно разреженного березового редколесья. При этом растительность не оставалась неизменной. При динамике составов палиноспектров выделяется шесть климатофаз, отражающих два холодных этапа, разделенных относительным потеплением, а также потепление, предшествовавшее последующему холодному этапу. Материалы мустьерского облика встречены в слоях 9–10. Они включают радиальные и ортогональные ядрища, сколы леваллуа, леваллуазские и угловатые скребла, транкированные сколы, зубчатые, выемчатые и клювовидные орудия.

Важным событием в археологии Алтая явилось открытие и изучение многоярусной пещеры им. Окладникова, содержащей в нескольких слоях значительные серии мустьерских артефактов. Пещера, расположенная в поясе низкогорного Алтая, на одном из притоков р. Ануй, благодаря небольшой мощности заполнителя, раскопана практически полностью. Преобладающими формами в наборах орудий из разнослойных коллекций являются скребла, орудия типа déjeté, ножи с различно оформленными обушками; есть остроконечники, бифасы, зубчато-выемчатые изделия и единичные артефакты верхнепалеолитической типологии. В упомянутой пещере впервые в Сибири обнаружены антропологические остатки человека неандертальского антропологического типа. Материалы объекта отдатированы изотопными методами в лабораториях России, Канады и США (Деревянко А.П.,.1988; Derevianko A.P., 1988; 1990; 1992).

Немногочисленные, возможно, мустьерские артефакты обнаружены на Ануе и других памятниках. В публикациях, посвященных индустриям нижнего слоя стоянки Усть-Каракол I и нижнего интервала разреза пещеры Каминной, описываются изделия мустьерского облика, определение возраста которых пока затруднено (Деревянко А.П., Маркин С.В., 1990а; Деревянко А.П., Гричан Ю.В., 1990).

В последние годы мустьерские индустрии обнаружены на Алтае не только на Ануе. Они отмечаются в информационных сообщениях, отражающих результаты исследований на стоянке Кара-Бом (бассейн р. Урсул) и Малояломанской пещеры, открытой в бассейне р. Катунь (Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т., 1993; Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1989). Итоговыми публикациями по мустьерской эпохе Алтае-Саянской горной страны представляется ряд обобщающих изданий, подготовленных сотрудниками сектора. В монографии М.В. Шунькова характеризуются материалы Усть-Канской пещеры, раскопанной в 1950-х годах, и двух стоянок Тюмечинского комплекса, исследованного автором в Еловской котловине. Издание содержит многочисленные графические изображения артефактов, их описание с учетом наиболее значимых морфологических деталей, технико-типологические характеристики индустрий, их статистические показатели. Предлагается и квалификация материала в границах локальных группировок, отвечающих понятию линии развития (Шуньков М.В., 1990). В монографии А.П. Дерёвянко и С.В. Маркина отражены комплексные результаты исследования пещеры им. Окладникова. Индустрии памятника описаны с точки зрения расщепления горных пород, технологических способов получения заготовок, вторичного преобразования сколов, типологии набора орудий. Материалы объекта рассматриваются в пределах мустьерского комплекса Евразии (Деревянко А.П., Маркин С.В., 1992б). В других печатных работах приведены технико-типологические показатели ранее известных стоянок, сравниваемых с индустриями Ближнего Востока, Средней Азии и Казахстана (Деревянко А.П., Маркин С.В., 1990б; 1992б; Шуньков М.В., 1992; Derev'anko A.P., 1992).

Важное значение в современном палеолитоведении Сибири приобретают проблемы, связанные с переходом от эпохи мустье к верхнему палеолиту. Для решения этой задачи, естественно, необходимы материалы ранней поры верхнего палеолита. На Алтае они поступают с многослойных разрезов уже упомянутых ануйских памятников (пещера Денисова, Каминная). В составе инвентаря Денисовой пещеры представлены нуклеусы параллельного и радиального принципов расщепления, сколы леваллуазского огранения, скребла и скребки различных типов, остроконечники на пластинах, ретушированные пластины удлиненных пропорций, проколки, зубчато-выемчатые орудия.

Индустрия с листовидными бифасами, датированная по радиоуглероду коношельской стадией каргинского межледниковья, описана на стоянке Усть-Каракол I (слой 3). Здесь же обнаружены некоторые палеолитические структуры в виде углубленных очагов (Деревянко А.П., Маркин С.В., 1990а; Деревянко А.П., Шуньков М.В., 1992).

Раскопом на памятнике вскрыта многослойная толща 9–11-метровой Ануйской террасы, сформированной

аллювиальными и эоловыми отложениями, включенными в процесс делювиального перемещения. Судя по палинологическим данным, покровная толща террасы накапливалась в условиях холодной степи, лесостепи и в период распространения лесо-тундровой и тундрово-степной растительности.

Каргинским временем датируются немногочисленные изделия второго слоя стоянки Усть-Каракол II (Черский А.В. и др., 1992). Здесь среди леваллуазских ядрищ встречены скребла, выемчатые орудия и проколки (Археология и палеоэкология..., 1990). К начальной стадии верхнего палеолита, возможно, относится стоянка Ануй 1, материалы которой содержат не только верхнепалеолитические категории изделий, но и скребла, зубчато-выемчатые орудия. Обнаружены здесь также и бифасы в сочетании с галечными формами (Деревянко А.П., Зенин А.Н., 1990). Десять культурных слоев, залегающих ниже уровня, датируемого 20 тыс. лет, выделено на стоянке Ануй 2, расположенной под Денисовой пещерой. В разнослойных индустриях памятника характерно сочетание мустьерских приемов обработки камня с приемами позднепалеолитической техники. Культурные слои Ануя 2 содержали многочисленные кострища и очаги (Деревянко А.П., Маркин С.В., 1990а; Деревянко А.П., Шуньков М.В., 1992).

К начальной стадии позднего палеолита, вероятно, относится ряд горизонтов многослойной стоянки в пещере Страшной, расположенной в бассейне р. Чарыш в Северо-Западном Алтае. Пещера известна еще с 1966 г., но планомерные исследования начаты институтом лишь в 1989 г. В настоящее время здесь исследованы голоценовые отложения и часть позднеплейстоценовых осадков с верхнепалеолитическими индустриями. Первоначальное зондирование толщи, произведенное во время открытия памятника, показало наличие и более древних, мустьерских материалов, извлеченных из стратифицированных литологических тел (Деревянко А.П., Зенин А.Н., 1992; Зенин А.Н., 1993).

Шесть горизонтов начала верхнего палеолита выделено на стоянке Кара-Бом. Абсолютный возраст их, согласно значениям, полученным изотопными методами, распределяется от 43 до 30 тыс. лет. Индустрии памятника сочетают мустьерские черты в расщеплении пород и типологии орудий и верхнепалеолитические. Эволюционные изменения в наборах инвентаря отмечаются в постепенном увеличении доли пластин, резцов, скребков, ретушированных острий, а также в изменении характера ретуши. Учитывая ранние даты материалов памятника, а также подобие их материалам начала верхнего палеолита Сибири, авторы исследования предлагают выделение культурно-хронологического пласта, именуемого кара-бомовским, который характеризует переходный период от мустье к позднему палеолиту (Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1988; Николаев С.В., Петрин В.Т., 1992; Петрин В.Т., Чевалков П.М., 1992; Петрин В.Т., Рыбин Е.П., 1993; Рыбин Е.П., 1991).

Дальнейшее развитие верхнего палеолита Алтая иллюстрируется индустриями ряда слоев ануйских многослойных объектов (Археология и палеоэкология..., 1990), а также некоторыми другими местонахождениями (Шуньков М.В. и др., 1993). В 1990-х годах сотрудниками сектора предпринято издание богатейшей коллекции с сопки Урожайной, открытой А.П. Окладниковым в предгорьях Алтая (Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., 1992).

Исследования западносибирских палеолитических индустрий ведутся специалистами сектора на двух объектах, расположенных в Новосибирской (стоянка Волчья грива) и Кемеровской (стоянка Шестаково) областях. Издание материалов с этих стоянок – дело будущего.

Результаты изучения верхнепалеолитических памятников Приамурья отражены в ряде статей. В тезисной форме рассматриваются геолого-стратиграфические характеристики многослойных объектов долины р. Селемджи, особенности каменного инвентаря и эволюция материальной культуры в финальном плейстоцене (Зенин В.Н., 1989; 1992; Зенин В.Н., Петров В.Г., 1991).

В 1989–1993 гг. были продолжены археологические исследования в бассейне р. Зеркальная на юго-востоке Приморского края. В работах, посвященных раскопанным памятникам, уточнены характерные особенности инвентаря, относящегося к периоду 12–10 тыс. лет назад (Гладышев С.А., Табарев А.В., 1989; Гладышев С.А., Кононенко Н.А., 1989; Васильевский Р.С. и др., 1992). В итоговой монографии Р.С. Васильевского и С.А. Гладышева предлагается развернутый анализ и интерпретация индустрий, происходящих с фациально-разнотипных стоянок, рассматриваются вопросы их культурной принадлежности, реконструируется палеогеографическая ситуация финала плейстоцена на юге Приморья, обусловившая хозяйственную специфику древнего населения (Васильевский Р.С., Гладышев С.А., 1989). Имеющийся материал предполагает ряд версий о происхождении и формировании верхнего палеолита одного из районов российского Дальнего Востока (Табарев А.В., 1992а).

Результатом работ Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции посвящено немало публикаций в различных изданиях, рассматривающих ряд орографических районов Монголии (Деревянко А.П. и др., 1989; Деревянко А.П., Дорж Д. и др., 1990). Известия СО АН СССР ежегодно информировали научную общественность о проведенных исследованиях на территории Монголии (Деревянко А.П. и др., 1989; Деревянко А.П., Дорж Д. и др., 1990). В специальных статьях поднимались методические вопросы изучения местонахождений, материалы которых, как правило, спроецированы на дневную поверхность (Петрин В.Т., 1991); анализировались геологические и стратиграфические условия погребенных памятников (Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1990а; Деревянко А.П., Николаев С.В.,

Петрин В.Т., 1992); квалифицировались особенности индустрий в контексте понятий археологической периодизации (Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1990б; 1992). Монография "Каменный век Монголии: Палеолит и неолит Монгольского Алтая" обобщает многолетние достижения в одном из крупных районов Центральной Азии. В ней отражены вопросы истории изучения каменного века Монголии; приведены концепции происхождения и этапов эволюции культур палеолита и неолита Центральной Азии; анализируются многочисленные коллекции, собранные по отдельным геоморфологическим и орографическим единицам. Завершающая глава тома, который открывает серию монографических изданий по каменному веку Монголии, посвящена периодизации культур эпохи палеолита и их связям с культурами сопредельных территорий (Каменный век Монголии..., 1990).

На территории Казахстана второй год работает совместная Российско-Казахстанская экспедиция. Первым опытом коллективного издания специалистов двух независимых Академий наук является работа, посвященная сборам на Семизбугу (пункт 2). Материалы из Северного Прибалхашья анализируются с позиций геологии и геоморфологии, археологических и статистических методов. Предлагается и их датировка (Палеолит Северного Прибалхашья..., 1993).

Наиболее значительные результаты в области исследования мезолитических и неолитических культур получены в районах Северного Приангарья. Рассмотрению многослойных объектов каменного века в этом обширном регионе Ангары посвящена монография Р.С. Васильевского, В.В. Бурилова и Н.И. Дроздова (Васильевский Р.С. и др., 1988). В ней обсуждаются проблемы периодизации палеолитических местонахождений, показано своеобразие культур, наконец, реконструируется хозяйственная специализация человеческих коллективов, обитавших в X–II тыс. до н.э.

В трех препринтах А.П. Деревянко и В.Е. Медведева подытоживаются результаты исследования многослойного поселения Гася, расположенного в Нижнем Приамурье. В ряде слоев этого памятника обнаружены материалы эпохи мезолита (осиповская культура) и неолита (малышевская и вознесеновская культуры). В наиболее древних осадках объекта встречена керамика, возраст которой, судя по радиоуглеродной дате (12 960 ± 120 ЛЕ-1781), необычайно древний. Среди остатков неолитической поры – предметы мелкой пластики (фигурки человека, медведя и т.д.). Впервые на столь древних памятниках (неолитических) Дальнего Востока обнаружена глиняная модель лодки (Деревянко А.П., Медведев В.Е., 1992; 1993; 1994).

Неолит Среднего Амура, хорошо известный благодаря предшествующим исследованиям, рассматривается в работах с точки зрения его происхождения и дальнейшего развития. В этой связи упомянем работу группы молодых ученых института, предложивших новую интерпретацию культуры Новопетровское-Ананси (Гребенщиков А.В. и др., 1992). Обзору докерамических индустрий Приморья посвящена статья А.В. Табарева (Tabarev A.V., 1993).

На Алтае в районах исследования ИАиЭ СО РАН раннеголоценовые материалы пока единичны. Встречены они в бассейне Катуни при раскопках пещерных стоянок и открытых местонахождений (Молодин В.И., Петрин В.Т., 1990; Петрин В.Т. и др., 1994).

Немало работ сотрудников института посвящено разработке и совершенствованию процедурных вопросов и лабораторных методов археологического исследования. Экспериментально-трасологическое направление отражено в публикациях П.В. Волкова (Волков П.В., 1990; Volkov P., 1991; 1994). Современным методом обработки информации посвящена монография А.П. Деревянко, А.Ф. Фелингера и Ю.П. Холюшкина "Методы информатики в археологии каменного века" (Новосибирск, 1989). В ней рассмотрены целевые задачи информатики, выбор адекватных методов, процедур, алгоритмов для описания археологических объектов. Излагаются различные подходы к классификации основных археологических понятий, приводятся новые алгоритмы для обработки археологической информации. Новому методу классификационных исследований посвящена книга Е.Д. Гражданникова и Ю.П. Холюшкина (Гражданников Е.Д., Холюшкин Ю.П., 1990). Как отмечают авторы, в основе метода лежит построение Всеобщей периодической системы научных понятий. Под этой системой понимается критериально упорядоченная структурно повторяющаяся иерархическая классификационная таблица, применение которой возможно в исследовании природы, общества и мышления. Периодическая системная классификация в археологии рассматривается в публикации и в сопоставлении с классификационными разделами других исторических наук.

Вопросам методологии и методики археологических реконструкций посвящены сборники статей, издаваемые ИАиЭ СО РАН на протяжении многих лет (Методические проблемы археологии..., 1988; Методические проблемы реконструкций..., 1989; Методы реконструкций..., 1991; Методология и методика..., 1994). В них наряду с общефилософскими методологическими проблемами археологической науки рассматриваются проблемы науковедческих, социологических, палеоэкологических, классификационных, палеоастрономических исследований в археологии. Важное место занимают статьи, посвященные применению математических методов. В качестве результатов, достигнутых при издании подобных работ, очевидно, следует считать разрабатываемую в институте системную классификацию разделов археологии и археологических понятий, решение проблем предварительной статистической обработки данных и устойчивость полученных выводов.

К нетрадиционным направлениям в археологических исследованиях Сибири относятся палеоастрономические или астро-археологические изыскания, проводимые В.Е. Ларичевым. Используя междисциплинарный подход с учетом данных астрономии, геодезии, топографии и математики, автор в своих книгах и статьях предлагает расшифровку знаковых записей на объектах мобильного искусства древнекаменного века Сибири и семантическую оценку образов первобытного хозяйственного творчества (Ларичев В.Е., Сазонов В.И., 1989; Ларичев В.Е., 1989, 1993; 1994).

Помимо вышеописанных работ, тема древнего искусства поднимается в публикациях и других специалистов ИАиЭ СО РАН. Монография В.Т. Петрина содержит материалы комплексного исследования пещерного святилища (Игнатиевская пещера) на Южном Урале, существовавшего на границе Европы и Азии в конце ледникового периода (Петрин В.Т., 1992). В книге поднимаются проблемы существования самостоятельного центра первобытного искусства наряду с районами приатлантической Европы. В статьях А.В. Табарева рассматриваются кремневые фигурки из неолита Дальнего Востока, на основании изучения которых автор предлагает термин "палеоглиптика" (Табарев А.В., 1992б; Tabarev A.V., 1993).

Немалое место в деятельности Института археологии и этнографии СО РАН занимают научно-организационные формы работы. В 1990 г. в Новосибирске был проведен международный симпозиум "Хронострати графия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки". Доклады участников собрания, вышедшие в трех томах, касаются вопросов геоморфологии и стратиграфии палеолита Азии, Америки и Европы, палеоэкологии Берингии, проблем лессового палеолита, палеоантропологии, палеогеографии плейстоцена, методов изучения археологических остатков и их интерпретации (Хронострати графия..., 1990; 1992; Chronostratigraphy..., 1990). По завершении докладов представителям различных школ палеолитоведения было предложено три экскурсии, одна из которых проводилась на палеолитических памятниках Горного Алтая (Археология и палеоэкология..., 1990). В 1992 г. ИАиЭ СО РАН выступил соорганизатором Международного симпозиума "Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке", проведенного в г. Красноярске (Палеоэкология и расселение..., 1992; Археология, геология..., 1992).

Развитию межрегиональных и международных связей во многом способствуют ежегодные совместные исследования российских и иностранных специалистов на палеолитических памятниках долины р. Ануй. В программах междисциплинарных групп работают признанные авторитеты мировой науки из Москвы (МГУ, Институты географии, почвоведения, Геологический институт), Санкт-Петербурга (Зоологический институт), Новосибирска (Институты археологии и этнографии, геологии, геофизики, почвоведения и минерального сырья, Биологический институт), Барнаула (Алтайский госуниверситет), США (Университеты Нью-Мехико и Гарварда), Японии (Университет Сендай г. Токио и т.д.), Кореи (Университет Кен Хи г. Сеула), Бельгии (Институт палеонтологии), а также ученые из Франции, Израиля и т.д. Ученые из Новосибирска принимали участие в научных конференциях и коллоквиумах в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Томске, Барнауле, Красноярске, Иркутске, Якутске, Петропавловске (Казахстан), Саппоро (Япония), Филадельфии (США) и т.д.

В заключение отметим, что ряд сотрудников института занимаются научно-педагогической деятельностью. В секторе палеолита разработана программа спецкурса "Введение в палеолитоведение" (Деревянко А.П., Маркин С.В., 1993), преподаваемого в Новосибирском и Кемеровском госуниверситетах. А.П. Деревянко, С.В. Маркиным и сотрудником ИИМК РАН из Санкт-Петербурга С.А. Васильевым подготовлено учебное пособие "Палеолитоведение: введение и основы" (Новосибирск, 1994), Ю.Ф. Кирюшиным, В.Т. Петриным и Т.И. Нохриной в Барнаульском университете выпущена брошюра, посвященная методическим основам изучения неолитических коллекций (Кирюшин Ю.Ф. и др., 1993).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян). Путеводитель экскурсии международной конференции "Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке", 1992. Красноярск.

Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая (экскурсия № 1). Путеводитель Международного симпозиума. Хронострати графия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (палеэкологический аспект), 1990. Новосибирск.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов И.И., 1988. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск.

Васильевский Р.С., Гладышев С.А., 1989. Верхний палеолит Южного Приморья. Новосибирск.

Васильевский Р.С., Гладышев С.А., Табарев А.В., 1992. Особенности технико-типологического контекста стоянки Суворово IV в Приморье // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. № 1.

Волков П.В., 1990. Тесловидно-скребловидные орудия осиповской культуры // Проблемы технологии древних производств. Новосибирск.

Гладышев С.А., Кононенко Н.А., 1989. Орудия стоянки Суворово III // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск.

Гладышев С.А., Табарев А.В., 1989. Каменный инвентарь стоянки Суворово IV // Археологические памятники Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Гражданников Е.Д., Холюшкин Ю.П., 1990. Системная классификация социологических и археологических понятий. Новосибирск.

Гребенщиков А.В., Табарев А.В., Алкин С.В., 1992. Ранний неолит Среднего Амура: новые подходы // П.А. Кропоткин – гуманист, ученый, революционер. Чита.

Дергачева М.И., 1989. Система гумусовых веществ почв (пространственные и временные аспекты). Новосибирск.

Дергачева М.И., 1990. Проблемы и методы изучения толщи пещерных и внепещерных отложений при палеоэкологических исследованиях // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. Новосибирск.

Деревянко А.П., 1988. Некоторые проблемы каменного века на Алтае // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.

Деревянко А.П., Гричан Ю.В., 1990. Исследование пещеры Каминная: предварительные итоги раскопок в 1983–1988 гг. (плейстоценовая толща).

Деревянко А.П., Дорж Д., Ларичев В.Е., Петрин В.Т., 1990. Археологические исследования в Монголии в 1989 г. // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. Вып. 3.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., 1990. Палеолитическое местонахождение Ануй 1 // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. Новосибирск.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., 1992. Археологические исследования пещеры Страшная // Altaica Issue 1.

Деревянко А.П., Зыкина В.С., Маркин С.В., Николаев С.В., Петрин В.Т., 1992. Первые раннепалеолитические объекты Кузнецкой котловины. (Стратиграфия, палеогеография и предварительные археологические определения). Новосибирск.

Деревянко А.П., Ларичев В.Е., Петрин В.Т., 1989. Археологические исследования в Монголии в 1988 г. // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. Вып. 2.

Деревянко А.П., Лаухин С.А., Куликов О.А., Гнибиденко З.Н., Шуньков М.В., 1992. Первые среднеплейстоценовые датировки палеолита Горного Алтая // Доклады Академии наук. Т. 332. № 3.

Деревянко А.П., Лаухин С.А., Малаева Е.М., Шуньков М.В., Постнов А.В., 1993а. Проблема существования широколиственных пород в позднем вюрме Алтая // Докл. РАН. Т. 330. № 6.

Деревянко А.П., Лаухин С.А., Шуньков М.В., 1993б. Стратиграфия плейстоцена северо-запада Горного Алтая // Докл. РАН. Т. 331. № 1.

Деревянко А.П., Левковская Г.М., Лаухин С.А., Шуньков М.В., 1992. Климатостратиграфия нижнего палеолитического слоя на привходовой части разреза многослойной стоянки Денисова пещера // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск.

Деревянко А.П., Маркин С.В., 1990а. Палеолитические памятники бассейна реки Ануй (общий обзор) // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. Новосибирск.

Деревянко А.П., Маркин С.В., 1990б. Предварительные итоги изучения мустье Алтая // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск.

Деревянко А.П., Маркин С.В., 1992а. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). Новосибирск.

Деревянко А.П., Маркин С.В., 1992б. Предварительные определения мустьерских индустрий Алтая // Валихановские чтения. Кокшетау.

Деревянко А.П., Маркин С.В., 1993. Введение в палеолитоведение // Программа специализации по археологии. Новосибирск.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Николаев С.В., Петрин В.Т., 1990. Раннепалеолитический комплекс из Кузбасса // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. (Доклады международного симпозиума). Новосибирск.

Деревянко А.П., Медведев В.Е., 1992. Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1976 г.). Новосибирск.

Деревянко А.П., Медведев В.Е., 1993. Исследования поселения Гася (предварительные результаты, 1980 г.). Новосибирск.

Деревянко А.П., Медведев В.Е., 1994. Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1986–1987 гг.). Новосибирск.

Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т., 1992. Геология и археология палеолитических памятников Хангая (Монголия) // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск.

Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т., 1993. Датирование физическими методами (C_{14}, ЭПР) отложений палеолитического памятника Кара-Бом // Altaica. Issue. 3.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1988. Пространственный и временной аспекты существования комплексов каменного инвентаря типа Кара-Бом // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. (Тез. докл.). Барнаул.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1989. Археология Малояломанской пещеры // Карст Алтае-Саянской горной области и сопредельных горных стран: Тез. докл. к Всесоюз. науч.-практ. конф. "Проблемы горного природопользования". Барнаул.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1990а. Стратиграфия палеолита Южного Хангая (Монголия) // Хронostратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. Новосибирск.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1990б. Своеобразная каменная индустрия с северного побережья Долины Озер // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1992. К проблеме раннепалеолитических индустрий Центральной Азии (по материалам памятников долины р. Уэнч, Монгольский Алтай) // Ранний палеолит Евразии. Новосибирск.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., 1992. Комплекс каменной индустрии палеолитического памятника сопки Урожайная. Новосибирск.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., 1992. Археологические исследования в долине р. Ануй // Altaica. Issue 1.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Лаухин С.А., Гнибиденко З.Н., Левковская Г.М., Орлова Л.А., 1992. Возраст алтайского мустье в свете новейших данных // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Нэш Д., Ли Х.-Д., 1993а. Исследования палеолита Денисовой пещеры // Altaica. Issue 2.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Рыбалко А.Г., 1993б. Изучение плейстоценовых отложений предвходовой площадки Денисовой пещеры // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. Барнаул.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Левковская Г.М., 1994. Значение комплексных исследований для изучения археологических памятников каменного века // Вопросы геологии и археологии. С.-Пб.

Зенин В.Н., 1989. Многослойные стоянки в устье р. Ульма и периодизация позднего палеолита Верхнего Приамурья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Зенин В.Н., 1992. Возраст и этапы развития каменной индустрии памятников Усть-Ульма I–III в Приамурье // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск.

Зенин В.Н., 1993. Предварительные результаты исследований в пещере Страшная // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул.

Зенин В.Н., Петров В.Г., 1991. К вопросу о галечной технике на палеолитических стоянках реки Селемджи // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. Новосибирск.

Каменный век Монголии: Палеолит и неолит Монгольского Алтая, 1990. Новосибирск.

Кирюшин Ю.Ф., Нохрина Т.И., Петрин В.Т., 1993. Методика обработки коллекций каменного инвентаря неолитического времени (учебное пособие). Барнаул.

Ларичев В.Е., 1989. Мудрость Змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. Новосибирск.

Ларичев В.Е., 1993. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. Новосибирск.

Ларичев В.Е., 1994. Богиня Луны (расшифровка знаковой системы мальтинской скульптуры и ее семантика // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. История и культура востока Азии. Новосибирск.

Ларичев В.Е., Сазонов В.И., 1989. Ачинская скульптура из бивня мамонта: инструментарий и метод геометрически корректного пространственного обмера форм и графоаналитической реставрации на ее примере // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск.

Молодин В.И., Петрин В.Т., 1990. Памятники с микролитическим инвентарем в Горном Алтае // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул.

Методические проблемы археологии Сибири. Сборник научных трудов, 1988. Новосибирск.

Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Сборник научных трудов, 1989. Новосибирск.

Методология и методика археологических реконструкций. Сборник научных трудов, 1994. Новосибирск.

Методы реконструкций в археологии, 1991. Новосибирск.

Николаев С.В., 1990. Субтеральные отложения – индикатор климатических флуктуаций плейстоцена // Четвертичный период: методы исследования, стратиграфия и экология. Таллинн.

Николаев С.В., Маркин С.В., 1990. Первые материалы нижнего палеолита на юго-востоке Западной Сибири // Хронostратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки (Докл. междунар. симпоз.). Новосибирск.

Николаев С.В., Петрин В.Т., 1992. Постдепозиционные разрушения на палеолитическом памятнике Кара-Бом // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск.

Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу, пункт 2, ранний–поздний палеолит), 1993. Новосибирск.

Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Краткое содержание докладов Международного симпозиума, 1992.

Петрин В.Т., 1991. К проблеме сохранности комплексов каменных изделий с территории Монголии // Методы реконструкции в археологии. Новосибирск.

Петрин В.Т., 1992. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск.

Петрин В.Т., Николаев С.В., Нохрина Т.И., 1994. Исследование пещерного памятника Бийка // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск.

Петрин В.Т., Рыбин Е.П., 1993. Нуклеусы стоянки Кара-Бом: к вопросу выделения культурной традиции // Материалы к конференции "Проблемы культурогенеза и культурное наследие". С.-Пб.

Петрин В.Т., Чевалков П.М., 1992. Проблема сложения и эволюции верхнего палеолита в Горном Алтае // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск.

Принципы и методы почвоведения как основа корреляции отложений многослойных археологических стоянок // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. (Докл. междунар. симпоз.), 1992. Новосибирск.

Рыбин Е.П., 1991. Эволюция и индустрия эпохи начала верхнего палеолита стоянки Кара-Бом (предварительные результаты) // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул.

Табарев А.В., 1992а. Две концепции финального палеолита Приморья // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск.

Табарев А.В., 1992б. Кремневая пластика и проблемы декоративного освоения пород и минералов в каменном веке // Арсентьевские чтения. Уссурийск.

Табарев А.В., 1993. Образ тигра в палеоглиптике и истоки его культа в таежной зоне Дальнего Востока // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. II. С.-Пб.

Феденева И.Н., 1992. Диагностика позднеплейстоценовых палеоэкологических условий по гумусу почв и отложений. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск.

Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. (Докл. междунар. симпоз.), 1990. Новосибирск.

Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки (Докл. междунар. симпоз.), 1992. Новосибирск.

Черский А.В., Чичагов О.А., Зенин А.Н., Лаухин С.А., 1992. Радиоуглеродное датирование палеолитического памятника Усть-Каракол 2 (по материалам раскопок 1989 г.) // Палеоэкология и расселение человека в Северной Азии и Америке. Красноярск.

Шуньков М.В., 1990. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. Новосибирск.

Шуньков М.В., 1992. Мустьерские индустрии Центрального Алтая // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. (Докл. междунар. симпоз.). Новосибирск.

Шуньков М.В., Николаев С.В., Кривошапкин А.И., 1993. Позднепалеолитическая стоянка Тюмечин-4 в Горном Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. Барнаул.

Chronostratigraphy of the paleolithic in North, Central, East Asia and America. (Paper for the International symposium), 1990. Novosibirsk.

Derevianko A.P., 1988. New archaeologic descoveries in the North and Central Asia and problems of early man's migration // Middle and Late Pleistocene man and human environment in vast Asia. Senday.

Derev'anko A.P., 1990. Paleolithic of North Asia and the problem of ancient migrations. Novosibirsk.

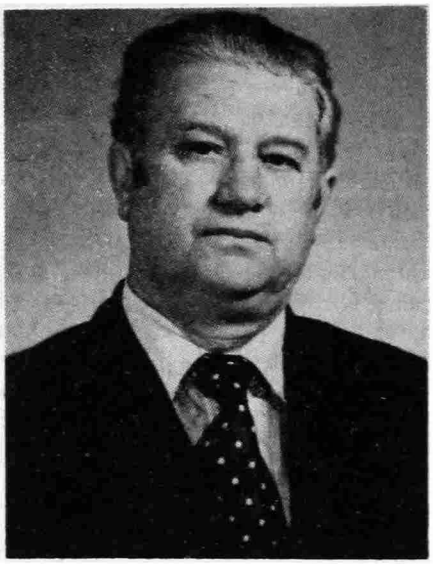
Derev'anko A.P., 1992. Paleolithic of the South of the Russian Rar East // Hanguo shangee shixuebao di 9 hao bieshua. № 3.

Tabarev A.V., 1993. Preceramic Industries of the Maritime Region // Journal of Korean Ancient Historical Society. № 14.

Volkov P., 1991. The distribution the artifacts of the experimental work-shop // Journal of Korean Ancient Historical Society. № 12.

Volkov P., 1994. Function and working Standard of important Artifact during the Late paleolithic // Journal of Korean Ancient Society Seoul. № 1.

Институт археологии и этнографии
СО РАН, Новосибирск



ПАМЯТИ ДЖАББАРА АСАДУЛЛА ОГЛЫ ХАЛИЛОВА (1928–1994)

Археологическая наука понесла тяжелую утрату – 29 марта 1994 г. после продолжительной болезни скончался один из видных археологов-кавказоведов, заведующий отделом полевых исследований Института археологии и этнографии Академии наук Азербайджана, доктор исторических наук, профессор Халилов Джаббар Асадулла оглы.

Д.А. Халилов родился 9 мая 1928 г. в с. Худжбала Кубинского р-на Азербайджана. После окончания Кубинского педагогического техникума он поступил на исторический факультет Азербайджанского государственного университета. Будучи студентом, заведовал лабораторией в Музее истории Азербайджана и принимал участие в археологических экспедициях, в частности в раскопках средневекового городища Орен-Кала (Байлакан), проведенных совместно Институтом истории АН АзССР и Институтом Археологии АН СССР под руководством А.А. Иессена и А.Л. Якобсона.

Д.А. Халилов принадлежал к третьему поколению археологов Азербайджана. Он получил квалификацию археолога в Москве, в ИИМК (ныне Институт археологии РАН), под руководством известного российского ученого-кавказоведа, лауреата Ленинской премии профессора Е.И. Крупнова. Его кандидатская диссертация, подготовленная в ИА АН СССР и успешно защищенная в 1955 г., была посвящена исследованию памятников западного Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. В 1959 г. она была издана в Баку в виде отдельной монографии. И сразу же стало ясно, что появился молодой и перспективный исследователь древней истории и культуры Азербайджана и Кавказа.

После окончания аспирантуры Д.А. Халилов почти 40 лет, до конца своей жизни, проработал в Институте истории АН Азербайджана, из которого в 1993 г. выделился в отдельное учреждение Институт археологии в этнографии. Он был здесь младшим и затем старшим научным сотрудником, а с 1968 г. бессменно возглавлял отдел полевых исследований. Д.А. Халилов внес огромный вклад в систему научной организации полевых археологических работ в Азербайджане. Ему же принадлежит большая заслуга в создании в Академии наук Азербайджана архива для хранения отчетов и полевой документации археологических экспедиций.

Чрезвычайно активной была полевая деятельность Д.А. Халилова. Он был руководителем и участником многих экспедиций (Шемахинская, Гянджа-Карабахская, Куба-Хачмасская и др.), открывших и исследовавших значительное число новых и ценных археологических памятников. Среди них, например, такой известный ныне комплекс, как поселение эпохи поздней бронзы и раннего железа Сарытепе, нашедшее отражение в нескольких публикациях, в том числе написанной в соавторстве с И.Г. Наримановым сводной работе (См.: Раскопки на холме Сарытепе, 1956 // Материальная культура Азербайджана. Т. IV. Баку, 1962. С. 6–67).

Особо следует отметить результаты, полученные экспедициями Д.А. Халилова в северо-восточном Азербайджане, территории, представлявшей до его работ белое пятно на археологической карте Закавказья. Здесь было открыто более 200 разновременных памятников, от III тыс. до н.э. до XVIII в. н.э. Ряд этих памятников был подвергнут стационарным раскопкам, в особенности средневековое городище Шабран.

Но поистине значителен тот вклад, который внес Д.А. Халилов в изучение культуры древней Кавказской Албании. С 1958 по 1975 г. руководимая им Шемахинская экспедиция провела широкое

обследование историко-археологических комплексов в Ширванской зоне. Наиболее результативными оказались раскопки античного и раннесредневекового городища у г. Шемахи. Это остатки одного из городов Кавказской Албании, упоминаемого Клавдием Птоломеем (II в. н.э.) под названием Самехия (Камехия).

Итогом его многолетних и целенаправленных работ стало крупное монографическое исследование "Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.)", защищенное в 1974 г. в качестве докторской диссертации и опубликованное в Баку в 1985 г. Кстати, в том же году в Москве в серии "Археология СССР" был издан том "Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии", в котором весь раздел о Кавказской Албании написан Д.А. Халиловым. Он же является одним из авторов большой вводной части к кавказской половине тома. Много сил и времени Джабар Халилов отдал подготовке отдельных глав и редактированию "Античной археологии Азербайджана", представляющей собой один из выпусков многотомной археологии Азербайджана, подготавливаемой ныне к изданию.

Трудно переоценить вклад Д.А. Халилова в развитие албанистики и в целом в изучение археологии, древней и средневековой истории и культуры Азербайджана. Он является автором более 150 научных работ, изданных как в Баку, так и в Москве и других городах СНГ и дальнего зарубежья.

Наряду с большой научной и научно-организационной деятельностью Джаббар Асадулла оглы занимался и педагогической работой. Он преподавал в Азербайджанском государственном университете. Более 10 его учеников защитили кандидатские, а некоторые уже и докторские диссертации.

Д.А. Халилов был не только крупным ученым, но и замечательным человеком. Прекрасный семьянин, он воспитал трех детей, один из которых – сын – пошел по стопам отца и продолжает его дело. Его всегда отличала честность и принципиальность вместе с удивительной добротой и отзывчивостью к людям.

Светлая память о Джаббаре Халилове, истинном ученом, благородном человеке и близком друге, навсегда сохранится в наших сердцах.

Т.А. Бунятов, Р.М. Мунчаев, И.Г. Нариманов

ПАМЯТИ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ ГОРЮНОВОЙ
(1902–1995)

1 октября 1995 г. умерла Екатерина Ивановна Горюнова – один из старейших археологов России.

Е.И. Горюнова родилась 1 ноября 1902 г. в Москве в семье инженера-механика, работавшего на железной дороге. Конец XIX – начало XX в. были периодом, когда в России стремительно строились железные дороги и инженеры-путейцы пользовались огромным уважением в обществе. Благодаря их самоотверженному труду, надежные дороги связывали удаленные друг от друга районы бескрайней страны, и это накладывало отпечаток на всю их жизнь, где главными качествами были чувство долга, высокий профессионализм, инициатива и принципиальность. Именно в семье Е.И. Горюнова приобрела эти черты характера, которые были присущи ей в продолжение всей жизни. Среднее образование она получила в Петрограде и Тамбове, где закончила школу в 1918 г., после чего сразу поступила на работу секретарем-делопроизводителем в Комитет государственных сооружений Тамбовского губернского Совета народного хозяйства. В 1920 г. она была привлечена к работе по ликвидации неграмотности среди взрослого населения в деревне и по окончании работы получила благодарность.

В 1920 г. Е.И. Горюнова переехала в Москву и поступила в 1-й Государственный университет, где два года училась на биологическом отделении, специализируясь по ботанике, а в 1922 г. перешла в Антропологический институт, который закончила в 1927 г. по специальности "палеоантропология и археология". Одновременно с учебой в университете она работала в Государственных мастерских наглядных пособий Наркомпроса, а с 1923 г. – младшим научным сотрудником в Центральном музее народоведения (впоследствии Музей народов СССР), где занималась сначала культурой народов Севера, а с 1925 г. – этнографией и археологией народов Поволжья, в связи с чем работала в Марийской автономной области, а с 1926 г. в Мордовии. В 1936 г. она поступила в Институт истории материальной культуры (теперь Институт археологии РАН), где проработала до 1963 г., когда ушла на пенсию. Начиная с 1923 г. Е.И. Горюнова работала в экспедициях, проводя раскопки на территории Среднего Поволжья. Из других полевых исследований надо отметить ее работы на трассе II очереди строительства Московского метро.

Е.И. Горюнова является одним из крупнейших специалистов в области финно-угорской археологии. Темы ее работ разнообразны, но в основном посвящены раннему и развитому средневековью. Надо отметить, что даже в статьях, посвященных результатам исследования конкретных памятников, она часто касалась общих вопросов. Большое внимание она уделяла изучению памятников дьяковской культуры и ее этнической интерпретации. Она никогда не уходила от спорных вопросов истории и археологии и принципиально вела полемику. В этой связи нельзя не упомянуть ее спор с П.Н. Третьяковым по вопросу этнического определения Березняковского городища, что способствовало правильному решению проблемы. Много было ею сделано по истории городов северо-восточной Руси и по проблеме формирования современного населения среднего Поволжья.

Среди научного наследия Е.И. Горюновой особое место занимает фундаментальный труд "Этническая история Волго-Окского междуречья" (МИА. 1961. № 94), в котором были обобщены результаты ее работ. Эта книга, опубликованная в 1961 г., сохранила свое научное значение до настоящего времени, и последующие исследования во многих случаях подтвердили ее правоту. Последний раз Е.И. Горюнова выступила перед коллегами в августе 1970 г. на третьем международном конгрессе финно-угроведов, проходившем в

Таллинне. Интересно отметить, что в своем докладе она высказала мысль, что ранняя дата дьяковской культуры может быть удревлена. Последние исследования блестяще подтвердили ее предположение.

В 1940 г. Е.И. Горюнова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а в 1962 г. за монографию "Этническая история Волго-Окского междуречья" ей была присуждена ученая степень доктора исторических наук. За многолетнюю безупречную работу она была награждена орденом "Знак почета", а за работу в период Великой Отечественной войны медалями "За оборону Москвы" и "За доблестный труд в период Великой Отечественной войны".

В памяти товарищей она останется как ученый-труженик, внесший огромный вклад в изучение прошлого финно-угорских народов.

К.А. Смирнов

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Е.И. ГОРЮНОВОЙ

1. Языки мира, 1928 // Антроплогический журнал, № 1–4.
2. Materiaux pouz la caracteristique des necropoles Maryennes (Tcheremisses), 1929 // Eurasia Septentrionalis antiqua. T. 4. Helsinki.
3. Вичмарский могильник, 1934 // ПИДО. № 9, 10.
4. Мари-Луговской могильник и селище, 1934 // ПИДО. № 9, 10.
5. Исследование археологических памятников в пределах Звенигородского района Марийской автономной области, 1934 // Журнал Марийской автономной области, № 5, 6.
6. Археологические разведки на территории горного правобережья Волги в пределах Марийской АССР. 1937 // СА. № IV.
7. Сретенская и Кугунурская курганные группы, 1937 // СА. № IV.
8. Шайбулакский и Аксаркинский могильник, 1937 // СА. № III.
9. О мордовском "феодализме", 1940 // КСИИМК. № 8 (в соавторстве с Гольмстен В.В.)
10. Раскопки Теньгушевского и Нароватовского городищ в 1939 г., 1940 // КСИИМК. № 5.
11. К истории ткачества у мордвы. По археологическим материалам 1941 // Запись Мордов. науч.-исслед. ин-та при СНК МАССР). 3. История и археология. Саранск.
12. Поселения, жилища мордвы XIV–XVI вв, 1941 // Записки Мордов. науч.-исслед. ин-та при СНК МАССР). 3. История и археология. Саранск.
13. Теньгушевское городище. Результаты археологических исследований 1939 г. 1947 // Записки Научно-исслед. ин-та при Совете Министров Мордов. АССР). 9. История и археология. Саранск.
14. Итоги работ археологического надзора на строительстве II очереди Московского метрополитена им. Л.М. Кагановича, 1947. // МИА. № 7.
15. Селище Полянки, 1947 // КСИИМК. Вып. 15.
16. Селище Полянки, 1947 // Рефераты науч.-исслед. работ за 1945 г. (АН СССР–ОИФ). М.; Л.
17. Сарлейский могильник, 1948 // Археологический сборник, 1. Саранск.
18. Ефаевский могильник, 1948. // Археологический сборник, 1. Саранск.
19. Коринский могильник (по коллекциям, хранящимся в Гос. ист. музее). 1948 // Археологический сборник, 1. Саранск.
20. Погибловский могильник, 1948 // Археологический сборник, 1. Саранск.
21. Муромская экспедиция. 1947 (Раскопки Тумовского селища), 1949 // КСИИМК, вып. 27.
22. К вопросу об "остеологической статистике", 1950 // КСИИМК. Вып. 35.
23. Городище Торфель. Краткая информация о раскопках 1937 г., 1950 // КСИИМК. Вып. 31.
24. Итоги работ Муромской экспедиции, 1950. // КСИИМК. Вып. 33.
25. К вопросу о племенной принадлежности летописной мери. 1952 // КСИЭ. Вып. 17.
26. Муромский могильник (к истории города Мурома), 1953 // КСИИМК. Вып. 52.
27. К вопросу о культурных и этнических связях населения верхнего Поволжья и западного Приуралья в I тысячелетии нашей эры, 1954 // Ученые записки Мар. ИЯЛИ. Вып. 6.
28. Мерянский могильник на Рыбинском море // КСИИМК. Вып. 54.
29. К истории городов северо-восточной Руси, 1955 // КСИИМК, Вып. 59.
30. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища, 1956 // КСИИМК. Вып. 65.
31. Работы среднерусской экспедиции в 1957 г., 1960 // КСИИМК. Вып. 79 (в соавтор. с А.В. Никитиным, В.В. Седовым, А.Л. Монгайтом, П.А. Раппопортом).
32. Этническая история Волго-Окского междуречья, 1961 // МИА. № 94.
33. Второй Харитоновский могильник, 1962 // КСИА, Вып. 87.
34. Развитие жилища у мордвы, 1963. // ТИЭ. Т. 86.
35. Меря и мари, 1967 // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.
36. К вопросу о так называемой "дьяковской" культуре, 1970 // Тез. докл. III Международного конгресса финно-угроведов. Вып. 2. Таллин.

ПАМЯТИ ВИТАЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА ЛЕНЬКОВА (1938–1995)

Умер Виталий Дмитриевич Леньков (7.10.1938–16.08.1995) – заведующий сектором археологии средневековых государств Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

В 1956 г. во Владивостоке в третий раз за свою историю открылся Дальневосточный государственный университет: открытый в 1918 г., он дважды – в 1929 и 1939 – закрывался властями. В.Д. Леньков был в числе первых студентов-историков набора 1956 г. С 1958 г. он неизменный участник работ Дальневосточной археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова: ему и его сверстникам адресовано посвящение "Дальневосточному государственному университету" на книге А.П. Окладникова "Далекое прошлое Приморья", открывшей в 1959 г. ряд современных монографий по археологии российского Дальнего Востока.

Проучительствовав после окончания ДВГУ три года в школе таежной Самарки, В.Д. Леньков с 1964 г. работал как археолог в Дальневосточном филиале АН СССР – ныне ДВО РАН, где прошел путь от лаборанта до заведующего сектором. Занимал он и более высокие административные должности. В 1971 г. в Новосибирске им защищена кандидатская диссертация "Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища)", изданная отдельной книгой в Новосибирске в 1974 г. 30 лет В.Д. Леньков руководил отрядами, раскопавшими ряд средневековых чжурчжэньских городищ в Приморье: Шайгинское, Лазовское, Екатерининское, Скалистое, Плахотнюки. Прекрасный полевик-организатор, он в трудных условиях объединял людей, сплачивал их и обеспечивал высокую эффективность работ. Прирожденный педагог, В.Д. Леньков благотворно повлиял на судьбы сотен "трудных" подростков, прошедших через его отряды. С 1967 г. имя В.Д. Ленькова – на титульных листах отчетов Полевому комитету. Он неизменный участник раскопок ряда бохайских памятников: Новогордеевского поселения, Краскинского городища, храмов Копытинского, Корсаковского. В 1994 г. отряд, в котором он участвовал в раскопках печи по обжигу черепицы, попал в зону катастрофического наводнения и на всю страну был объявлен погибшим, но вышел из трудной ситуации без потерь – таких эпизодов в жизни В.Д. Ленькова было немало. Большой, сильный добродушный человек, он всегда воплощал надежность, уверенность, готовность помочь. Кто-то заметил: никогда не проезжал мимо голосующего на дороге человека.

Как исследователь В.Д. Леньков первым на Дальнем Востоке занялся изучением металлургии и металлообработки черных и цветных металлов, этой теме посвящены более половины из сотни его опубликованных работ. Раскопки печей и горнов на Шайгинском, Лазовском, Скалистом городищах, литейных мастерских на Новогордеевском поселении, обогатительного производства на Скалистом, шахт под Ярославской, создание лабораторной базы, немалый собственный опыт слесаря и кузнеца – все это послужило исследованию ремесел – от горного дела до оружейных и ювелирных мастерских. Пионерные эти работы вообще были первыми в дальневосточной археологии узконаправленными исследованиями в рамках системного метода.

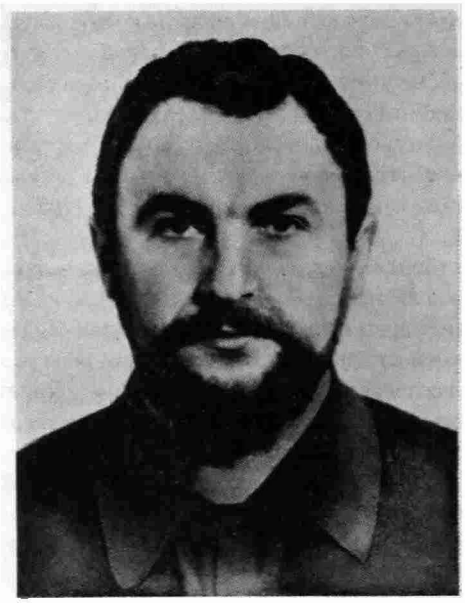
Много труда вложил В.Д. Леньков в создание учебников и обобщающих исторических работ: он соавтор и редактор "Истории Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века" (1989 г.), ряда вузовских и школьных учебников, изданных во Владивостоке, один из авторов коллективной монографии "Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России" (1994 г.).

В 1981 г. В.Д. Леньков возглавил экспедицию на о. Беринга, где им был раскопан лагерь экипажа пакетбота "Святой Петр", подняты из-под наносов песка пушки с корабля Витуса Беринга. В книге "Командорский лагерь экспедиции Беринга" (1988, с соавт.) В.Д. Леньков не только опубликовал бесценные для истории источники, но и отстаивал правомерность археологии поздних памятников.

Почти все основные работы В.Д. Ленькова переведены и изданы на китайском, японском, английском, датском языках.

Замечательным и, увы, ныне все более редким свойством В.Д. Ленькова была щедрая доброта: готов был отдать все, помогал всем, везде и во всем. Ответная неблагодарность тяжело его ранила и, вероятно, ускорила столь ранний безвременный уход. Был он из тех, на ком земля и любая профессия держится: надежный, сильный, красивый человек.

Д.Л. Бродянский, В.Е. Медведев, В.А. Хорев



ПАМЯТИ ЮРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ДЕСЯТЧИКОВА
(1940–1995)

5 августа 1995 г. после тяжелой болезни скончался Юрий Михайлович Десятчиков, известный археолог-антиковед, научный сотрудник Института археологии РАН. От нас ушел мужественный человек яркого таланта и открытой бескорыстной души.

Юрий Михайлович Десятчиков родился 21 сентября 1940 г. в Москве. Раннее детство его прошло в Омске, в тяжелейших условиях эвакуации. Уже в школьные годы проявились особый интерес и любовь Юрия Михайловича к истории. Сразу после окончания московской средней школы в 1958 г. он поступил на исторический факультет МГУ. Здесь на кафедре археологии он занимался в семинарах замечательных ученых – В.Д. Блаватского и Б.Н. Гракова. Их преданность науке, огромная эрудиция, широта взглядов в значительной степени определили направление исследований Ю.М. Десятчикова. Основной темой его опубликованных работ, многочисленных докладов и выступлений на различных конференциях и семинарах стала проблема взаимоотношений античной цивилизации и кочевого мира степей Евразии.

С 1960 г. Ю.М. Десятчиков постоянно принимал участие в работе Таманской археологической экспедиции Института археологии, возглавлявшейся Н.И. Сокольским, где прошел прекрасную школу полевой античной археологии, Н.И. Сокольский впоследствии руководил и подготовкой его кандидатской диссертации. После смерти своего учителя Ю.М. Десятчиков стал его преемником в руководстве Таманской экспедицией.

По окончании университета в 1964 г. Ю.М. Десятчиков пришел на работу в Государственный исторический музей, а в 1970 г. поступил в аспирантуру Института археологии. Опыт работы в музее пригодился Юрию Михайловичу в дальнейшем – при сотрудничестве с различными организациями в деле пропаганды исторических знаний, особенно среди молодежи, и при участии в движении за спасение памятников Краснодарского края.

Окончив аспирантуру, Ю.М. Десятчиков успешно защитил диссертацию "Процесс сарматизации Боспора" и стал сотрудником Института археологии, где проработал до конца своих дней.

Публикация большинства работ Юрия Михайловича приходится на 1970-е годы. Для них характерно сочетание пристального внимания к исходному материалу с яркостью, нетривиальностью исследовательской мысли. Для статьи о катафрактариях на Боспоре он обследовал практически все лапидарии европейской части СССР, сфотографировал и зарисовал большую часть известных в то время стел с изображением всадников, предложив на этой основе концепцию развития тяжелого конского снаряжения (Появление катафрактариев на Боспоре // Сб. докладов на IX и X Всесоюзных студенческих конференциях. М., 1968; Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 1972. № 4).

Работы Ю.М. Десятчикова отличает стремление к интерпретации обширного археологического материала на основе его сопоставления с данными античных источников, глубокое знание и оригинальное осмысление которых во многом определяло ход его научного поиска (Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977; Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. № 4). Статья "Сатархи" (ВДИ, 1973, № 1) по своей научной емкости представляет по сути развернутую программу большой монографической работы.

Пристальное внимание к проблеме взаимоотношений иранского мира с античной цивилизацией привело Ю.М. Десятчикова к участию в раскопках на территории Средней Азии и Афганистана. В Афганистане и настиг Юрия Михайловича тяжелый, малоизвестный науке недуг. Борьба с болезнью отнимала много сил, и в 80-е годы число публикуемых им работ резко сократилось. Но он продолжал активно работать: именно на это время приходится большинство его выступлений с докладами в Институте археологии, на конференциях и семинарах, что нашло частичное отражение в опубликованных тезисах. Его широкая эрудиция и самобытность суждений проявились и в значительном числе рецензий и отзывов на кандидатские и докторские диссертации коллег.

В центре внимания Ю.М. Десятчикова в первую очередь была история Северного Причерноморья античной эпохи. Однако природная любознательность нередко влекла исследователя далеко за рамки этого периода истории региона. В последнее время он много сил отдал изысканиям о Приазовской Руси. Большой интерес вызвало у научной общественности его отождествление столицы россов с Голубицким городищем на Тамани, первые археологические исследования которого были им же проведены. Привлекали Ю.М. Десятчикова и проблемы раннего христанства. Он принял участие в конгрессе, посвященном 1000-летию Крещения Руси (Ленинград, 1988), и подготовил к публикации статью "О христианстве на Боспоре". Неизменен был его интерес к истории казачества. Любопытна работа Ю.М. Десятчикова, посвященная траволечению в античной медицине. Работая последние годы жизни в отделе теории и методики ИА РАН, он раскрылся и как глубокий знаток всегда привлекавших его теоретических проблем истории варварского мира и раннегосударственных образований. Его последняя, законченная в 1995 г. работа – "К. Маркс и Ф. Энгельс о переходном периоде между первобытнообщинным и классовым обществом (некоторые аспекты)" – вызвала оживленную дискуссию и получила доброжелательный отзыв ряда ведущих специалистов института. Диапазон научных интересов Ю.М. Десятчикова был удивительно широк.

Человек большой душевной щедрости, Юрий Михайлович часто делился мыслями и наблюдениями с коллегами, и во многих их работах можно найти благодарные ссылки на устные сообщения Ю.М. Десятчикова. Очевидная неординарность личности привлекала к нему тех, кому довелось с ним общаться. Глубокое душевное благородство лежало в основе его человеческого обаяния.

Юрий Михайлович навечно останется в нашей признательной памяти.

Друзья и коллеги

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

Технический редактор *Глинкина Л.И.*

Сдано в набор 17.01.96 Подписано к печати 21.02.96 Формат бумаги 70 × 100 1/16
Офсетная печать. Усл. печ. л. 20,8 Усл. кр.-отт. 30,0 тыс. Уч.-изд. л. 24,5 Бум. л. 8,0
Тираж 1427 экз. Зак. 3783

Московская типография № 2 РАН, Москва, 121099, Шубинский пер., 6

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия. М.
АИБ – Археология и история Боспора. Симферополь
АРГ – Акты Русского государства
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ИАН – Известия Академии наук
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
Изв. АН ТССР СОН – Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии. М.
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России
МАК – Материалы по археологии Кавказа. М.
МАР – Материалы по археологии России. СПб. – Пг.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии
МХЭ – Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
НС – Нумизматический сборник
НЭ – Нумизматика и эпиграфика
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников. М.
СО АН СССР – Сибирское отделение Академии наук СССР
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
Тр. МАО – Труды Московского археологического общества
ТСАРАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ХС – Хресонесский сборник
ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив
Art Cav. – L'Art des cavernes, Atlas des grottes ornées paléolithiques françaises. Paris, 1984
BAR – British Archaeological Report
Besançon – Epipaléolithique et Mésolithique entre Ardenne et Massif alpin. Table ronde de Besançon, 26 et 27 avril 1988, 1989.
B.S.P.F. – Bulletin de la Société prehistorique Française. Paris
Chasse – Colloque international "La chasse dans la Préhistorire", Treignes, Belgique, 1990
F.T.Gl.E. – La fin des temps glaciaires et Europe. Paris, C.N.R.S., 1979
G.P. – Gallia-Préhistoire. Paris, C.N.R.S.
JHS – Jornal of Hellenic Studies
Loire-Oder – De la Loire à L'Oder. Les civilisations du Paléolithique final dans le Nord-Ouest européen. Actes du colloque de Liège. 1985. Oxford, BAR
Magd. Eur. – Le Magdalénien en Europe, Actes du Colloque de Mayence 1987, Liège, E.R.A.U.L., 1989
Mesol. Eur. III – The Mesolithic in Europe, Bonsall Ed., Univ. Edinburg, 1989
Mesol. Eur. IV – Contributions to the Mesolithic in Europe, Vermeersch Ed., Leuven, 1990.
NC – Numismatic Chronicle, L.
Peupl. Magd. – Le peuplement magdalénien. Paléogéographie physique et humaine. Paris, C.T.H.S., 1992
RE – Pauly – Wissowa – Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart